ВЫСШЕЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

Современный русский язык

Под редакцией П. А. Леканта

Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Филология»

Издание четвертое, стереотипное

ДРОФА

МОСКВА
2007

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-923
С56

**П. А. Лекант, Е. И. Диброва,
Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков**

Рецензенты:

кафедра современного русского языка Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина (зав. кафедрой д-р филол. наук *Л. А. Сергиевская*);

д-р филол. наук *Т. С. Монина* (Орехово-Зуевский педагогический институт)

С56 **Современный** русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др. ; под ред. П. А. Леканта. — 4-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2007. — 557, [3] с.

ISBN 978-5-358-01658-3

В учебнике представлены все разделы современного русского языка (лексика, фразеология, лексикография, фонетика, орфоэпия, графика, орфография, морфемика, словообразование, морфология, синтаксис). Вместе со «Сборником упражнений по современному русскому языку» коллектива авторов под редакцией П. А. Леканта учебник составляет учебный комплекс, предназначенный для студентов филологических специальностей педагогических институтов.

Книга дает целостное представление о современном освещении всех уровней литературного русского языка. Цель учебника — подготовить студентов-филологов — будущих преподавателей к осмыслению и изложению школьного курса русского языка.

**УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-923**

ISBN 978-5-358-01658-3

© ООО «Дрофа», 2000

Введение

Курс современного русского литературного языка призван раскрыть богатство, красоту и величие русского национального языка, укрепить и сделать более осознанной патриотическую гордость за него и любовь к нему. Русский язык — язык великого русского народа, имеющего героическую историю, выдающиеся достижения в общественной мысли, науке, культуре, литературе и т. д. Во всех этих достижениях — большой вклад русского языка как средства общения, как формы национальной культуры. Величие русского языка и величие русского народа неотделимы. Прекрасно сказал об этом И. С. Тургенев, назвавший русский язык «великим, могучим, правдивым и свободным»: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»[1]

Русский язык никогда не страдал замкнутостью, пуризмом. Он всегда взаимодействовал не только с родственными славянскими языками, в языковую семью которых он входит, но и с иными языками. Русский язык обогащался прежде всего за счет собственных средств, но также использовал элементы других языков, в то же время он и сам влиял на развитие многих языков.

Русский язык — язык межнационального общения народов России. Двуязычие — владение родным и русским языками — это бесспорный лингвистический и общественный факт. Являясь языком русской нации, имеющей великую культуру, русский язык способствует взаимному обогащению нацио-

[1] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.: Соч. М., 1967. Т. 13. С. 198.

нальных культур, научному обмену, распространению оперативной информации, деловым связям и т. д.

Русский язык — один из мировых языков, один из наиболее развитых и совершенных. Авторитет его очень высок.

Русский язык активно функционирует в современном мире. Он является одним из официальных, рабочих языков ООН и ряда других международных организаций. В различных странах миллионы людей владеют русским языком или изучают его. Интерес к русскому языку в зарубежных странах постоянно растет. Совершенствуются методики преподавания русского языка как иностранного, растет спрос на научную и художественную литературу на русском языке.

Русский язык является предметом нескольких лингвистических дисциплин, изучающих его историю и современное состояние, диалектный состав, стилистическую систему и т. д. Курс «Современный русский литературный язык» содержит научную характеристику русского литературного языка на *современном* этапе его развития. Началом этого этапа принято считать время творчества А. С. Пушкина. Великий русский поэт не только упорядочил художественные средства русского национального языка, но и существенно обогатил его лексико-семантические, грамматические и стилистические ресурсы. Впоследствии развитие и совершенствование норм русского языка продолжалось как в творчестве крупнейших русских писателей, публицистов, так и во всей многообразной деятельности русского народа, русского общества.

XIX век можно считать первым периодом развития современного русского языка. С конца XIX в. до нынешнего времени — второй период, который характеризуется вполне сложившимися, закрепившимися, совершенными языковыми нормами. Таким образом, хронологическими рамками современного русского языка принято считать почти два века. Это не удивительно. Язык принадлежит к числу очень устойчивых явлений, и понятие современности его не может определяться годами, даже десятилетиями.

Русский язык в его современном состоянии включает в себя элементы как общенациональные, так и территориально

ограниченные (диалектные), социально обусловленные (профессиональные), функционально замкнутые (жаргонные). Основой современного русского языка является литературный язык, система норм которого считается общеобязательной, закрепленной. В эту систему входят частные нормы: произношения, написания, формообразования, словоупотребления и др.

Литературные нормы осознаются не только как обязательные, но и как правильные, образцовые. Они объективно закреплены в языке и реализуются в речевой практике: говорящий и пишущий должны их соблюдать. Без обязательности норм литературный язык не может существовать и успешно выполнять коммуникативную функцию. Необходимость норм вполне оправдывает те усилия, которые затрачиваются обществом в целом и каждым человеком в отдельности на их усвоение. Протестовать против норм только потому, что ими нелегко овладеть, наивно и вредно. Так, в дискуссии об усовершенствовании правописания неоднократно высказывалось предложение писать слова «как слышишь», «как произносишь». Такая «норма» сделала бы почти невозможным письменное общение (достаточно почитать безграмотный текст, чтобы убедиться, насколько труднее и медленнее он воспринимается, чем текст грамотный). Вместо одного графического (письменного) облика слова рождалось бы бесконечное множество вариантов (попробуйте, например, сосчитать число вариантов написания слова *считанные* по «свободному» принципу).

Нормы литературного языка обеспечивают его устойчивость и преемственность, понятность для разных поколений. «...Суть всякого литературного языка — в его стабильности, в его традиционности», — писал Л. В. Щерба[1].

Обязательность и стабильность литературных норм не отрицают их развития. В русском языке немало вариантов норм, которые сосуществуют, а иногда и конкурируют. Со временем отдельные нормы могут устаревать и даже полностью утрачивать силу. Примером могут служить нормы произношения — старомосковская и новая. Колебание некоторых

---

[1] *Щерба Л. В.* Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 126.

современных правил произношения, видимо, имело место и во времена А. С. Пушкина (ср. его рифмы *обвилась — князь, вознеслись — кипарис*, которые свидетельствуют как о мягком, так и о твердом произнесении возвратных глагольных форм). Сейчас некоторые правила старомосковского произношения можно считать архаичными [например, *учут*(*ат*), *благо* с фрикативным [γ] и др.].

Литературный язык противопоставлен не только явлениям диалектным, профессиональным, жаргонным и др., т. е. ограниченным по количеству говорящих, но и общерусскому просторечию — языковым фактам, стоящим «ниже» литературной нормы.

Литературный язык неоднороден. Он представляет собой систему функциональных стилей. Обычно в литературном языке выделяют общественно-публицистический, научный, официально-деловой стили — как преимущественно книжно-письменные, интеллектуальные (рациональные) в противовес обиходно-разговорному стилю.

В особом отношении к ним находится стиль художественной речи — преимущественно экспрессивный, эмоциональный; он использует элементы всех других языковых стилей как средства изобразительно-выразительные. Таким образом, литературный язык и язык художественной литературы далеко не одно и то же. Язык художественной литературы включает и нелитературные элементы — просторечные, диалектные, профессиональные и др.[1]

Литературные нормы существуют объективно, однако сознательное усвоение их — задача общества. Она решается, прежде всего, школьным преподаванием русского языка как учебного предмета. Вторым важнейшим источником усвоения литературного языка является нормированная общественно-речевая практика: книги, газеты, театр, кино, радио, телевидение и т. д. Нужно отметить и специальную деятельность по внедрению и совершенствованию культуры русской речи: научно-популярную литературу, радио- и телепередачи о русском языке, лекции, беседы и др.

---

[1] Некоторые ученые не включают художественную речь в систему функциональных стилей.

Задачи курса современного русского литературного языка:

1) дать студенту-филологу знание всех основных норм и выработать умение оценивать факты речи применительно к этим нормам;

2) подготовить студента к преподаванию русского языка, ориентировать на решение основных задач школьного курса русского языка;

3) подготовить его к сознательному восприятию и оценке общественно-речевой практики;

4) подготовить его к ведению популяризаторской работы в области культуры русской речи;

5) привить будущему филологу элементарные навыки научной работы в области русского языка.

Содержанием курса современного русского литературного языка является всестороннее изучение слова:

значения и употребление слов (л е к с и к а), а также устойчивых по составу и неделимых по смыслу словесных комплексов (ф р а з е о л о г и я);

звуковой структуры и реального звучания слова (ф о н е т и к а);

правил произношения (о р ф о э п и я);

буквенной передачи звукового состава на письме и правил написания слов (г р а ф и к а и о р ф о г р а ф и я);

структуры слова и правил словопроизводства (м о р ф е м и к а и с л о в о о б р а з о в а н и е);

форм и грамматических категорий слов (м о р ф о л о г и я);

правил соединения слов и построения из них словосочетаний, предложений и более крупных речевых образований (с и н т а к с и с).

Рекомендуемая литература

Ильинская И. С. О богатстве русского языка. М., 1964.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

Лексикология

Лексикология (< гр. *lexikos* — относящийся к слову + *logos* — учение) — раздел языкознания, изучающий словарный состав языка (лексику). Подразделом лексикологии является фразеология (< гр. *phrasis* — выражение + *logos* — учение), где изучаются лексически неделимые, устойчивые сочетания слов — фразеологизмы (*бить баклуши* 'бездельничать', *стреляный воробей* 'опытный человек').

Значения слов и фразеологизмов рассматриваются в семасиологии (< гр. *sēmantikos* — значение + *logos* — учение) — разделе лексикологии, посвященном изучению значений слов и фразеологизмов.

Лексика

Лексика есть особым образом организованная система. Слово и фразеологизм обладают тремя относительно самостоятельными подсистемами: эпидигмáтикой (внутренняя структура значения единицы)[1], парадигмáтикой (связи одинаковых или родственных значений разных единиц) и синтагмáтикой (линейная, или последовательная, сочетаемость единиц в словосочетании либо предложении).

[1] Термин «эпидигматика» используется как именование иерархической семантической производности современного многозначного слова, которая сложилась исторически и образует внутреннюю структуру его значения.

Три подсистемы образуют связанное лексическое множество, которое объединяется смысловыми отношениями каждой из подсистем: эпидигматическими (связями значений многозначного слова), парадигматическими (связями значений разных единиц) и синтагматическими (сочетательными связями различных слов).

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ НОМИНАТИВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Форма и значение слова

Слово является основной номинативной (называющей) и когнитивной (познавательной) единицей языка, которая служит для именования и сообщения о предметах, процессах, свойствах и отношениях. Различительными признаками слова, отграничивающими его от других лингвистических единиц и характеризующими как единицу системы языка, являются:

1) номинативность — название явления действительности и представление его в виде лексического значения;

2) индивидуальность лексического значения — отражение в значении слова определенного явления реальности;

3) материальность — существование слова в звуковой (графической) форме;

4) воспроизводимость — бытие слова в готовом, не создаваемом каждый раз заново виде;

5) структурная цельнооформленность — целостность фонетического и морфологического оформления.

Слово представляет собой структурно-семантическую, двустороннюю единицу языка, обладающую формой (планом выражения) и значением (планом содержания). План выражения именуют также означающим, а план содержания — означаемым.

Форма слова имеет фонетическое (графическое) и морфологическое выражение. В устной речи форма слова (например, *вода*) представлена комплексом звуков ([вʌдá]), в письменной речи — буквами (*вода*). Морфологически слово пред-

ставлено системой форм (словоформ): *вода, воды, воде* и т. д. Морфологическое значение показывает принадлежность слова к определенной части речи, характеризующейся обобщенным морфологическим значением и наличием комплекса морфологических категорий. Слово *вода* как существительное обладает значением предметности, выраженной категориями рода, числа и падежа. Морфологическое значение слова изучается в морфологии, однако морфолого-категориальные характеристики теснейшим образом связаны с семантикой слова и должны учитываться при лексическом анализе (например, *во́ды* — мн. 'минеральные источники').

Слово может иметь варианты. Варианты слова — это закрепленные в языке преобразования формы одного и того же слова, сохраняющие тождество его значения, но различающиеся орфоэпически, фонематически и морфологически. Следовательно, варьирование слова включает:

1) орфоэпические (произносительные) варианты (*о́бух — обу́х, де́вичий — деви́чий, издалёка — издалека́, кру́жится — кружи́тся*);

2) фонематические варианты, различающиеся составом фонем (*матрас — матрац, бриллиантовый — брильянтовый*);

3) морфологические варианты, обладающие категориальными и формальными различиями (*клавиш — клавиша* — м. и ж. р.; *запасный — запасной* — окончания *-ый, -ой*).

Итак, лексическое значение — это отражение явления действительности (предмета: *книга, лодка*; процесса: *читать, бежать*; свойства предмета или процесса: *белый, чистый*; *бело, чисто*; отношения: *на, около*; *и, но*; *вот* и т. д.) в форме понятия, обыденного и/или научного, представленного полнознаменательными либо служебными словами. Обобщающее, лексико-грамматическое определение значения слова включает и лексические, и грамматические характеристики — это «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка»[1].

---

[1] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 169.

Основными аспектами рассмотрения значения слова в современной лингвистике являются: а) значение как отражение внеязыковой действительности (семиологический аспект); б) значение как смысловое содержание (структурно-семантический аспект); в) значение как отражение функционально-стилевой принадлежности слова (функционально-стилевой аспект).

При семиологическом рассмотрении значение слова анализируется как отражение явления объективного мира мышлением человека в слове-понятии. Слово — это знак, замещающий явление объективного мира. В этом случае выделяются две стороны значения слова: денотат и сигнификат. Денотат (денотативное значение) обозначает типизированное представление о серийном или уникальном предмете и показывает предметную соотнесенность слова. Денотат характеризует класс однородных предметов (в широком смысле этого слова: *стол, вода, собака*), процессов (*спать, ходить, купаться*), свойств (*хороший, красный*) и т. д. и охватывает объем понятия, называемого словом.

Сигнификат (сигнификативное значение) показывает существенные признаки данного предмета, составляя содержание понятия. Например, у слова *стол* денотатом является представление о конкретных однородных предметах — 'вид мебели'. Сигнификат представляет свойства данного класса предметов: '(вид мебели) в виде широкой горизонтальной доски на опорах, ножках'.

Структурно-семантический аспект представляет слово как единицу номинации в ее внутренней семантической производности (эпидигматике) и соотношениях парадигматических (сопоставительных) и синтагматических (линейно-сочетательных) с другими словами и фразеологизмами[1].

В лексическом значении слова закрепляются типичные и отличительные признаки явления действительности, которые реализуют человеческое понимание и истолкование. Лексическое значение может включать:

1) обыденное понятие — общепринятая в национальном языке бытовая форма знания, сложившаяся в процессе практической и культурной деятельности людей и рас-

---

[1] О функционально-стилевом аспекте описания см. ниже.

крывающая функциональные потребности человека: *вода* ‘прозрачная, бесцветная, без запаха жидкость для приготовления пищи, утоления жажды и мытья’;

2) научное понятие — форма знания определенной отрасли науки, закрепившая наиболее общие и существенные признаки явления и представляющая способ его абстрактного осмысления: *вода* ‘*хим.* соединение двух атомов водорода и атома кислорода (H_2O)’;

3) коннотации (дополнительные сознания), заключающие в себе содержательные и стилистические (экспрессивные, эмоциональные, оценочные) компоненты значения, являющиеся национально-культурными компонентами семантики слова: *вода* ‘стихийная жидкость...’ (см. «Толковый словарь...» В. И. Даля), *водичка*. Коннотации обычно содержатся и в семантике устойчивых сочетаний слов: *как с гуся вода* ‘текучесть’; *вилами по воде писано* ‘невозможность’;

4) смысловые потенции слова — компоненты значения, проявляющиеся в контексте: *Источник жизни в пустыне — **вода*** (Пришв.) — ‘существование организма’.

Лексическое значение состоит из ядра (обыденного и/или научного понятия) и периферии (коннотаций и потенций): *вода* ‘[(прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера и моря), (химическое соединение водорода с кислородом)]’. В лексикографической (словарной) дефиниции (определении) объединены компоненты обыденного и научного понятий.

Надо различать лексическое значение и лексикографическое определение. Лексикографическое определение по своей семантике у́же лексического значения: в словарях может не регистрироваться «целевое» назначение явления, составляющее сущностную часть обыденного понятия; обычно не фиксируются содержательные и оценочные коннотации; научные понятия описываются, как правило, не в терминах своей науки и др. Ср. объем, содержание, компоненты бытового и научного понятий в названиях цветов: *фиалка* ‘[(травянистое растение) (с фиолетовыми или желтыми, белыми цветками)]’; *роза* ‘[(кустарниковое растение семейства розоцветных) (с красивыми крупными душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам такой цветок)]’.

Слово входит в три подсистемы (эпидигматику, парадигматику и синтагматику), каждая из которых обладает своими связями

Эпидигматические, парадигматические и синтагматические связи взаимно обусловлены и определяют лексико-семантическую и синтаксическую позиции слова. Так, эпидигматически прямое значение слова *вода* 'прозрачная **бесцветная** жидкость' обусловливает его переносное значение — '**пустые**, бессодержательные фразы'; связь значений проявляется через общие компоненты: **бесцветная** '**лишенная** цвета' и **пустые** '**лишенные** содержания, выразительности'.

Парадигматически слово *вода* в прямом значении входит в лексико-семантическую группу слов с общим значением 'напиток': *вода, сок, сиро, квас* и т. д. В переносном значении образуется иная группа: *вода, пустословие, болтология.*

Проследим синтагматические связи значений слова *вода* — прямого: *речная вода, пить воду* и переносного: *не сочинение, а вода*; *лить воду* 'пустословить'.

Таким образом, лексико-семантическая и синтаксическая позиция каждого из значений слова обнаруживает интегральные (общие) и дифференциальные (различительные) признаки в эпидигматике, парадигматике и синтагматике.

Структура значения слова

Слово имеет форму (план выражения, или означающее) и значение (план содержания, или означаемое). Форма слова — звуковая (в устной речи), графическая (на письме) — является материальным знаком выражения лексического и грамматического значений: *берёза* 'лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями', сущ., ж. р., ед. ч., им. п.

У однозначного (моносемичного) слова форма и значение слова одинарно соотнесены. У многозначного (полисемичного) слова одна форма соотносится с несколькими значениями, или лексико-семантическими вариантами (ЛСВ): *соль* '1) белое кристаллическое вещество с острым вкусом; 2) приправа к пище' и т. д.

Лексическое значение слова называют семемой, когда членят его на отдельные компоненты значения — семы.

С е м а — минимальный компонент семемы слова. Совокупность сем в их внутренней иерархической организации образует с е м а н т и ч е с к у ю с т р у к т у р у слова. В учебных целях удобнее использовать методику лексикографического семного анализа слова, когда каждое слово дефиниции представляется как отдельная, самостоятельная сема: *соль* — 'вещество', 'белое', 'кристаллическое', 'с вкусом', 'острым'.

Существуют два набора семного членения: п о л н ы й, состоящий из сем лексического и грамматического значений, и ч а с т и ч н ы й, содержащий лишь семы лексического значения.

В полный набор включаются следующие типы сем:

1) к л а с с е м а — общекатегориальная сема лексико-грамматического значения, характеризующая принадлежность слова к определенной части речи (предметность, признаковость, процессуальность и др.);

2) л е к с о г р а м м е м а — лексико-грамматическая сема, обозначающая: а) лексико-грамматический разряд существительных (конкретность, вещественность, собирательность, абстрактность; у конкретных существительных — одушевленность/неодушевленность и лицо/не лицо); б) лексико-грамматический разряд прилагательных (качественность, относительность, притяжательность); в) лексико-грамматическую категорию глагола (аспектуальность, залог) и др.;

3) г и п е р с е м а (архисема, родовая сема), обозначающая класс объектов (растение, цвет, глаголы движения и др.);

4) г и п о с е м ы (видовые семы), являющиеся семами конкретного характера, которые обозначают дифференциальные признаки предмета, действия и др. и различают объекты одного и того же класса[1];

5) к о н н о т а т и в н ы е с е м ы, выражающие дополнительные содержательные и стилистические (оценочные, эмоциональные и экспрессивные) значения, например: *вода* 'пустота', 'бессодержательность' (негативное, неодобрительное);

6) п о т е н ц и а л ь н ы е (вероятностные) с е м ы, проявляющиеся в конкретном тексте: *Даша сказала, что завидует*

---

[1] Например, слова *стакан* (1), *кружка* (2) и *бокал* (3) при гиперсеме 'сосуд' имеют гипосемы: 1) 'стеклянный', 'цилиндрический', 'без ручки'; 2) 'цилиндрический', 'с ручкой'; 3) 'цилиндрический', 'с ножкой'.

Ивану Ильичу — есть своё дело, уверенность в жизни... а она — женщина (А. Т.), где потенциальными семами в слове *женщина* являются: 'зависимость', 'слабость', 'неуверенность'.

Семы могут быть эксплицитными (выраженными в лексикографической дефиниции слова) и имплицитными (невыраженными): *высокий* 'очень хороший' — *книга высокого качества* (позитивное, одобрительное, эксплицитное) и *греметь* 'издавать громкие звуки' — *греметь стульями* (негативное, неодобрительное, имплицитное).

Типы лексического значения слова

Тип лексического значения слова определяется аспектом его рассмотрения: 1) каким образом именуется явление действительности; 2) не мотивировано или мотивировано слово в назывании (номинации) своего значения; 3) как функционирует слово в языке — свободно или ограничено оно в своей сочетаемости (синтагматике). Соответственно распределяются градации в классификации, при этом каждая градация представлена оппозицией признаков — их наличием/отсутствием.

Различаются три типа лексического значения слова:

1) тип номинативности значения: прямое (прямо-номинативное) и переносное (косвенно-номинативное);

2) тип мотивированности значения: немотивированное (первичное) и мотивированное (вторичное);

3) тип синтагматичности (сочетаемости) значения: свободное и связанное значения (среди связанных значений выделяются конструктивно ограниченное, синтаксически обусловленное и фразеологически связанное)[1].

1. Прямое (прямо-номинативное) значение слова непосредственно указывает на предмет, признак, процесс и др. и выступает в качестве его основной номинации в современный период развития языка: *хлеб* 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'.

---

[1] Типология лексической сочетаемости значений предложена в статье В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слов» (*Виноградов В. В.* Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977).

Переносное (косвенно-номинативное) значение слова обусловлено функционально-ассоциативными связями, объединяющими один предмет, признак, процесс и т. д. с другим: *хлеб* 'пищевой продукт из муки в виде крупного выпеченного изделия'. Для переносного значения мотивирующим может быть не только прямое, но и переносное значение: *хлеб* 'то же, что *пропитание*' — переносное значение по отношению к значению 'пищевой продукт, выпекаемый из муки', но, в свою очередь, оно является исходным значением для другого переносного значения: *хлеб* 'средства к существованию, заработок'.

2. Немотивированное (первичное) значение слова является генетически непроизводным для современного русского языка. Мотивированное (вторичное) значение слова производно в смысловом и/или словообразовательном отношении. Мотивированные слова обладают внутренней формой: они сохраняют семы мотивирующего значения в мотивированном. Так, слово *хлеб* в двух значениях имеет общую семную часть: 'пищевой', 'продукт', 'из муки', 'выпекаемый/выпеченный'.

3. Свободное значение слова обладает относительно широкой синтагматикой (сочетаемостью). Отношения между словами в этом случае определяются реальными связями явлений действительности. Существительное *хлеб* имеет широкий круг сочетаемости: *свежий, чёрствый, белый, чёрный, ржаной, пеклеванный, пшеничный, горчичный* и т. д. Но свобода сочетаемости слова ограничена внутренними, семантическими причинами: в самом значении слова содержится «ограничитель» связей. В общенародном употреблении невозможно сочетание *умный/глупый хлеб*, потому что прилагательные *умный* и *глупый* содержат в своем значении скрытую сему 'лицо (человек)'.

Связанное значение слова реализуется в определенной семантико-синтаксической позиции, раскрывающей смысловую завершенность слова.

Синтаксически обусловленное значение слова проявляется лишь в синтаксической позиции сказуемого, обращения или определений разных типов. В. В. Виноградов считал, что «функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значения тем, что синтаксические свойства слова как члена предло-

жения здесь как бы включены в его семантическую характеристику»[1]. Например, *шляпа* 'вялый, безынициативный человек, растяпа' (*Он настоящая шляпа*; *Шляпа! куда идёшь?*; *Он, шляпа, ни с чем не справится*) или *шёлковый* 'послушный' (употребляется в этом значении только в составном именном сказуемом: *Он будет у меня шёлковый*).

Конструктивно ограниченное значение слова реализуется в объединениях слов с подчинительной связью (управление, согласование или примыкание), где семантическая законченность одного слова восполняется лишь в сочетании с другим: *слышать* кого-что 'различать, воспринимать что-л. слухом' (*слышать голоса спорящих*); *мешок* '*спец.* вместилище в теле животного, в растении' (*защёчный мешок, зародышевый мешок*); *зелёный* 'неопытный по молодости' (*зелёный юнец, зелёная молодёжь*).

Синкретичная сочетаемость объединяет синтаксически обусловленное и конструктивно ограниченное значения: *здоров* — кр. ф. в знач. сказ., с неопр. ф. гл. и на что 'ловок делать что-л., искусен' (*здоров плясать, здоров на выдумки*).

Фразеологически связанное значение не может обозначать предметы, свойства, процессы самостоятельно. Оно именует их только в сочетании с другими словами, которые выступают как опорные компоненты: ***закадычный*** ('очень близкий') *друг*; ***кромешная*** ('беспросветная') *тьма* (*темнота*); *страх* (*ужас, тоска, злость, зависть, смех, раздумье, охота*) ***берёт*** ('охватывает, целиком наполняет').

Структура значения многозначного слова

Семантическая структура многозначного (полисемичного) слова может быть представлена как совокупность значений, или лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Многозначность образуется при переносе названия одного предмета, признака или процесса на другой на основе ассоциативной общности каких-либо свойств. Так, глагол *назвать* 'дать словесное обозначение, именование кому-чему-л.' (*назвали девочку Ирой*) обладает двумя переносными значениями:

---

[1] *Виноградов В. В.* Избр. труды: Лексикология и лексикография. С. 184.

КФ ГОУВПО «ЧелГУ

'раскрыть словами содержание чего-л., охарактеризовать' (*назвать милой*) и 'словесно сообщить, назвав кого-что-л.' (*назвать победителя*).

Различают два основных типа переноса значения в слове — метафору и метонимию.

Метафора — перенос имени на основании сходства внешних или внутренних свойств предметов, признаков, процессов. В построении метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный объекты, соотнесенные друг с другом, и свойства каждого из них. Например, значение метафоры *поле* (*деятельности*) возникло на основе представления о *поле* как обширном пространстве (пригодном или подготовленном к посеву) и представления о *деятельности* как работе (в определенной области, пригодной для «посева»).

Метафора — наиболее распространенное средство образования новых значений; бóльшая часть наших обыденных понятий по своей сути метафорична: *звезда эстрады*, *соль разговора* и др.

В метафоре наблюдается сложность отношений прообраза и образа. Метафорические прообразы прихотливы и чаще всего являются имплицитными (скрытыми). На семном уровне это выглядит как переход гипосемы (часто коннотативной) из мотивирующего значения в гипосему или гиперсему мотивированного. В слове *лиса* 'хищное млекопитающее семейства собачьих с длинным пушистым хвостом' имеется скрытая коннотативная сема 'хитрость' (по народной традиции именно это качество приписывается лисе). Второе значение этого слова — 'хитрец, льстивый человек' — возникло на основе коннотативного созначения и включает его как гиперсему в новое значение слова.

Различают номинативные, когнитивные и образные метафоры. Номинативной является метафора, утратившая образность и служащая прямым именованием: ***белок глаза***, ***журавль колодца***. Когнитивная (от лат. *cognito* — думаю) метафора — мыслительное отражение реальной или приписываемой общности свойств: *горсть* '*перен.* о людях: незначительное, очень малое число'; *вертеться* '*перен.* постоянно находиться в мыслях...'[1]. Образная метафора возникает

[1] Помета «перен.» в толковых словарях русского языка, как правило, указывает на метафоричность значения.

как ассоциация человеческого чувства (зрения, слуха, обоняния и др.) с объектами реального мира, человеческого (антропоморфного) осмысления органического/неорганического мира. Обладая двумя семантическими планами — образом и прообразом, эта метафора имеет экспрессивно-эмоциональное значение: *жемчуг* (*зубов*) ‘*перен.* о белизне и яркости зубов’; *крик* (*души*) ‘невольное и сильное выражение сокровенных чувств, мыслей’; *пахнет* (*ссорой*) ‘чувствуется, ощущается что-л. ожидаемое’; *крест* ‘страдания, испытания’; *обострить* ‘сделать более напряженным’.

Разновидности метафорических значений основаны на типе сходства предметов, признаков, процессов. К ним относятся:

1) форма: *голова* ‘пищевой продукт в форме шара, конуса’;

2) проявление ощущения, восприятия, впечатления: *колючий* ‘язвительный, насмешливо-злой’;

3) мера явления: *глубина* ‘сила, степень проявления чего-л.’;

4) способ действия: *глотать* ‘принимать что-л. молча, скрывать свою обиду’;

5) результат действия: *глохнуть* ‘дичать, зарастать сорняком’;

6) функция: *молот* ‘механизм ударного действия для обработки металла давлением’ и т. д.

Метафоры бывают языковые и художественные (индивидуальные). Языковая метафора отражает социальный опыт, имеет системный характер употребления, воспроизводима и анонимна (***зелёный юнец, бархат южного неба***). Художественная метафора индивидуальна, невоспроизводима в языке, имеет автора и выполняет образные эстетические функции: олицетворения (антропонима): ***Улыбнулись сонные берёзки*** (Ес.); сравнения: ***Золотые ладьи облаков*** (Бл.); загадки: ***Всходит месяц обнажённый при лазоревой луне*** (Бр.).

Метонимия — перенос имени одного предмета, признака, процесса на другой по их смежности (сопредельности). Соотношения по смежности имеют разновидности:

1) материал — изделие (*золото* ‘драгоценный металл желтого цвета’ → ‘монеты или изделия из этого металла’);

2) действие — цель действия (*нажечь* ‘наготовить пережиганием, а также сжечь в каком-л. количестве’ → ‘накалить, повредить жаром’);

3) процесс — результат (*литьё* ‘процесс изготовления жидкого металла’ → ‘литые металлические изделия’);

4) процесс — место (*зимовка* ‘проживание где-л. зимой’ → ‘место, помещение, где зимуют’);

5) признак — вещь (*белизна* ‘яркий, чистый цвет чего-л.’ → ‘именование стирального порошка’);

6) причина — следствие (*нажать* ‘давя, притиснуть, надавить’ → ‘выжать в каком-л. количестве’);

7) смежность во времени (*зимовать* ‘проводить где-л. зиму, оставаться где-л. на зиму’ → ‘выдерживать, переносить зимние холода’);

8) смежность в пространстве (*окно* ‘отверстие в стене здания для света и воздуха’ → ‘просвет в облаках’; ‘промежуток между занятиями’);

9) вместилище — содержимое (*аудитория* ‘помещение для чтения лекций’ → ‘слушатели лекции, доклада и т. п.’).

С и н е к д о х а — перенос значения слова, посредством которого целое выявляется через свою часть. Выделяются две разновидности синекдохи:

1) расширение значения (*бас* ‘самый низкий мужской голос’ → ‘певец с таким голосом’);

2) сужение значения (*соболь* ‘хищный зверек семейства куньих’ → ‘мех этого зверька’).

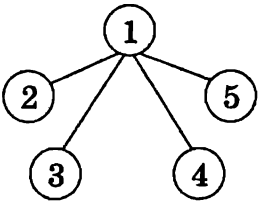
Метонимия используется в произведениях литературы как художественный прием характеризации человека, предмета и др. через его отдельное свойство: *Почему, **болтушка**, сейчас молчишь?* (Аст.); внешность: *Стой за тем **усатиком*** (Шукш.); принадлежность одежды: ***Синие брюки** уже давно ушли* (Гран.); части тела: ***Туловище** шло само* (Д. Х.); деятельность: *Мы приветствуем первые **лыжи** страны* (Газ.).

Семантическая структура многозначного слова отражает различный характер соединения ЛСВ с основным, прямо-номинативным ЛСВ и друг с другом. По характеру соединения различаются:

1) р а д и а л ь н а я полисемия, при которой все частные значения зависят от прямо-номинативного значения и мотивируются им:

стрелка — 1) ‘тонкая и узкая, вращающаяся на оси пластинка, служащая указателем в различных измерительных приборах, часах и т. п.’; 2) ‘знак в виде черты, от конца которого под острым углом отходят две короткие черточки (→)’; 3) ‘то же, что *стрела* (стебель травянистого рас-

тения)'; 4) 'узкий и длинный выступ суши; коса'; 5) 'устройство на рельсовых путях для перевода подвижного состава с одного пути на другой';

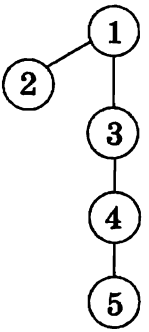


2) цепочечная полисемия, когда каждое последующее частное значение мотивируется предшествующим:

сообразить — 1) 'сопоставить в уме, взвесить'; 2) 'понять, догадаться о смысле чего-л.'; 3) '*прост.* сделать, устроить что-л.';

3) радиально-цепочечная полисемия, совмещающая оба типа связей:

зелёный — 1) 'цвета травы, листвы'; 2) '*разг.* о цвете лица: бледный, землистого оттенка'; 3) 'относящийся к растительности, состоящий, сделанный из зелени'; 4) 'о плодах: недозрелый'; 5) перен. '*разг.* неопытный по молодости'.



В семантической структуре многозначного слова могут быть следующие виды семной связи лексико-семантических вариантов (ЛСВ): а) гиперо-гипонимическая (родо-видовая),

б) гипо-гиперонимическая (видо-родовая), в) гиперо-гиперонимическая (родо-родовая), г) гипо-гипонимическая (видо-видовая). Вид семной зависимости определяется тем, какого типа семы объединяют по смыслу ЛСВ. Например, в слове *хлеб* первый и второй ЛСВ связаны гиперо-гиперонимической связью, поскольку второй ЛСВ, зависимый от первого, имеет в своей семной структуре ту же самую гиперсему 'продукт' [1) 'пищевой **продукт**, выпекаемый из муки'; 2) 'такой **продукт** в виде крупного выпеченного изделия']; в слове *песня* первый и второй ЛСВ [1) 'стихотворное и музыкальное произведение для **пения**'; 2) 'звуки птичьего **пения**'] связаны гипо-гипонимическими отношениями на основе общей гипосемы 'пения'.

Именование типа семной связи ЛСВ определяется тем, какой вид семы в мотивированном значении зависит от того или иного вида семы мотивирующего значения. Например, между ЛСВ слова *караул* [1) 'воинское подразделение, несущее **охрану** кого-чего-л.'; 2) '**охрана**, обязанности по такой охране'] отмечаются гиперо-гипонимические связи, так как второй ЛСВ, мотивированный первым, имеет гиперсему 'охрана', которая в первом мотивирующем значении является гипосемой.

Способы выражения семной связи ЛСВ могут быть: а) э к с п л и ц и т н ы м и (выраженными), имеющими однокоренные семы в составе связанных по смыслу ЛСВ; б) и м п л и ц и т н ы м и (невыраженными), не имеющими однокоренных сем в семантически объединенных ЛСВ. Например: *земля* — 1) '**планета**'; 2) 'верхний слой коры **планеты**' (эксплицитное); 3) 'используемая территория' (имплицитное).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА

Значения слов (ЛСВ) вступают друг с другом в парадигматические отношения, образуя разного рода лексико-семантические объединения. Парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления слова или ЛСВ на основе сходства и различия в значениях слов. Указанные отношения характеризуют нелинейную (нетекстовую) организацию однородных по смыслу лексических единиц. Парадигмы слов организуются на основе общих (интегральных) семантических признаков и

различаются семантическими дифференциальными признаками, которые противопоставляют друг другу члены парадигмы.

Выделяются шесть типов парадигм: 1) омонимическая, 2) синонимическая, 3) антонимическая, 4) тематическая, 5) гиперо-гипонимическая, 6) лексико-семантическая группа слов.

Понятие парадигматических отношений может быть применено к явлению омонимии, поскольку системность омонимического ряда проявляется в наличии признаков интегральных (план выражения) и дифференциальных (план содержания). Поэтому омонимическая парадигма — явление формально-семантического порядка.

1. О м о н и м и ч е с к а я п а р а д и г м а (ОП) — системная группировка одинаковых по графической форме слов, противопоставленных семантически. Лексическая ОП может быть п о л н о й (все члены парадигмы соотносятся друг с другом при формообразовании) или н е п о л н о й (соотносятся лишь отдельные словоформы). Поэтому различаются омонимы л е к с и ч е с к и е (полные) и л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к и е (неполные).

Для существительных полнота ОП определяется набором словоформ в категориях числа и падежа; для прилагательных — рода, числа и падежа; для глаголов — способностью образования инфинитива, личных форм, причастий и деепричастий (четырех форм) при сохранении видового и залогового значений. Например, к полным омонимам относятся: *ручка*[1] (*стула*) — *ручка*[2] (уменьш.-ласк. к *рука*), имеющие формы как единственного, так и множественного числа; *свет*[1] 'вселенная' — *свет*[2] 'лучистая энергия', имеющие только форму единственного числа. К неполным омонимам относятся: *рак*[1] 'членистоногое' — *рак*[2] 'болезнь', где второй омоним не имеет формы множественного числа; *заставить*[1] 'обставить мебелью' — *заставить*[2] 'принудить', так как второй омоним не обладает причастными страдательными формами.

Помимо лексико-грамматических омонимов, выделяются еще четыре типа неполных омонимов:

1) о м о ф о́ р м ы — слова, совпадающие лишь в отдельных словоформах: *техника* 'совокупность средств труда' — *техника* — форма родительного падежа единственного числа

слова *техник* ‘специалист со средним техническим образованием’ (морфологические омонимы);

2) о м о ф о́ н ы — слова, совпадающие в произношении, но различающиеся орфографически: *плот — плод, волы — валы* (фонетические омонимы);

3) о м о́ г р а ф ы — слова, совпадающие в написании, но различающиеся в произношении: *ви́ски — виски́, стои́т — сто́ит* (графические омонимы);

4) с и н т а к с и ч е с к и е о м о н и м ы — слова, омонимичные по морфологической форме, но различающиеся синтаксической ролью: *редакции* (им. п., мн. ч.) *отвечают — редакции* (дат. п., ед. ч.) *отвечают.*

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п омонимов определяется производностью/непроизводностью слова: *мир*[1] и *мир*[2] — непроизводные омонимы, состоящие из корня; *наметать*[1] и *наметать*[2] — производные омонимы, включающие в свой состав лексико-грамматические аффиксы.

Среди с п о с о б о в о б р а з о в а н и я омонимов выделяются:

1) семантический — распад многозначного слова (*свет*[1] ‘вселенная’ — *свет*[2] ‘лучистая энергия’);

2) словообразовательный — образование производных слов с новыми значениями (*завод*[1] ‘промышленное предприятие’ — *завод*[2] ‘действие по значению глагола *заводить*’);

3) формообразовательный — совпадение словоформ грамматических парадигм [*наметать*[1] (несов.) — *наметать*[2] (сов.); *шотландка*[1] ‘женск. к *шотландец*’ — *шотландка*[2] ‘ткань в клетку’ (только ед. ч.)];

4) фонетический — звуковое (графическое) совпадение в результате заимствования или исторических изменений в звуковом составе слова [*лава*[1] (ит.) ‘вулканическая масса’ — *лава*[2] (<польск.) ‘вид конного строя при атаке’ — *лава*[3] *‘обл.* мостик через реку’; *лук*[1] (<общесл. *лоукъ*) ‘огородное растение’ — *лук*[2] (<герм.) ‘оружие для метания стрел’].

Отграничение полисемии от омонимии вызывает в ряде случаев затруднения, особенно тогда, когда омонимы возникают в результате распада полисемии. Существуют семантический, словообразовательный и синтагматический (сочетательный) критерии разграничения омонимии и полисемии. Семантический критерий связан с подбором к каждому из

омонимов одинаковых или близких по значению слов (*грохот*^{1} ‘шум’ — *грохот*^{2} ‘решето’). Словообразовательный критерий заключается в подборе к каждому из омонимов словообразовательного гнезда (*грохот*^{1} — *грохотать, грохнуть, грохотанье*; *грохот*^{2} — *грохотить* ‘пропускать через грохот’, *грохочение*). Синтагматический критерий раскрывает различные сочетательные связи омонимов (*грохот*^{1} — *страшный, близкий, металла, по крыше* и др.; *грохот*^{2} — *большой, для просеивания, для зерна, с деревянной основой* и др.).

Моносемия, полисемия и омонимия используются художниками слова в экспрессивно-деятельностных функциях. Замысел произведения реализуется в лексических повторах, актуализации коннотативных и потенциальных сем, текстового приращения смысла слов и изменения их значения из-за особенностей сочетаемости. Например, глагол перемещения *ехать* в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» используется при повторах в одном и том же значении ‘отправляться куда-л.’: *Ольга Ивановна... в первом часу... **ехала** к своей портнихе... От портнихи... обыкновенно **ехала** к какой-нибудь знакомой актрисе... От актрисы нужно было **ехать** в мастерскую художника... После обеда... **ехала** к знакомым, потом в театр или на концерт... Так каждый день.* Но глагол *ехать* передает в тексте регулярную повторяемость жизни героини, и коннотации текста — ‘беззаботность’, ‘праздность’, ‘легкость’, ‘бесцельность’, согласуясь с названием рассказа, раскрывают образ героини.

Полисемия слова создает в тексте систему художественных средств для выражения экспрессивно-эмоциональных оценок. Например: *Розог не бойтеся, дети! Знайте — учёным игривым прутья ужасные эти названы жизни **мотивом**... Вы улыбайтесь сквозь слёзы, молвите — это **мотивы*** (Мин.) — в первом случае *мотив* означает ‘побудительная причина к хорошей учебе’, во втором — ‘доводы в пользу наказания’. ЛСВ слова *мотив* использованы в саркастически-иронической роли.

Омонимия также создает текстовую языковую игру с широким спектром значений: *Защитник вольности и **прав** в сем случае совсем не **прав*** (П.) — каламбур; *Когда Господь занялся **отделением** зерна от плевел, глас надменный **стих**, и пережил вольнолюбивый **стих** того, кто ведал*

Третьим отделением (Козл.) — ирония; *Вечно властен, вечно молод, в странах Сумрака и Льда, петь заставил вещий молот, залил блеском города* (Бр.) — ритм торжественности и т. д.

2. Синонимическая парадигма (СП), по сравнению с омонимической, явление иного порядка. Интегральным признаком в ней является эквивалентность (тождественность) или близость значений синонимов, т. е. семантический признак. Дифференциальные признаки — это различия в звучании (написании) слов, в значениях и функционально-стилевом и стилистическом употреблении. В СП (по традиции — синонимический ряд) выделяется доминанта — слово обычно прямо-номинативного значения, с обобщающим и нейтральным значением. В словаре синонимов доминанта определяет общее толкование словарной статьи и является семантической точкой отсчета для других членов парадигмы. Значение каждого синонима сопоставляется со значением доминанты. Семная структура синонимов и их типы также определяются по отношению к доминанте. Интегральные семы (интегральный признак СП) также вычленяются путем сопоставления со значением доминанты. Например, в СП *развесистый, раскидистый, разлапистый* и *разлапый* интегральными семами являются 'раскинувшийся', 'широко' (лексическое значение доминанты — слова *развесистый*), которые имеют семные соответствия в членах парадигмы.

Дифференциальные семы в СП представлены тремя типами:

1) семы содержательного характера (гипосемы слова *разлапый* — 'похожий', 'на лапы');

2) стилистические коннотативные семы (эмоционального и экспрессивного характера) — бранное, ироническое, ласкательное, неодобрительное и т. д. (*разлапистый*, неодобр.);

3) семы, характеризующие стилевую принадлежность синонима (*разлапый*, разг.-прост.).

Набор дифференциальных сем определяет разновидности синонимов:

1) идеографическим (семантическим) называется синоним, содержащий по отношению к доминанте различительные содержательные семы: *разлапый* — идеографический синоним слова *развесистый*;

2) с т и л и с т и ч е с к и м называется синоним, обладающий эмоциональными и экспрессивными коннотациями (*гулять*; *фланировать*, пренебр.-ирон.);

3) с т и л е в ы м называется синоним, принадлежащий к определенному стилю речи (*понять*; *раскусить*, разг.; *раскумекать*, прост.). В отдельных случаях и доминанта обладает стилевой пометой.

Возможны с и н к р е т и ч н ы е (совмещенные) типы синонимов: идеографо-стилевой, стилево-стилистический и др.: *лёгкий, немудрёный* (идеографо-стилевой), *плёвый* (идеографо-стилистический).

Структурный тип синонима определяется его словообразовательным составом:

1) о д н о к о р н е в ы е синонимы принадлежат к одному словообразовательному гнезду (*хватать, ухватывать, схватывать*);

2) р а з н о к о р н е в ы е синонимы обладают различными корнями (*прозвище, кличка*).

Стилистическое назначение синонимов определяется при текстовом анализе: выясняется их функция в произведении, устанавливается значение синонима в словаре и тексте для выявления текстового приращения смысла (если оно имеется), определяется его оценка (позитив/негатив) и др. Синонимы выполняют смысло-, стиле- и стилистически-различительную роль. Например: *И скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа... Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу* (Ч.) — здесь в синонимической паре *толпа — сборище* второй член в значении ‘собрание людей, толпа’ имеет стилистическую помету «неодобр.» и стилевую «разг.», что «снижает» его значение в тексте и служит выражением отрицательной оценки; *Это был лёгкий, приятный труд* (Ч.) — уточняя доминанту *лёгкий* (*труд*), синоним *приятный* ‘доставляющий удовольствие’ создает общую стилистическую текстовую тональность ‘эмоциональное, радостное’; *Внутри дома комнаты были заполнены заурядной, нехитрой мебелью* (Т.) — здесь *нехитрая* (*мебель*) выступает как пояснение к синониму *заурядная* ‘ничем не выделяющаяся’ и получает в значении ‘незамысловатая’ текстовое приращение ‘легкая в исполнении’, что дает негацию (отрицание) качества; *Пустую службу, плёвую и ту не*

заслужил (Н.) — поясняя слово *пустую* (*службу*) ‘неосновательную, несерьезную’, синоним *плёвую* ‘не заслуживающую внимания’ с негативно-эмоциональной оценкой «презр.» усиливает в тексте атрибутивную отрицательную семантику.

3. Антонимическая парадигма (АП) — это объединение слов с противоположными значениями. Специфической особенностью АП является ее парность: она состоит из позитивного и негативного членов.

Дифференциальным признаком антонимии является наличие семы ‘не’, входящей в состав негативного члена. Антоним, содержащий сему ‘не’, включает в свое значение и все содержание позитивного члена (*голодный* ‘испытывающий голод’ — *сытый* ‘не испытывающий голода’; *здороветь* ‘становиться здоровым’ — *болеть* ‘становиться нездоровым, больным’). Сема ‘не’ может содержаться в приставках *не-*, *а-*, *анти-*, *без-*, *против-* и др. (*моральный* — *аморальный*, *радостный* — *безрадостный*), а может быть включена в семантику негативного члена (*похвальба* ‘лестный отзыв’ — *порицание* ‘нелестный отзыв’; *шумный* ‘производящий шум’ — *тихий* ‘бесшумный’).

Интегральные семы содержатся в лексических значениях антонимов. Например: *жизнь* ‘физиологическое существование’ — *смерть* ‘прекращение физиологического существования’; интегральная сема ‘существование’ совпадает в лексико-грамматическом отношении с классемой, так как и сема ‘существование’, и антонимы *жизнь* — *смерть* обозначают ‘предметность’.

Семантические типы антонимов — контрарные и контрадикторные (в иной терминологии — противоположные и противоречащие) — разграничиваются по наличию/отсутствию «среднего» члена. Контрарные антонимы обладают «средним» членом [*любимый* — (*безразличный*) — *ненавистный*]. Контрадикторные антонимы выражают взаимоисключающие явления (*жизнь* — ∅ — *смерть*).

Конверсивные (векторные) антонимы как особый тип антонимов включены в АП на основании противоположной «направленности» их семантики (*входить* ‘идя, начинать находиться где-л.’ — *выходить* ‘идя, переставать находиться где-л.’). Конверсивы обозначают противоположность разнонаправленных действий или признаков. Например: *Я поку-*

паю книгу — ты продаёшь книгу — глаголы-конверсивы выражают двусторонние отношения подлежащно-объектных связей (объект один и тот же, а субъекты, обозначенные подлежащими, — разные). Сами глаголы представляют одно и то же действие в «обратных» отношениях ('приобрести в собственность' — 'передать в собственность').

Структурный тип антонимов определяется их принадлежностью/непринадлежностью к одному и тому же словообразовательному гнезду (*поздно — рано* — разнокорневые антонимы; *порядок — беспорядок* — однокорневые антонимы).

Функции антонимов заключаются в создании антитезы, оксюморона и других антитетичных художественных приемов. Антитеза — это стилистическая парная фигура; она используется в целях экспрессивно-изобразительных, юмористических, иронических, оценочных и др. Антитеза создает контрастность образов, обозначает предел свойства и др.: *Клянусь я **первым** днём творенья, клянусь его **последним** днём...* (Л.) — временны́е пределы клятвы; *Но **пораженья от победы** ты сам не должен отличать* (Паст.) — несовместимые понятия выступают как константы авторского кредо; *Не знаю, жить мне **много** или **мало**, иду я к **свету** иль во **мрак** ночной, — душа тебе быть верной не устала, тебе, тебе одной!* (Бр.) — обе пары антитез используются для утверждения одного из сопоставлений за счет отрицания другого.

Оксю́морон (оксиморон) — это стилистическая фигура, основанная на двух антонимах, которые обозначают взаимоисключающие явления: *Будь **счастлива несчастием** моим* (Л.); *О, если б я **нищ** был! Как **миллиардер**!* (М.)

Стилистическое назначение антонимов устанавливается при текстовом анализе. Определяются функции антонимов, их значения в словаре и тексте, дополнительность текстовой семантики и др. Например: *Кому быть **живым и хвалимым**, кто должен быть **мёртв и хулим**, известно у нас подхалимам влиятельным только одним* (Паст.) — функция характеризации «героев времени»; ***Прошлое** страстно глядится **в грядущее**. Нет настоящего, жалкого — нет* (Бл.) — временны́е координаты в роли конструктивно-смысловой организации текста; *Голова до прелести пуста, оттого что сердце — слишком **полно**!* (Цв.) — противоположности, характеризующие психическое состояние поэта.

4. Тематическую парадигму (ТП), или тематический ряд, составляют слова, имеющие в своем значении интегральную эксплицитную/имплицитную гиперсему, которая называет понятия одного уровня обобщения. Тематический ряд объединяет те или иные «отрезки действительности». Поскольку в тематические парадигмы организуются названия реальных предметов, а понятийные сферы весьма многочисленны в действительности, то в современном русском языке существует большое количество тематических рядов: глаголы движения, названия частей человеческого тела, названия животных и частей их тела, пища, названия денежных единиц, названия единиц счета и количества и т. д.

Например, глаголы движения объединяются в одну четко структурированную по смыслу группу на основе общей гиперсемы 'передвигаться'. Глаголы *ехать, идти, лететь, плыть, ползти* содержат в своем прямом значении сему 'передвигаться', глаголы *бежать, нестись, гнать* — сему 'двигаться', а глаголы *везти, катить, нести, тащить* — сему 'передвигать'. И лишь два глагола содержат сему 'передвигаться' имплицитно: *вести* 'направлять чье-л. движение' и *лезть* 'карабкаться, взбираться, подниматься'. Гипонимические отличия глаголов движения касаются способа, места и направления передвижения [*ползти* — 'поверхность', 'определенное', 'направление'; *плыть* — 'вода', 'определенное', 'направление' (ср.: *лететь* — 'воздух', 'крылья'; *идти* — 'земля', 'ноги')]. Весь ряд имеет симметричное строение. Ядро группировки составляют глаголы *идти, ехать, лететь, плыть,* которые по отношению к действиям лица обладают четкой противопоставленностью дифференциальных сем: 'суша' — 'не' + 'суша' (*идти, лететь*); 'вспомогательные' + 'средства' — 'не' + 'вспомогательные' + 'средства' (*ехать, плыть*).

В ТП «Пища» интегральная общность создается гиперсемами 'продукт' и 'пищевой'. Гипонимические отличия 'предметы питания' связаны с разновидностью вещества, из которого приготовлена пища, способом ее приготовления, консистенцией, формой (*хлеб* 'выпекаемый из муки пищевой продукт'; *колбаса* 'мясной фарш в округлой, удлиненной оболочке'; *сыр* 'твердая масса из заквашиваемого молока').

5. Гиперо-гипонимическая (родо-видовая) парадигма (ГГП) характеризуется наличием слова — родового понятия и слов — видовых понятий (***цветок***: *тюльпан, ландыш, роза, астра* и др.; ***змея***: *уж, гадюка, медянка, кобра* и др.). Слово с родовым понятием называется гипероним о м, слова с видовыми понятиями — гипонимами. Гипероним выступает в качестве открытой номинации гиперсемы, которая в гипонимах является гипосемой. Например:

(гипероним) ***цветок*** 'у растений: орган размножения с венчиком из лепестков вокруг пестика и тычинок';

(гипонимы) *тюльпан* 'луковичное растение семейства лилейных с крупными яркими **цветками**'; *ландыш* 'травянистое растение семейства лилейных с душистыми мелкими белыми **цветками**...'; *роза* 'кустарниковое растение семейства розоцветных с душистыми **цветками**...'; *астра* 'садовое декоративное растение семейства сложноцветных с крупными **цветками**... обычно без запаха'.

Родо-видовые отношения представлены в составе парадигмы иерархично: *цветок* 'у растений': *тюльпан* 'растение с цветками', *ландыш* 'растение с цветками' и т. д. Возникает внутренняя подчиненность: *растение, цветок, тюльпан* и др. Видовые отношения представлены различиями: вид, семейство, строение цветка, запах, цвет и др. Таким образом, организуется иерархическая структурная «сеть» ГГП. Гиперо-гипонимические отношения являются одними из наиболее частотных парадигматических связей слов, на основе которых структурируется лексика.

6. Лексико-семантической группой (ЛСГ) именуется самая обширная по количеству своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом. Семантический компонент включает в свой состав одну и ту же классему — сему принадлежности слова к определенной части речи и одни и те же лексограммемы — семы, обозначающие лексико-грамматические разряды этой части речи. К ЛСГ относятся, например, существительные, обозначающие 'предметы комнатной обстановки' (*стол, стул, диван, шкаф, посуда, ковёр, холодильник, телевизор*), прилагательные со значением 'физическая характеристика человека' (*высокий, худой, толстый, красивый, старый, неуклюжий*), глаголы «зрительного восприятия» (*смотреть,*

глядеть, созерцать, любоваться, взглядывать, смотреться, высматривать) и т. д.

Главная особенность ЛСГ заключается в том, что ее базовый компонент не представлен одной и той же гиперсемой; обычно он включает несколько различных родовых сем (*диван, стул, кресло* — гиперсема 'мебель для лежания и сидения'; *холодильник, буфет* — гиперсема 'шкаф для хранения пищи, напитков и др.'). В составе ЛСГ может быть несколько тематических, гиперо-гипонимических и синонимических парадигм. Например: 'обстановка квартиры' (базовый компонент): *диван, стол, стулья, кресла, шкаф* (гиперсема 'мебель'); *ковёр, палас, дорожка, гобелен* (гиперсема 'покрытие стен и полов'); *лампа, люстра, бра* (гиперсема 'осветительные приборы') — три тематические парадигмы.

Тематическая, гиперо-гипонимическая парадигма, лексико-семантическая группа слов образуют в художественных текстах лексико стилистические парадигмы, которые, выражая авторскую целеустановку, создают характерные для данного художника сло́ва типовые ситуации. Так, глагол *нашить* с накопительным значением (гипероним в рассказе А. П. Чехова «Приданое») имеет гипонимы: *сшить, сметать* (*платье*), *вышить, покроить*. Предметный мир (ЛСГ) матери и дочери (швей): *корсовые башмаки, герань, мухи, кисейные тряпочки, выкройки, малиновое варенье* и др. Бытовой, эмоционально-смысловой план повествования этого рассказа — *бывание*, одна из доминант творчества А. П. Чехова.

Рассмотрение парадигматических отношений слов показывает, что лексика — это особым образом организованная система. В ней отсутствует единый семантический показатель членения, но она состоит из бо́льших или меньших по объему групп, каждая из которых объединяется на основе интегральных элементов и обладает дифференциальными элементами в каждом из своих членов. Парадигматика структурирует лексику по группам, между которыми нет непроходимых границ, поскольку многие слова, взятые в одних и тех же значениях, являются одновременно членами нескольких парадигм. Например, слово *хлеб* может входить в ТП *хлеб, сахар, пшено*; в ГГП «Пища» (*хлеб, колбаса, сыр*); в ЛСГ с базовым компонентом 'пропитание' (*хлеб, отруби, помидор, пше-*

ница, горох). Парадигматические связи слов обусловлены соотношением общего и частного в лексическом значении, что объединяет слова и отличает их друг от друга.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В словарном составе современного русского языка выделяются два пласта слов по источнику происхождения и времени вхождения слова в язык: лексика исконно русская и заимствованная. К исконно русской лексике относятся слова, восходящие к индоевропейскому, общеславянскому, восточнославянскому, древнерусскому, великорусскому периодам или возникшие в национальном русском языке (*мать, отец, брат, рыба, борода, лебедь, белый, жёлтый, здоровый, злой* и др.).

К заимствованной лексике относятся слова и кальки (буквальный перевод слов и фразеологизмов), пришедшие в русский язык из разных языков при контактировании: *пальто* (<фр.), *футбол* (<англ.), *цинк* (<нем.), *влияние* (калька <фр. *in-flu-ence*), *делать большие глаза* (пословный перевод немецкого фразеологизма *große Augen machen*).

Особый разряд исконно русской лексики составляют собственно русские слова (русизмы), которые появились (и продолжают появляться) после распада древнерусского языка на русский, украинский и белорусский. Это слова, возникшие в языке древнерусской народности, сохранившиеся в языке великорусской народности и образующиеся при формировании национального русского языка (*белка, бурный, кочегар, кошелёк, насупиться, выключатель, энергетика, видеоканал* и др.).

Таким образом, система русской лексики складывалась как закономерная, хронотопическая (последовательная по времени и лингвогеографическому расположению) совокупность эпидигматических и парадигматических объединений. В их составе возникали различные по времени образования группы слов, объединяющихся вокруг опорного семантического компонента.

Генетической парадигмой называется хронологически сложившееся объединение слов, организованное на

основе общих семантических признаков. Термины родства, играющие важную роль в родо-племенных отношениях, имена зверей, рыб, птиц и др., имеющих значение для жизни древнего человека, связаны с наиболее ранними тематическими парадигмами.

Исконно русская лексика

I. Индоевропеизмы (период существования индоевропейского праязыка — 2-е тысячелетие до н. э.).

1. Тематическая парадигма «Родство»[1]: *отец, мать, сын, дочь, мачеха, сноха, свёкор, шурин.*

2. Тематическая парадигма «Животные»: *свинья, мышь, бобр, овца.*

II. Общеславянизмы (период существования — до VI в. н. э.) составляют ядро словарного состава современного русского языка. По своей морфологической структуре это корневые слова (основы слов).

1. Тематическая парадигма «Части человеческого тела»: *борода* (первоначальное значение 'колючая, острая'), *бок* (возможно, родственно исходному значению 'ребро'), *око, палец, плечо* (ср.: *белоплекий, подоплёка*), *сердце* (содержит уменьшительный суффикс *-ко-*) и др.

2. Тематическая парадигма «Животные»: *волк* (первоначальное значение 'растерзывающий'), *ёж* (возможно, табуистическое название 'пожиратель змей'), *конь, лань, ласка* ('любовь, ласка' — как название зверька по мотивам табу), *лось, медведь* ('поедатель меда') и др.

3. Тематическая парадигма «Птицы»: *воробей, ворона, галка* ('черный'), *голубь* (общесл. от названия цвета), *дрозд, дя-*

---

[1] Определения происхождения и значения индоевропеизмов, общеславянизмов и восточнославянизмов (древнерусских слов) берутся из словарей: *Этимологический* словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1990; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993; *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь. М., 1971; *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1893—1903, а также из монографии *О. Н. Трубачева* «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (М., 1959).

тел (‘долбящий’), *лебедь* (ср. лат. *albus* ‘белый’), *орёл, скворец, соловей* (‘желтовато-серый’), *сорока* и др.

4. Тематическая парадигма «Цвет»: *белый, жёлтый, зелёный, русый, серый, синий, чёрный* и др.

5. Тематическая парадигма «Количественный признак»: *высокий, глубокий, короткий, малый* (родственно греческому в значении ‘мелкий скот, овцы’), *тонкий, узкий, широкий* и др.

6. Тематическая парадигма «Чувственные ощущения»: *горький* (связано с *гореть*), *кислый, мокрый* (общесл. < *мокати*), *острый, тёплый* (ср. лат. *Tepula aqua* — название водопровода в Риме), *чёрствый* и др.

7. Тематическая парадигма «Физическое свойство»: *глупый, глухой* (связано с *глохнуть*), *кривой, лысый, толстый, хромой, худой, щедрый* и др.

8. Тематическая парадигма «Физическое состояние»: *здоровый, злой, ярый* [родственно греческому в значении ‘огненный, сильный, несмешанный (о вине)’] и др.

III. Восточнославянизмы и древнерусизмы (период существования — VI—XIV вв.). Восточнославянизмами принято называть слова, появляющиеся в языке восточных славян в VI—IX вв., в период расселения славян в Восточной Европе и взаимодействия их с балтийским и финно-угорским коренным населением. Древнерусизмы как преемники восточнославянизмов ведут свое начало с IX—XIV вв., периода образования древнерусского языка, языка Киевского государства — Древней Руси.

1. Тематическая парадигма «Предметы домашнего обихода»: *бадья, бечёвка* (<*бечева* с помощью суффикса *-к-*), *жаровня* (<*жаровь* ‘пламя, раскаленные угли’), *корзина, коромысло, костыль* (<*кость* с помощью суффикса *-ыль*), *плошка* (*плошки* ‘жировые светильники’), *самовар* (<*сам* и *варить*) и др.

2. Тематическая группа «Пища»: *колобок* (<*колобъ* ‘круглый небольшой хлеб’ с помощью суффикса *-ъкъ*), *корж* (‘вид лепешки, испеченной на сале’), *кулеш* (‘жидкая каша из пшена’, ‘гороховая похлебка с солью’), *пряник* (<*пряный*; др.-русск. прил. *пьпьрянъ* <‘перец’) и др.

3. Тематическая группа «Цвет»: *белобрысый* (от ‘белобровый’), *голубой* (<*голубь* — по синему отливу шейных перьев

голубя), *коричневый* (< *коричный* с помощью суффикса *-ев-*; *коричный* < *корица* с помощью суффикса *-н-*; *корица* 'маленькая корочка' < *кора* с помощью суффикса *-иц-*; *коричневый* 'цвета коры'), *сизый, смуглый* (<*смуга* 'копоть') и др.

IV. Русизмы — слова собственно русской лексики, появившиеся в языке великорусской народности (XIV—XVII вв.) и национальном русском языке (с середины XVII в. по настоящее время). Этот пласт составляет до 90 процентов всех слов, бытующих в современном русском языке. По своему происхождению это:

1) слова исконно русской лексики: *мальчуган* (<общесл. *мал-*), *одолевать* (<общесл. *дол* 'почва, пол'), *дородный* (<общесл. *род-*), *кочегар* (<вост.-сл. *кочерга*), *комкать* (<вост.-сл. *комить* 'сжимать'), *выпуклый* (<вост.-сл. *пук-* → *выпучить*) и др.;

2) слова, включающие заимствованные элементы, но организованные по нормам русского языка: *карточка* (<польск. *karta*), *извратить* (<ст.-сл. *извратити*), *легальный* (<фр. *legal*) и др.

По своей словообразовательной структуре русизмы — производные слова, которые образовались суффиксальным способом: *мальчик, зычный, комкать*; префиксальным: *забулдыга, пригорелый, нахлобучить, настежь*; суффиксально-префиксальным: *перестройка, насупиться, науськивать*; безаффиксным: *дурь, синь, приём*; словосложением: *радиовещание, ракетодром, траншеекопатель*; сложносокращенным способом: *вуз, МХАТ*.

1. Тематическая парадигма «Предметы быта»: *колыбель* (<*колыбать* 'качать' с помощью суффикса *-ель*), *кошелёк* (<общесл. *кош* 'плетеная корзина' → русск. *кошель* → *кошелёк* с суффиксом *-екъ*), *крынка* [<от общесл. *крина* 'кубок, хлебная мера' с помощью суффикса *-к(а)*], *кубышка* ['выпуклый сосуд' <др.-русск. *кубъ* 'сосуд для питья' с помощью суффикса *-ышк(а)*], *кулёк* (<вост.-сл. *куль* 'мешок из рогожи, мешок муки, связка соломы, мера ржаной муки в 10 пудов' с помощью суффикса *-окъ*), *люлька* [возможно, от звукоподражательного *лю-лю* 'припев при укачивании' с помощью суффикса *-к(а)*].

2. Тематическая парадигма «Пища»: *варенье* (<*варить* с помощью суффикса *-ен̨і-*; см. общесл. *варъ* 'кипящая вода; смола;

жар'), *голубцы* (вероятно, от *голубь* с помощью суффикса *-ецъ* по сходству формы с птицей), *кулебяка* ('продолговатый пирог с рыбой, капустой, кашей'; возможно, от *колоб* 'круглый небольшой хлеб'), *лепёшка* [<*лепёка* с помощью суффикса *-к(а)*], *селянка* ('горячая похлебка с мясом, капустой, луком, огурцами' или 'кушанье из яиц с белым хлебом'; <др.-русск. *селянинъ* 'крестьянин'), *щи* (<др.-русск. *шти* 'варево, похлебка; суп, заправленный капустой, щавелем и другой зеленью').

3. Тематическая парадигма «Имена профессий»: *весовщик* (<общесл. *вьсъ* → русск. *весовой* → *весовщик* с суффиксом *-щик*), *гончар* (<др.-русск. *гърньчаръ, горъчаръ*; <др.-русск. *кърньць* 'горшок' с помощью суффикса *-арь-*; общесл. *гърън* 'котел' → *гърньцъ* с суффиксом *-ьць*), *сапожник* (<др.-русск. *сапогъ* с помощью суффикса *-никъ* и чередованием *г//ж*; др.-русск. *сопѣти* с суффиксом *-ѣти*; ср. *сопля, сопель* общесл., первоначально 'трубка, дудка'), *чистильщик* (<русск. *чистить* с помощью суффикса *-льщик*) и др.

4. Тематическая парадигма «Физическое свойство»: *колченогий* ('хромой' <*колча* 'хромой' и *нога*; *колча* <*колтать* 'хромать'), *конопатый* [диал. <*конопи* (мн. ч.) 'конопля' с помощью суффикса *-ат-*], *нерадивый* (<*радивый* 'старательный, усердный' и отрицания *не-*; ср. др.-русск. *радити* 'заботиться'), *осторожный* (<*осторожа* 'осторожность, оглядка' с помощью суффикса *-н-*), *чуткий* (<др.-русск. *чути* 'чувствовать, слышать, понимать').

Каждая из парадигм включает словесные преобразования, унаследованные от предшествующих эпох. Новые слова появлялись как результат не одномоментных и совпадающих по времени фонетических, словообразовательных, морфологических и семантических изменений. Язык отражает прогресс общества, но он, как говорил известный русский лингвист Т. П. Ломтев, может идти в ногу с ним, может отставать от него, соблюдая свое внутреннее лингвистическое время.

Заимствованная лексика

Начиная с древнейших, дописьменных времен через языковые контакты на бытовой, экономической, культурной, политической почве в русский язык входили заимствован-

ные слова. В составе заимствованной лексики выделяют заимствования родственные, славянские и неславянские, иноязычные.

Славянские заимствования

Старославянизмы вошли в русскую речь через язык переводов с греческого языка богослужебных и канонических книг. Древнейший литературный язык, старославянский, использовался на Руси с X в., после принятия ею христианства в 988 г.

Фонетическими признаками старославянизмов являются:

1) неполногласные сочетания ***ра, ла, ре, ле*** между согласными в одной морфеме (вместо русских полногласных сочетаний *оро, оло, ере, еле*): *брань* ‘сражение’ (ср. *оборона*), *власы* (ср. *волосы*), *влачить* (ср. *волочить*), *среда* (ср. *середина*), *млечный* (ср. *молочный*);

2) сочетания ***ра, ла*** в начале слова (вместо русских *ро, ло*): *расти* (ср. *рост*), *равный* (ср. *ровный*), *ладья* (ср. *лодка*);

3) сочетание ***жд*** на месте русского *ж* (<общесл. *dj*): *надежда* (ср. *надёжный*), *нужда* (ср. *нудить*), *рождать* (ср. *рожать*);

4) звук ***щ*** на месте русского *ч* (<общесл. *tj*): *мощь* (ср. *мочь*), *пещера* (ср. *Печора, Печерский*);

5) начальное ***е*** на месте русского *о*: *един* (ср. *один*), *елей* ‘оливковое масло’ (ср. *олива*);

6) начальное ***ю*** на месте русского *у*: *юродивый* (ср. *урод*), *юг* (ср. др.-русск. *угъ*);

7) начальное ***а*** на месте русского *я*: *аз* ‘название буквы старославянского алфавита’, *агнец* (ср. *ягня* ‘ягненок’).

К словообразовательным признакам старославянизмов относятся:

1) приставки: ***воз-*** на месте русской приставки *вз-*: *возводить* (ср. *взводить*), *воспрянуть* (ср. *вспрянуть*); ***со-*** на месте русской *с-*: *собор* (ср. *сбор*), *совет* (ср. *свет*); ***из-/ис-*** на месте русской *вы-*: *изводить* (ср. *выводить*), *истечь* (ср. *вытечь*);

2) суффиксы: ***-знь***: *казнь, жизнь*; ***-есн-***: *словесный, небесный*; ***-тв(а)***: *жатва, жертва, клятва*; ***-ствие(е), -ств(о)***:

царствие, Рождество; *-ын(я)*: *милостыня, святыня*; *-чий*: *кормчий, ловчий*;

3) первые части сложных слов ***благо-, бого-, добро-, жертво-, зло-, суе-***: *благодать*, богородица*, добросердечие, добродетель* и др.[1]

Семантическими признаками старославянизмов являются:

1) принадлежность слова к религиозному культу, предметам церковного обихода: *апостол*, евангелие*, креститель, престол, пророк*, святой* и др.;

2) слова отвлеченной лексики: *беззаконие*, благодеяние*, воскресить, грех, исход* и др.

В современном русском языке старославянизмы выполняют различные семантические, стилевые и стилистические функции:

1) являются словами нейтрального стиля, общеупотребительны и вытеснили однокорневые русские слова: *враг, вред, время, нужда* (ср.: *ворог, веред, веремя, нужа*);

2) существуют параллельно с русскими словами, но разошлись с ними в значениях; ср.: *глава* (*книги, предприятия*) и *голова*; *гражданин* и *горожанин*; *страна* и *сторона*;

3) принадлежат к книжному стилю речи: *возбранять, воспламенять, главенство, претерпеть, праздный, чуждый*;

4) выступают в качестве культовых названий и широко распространены в церковной практике: *благодать, владыка, Царские врата, посвящение, Рождество, священник, храм*;

5) встречаются в специальных текстах (археологических, исторических, медицинских и т. д.) как термины: *вселенная* (астр.), *млекопитающее* (зоол.), *раб* (ист.), *средостение* (мед.);

6) остаются в сфере книжного стиля и обладают стилистической функцией высокого, поэтического, торжественного или воссоздают языковой стиль эпохи (так называемые стилистические славянизмы): *власы, влачить, древо, златоструйный, златолюбие, ланиты, очи, уста.*

В разные исторические периоды в русский язык вошли заимствованные слова из родственных славянских языков. Это поздние (VI—XVIII вв.) и позднейшие (XIX—XX вв.) проник-

---

[1] Звездочкой после слова обозначаются греческие заимствования.

новения. В составе польских заимствований (датируются XVII—XVIII вв.) именования одежды: *бекеша* (<*Бекеш* — венгерский полководец короля Стефана Батория), *кофта*; названия пищевых продуктов: *булка* (<общесл. *byla* 'шишка'), *повидло*; воинские звания: *полковник* и др.

Через польский язык до XVIII в. пришли слова из западноевропейских языков: *барвинок* (< нем. *Bärwinkel* < лат. *pervinca* 'вечнозеленое травянистое растение с голубоватыми и фиолетовыми цветками'), *балясы* (<*balasa* 'точеный столбик для ограды, перил и др.'; <фр. *balustre*, которое восходит к лат. *balustrum*).

Из украинского языка пришли слова *борщ, бублик, гопак, детвора* и др.

Иноязычные заимствования

В зависимости от степени освоения иноязычных слов, их структурно-семантического преобразования и функционирования в принимающем языке выделяются: а) заимствованные слова; б) экзотизмы; в) иноязычные вкрапления (варваризмы).

Полностью заимствованным считается слово, которое ассимилировалось в языке-преемнике графически, фонетически (орфоэпически), семантически, словообразовательно, морфологически и синтаксически.

Степень усвоения слова языком-преемником может быть различной. Например, русское слово имеет различия в графике, орфоэпии и морфологии со словом языка-источника. Ср.: *си́лос* и исп. *sílos* (звук [l] — полумягкий, конечный *-s* — показатель мн. ч.); *тотальный* (прил., м. р., ед. ч., им. п., звук [л'], суффикс прил. *-н-*, окончание *-ый*) и нем. *total* (прил., м. р., ед. ч., им. п., среднеевропейский полумягкий звук [l], нулевое окончание, склонение по четырем падежам).

Перемещение слов из одного языка в другой связано со свойственными каждому периоду лингвосоциальными условиями. Так, в XVII в. слова из иностранных языков воспринимались и записывались на слух. Много опосредованных английских заимствований пришло в русский язык через немецкий и голландский языки. Оглушение конечных согласных, наличие полумягкого [l], свойственные этим языкам, наложили отпечаток на исконные английские слова: *Ливерпуль* (вме-

сто *Ливерпул*), *Лидс* (вместо *Лидз*). Немецкое слово *Halstuch* [γастух], вероятно, под диалектным влиянием изменилось в *галстук*; слово *матрос* заимствовано из голландского языка в конце XVII — начале XVIII в. (первоначально в форме мн. ч. *матрозы*).

В конце XVIII в., в Петровскую эпоху заимствование шло чаще устным путем: *армия* (первоначально *армея* < нем. *armee* < фр. *armee*), *вымпел* (гол. *wimpel* 'знамя, флаг') и др. Голландское слово *haven* [γавен] переоформилось под влиянием русской модели на *-ань* в *гавань* (ср. *пристань*).

В конце XVIII — середине XIX в. преобладают письменные заимствования через частную переписку и художественную литературу, но отмечаются и устные заимствования: *браслет* (фр. *bracelet* 'браслет' — уменьш.-ласк. < *bras* 'рука'), *балет* (фр. *ballet* 'балет' < ит. *balleto* — уменьш. < *ballo* 'бал, танец'), *коньяк* (фр. *Congac* 'название города, где производится этот сорт вина') и др.

Для середины XIX — середины XX в. характерны письменные и устные заимствования через произведения литературы, прессу, науку. Прослеживается тенденция непосредственного вхождения слов: *имидж* (англ.), *митинг* (англ.), *свитер* (англ.); *витраж* (фр.), *гипюр* (фр.), *редис* (фр.) и др.

Широкий поток информации в 80—90-е годы XX в. приводит к образованию новейших тематических парадигм, члены которых графически и фонетически не освоены, сохраняется семантика языка-источника; это банковская терминология: *аудит, брокер, оффшор, фьючерсы*; торговая: *бутик, сейл, чейндж, шоп*; технологическая: *адаптер, пейджер, скрэмблер, файл* и др.

Э к з о т и з м ы — это национальные названия предметов быта, домашней утвари, одежды, обычаев, обрядов того или иного народа, той или иной страны. Признаками экзотической лексики являются отнесенность к национальным реалиям, ее уникальность, отсутствие синонимов в языке-преемнике, высокая степень обусловленности культурой нации.

Тематическая парадигма «Национальная одежда»: *дхоти* 'набедренная повязка в Индии', *дэли* 'монгольская верхняя одежда', *оби* 'японский пояс, завязывающийся бантом назад', *хакама* 'штаны самурая', *пиколь* 'афганская мужская шапочка'.

Лексико-семантическая группа «Мода»: *гранж* ‘сельский стиль’, *от кутюр* ‘высокая мода’, *прет-а-порте* ‘готовая одежда’, *свингер* ‘расклешенное пальто’, *сноптоп* ‘короткая дубленка с особой выделкой меха’, *топ-модель* ‘фотомодель высшего класса’, *фэшен-шоу* ‘представление коллекции моделей’.

Иноязычные вкрапления — это слова, словосочетания и предложения, находящиеся в чужом языковом окружении. Иноязычные вкрапления (варваризмы) не освоены или неполно освоены языком, их принимающим.

Одни вкрапления сохраняют свой иноязычный облик и долгое время воспроизводятся графическими средствами языка-источника: *à propos* (фр.) ‘кстати’, *cui prodest* (лат.) ‘кому выгодно’; другие же постепенно ассимилируются принимаемым языком: *уик-энд* (англ.) ‘конец недели’, *де-факто* (лат.) ‘фактически, на деле’, *де-юре* (лат.) ‘юридически, по праву’ (последние две единицы отражают переходный период их существования — они употребляются и в латинском, и в русском написании); третьи бесследно исчезают: *mote vides* (фр.) ‘слова, лишенные значения’, *mots pleins* (фр.) ‘полнозначные слова’.

Вкрапления выступают нередко в макароническом роли, выполняя в текстах гротесково-шуточную, юмористическую, ироническую и сатирическую функции. Макароническое использование вкраплений характерно для языка прессы 90-х годов XX в. *«Шерше ля бабушка», «Шерше ля юбка»* — юмористическое преобразование французского выражения *chercher la fam* ‘ищите женщину’. Каламбуры создаются при объединении несопоставимого. Например: *За последние годы шоу-бизнес пополнился десятками новых «стар» и «суперстар»...* — словесная игра построена на омонимах: краткой форме прилагательного *старый* и приставки *супер-* (в слове *суперстар* ‘звезда кино, эстрады, театра’).

Особо следует сказать о терминах и терминированных словах, которые пришли в русский язык в разное время. Они состоят обычно из греческих и латинских корней (слов): *атом, алфавит, грамматика, диагноз, кафедра, магнитофон, реагент, телефон* и др. Особенность этих слов в том, что, не имея родины и живого источника заимствования, они принадлежат к интернациональной лексике, выполняющей одну из основных функций иноязычных слов. Новые и новейшие именования (вторая половина XX в.), в отличие от

позднейших (XIX в. — середина XX в.), берутся из мертвых языков — греческого и латинского: *нейроплегики* (мед.), *пситтакоз* (зоол.), *термограф* (техн.), *аудит* (фин.), *адаптер* (инф.), *видеотека* (иск.). Появление международной терминологии — явление прогрессивное: оно отражает успехи человечества в научно-техническом прогрессе и составляет общий фонд названий, облегчающих языковое контактирование народов.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Все социальные (экономические, политические, производственные, общественные, индивидуальные и др.) изменения реализуются лексикой языка. Словарный состав — наиболее открытый и подвижный уровень языковой системы; в него непрерывно входят и из него уходят слова, притом лексических приобретений значительно больше. Для каждого периода развития языка характерна и широко распространенная, и утратившая надобность лексика. Следовательно, по социальной употребительности в данное лингвистическое время в словарном составе можно выделить лексику общенародную и лексику ограниченного употребления.

Общенародная лексика

Основной словарный фонд лексики составляют слова общенародные, которые известны всем говорящим на русском языке независимо от места проживания, образа жизни и характера трудовой деятельности. Это лексика константной социальной ценности: она складывалась в течение веков как совокупность именований, необходимых в жизненной практике русского человека. Это повседневно употребляемые слова, которые генетически складывались в системные группировки — парадигмы «Родство» (*отец, мать, сын, дочь*), «Пища» (*хлеб, мясо, крупа, сахар*), «Движение» (*идти, бежать, плыть*), «Цвет» (*красный, синий, зелёный*), «Количество» (*много, мало, нисколько*) и т. д. Исторически это «рас-

ширяющаяся вселенная» имен, которая пополняется новыми знаниями и потому значениями. (Подробнее см. в разделе «Историческое формирование лексики русского языка».)

Однако не все общенародные слова о б щ е у п о т р е б и т е л ь н ы. Использование слов в каждое лингвистическое время обусловлено социальными факторами: административными (ролевой статус: начальник — подчиненный), производственными (профессиональный статус), физиологическими (пол: мужской — женский), образовательными (ценз: знание — незнание), этикетными (возраст: старший — младший). Таким образом, с о ц и а л и з а ц и я лексики отражает разный характер использования лексических средств в обществе. Так, слово *хлеб* в значении 'семена злаков' употребляется обычно в речи агрономов, работников мукомольной промышленности; *во́ды* 'моря, реки, озера, проливы, входящие в состав данного государства' используется в речи работников морского и речного транспорта, пограничной службы; *Земля* 'планета Солнечной системы' часто встречается в речи астрономов; *моделировать* 'изготовлять модель', *модернизировать* 'делать отвечающим современным требованиям' характерны для речи представителей определенных профессий: лингвистов, инженеров и др. См. социальную ориентацию отношений «начальник — подчиненный» в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон»:

«— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов *строго*, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака?.. *Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!* <...> Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова!..

— *Генерала* Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко!.. Одного только я *не понимаю*: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца?.. Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. *Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!*»

Общенародная лексика сосуществует с параллельным обширным пластом лексики диалектного языка, представляющего собой совокупность различных диалектов, каждый из которых распространен на определенном географическом про-

странстве (псковский, новгородский, рязанский, смоленский и другие диалекты).

Диалект (гр. *diálektos* — диалект, говор) — это территориальная разновидность русского языка, имеющая набор языковых особенностей: фонетических, лексических, морфологических и др. Диалектная речь — бесписьменная устная речь — служит для обиходно-бытового общения главным образом сельского населения. Диалектная лексика — это совокупность слов, составляющих специфику словарного состава данного диалекта: *додéльница* (донск.) 'умелая женщина', *балáхта* (новг.) 'лягушка'.

Общенародная лексика постоянно пополняется диалектными словами, которые утрачивают территориальную принадлежность и воспринимаются как общеупотребительные слова. В XIX в. в общенародное употребление из диалектов вошли слова: *гадюка, занятый, зря, мальчуган, плёс, пойма, тайга*; в XX в. — *глухомань, затемно, косовица, коржик, путина, стан* и др.

Диалектные слова, сохранившие особенности своей структуры и значения и вошедшие в литературный язык со стилехарактеризующими целями, называются диалектизмами. Основная функция употребления диалектизмов — отображение народной, сельской жизни в текстах художественных произведений, где диалектные слова являются средством имитации народной речи.

Типы диалектизмов принято выделять по соотношению с формой и значением слов литературного языка. Фонетическими считаются диалектизмы, отличающиеся от слова литературного языка звуковым составом и/или ударением; ср.: *оммáн* (сев.) ≠ *обман, мос* (сев.) — *мост, дру*[х] (южн.) — *дру*[к], *чугúн* (донск.) — *чугун*.

Словообразовательные диалектизмы имеют иные морфемы, чем литературное слово; ср.: *никчемýшный* (донск.) — *никчёмный, обвáльный* (южн.) — *повальный, черníга* (сев.) — *черника*.

Морфологические диалектизмы обладают специфическими диалектными категориями и формами. Так, слова типа *дедушко* (сев.) склоняются как существительные мужского/среднего рода (*дедушка, дедушку* и т. д.); отмечается фонема <т'> в окончании 3-го лица глаголов: *поеть, поють*,

несеть, несуть (южн.); некоторые слова меняют в диалектах свою родовую принадлежность: *сра́ма* (донск., ж. р.) — *срам.*

Лексические диалектизмы представлены тремя типами:

1) собственно лексические диалектизмы являются синонимами соответствующих литературных слов: *баско́й* (сев.-ур.) 'красивый', *ве́кша* (сев.) 'белка', *безле́тный* (донск.) 'вечный';

2) семантические диалектизмы имеют другое, по сравнению со словом литературного языка, значение: *бара́н* (ирк.) 'сорт грибов', *хам* (донск.) 'иногородний';

3) этнографические диалектизмы обозначают распространенные на данной территории предметы быта, пищи и др.: *понёва* (ряз.) 'вид юбки из пестрой домотканой материи', *куре́нь* (донск.) 'квадратный казачий дом с четырехскатной крышей', *бара́ба* (ур.) 'танец'.

Синтаксические диалектизмы имеют иную сочетаемость, чем аналогичные слова литературного языка; ср.: *жили о реку* (сев.) — *жили около реки, выйтить на пе́нзия* (донск.) — *выйти на пенсию.*

В художественной речи диалектизмы выполняют функции речевой характеристики персонажей, отражают быт и нравы людей, живущих в данной местности, создают территориальную языковую картину мира. На Дону, например, говорят: *после первых кочетов* ('после 12 часов ночи'), *спозаранку* ('рано'), *конопи* ('конопля'), *баглайничать* ('бездельничать'), *рыбалка* ('рыболов'). Органично включены диалектизмы в текст «Тихого Дона» М. Шолохова:

«Мелеховский двор — на самом краю *хутора* ('селение'). Воротца со скотиньего *база* ('двор') ведут на север к Дону... дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью *стремя* ('стремнина') Дона. На восток, за красноталом гуменных плетней — *Гетманский шлях* ('дорога к Новочеркасску')... бурый *живущо́й* ('живучий') *придорожник* ('подорожник')... С юга — меловая *хребина* ('вершина') горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к *займищу* ('заливной луг')».

Лексика ограниченного употребления

Лексика ограниченного употребления членится на группы:

1) по частотности (частоте употребления) — активная и пассивная лексика;

2) по периоду использования — устарелая и новая лексика;

3) по характеру отражения трудовой, творческой и т. п. деятельности — терминологическая и профессиональная лексика;

4) по социальной общепринятости — жаргонная и арготическая лексика.

Активная и пассивная лексика

К а к т и в н о й лексике относятся частотные слова, которые используются в общении повседневно и значение которых понятно всем носителям русского языка.

К п а с с и в н о й лексике относятся слова, устарелые для данного лингвистического времени (*уезд, кисея, лучина, перманент* и др.) или новые (*гидропоника, брифинг, саммит, спонсор* и др.).

Понятие активности слова относительно: не каждое актуальное слово общеупотребительно. Так, для речи врачей, преподавателей, летчиков, рыбаков и представителей других профессий характерно широкое употребление терминов и профессионализмов, ежедневно сопровождающее производственную деятельность. См. лингвистическую терминологию: *звук, слог, ударение, клитики, интонация*; терминологию рыбной промышленности: *отлов, кошелковый невод, трал, тральщик, траулер, сейнер* и т. д.

Устарелая и новая лексика

В составе устарелых слов различают историзмы (собственно историзмы и семантические историзмы) и архаизмы.

С о б с т в е н н о и с т о р и з м ы — это слова, обозначающие вышедшие из современной жизни предметы, явления, профессии: *барщина, соха, рожон, сюртук, будённовец, пятилетка.*

С е м а н т и ч е с к и е и с т о р и з м ы — это вышедшие из употребления значения (лексико-семантические варианты) многозначных слов, называющие исчезнувшие предметы, явления, профессии: *картель* ‘письменный вызов на дуэль’, *крепость* ‘крепостное право’, *подписчик* ‘художник, расписывающий здания, стены, потолки’.

В историзмах отражаются общественный строй, производственная деятельность, быт, нравы, мода и т. п. того или иного времени. Для каждого времени характерны свои тематические парадигмы, фиксирующие устои, характерные для той эпохи. Возникает система понятий, сосуществующих и взаимосвязанных предметно, интеллектуально, профессионально. Из живой речи могут выходить отдельные члены парадигмы, вся парадигма (например, именования первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального строя), но в парадигмах, связанных с жизнедеятельностью нации (управление, производственная деятельность, семья), происходят лишь замены и пополнения в системе понятий, соответствующих содержанию и стилю мышления эпохи. Так, в Русском государстве в XVII в. были актуальны административные структуры: *приказ* 'управленческое учреждение' (*Приказ Большой Казны, Каменный приказ, Тайный приказ*), *дьяк* 'начальник и письмоводитель приказа', *грамота* 'документ, письмо', *челобитная* 'письменное прошение'; в XVIII в. — *коллегия* 'учреждение государственного управления' (*Коллегия иностранных дел, Военная коллегия, Юстиц-коллегия*), *президент, советник, асессор, секретарь коллегии, прошение*; в XX в. — *Совет Министров, премьер-министр, министры* и т. д. Уход историзмов из актуальной, общенародной лексики обычно определяется внелингвистическими причинами.

Архаизация лексики — явление лингвистического порядка. Архаизмы (<гр. *archaios* — древний) — это вышедшие из употребления именования объектов реальности, которые получили в современном языке новые названия. Различают архаизмы разнокорневые и однокорневые. К разнокорневым относятся собственно лексические архаизмы, имеющие устарелый корень: *рамена* 'плечи', *длань* 'ладонь', *десница* 'правая рука'. В состав однокорневых архаизмов входят:

1) лексико-семантические архаизмы — вышедшие из употребления значения многозначного слова, имеющие иное, современное название: *кумир* 'языческий идол', *линия* 'укрепленная граница государства', *оператор* 'хирург', *пахать* 'развеваться', *чиниться* 'церемониться';

2) лексико-фонетические архаизмы — различающиеся с современным вариантом сло́ва звуками (фонема-

ми) или местом ударения (акцентные архаизмы): *воксал* (ср. *вокзал*), *балтический* (ср. *балтийский*), *осьмь* (ср. *восемь*), *навкрест* (ср. *накрест*), *библио́тека* (ср. *библиоте́ка*);

3) лексико-словообразовательные архаизмы — разнящиеся с современным однокоренным словом (словообразовательным синонимом) суффиксами и/или приставками: *воитель* (ср. *воин*), *спекулятор* (ср. *спекулянт*), *сказ* (ср. *рассказ*), *кокетствовать* (ср. *кокетничать*), *позабывать* (ср. *забывать*);

4) лексико-морфологические архаизмы — грамматические варианты слов, отличающиеся от современных слов устаревшими морфологическими категориями и формами слов: *лебедь* (ж. р.), *зала, зало* (ж. и ср. р.), *роги* (мн. ч.), *облак* (род. п., мн. ч.), *плечьми* (твор. п., мн.ч.).

Стилистические функции историзмов и архаизмов связаны с созданием: а) языкового стиля эпохи: *По сердцу пламень пробежал, вскипела кровь. Он мрачен стал пред горделивым истуканом* (П.); *Шутил подчас зефир и резвый и игривый* (Л.); б) торжественности и поэтичности речи: *И была роковая отрада в попиранье заветных святынь и безумная сердцу услада — эта горькая страсть, как полынь!* (Бл.); *Ты — солнце моих песнопений, ты — жизни моей благодать* (Ахм.); в) стилизации — воссоздания языка эпохи: *Серебром волны блеснула другу на стальном мече, освежила пыльную кольчугу на моём плече* (Бл.); *Есть зело хочется!* (А. Т.); г) понижения стилистической оценки (ирон., шутл., насмешл., презр., неодобр. и др.): *Влюблённый в одну... терпит другую токмо по расчёту* (К. П.); *И кепка — набекрень — венчая этот сумрак, отразилась...* (Бродск.).

Изменения в социально-исторической жизни общества зеркально отражаются в языковой ситуации в виде новых слов. Новации в словарном составе объясняются влиянием неязыковых, общественных факторов, но вся история русской лексики свидетельствует, что слово появляется либо путем внутренних, системных преобразований, либо путем заимствований из других языков. Неологизмы (<гр. *neos* — новый + *logos* — понятие, слово) — это слова, созданные для обозначения новых предметов, признаков, действий. По происхождению различаются неологизмы языковые и индивидуально-авторские.

Языковые неологизмы не имеют автора, образуются чаще продуктивными способами, входят в синонимические, антонимические, тематические ряды, регистрируются словарями и находятся в пассивном словарном запасе до широкой актуализации обозначаемого явления.

Индивидуально-авторские неологизмы обладают авторством, могут образовываться продуктивными/непродуктивными способами, не образуют лексических системных организаций, индивидуальны в употреблении, фиксируются лишь словарями языка автора (см., например, «Словарь языка А. С. Пушкина») и остаются в пассивном запасе языка.

Лексические неологизмы могут образовываться: а) из русских слов по продуктивным словообразовательным моделям: *работа* → *разработать* → *разработка*; *готовить* → *подготовить* → *подготовка*; *очистить от снега* → *снегоочиститель*; *исходный* → *безысходный* → *безысходность*; б) путем заимствования: *габарит, лимит, видеоукмен* 'портативный видеомагнитофон', *ноу-хау*; в) построением словообразовательных гнезд из заимствованных слов по русским моделям: *лимит, лимитировать, лимитирование, лимитчик, лимитчица.*

Семантические неологизмы — это новые значения употребляющихся слов: *ориентир* 'направление деятельности', *диагноз* 'определение основания чего-л.', *конверсия* 'изменение политического мышления в мирных целях', *штрих* 'паста для исправления ошибок в тексте'.

Неологизмы остаются в пассивном фонде языка, что обусловливается социальной значимостью понятия, обозначаемого этим словом. Утрачивая свою функцию, они становятся историзмами и архаизмами: *кружковец, выдвиженец, коллективизация, раскулачить* и др. (неологизмы 30-х годов XX в.). Слова, появившиеся как общегуманитарные номинации и лишенные четкой политической или экономической привязки, обычно входят в активный словарный фонд: *идея, гуманность, действительность, равенство* (неологизмы XIX в.).

Язык художественной литературы отражает общее развитие языка, но желание найти собственные образные речевые средства приводит к созданию индивидуально-авторских новообразований. Однако речетворчество художников слова

должно быть обусловлено правилами языковой системы: новообразования могут быть созданы по продуктивным/непродуктивным моделям. Потенциализмы — это неологизмы, созданные автором по продуктивным моделям словообразования и сочетаемости слов: *не ахтильное убранство* 'кое-какое', *подшофейное состояние, разбойник пера и мошенник печати* (Ч.); *желтень, голубень, непролазь, люлюкающая водица* (Ш.); *свирепунчик, переживатель, безноженька* 'девочка-инвалид', *шахович* 'шах в игре в шахматы' (Шукш.).

Неологизмы, созданные по нестандартным моделям, являются авторскими окказионализмами: *магазинус, сундукявичус* (Шукш.); *любопись, бездремь* (Бродск.); *осенебри, раздвин* (Возн.).

Терминологическая и профессиональная лексика

Слова и словосочетания, используемые в определенной отрасли науки, техники, искусства, составляют терминологическую и профессиональную лексику. Термины — это названия понятий в определенной области науки, техники, искусства. Специфика термина в том, что он обладает строго дефинитивным (определительным) значением в своей отрасли знания, логизированностью семантики, конвенциональностью (сознательной договоренностью) в употреблении и является членом данной терминологической системы, входя в ее гиперо-гипонимическую организацию. Например:

лингвистика: *фонетика, орфоэпия*; *графика, орфография* и др.;

фонетика: *сегментные единицы, ударение, интонация*;

сегментные единицы: *фраза, речевой такт, фонетическое слово, слог, звук.*

Для образования терминов используются:

1) метафорический перенос названия: *петля* (спорт.), *таз* (мед.), *пастушья сумка* (бот.) — сходство формы; *подушка* (геол.), *парус* (арх.), *золотое сечение* (иск.) — сходство функции;

2) лексико-словообразовательный способ: *луноход, дымоуловитель* — сложение основ; *биоинженерия, электрозапись, ультраакустика* — использование заимствованных элементов *био-, электро-, ультра-* и др.;

3) заимствование слов: *лазер, алгоритм, сканер.*

К профессиональной лексике относятся слова и выражения, свойственные речи людей одной сферы деятельности и являющиеся бытовыми и экспрессивно-образными именованиями в данном роде занятий.

«Производственные» слова и выражения создаются «для себя», как дубликаты или синонимы терминов избранной сферы деятельности. Нередко профессионализмы замещают собой недостающие члены терминосистемы. Например, в технике: *носик горелки, шейка вала, тело шипа.* Эти полуофициальные названия придают речи живость и раскованность, обладают экспрессивно-эмоциональными коннотациями. См. медицинские профессионализмы: *корешки нерва, глазное яблоко, большой таз* 'верхний отдел пояса', *малый таз* 'нижний отдел пояса', *плечевой пояс.*

Отличительными признаками профессионализмов являются устный характер использования, образность значения, пересечение семантики имен разных видов трудовой деятельности, отсутствие системной организованности в номинативных рядах. См. пересечение значений профессионализмов: *рожа* (мед. и бот.) 'название растения мальва'; *шейка бедра* (мед.), *вала, оси* (техн.), *колонны* (арх.), *корневая* (бот.).

Профессионализмы образуются метафорически: *сухарь, бык* (техн.), *мушки* (морск.), *пластинки* (геогр.); лексико-словообразовательно: *плечики* (швейн. и быт.), *кобылка* (зоол.); словосочетательно: *коробка скоростей, зона молчания, белый шум* (техн.), *позвоночный столб, острый живот, краеугольная глаукома, спинной мозг* (мед.).

Освоение литературным языком терминов и профессионализмов приводит к их детерминологизации и превращению в общеупотребительные слова: ***катализатор** идей, успеха*; ***контакт** с больным, человеческий, торгово-экономический*; ***синтез** идей, знаний, мнений.*

Специальная и профессиональная лексика используется в художественной и мемуарной литературе, в речи персонажей при описании профессиональной деятельности и т. д. См., например, профессионализмы в научно-популярной литературе:

«В Новосибирске *госпитализации* к нам ждало около трехсот *пациентов*... В то время мы еще только начали понимать необычную интенсивность *кровообращения.* Если вы хотя бы раз вошли в *рентгеноперационную* и во время *исследования* видели, как *контрастированная*

кровь заполняет *полость сердца*, как она пробегает по *сосудам сердца*, как она пробегает по *сосудам лёгких*, потом выбрасывается из *левого желудочка* в *аорту* и стремительно разбегается по всему *человеческому организму*, то чуточку бы поняли суть *кровообращения*» (Меш.).

Жаргонная и арготическая лексика

Ж а р г о н н а я (<фр. *jargon*) лексика — это слова и выражения людей, которые объединены общей профессией (врачи, артисты, летчики и др.), находятся на государственной службе (военные, чиновники), связаны учебой (школьники, студенты), общими интересами (шахматисты, филателисты, любители спорта) и т. д. Жаргонизация — своеобразная языковая игра в названия, которая обусловлена желанием создать «свой» язык общения. При жаргонном словотворчестве широко используются различные языковые приемы изобразительности:

1) метафорический перенос значения: *веточки* 'конечности', *зависаловка* 'вечеринка, тусовка', *нулевой* 'совершенно новый';

2) сохранение внутренней формы слова: *белуга* '*воен.* нижнее белье', *башня* 'голова', *бесбашенный* 'глупый', *железно* 'абсолютно, твердо';

3) использование экспрессивно-интенсивного компонента значения слова для создания нового смысла слова: *наезжать* 'предъявлять претензии', *забойный* 'мощный, сильный';

4) намеренное сталкивание общепринятого значения с новым, жаргонным: *обуть* 'обмануть', *виснуть* 'хорошо проводить время'.

Демократизация общества, снятие цензурных запретов в средствах массовой информации привели в 90-х годах XX в. к активизации жаргонов. В обиходную речь, в язык литературы, прессы, радио, телевидения, кино хлынул поток новообразований внелитературной лексики: *предки, шнурки* 'родители', *тусовка, потрясно, фирмá, дерево* 'дурак', *родной* 'принадлежащий стране производства' и др. Среди молодежи возникают узкогрупповые жаргоны — вуза, школы и т. п.: *алибаба* 'директор школы', *сорок разбойников* 'учителя', *улитка* 'учительница ботаники'.

Жаргонная молодежная речь новейшего времени характеризуется системностью и избирательностью правил образования жаргонизмов. Ее отличают:

1) тематические парадигмы как функциональные группировки: а) «Армия»: *дух* ‘военнослужащий, прослуживший 6 месяцев’, *черпáк* ‘солдат, прослуживший один год’, *дед* ‘военнослужащий за полгода до приказа об увольнении со службы’, *дембель* ‘военнослужащий после приказа об увольнении из армии’; б) «Школа»: *параша* ‘двойка’, *нормально* ‘тройка’, *гуляем* ‘четверка’, *празднуля* ‘пятерка’, *ботаник* ‘старательный ученик’; в) «Футбол»: *кони* ‘болельщики ЦСКА’, *дворники/мусорщики* ‘болельщики «Динамо»’, *мясники* ‘болельщики «Спартака»’;

2) словообразовательные гнезда как наиболее типичный способ словопроизводства: *прики́нуться* ‘модно, красиво одеться’ — *прики́нутый* ‘модник’ — *прики́д* ‘хорошая одежда’; *ловэ́, ловэ́шки* ‘деньги’;

3) заимствования с сохранением корня, его значения, фонетической (и акцентной) ассимиляцией и образованием русских гнезд слов: *crázy* (англ.) ‘сумасшедший’ → *крезá* ‘сумасшедший; психиатрическая больница’; *крезану́ться* ‘сойти с ума; вести себя странно’; *крезóвый* ‘странный, дурацкий’; *крезовóз* ‘машина скорой психиатрической помощи’.

А р г о́ (фр. *argot* — замкнутый, недеятельный) — слова и выражения социального диалекта, распространенного в узкопрофессиональной или асоциальной среде. Арго выполняет конспиративную и опознавательную функции: засекреченные, условные слова используются для корпоративных названий и узнавания «своих».

В дореволюционной России существовала законспирированная профессиональная речь торговцев-коробейников, или офе́ней: *Да позагóрбила басвé слéмзить: астóна басви́нска ухáлила дрябóтницей* ‘да позабыл тебе сказать: жена твоя померла весною’. Офе́нская речь возникла как средство внутрипромыслового общения и была непонятна непосвященным: *масья́* ‘мать’, *масты́рить* ‘делать’, *костёр* ‘город’, *шерснó* ‘сукно’, *скры́пы* ‘двери’, *пáщенок* ‘дитя’, *юсы́* ‘деньги’.

В настоящее время арго — это лексика преступного мира: а) общеуголовная: *ёрш* ‘бывший вор в законе’, *мокрушник* ‘убийца’, *громила/громщик* ‘грабитель’; б) тюремная: *собачник* ‘камера’, *браслеты* ‘наручники’, *бочка* ‘караульная вышка’; в) специализированная, «распределенная» по видам преступлений: *медвéдка* ‘взломщик сейфов’, *бáновыйшпан* ‘вокзальный вор’, *очкарик* ‘вор, крадущий через окно’.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Функционирование русского литературного языка связано с социальными сферами жизни: промышленностью, наукой, политикой, бытом и др. Связи языка с общественными сферами определяют социальную направленность языка, что воплощается в трех видах коммуникативных ситуаций: общении, сообщении и воздействии. Ситуации сообщения и воздействия связаны обычно с книжной речью, ситуация общения — с разговорной речью. Соответственно в языке различают книжный и разговорный стили. Стиль — это языковая подсистема, обладающая своими лексико-фразеологическими особенностями, специфическими морфологическими формами и синтаксическими конструкциями. Стилю свойственна своя стилистика — организация экспрессивно-оценочных средств. Поэтому стилевое и стилистическое тесно взаимодействуют. Стилевое характеризует принадлежность слова к книжной или разговорной подсистеме (*отрада* — книжн., высок.), стилистическое — к квалификативному компоненту книжной или разговорной подсистемы (*грязнуля* — разг., неодобр.).

Стилистическое значение (коннотация) отражает квалификацию предмета, признака, процесса, которая закрепляется в семантике слова в виде содержательного, эмоционального, оценочного и экспрессивного компонентов значения.

Содержательную коннотацию составляет дополнительное смысловое созначение, которое, как правило, не регистрируется словарями, но эмпирически известно всем носителям языка. Это, например, сема 'неуклюжесть' при характеристике слова *медведь* (животное) или сема 'трусость' в значении слова *заяц* (животное). Лишь в отдельных случаях созначение включается в словарную дефиницию; ср.: *вывернуться* '*ловко* выйти из затруднительного положения' — *ловко* 'изворотливо, хитро'.

Эмоциональная и оценочная коннотации связаны с выражением отношения к действительности чувств, волевых побуждений, чувственных или интеллектуальных сравнений: *домишко, кляча, стиляга, прехорошенький*. Оценочность выражает мнение о ценности, значении кого-чего-

либо ('хорошее/плохое'); эмоциональность представляет позитив или негатив конкретного чувства. Оценочность и эмоциональность — это не противопоставленные компоненты значения слова: эмоции раскрывают «конкретику» оценки. Положительная оценка передается через положительную эмоцию: ласку, похвалу, восторг, одобрение и т. п. Отрицательная оценка связана с отрицательными эмоциями: осуждением, неприятием, неодобрением, презрением, иронией и т. п. Например: *домишко* (уменьш.-унич.), *дочурка* (уменьш.-ласк.), *кляча* (пренебр.).

Э к с п р е с с и в н ы й компонент запечатлевает и сохраняет в семантике изобразительно-выразительное свойство слова — образное отражение факта действительности; ср.: *ползунок — ребёнок, не умеющий ходить*; *кочковатый — неровный*; *грохнуть — ударить.*

Разграничение книжной и разговорной лексики связано с наличием межстилевой (нейтральной) лексики. К м е ж с т и л е в о й лексике относятся общеупотребительные слова, не закрепленные ни за одним из стилей: *дом, нож, деревянный, зелёный, бежать, спать, хорошо, плохо, и, а, но, на, по.* Нейтральная лексика является основой функционально-стилевой дифференциации слов, сравнением с ней определяется принадлежность слова к тому или иному стилю. Межстилевые слова не обладают коннотациями; их использование создает необходимую нейтральность изложения, на фоне которой выделяются стилево-стилистические характеристики других слов. Употребляясь в любом функциональном стиле языка, в письменной или устной речи, межстилевая лексика обеспечивает е д и н с т в о русского литературного языка как системы. Но при этом некоторые многозначные слова в одних значениях выступают как нейтральные, а в других — как закрепленные за определенным стилем языка. Ср. значения слова *брат* — '*нейтр.* каждый из сыновей в отношении к другим детям этих родителей', '*книжн., высок.* всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами (*братья по духу*)'.

К н и ж н ы й стиль языка включает три подстиля: научный, официально-деловой и публицистический — и соответственно объединяет научную, официально-деловую и публицистическую лексику.

Н а у ч н а я лексика обслуживает сферу науки и характеризуется как бы обезличенной информацией о природе, человеке и обществе. Стилеразличительными признаками научной лексики являются: терминированность семантики слова, систематика научных понятий, логизация значения научного понятия, отсутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций и слов разговорного характера. В состав научной лексики входят:

1) терминосистемы как парадигмы отраслей специализированного знания: *валютный курс* '*фин.* цена продажи ценных бумаг', *марка* '*фин.* денежная единица Германии и Финляндии', *боны* '*фин.* кредитные документы, дающие право на получение денежной суммы';

2) абстрактные имена, называющие отвлеченные понятия: *аналогия, бытие, вместимость, гипотеза, двучленный, классифицировать, обусловливать, полагать, реализовывать*;

3) модальные слова, выражающие достоверность/недостоверность сообщения: *безусловно, вероятно, возможно, несомненно*;

4) слова, определяющие «порядок» изложения мыслей: *во-первых, во-вторых, кроме того, таким образом* и др.

О ф и ц и а л ь н о - д е л о в а я лексика имеет следующие различительные признаки: четко выраженную социально-функциональную направленность, относительную стилевую закрытость, стандартизацию и унификацию имен, наличие функциональных коннотаций и распространенность языковых штампов. В составе официально-деловой лексики выделяется большое количество тематических парадигм, называющих разные сферы деловой жизни: административную (*округ, регион, губернатор, мэр*), официально-документальную (*паспорт, прописка, решение, контракт*), дипломатическую (*посол, виза, нота, саммит*), канцелярско-деловую (*заявление, докладная, вышеупомянутое, исходящее*), юридическую (*завещание, дарственная, истец*) и др. Функциональные коннотации этого пласта лексики — 'специализированное', 'унифицированное', 'служебное'.

Официально-деловая специализация общеупотребительной лексики обусловлена сферой ее применения в общественной жизни: *базар — книжный, овощной, новогодний*; *высо-*

кие договаривающиеся стороны; *дело — торговое, юридическое*; *лицо — физическое, юридическое, подставное.*

П у б л и ц и с т и ч е с к а я лексика используется средствами массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение и др.) для выступлений по актуальным общественно-политическим проблемам, вопросам текущей жизни. Стилеобразующими признаками этой лексики являются:

1) четкая ориентированность семантики слова: *экономика, бюджет, эмиссия; школа жанра, мюзикл, капустник; лидер движения, рейтинг* и т. д.;

2) информативная точность слова и вместе с тем образность и броскость слова (экспрессивно-деятельностные функции слова): ***шаманы и политики***; *нефть, газ, лес... **женщины***; ***болеть социализмом***; ***неюбилейные размышления***;

3) использование слов с коннотативной семантикой, включая личностный компонент значения: *находится **в тени*** (‘старается быть незаметным’) *налога*; ***честные*** (‘открыто воспроизведенные’) *копии картин*; ***приливы и отливы*** (‘успехи и провалы’) *спектакля*;

4) отсутствие стилевой замкнутости слова: *единодушие, масштабность, щепетильность*; *военщина, сговор, украшательство*;

5) определенная штампованность слова: ***комплекс вины, тупиковая ситуация, политические игры, ударить автопробегом** по конкурентам.*

Особое место в языке художественной литературы занимает п о э т и ч е с к а я лексика. По традиции это слова, обладающие языковыми, системными коннотациями ‘высокое’, ‘лирическое’ и ‘торжественное’: *лик, взор, божественный, обагриться*; ***Музы вас благословили, венками свыше осеня, когда вы, други, отличили** почётной **чашею** меня* (П.). Но в широком понимании поэтическое слово — это словесно-художественное творение. Оно включает в свою семантику т е к с т о в о е приращение смысла — новые содержательные компоненты, экспрессию, эмоциональность, оценку — все то, что создает искусство слова: *Я помню вечер, **бледно-скромный*** (‘невыразительно-простой’), *цветы **усталых*** (‘утомленных’) *георгин...* (Бр.); *Художник нам изобразил **глубокий обморок*** (‘поникнутость’, ‘полная отключенность’) *сирени* (Манд.); *Вода была сиреневого цвета, **такого мягкого и тёп-***

лого (‘нежного, вызывающего внутренние приятные ощущения’) (Ч.). Метафоры-олицетворения позволяют выразить глубокую интимность чувств, тонкость и мягкость эмоциональных начал, т. е. текстовые стилистические приращения смысла.

Разговорный стиль преобладает в устной речи, зависящей от ситуации и потому являющейся непосредственной и неподготовленной. Разговорная лексика характеризуется стилистической маркированностью (отмеченностью) широкого семантического спектра, а также экспрессивно-эмоциональными оценками. Употребляемая в основном в сфере устного общения, разговорная лексика имеет характер непринужденности, сниженности и фамильярности. В составе разговорной лексики обычно выделяют две группы:

1) литературно-разговорную лексику, употребляемую в разнообразных сферах общения людей: *дотянуть* ‘оттянуть, замедлить выполнение чего-л. до какого-л. времени’, *валить* ‘небрежно бросать, беспорядочно складывать в большом количестве куда-л.’, *задолжник* ‘тот, кто имеет задолженность, долг’;

2) разговорно-бытовую лексику, используемую в повседневном обиходе: *дочиста* ‘целиком, полностью, без остатка’, *важничать* ‘напускать на себя важность, принимать внушительный вид, держаться высокомерно’, *дочка* ‘в обращении пожилого или взрослого человека к молодой женщине, девушке, девочке’.

Разговорная лексика богата экспрессивными и эмоционально-оценочными коннотациями (бран., шутл., ирон., ласк., фамил. и др.): *модерновый* (одобр. или неодобр.), *ласточка* (в значении обращения — уменьш.-ласк.), *карапуз* (шутл.).

Просторечная лексика находится вне литературного языка и употребляется для сниженной, грубой и/или грубоватой оценки. Слова просторечной лексики обладают экспрессивно-стилистическими коннотациями (груб., бран., пренебр. и др.): *деляга* (прост., пренебр.), *прихвостень* (прост., презр.), *сачок* (‘лентяй, бездельник’ — прост., шутл.).

Периферию просторечия составляют вульгаризмы — бранные и социально непристойные слова: *стерва, сука, тварь, подлюга, стибрить* и др.

Просторечная лексика употребляется, в отличие от диалектной (областной), в речи всего народа. Поэтому наблюдаются расхождения в стилевой квалификации слова. Ср. в разных толковых словарях: *зуди́ть* ‘испытывать зуд, чесаться’ — прост. и разг.; *впрямь* — разг., а в значении ‘в самом деле, действительно’ — разг. и прост.

Просторечие как эмоционально окрашенный способ изображения действительности входит в состав художественной речи и связано с функционально-экспрессивной дифференциацией в именовании того или иного явления. Слово с пометой «прост.» часто встречается в синонимическом ряду: *питаться, харчиться* (прост.)...; *пить, лакать* (прост.)...

* * *

Таким образом, слово в языке имеет свой семантический а р е а л — семантические реальности и возможности, которые в течение веков выработало человеческое познание. Этот ареал пополняется текстовыми приобретениями, вводящими слово в сферу искусства.

Фразеология

Ф р а з е о л о г и я (<гр. *phrasis* — выражение + *logos* — учение) — это раздел науки о языке, изучающий устойчивые сочетания слов различного типа[1]. Как отрасль языкознания она квалифицируется по-разному: специалисты по фразеологии признают ее самостоятельным разделом; лексикологи же обычно считают подсистемой лексики, так как у слова и фразеологической единицы имеются общие системные свойства.

[1] Термин «фразеология» используется не только как название раздела языкознания, но и как обозначение совокупности фразеологических единиц данного языка (например, фразеология русского языка). Реже фразеологией называют специфическое употребление слов и их сочетаний, свойственное отдельному автору, социальной группе или литературному направлению (например, фразеология А. П. Чехова, фразеология медиков, фразеология романтизма).

Фразеологизм (фразеологическая единица — ФЕ) является сложной междисциплинарной единицей, в форме и значении которой взаимодействуют единицы разных уровней: фонетического, словообразовательного, лексического, семантического и грамматического. Во фразеологизме сочетаются признаки слова и специфические, дифференциальные признаки. Как и слово, ФЕ может быть однозначной и многозначной; может вступать в омонимические, синонимические, антонимические парадигмы; сочетаться с тем или иным кругом слов. Следовательно, как и слово, ФЕ обладает тремя подсистемами:

1) эпидигматикой — исторически образовавшейся деривацией — многозначностью (по аналогии со словом — фразеолого-семантическими вариантами — ФСВ);

2) парадигматикой — противопоставленностью значения одной ФЕ значению другой ФЕ;

3) синтагматикой — сочетаемостью ФЕ со словами или иными ФЕ.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК КОСВЕННО-НОМИНАТИВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Как и слово, фразеологизм является единицей номинации. Но в отличие от слова — одинарного именования, ФЕ представляет собой составную, целостную номинацию, обладающую косвенно-номинативным значением. Это значение создается общим метафорическим или метонимическим переосмыслением слов-компонентов, входящих в ФЕ, что обычно приводит к оценочному, экспрессивному и образному характеру семантики ФЕ и подчеркивает идиоматическое, переносно-целостное обозначение какого-либо явления действительности: *Какого **туману напустил*** (‘запутал кого-л.’)*! разбери, кто хочет* (Г.); *Антон Иванович чувствовал себя **как рыба в воде*** (‘свободно, непринужденно’) (М.-С.).

Дифференциальными признаками ФЕ являются:

1) косвенно-номинативное значение;

2) социально закрепленное соотношение смыслового содержания и лексико-грамматического состава ФЕ;

3) постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава;

4) раздельнооформленность ФЕ (фразеологизм состоит не менее чем из двух слов-компонентов).

Существует широкое и узкое понимание фразеологического состава языка. В широком понимании к фразеологии относятся следующие типы ФЕ:

1) идиомы — устойчивые объединения, значение которых неразложимо на значения слов-компонентов, их составляющих; они функционируют в предложении как эквивалент отдельного слова: *вешать лапшу на уши* 'обманывать', *дать стрекача* 'убежать';

2) фразеологические сочетания, в которых только один из компонентов обладает фразеологически связанным значением, что создает синтаксическую и семантическую расчлененность ФЕ: *закадычный друг*, *расквасить лоб* (*колено, нос*);

3) пословицы — устойчивые изречения, грамматически и ритмически организованные, в которых запечатлен практический опыт народа и его оценка и которые выступают в речи как самостоятельные суждения: *Что с возу упало, то пропало*; *Любишь кататься, люби и саночки возить*; *Бедность — не порок*;

4) поговорки — устойчивые изречения, образно определяющие факт действительности и получающие конкретный смысл в тексте: *посмотрит — рублём подарит*; *Господь не выдаст — свинья не съест*;

5) крылатые слова (по Н. М. Шанскому — фразеологические выражения) — устойчивые изречения, появившиеся в языке из определенного литературного источника, или закрепившиеся в употреблении высказывания исторических деятелей: *Быть или не быть?* (В. Шекспир); *А Васька слушает да ест* (Кр.); *На деревню дедушке* (Ч.);

6) речевые штампы — функционирующие в речи устойчивые формулы: *счастья в личной жизни, всего хорошего, выполнить и перевыполнить*. Объединяют эти сочетания общие признаки: воспроизводимость в речи и семантико-структурная устойчивость.

К фразеологии в узком понимании относятся фразеологические сращения и единства, т. е. класс идиом.

Идиомы представляют собой структурно-семантическое ядро фразеологии. Идиоматичность — это смысловая неразложимость ФЕ на значения слов-компонентов, ее составляющих, и как следствие — невыводимость значения ФЕ в целом из значений ее частей: *ни рыба ни мясо* 'ничем не выделяющийся, посредственный человек'; *лететь вверх тормашками* 'рушиться, гибнуть' (фразеологические сращения).

Идиомы с мотивированным значением (фразеологические единства) обладают внутренней формой. Внутренняя форма ФЕ — это ее первоначальное денотативное значение, вытекающее из суммы реальных значений слов-компонентов: *лежать на печи* 'бездельничать' (ФЕ) — *лежать на печи* (свободное сочетание слов — ССС), *считать ворон* 'бездельничать' (ФЕ) — *считать ворон* (ССС).

Семантическая классификация ФЕ основывается на структуре их значения: идиоматичности ФЕ, мотивированности, наличии/отсутствии внутренней формы и выраженности коннотаций.

Выделяются три типа ФЕ: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания[1]. Первые два типа входят в состав идиом.

Семантическими признаками фразеологического **сращения** являются: идиоматичность и немотивированность значения. К лексическим признакам относится наличие архаизмов и историзмов: *бить баклуши, точить балясы, в оны дни, мамаево побоище.* Грамматические признаки представлены: а) архаичными морфологическими формами: *построить дом на песце, многая лета*; б) устаревшими синтаксическими связями: *шутка сказать* (инфинитив управляет именительным падежом), *почить в Бозе* ('умереть'); в) синтаксической целостностью (сращение выступает как один член предложения).

Семантические признаки фразеологических **единств** заключаются: а) в идиоматичности; б) в мотивированности значения ФЕ значением слов-компонентов; в) в существовании внутренней формы; г) в экспрессивно-эмоциональной окрашенности ФЕ. Лексические признаки представлены омо-

---

[1] См.: *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

нимическими соотношениями ФЕ и ССС, что приводит к возрождению фразеологического образа; ср.: ФЕ *наломать дров* 'наделать грубых ошибок' и ССС *наломать дров*; ФЕ *садиться на голову* 'подчинять своей воле' и ССС *садиться на голову*. Грамматическим признаком единства, как и сращения, является целостность, синтаксическая неразложимость номинации (единство выступает как один член предложения).

Семантическим свойством фразеологического **сочетания** является наличие одного компонента с фразеологическим значением, который может быть заменен синонимом — словом со свободным значением: ***беспробудный сон*** (*беспробудный = глубокий, продолжительный*); ***потупить голову*** (*потупить = опустить*). Грамматическими признаками сочетания являются: а) связанность, несвободность сочетаемости слова с фразеологическим значением с другими словами (обычно шкала сочетаемости охватывает от одного до 8—10 слов); ср.: ***вломиться в амбицию*** — единичная сочетаемость, но ***затронуть*** *честь, гордость, интересы, чьё-либо имя, самолюбие* и др.; б) аналитичность номинации (слово с фразеологически связанным значением является самостоятельным членом предложения): *Он **потупил** голову* — простое глагольное сказуемое; ***Беспробудный** сон охватил всех* — согласованное определение.

Выбор сочетаемости зависит от семантики опорного, свободного слова. Метафорически переосмысленное (олицетворенное, зооморфное и др.), связанное значение слова «приспосабливается» по смыслу к главенствующему, свободному слову. Например, мысли, думы, мечты, грезы принадлежат миру человека, поэтому они *спят, будят, подсказывают*; или: мысли, думы *подавляют, угнетают, поглощают*; можно *утрачивать, разрушать, разбивать* мечты, грезы, думы; как и человек, мечты, фантазии могут быть *робкими, смешными, возвышенными*.

Между фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями наблюдаются переходные явления: это объясняется семантикой единицы и лингвистической, культурной осведомленностью носителя языка: *бабье лето* в значении 'короткая пора в начале осени с ясной, теплой погодой' — фразеологическое сочетание, в значении же 'последний расцвет в жизни женщины' — фразеологическое единство.

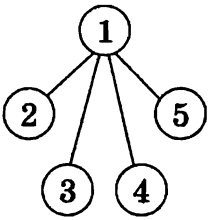
Структура значения фразеологизма

Фразеологизмы в современном русском языке, как и слова, могут быть однозначными (моносемичными) и многозначными (полисемичными). Между значениями (фразеолого-семантическими вариантами — ФСВ) многозначной ФЕ имеются отношения метафоры и метонимии, т. е. те же смысловые отношения, что и между значениями полисемичного слова. Считается, что многозначных ФЕ значительно меньше, чем однозначных, но такое утверждение основывается на неразработанности вопроса.

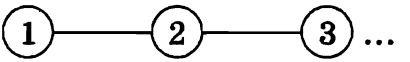
В многозначной ФЕ возможны цепочечные, радиальные и параллельные связи между значениями. Так, фразеологизм *скалить зубы* имеет три ФСВ, обусловленных цепочечной полисемией: *1)* 'сердиться, злиться, защищая кого-либо': *Он чуть что — **зубы скалит**, попробуй тронь его* (Абр.); *2)* 'смеяться': *Расселись по стене туесами да и знай ржут, **скалят зубы** — весело* (Абр.); *3)* 'насмехаться': *Игнаша **зубы скалит** да людей подковыривает...* (Абр.). Значения *1* и *2* связаны метафорически — на основе внешнего мимического сходства. Значения *2* и *3* объединены метонимической зависимостью — обозначают действие и его целевую направленность.

Развитие фразеологической многозначности может идти по пути радиальной полисемии ФСВ, когда все значения зависят от одного, основного. Например, фразеологизм *валять дурака* имеет пять ФСВ: *1)* 'делать глупости, поступать не так, как надо': *... Его лишь давила мысль о том, что он **свалял дурака** и зря он тешит себя какой-то надеждой* (П. П.); *2)* 'притворяться глупым, непонимающим': *Не проще ли будет **не валять дурака** на суде* (А. Т.); *3)* 'бездельничать': *Ты ведь знаешь, что за жизнь я прожил — **валял дурака**, марал бумагу...* (Эр.); *4)* 'паясничать': *Вечером Караба-*

нов свалял дурака и вертелся между кроватями как бес (Мак.); *5)* 'оттягивать время': *«Что, братцы! — спохватился Замараев. — Что же это мы дурака валяем? Надо спешить»* (М.-С.). Значения *1* и *2* находятся в отношениях синекдохи. Значение *3* развивается на основе метонимии — пояснения значения *1* 'поступать не так, как надо'. Значение *4*, как и значение *3*, имеет метонимические отношения со значением *1*. Значение *5* объединено целевой зависимостью со значением *1*.



Собственно фразеологической зависимостью ФСВ является параллельная полисемия:



Параллельная связь означает, что все ФСВ многозначной ФЕ находятся в равноправных (независимых друг от друга) смысловых отношениях. Так, фразеологизм *ни жива ни мертва* имеет три ФСВ: *1)* 'быть сильно испуганным': *Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная* (Абр.); *2)* 'находиться в расстроенных чувствах': ***Ни жива ни мертва сидела Настя... ничего не слыхала, ничего не понимала...*** (М.-П.); *3)* 'быть в состоянии крайней усталости': *Милентьевна вернулась из лесу в четвёртом часу пополудни — ни жива ни мертва. Но с грибами* (Абр.).

Форма, структурный тип и формоизменение фразеологизма

Форма фразеологизма включает: 1) структурный тип ФЕ; 2) лексико-грамматический состав; 3) порядок следования компонентов; 4) формоизменение (грамматическую парадигму); 5) вариантность ФЕ.

Выделяются три структурных типа ФЕ (по аналогии с их генетическим типом):

1) ФЕ-словоформы: *в душе, не по душе, ни на йоту, не горит*;

2) ФЕ-словосочетания: *заказывать путь, чучело гороховое, во весь дух*;

3) ФЕ-предложения: *закон не писан, в ногах правды нет.*

В составе продуктивных фразеологизмов-словосочетаний отмечаются глагольные, именные и наречные. В свою очередь, среди глагольных ФЕ выделяются:

1) глагольно-именные: *сгореть со стыда, задавать тон*;

2) глагольно-наречные: *видеть насквозь, долго не надышит*;

3) глагольно-глагольные: *дать прикурить.*

Среди именных ФЕ выделяются:

1) субстантивные: а) сущ. + прил.: *бабье лето, лебединая песня*; б) сущ. + сущ. в косв. п.: *дело в шляпе, герой нашего времени*; в) сущ. в косв. п.: *любой ценой, на всех парусах, с первых шагов*;

2) адъективные: *нечист на руку, лёгок на подъём.*

Наречные ФЕ: *кверху тормашками, на голову выше.*

Среди фразеологизмов-предложений выделяются:

1) бывшие двусоставные предложения: *вожжа под хвост попала, бабушка надвое сказала*;

2) бывшие односоставные предложения: *держи карман шире, честь имею <кланяться>*;

3) части бывших сложных предложений: *в чём <только> душа держится, куда глаза глядят.*

Формоизменение ФЕ охватывает систему ее форм (фразеоформ), объединенных одним и тем же фразеологическим значением и различающихся морфологическими значениями. Именные ФЕ обладают категориями рода, числа и падежа; глагольные ФЕ — категориями вида, залога, наклонения, времени, лица, числа и рода.

Система форм ФЕ называется ее фразеопарадигмой. Парадигма каждого структурного типа ФЕ соотносится с ее генетическим типом: словоформы — с системой форм слова, словосочетания — с формоизменением свободного слова. По наличию и составу фразеоформ выделяются следующие типы ФЕ:

1) ФЕ, обладающие полной парадигмой, включающей весь набор возможных формоизменений: *ловить галок, ловлю*

галок, не лови галок, ловил бы галок, ловящий галок, ловя галок и т. д.; *старый волк, старого волка, старые волки* и т. д.;

2) ФЕ, имеющие неполную парадигму, в которой отсутствуют определенные фразеоформы: *бить баклуши, бью баклуши, не бей баклуши, бил бы баклуши, бьющий баклуши,* но нет деепричастных форм; *голубая кровь, голубой крови,* но нет форм множественного числа;

3) ФЕ, образующие дефектную парадигму, состоящую из нескольких фразеоформ: *на край света — на краю света*; *кровавый пот — до кровавого пота*;

4) ФЕ фиксированного типа: *в душе, со всего плеча, пальца в рот не клади.*

Для каждого из структурных типов ФЕ (словоформы, словосочетания и предложения) характерен свой тип фразеопарадигмы.

Вариантность фразеологизма

Фразеологизм обладает широким диапазоном варьирования. Фонетическая вариантность ФЕ основана на нейтрализации звуков: *калиф* (*халиф*) *на час, садиться в калошу* (*галошу*).

Словообразовательная вариантность ФЕ является результатом нейтрализации значений морфов:

1) суффиксов субъективной оценки: *на глаз* (*глазок*), *забубённая голова* (*головушка*);

2) словообразовательных префиксов: *подрезать* (*обрезать*) *крылья, давать* (*отдавать*) *себе отчёт.*

Морфологическая вариантность ФЕ возникла на основе нейтрализации значений в морфологической парадигме:

1) видовых форм глаголов: *видать* (*видывать*) *виды, валить* (*сваливать*) *в одну кучу*;

2) категорий залога, наклонения, времени, лица, числа у глагольных ФЕ: *не ударить* (*удариться*) *лицом в грязь, водой не разольёшь* (*разлей*), *пальчики оближешь* (*облизать*), *есть просят* (*просит*);

3) категории числа зависимых существительных: *подносить пилюлю* (*пилюли*), *море по колено* (*колена*).

Лексическая вариантность ФЕ — результат нейтрализации семантических отношений между варьирующимися компонентами:

1) синонимическими: *бить* (*ударять*) *в нос, пустая голова* (*башка*);

2) тематическими: *уплыть* (*уйти*) *сквозь пальцы, седьмая* (*десятая*) *вода на киселе*;

3) гиперо-гипонимическими: *извиваться ужом* (*змеёй*), *пересчитать кости* (*рёбра*);

4) метафорическими: *мешать* (*путать*) *карты, старый* (*стреляный*) *воробей*;

5) метонимическими: *ногтя* (*подмётки*) *не стоит, пустая* (*дубовая*) *голова*.

Замена компонентов ФЕ происходит на основе общности их значения и утраты ими дифференциальных семантических признаков. Например, в ФЕ *брать* (*хватать*) *за сердце* 'сильно, глубоко трогать, тревожить' мена основывается на семной общности глаголов — 'овладевать чем-л.' и нейтрализации дифференциальных сем глагола *хватать* — 'поспешно', 'резко'.

Так, на основе метонимических взаимодействий возник вариантный ряд ФЕ *стреляный* (*травленый*) *волк*, где общая сема прилагательных — 'опытный', а дифференциальные признаки компонента *травленый* — 'подвергшийся', 'травле' — нейтрализовались в контексте ФЕ.

Количественное варьирование связано с сокращением числа компонентов ФЕ: *пускать <красного> петуха, пройти <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>*.

ФРАЗЕОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА

Фразеологизмы образуют систему, представленную определенными организациями слов — фразеолого-семантическими парадигмами.

1. Фразеологическими омонимами называются идентичные по фонетической (графической) и грамматической структуре ФЕ, не имеющие в современном языке внутренних семантических связей. Омонимические парадигмы могут быть двучленными: *зелёная улица*[1] 'отсутствие препят-

ствий, задержек для осуществления чего-л.', *зелёная улица*^{2} '*устар.* строй солдат, сквозь который прогоняли наказуемых' и многочленными: *отдать концы*^{1} 'ошвартоваться', *отдать концы*^{2} 'убежать', *отдать концы*^{3} 'умереть'.

Омонимическая парадигма может быть представлена разными семантическими типами ФЕ: *зелёная улица*^{1} (фразеологическое единство), *зелёная улица*^{2} (фразеологическое сращение).

2. Фразеологические синонимы — это близкие по значению ФЕ, обозначающие одно и то же явление действительности.

Семантические типы фразеологических синонимов те же, что и у слова. Идеографическими (семантическими) называются фразеологические синонимы, имеющие различительные признаки содержательного (семного) и/или образного характера, разную внутреннюю форму. Например, ФЕ-синонимы *под мухой, под градусом, под хмельком* при общем значении 'в состоянии опьянения или в состоянии легкого опьянения' разнятся внутренней формой.

Стилистическими являются фразеологические синонимы, которые обладают различными коннотациями: *лечь в гроб* (нейтр.), *уйти в лучший мир* (высок.), *дать дуба* (унич. и груб.) при общем значении 'умереть'.

Стилевыми считаются фразеологические синонимы, различающиеся принадлежностью к стилям речи (книжному, разговорному) или относящиеся к просторечию: *ни за какие блага* (разг.), *ни за какие коврижки* (прост.).

Выделяют синонимы одноструктурные и разноструктурные:

1) к одноструктурным фразеологическим синонимам относятся: а) однокомпонентные синонимы, у которых совпадает один компонент: *взбредать в голову, взбредать на ум* в значении 'внезапно появляться, возникать'; б) одномодельные синонимы — с одинаковой структурой и одним видом связи между компонентами: *гонять лодыря, считать галок, бить баклуши* в значении 'бездельничать' (гл. + сущ. в вин. п.);

2) к разноструктурным относятся фразеологические синонимы, образованные по разным моделям: *капля в море, с гулькин нос, малую толику.*

Доминантой в синонимическом фразеологическом ряду является нейтральное слово, широкое по семантике, лишенное коннотаций. По отношению к доминанте определяются дифференциальные признаки и типы синонимов.

3. Антонимическую парадигму образуют фразеологизмы, противоположные по значению и соотносительные по общности лица, предмета, признака, действия: (*у кого-л.*) *толстый карман* 'кто-л. очень богат, имеет много денег' — (*у кого-л.*) *тощий карман* 'кто-л. очень беден, совсем не имеет денег или испытывает нужду в деньгах'; *заваривать кашу* 'затевать сложное, хлопотное или неприятное дело' — *расхлёбывать кашу* 'распутывать сложное, хлопотное или неприятное дело'.

Семантические типы фразеологических антонимов аналогичны типам слов-антонимов. Контрарными считаются антонимы, обладающие промежуточным, «средним» членом: *с младых ногтей* 'смолоду, с раннего детства' — <*в зрелом возрасте*> — *на старости лет* 'в преклонных годах'; *идти в гору* 'развиваться в благоприятном направлении, успешно' — <*стоять на одном месте* 'не продвигаться вперед, не развиваться'> — *идти под гору* 'развиваться в неблагоприятном направлении, резко ухудшаться'.

Контрадикторные (противоречащие, или комплементарные) антонимы не обладают промежуточным, «средним» членом и обозначают видовые понятия, дополняющие друг друга до единого родового понятия: *на краю света* 'очень далеко' — *рукой подать* 'совсем близко'; *выходить из себя* 'приходить в состояние крайнего возбуждения' — *приходить в себя* 'успокаиваться, переставать бояться, беспокоиться, волноваться'.

Конверсивные (векторные) антонимы выражают противоположные, разнонаправленные действия или признаки: *со щитом* 'возвращаться, приходить и т. д. победителем' — *на щите* 'возвращаться, приходить и т. д. побежденным'.

Различаются антонимы одноструктурные и разноструктурные:

1) одноструктурные фразеологические антонимы представлены одномодельными ФЕ: (*у кого-л.*) *язык хорошо подвешен* 'кто-л. умеет свободно, гладко говорить' — (*у ко-*

го-л.) язык плохо подвешен ‘кто-л. не умеет свободно, гладко говорить’; *надевать маску* ‘скрывать свою подлинную сущность’ — *сбрасывать маску* ‘обнаруживать свою истинную сущность’;

2) разноструктурные фразеологические антонимы представлены разномодельными единицами: *тянуть канитель* ‘медлить, затягивать какое-л. дело’ — *в пожарном порядке* ‘экстренно, спешно, чрезвычайно быстро (делать что-л.)’.

Фразеологическая антонимическая парадигма сложнее лексической по своей семантике за счет наличия у ФЕ внутренней формы, а также за счет существования вариантов у фразеологических антонимов.

Парадигматика фразеологизмов показывает, что ФЕ вступают в те же семантические отношения, что и слова. Это свидетельствует о том, что и слово (основная одинарная номинация), и фразеологизм (косвенно-номинативная составная номинация) обладают одинаковыми парадигматическими отношениями.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Как и в лексике, во фразеологии по характеру функционирования вычленяются две группы ФЕ: активные и пассивные.

1. К активным фразеологизмам относятся общеупотребительные ФЕ, хорошо известные в разных сферах человеческой деятельности: *ломать голову, отрезанный ломоть, с головы до ног, нашла коса на камень.*

2. К пассивным фразеологизмам относятся устарелые ФЕ, терминологические ФЕ (термины и профессионализмы) и ФЕ-неологизмы.

В составе устарелых ФЕ выделяются:

1) историзмы — ФЕ, обозначающие реалии, вышедшие из употребления: *зелёная улица* ‘наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России’, *адмиральский час* ‘полдень, время завтрака или раннего обеда’;

2) архаизмы — ФЕ, вытесненные из обихода современными оборотами речи: *андроны едут* ‘ерунда, чепуха, полная

бессмыслица', (*от кого-чего-л.*) *без души* 'в восторге, восхищении'.

Терминологические ФЕ обозначают понятия, орудия или продукты труда в определенной области науки или производства. Термины называют понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства: *железный век* '*археол.* эпоха первобытной культуры, когда человек начал применять железо', *мёртвая точка* '*техн.* положение звеньев механизма, когда они находятся в состоянии магнитного равновесия'. В роли терминов выступают обычно фразеологические сочетания: *белый свет* '*физ.* сложное излучение, испускаемое телами, нагретыми приблизительно до 2000° С или больше', *белые стихи* '*филол.* стихи без рифмы'.

Профессионализмы функционируют в разговорной речи и являются принадлежностью коллектива, объединенного общей производственной деятельностью. От ФЕ-терминов их отличает меньшая строгость значения, бóльшая экспрессия и образность. Профессионализмы довольно широко употребляются в языке, и поэтому они обычно не имеют специальных помет: *сумасшедший дом* 'больница для душевнобольных', *жёлтая вода* 'то же, что *глаукома*', *царская водка* 'смесь азотной и соляной кислот, действующая на золото'.

Фразеологические неологизмы, возникшие и закрепившиеся в языке, регистрируются толковыми словарями: *уголок живой природы* 'собрание живых растений и животных, используемых для наблюдения и опытов в школе, детском лагере и т. д.'. Вновь возникшие устойчивые сочетания слов включаются в словари-справочники типа «Новые слова и значения» после специального знака (например, □): (*ремонт*) *с ноги* 'ремонт обуви в присутствии заказчика', (*уголь*) *с колёс* 'только что привезенный', (*репортаж*) *с колёс* 'только что произведенный', *королева спорта* 'легкая атлетика'.

Таким образом, ФЕ, как и слово, обладая эпидигматикой, парадигматикой и синтагматикой, имеет собственную специфику, обусловленную характером семантики наименования. Наличие же у слова и ФЕ общих характеристик подтверждает мысль о существовании в языке единой лексико-фразеологической системы, где фразеология — особый подраздел косвенных, составных именований, которым свойственны свои дифференциальные признаки.

Лексикография

Лексикография (<гр. *lexikos* — относящийся к слову + *graphō* — пишу) — раздел языкознания, который занимается теорией и практикой составления словарей. Объем, характер и аспект изложения информации определяют тип словаря — энциклопедический или лингвистический.

Энциклопедический словарь (энциклопедия) — это научное справочное издание в форме словаря, где в алфавитном порядке излагаются основные сведения по всем отраслям знания. В энциклопедии помещены имена выдающихся людей, названия стран, городов, рек, терминология науки, искусства и т. д.

Лингвистический словарь — это научное справочное издание, где в алфавитном порядке помещены слова (все части речи) и устойчивые сочетания слов с их толкованием, ударением, грамматическими, стилевыми, стилистическими и другими специальными языковыми пометами.

По типу информации, которая содержится в лингвистических словарях, различаются словари толковые и аспектные. В аспектном словаре помещаются специализированные сведения о парадигматике слова (словари синонимические, антонимические и др.), его грамматических свойствах (словари грамматические, морфемные, словообразовательные, правильности речи, сочетаемости слов и др.), истории слова (словари этимологические, исторические и др.), правилах написания и произношения слова (словари орфографические, орфоэпические), распространении слова на определенной территории (словари диалектные) и т. д.

В толковом словаре излагаются общие гносеологические (познавательные) и лингвистические сведения о слове

в основном в форме обыденных понятий и (редко) кратких научных понятий. В зависимости от объема информации, сообщаемой в словаре, составляются однотомные и многотомные словари. Нормативные сведения о современном русском слове помещены в четырех наиболее полных и авторитетных толковых словарях.

Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949; сокращенно — СО) толкует около 50 100 слов. Однотомный «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, дополнившей и переработавшей словарь С. И. Ожегова (1993; сокращенно — СОШ), включает 72 500 слов и 7500 устойчивых сочетаний слов.

Четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940, переиздан в 1947—1948 гг.; сокращенно — ТУ) толкует 85 289 слов. Этот словарь послужил нормативным образцом в системе отбора слов и их стилистико-грамматического описания.

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» [1950—1965; сокращенно — БАС (Большой академический словарь) или ССРЛЯ], энциклопедический по объему, характеру и типу толкования информации, включил 120 480 слов — лексику от Пушкина до наших дней.

Четырехтомный «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [1957—1961; 3-е изд., 1985—1988; сокращенно — МАС (Малый академический словарь) или СРЯ] фиксирует лексику от Пушкина до наших дней, но в меньшем объеме, чем ССРЛЯ, — около 90 000 слов.

Толковый словарь состоит из расположенных в алфавитном порядке словарных статей, в которых помещается *заглавное слово* и под ним (с целью сокращения объема словаря) фиксируются его наиболее употребительные производные слова.

Словарная статья — это краткая лингвистическая энциклопедия о слове, его лексикографическое описание.

В статье выделяются *структурные* компоненты:

1) заглавное слово;

2) толкование слова: а) система грамматических, стилевых и стилистических помет; б) дефиниция (определение) лексического значения; в) иллюстративный материал как средство семантизации (подтверждения толкования) слова;

3) фразеологизмы по опорному для них компоненту — заглавному слову статьи;

4) производные слова. Например, статья из СОШ:

ЛОБ, лба, о лбе, во (на) лбу, *м.* Верхняя лицевая часть черепа. *Высокий л.* (большой)... ◊ **В лоб** — 1) с фронта, в переднюю часть чего-н.; 2) в упор, без обиняков (*разг.*) // *уменьш.* **лóбик**, -а, *м.* // *прил.* **лóбный**, -ая, -ое.

Разные типы толковых словарей используют различные по характеру и объему дефиниции, которые характеризуют узуальное значение слова, представление его в обобщенном виде. В результате неизбежны семантические разногласия между словарной дефиницией и актуализованным словом. Например: **крахмальный** — 'приготовленный из крахмала'. *Крахмальный клейстер. Судья должен был есть одни только лепёшки из гречневой крупы да крахмальный кисель* (Г.) — здесь речение (сочетание слов) *крахмальный клейстер* подтверждает дефиницию, однако пример из художественной литературы не соответствует ей, так как в сочетании *крахмальный кисель* имеется значение 'содержащий в себе крахмал', и слово обладает более широким значением, чем дефиниция.

Выделяются три основных типа дефиниций, используемых в толковых словарях современного русского языка: описательная, синонимическая и отсылочная (деривационная). О п и с а т е л ь н а я дефиниция определяет значение слова путем указания на объект действительности, что раскрывается введением родового понятия (гиперсемы) и набора дифференциальных признаков (видовых понятий — гипосем). В лингвистическую дефиницию иногда включаются элементы энциклопедизма. Например: **роза** — 'кустарниковое растение семейства розоцветных [гиперсема] с крупными душистыми цветками красных, розовых, белых или желтых тонов и со стеблями, обычно покрытыми шипами [гипосемы]'. Ср. дефиницию с энциклопедическими компонентами: **горчица** — 'травянистое растение семейства крестоцветных [гипосема] с желтыми цветками [гиперсема], семена которого используются в пищевой промышленности, в медицине и технике [гипосемы энциклопедической значимости]'.

Дефиниции терминов воспроизводят специализированные знания науки, в отличие от дефиниций остальной лексики, которые воспроизводят объект описания. Но и здесь определение

включает в себя две части — родовые понятия и дифференциальные (видовые) признаки. Например: **католицизм** — 'одно из основных (наряду с православием и протестантизмом) направлений в христианстве [гиперсема религиозного толка] со своей церковной иерархической организацией, возглавляемой Папой Римским [гипосемы аналогичной семантики]'.

С и н о н и м и ч е с к о й называется такая дефиниция, которая раскрывает значение слова через тождественные или близкие по значению слова. Синонимическое толкование может вводиться с указанием *то же, что...* Например: **рыхлый** — 'не упругий, излишне пухлый, дряблый'; **авиатор** — 'то же, что *летчик*'.

О т с ы л о ч н а я (деривационная) дефиниция содержит характеристику категориальной принадлежности слова и сохраняет мотивирующие и мотивированные связи значений. Например: **ружейный** — 'относящийся к ружью'; **краска** — '*разг.* действие по 1-му знач. гл. *красить*'; **красавчик** — '*прост., ласк.* красавец'.

Не находит в толковых словарях полного отражения лексическая и семантическая сочетаемость (синтагматика) слова. Например, при общем значении 'буро-желтый' слова *коричневый, карий* и *каштановый* разнятся своей лексической сочетаемостью: *коричневый костюм, диван, портфель,* но *карий глаз, каряя масть* (о лошади) и *каштановые волосы.* Или: семантика слов *есть* 'принимать пищу' и *пить* 'проглатывать в каком-л. количестве жидкость' определяет их семантическую сочетаемость: *есть, пить бульон* ('отвар из мяса'), но *есть, *пить борщ* ('суп со свеклой и др. овощами')[1], т. е. возникают смысловые ограничения в связях слов.

Следует различать значение и употребление слова. З н а ч е н и е слова — это социально закрепленная за его звучанием (или графическим выражением) системная соотнесенность слова с определенным понятием. У п о т р е б л е н и е же слова — это «или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова... в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью»[2]. В словарях употребление слова обычно

---

[1] Звездочка указывает на невозможность сочетания слов.

[2] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. С. 182.

указывается за вертикальной чертой. Например: **вещь** — 'всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.) | *обычно мн. ч.* (ве́щи, -е́й). О платье, одежде, мелочах личного обихода'.

В лексикологии и лексикографии употребляется и традиционное понятие «оттенок значения слова». О т т е н о к з н а ч е н и я — это побочное, сопутствующее значение слова, существующее рядом с основным. В толковых словарях оттенок значения указывается либо после двух параллельных вертикальных черточек, либо после точки с запятой. Например: **дебют** — 'первые выступления артиста на сцене || первое публичное выступление на каком-л. поприще'; **дружественный** — 'основанный на дружбе; взаимно благожелательный (о народах, государствах, отношениях между ними)'.

В словарях нередко наблюдаются разночтения в регистрации вариантов формы слова. Ср.: *белесый* (СРЯ), *белесый* и *белёсый* (ССРЯ), *белёсый* (СОШ). Лексикографические разногласия объясняются развитием языковой нормы, приводящей к устареванию тех или иных вариантов, регистрируемых словарями, вышедшими в разное время, а также позицией составителя словарной статьи.

В лексикографической практике функционирование слова в определенном стиле (стилевая помета) и стилистическое значение (семантико-стилистическая помета) либо представляются в иерархической градации, где стилистическое — разновидность стилевого (*балбес* — разг., презр.), либо регистрируются как книжное, письменного изложения и устарелое, где устарелое — разновидность книжного (*воспрять* — книжн., устар.).

Для книжного стиля толковые словари, как правило, помимо функциональной пометы родового характера, дают пометы видового характера: *неоспоримость* (книжн.), *питомец* (книжн.), *послание* (книжн., офиц.), *исходящий* (офиц.-дел.). Как синкретичные стилево-стилистические пометы книжного стиля в словарях используются пометы «высокое» и «народнопоэтическое»: *возмездие* (книжн., высок.), *мо́лодец* (нар.-поэт.). Слова публицистического подстиля (*гуманизм, демократия, гласность* и т. п.) не получают лексикографических помет.

Терминология, связанная с лексикой научного подстиля, имеет помету «специальное» или «отраслевые» пометы: *лещина* (спец.), *линь* (спец.), *гамма* (муз.), *гамма-лучи* (физ.), *доспехи* (ист.), *душица* (бот.).

Стилистические коннотации (эмоционально-оценочно-экспрессивное значение) фиксируются в словарях многочисленными пометами: «бранное», «ироническое», «ласкательное», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «уменьшительное», «уничижительное», «шутливое» и т. п.: *брюшко* (уменьш.-ласк.), *гикать* (неодобр.), *душещипательный* (ирон.), *писанина* (презр.), *разносторонность* (одобр.). Возможны синкретические (объединенные) пометы: *барынька* (уничиж. и ласк.), *расстрига* (презр. и ирон.).

Слова разговорного стиля и просторечные имеют родовую помету: *негодник* (разг.), *планшетка* (разг.), *скалиться* (разг.), *негожий* (прост.), *ругня* (прост.), *сказануть* (прост.).

В толковых словарях идиомы (фразеологические сращения и единства) и фразеологические сочетания регистрируются различно. В СРЯ и СОШ идиомы помещаются после значка ◊ (стоячий ромб); в ССРЛЯ идиомы выделяются знаком ~ (тильдой), а фразеологические сочетания фиксируются после знака ◇ (лежачий ромб).

В толковых словарях отмечается в основном стилевая маркированность ФЕ книжного и просторечного характера: *альфа и омега* (книжн.), *от аза до ижицы* (книжн.), *лезть на рожон* (прост.), *лопни мои глаза* (прост.). Кроме того, используются следующие стилистические пометы: «бранное», «ироническое», «ласкательное», «неодобрительное», «почтительное», «презрительное», «уменьшительное», «уничижительное», «шутливое» и др.: *история с географией* (шутл.), *носить воду решетом* (ирон.), *чернильная душа* (пренебр. — о бюрократе), *пошёл к чёрту* (бран.). Возможны и синкретические стилистические пометы: *кладезь премудрости* (шутл., ирон.).

Отмечается также область специального применения ФЕ — «медицина», «физика», «спорт», «ботаника» и др.: *тёмная вода* (мед.), *тяжёлая вода* (физ.), *гигантские шаги* (спорт.), *глухая крапива* (бот.).

Все словари, и толковые и аспектные, учат правильному употреблению слов, соблюдению норм современного русского языка.

Рекомендуемая литература

Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. М., 1977.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.

Разновидности городской устной речи / Под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской. М., 1988.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М., 1990.

Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1983 (и последующие издания).

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985 (и последующие издания).

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974 (и последующие издания).

Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1971 (и последующие издания).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980 (и последующие издания).

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд. М., 1995.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского зыка. М., 1976 (и последующие издания).

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972 (и последующие издания).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993 (и последующие издания).

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976 (и последующие издания).

Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2-е изд. М., 1997.

Словарь иностранных слов. М., 1988.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1980—1984 (и последующие издания).

Словарь синонимов: Справочное пособие / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1975.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970—1971.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.—Л., 1950—1965 (и последующие издания).

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940 (и последующие издания).

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978 (и последующие издания).

Фразеологический словарь синонимов / Под ред. В. П. Жукова. М., 1978 (и последующие издания).

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1975 (и последующие издания).

Фонетика
Орфоэпия

Фонетика

Фонетика (<греч. *phōnē* — звук, *phōnētikos* — звуковой) — учение о звуковой стороне языка. Это наука, изучающая звуки и их закономерные чередования, а также ударение, интонацию, особенности членения звукового потока на слоги и более крупные отрезки. Фонетикой называют также и саму звуковую сторону языка.

Фонетика занимает особое место среди лингвистических наук. Лексикология и грамматика изучают смысловую сторону языка, значения, заключенные в словах, предложениях и в значимых частях слова — морфемах. Фонетика же имеет дело с материальной стороной языка, со звуковыми средствами, лишенными самостоятельного значения. Например, союз *а* — это слово, имеющее противительное значение, но звук [а] этого значения не имеет.

Фонетическая система языка может быть представлена в ее современном состоянии. Установление звуковой системы языка на определенном этапе ее развития — это задача описательной фонетики.

На протяжении эпох язык развивается, изменяется и его звуковая система. Исследование того, как происходило это изменение, какие звуковые единицы были в языке прежде и чем они заменялись потом, как менялись чередования звуков в разные эпохи, составляет предмет исторической фонетики.

Бывает необходимо (например, при изучении чужого языка) сравнить звуковой строй разных языков, установить сходство и различия между ними. Сопоставление изучаемого и

родного языков в первую очередь нужно для того, чтобы понять особенности чужого языка. Но сопоставление проливает свет и на закономерности родного языка. Иногда сравнение родственных языков помогает проникнуть в глубь их истории. Такое изучение нескольких языков входит в задачу сопоставительной фонетики.

Предметом исследования общей фонетики является то, что свойственно звуковой стороне всех языков. Общая фонетика изучает строение речевого аппарата человека и использование его при образовании звуков речи, рассматривает закономерности изменения звуков в речевом потоке, устанавливает классификацию звуков, соотношение звуков и абстрактных фонетических единиц — фонем, определяет общие принципы членения звукового потока на звуки, слоги и более крупные единицы.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКИ

Звуковой строй языка можно изучать разными способами. Можно вслушиваться в свою речь и речь окружающих, сопоставляя звуки и устанавливая их различие. Можно анализировать свое мышечное чувство и определять способы образования звуков. Это методы непосредственного наблюдения и самонаблюдения. Многие лингвисты приходили таким образом к важным открытиям.

С развитием техники широкое распространение получили инструментальные методы изучения фонетики. С помощью звукозаписывающей аппаратуры речь может быть зафиксирована и воспроизведена. Звучащую речь можно увидеть на экране компьютера в виде спектрограммы, осциллограммы, интонограммы, огибающей интенсивности. Так изучаются звуки с акустической точки зрения. Можно изучать и артикуляцию, т. е. движение и положение органов речи при произнесении звуков. Киносъемка, например, помогает установить движение губ. Фотографируя после произнесения разных звуков язык и нёбо, смазанные специальным составом, определяют площадь смыкания языка с нёбом. Профили органов речи при артикуляции изолированных звуков получают на рентгеновских снимках. Для исследования потока речи применяют кинорентген.

В литературном языке существуют произносительные варианты: например, в слове *дрожжи* шипящий звук произносят мягко и твердо. Как узнать, насколько широко распространено то или иное произношение, какие слои населения употребляют тот или иной вариант? Таким изучением занимается социофонетика. Обследование проводится с помощью анкет, вопросников: «Как Вы произносите буквенное сочетание *чн* в следующих словах (подчеркните): *було*^{ч}*ная* или *було*^{ш}*ная, взято*^{ч}*ник* или *взято*^{ш}*ник, горчи*^{ч}*ник* или *горчи*^{ш}*ник?*»; «Одинаково ли Вы произносите слова (*дремучие*) *леса* и (*рыжая*) *лиса?* Да. Нет. (Подчеркните нужное.)» и т. д. Данные, полученные с помощью вопросников, дают представление о том, как говорят определенные группы населения, различающиеся по возрасту, профессии, месту жительства и др.

ЗВУКОВОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РЕЧИ

Наша речь представляет собой поток звуков, звуковую цепь. Эта цепь членится на отрезки — речевые единицы, выделяемые различными фонетическими средствами. В русском языке такими единицами являются фраза, речевой такт, фонетическое слово, слог и звук.

Фраза — это отрезок речи, объединенный особой интонацией и фразовым ударением и заключенный между двумя достаточно длительными паузами. Например, звуковая цепь *Было ветрено, сыро и скверно.* ‖ *Дверь в сад была открыта,* ‖ *на почерневшем от мокроты полу террасы высыхали лужи ночного дождя* (Л. Т.) членится паузами на три фразы (границы между фразами обозначаются двумя вертикальными чертами). Фраза соответствует относительно законченному по смыслу высказыванию. Однако фразу нельзя отождествлять с предложением. Фраза — это фонетическая единица, а предложение — грамматическая, они относятся к разным уровням языка. Они и линейно могут не совпадать. Так, в приведенном примере в одном сложном предложении две фразы. Одно сложное предложение может соответствовать и одной фразе: *Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез* (Г.); *Она не сводит глаз с дороги, что идёт через рощу* (Гонч.).

Фраза может членироваться на речевые такты. Речевой такт (или фонетическая синтагма) также характеризуется особой интонацией и тактовым ударением, но па-

узы между тактами не обязательны, и они короче межфразовых пауз. Например, фраза *Было ветрено,* | *сыро* | *и скверно* состоит из трех тактов (границы между тактами обозначаются одной вертикальной чертой).

Членение речевого потока на фразы и такты обусловлено смыслом, значением, которое говорящий вкладывает в высказывание. Наличие оттенков значения отражается на допустимых колебаниях в членении речевого потока. Так, возможны варианты членения фразы на речевые такты; ср.: *На другой день весть о пожаре* | *разнеслась по всему околотку.* (П.) — *На другой день* | *весть о пожаре* | *разнеслась по всему околотку. — На другой день* | *весть о пожаре* | *разнеслась* | *по всему околотку.* В некоторых случаях варианты членения фразы на речевые такты отражают разное значение; ср.: *Надо учиться,* | *работать* | *и отдыхать. — Надо учиться работать* | *и отдыхать*; *Как испугали её* | *слова брата. — Как испугали её слова* | *брата.*

Речевые такты, состоящие более чем из одного слова, характеризуются смысловой и синтаксической цельностью. Поэтому невозможно такое, например, членение на такты: *на* | *другой день* или *на другой* | *день.*

Итак, фраза и речевой такт выделяются ритмико-интонационными средствами, членение речевого потока на фразы и такты связано со смыслом и синтаксическим членением.

Речевой такт может состоять из одного или нескольких фонетических слов. Ф о н е т и ч е с к о е с л о в о — это отрезок звуковой цепи, объединенный одним словесным ударением. Фонетическое слово может соответствовать одному или нескольким лексическим словам. Так, во фразе *В ту же ночь* | *широкая лодка* | *отчалила от гостиницы...* (Т.) три речевых такта, в каждом из которых по два фонетических слова (сочетания слов *в ту же, от гостиницы* образуют одно фонетическое слово). Фонетическое слово делится на слоги, а слоги — на звуки.

Разные линейные отрезки речевого потока называются с е г м е н т н ы м и е д и н и ц а м и. Звук — это наименьшая сегментная единица. Каждая следующая по величине сегментная единица состоит из более мелких: слог — из звуков, фонетическое слово — из слогов, речевой такт — из слов, фраза — из тактов.

Объединение сегментных единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря суперсегментным (или просодическим) единицам, которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся: слоговость/неслоговость звуков, ударение и интонация.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

При изучении фонетики необходимо передавать на письме звучащую речь возможно более точно. Поэтому пользуются особой записью, которая называется фонетической транскрипцией. Ее основные принципы:

1) каждая буква должна обозначать звук, не должно быть букв, не обозначающих звуков;

2) каждая буква должна обозначать один звук, а не сочетание звуков;

3) каждая буква должна обозначать всегда один и тот же звук.

Русская фонетическая транскрипция использует буквы русского алфавита. Но некоторые буквы в записи речи не употребляются: *я, ю, е, ё* не отвечают второму и третьему принципам транскрипции; *щ* может читаться по-разному и тоже не отвечает этим принципам; вместо *й* употребляется [и̯].

Буквы *ъ*, *ь* используются в транскрипции в особом значении. Звук [ъ] обозначает гласный, средний между [ы] и [а], произносящийся, например, на месте букв *о*, *а* во втором предударном и заударном слогах: *п*[ъ]*руби́ть*, *п*[ъ]*руси́на*, *вы́п*[ъ]*лз*, *вы́п*[ъ]*л*. Звук [ь] обозначает гласный, близкий к [и], но менее напряженный, произносящийся, наряду с [и], например, во втором предударном и заударном слогах на месте букв *и, е, я*: *р*[ь]*сова́ть*, *б*[ь]*лова́тый*, *п*[ь]*тачо́к*, *ча́йн*[ь]*к*, *ка́м*[ь]*нь*, *ме́с*[ь]*ц*.

В языке звуков больше, чем букв алфавита. Поэтому в русской фонетической транскрипции используются:

1) буква латинского алфавита *j*: [jо́лка], [дajу́];

2) буква греческого алфавита γ, которая обозначает звонкий согласный, произносящийся, например, на месте *х* в словах *дву*[γ]*годи́чный*, *свер*[γ]*звукову́й*;

3) знак ʌ, обозначающий звук, близкий к [о], но неогубленный, произносящийся частью говорящих на литературном языке, например, в первом предударном слоге: [вʌдá], [трʌвá];

4) знак [ɲ], обозначающий носовой заднеязычный звук, встречающийся, например, в словах *фу́*[ɲ]*кция, банду́*[ɲ]*гский*;

5) диакритические (надстрочные и подстрочные) знаки, которые указывают на следующие особенности звуков:

[с'] — мягкий согласный

[с·] — полумягкий согласный

[с˚] — огубленный согласный

[с̄] — долгий согласный (в этом значении употребляется также знак [:])

[д͡з] — слитный звук

[т̚] — имплозивный согласный

[л̥] — оглушенный сонорный согласный

[л̩] — слоговой согласный

[и̯] — неслоговой гласный

[·а] — гласный, продвинутый вперед и вверх в начале звучания

[а·] — гласный, продвинутый вперед и вверх в конце звучания

[ä] — гласный, продвинутый вперед и вверх на всем протяжении звучания

[и^{э}] — звук, средний между [и] и [э], но ближе к [и], «открытый [и]», «[и], склонный к [э]»

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Все звуки речи делятся на гласные и согласные. Различаются они артикуляционно и акустически.

Есть два источника звуков речи. Один — это колебания голосовых связок в момент прохождения через гортань струи воздуха. Это колебания гармонические, периодические; они создают тон, музыкальный звук. Другой источник звуков речи — шум, негармонический звук; он возникает в результате преодоления струей воздуха различных препятствий.

При образовании г л а с н ы х голосовые связки дрожат, но струя воздуха проходит через рот свободно, не встречая никаких препятствий. При образовании с о г л а с н ы х струя

воздуха преодолевает препятствие в ротовой полости. Этим основным артикуляционным различием между гласными и согласными обусловлены и другие их отличия.

Так, гласные — это чисто тоновые звуки, а согласные характеризуются наличием шума. Для гласных характерна слабая струя воздуха, а для преодоления преграды при произнесении согласных необходима более сильная струя воздуха. При образовании гласных мускульное напряжение почти в равной мере распространяется по всей ротовой полости, а при образовании согласных мускульное напряжение сосредоточено в том месте, где возникает преграда (ср., например, звуки [и] и [j]).

Гласные — ртораскрыватели: чем громче мы их произносим, тем шире раскрываем рот. Согласные — ртосмыкатели: чем громче мы их хотим произнести, тем теснее должны сблизить органы речи. Например, чтобы громче произнести [а], надо рот раскрыть шире; чтобы громче произнести [с], надо плотнее придвинуть язык к зубам.

Классификация согласных звуков

В характеристику согласных звуков входят пять основных признаков: 1) место образования; 2) способ образования; 3) уровень шума (сонорность/шумность); 4) глухость/звонкость; 5) твердость/мягкость.

1. Место образования согласного зависит от того, какой активный орган совершает основную работу и с каким пассивным органом он смыкается или сближается. Это то место во рту, где струя воздуха встречает препятствие.

Если активный орган — нижняя губа, то согласные могут быть губно-губными (пассивный орган — верхняя губа): [п], [б], [м] и губно-зубными (пассивный орган — верхние зубы): [в], [ф]. Если активный орган — язык, то характеристика согласного зависит от того, какая часть языка — передняя, средняя или задняя — участвует в создании преграды и с каким пассивным органом — зубами, передней, средней или задней частью нёба — язык сближается либо смыкается. Переднеязычные согласные бывают зубными, когда передняя часть языка направляется к зубам: [т], [д], [с], [з], [н], [л], [ц], и передненёбными, когда

она направлена к передней части нёба: [р], [ш], [ж], [ч']. Среднеязычные одновременно всегда и средненёбные: [j], [j̇]. Заднеязычные либо средненёбные: [к'], [г'], [x̂'],[γ'], либо задненёбные: [к], [г], [х], [γ].

2. Способ образования согласного — это характеристика препятствия в полости рта на пути струи воздуха и способа его преодоления. Препятствие это бывает двух родов: либо полная смычка органов речи, либо щель между ними. Поэтому все согласные делятся на смычные и щелевые.

Щелевые (или фрикативные < лат. *fricatio* — трение) образуются в результате трения струи воздуха о края сближенных органов речи, образующих узкую щель. Щелевые срединные образуются посредине сближенных органов речи: [в], [ф], [з], [с], [ж], [ш], [j], [γ], [х]. При артикуляции щелевых боковых воздух протекает сбоку ротовой полости, между боковой частью языка и зубами: [л], [л'].

Смычные согласные включают момент полного прекращения протекания струи воздуха через ротовую полость. В зависимости от характера преодоления смычки смычные делятся на взрывные, аффрикаты, имплозивные, носовые, дрожащие.

При образовании взрывных согласных сначала происходит полная задержка струи воздуха и повышение в результате этого внутриротового давления, а затем резкое размыкание органов речи и прорыв воздуха в образовавшийся проход с характерным шумом: [п], [б], [т], [д], [к], [г].

Образование аффрикат (или смычно-щелевых, слитных согласных), как и взрывных, начинается с полной смычки органов речи. Но на последней фазе сомкнутые органы не резко размыкаются, а только приоткрываются, образуя щель для выхода воздуха. Таковы, например, [ц], [ч']. Они иногда обозначаются в транскрипции и иначе: [ц] как [т͡с], [ч'] как [т'͡ш']. Такой способ обозначения указывает на неоднородность звука. Однако [т͡с] не равно [т + с] (как и [т'͡ш'] не равно [т' + ш']): [т͡с] — один слитный звук, а [т + с] — два звука. По-разному произносятся сочетания *о целевой* и *от солевой*: в первом случае слышен звук [ц] (= [т͡с]), во втором случае ему соответствуют два звука (то же *о цепной* и *отсыпной*, *о цыпке* и *отсыпке* и т. п.). Начальная и конечная фазы аффрикаты [т͡с] только напоминают звуки [т], [с], но не совпадают с ними полностью.

И м п л о з и в н ы е (или с о м к н у т ы е) согласные содержат только фазу смычки. У них нет второй фазы, как у взрывных и аффрикат. Имплозивные выступают на месте взрывных перед взрывными и аффрикатами того же места образования и на месте аффрикат перед такими же аффрикатами: *о*[т̚т]*у́да*, *по*[д̚д']*е́лка*, [к̚-к]*ому́*, *о*[т̚ц]*а́*, *пла*[т̚ ц]*е́лый* (*плат* и *плац*), *пе*[т̚' ч']*а́сто* (*петь* и *печь*).

Н о с о в ы е согласные характеризуются полным замыканием ротовой полости и одновременным опусканием нёбной занавески (мягкого нёба, оканчивающегося язычком); воздух свободно протекает через носовую полость: [м], [н], [ŋ]. Носовой заднеязычный звук [ŋ] редко встречается в русском языке. Он произносится на месте <н> перед [к], [г] обычно в тех случаях, когда дальше следует согласный: *ну*[ŋ]*кти́р*, *фра́*[ŋ]*кский*, *ко*[ŋ]*гре́сс*.

Д р о ж а щ и е согласные образуются путем дрожания (вибрации) кончика языка и смыкания и размыкания его с альвеолами: [р], [р'].

3. П о у р о в н ю ш у м а (степени его интенсивности) согласные делятся на с о н о р н ы е: [р], [л], [м], [н], [j] и ш у м н ы е: [б], [в], [г], [д], [ж], [з], [к], [п], [с], [т], [ф], [х], [ц], [ч'], [ш] и др. Интенсивность шума у шумных согласных значительно выше, чем у сонорных. Объясняется это различиями в напряженности органов речи и в силе струи воздуха при произнесении сонорных и шумных согласных. Шумные согласные образуются при большем, чем у сонорных, напряжении мышц в том месте ротовой полости, где возникает преграда струе воздуха. Поэтому и сила струи воздуха, выходящей из ротовой полости во время речи, при произнесении шумных согласных гораздо больше, чем при произнесении сонорных.

4. Г л у х и е и з в о н к и е согласные определяются по отсутствию или наличию при их произнесении голоса (тона). Голос возникает в результате того, что голосовые связки сближены и дрожат при прохождении струи воздуха. Так образуются з в о н к и е согласные: [р], [л], [м], [н], [j], [б], [в], [г], [д], [ж], [з] и др. Разница между звонкими сонорными и звонкими шумными в том, что у звонких сонорных голос обычно преобладает над шумом, а у звонких шумных шум преобладает над голосом. Без голоса, с помощью одного только шума образу-

ются г л у х и е согласные: [к], [п], [с], [т], [ф], [х], [ц], [ч'], [ш] и др. При их произнесении голосовая щель раскрыта, а голосовые связки расслаблены.

По глухости/звонкости согласные звуки образуют пары: [б — п], [в — ф], [г — к], [д — т], [ж — ш] и др. Звук [ц] глухой, но у него есть парный звонкий [дз͡], который произносится на месте <ц> перед звонким согласным: *плацдарм, Шпицберген, конец года.* Такую же пару составляют глухой [ч'] и звонкий [д'ж͡']. В словах *начбазы, мяч забили, дочь дала* перед звонким шумным согласным произносится не [ч'], а [д'ж͡']. Звук [γ] составляет звонкую пару [х] и произносится, например, в словах *двухгодичный, мох зелёный, их ждали.*

У сонорных согласных тоже есть пары звонких и глухих: [р — р̥], [л — л̥] и др. Глухие сонорные могут выступать, в частности, на конце слова после глухого согласного: *мет*[р̥], *вих*[р̥'], *смыс*[л̥], *мыс*[л̥'], *пес*[н̥'], *кос*[м̥]. Глухой [j] — пара звонкому сонорному [j] — возможен на конце слова, особенно в эмоциональной речи: *Отдá*[j̥]*!*; *Открó*[j̥]*!*; *Сто*[j̥]*!*

5. Т в е р д ы е и м я г к и е согласные звуки отличаются характерной для каждой из этих групп артикуляцией. При образовании мягких согласных язык концентрируется в передней части, а при образовании твердых — в задней части ротовой полости; ср.: [в']*ил* — [в]*ыл*, [п']*ил* — [п]*ыл*, [л']*ёг* — [л]*ог*, [р']*яд* — [р]*ад*. Это основное движение по горизонтали сопровождается напряжением и приподнятием разных участков языка. При образовании мягких согласных наблюдается п а л а т а л и з а ц и я — приподнятие по направлению к твердому нёбу передней части языка. При образовании твердых согласных наблюдается в е л я р и з а ц и я — приподнятие по направлению к мягкому нёбу задней части языка.

Согласные звуки образуют пары по твердости/мягкости: [б — б'], [в — в'], [г — г'], [д — д'], [з — з'] и др. Звук [ч'] мягкий, его твердая пара — [ч], который бывает перед [ш]: *лу́*[ч]*ше.* Звук [ц] твердый, а мягкий [ц'] произносится, например, на месте <т'> перед [с']: *пя́*[ц']*ся, ма*[ц'] *Серёжи.* У звука [ш] есть парный [ш']: [ш'] *ча́ем, мо́*[ш̄']*ный,* [ш̄']*у́ка.* У звука [ж] есть парный [ж'], который бывает почти всегда двойным, долгим: *во́*[ж̄']*и, дро́*[ж̄']*и.* Так произносят слова *во́жжи, дро́жжи* многие говорящие на литературном языке (допустимо и произношение [ж̄] на месте [ж̄']).

Уровень шума	Способ образования		Место образования							
			губные		переднеязычные		средне-язычные	заднеязычные		
			губно-губные	губно-зубные	зубные	передне-нёбные	средне-нёбные	средне-нёбные	задне-нёбные	
Шумные	Щелевые	срединные		ф в ф’ в’	с з с’ з’	ш ж ш’ ж’			х ɣ х’ ɣ’	
Сонорные							j̆ j j̆			
		боковые			л̆ л л̆’ л’					
	Смычные	носовые	м̆ м м̆’ м’		н̆ н н̆’ н’					ɳ
		дрожащие				р̆ р р̆’ р’				
Шумные		взрывные	п б п’ б’		т д т’ д’				к г к’ г’	
		аффрикаты			ц д͡з ц’ д’͡з’	ч д͡ж ч’ д’͡ж’				
		имплозивные	ɓ ɗ ɓ’ ɗ’		ƭ ɗ ƭ’ ɗ’				ƙ ɠ ƙ’ ɠ’	

Только у звука [j] не может быть твердой пары. У остальных мягких согласных поднятие языка по направлению к твердому нёбу — артикуляция, дополнительная к основному способу образования согласного. У [j] же поднятие средней части языка по направлению к твердому нёбу является основной артикуляцией, без которой никакого согласного звука вообще не возникает.

В таблице на с. 92 перечислены важнейшие признаки и основные звуки современного русского литературного языка (в каждом квадрате слева — глухие, справа — звонкие, вверху — твердые, внизу — мягкие). Но, конечно, не все. Если, например, сравнить начальные звуки слов *сад* и *суд*, *дам* и *дум*, *таз* и *туз*, то можно заметить разницу в их артикуляции. Перед [а] согласные произносятся без напряжения губ, а перед [у] — с округленными и вытянутыми губами. Мы еще только приготовились произнести слова *суд*, *дум*, *туз*, а губы уже приняли это положение. Такая дополнительная артикуляция называется лабиализацией (<лат. *labium* — губа), а согласные звуки [с°], [д°], [т°] и т. п. называются лабиализованными (или огубленными). Звуки [с°], [д°], [т°] отличаются от [с], [д], [т] артикуляцией и на слух. (Эту разницу можно услышать, если начать произносить слово *сад* и остановиться после первого согласного, затем начать произносить слово *суд*, но произнести только первый согласный.) В русском языке лабиализация согласных всегда связана с их положением перед [у], [о] или лабиализованным согласным; исключений нет. Поэтому в транскрипции она обычно не отмечается.

Классификация гласных звуков

Гласные — это чисто тоновые звуки. Возникнув в гортани в результате колебания голосовых связок, музыкальный тон, голос приобретает особый тембр в надгортанных полостях. Рот и глотка — это те резонаторы, в которых и формируются различия между гласными. Эти различия определяются объемом и формой резонирующих полостей, которые могут изменяться в результате движений губ, языка и нижней челюсти. Каждый гласный произносится при осо-

бом, свойственном только этому звуку положении органов речи.

Классификация гласных звуков основывается на трех признаках: 1) участии губ; 2) степени подъема языка по вертикали по отношению к нёбу; 3) степени продвинутости языка вперед или отодвинутости назад по горизонтали.

1. По участию губ гласные делятся на о г у б л е н н ы е (или л а б и а л и з о в а н н ы е) и н е о г у б л е н н ы е (или н е л а б и а л и з о в а н н ы е). При образовании огубленных гласных губы сближаются, округляются и выпячиваются вперед, уменьшая выходное отверстие и удлиняя ротовой резонатор. Степень огубленности может быть различной: меньшая у [о], бóльшая у [у]. Гласные [а], [э], [и], [ы] неогубленные.

2. По степени подъема языка по вертикали по отношению к нёбу различаются гласные в е р х н е г о п о д ъ е м а: [и], [ы], [у]; с р е д н е г о п о д ъ е м а: [э], [о]; н и ж н е г о п о д ъ е м а: [а]. При артикуляции гласных верхнего подъема язык занимает крайнее верхнее положение. Нижняя челюсть при этом обычно слегка отходит от верхней, создавая узкий раствор рта, поэтому гласные верхнего подъема называют также у з к и м и. При артикуляции гласных нижнего подъема нижняя челюсть обычно опущена в крайнее нижнее положение, создавая широкий раствор рта, поэтому гласные нижнего подъема называют также ш и р о к и м и.

3. По степени продвинутости языка вперед или отодвинутости его назад по горизонтали различаются гласные п е р е д н е г о р я д а: [и], [э]; с р е д н е г о р я д а: [ы], [а]; з а д н е г о р я д а: [у], [о]. При артикуляции гласных переднего, среднего или заднего ряда язык концентрируется соответственно в передней, средней или задней части полости рта. Форма языка при этом бывает различна. При образовании гласных переднего ряда по направлению к передней части нёба приподнимается передняя часть языка. При образовании гласных заднего ряда приподнимается по направлению к задней части нёба задняя часть языка. А при образовании гласных среднего ряда язык либо приподнимается средней частью к средней части нёба, как бывает иногда при произнесении [ы], либо лежит плоско, как при произнесении [а].

Но деление на три подъема и три ряда не отражает всего богатства гласных звуков. Так, кроме [и], есть еще звук, произносящийся с несколько большей открытостью рта и чуть более низким подъемом языка. Этот звук называют «[и] открытым»; в более точной транскрипции это [и^{э}], т. е. «[и], склонный к [э]». Есть «[э] закрытый» — звук, отличающийся от [э] несколько большей закрытостью рта и чуть более высоким подъемом языка; в более точной транскрипции это [э^{и}] или [ӭ]. Таким образом, о т к р ы т ы е и з а к р ы т ы е гласные — это «оттенки» звуков, произносящиеся с несколько большей открытостью/закрытостью рта и несколько меньшим/большим подъемом языка.

Оттенки звуков можно рассматривать как особые звуки. Тогда и таблица гласных должна быть более детальна (хотя и в ней показаны, конечно, не все гласные русского языка):

Подъем	Ряд				
	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
Верхний	и	ÿ	ы		у
Верхне-средний	и^{э} ӭ	ö	ы^{ъ}		
Средний	э	э^{ъ}	ъ		о
Средне-нижний		ä	а^{ъ}	ʌ	
Нижний			а		

Гласный [ъ] произносится, например, в словах *п*[ъ]*рохо́д*, *го́р*[ъ]*д*. Изолированно его можно произнести, если образовать непрерывный ряд звуков от [ы] к [а] и остановиться посредине.

Гласные [ä], [ӭ], [ö], [ÿ] продвинуты вперед и вверх по сравнению с [а], [э], [о], [у]. Произносятся они между мягкими согласными: *пять* [п'ät'], *петь* [п'ӭт'], *тётя* [т'ö т'ъ], *тюль* [т'ÿл'].

Гласный [э^{ъ}] произносится под ударением после твердых согласных: *м*[э^{ъ}]*р*, *ш*[э^{ъ}]*ст*. (Для обозначения этого гласного употребляется и другой знак транскрипции: [э⃗] — стрелка с развернутыми «крылышками» над буквой означает сдвиг гласного назад.)

Гласные [и^{э}], [ы^{ъ}], [а^{ъ}] бывают только в безударном положении: [и^{э}]*скри́ть*, *д*[ы^{ъ}]*ши́*, *в*[а^{ъ}]*да́*. У некоторых говорящих вместо [а^{ъ}] звучит [ʌ] — неогубленный гласный, по положению языка средний между [а] и [о].

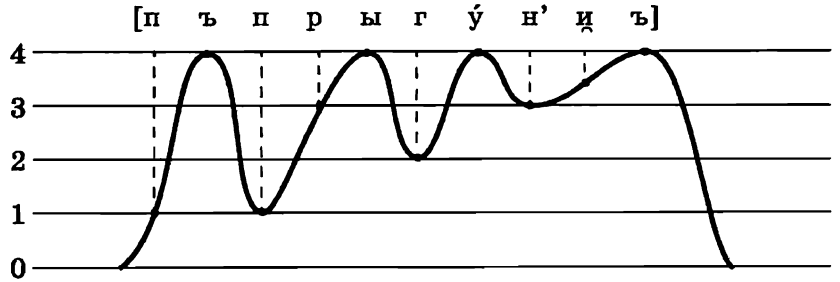
СЛОГ

Наша речь членится на слова, а слова — на слоги. С л о г может состоять из одного или нескольких звуков. Один звук в слоге слоговой (слогообразующий), остальные — неслоговые (неслогообразующие).

Существует несколько теорий слога. В современном языкознании широко признана с о н о р н а я теория слога, основанная на акустических критериях. Применительно к русскому языку она была развита Р. И. Аванесовым. По этой теории слог — это волна сонорности, звучности. В слоге группируются звуки, обладающие разной степенью звучности. Наиболее звучный — слоговой звук, остальные звуки — неслоговые.

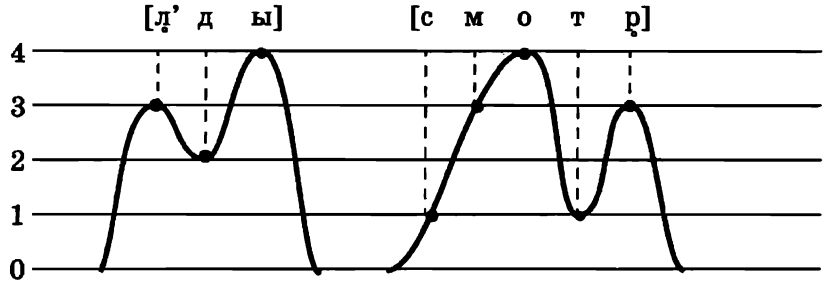
Гласные, как наиболее звучные звуки, обычно бывают слоговыми. Но, например, [и] может быть и неслоговым: *юбилей* [и̯у-б'и-л'е́и̯]. Согласные обычно бывают неслоговыми, но иногда и они могут быть вершиной слога. Чаще всего в этой роли выступают самые звучные из согласных — сонорные.

По степени звучности можно обозначить: гласные — 4, звонкие сонорные согласные — 3, звонкие шумные согласные — 2, глухие согласные — 1; пауза — 0. На линейках, соответствующих этим индексам, поместим звуки, обозначая их точками. Тогда слово *попрыгунья* будет представлено так:

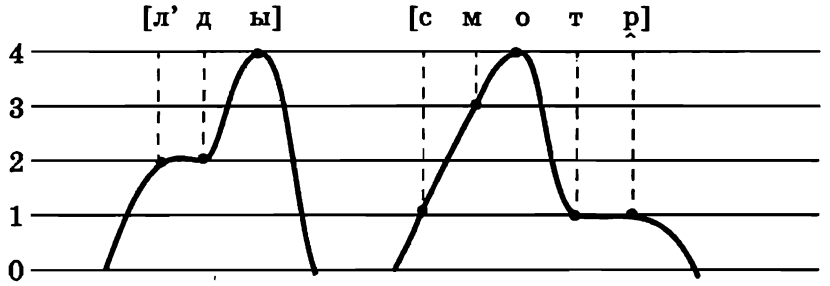


Сколько в этой волне пиков — вершин сонорности, столько и слогов. Звук [и̯] гласный, но с ослабленной сонорностью, поэтому он ниже верхней линейки.

Слова *льды, смотр* схематично выглядят так:



Эти слова двусложные, у них две вершины сонорности: [л̥'ды], [смотр̥]. Так же могут быть произнесены слова *мхи, ртуть, рвы* и *смысл, казнь* и т. п. Но эти же слова могут быть и односложными, с одной вершиной сонорности:



Сонорный при таком произнесении частично или полностью оглушается, его звучность на уровне шумного согласного, звонкого или глухого. Так же могут произноситься слова *мхи* [м̂х'и], *льстить* [л̂'с'т'ить'], *вепрь* [в'эпр̂'] и др.

Слоговые согласные нетипичны для русского языка, поэтому они часто развивают перед собой гласный: *казнь* [ка́з'ин'], *театр* [т'иа́тър], *ржи* [ᵇржы], *льняной* [ᵇл'н'ино̯й], а в диалектах [аржано̯й], [ил'н'ино̯й] и т. п. Глухой сонорный согласный плохо воспринимается на слух, поэтому он часто выпадает. С этим связано произношение *рубль* [руп'], *октябрьский* [акт'а́пск'ий] и т. п.

Слоговыми могут быть не только самые звучные звуки. Так, русские подзывают кошку междометием *кс-кс-кс*. В нем три слога, хотя все звуки глухие; слоговым здесь является звук [с]. Глухой щелевой согласный выступает слоговым и в возгласе отпугивания птиц *кш!*, и в призыве к молчанию *тс!*

В разговорной речи и в южнорусских говорах безударный гласный может выпадать, а количество слогов в слове — сохраняться. Роль слогового звука в этих случаях принимает на себя согласный, в том числе и глухой: [т̩]*пора́* (*топора*), *вы*[с̩]*пано* (*высыпано*). Такой слоговой согласный отличается от соседних звуков большей напряженностью. Следовательно, вершину слога может образовывать не только самый сонорный звук, но и самый напряженный.

У звуков, характеризующихся повышенной сонорностью и повышенной напряженностью, есть общая черта: они обладают большей силой, интенсивностью, которая проявляется в увеличении амплитуды колебания. На учете этого акустического признака слоговых и неслоговых звуков основана динамическая теория слога. С точки зрения этой теории слог — волна силы, интенсивности. Самый интенсивный звук слога — слоговой, менее сильные — неслоговые.

Слог, начинающийся неслоговым звуком, называется прикрытым: [сам], [да-ска́], [иу-ла́]. Слог, начинающийся слоговым звуком, называется неприкрытым: [он], [ил], [а́-ист]. Слог, оканчивающийся неслоговым звуком, называется закрытым: [стол], [краи̯], [паи̯-ма́т']. Слог, оканчивающийся слоговым звуком, называется открытым: [за-ко́-ны], [т'и-гр̩].

Слогораздел — это реальная или потенциальная граница между слогами. В речевом потоке слова обычно на слоги не делятся, границ между слогами нет, соседние звуки (как внутри одного слога, так и между слогами) произносятся без перерыва, «перетекают» один в другой. Но если нам нужно произнести слово или несколько слов громко и отчетливо, то сцепление между звуками ослабевает, слово распадается на слоги. Вы говорите близко стоящему человеку: *Миша, иди сюда.* А в лесу, если человек далеко от вас, вы кричите: *Ми-ша, и-ди сю-да!* По телефону, чтобы лучше расслышали вашу фамилию, вы диктуете: *И-ва-но-ва,* но никто не станет диктовать так: *Ив-ан-ов-а.*

Законы слогоделения неодинаковы в разных языках и даже в диалектах одного языка. Так, представители севернорусского наречия будут членить слова при скандировании следующим образом: [кар-тош-ка], [н'ел'-з'а], [друж-ба], [с'ед-ло], [пус-т'и], а представители южнорусского наречия эти же

слова разделят на слоги иначе: [ка-рто-шка], [н'е-л'з'а], [дру-жба], [с'е-дло], [пу-с'т'и].

В русском литературном языке, опирающемся на московское произношение, большинство неконечных слогов построено по принципу восходящей звучности. При этом начальный звук наименее звучный, а конечный — наиболее звучный, т. е. слоговой. Поэтому большинство неконечных слогов открытые: [ка-ро́-ва] — 14-34-24, [бу-ква́-л'нъ] — 24-124-334.

Принципом восходящей звучности обусловлен ряд особенностей слогораздела. Один интервокальный (находящийся между гласными) согласный отходит к следующему гласному: [за-ро́-дыш], [на́-су-хъ]. Группа интервокальных согласных отходит к следующему гласному, если она состоит из шумных согласных: [ку-пцы́], [и-зба́], [ра-ссо́л]; или сонорных согласных: [ва-лна́], [су́-мрък]; или начинается шумным и заканчивается сонорным согласным: [су-кно́], [во́-бла]. Во всех этих случаях начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности.

В группе неслоговых звуков первый всегда отходит к предшествующему гласному, если это [и̯]: [таи̯-га́], [ч'а́и̯-н'ик]. Сонорный согласный тоже может отходить к предшествующему гласному: [кан-в'э́рт], [в'о́р-сты]. В этих случаях образуется предыдущий закрытый слог. Место слогораздела обусловлено здесь тем, что первый из группы неслоговых звуков обладает большей звучностью, чем следующий. Наличие слогораздела после первого звука обеспечивает возрастание звучности в следующем слоге. Но у сонорного согласного перед шумным звучность может снижаться до уровня этого шумного. Такой сонорный примыкает к следующему слогу: [на-рва́т'], [ко́-лба].

Закрытыми могут быть и конечные слоги: [стол], [л'ист], [паи̯-ма́и̯]. Но и в закрытых слогах начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности. Это основной принцип строения слога в русском языке.

Слогораздел и правила переноса слова с одной строки на другую могут не совпадать. Правила переноса строятся на нескольких принципах, и перенос слова по слогам — это только один из этих принципов. Так, слово *сестра* может быть перенесено тремя способами: *се-стра, сес-тра, сест-ра,* а слогораздел в этом слове один: [с'и-стра́]; слово *разбить* можно перенести только так: *раз-бить,* а слогораздел в нем [ра-зб'и́т'].

УДАРЕНИЕ

Слово может состоять из одного или нескольких слогов. Один слог в слове ударный, остальные — безударные. Словесное у д а р е н и е — это выделение одного из слогов неодносложного слова. С помощью ударения часть звуковой цепи объединяется в единое целое — фонетическое слово.

Фонетическая природа ударения

Способы выделения ударного слога в разных языках различны. В русском языке ударный слог может отличаться от безударных большей длительностью, силой и особым качеством входящих в него звуков.

С и л а гласного проявляется в его г р о м к о с т и. Так, в словоформах *пила́*, *пилы́*, *пилу́*, *пили́* или в словах *трава́*, *вода́*, *сукно́*, *сыро́й* ударный гласный громче безударного. Но экспериментально установлено, что в таких словах, как *пали́*, *травы́*, *могу́*, безударный гласный громче ударного. Однако мы безошибочно узнаём ударный слог, выделяя его как более сильный. Объясняется это следующим.

Мы можем произнести слово громче или тише. Но у гласных звуков есть собственная относительная громкость. Зависит она от степени раствора рта. Узкие гласные (верхнего подъема) [и], [ы], [у] обладают меньшей громкостью, чем средние (среднего подъема) [э], [о], широкий гласный [а] (нижнего подъема) самый громкий. У каждого гласного есть свой порог громкости, ударности. Гласные, произносящиеся громче этого порога, воспринимаются как ударные. В слове *пили́* второй [и] не просто громче первого, его громкость еще и выше своего порога ударности, тогда как громкость первого [и] — ниже этого порога. В слове *пали́* [а] громче [и], но как ударный воспринимается [и], так как громкость [и] выше своего порога ударности, а громкость [а] — ниже.

Ударные гласные характеризуются и особым т е м б р о м. Например, в предложении *Вот брат взял нож* ударение воспринимается на всех словах, хотя здесь нет безударных слогов, с которыми можно было бы сравнивать ударные. Объясняется это, в частности, тем, что [о] в словах *вот, нож* и [а] после мягкого согласного в слове *взял* [вз'ал] могут быть только под ударением и не характерны для безударных слогов, а у [а] в слове *брат* отсутствует редукция.

Ударность/безударность — это свойство не только гласного, но всего слога. Для ударного слога характерна четкость артикуляции всех звуков. Взаимовлияние гласных и согласных гораздо сильнее проявляется в безударных слогах.

Место ударения в слове

В русском языке ударение может падать на любой слог слова и на любую морфему — приставку, корень, суффикс и окончание: *вы́пустить, до́мик, доро́га, столо́вая, дела́, дорого́й, распространя́ть, перегруппирова́ть.* Такое ударение называется с в о б о д н ы м.

Ударение может выполнять с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н у ю функцию. Так, по месту ударения различаются:

1) разные слова во всех их формах: *за́мок, за́мка, за́мку* и *замо́к, замка́, замку́* и т. п.; *па́рить, па́рю* и *пари́ть, парю́* и т. п.; *му́ка, му́ки* и *мука́, муки́* и т. п.;

2) некоторые формы разных слов: *пи́ща* (сущ.) и *пища́* (дееприч.), *бе́лка* и *белка́, кро́ю* и *крою́, но́шу* и *ношу́* и т. д.;

3) разные формы одного слова: *во́лос* и *воло́с, но́ги* и *ноги́, хо́дите* и *ходи́те* и т. д.

Местом ударения различаются варианты слов:

1) общеупотребительный и профессиональный: *добы́ча* и *до́быча, и́скра* и *искра́, ко́мпас* и *компа́с, шасси́* и *ша́сси*;

2) литературный и диалектный: *вы́юга* и *вьюга́, ди́кий* и *дико́й, крапи́ва* и *крапива́, хо́лодно* и *холодно́*;

3) литературный и просторечный: *кварта́л* и *ква́ртал, киломе́тр* и *кило́метр, краси́вее* и *красивее́, магази́н* и *мага́зин*;

4) нейтральный и разговорный: *звони́шь* и *зво́нишь, занята́* и *за́нята, повтори́шь* и *повто́ришь, приговор* и *при́говор*;

5) литературный и народнопоэтический: *деви́ца* и *де́вица, серебро́* и *се́ребро, че́стный* и *честно́й, шёлковый* и *шелко́вый*;

6) современный и устарелый: *библиоте́ка* и *библио́тека, кла́дбище* и *кладби́ще, му́зыка* и *музы́ка, слу́жащий* и *служа́щий* и др.;

7) дубленты, когда разница в месте ударения не значима: *ба́ржа* и *баржа́, за́литый* и *зали́тый, и́наче* и *ина́че, кру́житься* и *кружи́тся.*

При образовании грамматических форм слова ударение может оставаться на одном и том же месте; такое ударение

называется неподвижным формообразовательным: *де́лать, де́лаю, де́лаешь, де́лает, де́лаем, де́лаете, де́лают, де́лал, де́лала, де́лало, де́лали*; (ед. ч.) *кни́га, кни́ги, кни́ге, кни́гу, кни́гой, о кни́ге*, (мн. ч.) *кни́ги, кни́гам, кни́гами, о кни́гах*. В русском языке бо́льшая часть слов (около 96%) имеет неподвижное ударение. Такое ударение может стоять на основе (на приставке: *при́город, вы́мыть*; на корне: *ка́рта, кра́сный*; на суффиксе: *волчо́нок, дубо́вый*) или на окончании (*статья́, молодо́й, нести́*).

В словах с подвижным формообразовательным ударением происходит перенос ударения с одного слога на другой, с одной морфемы на другую. Подвижность ударения внутри одной морфемы встречается очень редко: *де́рево — дере́вья, ко́лос — колосья́, о́зеро — озёра, боро́ться — бо́рется*. Обычно при подвижном ударении чередуется ударение на основе с ударением на окончании: *сниму́, сни́мешь, сни́мет, сни́мем, сни́мете, сни́мут, сня́л, сня́ло, сня́ли*; (ед. ч.) *рука́, руки́, руке́, ру́ку, руко́й, о руке́*, (мн. ч.) *ру́ки, рука́м, рука́ми, о рука́х*.

В формах некоторых слов окончание не содержит гласной: *рука́в, моро́з, сторо́н, вели́к, помо́г*. Бывают и неслоговые основы: *зло, льва, сна, три*. Ударение на основе или окончании здесь может быть вынужденным, оно не принимается в расчет при определении схемы ударения слова.

При словообразовании наблюдаются те же закономерности, что и при формообразовании. Так, ударение в производном слове может быть на той же морфеме, что и у производящего слова: *кни́га — кни́жка, медве́дь — медве́дица, бога́тый — бога́ч, берёза — берёзовый, голосова́ть — голосова́ние, обледене́ть — обледене́лый*. Это словообразовательное неподвижное ударение. В других случаях ударение в производящих и производных словах падает на разные морфемы: *звезда́ — звёздочка, ло́шадь — лошадёнка, глухо́й — глу́хость, изба́вить — избавле́ние*. Это словообразовательное подвижное ударение.

Кли́тики

Некоторые слова в речи не имеют ударения. Они примыкают к другим словам, составляя с ними одно фонетическое слово. Безударное слово, стоящее впереди ударного, к которому

оно примыкает, называется п р о к л и́ т и к о й. Проклитиками обычно бывают односложные предлоги, союзы и некоторые частицы: *на горе́*; *ко мне́*; *сестра́ | и бра́т*; *сказа́л, | что́бы пришли́*; *не зна́ю*. Безударное слово, стоящее после ударного, к которому оно примыкает, называется э н к л и́ т и к о й. Энклитиками бывают обычно односложные частицы: *скажи́-ка, о́н же, придёт ли*. Некоторые односложные предлоги и частицы могут принимать на себя ударение, и тогда следующее за ними самостоятельное слово оказывается энклитикой: *на́ спину, по́д руки, и́з лесу, бе́з вести, не́ было*.

А б с о л ю т н ы е проклитики и энклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в одно фонетическое слово, где гласные и согласные звуки произносятся как в одном лексическом слове: *до са́да* (ср. *доса́да*), *на си́лу* (ср. *наси́лу*), *при во́льном* (ср. *приво́льном*); *ле́й-ка* (ср. *ле́йка*), *та́к же* (ср. *та́кже*), *окре́п ли* (ср. *окре́пли*).

О т н о с и т е л ь н ы е проклитики и энклитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, не полностью утрачивают некоторые фонетические признаки самостоятельного слова, заключающиеся в особенностях произношения некоторых звуков. Например, безударный союз *но* сохраняет в произношении звук [о]: *мороз, но солнце* [но-со́нцъ] (ср. *на солнце* [на-со́нцъ]). У некоторых безударных местоимений произносятся гласные, не характерные для безударных слогов: *те леса* [т'э-л'иса́] (ср. *телеса* [т'ил'иса́]); *дьяк он* [д'ја́к-он] (ср. *дьякон* [д'ја́кън]) и др.

Слабое ударение

Некоторые слова могут иметь ударение более слабое, чем обычное ударение самостоятельных слов. Такое ударение называется с л а б ы м и обозначается знаком [`], в отличие от основного ударения, обозначаемого знаком [´].

Слабоударяемыми могут быть некоторые двусложные и трехсложные предлоги и союзы: *пѐред отхо́дом, ѐколо до́ма, ѐсли смо́жешь, потомѝ что хо́лодно*. Слабое ударение могут иметь относительные слова: *ле́с, откѝда мы вы́шли*; *письмо́, котѝрое присла́ли*; простые числительные в сочетании с существительными: *двѐ часа́, дѐсять рубле́й*; некоторые местоимения: *тебя́ иска́ли, ѐн прие́хал, егѐ сестра́*; связки *быть*,

стать: *у́тро бы̀ло моро́зное, о́н ста̀л учи́телем*; слова с модальными значениями: *зна́й себѐ нахва́ливает*; *собира́лся бы̀ло уе́хать*; *придёт, быва̀ло, и молчи́т.*

Побочное ударение

В некоторых словах в речи наряду с основным ударением может возникать дополнительное ударение, которое стоит ближе к началу слова. Такое ударение называется п о б о ч н ы м. Оно встречается обычно у многосложных слов. Побочным ударением могут выделяться части сложных и сложносокращенных слов: *дрѐвнеру́сский, пѐдинститу́т, стрдо́йматериа́лы*; приставки: *а̀нтикоррози́йный, дд̀оперестро́ечный, пд̀олеобе́денный, прд̀америка́нский.*

Побочное ударение появляется главным образом у слов редко употребляющихся, специальных, книжных, с четко выделяющимися частями: *звѐрофе́рма, вдд̀онепроница́емый, ста̀рославя́нский* (ср. широкоупотребительные слова *зверобо́й, водопрово́д, старомо́дный*).

При трех или четырех основах в слове возможны три ударения (два первых побочные, а последнее — основное): *а̀эрофд̀тосъёмка, Мд̀сдблфинотде́л.*

Фразовое, тактовое и логическое ударение

Если речевой такт состоит из нескольких фонетических слов, то одно из слов несет более сильное ударение. Такое выделение одного из слов речевого такта называется т а к т о в ы м ударением (обозначается знаком [˝]). Один из тактов фразы также выделяется более сильным ударением, которое называется ф р а з о в ы м (обозначается знаком [˝˝]). Обычно тактовое ударение бывает на последнем слове речевого такта, а фразовое ударение выделяет последний такт фразы. Например: *Лизаве́та Ива̃новна | сиде́ла в своѐй ко̃мнате, | ещ̃ѐ в ба́льном свое̃м наря̃де, | погружённая в глубо́кие размышле̃ния* (П.) — здесь тактовое и фразовое ударение не связано со смыслом. Слово, выделяемое тактовым или фразовым ударением, не является более важным в смысловом отношении. Функция тактового и фразового ударения заключается в

фонетическом объединении нескольких слов в речевой такт и нескольких тактов — во фразу.

Тактовое ударение может перемещаться и на другие слова такта. Это связано с актуальным членением предложения, когда тактовое ударение выделяет рему, т. е. обычно то новое, что сообщается в предложении. Например, в предложении *Грачи улетели* новым может быть сообщение о том, что улетели именно грачи, и тогда тактовое ударение будет выделять это слово.

Выделение в речевом такте более сильным ударением какого-либо слова для подчеркивания его особого значения называется логическим ударением. Оно сильнее тактового и может падать на любое слово речевого такта. Логическое ударение связано с явным или подразумеваемым противопоставлением; ср.: *Я пойду в кино, а не ты*; *Я пойду в кино* (хотя я очень занят); *Я пойду в кино* (а не в другое место).

ИНТОНАЦИЯ

Интонация — это ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски.

Основными интонационными средствами являются тональные средства. У каждого говорящего свой средний тон речи. Но в некоторых местах речевого такта и фразы происходит повышение или понижение тона.

В русском языке можно выделить шесть основных интонационных конструкций (сокращенно — ИК [и-ка́]). Каждая из них имеет центр — слог, на который падает основное ударение (тактовое, фразовое или логическое). Выделяются также предцентровая и постцентровая части речевого такта, которые в ряде случаев могут отсутствовать. Например: *Наступило лето*; *Дверь не заперта*; *Где книга?*; *Здесь*. Предцентровая часть обычно произносится на среднем тоне. Основными различительными признаками ИК являются направление движения тона в центре и уровень тона постцентровой части. Интонационные конструкции можно схематически изобразить линиями движения тона.

ИК-1 — \ _

на звуках центра происходит понижение тона, тон постцентровой части ниже среднего уровня. ИК-1 обычно встречается при выражении завершенности в повествовательном предложении: *Поздняя о́сень. Грачи́ улетели, лес обнажился, поля́ опустели...* (Н.)

ИК-2 — — _

звуки центра произносятся в пределах диапазона предцентровой части, на постцентровой части понижение тона ниже среднего уровня. ИК-2 обычно встречается в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в предложениях с обращением, волеизъявлением: *Куда́ ты идёшь? Серёжа, там опа́сно!*

ИК-3 — / _

на звуках центра резко восходящее движение тона, тон постцентровой части ниже среднего уровня. ИК-3 обычно встречается в вопросительных предложениях без вопросительного слова: *А́нна пьёт сок? Анна пьёт сок? Анна пьёт со́к?*

ИК-4 — \ ‾

на звуках центра нисходящее движение тона, тон постцентровой части выше среднего уровня. ИК-4 обычно встречается в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом *а*, в вопросах с оттенком требования: *А Ната́ша?*; *Ваше и́мя? Фами́лия?* При отсутствии постцентровой части нисходяще-восходящее движение тона происходит на звуках центра: *А мы́?*

ИК-5 — / ‾ \ _

имеет два центра: на звуках первого центра восходящее движение тона, на звуках второго центра или на следующем за ним слоге — нисходящее, тон между центрами выше среднего, тон постцентровой части ниже среднего уровня. ИК-5 обычно встречается при выражении высокой степени признака, действия, состояния: *Како́й у неё го́лос!*; *Ка́к она танцу́ет!*; *Настоя́щая весна́!* ИК-5 часто встречается и в вопросительных предложениях с вопросительным словом: *Куда́ ты идёшь?*; *Како́й у неё го́лос?*

на звуках центра восходящее движение тона, тон постцентровой части выше среднего уровня. ИК-6 обычно встречается при выражении неожиданного обнаружения высокой степени признака, действия, состояния: *Какой компóт вкусный!*; *Как она танцýет!*; *Сколько воды́ набралось!*

Общий уровень тона речевого такта или фразы может в некоторых случаях сдвигаться вверх или вниз. В связи с этим выделяются: средний регистр тона, на котором произносится большинство речевых тактов и фраз: *Он такой вялый, грустный, ленивый;* верхний регистр: *Он такой хорошенький, пухленький, курносенький*; нижний регистр: *Он такой грубый, грязный, хмурый.* Верхний регистр типичен для переспросов: *Куда, ты сказал, тебе надо ехать?* В нижнем регистре обычно произносятся вводные слова и предложения, сообщающие дополнительную факультативную информацию: *У Саввы, пастуха* (*он бáрских пасовéц*), *вдруг убывать овечки стали* (Кр.).

Тембровые средства интонации — это разные качества голоса, определяемые, как правило, состоянием голосовых связок. Кроме нейтрального голоса, выделяют также голос расслабленный: *Он такой добрый, милый, нежный*; напряженный: *Он такой быстрый, ловкий, бодрый*; скрипучий: *Он такой паршивенький, тощенький, плюгавенький*; придыхательный: *Он такой прекрасный, восхитительный, божественный.*

Количественно-динамические средства интонации включают увеличение / уменьшение громкости и изменение темпа произнесения отдельных участков речевого такта и фразы. Например, предложения ***Какóй у неё гóлос?*** и ***Какóй у неё гóлос!*** можно произнести с ИК-5. Различие между ними будет состоять в том, что звуки центров ИК в восклицательном предложении произносятся с большей длительностью и громкостью.

Интонация членит речевой поток на отдельные отрезки — речевые такты и фразы. При отсутствии пауз между речевыми тактами интонация является основным средством, объединяющим фонетические слова в речевые такты. Например, во фразе *За заводами кончался город* (ИК-3) | *и начиналось поле* (ИК-1) (Ч.) два речевых такта. Паузы между тактами здесь

может не быть, и тогда граница между ними обозначается только переломом тона.

Интонация различает предложения разных типов, отражает нейтральное и субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания, передает разнообразные оттенки эмоций.

ФОНЕМА

Звуки речи и звуки языка

Говорящие на русском языке знают, что в слове *а* один звук [а]; в слове *да* — два звука: [д], [а]; в слове *дам* — три звука: [д], [а], [м]. Мы легко можем произнести эти слова и узнать их в чужой речи. Чтобы узнавать слова, говорящие должны произносить звуки, из которых эти слова состоят, одинаково: [а], [да], [дам].

Но вместе с тем только по одному слову, произнесенному хорошо знакомым нам человеком, мы, даже не видя этого человека, узнаем его. Мы можем понять, здоров этот человек или болен, в хорошем он настроении или в плохом. Это значит, что в одном и том же слове каждый человек произносит звуки по-своему. И не всегда одинаково. А раз эти звуки отличаются друг от друга, следовательно, это разные звуки. Можно сказать, что мы и не можем произнести одно и то же слово дважды совершенно одинаково. Различия между звуками могут быть по высоте тона, длительности, силе, тембру.

Почему же мы считаем, что одно и то же слово, произнесенное разными людьми, это одно и то же слово с одним и тем же составом звуков? Во-первых, некоторых различий между звуками мы не слышим: они настолько тонкие, что находятся за пределами человеческого восприятия (хотя специальные приборы могут их отмечать). Во-вторых, в нашем языковом сознании каждый звук представлен не точкой, а зоной, областью рассеивания. Все звуки, находящиеся в пределах этой зоны, отождествляются говорящими и воспринимаются как один и тот же звук.

В связи с этим различают звуки речи и звуки языка. З в у к р е ч и — это конкретный звук, произнесенный конк-

ретным лицом в конкретном случае. Обычно нельзя воспроизвести в точности один и тот же звук: это будет уже другой звук речи. Можно это сделать только с помощью идеального магнитофона или лазерного плеера. Звук речи — точка в артикуляционном и акустическом пространстве.

З в у к я з ы к а — это множество звуков речи, близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, определяемых говорящими как тождество. Звук языка — это з в у к о в о й т и п, эталон звука, существующий в языковом сознании говорящих. Как и всякое множество, звук языка уже не конкретный звук, а абстракция. В дальнейшем, говоря о звуках, мы будем иметь в виду чаще всего звуки языка. Именно звуки языка, например, отражены в знаках транскрипции.

Понятие фонемы

Отождествляем мы не только звуки, близкие в артикуляционно-акустическом отношении. В языке действует строгий закон: отождествляются звуки, различия между которыми связаны с разными условиями их произнесения.

Например, слова *воз* и *ввоз* различаются первым звуком: [в] в слове *воз* и [в̄] в слове *ввоз*. Если произнести [в] в слове *воз* длительностью в 100 мс, а затем увеличить длительность этого звука вдвое, не меняя длительности остальных звуков, мы получим слово *ввоз*. Но если произнести [в] за 200 мс и соответственно увеличить длительность остальных звуков, то мы получим все то же слово *воз*. Длительность звука оценивается говорящим только на фоне длительности других звуков. Поэтому краткий звук в слове, произнесенном быстро, и долгий звук в том же слове, произнесенном медленно, воспринимаются как одна и та же звуковая единица. Разные условия произнесения могут существовать для всего слова (как в приведенном примере): разная длительность, разная громкость, разный музыкальный тон (у одних бас, у других — тенор, у женщин голоса обычно выше, чем у мужчин, у детей — выше, чем у взрослых).

Другой случай, когда разные условия произнесения связаны с неодинаковым положением звука в слове, с разным звуковым окружением. Например, перед звонким согласным

звук [ц] меняется на [д͡з]; так, произносится *гля́не*[ц], *коне́*[ц], *оте́*[ц] и при отсутствии паузы: *гля́не*[д͡з] *был, коне́*[д͡з] *года, оте́*[д͡з] *дома.* Но звуки [ц] и [д͡з], с точки зрения говорящих, представляют собой некое тождество. Неодинаково произносятся согласные перед [а] и [у] — перед огубленным [у] согласные тоже огублены: *ко*[з]*а́* — *ко*[з˚]*у́*, но[ж]*а́* — *но*[ж˚]*у́*, [с] *а́лым* — [с˚] *у́мным.* Звуки [з] и [з˚], [ж] и [ж˚], [с] и [с˚] — это разные звуки. Но говорящие обычно этой разницы не замечают: для них [з] и [з˚] — одна языковая единица. Она называется ф о н е м о й.

Фонемы существуют в нашем языковом сознании как единые комплексы звуков. Говорящие обычно не обращают внимания на разницу между звуками, относящимися к одной фонеме, отождествляют их. Что же заставляет нас так поступать? Может быть, в одну фонему объединяются звуки близкие, похожие?

В словах *мир, мирок, мировой* фонема <и> реализована разными звуками: ударный [и] длительней безударного и произносится при более верхнем положении языка: *м*[и]*р*, *м*[и^{э}]*ро́к*, *м*[и^{э}]*рово́й.* Такая же разница между двумя [и] в словах *визгливый, искрить.* Но для русских эта разница незаметна. Чтобы ее увидеть, нужны особые усилия. Для англичан же ничего не стоит узнать звуки [i:] и [ɪ] в словах *read* [ri:d] ‘читать’ и *rid* [rɪd] ‘освобождать’, *scene* [si:n] ‘сцена’ и *sin* [sɪn] ‘грех’, *wheel* [wi:l] ‘колесо’ и *will* [wɪl] ‘воля’. В английском языке звуки [i:] и [ɪ] — представители разных фонем, в русском языке подобные звуки [и:] и [и^{э}] объединяются в одну фонему.

Дело в том, что разные звуки, выступающие в одной и той же позиции, относятся к разным фонемам. (В английском языке [i:] и [ɪ] могут быть под ударением перед одними и теми же согласными.) В одну фонему могут объединяться разные звуки, выступающие в разных позициях. (В русском языке [и:] бывает только под ударением, [и^{э}] — только без ударения.) Следовательно, не степень акустической или артикуляционной близости звуков определяет, к одной или к разным фонемам они относятся. Это определяется их позиционным поведением. Фонему представляет весь ряд (все множество) чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями.

У фонем в языке важное назначение — различать разные слова, разные морфемы. Слова *дом, ком, лом, ром, сом, том* различаются начальными звуками [д], [к], [л], [р], [с], [т]. Эти звуки здесь — представители разных фонем. В словах *бар, бор, бур* звуки [а], [о], [у] — представители фонем <а>, <о>, <у>, различающих эти слова. Эта функция фонемы называется **с и г н и ф и к а т и в н о й** (<лат. *significare* — обозначать) или **с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н о й**.

Не все звуки, которыми различаются слова, принадлежат разным фонемам. В словах *сода* и *сада* две пары разных звуков: [с˚] — [с] и [о] — [а]. Но эти соответствия между звуками неравноценны. Ударные [о] и [а] могут быть единственными различителями двух слов: *ода — ада, охать — ахать, остры — астры*. Поэтому ударные звуки [о] и [а] — представители разных фонем — <о> и <а>. Звуки же [с] и [с˚] никогда не бывают единственными различителями слов. Выбор этих звуков всегда обусловлен позицией — следующим гласным. Поэтому звуки [с] и [с˚] представляют одну фонему — <с>. Различие между [с] и [с˚] — только «отблеск» основного различия между [а] и [о]. Слова *скинуть* [ск'и́нут'] и *сгинуть* [зг'и́нут'] различаются звуками [с] и [з], [к'] и [г']. Но выбор [с] и [з] целиком обусловлен следующими звуками. Поэтому [с] и [з] относятся к одной и той же фонеме. Различие между [с] и [з] — лишь «отблеск» основного различия между [к'] и [г'], воплощающими фонемы <к'> и <г'>.

Другое назначение фонем — способствовать отождествлению одних и тех же слов и морфем. Эта функция фонемы называется **п е р ц е п т и в н о й** (<лат. *perceptio* — восприятие). Почему мы считаем, что в словах *лез* (от *лезть*) и *лес* разные корни? Потому что у них совершенно разные значения. Почему мы считаем, что в словах *лез* и *залез* корень один и тот же? Во-первых, потому, что он имеет одно и то же значение. Но этого недостаточно: *залез на дерево* значит то же самое, что *взобрался на дерево*, но мы ведь не считаем, что *залез* и *взобрался* — одно и то же слово. В словах *лез* и *залез* корни произносятся одинаково, это и позволяет нам их отождествлять. Но почему тогда мы отождествляем корни в формах *залез* и *залезать*? Ведь произносятся они по-разному: *за*[л'э́с] и *за*[л'из]*а́ть*. Мы это делаем потому, что чередующиеся звуки этого корня относятся к одним и тем же фонемам.

Итак, ф о н е м а — это кратчайшая линейно выделяемая языковая единица, представленная всем рядом чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями, служащая для различения и отождествления слов и морфем.

Позиционные чередования

В формах слова *коза, козе, козу, коз*, в словах *ко́злы, козёл, козерог* корень один и тот же. Но мы произносим то [з] (*коза, ко́злы*), то [з'] (*козе, козерог*), то [с] (*коз*), то [з˚] (*козу*), то [з'˚] (*козёл*). Первый гласный тоже не один и тот же: [о] (*ко́злы, коз*), [а^{ъ}] (*коза, козе, козёл*), [ъ] (*козерог*). Не одинаков и первый согласный: перед [а^{ъ}], [ъ] это [к] (*коза, козерог*), а перед [о] это [к˚] (*ко́злы, коз*). Такая мена звуков, занимающих одно и то же место в одной и той же морфеме, но в разных словах или разных словоформах, называется ч е р е д о в а н и е м. Заменив [з] на [с] (или наоборот) в словах *ко*[з]*а́, ко*[с]*а́*, мы не получим чередования: корни здесь разные. В слове *вожжи* может произноситься [ж'] и [ж̄]. Варианты слова *тоннель* и *тунне́ль* отличаются звуками [а^{ъ}] и [у], но это не чередование, а варьирование звуков в одной и той же словоформе.

Чередования могут быть позиционными и непозиционными П о з и ц и о н н ы е чередования связаны с определенными позициями, вызываются ими. У ф о н е т и ч е с к и х чередований позиции (т. е. условия появления того или иного звука) фонетические — начало и конец слова или слога, соседство других звуков, положение в ударном или безударном слоге: *подру́*[г]*а — дру*[к], [и́]*гры — с*[ы́]*гран, вя*[з]*а́ть — свя́*[с]*ка, п*[а]*р — п*[а^{ъ}]*ры́ — п*[ъ]*рово́й*. У морфологических чередований позиции морфологические — положение перед определенной морфемой (суффиксом или окончанием), принадлежность слова к тому или иному морфологическому классу: *ре*[к]*а́ — ре*[ч']*но́й* (перед суффиксом *-н-*), *лю*[б']*и́ть — лю*[бл']*ю́* (перед окончанием 1-го лица ед. ч.), *ти́*[х]*о — ти*[ш]*ь* (у сущ. III скл.).

Позиционные чередования могут не знать исключений в данной языковой системе. Такие чередования называются п о з и ц и о н н о о б у с л о в л е н н ы м и: например, фонетическое чередование шумного звонкого согласного с глухим на конце слова (*гла*[з]*а́ — гла*[с]) или перед глухим шумным

(*гла*[з]*á* — *глá*[с]*ки*); морфологическое чередование [г ‖ ж] перед суффиксом прилагательных *-н-* (*подрýг*[г]*а* — *дрýг*[ж]*ный*), перед глагольным суффиксом *-и-* (*подрýг*[г]*а* — *дру*[ж]*úть*) или перед окончанием глаголов II спряжения (*подрýг*[г]*а* — *дру*[ж]*ý*, *дрýг*[ж]*ишь* и т. д.).

Позиционные чередования, знающие исключения, называются **позиционно прикрепленными**. Например, фонетическое чередование твердого зубного согласного с мягким в позиции перед мягким зубным (*мо*[с]*т* — *мó*[с']*тик*) не обязательно на стыке приставки и корня (*ра*[с']*тесáть* и *ра*[с]*тесáть*), в начале слова ([с']*тенá* и редко [с]*тенá*), после твердого согласного (*шер*[с']*ть* и *шер*[с]*ть*); морфологическое чередование [о ‖ а] перед глагольным суффиксом *-ыва-/-ива-* (*отколет — откалывает, выходит — выхаживает, сносит — снашивает, уловит — улавливает* и т. п.) знает исключения: *топчет — притаптывает* и *притоптывает, хлопает — прихлопывает* и др.

Кроме позиционных, бывают и такие чередования, которые не имеют ни фонетической, ни морфологической обусловленности: *подрýг*[г]*а* — *дру*[з']*ья́*, *све*[т] — *осве*[ш']*áть*, *зас*[ó]*хнуть* — *зас*[ы]*хáть* — *зас*[у]*шúть*. Это **непозиционные** чередования, которые связаны только с конкретными словами.

Фонетические позиционно обусловленные чередования — это чередования звуков, относящихся к одной фонеме. Фонетические позиционно прикрепленные чередования могут быть чередованием звуков, относящихся к одной фонеме, и чередованием фонем. Так, если отступления от позиционного чередования закреплены в отдельных словах, лексикализованы и обязательны для говорящих, то такие чередования представляют собой чередования фонем. Например, чередование [н' ‖ н] перед твердым зубным (*ко*[н']*ко́*[н]*ный*, *Казá*[н']*каза*[н]*ский*, *испá*[н']*ец* — *испá*[н]*цы*) знает исключение: *ию́*[н'] — *ию́*[н']*ский*. Следовательно, это чередование звуков представляет собой чередование фонем <н' ‖ н>. Если отступления от позиционного чередования необязательны, факультативны, то такие позиционно чередующиеся звуки рассматриваются как представители одной фонемы. Например, чередующиеся ударный [а] с безударным [и^{э}] после мягкого согласного (*п*[']*áтый* — *п*[и^{э}]*тáк*, *р*['а]*д* — *р*[и^{э}]*ды́*) представ-

ляют фонему <а>, несмотря на то, что в словах типа *спекулятивный, ассимилятивный* в предударном слоге наряду с [и^{э}] встречается произношение ['а].

Морфологические и непозиционные чередования — это чередования фонем, которые называются историческими чередованиями.

Фонетические позиционные чередования могут быть двух типов: 1) чередования, образующие параллельные ряды, не имеющие общих членов; 2) чередования, образующие пересекающиеся ряды, имеющие общие члены. Приведем схематическое изображение этих двух типов чередования в позициях P_1 и P_2.

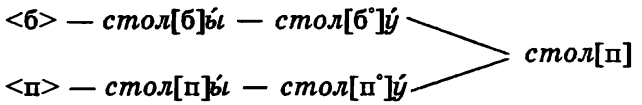
Например, фонемы <р>, <л> образуют параллельные ряды звуков, чередующихся в разных позициях:

<р> — *смо́т*[р]*ы* — *смо́т*[р$^{\circ}$]*у* — *смот*[р̮]

<л> — *смы́с*[л]*ы* — *смы́с*[л$^{\circ}$]*у* — *смыс*[л̮]

Фонема <р> представлена рядом позиционно чередующихся звуков [р ‖ р$^{\circ}$ ‖ р̮]. Фонему <л> представляет ряд [л ‖ л$^{\circ}$ ‖ л̮]. При этом в каждой позиции <р> и <л> представлены разными звуками, эти фонемы различаются во всех позициях.

Фонемы <б>, <п> образуют пересекающиеся ряды чередующихся звуков:



Совпадение двух или нескольких фонем в определенной позиции называется нейтрализацией. В позиции нейтрализации эти фонемы реализуются одним и тем же звуком. Так, фонемы <б>, <п>, реализуясь разными звуками, различаются перед гласными и нейтрализуются на конце слова, где они реализуются одним и тем же звуком.

Позиционно обусловленные звуки объединяются в одну фонему. М. В. Панов[1] приводит пример позиционного чередо-

[1] См.: *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

вания звуков в соответствии с предлогом *с* перед существительными:

с Машей, с Аней	— произносится	[с]
с Олей, с Улей	»	[с˚]
с Колей	»	[с]
с Тимошей	»	[с']
с Галей	»	[з]
с Димой	»	[з']
с Шурой	»	[ш], т. е. [шшу́ръи̯]
с Женей	»	[ж], т. е. [жжэ́н'и̯и̯]
с Чуком	»	[ш'], т. е. [ш'ч'у́към]
с Чбановым	»	[ж'], т. е. [ж'д'͡ж'ба́нъвым]
с Щукарём	»	[—], т. е. [ш̄'укар'о́м]

Последнее чередование легко проверить: одинаково произносится *оказался Щукарём* и *оказался с Щукарём*. Объясняется это тем, что перед [ш̄'] звук [с] должен замениться на [ш']; получился бы согласный тройной длины [ш'ш'ш'], так как [ш̄'] = [ш'ш']. Такие звуки в русском языке невозможны: на месте [ш'ш'ш'] произносится [ш'ш'].

Фонема <с> реализуется следующим рядом позиционно чередующихся звуков: [с ‖ с˚ ‖ с' ‖ з ‖ з' ‖ ш ‖ ж ‖ ш' ‖ ж'‖ —]. Следовательно, фонема может быть представлена звуками, совершенно не похожими один на другой (например, [с˚] и [ж']), в том числе нулем звука.

Сильные и слабые позиции

Фонологические п о з и ц и и — это условия употребления, реализации фонемы в речи: в разных позициях одна и та же фонема выступает в разных звуковых обликах. Позиции могут быть сильные и слабые. В с и л ь н ы х позициях фонема наилучшим образом выполняет свои функции. В с л а б ы х позициях возможности выполнения фонемой своих функций ограничены. У фонемы две основные функции — перцептивная и сигнификативная: способствовать отождествлению и различению значимых единиц языка — морфем и слов. В связи с этим разграничиваются позиции перцептивно сильные и слабые и сигнификативно сильные и слабые.

В перцептивно сильной позиции фонема выступает в своем основном звуковом облике: звук не испытывает редукции и воздействия соседних звуков, он как бы вне позиции. В перцептивно слабых позициях фонема представлена другими звуками. Они связаны именно с данной позицией и являются результатом редукции или воздействия соседних звуков. Так, в словах *чай, печь, печник* фонема <ч'> реализована звуком [ч'] — своим основным представителем. Глухость этого звука, выступающего в начале и на конце слова, перед гласным и сонорным согласным (как и другие качества этого звука), — признак, проявляющийся в данных позициях, но не обусловленный ими. Для <ч'> эти позиции перцептивно сильные. Перед звонким шумным согласным позиция для <ч'> перцептивно слабая: здесь происходит обязательная замена глухого [ч'] звонким [д'͡ж']: *пе*[д'͡ж'] *горит*. Звук [д'͡ж'] обусловлен этой позицией и употребляется только в ней. Если записать на магнитофонную ленту слова со звуком [ч'], а затем стереть часть записи, оставив только [ч'], и прослушать этот звук, то всеми говорящими по-русски он будет легко опознан. Если то же проделать со звуком [д'͡ж'], то многие его не узнают, не смогут определить, в каких словах он произносится: он не встречается вне своей позиции перед звонким согласным.

В сигнификативно сильной позиции фонема отличается от других фонем, реализуется особым звуком. Сигнификативно слабая позиция — это позиция неразличения фонем. В сигнификативно слабых позициях фонемы ограничены в возможности различать разные слова и морфемы. Так, фонемы <о> и <а> под ударением после твердого согласного реализуются звуками [о] и [а]: *б*[о]*к*, *б*[а]*к*. Это сигнификативно сильная позиция для гласных фонем. В первом предударном слоге <о> и <а> не различаются, реализуясь одним и тем же звуком [а^{ъ}]: *б*[а^{ъ}]*чóк* (*бочок* и *бачок*). Это сигнификативно слабая позиция для <о> и <а>.

Одна и та же позиция для одних фонем может быть сильной, для других — слабой. Так, конец слова — позиция сигнификативно сильная для твердых и мягких согласных и слабая для глухих и звонких. Например, *пло*<т> и *пло*<т'> различаются, а *пло*<т> и *пло*<д> — совпадают: *пло*[т].

Перцептивно и сигнификативно сильная позиция называется абсолютно сильной. В этой позиции фонема реализуется своим основным представителем — доминантой. По этому звуку фонема и называется: фонема <а> по звуку [а], фонема <б'> по звуку [б'].

В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях фонема представлена своими вариациями. Так, в слове *сон* фонема <с> представлена вариацией [с̥], в слове *пять* фонема <а> представлена вариацией [ä].

В сигнификативно слабых позициях фонема представлена своими вариантами. Так, звук [с] в слове *нос* — вариант фонемы <с>, а в слове *мороз* — вариант фонемы <з>.

Все звуки, реализующие фонему (и ее доминанту, и ее варианты и вариации), называют и обобщенно — вариантами фонемы или аллофонами.

Дифференциальные и интегральные признаки фонем

Фонемы — минимальные единицы языка, их нельзя разделить на более мелкие, последовательно идущие друг за другом элементы. Тем не менее фонема — сложное явление. Она состоит из ряда признаков, не существующих самостоятельно, вне фонем, но сосуществующих одновременно в фонеме.

В сигнификативно сильных позициях фонемы различаются. Если сравнить ряды чередующихся звуков, воплощающих фонемы в этих позициях, то можно обнаружить, что эти ряды по некоторым признакам представляют собой единства, противопоставленные другим рядам — фонемам. Гласные фонемы под ударением реализуются следующими звуками:

<и> — [и], [и·], [ы], [ы·] <у> — [у], [у·], [·у), [ÿ]

<э> — [э], [э·], [э˄] [э˄·] [·э], [ë] <о> — [о], [о·], [·о], [ö]

<а> — [а], [а·], [·а], [ä]

Для противопоставления этих фонем важны два признака: подъем гласного и наличие/отсутствие лабиализации. Так, фонема <и> верхнего подъема, нелабиализованная. Это определение означает, что все звуки, воплощающие фонему <и> в сигнификативно сильной позиции, верхнего подъема, нелабиализованные. Фонема <у> верхнего подъема, лабиали-

зованная; <э> среднего подъема, нелабиализованная; <о> среднего подъема, лабиализованная. Каждую из этих фонем можно определить (т. е. отграничить от остальных фонем) набором из указанных двух признаков. Признаки, необходимые и достаточные для определения данной фонемы в сигнификативно сильной позиции, называются д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м и (<лат. *differentia* — различие) признаками этой фонемы. Эти различительные признаки позволяют отличить данную фонему от остальных фонем.

Наборы дифференциальных признаков совпадают не у всех фонем. Фонема <а> реализуется рядом звуков, признаками которых являются нижний подъем и нелабиализованность. Но <а> противопоставлена всем остальным фонемам уже по одному признаку — нижнему подъему. Нет ни одной фонемы, кроме <а>, обладающей этим же признаком. Признак нижнего подъема — дифференциальный для фонемы <а>; признак нелабиализованности — недифференциальный для этой фонемы, т. е. интегральный.

И н т е г р а л ь н ы е (<лат. *integer* — целый) признаки — это такие признаки звуков, воплощающих фонемы, которые не участвуют в противопоставлении данной фонемы другим фонемам. Интегральные признаки несамостоятельные, они обусловленные. Гласные верхнего и среднего подъема могут быть лабиализованными и нелабиализованными, здесь есть выбор признака. Гласные нижнего подъема обязательно нелабиализованные. Здесь выбора признака нет: интегральный признак обусловлен дифференциальным. Ряд гласного тоже интегральный признак, он обусловлен позицией — окружением других звуков. Так, [а] выступает в позиции не рядом с мягкими согласными, [ä] — между мягкими согласными; это звуки разных рядов, но они воплощают одну и ту же фонему <а>. Интегральными признаками являются и различия между гласными звуками по подъему внутри трех основных подъемов — верхнего, среднего и нижнего, т. е. различия между [э] и [ə], [о] и [ö], [а] и [ä].

Интегральные признаки несущественны для противопоставления фонем, но существенны в других отношениях. Например, в слове *сад* звук [а] нелабиализованный. Из того, что для <а> этот признак интегральный, не следует, что его можно менять. Нельзя произнести слово *сад* с гласным нижнего

подъема лабиализованным: такого звука в русском языке нет, и слово не будет понято. Точно так же нельзя в этом слове произнести гласный заднего ряда или лабиализованный согласный.

Чтобы определить фонему, необходимо указать набор ее дифференциальных признаков. Чтобы охарактеризовать звуки, воплощающие фонему, необходимо указать все их признаки, в том числе интегральные.

Архифонема (слабая фонема)

В сигнификативно слабых позициях нейтрализующиеся фонемы перестают различаться. Но в этих позициях сохраняется групповая различимость: пара (или группа) нейтрализующихся фонем противопоставляется другим парам (или группам) фонем либо отдельным фонемам. Так, фонемы <т> и <д> на конце слова и перед глухим согласным совпадают в звуке [т], перед звонким шумным — в звуке [д]: *ко*[т] — *ко*<т> и *ко*<д>; *о*[т]*ключи́ть* и *по*[т]*ключи́ть*, *о*[д]*гада́ть* и *по*[д]*гада́ть* — *о*<т>- и *по*<д>-. Но вместе <т> и <д> в этих позициях противопоставлены другим парам нейтрализованных по глухости/звонкости фонем: *ко*[с] — *ко*<с> и *ко*<з>, а также другим фонемам: *ко*<л>, *ко*<м>, *ко*<н>. Частичное различение фонетических единиц в этих позициях сохраняется. Языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, составляющих общую часть нейтрализованных фонем, называется архифонемой (или слабой фонемой).

Архифонема (слабая фонема) обладает меньшим набором дифференциальных признаков, чем соответствующие ей парные фонемы: признак, по которому противопоставлены нейтрализующиеся фонемы, у архифонемы (слабой фонемы) отсутствует. Так, фонема <т> глухая, а <д> звонкая; но архифонема <т—д> не обладает этим признаком: в позиции нейтрализации отсутствует противопоставление <т> — <д> по глухости/звонкости.

Термин «архифонема» предложен Пражской фонологической школой, термин «слабая фонема» — Р. И. Аванесовым, одним из основателей Московской фонологической школы.

Гиперфонема

Чтобы узнать, какой фонеме соответствует звук слабой позиции, надо изменить слово так, чтобы слабая позиция в данной морфеме заменилась сильной. Так, безударный гласный [аъ] в слове *д*[аъ]*ма́* — вариант фонемы <о>. Мы узнали это, изменив слово: *д*[о]*м*. Звук [п] в слове *зу*[п] — вариант фонемы <б>: *зу́*[б]*ы*. Поэтому [даъма́] — <дома>, [з'уп] — <зуб>.

Но в некоторых случаях такая проверка невозможна. Например, в словах *соба́ка*, *собаково́д* первый гласный корня [аъ‖ ъ] не бывает под ударением в родственных словах. Эти позиционно чередующиеся звуки могут быть представителями только фонем <о> и <а>, но какой из них, решить здесь невозможно. В этом случае выступает гиперфонема <о/а>: *с*<о/а>*ба́ка*, *с*<о/а>*баково́д*. Иногда проверка позволяет ограничить круг фонем, нейтрализующихся в сигнификативно слабой позиции, но не выявляет единственно возможную из этих фонем. Например, в слове *ле́бедь* [л'э́б'и^{э}т'] заударный гласный может соответствовать фонемам <и>, <э>, <о>, <а>; проверка двоякая: *лебёдка* [л'и^{э}б'о́ткаъ], *лебяжий* [л'и^{э}б'а́жыъи], преимуществ ни у одной из них нет, поэтому фонематическая транскрипция этого слова — $<л'эб'\frac{о}{а}д'>$ или <л'эб'(о/а)д'>. Гиперфонема — это архифонема (или слабая фонема) или часть ряда входящих в нее звуков, не приводимая в данных морфемах однозначно к одной из нейтрализованных фонем.

Система фонем

Всякая система состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Взаимосвязь и взаимообусловленность фонем в системе проявляется в их дифференциальных признаках и в способности фонем нейтрализоваться.

Фонемы находятся в системе в разных отношениях друг с другом. Степень их близости зависит от ряда условий.

Две фонемы тем ближе друг к другу, чем больше у них общих дифференциальных признаков и чем меньше различных. Так, <с> и <б'> объединяет только то, что они относятся к подсистеме согласных фонем. Фонемы <с> и <п'> одинаковы и по признаку глухости. Еще ближе <с> и <п>: у них еще

один общий дифференциальный признак — твердость. И еще ближе <с> и <т>: у них одинаково и место образования, они противопоставлены лишь по способу образования (<с> щелевая, <т> взрывная).

Фонемы <у> — <о> противопоставлены по верхнему/среднему подъему, а <о> — <а> — по среднему/нижнему подъему. У фонем <у> и <о> есть дифференциальный признак, который их объединяет, — лабиализованность. Фонемы же <о> и <а> объединяет только то, что они относятся к подсистеме гласных фонем.

Но тем не менее <о> и <а> ближе друг к другу, чем <у> и <о>, так как <о> и <а> нейтрализуются, а <у> и <о> — нет. Нейтрализующиеся фонемы — самые близкие в системе.

Степень близости нейтрализующихся фонем тоже может быть различна. Она прямо пропорциональна числу пар в корреляции (совокупности фонем, противопоставленных по одному и тому же дифференциальному признаку) и числу позиций нейтрализации. Так, <с> и <з> нейтрализуются по глухости/звонкости: *ро*[с] — *ро*<с> и *ро*<з>, а <с> и <ш> — по зубности/передненёбности: *ку*[ш ш]*ута́* — *ку*<с> и *ку*<ш>. Но связь между <с> и <з> более тесная, чем между <с> и <ш>, потому что корреляция по глухости/звонкости включает гораздо больше пар фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности, и потому, что позиций нейтрализации у первой корреляции больше. Бóльшая близость <с> и <з> связана и с тем, что они могут нейтрализоваться лишь друг с другом, а <с> и <ш> нейтрализуются только вместе с <з> и <ж>: *ко*[ш ш]*ута́* — *ко*<с>, *ко*<з>, *ко*<ш>, *ко*<ж>.

На связь между фонемами влияют и интегральные признаки. Так, связь между <ш> и <ш'> менее тесная, чем у большинства других фонем, парных по твердости/мягкости: звуки [ш], [ш̄'], воплощающие <ш> и <ш'>, отличаются не только по твердости/мягкости, но и по долготе.

Важное значение для современного языка имеет и письмо. Фонемы — абстрактные единицы языка — реализуются в звуках устной речи и в буквах речи письменной. Обе эти реализации фонем взаимосвязанны, хотя полного соответствия между ними нет. Парные фонемы, передающиеся на письме одной и той же буквой, связаны теснее, чем фонемы, обозначающиеся разными буквами. Так, <л> и <л'>, как и <ш> и <ш'>, не

нейтрализуются. Однако <л> и <л'> ближе друг к другу: они передаются общей буквой *л* (*пола — поля*), тогда как <ш> и <ш'> передаются разными буквами (*чаша — чаща*).

Фонемы в системе могут группироваться в подсистемы. Так, существует подсистема гласных фонем и подсистема согласных фонем.

Фонологические школы

Учение о фонеме лежит в основе ф о н о л о г и и — раздела языкознания, изучающего функциональную значимость звуковой стороны языка. Фонология возникла в России в 70-х годах XIX в. Ее основоположник И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие фонемы, противопоставив его понятию звука. На основе его идей возникло несколько фонологических школ.

В настоящее время в России ведущее положение в фонологии занимают два научных направления — М о с к о в с к а я фонологическая школа [МФШ] и П е т е р б у р г с к а я (Ленинградская) фонологическая школа [П(Л)ФШ]. Обе школы рассматривают фонему в сигнификативно сильной позиции с одной и той же точки зрения — функциональной. Представители этих школ объединяют звуки сигнификативно сильных позиций в одну фонему не на основании их фонетического сходства, акустической или артикуляционной близости, а на основании способности этих звуков различать слова и морфемы. Так, в словосочетаниях *печь побелили* и *печь затопили* выступает одно и то же слово *печь* с одними тем же фонемным составом. Хотя фонема <ч'> реализуется в первом случае глухим звуком [ч'], а во втором звонким [д'͡ж'], звуки эти объединяются в одну фонему, так как они выполняют одну и ту же смыслоразличительную функцию (они не способны различать слова и морфемы). Состав фонем определяется представителями МФШ и П(Л)ФШ по сильной позиции, позиции наибольшего различения.

Этот же функциональный критерий представители МФШ распространяют и на сигнификативно слабые позиции. Например, в словосочетаниях *гусь пришёл* и *гусь зашёл* слово *гусь* имеет один и тот же фонемный состав. Звук [с'] в первом случае и [з'] во втором объединяются в одну фонему <с'> на основании того, что они выполняют одну и ту же смыслоразличительную функцию. Они не различают данные словоупотребле-

ния: это одно и то же слово, а выбор [с'] или [з'] позиционно обусловлен. Отсюда следует вывод: фонема включает весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков. При этом имеются в виду все позиции — сильные и слабые. Чтобы быть уверенным в том, что разница между звуками обусловлена только позицией, необходимо позиционно чередующиеся звуки рассматривать в одних и тех же морфемах. Множества позиционно чередующихся звуков могут пересекаться, в этом случае одни и те же звуки относятся к разным фонемам.

Представители П(Л)ФШ считают, что фонемы представляют собой непересекающиеся множества звуков, что каждая фонема имеет свой набор аллофонов, отличный от набора аллофонов любой другой фонемы. Нейтрализация фонем рассматривается как неупотребительность некоторых фонем в данных позициях. Для сигнификативно слабых позиций выдвигается иной критерий, чем для сильных, — фонетическое сходство звуков со звуками сильных позиций, проявляющееся в общности фонетических признаков, определяемых по сильной позиции как дифференциальные. По теории П(Л)ФШ в слове *гусь* в словосочетании *гусь пришёл* [с'] является представителем /с'/, а в словосочетании *гусь зашёл* [з'] — представитель /з'/. Основанием для этого является то, что у звука [с'] в *гусь пришёл* те же фонетические признаки, что и у звука [с'] в словах *гуси, сено* и т. п., где [с'] выступает в сильной позиции, а у звука [з'] в *гусь зашёл* те же фонетические признаки, что и у звука [з'] в словах *зима, взять* и т. п., где [з'] выступает в сильной позиции.

Точно так же в слове *вода* [ва^{ъ}да́] по теории МФШ предударный [а^{ъ}] является представителем <о>, так как в сильной позиции в этом корне выступает [о]: [во́ды]. В этих формах наблюдается чередование звуков [а^{ъ} ‖ о], но фонема, реализованная этими звуками, одна — <о>. По теории П(Л)ФШ предударный [а^{ъ}] в слове *вода* [ва^{ъ}да́] является представителем /а/, потому что [а^{ъ}] нелабиализованный гласный, как и [а]. С этой точки зрения в [ва^{ъ}да́] — [во́ды] наблюдается чередование фонем /а ‖ о/. Отсюда и разная фонематическая транскрипция этого слова: <вода> по МФШ и /вада/ по П(Л)ФШ.

Звук [ъ], встречающийся только в сигнификативно слабой позиции, например в слове *в*[ъ]*дово́з*, в равной степени отличен и от [ы] и от [а] и так же, как они, нелабиализован-

ный. (Одни представители П(Л)ФШ относят его к фонеме /а/, другие — к выделяемой ими, в отличие от представителей МФШ, /ы/.) Для таких случаев вводится еще один критерий: надо посмотреть, на что похож звук при четком проговаривании слова. Так, на месте [ъ] в слове *в*[ъ]*дово́з* в этом случае произносится [а]. Отсюда вывод: [ъ] относится к /а/. Однако на месте двух [ъ], обычно произносящихся в слове *выпытать* [вы́пътът'], при четком проговаривании звучит в одном случае [ы], в другом — [а]. Таким образом, оказывается, что один и тот же звук может относиться к разным фонемам, что противоречит теории П(Л)ФШ.

Для представителей МФШ вопрос решается только на основании соотнесения звука [ъ] с сильной позицией в той же морфеме: *в*[ъ]*дово́з* — *в*[о́]*ды* — фонема <о>; *вы́п*[ъ]*тать* — *п*[ы́]*тка* — <и>; *вы́пыт*[ъ]*ть* — *пыт*[а́]*ть* — <а>.

П р а ж с к у ю фонологическую школу (ПФШ) и Московскую сближает идея нейтрализации фонем. Для ПФШ характерна детальная разработка теории оппозиции (противопоставления) фонем и теория дифференциальных признаков, тогда как МФШ основное внимание обращает на теорию позиций, в которых выступает фонема. В основе учения ПФШ — сигнификативная функция фонемы, в основе учения МФШ — перцептивная. Эти школы, описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга. По ПФШ фонема — пучок, сумма дифференциальных признаков; архифонема, выступающая в позиции нейтрализации, состоит из дифференциальных признаков, общих для нейтрализованных фонем.

В нашем учебнике описание фонематической системы русского языка дается на основе теории Московской фонологической школы.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

Чередование согласных звуков

Чередование звонких и глухих согласных

1. На конце слова перед паузой звонкие шумные заменяются глухими: *ду*[б]*ы́* — *ду*[п], *дро́*[б']*и* — *дро*[п'], *дро*[в]*а́* — *дро*[ф], *кро́*[в']*и* — *кро*[ф'], *но*[г]*а́* — *но*[к], *ста́*[д]*о* — *ста*[т], *бу́*[д']*ешь* — *бу*[т'] (*будь*), *ко́*[ж]*а* — *ко*[ш], *ро́*[з]*а* — *ро*[с],

ма́[з']*и* — *ма*[с'], *до*[ж']*и́* — *до*[ш']. Такая же мена звуков происходит при отсутствии паузы перед словом, начинающимся с гласного, сонорного и [в], за которым следует гласный или сонорный: *вя*[с] *упал* (*вяз*), *дру*[к] *мой* (*друг*), *гри*[п] *валуй* (*гриб*), *во*[с] *внизу* (*воз*).

2. В русском языке не может быть сочетания шумных согласных, не одинаковых по глухости/звонкости.

Перед глухими звонкие заменяются глухими, возникает сочетание глухих согласных: *ска́*[з]*очка* — *ска́*[ск]*а*, *ло́*[ж]*ечка* — *ло́*[шк]*а*, *о*[б]*руби́ть* — *о*[пт']*еса́ть*, *по*[д]*нос* — *по*[тп]*о́рка*, *колдо*[в]*а́ть* — *колдо*[фс]*ко́й*, *гото́*[в']*ите* — *гото́*[ф't']*е*.

Перед звонкими глухие заменяются звонкими, возникает сочетание звонких согласных: *про*[с']*и́ть* — *про́*[з'б]*а*, *моло*[т']*и́ть* — *моло*[д'б]*а́*, *та*[к]*о́й* — *та́*[гж]*е*, [с]*мыть* — [зд]*уть*, *о*[т]*рази́ть* — *о*[дг]*рузи́ть*, *а́л*[ч']*ный* — *ал*[д'ж'б]*а́* (*алчба*), *свер*[х]*уро́чный* — *свер*[γз]*ьково́й*. Эта закономерность действует и на стыке слов при отсутствии паузы: [к] *мо́рю* — [г] *до́му*; *о*[т] *отца́* — *о*[д] *бра́та*; *отне*[с]*ла́* — *отнёс* [з] *бы*; *че́ре*[б] *большой* (*череп*); *шка*[в] *закрыли* (*шкаф*); *мо*[γ] *зелёный* (*мох*).

Перед [в] замена глухого согласного звонким происходит, только если после [в] произносится звонкий шумный: [з] *вдово́й* (ср.: [с] *врачо́м*, [с] *ва́ми*); *о*[д] *взгля́дов* (ср.: *о*[т] *вла́сти*, *о*[т] *воро́т*); [г] *вздо́хам* (ср.: [к] *вну́ку*, [к] *вы́бору*).

3. Сонорные согласные на конце слова и перед глухими могут факультативно заменяться полуглухими или глухими. На конце слова такие глухие произносятся чаще всего после глухих: *смот*[р̥], *вих*[р̥'], *смыс*[л̥], *воп*[л̥'], *рит*[м̥], *пес*[н̥']. Такие же звуки возможны в начале слова перед глухими: [р̥]*туть*, [л̥']*стить*, [м̥]*стить*, [м̥]*ха*. В этих же позициях могут произноситься и неоглушенные сонорные, но они тогда развивают дополнительную слоговость: *шиф*[р̥], *мыс*[л̥'], [р̥]*та*, [м̥]*ча́ться*. В середине слова перед глухими согласными сонорные также могут оглушаться: *заде́*[рш]*ка* (*задержка*), *мо*[рш] (*морж*), *по*[р̥]*т*, *по*[л̥]*з*, *те*[м̥]*п*, *ба*[н̥]*к*.

Чередование твердых и мягких согласных

Раньше в русском языке действовала закономерность: перед мягкими согласными многие твердые согласные внутри слова и в проклитиках заменялись мягкими (СС' > С'С'). Затем возникла тенденция к отвердению первого согласного

(С'С' > СС'). Эта закономерность действует в настоящее время, захватывая все новые группы согласных. Наиболее последовательно сохраняется мягкость согласного перед мягким в следующих случаях:

1. Зубные перед мягкими зубными: *мо*[ст] — *мо́*[с'т']*ик*, *ле*[сн]*о́й* — *ле*[с'н']*и́к*, *у*[зд]*а́* — *у*[з'д']*е́чка*, *ка*[зн]*а́* — *в ка*[з'н']*е́*, *рабо́*[т]*а* — *рабо́*[т'н']*ик*, *о*[дн]*а́* — *о*[д'н']*и́*, *о*[т]*ыска́ть* — *о*[т'т']*яну́ть*, *по*[д]*бро́сить* — *по*[д'д']*е́ть*.

Перед [т'], [д'], [с'], [з'] обычен и [н']: *ба*[нт] — *ба́*[н'т']*ик*, *и*[нд]*у́с* — *И́*[н'д']*ия*, *рома́*[нс] — *о рома́*[н'с']*е*, *Пе́*[нз]*а* — *в Пе́*[н'з']*е*. Однако в некоторых словах в этой позиции допустимо и произношение [н]: *во*[нз']*и́ть*, *ко*[нс']*е́рвы*, *ко*[нс']*и́лиум* и др.

На месте мягкого согласного в этой позиции иногда наблюдается произношение твердого на конце приставки или предлога: *ра*[с'т']*ира́ть* и *ра*[ст']*ира́ть*, *бе*[з' д']*е́нег* и *бе*[з д']*е́нег*; после твердого согласного: *по*[лс'т']*и́* и *по*[лст']*и́*, *мё*[рз'н']*и* и *мё*[рзн']*и*; в начале слова: [с'н']*ег* и [сн']*ег*, [з'д']*есь* и [зд']*есь*.

Звуки [л], [л'] не участвуют в действии этой закономерности. Твердый [л] не заменяется мягким: *по́*[лн]*ый* — *по*[лн']*е́й*. Перед [л'] замена твердого зубного мягким не обязательна; ср.: [з'л']*ить* и [зл']*ить*, *о́*[с'л']*ик* и *о́*[сл']*ик*.

2. Перед [ч'], [ш'] звук [н] обычно заменяется [н']: *вагó*[н] — *вагó*[н'ч']*ик*, *то́*[н]*кий* — *уто*[н'ч']*ённый*, *го́*[н]*ка* — *го́*[н'ш']*ик*, *цыга́*[н] — *цыга́*[н'ш']*ина*. Возможен в некоторых словах и [н] перед [ч'], [ш']: *са*[нч']*а́сть*, *а*[нч']*о́усы*, *ви*[нч']*е́стер*, *ста́ли*[нш']*ина*, *есе́ни*[нш']*ина*.

Чередование согласных по месту и способу образования

1. Перед передненёбными шумными согласными зубные шумные заменяются соответствующими передненёбными: [с] *о́рденом* — [ш] *ша́пкой* — [ш'] *ча́йником*; *бе*[з] *отца́* — *бе*[ж] *жены́*; *о*[т] *моро́за* — *о*[ч'] *чуде́с* — *о*[ч] *шу́ма*.

2. Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами: *о*[ц]*сы́пать* (*отсыпать*), *пя́*[ц']*ся* (*пяться*), *о*[ч']*щипну́ть* (*отщипнуть*), *ве*[ч]*ша́ть* (*ветшать*). Понять это легко. Последняя фаза взрывного — резкий и достаточно широкий отход сомкнутых органов речи один от другого. Но перед щелевым того же места образования этого не происходит. После смычки активный орган ре-

чи (уже готовясь к образованию следующего щелевого) лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель. Образуется аффриката. Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: *де*[ц]*сáд*, *бра*[ц] *Саши*, *бý*[ц]*сы*; [т'] перед [с'] меняется на [ц']: *мé*[ц']*ся*, *пя*[ц'] *селёдок*. Точно так же и [д] перед [з] меняется на [д͡з]: *на*[д͡з]*зóр*, *по*[д͡з]*зýживать*; [д'] перед [з'] меняется на [д͡з']: *на*[д͡з']*зирáтель*, *пя*[д͡з'] *земли*.

В позиции перед [ш], [ж] звуки [т], [д] по предыдущему закону заменяются передненёбными (кончик языка примыкает не к зубам, а к альвеолам), в результате чего образуются передненёбные твердые аффрикаты [ч], [д͡ж]: *о*[ч]*шибúть* (*отшибить*), *млá*[ч]*шая* (*младшая*), *по*[д͡ж]*жúлки*, *та*[д͡ж]*жúк*, *о*[д͡ж]*жáть* (*отжать*). Перед [ш'] происходит замена взрывного мягкой аффрикатой: [ч']*щéтно* (*тщетно*), *о*[ч'ш']*итáть* (*отсчитать*), [ч']*щерь* (*дщерь*).

3. Взрывные согласные перед взрывными и аффрикатами того же места образования и аффрикаты перед такими же аффрикатами заменяются имплозивными: *о*[т] *кого́* — *о*[т̚] *того́* — о[т̚] *царя́* — *о*[т̚'] *чего́* (перед передненёбным зубной отодвигается в область переднего нёба); *на*[д] *одни́м* — *на*[д̚] *двумя́*; *су*[п] *овсяный* — *су*[п̚] *перловый*; [к] *соба́ке* — [к̚] *ко́шке*; *коне́*[ц] *отдела* — *коне́*[т̚] *цеха* (как и *не*[т̚] *цеха*); *но*[ч'] *вторая* — *но*[т̚'] *четвёртая* (как и *хо*[т̚'] *четвёртая*).

Чередование согласных с нулем звука

1. Обычно не произносятся [т], [д] ([т'], [д']) между зубными согласными:

[с] — [с]: *шес*[т'] — *шес*[-]*сóт* (*шестьсот*), *турúс*[т] — *турúс*[-]*ский* (*туристский*);

[с] — [н]: ([с'] — [н']): *мéс*[т]*о* — *мéс*[-]*ный* (*местный*), *учáс*[т']*ие* — *учáс*[-]*ник* (*участник*);

[с] — [ц]: *крес*[т']*éц* — *крес*[-]*ца́* (*крестца*), *уз*[д]*á* — под уз[-]*цы́* (*под уздцы*);

[н] — [ц]: *талáн*[т']*ец* — *талáн*[-]*ца* (*талантца*), *голлáн*[д']*ец* — *голлáн*[-]*цы* (*голландцы*).

Не произносится также [д] ([д']) и между [р] — [ц], [р] — [ч']: *сер*[д']*éчный* — *сéр*[-]*це* (*сердце*), *сер*[-]*чúшко* (*сердчишко*). Не произносится также [л] перед [нц]: *сóл*[л]*нечный* — *сóл*[-]*нце* (*солнце*).

В этих сочетаниях чередование [т], [т'], [д], [д'], [л] с нулем звука обязательно. В других подобных сочетаниях строгой

обязательности нет, поэтому они рассматриваются в числе орфоэпических норм.

2. После гласного перед [и] ([и^{э}]) фонема <j> реализуется нулем звука: *мой* <moj> [мо͡и] — *моя* <moja> [ма^{ъ}йа] — *мои* <moji> [ма^{ъ}и]; *строй* <(с/з)трој> [стро͡и] — *строю* <(с/з)троју> [стро́͡иу] — *строит* <(с/з)тројит> [стро́и^{э}т].

Чередование долгих и кратких согласных

Долгие согласные звуки, кроме [ш̄'], [ж̄'], реализуют сочетания двух фонем: *ка́*[с̄]*а* — *ка́*<сс>*а*, *лу́*[н̄]*ая* — *лу́*<нн>*ая*, но *и*[ш̄']*у́* — *и*<ш'>*у́*, *во́*[ш̄']*ик* — *во́*<зч'>*ик*. Долгие согласные могут находиться в начале слова перед гласным или между гласными: *ввоз, ссора, Анна, щука, вожжи*. На стыке приставки и корня долгие согласные встречаются и перед согласным: *воззвание* — [з̄], *расшвырять* — [ш̄]. В других позициях долгий согласный теряет свою долготу, т. е. замещается кратким согласным:

1) на конце слова: *ва́*[н̄]*а* — *ва*[н] (*ванн*), *ма́*[с̄]*а* — *ма*[с] (*масс*), *су́*[м̄]*а* — *су*[м] (*сумм*), *пла*[ш̄']*и́* — *пла*[ш'] (*плащ*);

2) рядом с согласным: *програ́*[м̄]*а* — *програ́*[м]*ный* (*программный*), *ру́*[с]*кий* (*русский*), *францу́*[с]*кий* (*французский*), *мо́*[ш̄']*и* — *мо́*[ш']*ный* (*мощный*).

В некоторых случаях эта закономерность отражается и на письме: *колонна — колонка, оперетта — оперетка, финны — финский*. Производным от этого закона является закон: в русском языке не может быть согласных более чем двойной долготы. Три (и четыре) одинаковых согласных между гласными стягиваются до двух: *ссориться* — *ра*[сс]*о́риться* (*рас-* + *ссориться*);

3) возможно чередование долгих и кратких согласных и в позиции между гласными в зависимости от положения по отношению к ударному гласному. Это чередование не имеет строгой обязательности и рассматривается в числе орфоэпических норм.

Чередование гласных звуков

Чередование гласных звуков зависит от двух основных факторов: от соседства твердых или мягких согласных и от положения гласного по отношению к ударению.

Ударные гласные

Мягкие согласные вызывают сдвиг артикуляции гласного вперед и вверх. Если записать на магнитную ленту произнесение слова *мать*, а затем значительно увеличить время воспроизведения этого слова, то легко обнаружится на слух, что гласный на протяжении звучания неоднороден. Отдельные его участки можно обозначить так: [а-а-а-а-ӓ-э-и]. Конец гласного сдвинут вперед и вверх. Это результат воздействия следующего мягкого [т']. Если так же прослушать слово *час*, то обнаружится, что вперед и вверх сдвинут начальный участок гласного: [и-э-ӓ-а-а-а-а]. Это результат воздействия впереди стоящего мягкого [ч']. При этом [и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т. е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного. В транскрипции этот сдвиг начальной и конечной фаз гласного обозначается точками у буквы: [ма·т'], [ч'·ас]. Между мягкими согласными наблюдается сдвиг вперед и вверх и центральной фазы гласного: [ч'ӓс'т'] (*часть*). Гласный [у] верхнего подъема, он продвигается вперед: [сут] — [су·т'] (*суд — суть*); [ш̄'·ук] — [ш̄'ӳк'и] (*щук — щуки*). Гласный [и] самый верхний и самый передний, но и он испытывает воздействие следующего мягкого согласного; ср.: [йва] — [й·в'и] (*ива — иве*) — перед мягким согласным гласный сдвигается вперед и вверх.

После твердых согласных звуки переднего ряда [и], [э] отодвигаются назад: [и] заменяется звуком [ы], а [э] — звуком [э^{ъ}]: [и́]*гры* — [сы́]*гран*, [э́]*ра* — [в-э́^{ъ}]*ру*.

Наблюдаются следующие ряды чередующихся ударных гласных звуков (С — твердый согласный, С' — мягкий согласный, Г — гласный, # — нуль звука):

Позиции / Фонемы	1	2	3	4	5	6
	#ГС ГГС	СГС СГ#	#ГС' ГГС'	СГС'	С'ГС С'Г#	С'ГС'
а	а	а	а·	а·	·а	ӓ
о	о	о	о·	о·	·о	ӧ
у	у	у	у·	у·	·у	ӱ
э	э	э^{ъ}	э·	э^{ъ}.	·э	ӭ
и	и	ы	и·	ы·	и	и·

Проиллюстрируем эти чередования:

<а>: (1) [а́]*нна* (*Анна*), *за* [а́]*нну* — (2) *с* [а́]*нной* — (3) [а́·]*ня*, *за* [а́·]*ню* — (4) *с* [а́·]*ней*; (2) *дрож*[а́]*л*, *дрож*[а́] — (4) *дрож*[а́·]*ть* — (5) *крич*[·а́]*л*, *крич*[·а́] — (6) *крич*[а̋]*ть*;

<о>: (1) [о́]*ба*, *на* [о́]*ба* — (2) *в* [о́]*ба* — (3) [о́·]*бе*, *на* [о́·]*бе* — (4) *в* [о́·]*бе*; (2) *сел*[о́] — (5) *плеч*[·о́]; (5) *зач*[·о́]*т* — (6) *на зач*[о̋]*те*;

<у>: (1) [у́]*дочка*, *вы*[у́]*живать* — (2) *с* [у́]*дочкой* — (3) [у́·]*дит*, *на*[у́·]*дит* — (4) *от*[у́·]*дит*; (2) *крик*[у́]*н* — (4) *крик*[у́·]*нья* — (5) *молч*[·у́]*н* — (6) *молч*[ӯ]*нья*; (2) *нес*[у́] — (4) *нес*[у́·]*сь* — (5) *круч*[·у́] — (6) *круч*[ӯ]*сь*;

<э>: (1) [э́]*тот*, *на* [э́]*тот* — (2) *с* [э́ъ·]*того* — (3) [э́·]*ти*, *на* [э́·]*ти* — (4) *с* [э́ъ·]*тих*; (2) *на лиц*[э́ъ] — (5) *на рук*[·э́]; (5) *т*[·э́]*ло* — (6) *в т*[э̋]*ле*;

<и>: (1) [и́]*ва*, *на* [и́]*ву* — (2) *под* [ы́]*вой* — (3) [и́·]*ве*, *на* [и́·]*ве* — (4) *к* [ы́·]*ве*; (2) *нож*[ы́] — (5) *врач*[и́]; (2) *сторож*[ы́]*л* — (4) *сторож*[ы́·]*ли* — (5) *нос*[и́]*л* — (6) *нос*[и́·]*ли*.

Чередование гласных под ударением образует параллельные ряды. В каждой позиции пять различающихся гласных. Поэтому все эти позиции сигнификативно сильные, но разные перцептивно.

Из таблицы на с. 129 видно, что указанные позиции неравноценны для разных фонем. Для фонем <а>, <о>, <у> можно было бы выделить четыре различные позиции. Перцептивно сильные позиции, где качество этих гласных не обусловлено окружением, — это позиции 1 и 2. Твердый согласный перед и после [а], [о], [у] и впереди стоящий гласный действуют на гласный звук так же, как и отсутствие согласного и гласного, т. е. никак не действуют; ср.: *ар*, *да*, *дар*, *ягуа́р* — в этих словах один и тот же звук [а]. Позиции 3 и 4 тоже равноценны для <а>, <о>, <у>; ср.: *ось*, *полуо́сь*, *лось* — в этих словах один и тот же звук [о·].

Для фонемы <и> перцептивно сильные позиции 1 и 5. Доказательство то же: впереди стоящий гласный и мягкий согласный действуют на [и] так же, как и отсутствие звука, т. е. никак не действуют; впереди стоящий твердый согласный заставляет [и] замениться на [ы]; ср.: [и́]*гры*, *н*[ай́]*гранный*, *взя*[т' и́]*гры*, [сы́]*гран*.

У фонемы <э> звуки, выступающие в позициях 1 и 5, различны, но эта разница настолько мала, что можно оба звука считать основными представителями фонемы <э>.

Перцептивно сильной позицией для всех гласных фонем является только позиция 1 — в начале слова и после гласного перед твердым согласным. Позиция после твердого согласного является перцептивно сильной для <а>, <о>, <у> и слабой для <и>, <э>. Позиция после мягкого согласного является перцептивно сильной для <и>, <э> и слабой для <а>, <о>, <у>.

Перцептивно слабые позиции действуют на гласные однотипно: в этих позициях согласные вызывают замену отрезка гласного, прилегающего к согласному, приспосабливают гласный в этой части к своей артикуляции. Это можно обнаружить на слух. В слове *масса* произносится [а], позиция здесь сильная. В слове *мясо* произносится [·а] — звук, не однородный на протяжении своего звучания. Если растянуть это слово, то мы услышим: [м'·а́-а-а-са]. Только звук, прилегающий к мягкому согласному, здесь упереднён, дальше произносится [а].

В слове *Ира* [и́ра] произносится [и] — основной вариант фонемы <и>, его качество не обусловлено позицией. В словоформе *с Ирой* [с-ы́ръ̯и] произносится [ы]. Экспериментально установлено, что это тоже звук, не однородный на протяжении своего звучания. Более точное его обозначение — [ы͡и]. Если растянуть гласный в словоформе *с Ирой*, мы это услышим: [сы́-и-и-ръ̯и]. Только звук, примыкающий к твердому согласному, произносится здесь как [ы], дальше произносится [и].

Таким образом, в перцептивно слабой позиции [·а] — результат приспособления [а] к предшествующему мягкому согласному, и точно так же [ы] — результат приспособления [и] к предшествующему твердому согласному.

Безударные гласные

Безударные гласные отличаются от ударных количественно и качественно. Количественные отличия заключаются в том, что безударные гласные обычно короче

ударных и произносятся с меньшей силой. Качественные отличия — это отличия в тембре. В связи с этим ударные гласные называют гласными полного образования, безударные — редуцированными гласными.

Существует различие и между безударными гласными, что обусловлено их местом по отношению к ударению и положением в слоге.

А. А. Потебня предложил формулу, условно оценивающую силу ударных и безударных слогов в единицах. Сила ударного гласного соответствует 3, гласного первого предударного слога — 2, других безударных слогов — 1: *поговорила* [пъгъваър'йлъ] — 1-1-2-3-1; *вынужденный* [вы́нужд'и^{э}ныъ̆и] — 3-1-1-1.

Сила безударного гласного зависит также от следующих условий. Неприкрытый слог равен первому предударному: *атаковать* (аътъкаъва́т') — 2-1-2-3; *наоборот* [нъаъбаъро́т] — 1-2-2-3; *аист* [а́и^{э}ст] — 3-2. Сила гласного в заударном конечном открытом слоге колеблется (она может равняться 1 и 2 единицам): *шапка* [ша́пкъ] — 3-1 и [ша́пкаъ] — 3-2. Безударные гласные, оценивающиеся в 2 единицы, — это редуцированные 1-й степени, в 1 единицу — редуцированные 2-й степени.

Качественные различия между ударными и безударными гласными обусловлены тем, что безударные гласные артикулируются менее энергично, чем ударные. Язык при этом занимает положение, более близкое к нейтральному, в котором он находится во время речевой паузы. Так, при произнесении безударных гласных верхнего подъема язык не доходит до крайнего верхнего положения. Безударные [и], [ы] можно точнее обозначить как [и^{э}], [ыъ]: [в'и^{э}тр'и́наъ], [сыъры́]. При произнесении [а] в первом предударном слоге язык не доходит до крайнего нижнего положения, более точное обозначение звука — [аъ]: [траъва́]. Во втором предударном слоге звуку [а] соответствует [ъ], при образовании которого язык занимает среднее по вертикали положение в полости рта: [нъпаъда́т'].

Чередование ударных и безударных гласных (влияние следующего за гласным мягкого согласного не учтено):

Фонемы	Позиции						
	в ударном слоге			в безударных слогах			
	в неприкрытом	после твердого согласного	после мягкого согласного	в неприкрытом	после твердого согласного		после мягкого согласного
					редуцированные 1-й степени	редуцированные 2-й степени	
	1	2	3	4	5	6	7
у	у	у	·у	у	у	у	·у
и	и	ы	и	и^{э}	ы^{ъ}	ы^{ъ}	и^{э}
э	э	э^{ъ}	·э	и^{э}	ы^{ъ}	ъ	и^{э}
о	о	о	·о	а^{ъ}	а^{ъ}	ъ	и^{э}
а	а	а	·а	а^{ъ}	а^{ъ}	ъ	и^{э}

<у>: (1) [у́]*чит*, *на*[у́]*чит* — (2) *от*[у́]*чен* — (4) [у]*чи́ть*, [у]*чени́к*, *на*[у]*чи́ть*, *вы́*[у]*чить* — (5) *от*[у]*чи́ть* — (6) *от*[у]*ченика́*; (2) *п*[у]*ск* — (5) *п*[у]*ска́ть* — (6) *п*[у]*сково́й*, *вы́п*[у]*ск*; (3) *ч*[·у́]*до* — (7) *ч*[·у]*да́к*, *ч*[·у]*даки́*; (2) *нес*[у́] — (3) *крич*[·у́] — (6) *кра́ш*[у] — (7) *пря́ч*[·у];

<и>: (1) [и́]*гры*, *на*[и́]*гранный* — (2) *с*[ы́]*гран* — (4) [и^{э}]*гра́*, [и^{э}]*грока́*, *на*[и^{э}]*гра́ть*, *на́*[и^{э}]*грыш* — (5) *с*[ы^{ъ}]*гра́ть* — (6) *с* [ы^{ъ}]*грока́м*; (2) *с*[ы́]*пать* — (5) *выс*[ы^{ъ}]*па́ть* — (6) *вы́с*[ы^{ъ}]*пать*; (2) *ш*[ы]*рь* — (5) *ш*[ы^{ъ}]*ро́кий* — (6) *ш*[ы^{ъ}]*рота́*; (2) *беж*[ы́]*т* — (3) *сид*[и́]*т* — (6) *слы́ш*[ы^{ъ}]*т* — (7) *хо́д*[и^{э}]*т*;

<э>: (1) [э́]*тика* — (4) [и^{э}]*ти́ческий*, [и^{э}]*тике́т*; (1) *по*[э́]*т* — (4) *по*[и^{э}]*ти́ческий*; (2) *мод*[э́^{ъ}]*ль* — (5) *мод*[ы^{ъ}]*лье́р* — (6) *мод*[ъ]*лиро́вка*; (2) *т*[э́^{ъ}]*ннис* — (6) *т*[ъ]*ннисси́ст*; (2) *ш*[э^{ъ}]*сть* — (5) *ш*[ы^{ъ}]*сти́* — (6) *ш*[ъ]*стьдеся́т*; (2) *скреж*[э́^{ъ}]*щет* — (5) *скреж*[ы^{ъ}]*та́ть* — (6) *скре́ж*[ъ]*т*; (3) *д*[·э́]*ло* — (7) *д*[и^{э}]*ла́*, *д*[и^{э}]*лово́й*, *вы́д*[и^{э}]*лка*; (2) *лж*[э^{ъ}]*ц* — (3) *мудр*[·э́]*ц* — (5) *лж*[ы^{ъ}]*ца́* — (6) *землепа́ш*[ъ]*ц* — (7) *мудр*[и^{э}]*ца́*, *ста́р*[и^{э}]*ц*;

<o>: (1) [ó]*браз* — (2) *без*[ó]*бразный* — (4) [а^{ъ}]*бра́зчик*, [а^{ъ}]*бразова́ние*, *пре*[а^{ъ}]*бразова́ть* — (5) *без*[а^{ъ}]*бра́зный* — (6) *из*[ъ]*брази́ть*; (2) *д*[о]*м* — (5) *д*[а^{ъ}]*ма́* — (6) *д*[ъ]*мово́й*, *на́ д*[ъ]*м*; (2) *канц*[ó]*на* — (5) *канц*[а^{ъ}]*не́тта*; (3) *т*['·ó]*мный* — (7) *т*[и^{э}]*мно́*, *т*[и^{э}]*мнота́*, *за́т*[и^{э}]*мно*; (2) *дуб*[ó]*вый* — (3) *парч*['·ó]*вый* — (5) *бок*[а^{ъ}]*во́й* — (6) *га́з*[ъ]*вый* — (7) *тен*[и^{э}]*во́й*, *сире́н*[и^{э}]*вый*;

<а>: (1) [á]*дрес*, *за* [á]*дресом* — (2) *от* [á]*дреса* — (4) [а]*дресова́ть*, *пере*[а^{ъ}]*дресо́вка* — (6) *от* [ъ]*дреса́та*; (2) *с*[а]*д* — (5) *с*[а^{ъ}]*ды́* — (6) *с*[ъ]*дово́д*, *вы́с*[ъ]*дить*; (2) *ш*[а]*р* — (5) *ш*[а^{ъ}]*ры́* — (6) *ш*[ъ]*рово́й*; (2) *ж*[а]*ть* — (6) *вы́ж*[ъ]*ть*; (3) *п*['·á]*тый* — (7) *п*[и^{э}]*та́к*, *п*[и^{э}]*тачо́к*, *на́ п*[и^{э}]*ть*; (2) *чуж*[á]*к* — (3) *земл*['·á]*к* — (5) *чуж*[а^{ъ}]*ка́* — (7) *земл*[и^{э}]*ка́*.

В некоторых позициях и в некоторых аффиксах существуют варианты произношения гласных, которые рассматриваются в числе орфоэпических норм.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Состав гласных фонем

В языке столько фонем, сколько звуков в одних и тех же сигнификативно сильных позициях. В большинстве случаев выделение фонем не представляет трудностей. Нет сомнения, что в русском языке есть фонемы <и>, <э>, <о>, <а>, <у>: они встречаются в сильной позиции в огромном количестве слов. Но как быть, если звук в сильной позиции встречается в одном только слове, или в редких словах, или в словах, принадлежность которых русскому языку сомнительна? Среди лингвистов здесь нет единства во взглядах. Так, для представителей Московской фонологической школы звук [ы] — вариация фонемы <и>, для представителей Петербургской (Ленинградской) фонологической школы [ы] — аллофон фонемы /ы/.

Звук [ы] в абсолютно сильной позиции, т. е. под ударением в начале слова, бывает только в названии буквы *ы* и в производных от него узкоспециальных терминах *ы́кать*, *ы́каньe*. В географических атласах можно встретить и такие названия, как *Ыйсо́н*, *Ыныкча́нский* и др., но они не являются словами русского языка, и по ним нельзя судить о русской фонетиче-

ской системе. Что же касается названия буквы *ы*, то решение может быть следующее.

В русском литературном языке выделяется несколько фонетических подсистем: общеупотребительных слов, необщеупотребительных (редких) слов, междометий, служебных слов. Каждая из этих подсистем характеризуется своими фонетическими закономерностями. Так, в подсистеме общеупотребительных слов [о] может быть только под ударением, в безударных слогах на его месте выступают [а^{ъ}], [ъ]: *г*[о]*д* — *г*[а^{ъ}]*да́* — *г*[ъ]*дово́й*. В других подсистемах [о] может быть и без ударения: например, в редком слове *боа* [боа́], в междометии *О-хо-хо!* [охохо́], в союзе *то*: *т*[о] *я*, *т*[о] *он*. Бывают и такие звуки, которые не представлены в общеупотребительных словах в сильной позиции. Например, есть междометие, передающее сожаление и выражаемое щелкающим звуком, возникающим при всасывании воздуха и отрыве кончика языка от зубов: *Ц-ц-ц!* Есть частица, передающая отрицание: *Не-а*. Есть с таким же значением и частица, состоящая из двух гласных типа [ъ], перед которыми происходит резкое смыкание голосовых связок: [ˈъ-ˈъ]; гласные эти носовые: воздух проходит через ротовую и носовую полости.

Названия букв (в том числе и название буквы *ы*) — это термины. У терминов своя фонетическая подсистема. Так, слово *фонема* можно произнести с [о]: [фонэ́ма], это допускается законами фонетической подсистемы редких слов, куда относится и терминология. Но эти закономерности нельзя распространять на другие фонетические подсистемы.

Редкие слова, термины, междометия — это тоже слова русского языка. Поэтому на вопрос о том, есть ли в русском языке фонема <ы>, противопоставленная другим гласным фонемам, следует ответить: есть, но только в фонетической подсистеме необщеупотребительных слов. В фонетической подсистеме общеупотребительных слов пять гласных фонем: <и>, <э>, <о>, <а>, <у>.

Состав согласных фонем

Выделение большей части согласных фонем не представляет трудности: <п> — <п’> — <б> — <б’> — <ф> — <ф’> — <в> — <в’> — <м> — <м’> — <т> — <т’> — <д> — <д’> — <с> — <с’> — <з> — <з’> — <ц> — <н> — <н’> — <л> —

<л'> — <ш> — <ж> — <ч'> — <р> — <р'> — <j> — <к> — <г> — <х> — 32 фонемы. Столько разных звуков выступает в сильной позиции, например, перед ударным [а] в словах *тупа́* — *тупя́* (дееприч.) — *губа́* — *губя́* — *графа́* — *графя́* — *трава́* — *травя́* — *корма́* — *кормя́* — *крута́* — *крутя́* — *вода́* — *водя́* — *коса́* — *кося́* — *гроза́* — *грозя́* — *овца́* — *цена́* — *ценя́* — *пила́* — *пиля́* — *лапша́* — *ханжа́* — *свеча́* — *гора́* — *горя́* — *моя́* — *река́* — *дуга́* — *соха́*.

Фонемы <ш'>, <ж'>, представленные звуками [ш̄'], [ж̄'] (*плащ*а [плаш̄'а́] <плаш'а́>, *вожжа* [важ̄'а́] <вож'а́>), выделяются не всеми лингвистами. На том основании, что звуки [ш̄'], [ж̄'] долгие, предлагалось считать их реализацией двух фонем (например, [ш̄'] можно рассматривать как воплощение <сч'> или <шч'>). Однако приводимые доказательства недостаточно убедительны. Поэтому большинство лингвистов считают <ш'>, <ж'> особыми фонемами.

Звуки [к], [г], [х] чередуются с [к'], [г'], [х']: *ре*[к]*а́*, *ре*[к]*о́й*, *ре*[к]*у́*, *ре*[к] — *ре*[к']*и́*, *ре*[к']*е́*; *ду*[г]*а́*, *ду*[г]*о́й*, *ду*[г]*у́* — *ду*[г']*и́*, *ду*[г']*е́*; *со*[х]*а́*, *со*[х]*о́й*, *со*[х]*у́*, *со*[х] — *со*[х']*и́*, *со*[х']*е́*. Звуки [к'], [г'], [х'] выступают перед [и], [э], в остальных позициях — [к], [г], [х]. Чередование можно рассматривать как фонетическое позиционное и считать, следовательно, что [к], [к'] воплощают фонему <к>; [г], [г'] — фонему <г>; [х], [х'] — фонему <х>.

С другой точки зрения, [к'], [г'], [х'] воплощают фонемы <к'>, <г'>, <х'>, противопоставленные <к>, <г>, <х>. Основания таковы. Звук [к'] перед [о], [а] выступает в формах слова *ткать*: *т*[к'о]*шь*, *т*[к'о]*т*, *т*[к'о]*м*, *т*[к'о́]*те*, *т*[к'а]. Правда, это только одно старое исконно русское слово, но оно относится к числу общеупотребительных. Кроме того, [к'] перед [о], [у] встречается в заимствованных словах, в том числе и широкораспространенных: *бракёр*, *ликёр*, *хроникёр*, *кювéт*, *кюрé*, *маникю́р* и др. В русском языке созданы слова *киоскёр*, *паникёр*. Это достаточное основание считать, что [к] и [к'] возможны в одной и той же позиции и, следовательно, воплощают фонемы <к> и <к'>. Звук [г'] перед [у] встречается только в словах необщеупотребительных: *гюйс*, *гюрза* и др.

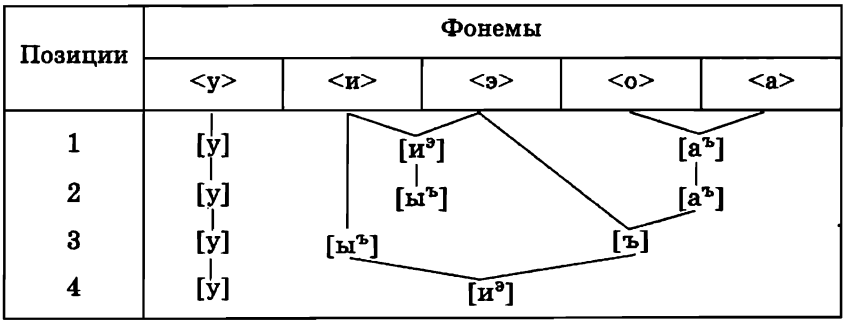
Но, во-первых, законы звуковой сочетаемости распространяются на все звуки одного класса. Из того, что [к] — [к'] противопоставлены в одной позиции, следует, что такая возможность существует в русском языке и для других заднеязыч-

ных: [г] — [г'] и [х] — [х']. Во-вторых, об этом же могут свидетельствовать неологизмы. В одном из писем композитор и музыкальный критик А. Н. Серов писал: *Ведь был же я доволен и «Майской ночью», хотя там швахятины было несравненно больше*; слово *швахятина* образовано автором от нем. *schwach* 'слабый' по модели *кислятина, серятина* и т. п. В-третьих, в русском языке есть и слова с сочетанием твердых заднеязычных перед [э], и таким образом возникла еще одна позиция, где могут противопоставляться [к], [г], [х] и [к'], [г'], [х']: [гэ]*с* — [г'э]*рб.* Поэтому [к'], [г'], [х'] воплощают фонемы <к'>, <г'>, <х'>.

Следовательно, в русском языке выделяется 37 согласных фонем.

Подсистема гласных фонем

Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно сильных позициях проявляются в их дифференциальных признаках. Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно слабых позициях могут быть показаны так:



Позиции: 1 — в неприкрытом безударном слоге; 2 — в первом предударном слоге после твердого согласного; 3 — в безударном слоге, кроме первого предударного, после твердого согласного; 4 — в безударном слоге после мягкого согласного.

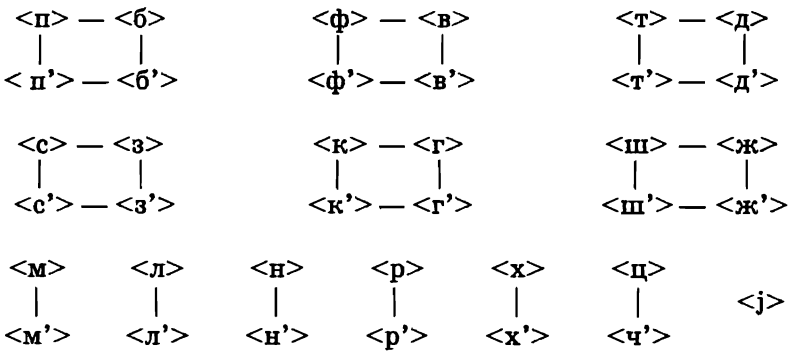
Если в сильной позиции различается пять гласных фонем, то в позициях 1—3 различается три гласных звука, а в позиции 4 — два. Это слабые позиции для <и>, <э>, <о>, <а>, в соответствии с ними здесь выступают архифонемы (слабые фонемы), у которых снижена различительная способность.

Сигнификативно сильной для всех гласных фонем является позиция под ударением. Для фонемы <у> все позиции сильные: она не нейтрализуется ни с одной фонемой.

Подсистема согласных фонем

Дифференциальными признаками согласных звуков являются место и способ образования, глухость/звонкость, твердость/мягкость. Различие между сонорными и шумными согласными звуками для всех фонем является признаком интегральным.

Согласные русского языка образуют две основные корреляции фонем, в которые входят фонемы, противопоставленные по признакам глухости/звонкости и твердости/мягкости. По этим признакам фонемы соотносятся следующим образом:



24 фонемы составляют 12 пар по глухости/звонкости, остальные 13 фонем внепарные по этому признаку. 36 фонем составляют 18 пар по твердости/мягкости, 1 фонема внепарная по обоим признакам.

Фонема <п> глухая, она противопоставлена по этому дифференциальному признаку звонкой <б>. В число дифференциальных признаков <ц> не входит признак глухости/звонкости, так как нет парной фонемы, противопоставленной <ц> по этому признаку. Представителями <ц> в сигнификативно сильной позиции являются и глухой [ц], и звонкий [д͡з]. Глухость/звонкость — интегральные признаки [ц], [д͡з] в разных позициях. Таковы же и другие внепарные по глухости/звонкости фонемы.

Парные глухие и звонкие согласные фонемы различаются в следующих позициях:

1) перед гласным: [п]*от* — [б]*от*, [п']*ел* — [б']*ел*, [ф]*а́за* — [в]*а́за*, [ф']*инн* — [в']*ин*, [т]*ам* — [д]*ам*, [т']*е́ло* — [д']*е́ло*, *ко*[с]*а́* — *ко*[з]*а́*, [с']*ядь* — [з']*ять*, [к]*ость* — [г]*ость*, [к']*ит* — [г']*ид*, [ш]*ар* — [ж]*ар*, *та*[ш']*и́* — *до*[ж']*и́* (*тащи* — *дожди*);

2) перед сонорным согласным: [п]*леск* — [б]*леск*, [п'ју] — [б'ју] (*пью* — *бью*), [ф]*ла́га* — [в]*ла́га*, [т]*рава́* — [д]*рова́*, [с]*лой* — [з]*лой*, [к]*ласс* — [г]*лаз*, *слы́*[ш]*ной* — *с лы́*[ж]*ной*. Эти позиции — сильные для парных по глухости/звонкости фонем.

Парные глухие и звонкие согласные фонемы не различаются, нейтрализуются в следующих слабых позициях:

1) на конце слова: *тру́*[п]*а* — *тру*[б]*а́* — *тру*[п]; *ко*[т]*а́* — *ко́*[д]*а* — *ко*[т]; *ко*[с]*а́* — *ко*[з]*а́* — *ко*[с]; *лу́*[к]*а* — *лу́*[г]*а* — *лу*[к]; *но́*[ш]*а* — *но*[ж]*а́* — *но*[ш];

2) перед шумным согласным: *те*[с]*а́ть* — *тё*[с]*ка* (*тёска*), *тё*[з]*ок* — *тё*[с]*ка* (*тёзка*); *ска́*[т]*ок* — *ска́*[т]*ку*; *с ка́*[д]*ок* — *с ка́*[т]*ку* (*кадку*); *ко*[с']*и́ть* — *ко*[з']*ба́*; *ре́*[з]*ать* — *ре*[з']*ба́*; *стол*[б]*ы́*, *стол*[п]*ы́* — *стол*[б] *заметный*.

Позиция перед [в] для парных по глухости/звонкости фонем может быть сильной и слабой; все зависит от того, какой звук следует после [в]: если гласный или сонорный согласный, то это сильная позиция, а если шумный согласный, то слабая. Например: [т]*воре́ц* — [д]*воре́ц*, [с]*верь* — [з]*верь*, *о*[т] *вла́стного* — *по*[д]*вла́стного* — позиция сильная, глухие и звонкие различаются; *по*[д] *взгля́дом* — *о*[д] *взгля́да*, *по*[д] *вби́тым* — *о*[д] *вби́того*, *бе*[з] *вдо́ха* — [з] *вдо́хом* — позиция слабая, глухие и звонкие не различаются.

В противопоставлении согласных фонем по твердости/мягкости в современном русском языке происходят изменения. В «старшей» норме парные твердые и мягкие согласные различаются:

1. В позициях, сильных для всех парных по твердости/мягкости согласных фонем:

1) на конце слова: *то*[п] — *то*[п'], *бра*[т] — *бра*[т'], *о*[с] — *о*[с'], *да*[л] — *да*[л'], *во*[н] — *во*[н'], *жа*[р] — *жа*[р'];

2) перед гласными: [па́]*льцы* — [п'а́]*льцы* (*пяльцы*), *гру*[ба́] — *гру*[б'а́] (*грубя*), [ва]*л* — [в'а]*л* (*вял*), *ко*[та́] —

ка[т'а́], [но]*с* — [н'о]*с*, [мо]*л* — [м'о]*л*, *го*[ры] — *го*[р'и́], [лу]*к* — [л'у]*к*, [ко]*т* — *т*[к'о]*т*.

2. В позициях, сильных для части парных по твердости/мягкости согласных фонем:

1) переднеязычные перед заднеязычными и губными: *ре́*[тк]*о* — *ре́*[т'к]*а* (*редко* — *редька*), *го́*[рк]*а* — *го́*[р'к]*о*, *ба́*[нк']*и* — *ба́*[н'к']*и*, *и*[зб]*а́* — *ре*[з'б]*а́*, *го*[рб]*а́тый* — *бо*[р'б]*а́*, *по*[см]*о́трит* — *пи*[с'м]*о́*, *ко*[рм']*е́* — *тю*[р'м']*е́*;

2) зубные перед твердыми зубными: *ко́*[нс]*кий* — *ию́*[н'с]*кий*;

3) некоторые переднеязычные перед некоторыми переднеязычными: *янва́*[рс]*кий* — *дека́б*[р'с]*кий*, *атама́*[нш]*а* — *ра́*[н'ш]*е*, *ора́*[нж]*евый* — *де*[н'ж]*о́нки*;

4) <л> — <л'> перед всеми согласными: *ко*[лх]*о́з* — *о*[л'х]*а́*, *по́*[лк']*и* — *по́*[л'к']*и*, *мо*[лв]*а́* — *ма́*[л'в]*а*, *по́*[лз]*ать* — *по́*[л'з]*а*, *мо*[лч']*и́* — *ма́*[л'ч']*ик*.

Эти позиции — сильные для парных по твердости/мягкости фонем. В других позициях парные по твердости/мягкости фонемы не различаются: *кома́*[р], *зве*[р'] — *кома*[р'j]*ё*, *зве*[р'j]*ё*; *тру*[д]*ы*, *гру́*[д']*и* — *сотру́*[д'н']*ик*, *нагру́*[д'н']*ик*; *оборо́*[н]*а*, *пораже́*[н']*ие* — *оборо́*[н'ч']*еский*, *пораже́*[н'ч']*еский*; *ба́ке*[н], *ка́ме*[н'] — *ба́ке*[н'ш']*ик*, *ка́ме*[н'ш']*ик*.

В «младшей» норме сильными по твердости/мягкости стали все позиции; ср. губные и переднеязычные перед мягкими зубными: *сли́*[пс']*я* — *сы́*[п'с']*я*, *идё*[мт']*е* — *эконо́*[м'т']*е*, *разро́*[сс']*я* — *бро́*[с'с']*я*, *о спо́*[рт']*е* — *спо́*[р'т']*е*; зубные перед <j>: *о*[тj]*е́зд* — *в ста*[т'j]*е́*; <н> — <н'> перед [ч'], [ш']: *ко*[н'ч']*а́ть* — *са*[нч']*а́сть*, *Куба́*[н'ш']*ина* — *есе́ни*[нш']*ина*; заднеязычные перед мягкими заднеязычными: *лё*[х'к']*ий* — *дву*[хк']*илометро́вка*.

Фонемы, представленные в сильной позиции звуками [ц] и [ч'], противопоставлены всем другим фонемам по дифференциальному признаку аффрикатности. Между собой эти звуки различаются двумя признаками: [ц] зубной твердый, [ч'] передненёбный мягкий. Но для противопоставления этих фонем друг другу достаточно одного дифференциального признака. Какой же признак — место образования или твердость/мягкость — является у этих фонем дифференциальным, а какой — интегральным? Решение зависит от «веса» этих при-

знаков в системе. Корреляция по твердости/мягкости имеет больший «вес»: она включает большее число фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности. Поэтому твердость/мягкость — дифференциальный признак фонем <ц>, <ч'>, а зубность [ц] и передненёбность [ч'] — интегральный признак этих звуков. Точно так же звуки [ш] и [ш'] представляют парные по твердости/мягкости фонемы <ш> и <ш'>, а звуки [ж] и [ж̄'] — фонемы <ж> и <ж'>. Долгота звуков [ш̄'], [ж̄'] — признак интегральный.

Фонема <j> не имеет пар по глухости/звонкости и твердости/мягкости, поэтому она ни глухая, ни звонкая, ни твердая, ни мягкая. Перед ударным гласным она реализуется звуком [j]: *я* [ja], *юг* [juk], *поём* [паᵇjóм], *поеду* [паᵇjэ́ду]. В других позициях чаще всего <j> реализуется звуком [и̯]: *еда* [и̯иᵌдá], *стая* [стáи̯ъ], *край* [краи̯], *поймать* [паᵇи̯мáт']. В позиции после гласного перед [и] ([иᵌ]) фонема <j> реализуется нулем звука: *свой* [сво̯и] <свoj>, *своим* [сваᵇи́м] <свojим>, *маяк* [маᵇjáк] <м(о/а)jак>, *маяки* [мъиᵌк'и́] <м(о/а)jак'и>.

Среди согласных фонем есть противопоставленные и по другим дифференциальным признакам: по месту и способу образования. Некоторые из этих фонем нейтрализуются. Так, нейтрализуются зубные и передненёбные перед передненёбными: *на*[ш ш]*офёр увидел* (нейтрализованы <с> и <ш> — *нас* и *наш*); *отре́*[ж ж]*ёлтый* (нейтрализованы <з> и <ж> — *отрез* и *отрежь*); *ве*[ш' ч']*ини́ть* (нейтрализованы <с'> и <ш'> — *весь* и *вещь*); *крупи́*[ц]*а* — *крупи́*[т̡']*чатый*, *пота́*[ч']*ка* — *пота́*[т̡']*чик* (нейтрализованы <ц> и <ч'>). Нейтрализуются взрывные и аффрикаты перед щелевыми и аффрикатами того же места образования: *спи*[ц] *столько*, *жиле́*[т] *цыгана* (нейтрализованы <т> и <ц> — *спит* и *спиц*, *жилет* и *жилец*); *пе*[т̡'] *часто* (нейтрализованы <т'> и <ч'> — *петь* и *печь*).

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

Фонетическая транскрипция может быть разной степени точности. При более точной транскрипции отмечается продвинутость гласного вперед и вверх рядом с мягкими согласными: [м'ät']; отодвинутость назад гласного [э] после твердого согласного: [цэᵇп]; открытость, сдвинутость вниз без-

ударного гласного верхнего подъема: [п'и^{э}ро́к], [жы^{ъ}на́]; закрытость, сдвинутость вверх безударного гласного нижнего подъема: [да^{ъ}ла́]; огубленность согласных перед огубленными гласными и согласными: [с$^{\circ}$уп], [в$^{\circ}$н$^{\circ}$ук]; имплозивность согласных: [бра́$_{\cdot}$тца]. Признаки эти обусловлены позицией, поэтому при менее точной транскрипции они не обозначаются: [м'ат'], [цэп], [п'иро́к], [жына́], [дала́], [суп], [внук], [бра́тца].

Фонетическая транскрипция передает звуковой состав слова, фонематическая транскрипция передает его фонемный состав. Она связана с пониманием фонемы в разных фонологических школах. Так, слово *стог* [с$^{\circ}$т$^{\circ}$ок] содержит следующий состав фонем: с точки зрения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы — /сток/; с точки зрения Московской фонологической школы (где, кроме фонем, выделяются и гиперфонемы) — <(с/з)ток>; с точки зрения Пражской фонологической школы (где, кроме фонем, выделяются и архифонемы) — /СтоК/. Близка к «пражской» словофонематическая транскрипция Р. И. Аванесова: <с$_3$ток$_2$>, где <с$_3$> и <к$_2$> обозначают слабые фонемы. Его морфофонематическая транскрипция — <{с^{3}т}ог>, где выделено сочетание согласных с общими фонетическими признаками глухости и твердости.

Орфоэпия

Орфоэпия (< гр. *orthos* — правильный + *epos* — речь) — это совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц: морфем, слов, предложений. Среди таких норм различаются произносительные нормы (состав фонем, их реализация в различных позициях, фонемный состав отдельных морфем) и нормы суперсегментной фонетики (ударение и интонация). При более широком понимании орфоэпии к ней относят и образование вариантных грамматических форм.

Орфоэпией называется также раздел языкознания, изучающий функционирование таких норм и вырабатываю-

щий произносительные рекомендации — орфоэпические правила.

Традиционно в орфоэпию включаются все произносительные нормы литературного языка. С другой точки зрения, выдвинутой и разрабатываемой М. В. Пановым, к орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке; этим орфоэпия отличается от фонетики, которая изучает фонетические законы, не знающие исключений. Так, к законам фонетики (а не к орфоэпии) относится в русском языке произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: *зу́*[б]*ы* — *зу*[п], *во*[з]*ы́* — *во*[с]; лабиализованных согласных перед [у], [о]: [д˚]*ум*, [д˚]*ом* (но [д]*ам*), [с˚]*умм*, [с˚]*ом* (но [с]*ам*).

К орфоэпии относится вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий. Так, одни произносят *в*[и^{э}]*сна́*, другие — *в*[э^{и}]*сна́*: разница — в характере звуков, фонема (с точки зрения Московской фонологической школы) одна и та же. Одни произносят *бу́ло*[ч']*ная*, другие — *бу́ло*[ш]*ная*, одни — *умы́л*[с]*а*, другие — *умы́л*[с']*я*: разница — в фонемном составе корня (*было*<ч>- или *было*<ш>-) и постфикса (-<са> или -<с'а>). На письме такие варианты обычно не отражаются: *весна, булочная, умылся*. Однако варьирование фонемного состава корня может обозначаться на письме: *бриллиант* и *брильянт, калоши* и *галоши, кринка* и *крынка, матрас* и *матрац, ноль* и *нуль*.

Орфоэпия отмечает место ударения в слове: *кла́дбище* и *кладби́ще, творо́г* и *тво́рог, и́скристый* и *искри́стый*; в отдельной словоформе: *ко́су* и *косу́, вкусны́* и *вку́сны, ткала́* и *тка́ла*; на разных лексических единицах, входящих в одно фонетическое слово: *на́ руки* и *на ру́ки, не́ дали* и *не да́ли*; наличие или отсутствие побочного ударения: *мѐжпланéтный* и *межпланéтный*.

Орфоэпия рассматривает социально значимые произносительные варианты, т. е. те, которые типичны для разных групп людей, говорящих на литературном языке, а также стилистические варианты, сознательно выбираемые в различных социальных ситуациях.

Орфоэпические варианты могут характеризовать «младшую» и «старшую» нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но на определенном этапе развития литературного языка обе нормы сосуществуют; например, для некоторых сочетаний согласных традиционно произношение мягкого согласного перед мягким: [з'в']*ерь*, *е́*[с'л']*и*; по новой норме первый согласный — твердый: [зв']*ерь*, *е́*[сл']*и*); общенародную и профессиональную сферу употребления (*добы́ча* и *до́быча*, *и́скра* и *искра́*); мужскую и женскую речь (например, удлинение согласных в мужской эмоциональной речи и удлинение гласных в женской); территориальные разновидности литературного языка (например, произношение после гласного и в начале слова звука переднего ряда [э] в Москве и городах юга России: [э́]*тот*, *по*[э́]*т* и звука передне-среднего ряда [э^{ъ}] в некоторых северных и сибирских городах: [э́^{ъ}]*тот*, *по*[э́^{ъ}]*т*).

Орфоэпические варианты могут принадлежать разным стилям. Так, для высокого стиля характерно эканье: *б*['э^{и}]*ру́*, *вз*['э^{и}]*ла́*, произношение безударного [о]: *н*[о]*ктю́рн*, *п*[о]*эти́ческий*; твердого заднеязычного перед безударным окончанием именительного падежа единственного числа прилагательных: *гро́м*[къ]*й*, *стро́*[гъ]*й*, *ти́*[хъ]*й*. В нейтральном стиле произносится: *б*[и^{э}]*ру́*, *вз*[и^{э}]*ла́*, *н*[а^{ъ}]*ктю́рн*, *п*[ъ]*эти́ческий*, *гро́м*[к'и]*й*, *стро́*[г'и]*й*, *ти́*[х'и]*й*. В разговорной речи наблюдается выпадение гласных и согласных: *про́во*[лк]*а* (*проволока*), *не́*[кт]*орые* (*некоторые*), *в*[а]*бще́* (*вообще*), *ты*[ш']*а* (*тысяча*), *се́*[м'и]*сят* (*семьдесят*).

Допуская несколько вариантов, орфоэпия указывает, какое место занимает каждый из них в литературном произношении. В силу своей социальной значимости орфоэпические варианты могут использоваться, например, в сценической речи для социальной характеристики персонажа.

В выработке литературных норм особая роль принадлежит московскому говору. Уже в XVII в. сложились основные закономерности современного русского литературного языка. В основу этого языка лег говор Москвы, принадлежащий к среднерусским говорам, в которых сглажены наиболее резкие диалектные черты северного и южного наречий. Старомосковское произношение и сейчас составляет основу орфоэпических норм, несколько изменившихся в XX в.

Орфоэпия устанавливает и отстаивает нормы литературного произношения. Чем же обусловлено нарушение произносительных норм? Причины отступлений от орфоэпических норм — развитие языка, влияние диалектов, письмо. Вариант «младшей» нормы при своем возникновении, вариант «старшей» нормы при своем уходе из литературного языка могут восприниматься как нарушения нормы. Так, в начале XX в. некоторыми орфоэпистами осуждалось новое для литературного языка и́канье; еще встречается в речи городских жителей произношение *пе́*[р']*вый, це́*[р']*ковь, четве́*[р']*г,* входившее раньше в число литературных норм. У жителей городов, расположенных в окружении севернорусских говоров, часто наблюдается оканье — различение безударных гласных фонем неверхнего подъема: *тр*[а]*ва́, д*[а]*ла́,* но *в*[о]*да́, ст*[о]*ла́.* А жители городов, окруженных южнорусскими говорами, нередко произносят [γ] вместо литературного [г]: [γ]*о́род, но*[γ]*а́.* Между буквами и звуками нет точного соответствия. Пишется: *конечно, что, чтобы,* но произносится: *коне́*[ш]*но,* [ш]*то,* [ш]*то́бы.* А тот, кто произносит *коне́*[ч']*но,* [ч']*то,* [ч']*то́бы,* допускает орфоэпическую ошибку.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ

1. В современном русском литературном языке господствует и́канье, т. е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем, кроме <у>, в звуке [и], точнее [и^{э}]: [п'и́лы] — [п'ила́], [р'эк] — [р'ика́], [н'ос] — [н'ису́], [п'а́тыц] — [п'ита́к]. В XIX в. в литературном языке господствовало э́канье (оно и сейчас встречается в литературном произношении) — совпадение в той же позиции в звуке [э^{и}] гласных фонем неверхнего подъема: [р'э^{и}ка́], [н'э^{и}су́], [п'э^{и}та́к], но [п'ила́].

2. На месте <а> после [ш], [ж], [ц] в первом предударном слоге произносится [а^{ъ}]: *ш*[а^{ъ}]*гу́, ж*[а^{ъ}]*ра́, ц*[а^{ъ}]*ри́ца.* Но в некоторых словах перед мягким согласным (в одних чаще, в других реже) произносится в связи с прежней нормой звук [ы^{ъ}], представляющий гиперфонему <и/э>: *лошадей, лошадям, лошадями; жалеть, пожалей, к сожалению, жакет, жасмин, двадцати, тридцатью.*

3. В XX в. сначала в разговорной речи, а примерно с середины века и в нейтральном стиле литературного языка на месте заударного [ыъ] в неконечном и конечном закрытом слогах распространилось произношение [ъ], ставшее в настоящее время господствующим: *о́п*[ыъ]*ты*, *вы́м*[ыъ]*л*, но чаще *о́п*[ъ]*ты*, *вы́м*[ъ]*л*. В последнее время в нейтральном стиле стал возможен [ъ] и в предударных слогах, кроме первого предударного: *в*[ыъ]*ходи́ть* и *в*[ъ]*ходи́ть*, *б*[ыъ]*тово́й* и *б*[ъ]*тово́й*. Но преобладает в этой позиции вариант с [ыъ].

4. В разговорной речи на месте редуцированного [у] 2-й степени встречается произношение [ъ] после твердого согласного: *г*[ъ]*берна́тор*, *с*[ъ]*мато́ха*, *к*[ъ]*вырка́ться*, *за́м*[ъ]*жем*, *попро́б*[ъ]*й* и [и^{э}] после мягкого: *комм*[и^{э}]*ники́*, *име́*[и^{э}]*щийся*. В кодифицированном литературном языке такое произношение встречается лишь в виде оговорок.

5. Проклитики и энклитики могут не подчиняться нормам редукции гласных. В них возможны безударные [о], [э], безударный [а] после мягких согласных и звуков, воплощающих <j>, безударный прикрытый [а] не в первом предударном слоге; ср.: *дьяк он* [д'ják-он] — *дьякон* [д'ják$\breve{}$ън]; *те леса* [т'э-л'и^{э}са́] — *телеса* [т'и^{э}л'и^{э}са́]; *я с ней* [$\breve{}$а-с'-н'э́$\breve{}$и], *ясней* [$\breve{}$ии^{э}с'н'э́$\breve{}$и]. В некоторых проклитиках в первом предударном слоге выступает [ъ]: *обещал, так выполни* [тък-вы́пълн'и]; *ты да я* [ты́ дъ-já].

6. В некоторых сложных и сложносокращенных словах и словах с некоторыми приставками, как и в клитиках, возможно произношение гласных без качественной редукции: *др*['е]*внеру́сский*, *м*['е]*жинститу́тский*, *с*[о]*реда́ктор*, *стр*[о]*йотря́д*, *м*[а]*шбюро́*, *тр*[а]*нссиби́рский*, *тр*['о]*хра́зовый*, *в*['а]*лотеку́щий*, [$\breve{}$иа]*снови́дящий*. В определенных фразовых условиях эти гласные могут получать побочное ударение.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ

1. Раньше в русском языке для большинства согласных действовала закономерность: согласный, стоящий перед мягким согласным, должен быть тоже мягким (С'С'). Затем возникла тенденция к отвердению первого согласного (С'С' > СС'). Эта закономерность в наше время охватывает все новые

группы согласных. Так, [н'] перед [ч'], [ш'] обычно произносится по старым нормам: *бубе́*[н'ч']*ики, ко*[н'ч']*и́на, сме́*[н'ш']*ик, же́*[н'ш']*ина.* Другие (например, губные перед мягкими заднеязычными) обычно произносятся по новым нормам: *ля́*[мк']*и, ла́*[фк']*и, тря́*[пк']*и, се́*[мг']*е.* У третьих (например, у губных и зубных перед мягкими губными) равноправны оба варианта: [в'б']*ить* и [вб']*ить*, [д'в']*ерь* и [дв']*ерь*. Новая закономерность проникает и в сочетания зубных согласных. Так, обычно зубной перед мягким зубным мягкий: *мо́*[с'т']*ик, ле*[с'н']*и́к, у*[з'д']*е́чка, ба́*[н'т']*ик, о*[д'н']*и́, о*[т'т']*яну́ть, по*[д'д']*е́ть*. Но по «младшей» норме в таких сочетаниях допустима и неполная мягкость и даже твердость первого согласного: [ст']*ена́*, [зд']*е́шний, о*[тн']*има́ть, о́пол*[зн']*и*. Произношение твердого [н] в этой позиции часто наблюдается в словах *вонзить, консервы, консилиум* и др. Оба варианта равноправны перед [л']: [д'л']*и́нный* и [дл']*и́нный, ко́*[з'л']*ик* и *ко́*[зл']*ик*. Новая закономерность раньше проявляется при произношении редких слов, сочетаний на стыке морфем, старая дольше сохраняется в наиболее частотных словах; ср.: *ра́*[з'в']*е* — *ра́*[зв']*ит*, [в'м']*е́сте* — *со*[вм']*е́стно* — [в-м']*е́сте встречи.*

2. Звук [$\overline{ш}$'] в литературном языке может произноситься в соответствии с фонемой <ш'> и сочетанием фонем <сч'>, <зч'>, а также <жч'>, <шч'>, <стч'>, <здч'>, <ж'>, например, в словах *щука, расчёска, извозчик, перебежчик, веснушчатый, жёстче, бороздчатый, дождь.* Наряду с [$\overline{ш}$'] произносится и [ш'ч']. Соотношение этих вариантов неодинаково в разных позициях и в разные эпохи.

Произношение [$\overline{ш}$'] постепенно распространяется за счет [ш'ч']. В XIX — начале XX в. [ш'ч'] внутри морфемы господствовало в Санкт-Петербурге. В настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится [$\overline{ш}$']: [$\overline{ш}$']*у́ка*, [$\overline{ш}$']*а́стье.*

Употребление [ш'ч'] или [$\overline{ш}$'] на стыке морфем зависит от темпа речи, степени употребительности слова, силы сцепления морфем. Там, где при обычном темпе речи произносится [ш'ч'], при убыстренном темпе — [$\overline{ш}$']. В редких словах обычно употребляется [ш'ч']. Чем чаще слово или предложно-именное сочетание встречается в речи, тем чаще в нем произносится [$\overline{ш}$']; ср.: *бесчерепные, с чартизмом* — с [ш'ч'], но

расчесать, с чем — с [ш̄']. Сила сцепления корня и суффикса велика (*возчик, разносчик*), поэтому здесь господствует [ш̄']. На стыке приставки и корня (*бесчисленный*) сила сцепления слабее, еще слабее она на стыке предлога и знаменательного слова (*из чайника*), поэтому здесь чаще произносится [ш'ч'].

3. Произношение [ж'] встречается всего в нескольких словах (и всегда в корне): *вожжа, дрожжи, жжёт, жужжать, сожжённый, брезжить, брызжет, брюзжать, визжать, взгромозжу, дребезжать, езжу, позже, размозжить, дожди, дождик*. Мягкий [ж̄'] в этих словах вытесняется твердым [ж̄], а в словах *дожди, дождик* — сочетанием звуков [жд']. В фонетической системе значительного числа говорящих на литературном языке отсутствует фонема <ж'>, в соответствии с нею в указанных словах выступает сочетание фонем <жж>: [дро́ж̄ы] — < дрожжи >.

4. Согласные [т], [д] ([т'], [д']) между зубными или между зубным и [к] по традиционным нормам не должны произноситься. Но в части таких сочетаний в некоторых словах возникает и произношение [т], [д] ([т'], [д']):

1) между [з] — [н] ([з'] — [н']): *по́з*[-]*но (поздно), пра́з*[-]*ник (праздник)*, но *бе́з*[-]*на* и *бе́з*[д]*на, звёз*[-]*ный* и *звёз*[д]*ный*;

2) между [с] — [л] ([с'] — [л']) без [т] произносятся *завистливый, совестливый, счастливый, участливый* и др., с [т] обычно произносятся слова *костлявый, постлать*;

3) между [н] — [с] перед следующим согласным обычно [т] не произносится: *гигантский, декадентский, комендантский, голландский, ирландский, агентство, регентство*; гораздо реже смычный согласный сохраняется: *декаде́н*[ц]*ский, голла́н*[ц]*ский*;

4) между [н] — [к] допустимо произношение без [т]: *голландка* 'печь', *шотландка* 'ткань', но [т] произносится в словах *гувернантка, официантка, студентка, голландка* 'жительница Голландии', *шотландка* 'жительница Шотландии';

5) между [с] — [к] по старым нормам, сохраняющимся в разговорном языке, [т] не произносится в таких словах, как *бороздка, громоздкий, жёстко, невестка, поездка*, однако чаще здесь отмечается произношение [т].

5. На месте двух согласных букв между гласными могут произноситься долгие и краткие согласные. Внутри корня и

суффикса и на стыке корня и суффикса долгие согласные чаще всего произносятся непосредственно после ударного гласного, в других положениях долгота обычно утрачивается: *гру́*[н̄]*а* — *гру*[п']*и́ровка*, *кла*[с̄]*ы*, *кла*[с']*ифика́ция* — *коло́*[н̄]*а* — *коло*[н]*а́да*, *су́*[м̄]*а* — *су*[м']*и́ровать*, *тра́*[с̄]*а* — *тра*[с']*и́рующий*, *да́*[н̄]*ый* — *вы́да*[н]*ый*, *пле́*[н̄]*ый* — *облу́пле*[н]*ый*, *стекля́*[н̄]*ый* — *рассе́я*[н]*ый*. На стыке приставки и корня долгота обычно сохраняется и между безударными гласными, и перед ударным гласным: *бе*[з̄]*або́тный*, *во*[с̄]*озда́ть*, *о*[т̰т]*олкну́ть*, *по*[д̰'д']*ержать*, *по*[д̰д]*а́ть*, *ра*[с̄]*о́л*.

6. На месте *ч* перед *н* в одних словах произносится [ч']: *вечность, точный, отличник, печник,* в других — [ш]: *горчичный, двоечник, конечно, очечник, прачечная, пустячный, скворечник, скучно, яичница, Кузьминична, Саввична.* В некоторых словах допускается и [ч'] и [ш]: *булочная, лавочник, подсвечник, порядочный, сливочный, собачник, стрелочник.* Одно и то же слово в разных сочетаниях может произноситься неодинаково: *серде́*[ч']*ный приступ,* но *друг серде́*[ш]*ный, ша́по*[ч']*ная мастерская,* но *ша́по*[ш]*ное знакомство, моло́*[ч']*ная каша* и *моло́*[ш]*ная,* но только *моло́*[ч']*ная кислота.*

7. На месте *г* перед глухим согласным произносится [к]: *дёгтя, ногти, прилягте, лагпункт, лотарингцы, улёгся, загс, флагшток, отягчать, тягчайший.* Но в корнях *лёгк-/легч-, мягк-/мягч-* произносится [х] перед [к], [ч']: *лё*[х]*кое, ле́*[х]*че, мя́*[х]*кая, мя́*[х]*че* и [х'] — перед [к']: *лё*[х']*кий, мя́*[х']*кий,* так же: *лёгкость, легковой, налегке, облегчать, легчайший; мягкость, мягковатый, размягчать, смягчать, мягчайший* и др.

8. В некоторых словах перед гласным произносится [γ]. Обязателен он только в слове *бухгалтер* [буγа́лт'и^{э}р], междометиях *ага, ого.* Допустимо произношение [γ] в междометиях *господи, ей-богу.* Во всех остальных словах произносится [г], который на конце слова чередуется с [к]: *бла́*[г]*о* — *бла*[к]. Но только *Бо́*[г]*а* — *Бо*[х]: остаток прежнего произношения *Бо́*[γ]*а* — *Бо*[х]. Произношение [γ] в сильной позиции характерно для южнорусских говоров. Кроме того, [γ] свойствен церковнославянскому языку.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

1. В XIX — начале XX в. было широко распространено произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* и глаголов на *-кивать, -гивать, -хивать* с твердыми [к], [г], [х]: *ме́л*[къ]*й, стро́*[гъ]*й, ти́*[хъ]*й, посту́*[къ]*вать, вздра́*[гъ]*вать, разма́*[хъ]*вать.* Сейчас господствует произношение с мягкими [к'], [г'], [х']: *ме́л*[к'и]*й, стро́*[г'и]*й, ти́*[х'и]*й, посту́*[к'и]*вать, вздра́*[г'и]*вать, разма́*[х'и]*вать.*

2. Фонемы <а>, <о> после мягких согласных в заударном положении в корнях реализуются в звуке [и] (точнее [и^э]): [т'а́]*нут* — *вы́*[т'и^э]*нут,* [н'о]*с* — *вы́*[н'и^э]*с.* В этой же позиции в окончаниях и словоизменительных аффиксах фонема <а> обычно реализуется в звуке [ъ], фонема <о> — в звуке [и^э]: *воля* [во́л'ъ], *окуня, крылья, дыням, о дынях, птичья, пилят, проклят, видя, мойся, сегодня*; *полем* [по́л'и^{э}м], *синего, колешь.* Но в окончании творительного падежа множественного числа существительных фонема <а> обычно реализуется в звуке [и^э]: *ды́*[н'и^э]*ми* (*дынями*); в окончании именительного-винительного падежа единственного числа существительных среднего рода фонема <о> реализуется в звуке [ъ]: *по́*[л'ъ] (*поле*), *мо́*[р'ъ] (*море*).

3. В окончаниях именительного-винительного падежа единственного числа прилагательных среднего рода *-ое/-ее* и множественного числа *-ые/-ие* конечный гласный всегда безударный. В кодифицированном литературном языке в окончании *-ое/-ее* этим гласным обычно бывает [ъ], а в окончании *-ые/-ие* — [и] (точнее [и^э]): *грибн*[о̯́иъ] *лето* — *грибн*[ы́и^э] *места; ри́сов*[ъи̯ъ] *зерно* — *ри́сов*[ы^{ъ}и^э] *зёрна*; *за́дн*[и^{э}и̯ъ] *колесо* — *за́дн*[и^{э}и^э] *колёса.* В разговорной речи эти гласные обычно не различаются: в обоих случаях произносится [и] ([и^э]).

4. В безударном окончании винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода *-ую/-юю* наряду с произношением [уи̯у] широко распространено произношение [ъи̯у] после твердых согласных и [и^{э}и̯у] после мягких: *бе́л*[уи̯у] — *бе́л*[ъи̯у], *си́н*['уи̯у] — *си́н*['и^{э}и̯у].

5. В XIX — начале XX в. обычным было произношение возвратных форм глагола с твердым [с]: *бери́*[с], *бою́*[с], *мы́л*[с]*а.* И только в деепричастиях с ударением на последнем

слоге обязательным был [с']: *беря́*[с'], *боя́*[с'], *стуча́*[с']. Сейчас наряду с [с] произносится и [с'], причем после [с] и [л] звуки [с] и [с'] равноправны: *нё*[ссъ] и *нё*[сс'ъ] (*нёсся*); *разле́*[ссъ] и *разле́*[сс'ъ] (*разлезся*), *мы́л*[съ] и *мы́л*[с'ъ]. В других случаях обычно произносится [с']: *бери́*[с'], *остава́я*[с'], *бо́й*[с'ъ], *оста́нь*[с'ъ].

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

1. В некоторых заимствованных словах допускается произношение безударного [о]: *ада́жио, боа́, болеро́, досье́, какао́, кре́до, поэ́т, поэти́ческий, ра́дио, рококо́, сольфе́джио, три́о, фойе́* и др. Нередко [о] произносится в именах собственных: *Фл*[о]*бе́р, Ш*[о]*пе́н, Б*[о]*рне́*[о]. Но произношение такого [о] почти во всех этих словах не обязательно; ср.: *п*[о]*э́т* — *п*[а^{ъ}]*э́т, б*[о]*леро́* — *б*[ъ]*леро́*. В большинстве заимствованных слов фонема <о> реализуется в соответствии с русскими фонетическими нормами: *к*[а^{ъ}]*стю́м, в*[ъ]*лейбо́л, пиани́н*[ъ]. Произношение безударного [о] в словах *арома́т, бока́л, вокза́л, костю́м, прогре́сс, рома́н, роя́ль* и др. считается архаичным или манерным.

2. В заимствованных словах в соответствии с <э> в безударном положении произносятся различные звуки в зависимости от степени освоенности слова русским языком. В словах, сохраняющих книжно-литературный характер, в начале слова и после твердого согласного произносится [э]: [э]*ве́нк*, [э]*кипиро́вка*, [э]*кскава́тор*, [э]*кстра́кт*, [э]*мбрио́н, аст*[э]*ро́ид, бизн*[э]*сме́н, корд*[э]*бале́т, те́нд*[э]*р, анда́нт*[э].

В иноязычных словах, полностью освоенных русским языком, в начале слова возможно произношение [и^{э}]: [и^{э}]*коно́мика*, [и^{э}]*мигра́нт*, [и^{э}]*та́ж*; после твердого согласного в первом предударном слоге произносится [ы^{ъ}]: *ат*[ы^{ъ}]*ле́, бут*[ы^{ъ}]*брО́д, синт*[ы^{ъ}]*ти́ческий*; в других безударных слогах произносится [ъ]: *альт*[ъ]*рнати́ва, мод*[ъ]*низа́ция, т*[ъ]*ннису́ст*. В связи с этим возникает нейтрализация <э> и <и> в безударных слогах в начале слова (одинаково произносится: *из ка́дра вы́шла* и *эска́дра вы́шла*; *и кран передви́нули* и *экра́н передви́нули*), после парных твердых согласных в

первом предударном слоге (один и тот же гласный [ыˇ] может произноситься в этой позиции в словах *ателье́* и *к Ильé*, *интегра́л* и *отыгра́л*).

3. Раньше в русском языке действовала закономерность: перед <э> могли быть только мягкие согласные (кроме [ш], [ж], [ц]). Поэтому в заимствованных словах перед <э> твердые согласные заменялись парными мягкими. Сейчас эта закономерность утрачена; во многих заимствованных словах произносятся только твердые согласные: *антéнна*, *бúзнес*, *бифштéкс*, *дéльта*, *кабаре́*, *кафе́*, *кашне́*, *кóдекс*, *коктéйль*, *модéль*, *отéль*, *партéр*, *пастéль*, *поэтéсса*, *пюре́*, *рéквием*, *тарантéлла*, *тире́*, *тоннéль*, *шатéн*, *шедéвр*, *шоссé*, *экзéма*, *эстéтика* и др.

В некоторых словах допустимо двоякое произношение — с твердым и мягким согласным: [д]*едýкция* и [д']*едýкция*, [д]*екáн* и [д']*екáн*, *конг*[р]*éсс* и *конг*[р']*éсс*, *к*[р]*éдо* и *к*[р']*éдо*, [т]*еррори́ст* и [т']*еррори́ст* и др.

Во многих словах произносится только мягкий согласный. Произношение твердого согласного перед <э> в таких словах, как *беж*, *брюнéт*, *музéй*, *пионéр*, *рельс*, *тéрмин*, *фанéра*, ошибочно.

4. Внутри корня на месте двух одинаковых согласных букв обычно произносится краткий согласный. Долгие согласные возможны главным образом в позиции сразу после ударного гласного: *бóо*[н̄]*а*, *брýо*[т̣т]*о*, *вáа*[н̄]*а*, *гé*[т̣т]*о*, *кá*[с̄]*а*, *лé*[м̄]*а*, *мадóо*[н̄]*а*, *мáа*[н̄]*а*, *мáа*[с̄]*а*, *мóо*[к̣к]*о*, *сýо*[м̄]*а*, *тóо*[н̄]*а* и др., но: *дý*[г']*ер*, *дó*[л]*ар*, *клá*[с']*ик*, *комú*[с']*ия*, *профé*[с]*ор*, *пфé*[н']*иг*, *сé*[т]*ер*, *спú*[н']*инг*, *сýо*[ф']*икс*, *тé*[н']*ис*, *филú*[п']*ика*, *э́*[л']*ипсис* и др.

Гораздо реже встречается произношение долгих согласных непосредственно перед ударным гласным: *а*[б̣б]*а́т*, *ва*[с̣с]*ál*, *му*[л̄]*á* и др., но: *а*[к]*óрд*, *а*[л']*éя*, *ба*[л]*óн*, *гра*[м]*а́тика*, *коми*[с]*áр*, *ко*[м']*éрция*, *ко*[р]*ýпция*, *ко*[т]*éдж*, *ра*[в']*úн*, *режи*[с']*ёр*, *те*[р]*áса* и др.

Между безударными гласными почти исключительно произносится краткий согласный: *а*[п']*ендици́т*, *а*[т']*естáт*, *и*[л']*юминáция*, *ка*[л']*играфия*, *ко*[л']*ектúв*, *ко*[м']*ентáтор*, *ми*[л']*иметр*, *о*[к]*упáция*, *о*[п]*озúция*, *те*[р']*итóрия* и др.

Рекомендуемая литература

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. М., 1998.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.

Каленчук М. Л., Касаткин Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989 (и последующие издания).

Панов М. В. История русского литературного произношения XVII—XX вв. М., 1990.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов М. В. Фонетика // *Современный* русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.

Просодический строй русской речи / Под ред. Т. М. Николаевой. М., 1996. Гл. 2, 4.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 3 ч. / Под ред. Е. И. Дибровой. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1997. Ч. 1.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.

Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. [Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова.] М., 1968.

Графика
Орфография

Графика

Передавая нашу речь на письме, мы пользуемся буквами, каждая из которых имеет определенное значение. Употребляем мы и другие письменные знаки. Всем этим: знаками, которые используются на письме, их соотношением со звуковой стороной языка, их значением — ведает г р а ф и к а.

Совокупность букв, расположенных в установленном порядке, называется а л ф а в и т о м или а з б у к о й[1]. В современном русском алфавите 33 буквы. Каждая буква представлена в двух вариантах — печатном и рукописном. В каждом варианте два вида букв — п р о п и с н ы́ е (большие, заглавные) и с т р о ч н ы́ е (малые).

Существуют индивидуальные и комплексные названия букв. И н д и в и д у а л ь н ы е названия следующие:

а — а	*и* — и	*с* — эс	*ъ* — ер, твердый знак
б — бэ	*й* — й[ий]	*т* — тэ	
в — вэ	*к* — ка	*у* — у	*ы* — ы
г — гэ	*л* — эль	*ф* — эф	*ь* — ерь, мягкий знак
д — дэ	*м* — эм	*х* — ха	
е — е	*н* — эн	*ц* — цэ	*э* — э
ё — ё	*о* — о	*ч* — че	*ю* — ю
ж — жэ	*п* — пэ	*ш* — ша	*я* — я
з — зэ	*р* — эр	*щ* — ща	

[1] Слово «алфавит» происходит от названий двух первых букв греческого алфавита: α — *альфа* и β — *бета* (по-новогречески — *вита*). Слово «азбука», калька со слова «алфавит», происходит от названий двух первых букв древнего славянского алфавита кириллицы: **А** — *аз* и **Б** — *буки*.

Эти названия букв образованы по-разному. Названия г л а с н ы х букв — двух типов:

1) названия букв *а, и, о, у, ы, э* состоят из одного гласного звука: [а], [и], [о], [у], [ы], [э];

2) названия букв *е, ё, ю, я* состоят из гласного звука и предшествующего ему согласного [j]: [jэ], [jо], [jу], [jа].

Названия с о г л а с н ы х букв — четырех типов (первые три образованы в соответствии с названиями букв латиницы):

1) названия букв *б, в, г, д, ж, з, п, т, ц, ч* состоят из соответствующего согласного звука и следующего за ним [э]: [бэ], [вэ] и т. д.;

2) названия букв *л, м, н, р, с, ф* состоят из соответствующего согласного звука и предшествующего [э]: [эл'], [эм] и т. д.; мягкость согласного в названии буквы *л* (в отличие от твердости остальных согласных в названиях букв) объясняется тем, что в латинице ей соответствует *l*, а в названии русской буквы «полумягкий» [l] заменялся мягким [л'];

3) названия букв *к, х, ш, щ* состоят из соответствующего согласного звука и последующего [а]: [ка], [ха], [ша], [ща].

4) буква *й* с начала XVIII в., когда она появилась в нашем алфавите, называлась «и с краткой»: по значку «кратка» над буквой (это название было образовано по типу названия имевшейся тогда в алфавите буквы *і* — «и с точкой»); во второй половине XIX в. по предложению Я. К. Грота букву *й* стали называть «и краткое»; однако это название неудачно: оно связывает букву *й* со звуком [и̯], между тем буква *й* обозначает фонему <j>, поэтому в школьных учебниках сейчас приводится новое название буквы *й* — «й» (читается [ий]).

Существует тенденция называть согласные буквы второго и третьего типов по модели первого типа, самого многочисленного. Она проявляется, в частности, в аббревиатурах, читаемых по названиям букв: *США* [сэ-шэ-а], *ФРГ* [фэ-эр-гэ]. В аббревиатурах проявляется также тенденция произносить название буквы *л* с твердым согласным — [эл] — по аналогии с остальными названиями этого типа: *ЛГ, ЛДП, НЛО*.

Буквы ъ и ь в научной литературе в соответствии с традицией называют «ер» [jэр] и «ерь» [jэр']. Так, в частности, называются буквы фонетической транскрипции. В школьных учебниках эти буквы определяются как «твердый знак» и «мягкий знак». Название «мягкий знак» соответствует одной

из функций *ь* — указывать на мягкость предшествующей согласной. Название «твердый знак» возникло тогда, когда *ъ* писали на конце слова после твердой согласной (*домъ, столъ, миръ*). Сейчас это название — чистая условность.

К о м п л е к с н ы е названия обозначают классы букв. В русском алфавите 10 г л а с н ы х букв: *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 21 с о г л а с н а я буква: *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*; буквы *ъ, ь* звуков (фонем) не обозначают, поэтому их иногда называют б е з г л а с н ы м и.

Кроме букв, в графике используются и н е б у к в е н н ы е г р а ф и ч е с к и е с р е д с т в а: знак ударения, дефис (черточка), знаки препинания (правила их употребления относятся к пунктуации), апостроф, знак параграфа, пробелы между словами, частями текста (абзацами, главами и т. д.), а также шрифтовые выделения (курсив, жирный шрифт, разрядка и др.), подчеркивание, выделение цветом.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ

Буквы русского алфавита обозначают не звуки, а ф о н е м ы. Так, букве *ц* в слове *спецодежда* соответствует знак [ц], а в слове *спецзадание* — звук [дз͡]. Но эти разные звуки — вариации одной и той же фонемы <ц>, которая обозначается буквой *ц*. В формах слова *Пётр, Петра, Петру* на месте буквы *р* произносятся звуки [р], [р], [р˚]. Но буква *р* обозначает не эти звуки, а фонему <р>, воплощенную в этих звуках. Один из самых частых звуков русского языка — [ъ], но у него нет «своей» буквы, так как [ъ] не представляет особой фонемы. Например, в слове *травяной* он вариант фонемы <а>, которая обозначается буквой *а*, в слове *водяной* — вариант фонемы <о>, которая обозначается буквой *о*.

ПОЗИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ

Если фонетический принцип графики связан с тем, что́ обозначают буквы, то позиционный принцип связан с тем, ка́к обозначаются фонемы на письме.

Почти все русские буквы многозначны: рядом с одними буквами они обозначают одни фонемы, рядом с другими

буквами — другие. Так, *ё* может обозначать сочетание фонем <jo> (*ёлка* <jóлка>); <'o>, т. е. гласную фонему и часть предшествующей согласной фонемы — ее мягкость (*тёлка* <т'óлка>); <o> (*шёлка* <шóлка>). Значение буквы *ё* определяется занимаемой ею позицией — предшествующими буквами и пробелом.

Некоторые буквы обозначают фонему только вместе с другими буквами. Так, в обозначении фонемы <в'> в слове *вёл* принимают участие буквы *в* и *ё*, а в обозначении фонемы <в> в слове *вол* — буквы *в* и *о*. Поэтому, если видна только буква *в*, то мы не сможем определить, какая фонема — <в> или <в'> — выступает в слове. Это можно сделать, только увидев, что стоит после буквы *в*, т. е. определив ее позицию.

П о з и ц и о н н ы й принцип графики (его называют также слоговым и буквосочетательным) заключается в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции — соседних букв и других графических знаков.

Позиционный принцип графики проявляется в тех случаях, когда буква многозначна или передает не все содержание фонемы. Таковы почти все буквы. Только буква *й* всегда передает одну и ту же фонему <j> независимо от позиции. Эта буква — вне действия позиционного принципа графики. (Одно значение и у *ъ*, но само наличие этой буквы в алфавите определяется не графикой, а орфографией.)

Позиционный принцип графики связан с двумя ее особенностями: обозначением на письме фонемы <j> и обозначением твердости/мягкости согласных фонем.

ОБОЗНАЧЕНИЕ НА ПИСЬМЕ ФОНЕМЫ <j>

В исконно русских словах фонема <j> обозначается тремя различными способами в зависимости от позиции, занимаемой этой фонемой. В начале слова перед гласной и между гласными <j> вместе с последующей гласной <а>, <у>, <э>, <о> обозначается буквами *я, ю, е, ё*: *яма* <jама>, *юг* <jуг>, *ель* <jэл'>, *ёж* <jож>; *моя* <моja>, *мою* <моjу>, *моей* <моjej>, *моё* <моjо>.

После согласной перед гласной фонема <j> вместе с последующей гласной обозначается буквами *я, ю, е, ё, и*, перед которыми пишется разделительный ь или ъ: *обезьяна, изъян, ладью, адъютант, судье, подъезд, побьём, объём, чьи.*

После гласной перед согласной и на конце слова <j> обозначается буквой *й*: *стройка, чайник, сарай, мой.*

В заимствованных словах *й* может обозначать <j> и перед гласной: *йод, Йошкар-Ола, Йемен, район, майор, майонез, фойе, фейерверк.* Так передается <j> в начале слова и после гласной. После согласной сочетание фонем <jo> передается буквами *ьо*: *бульон, павильон, почтальон, шиньон, синьор, гильотина.*

После гласной перед <и> фонема <j> на письме не обозначается. Поэтому одинаково передаются на письме сочетания фонем <аji>, <иji>, <оji>, <уji>, <эji>: *окраина, арии, доилка, струит, клеит* и <аи>, <ии>, <ои>, <уи>, <эи>: *заискивать, антиисторизм, проиграть, полуимя, неискренний.* Чтобы узнать, есть ли между гласными <j>, нужна специальная проверка. Графика не дает на это ответа.

ОБОЗНАЧЕНИЕ НА ПИСЬМЕ ТВЕРДОСТИ/МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ

Парные твердые и мягкие согласные фонемы, кроме <ж>, <ш>, <ч'>, <ш'>, <ц>, передаются на письме одной и той же буквой: <б — б'> — *б*, <в — в'> — *в*, <т — т'> — *т* и т. д. Твердость/мягкость согласной фонемы в этом случае может обозначаться на письме другой буквой, следующей за согласной, или иным графическим знаком.

Твердость/мягкость таких согласных фонем, стоящих перед гласными, обозначается на письме гласными буквами. Твердость согласной перед гласной обозначается буквами *а, о, у, ы, э*: *мал* <мал>, *сон* <сон>, *лук, ты, сэр.* Мягкость согласной перед гласной обозначается буквами *я, ё, ю, и*: *мял* <м'ал>, *мёд* <м'од>, *люди* <л'уд'и>.

Буква *е* не указывает на качество предшествующей согласной фонемы: написание *те* может соответствовать <т'э> (*тесто*) и <тэ> (*теннис*); *де* — <д'э> (*дело*) и <дэ> (*модель*); *фе* — <ф'э> (*кофе*) и <фэ> (*кафе*) и т. д. Перед *е* твердость/мягкость согласной остается не обозначенной на письме.

На конце слова мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — пробелом: *ударь* <р'>, *удар* <р>; *весь* <с'>, *вес* <с>; *моль* <л'>, *мол* <л>.

Перед согласной, кроме <j>, мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — второй согласной буквой: *банька* <н'>, *банка* <н>; *верьте* <р'>, *в конверте* <р>; *кольчуга* <л'>, *колчан* <л>.

После согласных перед <j> пишутся разделительные *ъ, ь*, которые служат для уточнения значения следующих за ними букв *я, ю, е, ё, и*, но не указывают на твердость/мягкость предшествующей согласной. Ср. одинаковое произношение большинством говорящих первого согласного в словах *въездной* и *вьетнамский*, произношение мягкого [д'] в слове *адъютант* и т. п. Твердость/мягкость согласной перед <j> связана с конкретными звуками и морфемами и на письме не передается.

ГЛАСНЫЕ БУКВЫ ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И *Ц*

Буквы *ж, ш, ч, щ, ц* передают все содержание соответствующих фонем. Поэтому после *ж, ш, ч, щ, ц* гласные буквы обозначают только гласные фонемы.

Фонемы <а>, <у>, <о>, <и>, <э> передаются на письме буквами *а — я, у — ю, о — ё, ы — и, э — е*. Из каждой пары букв графика «выбирает» для позиции после шипящих и *ц* одну букву — *а, у, о, и, е: жар, шар, чаща, царь; жук, шум, чудо, щука, отцу; ежовый, шорох, чопорный, трещотка, лицо; жир, шип, чисто, щи, цифра; жест, шест, честь, щель, цех*. После шипящих пишутся также *ё* и *ю*: *жёлтый, щёл, чёлка, щёки; брошюра, жюри, парашют*; после *ц* пишется *ы*: *цыган, сестрицын, отцы*, но эти написания — результат «вмешательства» орфографии в область графики.

Буквы *а, у, о, и* используются после шипящих и *ц* потому, что они передают здесь только фонемы <а>, <у>, <о>, <и>, как и в начале слова и после гласной, где не надо указывать на качество предшествующей согласной. Буквы же *я, ю, ё, ы*, кроме обозначения соответствующей гласной фонемы, имеют дополнительные функции: *я, ю, ё* обозначают еще <j> или мягкость предшествующей согласной фонемы, а *ы* — ее твер-

дость. После *ж, ш, ч, щ, ц* пишется буква *е* потому, что буква *э* утвердилась в русском алфавите лишь в XVIII в. и после согласной дополнительно обозначает твердость этой фонемы. Буква *е* уместна в данной позиции потому, что она обозначает только гласную фонему и после других согласных.

ЗНАЧЕНИЯ БУКВ

З н а ч е н и я б у к в — это соотнесенность букв с фонемами или с их частями (дифференциальными признаками), а также уточнение значения соседних букв. Значения букв в графике определяются по сигнификативно сильным позициям соответствующих фонем. Все буквы, кроме *й, ъ,* м н о г о з н а ч н ы.

Буквы *я, ю, е, ё* обозначают фонемы <ja>, <jy>, <jэ>, <jo> в начале слова, после гласной буквы и после *ь, ъ*: *яд, стоят, сыновья, объятия.* Буквы *я, ю* после согласной обозначают гласные фонемы и мягкость предшествующей согласной фонемы: *няня* — <'а>, *нюхать* — <'у>. Буква *ё* имеет то же значение после согласных, кроме шипящих: *нёс* — <'о>. Кроме того, *ё* после шипящей обозначает только <о>: *шёл, чёрный.* Буква *е* после согласной обозначает <э>. У предшествующей согласной фонемы твердость/мягкость либо остается необозначенной: *тире, сено,* либо передается согласной буквой — шипящей или *ц*: *жертва, щепка, цель,* либо не является дифференциальным признаком и потому не должна обозначаться: *фойе.*

Буква *и* может обозначать как <и> (*игра, поиск, жизнь*), так и <'и>, т. е. гласную фонему и мягкость предшествующей согласной (*сила*), а также <ji> (*чьи*).

Буквы *а, о, у, э* в начале слова и после гласной обозначают <а>, <о>, <у>, <э>: *армия, вуаль, отпуск, наотмашь, утро, наудить, эхо, дуэт.* Это же значение у букв *а, о, у* после шипящих и *ц*, у буквы *о* также после *й*: *чай, обжора, лицу, йод.* После остальных согласных *а, о, у, э* обозначают соответствующие гласные фонемы и твердость предшествующих согласных фонем: *сам* — <а> и твердость <с>, *лом* — <о> и твердость <л>, *дуб, мэр.*

Буква *ы* после согласной обозначает <и> и твердость предшествующей согласной фонемы: *был* <бил>, *мы* <ми>. В тех

случаях, когда буква *ы* пишется после *ц* (передающей и твердость <ц>), она обозначает только <и>: *отцы, куцый*.

В большинстве позиций буквы *й, ж, ш, ч, щ, ц* обозначают <j>, <ж>, <ш>, <ч'>, <ш'>, <ц>, буквы *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х* передают общую часть содержания фонем <б — б'>, <в — в'> и т. д. — место и способ образования, глухость/звонкость. Твердость/мягкость этих фонем обозначается следующей буквой или пробелом либо остается необозначенной.

Все согласные буквы, стоящие после согласных букв (но не после *ж, ш, ч, щ, ц, й* и не в сочетаниях *нч, нщ*), передают, помимо своего основного значения, твердость предшествующей согласной фонемы: *арбуз — б* обозначает и твердость <р> (ср. *борьба*), *гетман — м* обозначает и твердость <т> (ср. *тьма*), *таскать* (ср. *науськать*), *толщина* (ср. *болельщик*), *халцедон* (ср. *кольцо*). В сочетаниях *нч, нщ*, где *ь* никогда не пишется (*обманчивый, ременчатый, доменщик, поденщина*), буквы *ч, щ* не обозначают твердости/мягкости <н — н'>.

Буква *ь* имеет несколько значений:

1) обозначает мягкость предшествующей согласной фонемы: *брать, редька*;

2) выступает как разделительный знак: *чьей, нальёт, полью, судья, семьи*; *ь* здесь указывает на то, что *е, ё, ю, я, и* обозначают <jэ>, <jo>, <jу>, <ja>, <jи>; разделительный знак отграничивает гласную от предшествующей согласной буквы, при этом *е, ё, ю, я* имеют то же значение, что и в начале слова; отсутствие *ь* привело бы к иному значению гласных букв (ср.: *чей, налёт, полю, судя, семи*);

3) сочетание букв *ьо* обозначает <jo> в заимствованных словах: *бульон, медальон, лосьон* и др.

Существует мнение, что буква *ь* после шипящих на конце слова и перед согласными имеет морфологическое значение — указывает на женский род существительного: *рожь, тушь*; 2-е лицо единственного числа глагола: *идёшь, моешься*; форму повелительного наклонения: *плачь, режьте*; инфинитив: *беречь, печь*; наречие: *сплошь, вскачь*; частицу: *лишь, ишь*. В действительности *ь* пишется здесь только по традиции, и эти слова и формы требуют заучивания.

Буква *ъ* употребляется только в функции разделительного знака: *объехать, съёжиться, межъярусный, двухъязычный, субъект, трансъевропейский*.

Разделительный ь не указывает на мягкость предшествующего согласного, а ъ — на его твердость. И перед ь, и перед ъ согласные могут произноситься твердо, полумягко и мягко: *вьюга* — [в'ју́га], [в·ју́га], [вју́га]; *съезд* — [с'јэст], [с·јэст], [сјэст]; *адъютант* [ад'ютáнт]; *шью* [шју]. В словах *объём* и *побьём, обезьяна* и *без изъяна* согласный перед разделительным знаком многими говорящими произносится одинаково. Таким образом, твердость/мягкость согласной фонемы разделительными ь, ъ на письме не обозначена. Разделительные ь, ъ выполняют одну и ту же графическую функцию: они уточняют значение следующих за ними многозначных букв *я, ю, е, ё, и*, указывая, что эти буквы обозначают две фонемы — <j> и соответствующую гласную (<ja>, <jo> и т. д.). Поэтому их иногда называют предупредительными знаками. Употребление разделительного ь или ъ определяется правилами орфографии. Выполняя ту же функцию, что и ь, буква ъ лишняя в русском письме.

Таким образом, буква может обозначать часть фонемы, часть одной и часть другой фонемы, одну фонему, одну фонему и часть другой фонемы, две фонемы, может не иметь фонемного значения. Буква может уточнять значение соседней буквы.

Орфография

О р ф о г р а ф и я (< гр. *orthos* — правильный + *graphō* — пишу) буквально означает 'правописание', т. е. правильное, соответствующее нормам письмо. Но значения слов «орфография» и «правописание» не совпадают: второе слово имеет более широкое значение, включающее пунктуацию.

Русская орфография — это система правил написания слов. Она состоит из пяти основных разделов: передача буквами фонемного состава слов; слитные, раздельные и дефисные (полуслитные) написания слов и их частей; употребление прописных и строчных букв; перенос части слова с одной строки на другую; графические сокращения слов.

ОРФОГРАММА

Средства нашего письма позволяют передать звучание слова разными способами. Одни из них правилами графики и орфографии узаконены, другие — запрещаются. О р ф о г р а мм а — это такое написание слова, которое выбирается из ряда возможных при одном и том же произношении и отвечает определенному орфографическому правилу. Например, в слове *портфель* орфограммами являются буквы *о, р, т, ф, л* (могут быть написаны соответственно *а*; *рр*; *д, тт, дд*; *фф, лл*). Любая из этих замен будет орфографической ошибкой, при которой произношение слова останется прежним. Буквы *п, е, ь* в этом слове не являются орфограммами: замена любой из них обязательно вызовет изменение произношения.

На месте орфограммы может быть допущена орфографическая ошибка. Но возможность появления ошибки на месте разных орфограмм не одинакова. В словах *мама, птица, идёт* выделенные буквы являются орфограммами. Однако в подобных случаях ошибок практически не бывает. Поэтому различаются теоретические и реальные, практические орфограммы. Например, в слове *портфель* практическими орфограммами являются буквы *о* и *т*. Практические орфограммы бывают не в каждом слове. Так, в словах *дом, жар, соль, глухарь, сухой* нет таких орфограмм.

О р ф о г р а ф и ч е с к и е о ш и б к и возникают при замене орфограммы запрещенным правилами орфографии способом передачи того же произношения. Орфографические ошибки следует отличать от описок и языковых ошибок. О п и с к и (например, *портфефь*) являются результатом невнимательности и легко обнаруживаются самим пишущим. Я з ы к о в ы е о ш и б к и связаны с неправильным произношением слова. Так, написание *портфиль* свидетельствует о просторечном ударении в этом слове либо о диалектном произношении [и] вместо [э] под ударением между мягкими согласными. В этом случае учитель должен исправлять не орфографическую ошибку, а языковую.

Орфографические ошибки следует отличать и от г р а ф и ч е с к и х о ш и б о к, которые могут быть двух типов. Часть ошибок связана с начертанием букв. Одни буквы ориентированы вправо (*Б, В, Г, Е, К* и др.), другие — влево (*З, У, Ч, Э, Я*). На начальном этапе усвоения письма дети могут путать ориентированность букв: писать, например, *Я* вместо *Я*.

Графические ошибки другого типа связаны с разными возможностями графики обозначать мягкость согласных и передавать на письме фонему <j>. Для обозначения мягкости согласных используются буквы *ь, я, ю, ё, и*. При нетвердом усвоении функций этих букв *ь* может употребляться для обозначения мягкости согласных там, где должны употребляться другие буквы (например, «*мьач*», «*кльон*», «*льуди*» вместо *мяч, клён, люди*). Буква *й* обозначает <j> в исконно русских словах на конце слова и перед согласной. Дети могут употреблять *й* и в других позициях («*мойа*», «*йама*» вместо *моя, яма*). Вместо *й* может ошибочно использоваться буква *е* («*заека*», «*моеся*» вместо *зайка, мойся*).

Орфограммы могут быть нескольких типов:

1) та или иная буква в слове в соответствии с фонемой в сильной позиции: *душóнка — тушёнка, сэр — сéттер, слóво — злóго, цирк — цыц*; в слабой позиции: *кот — год, растú — рослú*; наличие или отсутствие буквы: *станьте — бантик, честный — тесный, пятибалльный — кристальный*;

2) слитное, раздельное или дефисное (полуслитное) написание слова: *материалоёмкий — материально-бытовой — материально обеспеченный, встарь — в старину, подорожник — по-дорожному*;

3) строчная или прописная буква, начинающая слово: *шарик — Шарик* (кличка собаки), *отчизна — Отчизна*; все буквы в слове: *вуз — МГУ*;

4) перенос части слова с одной строки на другую: *те-пло* и *теп-ло*; *на-двинуть*, но *над-вязать*;

5) графические сокращения: **сущ.** — *существительное* (не «*су.*» или «*суще.*»); **в/ч** — *войсковая часть* (не «*во/ча*»); **с.-х.** — *сельскохозяйственный* (не «*сель.-хозяй.*»).

ПЕРЕДАЧА БУКВАМИ ФОНЕМНОГО СОСТАВА СЛОВА

Это основной раздел орфографии. Он непосредственно связан с графикой, также устанавливающей зависимость между буквами и фонемами. Но графика определяет значения букв в их сочетаниях друг с другом вне зависимости от конкретных слов, а орфография дает правила написания букв в конкрет-

ных словах и морфемах. Кроме того, графика устанавливает соответствие букв и фонем в сигнификативно сильных позициях, а область орфографии — сигнификативно слабые позиции фонем.

В отдельных случаях орфография «вмешивается» и в область графики — область сильных позиций. Так, в соответствии с <jo> и с <o> под ударением после парных мягких согласных графика устанавливает написание *ё*: *ёлка, мёд*, а орфография разрешает написание *е*: *елка, мед*; в соответствии с <o> под ударением после шипящих графика требует написания *о*: *шов, чопорный*, а орфография «добавляет» написания с *е*: *шел, печенка*; с точки зрения графики <э> после парных твердых согласных должна передаваться на письме буквой *э*: *мэр, Улан-Удэ*, но орфография в большинстве подобных случаев устанавливает написание *е*: *модель, тире*; по законам графики <и> после согласных фонем, полностью отраженных соответствующими буквами, передается на письме буквой *и*: *цинк, вакцина*, как и *шило, ножи*, а орфография вводит правило написания с *ы*: *цыкать, отцы*.

Основное правило правописания безударных гласных: в безударных слогах пишутся те же гласные, что и под ударением в той же морфеме. Мы пишем *о* в слове *вода* (хотя произносим [вадá]) потому, что под ударением в этом корне слышится [о] и пишется *о*: *вóды, вóдный*. Слово, произносящееся [л'исá], мы запишем *лиса*, если проверим первый гласный родственным словом *лис*, и запишем *леса*, если это слово родственно слову *лес*. Так мы определяем, какой фонеме соответствует звук слабой позиции, и пишем букву, обозначающую эту фонему.

Такое же общее правило действует для глухих и звонких шумных согласных. На конце слова и перед шумными согласными пишется та же согласная, что и перед гласными и сонорными согласными в той же морфеме. Мы пишем *п* в словах *суп, супчик* и *б* в словах *зуб, зубки* (хотя везде произносим [п]) потому, что перед гласными и сонорными согласными в корне *суп-* произносится [п] и пишется *п* (*супа, супница*), а в корне *зуб-* произносится [б] и пишется *б* (*зубы, зубной*). Принцип проверки здесь тот же, что и для гласных: звук слабой позиции проверяется сильной позицией. Установив фонему, к которой принадлежит данный звук, ее обозначают соответст-

вующей буквой. Одна и та же буква обозначает фонему в сигнификативно сильных и слабых позициях — это основной, фонематический принцип русской орфографии. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда слабая позиция фонемы может быть однозначно проверена сильной позицией в той же морфеме.

Этот принцип орфографии определяет и передачу на письме мягких согласных: буквой *ь* обозначается не мягкость звука, а мягкость фонемы, т. е. мягкость, не зависящая от позиции. Так, в слове *лезть* произносится [с'] перед [т'], но мягкость [с'] в «старшей» норме здесь несамостоятельна, позиционно обусловлена мягким [т']. В сильной по твердости/мягкости позиции — на конце слова — этой мягкости нет: *ле*[с] (*лез*). Здесь твердая фонема <з>, поэтому в слове *лезть* буква *ь* после *з* не пишется. В форме повелительного наклонения *лезьте* тоже произносится [с'т'], но здесь мягкая фонема <з'>, так как мягкость звука, ее реализующего, на конце слова сохраняется: *ле*[с'] (*лезь*). Мягкость фонемы обозначается буквой *ь*. В слове *усни* произносится [с'н'], но при замене [н'] на [н] происходит и замена [с'] на [с]: *у*[сн]*ý*. Поэтому мягкость [с'] здесь несамостоятельна, она и не обозначается на письме. В слове *льдина* произносится [л'д'], при замене [д'] на [д] мягкость [л'] сохраняется: [л'д]*ы*. Здесь выступает фонема <л'>, ее мягкость обозначается на письме буквой *ь*.

Фонематический принцип орфографии определяет написание всех морфем слова: приставок, корней, суффиксов, окончаний. Так, в слове *подстаканник* приставка произносится [пъц], но мы пишем *под-*, так как проверка показывает фонемы <под>: *п*[о́]*дпол*, *по*[д]*во́дный*. В суффиксе слов *берёзовый*, *осúновый* произносится [ъ], но мы пишем *о*, так как в том же суффиксе под ударением произносится [о]: *дубо́вый*. В формах слова *от пули* и *о пуле* конечный гласный — [и^{э}], но в первом случае он относится к <и> (ср. *от зем*[л'и́]), а во втором — к <э> (ср. *о зем*[л'э́]). После мягких согласных фонема <и> обозначается буквой *и*, фонема <э> — буквой *е*.

Фонематический принцип орфографии обеспечивает единообразное написание одной и той же морфемы в формах одного и того же слова и в разных словах. Так, корень *город-* пишется одинаково в составе разных слов и словоформ, хотя произносится по-разному: [го́рът], [го́ръд]*а*, [гърад]*á*,

[гърат]*ки́*, *при́*[гърът], *при́*[гъръд]*ный*, *ино*[гаро́д']*ний*, [гърац]*ско́й*. Написание *город-* во всех этих случаях отражает фонемный состав корня <город>-. Одинаковое написание одних и тех же морфем позволяет легко узнавать слова с этими морфемами, а это способствует быстрому пониманию и чтению.

Написание большинства букв-орфограмм определяется фонематическим принципом русской орфографии, поэтому это основной принцип передачи буквами фонемного состава слов.

Фонематический принцип орфографии как особый выделяется представителями Московской фонологической школы. С точки зрения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы в корне слов *вода, водный* разные гласные фонемы — /а/, /о/; в словоформах *зуб, зуба* разные согласные фонемы — /п/, /б/. Поэтому написание одной и той же буквы в этих и подобных случаях представители П(Л)ФШ объясняют морфематическим (морфологическим) принципом орфографии.

Морфематический (или морфологический) принцип орфографии состоит в требовании единообразного написания одних и тех же морфем. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда одна и та же морфема в разных словах или формах одного слова имеет разный фонемный состав.

Область применения этого принципа по-разному оценивается представителями Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологических школ. С точки зрения П(Л)ФШ морфематический принцип русской орфографии проявляется в том, что для сохранения графического единообразия одних и тех же морфем фонетические чередования на письме не передаются: одной и той же буквой обозначается по сильной позиции весь ряд позиционно чередующихся звуков. Так, мы произносим *бе́*[г]*ать*, *бе*[к], но пишем *бегать, бег*; произносим *н*[о́]*сит*, *н*[а]*си́ть*, *вы́н*[ъ]*сить*, но пишем *носит, носить, выносить*. Одни и те же корни передаются на письме одинаково. Представители П(Л)ФШ считают морфематический принцип основным принципом русской орфографии.

С точки зрения МФШ фонетические чередования — это, как правило, чередования звуков, относящихся к одной фонеме. То, что одной и той же буквой обозначается весь ряд позиционно чередующихся звуков, есть проявление фонематиче-

ского принципа орфографии. На морфематическом принципе построена орфография лишь в редких случаях, когда написание противоречит фонематическому принципу.

Так, после шипящих под ударением в соответствии с фонемой <о> может писаться *ё* (*е*), а не *о* в связи со стремлением к единообразной передаче морфемы, которая в других словах и формах пишется с *е*: *жёны — же́нский, жена́*; *дешёвый — деше́вле, дешеве́ть*; *шёпот — ше́пчет, шепта́ть*; *чёрточка — че́ртит*; *щёлка — щель*. Чередующиеся ударные [о] и [э] отражают чередование фонем <о> и <э>. Фонема <э> представлена здесь и звуком [ыъ] в первом предударном слоге после твердых [ж], [ш]. Чередование это историческое. Стремление одинаково передавать в таких случаях разные фонемы противоречит фонематическому принципу орфографии, по которому разные фонемы и передаваться на письме должны по-разному.

В возвратном постфиксе *-ся* может выступать не только фонема <с'>, как это следует из написания (*умой*<с'а>), но и <ц> (*боит*<ца>) и <с> при произношении твердого [с] (*открыл*<са>). Исторические чередования и здесь на письме не передаются: *умойся, боится, открылся*.

Морфематическому принципу орфографии отвечают также написания типа *дезинформация, контригра, пединститут, сверхидеальный* — с *и* после согласной, соответствующей твердой фонеме. Здесь сохраняется облик корня (вопреки правилу графики писать *ы* после таких согласных: *безыдейный, предыстория*).

Морфематический и фонематический принципы орфографии близки тем, что они позволяют одни и те же морфемы передавать на письме единообразно. Однотипны у них и способы обоснования передачи на письме одних слов или словоформ написанием других слов или словоформ с теми же морфемами. Однако фонематический принцип орфографии проявляет фонемный состав морфемы, а морфематический принцип затемняет его, одинаково передавая на письме разные фонемы.

В некоторых случаях проверка слабой позиции невозможна, так как в данной морфеме фонема не встречается в сильной позиции: *собака, топор, сапог, сарай, разборчивый, молодые, вокзал, футбол, стол, здоровье, сидишь, сидит*. В этом

случае выступает гиперфонема: *с*<о/а>*бака*, *с*<о/а>*пог*, *фу*<т/д>*бол* и т. п. Фонематический принцип орфографии здесь ограничивает выбор букв, но не дает однозначного решения, так как выбор буквы не мотивирован современными языковыми закономерностями. С точки зрения звуковых соответствий безразлично, *о* или *а* писать в предударном слоге в словах *соба́ка*, *сапо́г*, так как в обоих словах выступает одна и та же гиперфонема. Традиция, действующее правило указывают на *о* в слове *собака* и на *а* — в слове *сапог*. Написание в подобных случаях опирается на два принципа: фонематический и традиционный.

Традиционный принцип русской орфографии заключается в том, что употребляется написание, закрепленное традицией. Традиционные написания надо запоминать. (В школьной практике слова с гиперфонемой в корне называют словарными словами.)

Традиционный принцип орфографии выступает не только в тех случаях, когда фонема не может быть поставлена в сильную позицию, но и тогда, когда существует чередование фонем в сильной позиции одной и той же морфемы. Например, *за́рево* — *зо́ри* — в безударном положении здесь гиперфонема: *з*<о/а>*ря*. Выбор *а* или *о* в словах *заря*, *зореваться* определяется традицией. Гласные в корне *клон-*/*клан-* могут быть ударными: *кло́нится*, *кла́няться*. Выбор буквы *о* для безударных случаев основан на традиции: *склони́ть*, *наклоне́ние*.

Традиционные написания могут соответствовать этимологии слова. Так, в слове *собака*, *товар*, *сапог* сохраняется древнейшее, этимологически верное написание. В словах *завтрак*, *калач* выделенные буквы также пишутся в соответствии с традиционным принципом. Но современное написание этих слов не соответствует древнему, когда, согласно этимологии, писали *заутрок*, *колач* (ср.: *утро*, *колесо*). В заимствованных словах *мохе́р*, *колго́тки* написание предударного *о* одинаково традиционное, но *о* в слове *мохер* этимологически правильно (< англ. *mochair*), а *о* в слове *колготки* этимологически неверно (< чешск. *kalhotky*).

В большинстве случаев традиционный принцип орфографии дополняет фонематический. Но иногда традиционный принцип применяется в противоречии с фонематическим.

В сильной позиции это, например, написание *ч* в словах *конечно, скучно* и др. (в звуке [ш] реализована фонема <ш>); написание *г* в окончании *-ого/-его*: *красного, синего* (где произносится звук [в], реализующий фонему <в>); написание *е* вместо *ё* под ударением: *береза, еж*; отсутствие *ь* на конце предлога *близ*, который всегда произносится с конечным мягким согласным: *бли*[з'] *города*. В слабой позиции это, например:

1) правописание корней *гор-/гар-*, *плов-/плав-*, в которых под ударением пишется только *а*: *загáр, плáвать*, а без ударения — и *о*, и *а*: *загорéть, вы́гарки, пловéц, плавни́к*;

2) правописание корней *лож-/лаг-*, *рос(т)-/рас(т)-*, в которых под ударением пишется *о*: *поло́жит, рост, ро́слый*, а без ударения — и *о*, и *а*: *положи́ть, полага́ть, росла́, расти́*;

3) правописание суффикса *-инск-/-енск-*, в котором под ударением пишется только *и*: *чити́нский, баки́нский*, а без ударения — и *и*, и *е*: *со́чинский, я́лтинский, пе́нзенский, пре́сненский*.

Фонема <о> после *ц* передается буквой *о* под ударением и без ударения по фонематическому принципу орфографии лишь как исключение: *цо́кот, цокота́ть, цокоту́ха*. Обычно же после *ц* под ударением пишется *о*, а без ударения — *е* по традиционному принципу: *лицо́ — се́рдце, лицо́м — се́рдцем*. После *ж, ч, ш, щ* в некоторых суффиксах и окончаниях под ударением пишется *о*, а без ударения — *е*: *ежо́вый — бе́жевый, бычо́к — телёночек, рубашо́нка — ба́шенка, свечо́й — ту́чей, плащо́м — това́рищем*.

В приставках *бе*<з>-, *во*<з>-, *в*<з>-, *и*<з>-, *ни*<з>-, *ра*<з>-/*ро*<з>-, *чре*<з>-/*чере*<з>- в соответствии с фонемой <з> в слабой позиции перед шумным согласным произносятся разные звуки: [з] (*безбрежный*), [ж] (*безжизненный*), [с] (*безвкусный, бесполезный*), [ш'] (*бесчеловечный*), нуль звука (*бессчётный* и т. п.), пишется же, по условному правилу, *з* перед буквами, обозначающими звонкие согласные (*безбрежный*), и *с* перед буквами, обозначающими глухие согласные (*бесполезный*).

В противоречии с фонематическим принципом орфографии находится также ф о н е т и ч е с к и й принцип, который заключается в том, что буква обозначает не фонему, а звук, выступающий в перцептивно слабой позиции. Фонетический

принцип орфографии обычно проявляется при передаче на письме фонетических чередований в одной и той же морфеме (по фонематическому принципу фонетические чередования на письме не передаются).

Так, в приставке *раз-/рас-/роз-/рос-* фонема <о>. Но под ударением, когда произносится [о], пишется *о*: *ро́звальни, ро́зыск, ро́ссыпь*, а без ударения, когда произносится [а], пишется *а*: *разва́л, разы́скивать, рассы́пать*. Здесь фонетический принцип осложнен традиционным; ср.: *развали́ть, рассыпа́ть*, где произносится [ъ].

У существительных I склонения в формах дательного и предложного падежей единственного числа и у существительных II склонения в форме предложного падежа единственного числа выступает окончание -<э>: *к земле́, о коне́, на острие́* и в соответствии с фонематическим принципом орфографии без ударения пишется *-е*: *на во́ле, о до́ме, о сча́стье*. Но в соответствии с фонетическим принципом в этом окончании без ударения после *и* пишется *и*, так как произносится [и]: *к а́рмии, о пролета́рии, о зда́нии*.

В форме родительного падежа множественного числа существительных I склонения, а также существительных среднего рода II склонения может быть нулевое окончание; в основе при этом появляется «беглая» гласная <э>: *семья* <с'эм'j-а> — *семей* <с'эм'эj-ø>, *статья — статей, свинья — свиней*. В соответствии с фонематическим принципом орфографии при безударности этой «беглой» гласной надо писать *е*, как это и бывает в отдельных случаях: *су́дей, ру́жей*. Но обычно перед *й* в этом случае в соответствии со звуком [и] по фонетическому принципу пишется *и*: *ола́дий, шалу́ний, ожере́лий, уве́чий*.

Замена звонкого согласного глухим перед глухим согласным в соответствии с фонематическим принципом орфографии на письме не передается; ср.: *абсорбировать, абсорбент — абсорбция*. Но в некоторых заимствованных словах такая замена передается согласно фонетическому принципу: *абстрагировать — абстракция, реагировать — реакция, экстрагировать — экстракт, транскрибировать — транскрипция*.

По фонетическому принципу пишется *ы* после *ц*: *цыган, огурцы, курицын, бледнолицый*.

Дифференцирующие написания разграничивают на письме словоформы, совпадающие по фонемному составу: *ожóг — ожёг, туш — тушь, плач — плачь, рож — рожь, копчик — кобчик, компания — кампания, орёл — Орёл* и т. п. Дифференцирующие написания обычно возникают в результате применения разных принципов графики и орфографии к словам с одним и тем же фонемным составом (*о* в корне слова *ожог* соответствует фонематическому принципу графики, *ё* в корне слова *ожёг* — морфематическому принципу орфографии; *ь* в слове *тушь* пишется по традиционному принципу орфографии, отсутствие этого знака в слове *туш* отвечает фонематическому принципу графики). В соответствии с традиционным принципом орфографии одна и та же гиперфонема может по-разному передаваться на письме: *компáния* и *кампáния*.

СЛИТНЫЕ, РАЗДЕЛЬНЫЕ И ДЕФИСНЫЕ НАПИСАНИЯ

Общее правило слитного или раздельного написания простое: части слова пишутся слитно, отдельные слова в словосочетании — раздельно. Но во многих случаях трудно решить, отдельные ли перед нами слова или части слова: *наизнанку* или *на изнанку, неприятель* или *не приятель, сильнодействующий* или *сильно действующий, никакой* или *ни какой*.

Для переходных или неясных случаев введены дефисные (полуслитные) написания. Например, морфемы *-то, -либо, -нибудь, кое-* образуют неопределенные местоимения и наречия: *кто-то, какой-либо, где-нибудь, кое-когда*. Этим они близки к аффиксам, пишущимся слитно с корнем. Но эти морфемы иногда «ведут себя» как отдельное слово. Например, постфиксы не изменяются при склонении местоимения: *кого-то, кому-то*; приставки могут быть отделены от местоимения предлогом: *кое с кем, кое у кого*. Дефис является одновременно знаком и соединительным и разделительным. В противоположность пробелу дефис — соединительный знак (ср.: *отчётливо белый — красно-белый*). В противоположность контакту дефис — разъединительный знак (ср.: *красно-белый — краснокожий*).

Многие написания этого раздела орфографии противоречивы. Так, наречия пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис; ср.: *доверху — до отказа, вповалку — в обнимку, исподлобья — из-под мышек, насмерть — до смерти, назло — со зла, врукопашную — в открытую — по-доброму*. Существительные и прилагательные одного и того же типа пишутся по-разному; ср.: *обер-кондуктор — обертон, блок-пункт — блокпост, народнохозяйственный* (← *народное хозяйство*) — *народно-демократический* (← *народная демократия*). Здесь правила не всегда согласованы друг с другом. Вследствие этого может оказаться, что по одному правилу слово надо писать, например, слитно, а по другому — раздельно или через дефис. Так, слова *индоевропейский, грудобрюшный* как термины пишутся слитно. Но по общему правилу написания сложных прилагательных, образованных из двух и более основ, обозначающих равноправные понятия, эти слова надо было бы писать через дефис (ср.: *мясо-молочный, садово-огородный*). Слово *ярко-синий* как обозначение оттенка цвета пишется через дефис, но в его основе лежит словосочетание с подчинительной связью *яркая синева*, а подобные слова пишутся слитно (ср.: *железнодорожный* ← *железная дорога*). Наречие *в упор* пишется раздельно, так как образовано от сочетания предлога на согласную с существительным, начинающимся с гласной. Но по другому правилу это наречие надо было бы писать слитно, так как к существительному не может быть поставлен падежный вопрос (ср.: *впору, впрок*).

Неупорядоченность правил данного раздела орфографии отчасти объясняется сложностью и нерешенностью проблемы разграничения слова и словосочетания. Неразработанность теории проявляется в нечеткости практических решений. Действующие правила строятся также на разграничении термина и нетермина: термины часто пишутся слитно, а нетермины — раздельно или через дефис. Но определить, является ли слово термином, нередко трудно.

Проблема слитного, раздельного или дефисного написания слов особенно остро встала в последние десятилетия. Объясняется это возникновением десятков тысяч новых слов. Значительная часть этих слов — научно-технические термины, сложные слова.

Основные принципы, на которых строятся правила слитного, раздельного или дефисного написания слов, определяют как лексико-синтаксический и словообразовательно-грамматический.

Лексико-синтаксический принцип связан с разграничением слова и словосочетания: части слова пишутся слитно, отдельные слова в словосочетании — раздельно. На основании этого принципа разграничиваются такие написания, как *палата* ***легкораненых*** *—* ***легко раненный*** *в руку*; ***вечнозелёный*** *кустарник —* ***вечно зелёная*** *на альпийских лугах трава*; *смотреть* ***вдаль*** *—* ***всматриваться*** *в* ***даль***; *действовать* ***наудачу*** *—* ***надеяться*** *на* ***удачу***; ***нигде никогда*** *не был —* ***я не знал, ни где*** *он был,* ***ни когда*** *он вернулся*; ***непросохшая*** *одежда —* ***не просохшая*** *за ночь одежда*. Орфографические трудности связаны здесь с тем, что пишущему приходится решать, является ли данный отрезок речи отдельным словом или словосочетанием, что часто бывает сделать затруднительно из-за нечеткости границ между этими лингвистическими единицами.

Словообразовательно-грамматический принцип устанавливает слитное или дефисное написание сложных прилагательных и существительных по формальному признаку — наличию либо отсутствию суффикса в первой части сложного прилагательного и соединительной гласной *-о-* или *-е-* в сложном существительном. По-разному пишутся прилагательные *плодоягодный* и *плодово-ягодный, картофелеовощной* и *картофельно-овощной, газонефтяной* и *газово-нефтяной, водорастворимый* и *водно-растворимый*. Если в первой части сложного прилагательного есть суффикс, слово пишется через дефис, если нет суффикса — слитно. Существительные с соединительной гласной *-о-* или *-е-* пишутся слитно: *железобетон, лесопарк, земледелец, птицелов*. Существительные без соединительной гласной пишутся через дефис: *дизель-мотор, диван-кровать, сестра-хозяйка, кафе-столовая*.

Некоторые написания объясняются традиционным принципом, по которому раздельно пишутся части современного единого слова, восходящего к сочетанию слов. Так, отдельно пишется приставка у наречий, образованных от сочетаний бывшего предлога с бывшим существительным или прилагательным: *под мышкой, без оглядки, без просыпу, без*

умолку, в обтяжку, в обхват, на убой, с натуги, в открытую, на боковую, на попятную и др. В результате действия этого принципа возникает разнобой в правописании наречий. Запомнить сотни наречий практически невозможно, поэтому приходится обращаться к словарям и справочникам.

Этим же принципом обусловлено раздельное написание частей предлогов: *в продолжение, в течение, в силу, в целях, по мере, по причине* и др.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ

Прописные буквы употребляются в двух совершенно различных функциях: 1) для опирающегося на синтаксический принцип выделения начала определенных отрезков текста — предложений, стихотворных строк; 2) для выделения отдельных слов в тексте, опирающегося на три основных принципа — морфологический, семантический и словообразовательный.

Морфологический принцип заключается в том, что имена собственные пишутся с прописной буквы, имена нарицательные — со строчной. Переход имени нарицательного в собственное и имени собственного в нарицательное отражается в орфографии; ср.: *ленский — Ленский* (фамилия), *тётка — Тётка* (кличка собаки), *городок — Городок* (название города), *великая — Великая* (название реки); *Катюша — катюша* (название миномета), *Болонья — болонья* ('ткань, первоначально изготовлявшаяся в Болонье'), *Анютины глазки — анютины глазки* ('цветы').

Непоследовательность в проявлении этого принципа наблюдается при написании топонимов. Так, в названии города *Красное Село* второе слово — часть названия, но не родовое обозначение (ср. *село Красное*), поэтому оно пишется с прописной буквы; также: *Белая Церковь* (город), *Елисейские Поля* (улица), *Золотой Рог* (бухта). Но в городских топонимах вторая часть сложного названия может писаться со строчной буквы, хотя в данном названии слово полностью утратило свое первичное значение; ср. прежние написания названий московских улиц, площадей и т. п.: *Каретный ряд, Кашенкин луг, Крестьянская застава, Кузнецкий мост, Марьина*

роща, Никитские ворота, Перово поле, Сущёвский вал и др. По новым правилам введено написание второго слова названия с прописной буквы: *Каретный Ряд, Кашенкин Луг* и т. п.

Семантический принцип заключается в том, что с прописной буквы могут писаться имена нарицательные, если они наделены особой патетикой или символикой: *Родина, Отчизна, Человек*. Этому же принципу подчинено написание названий многих праздников, знаменательных дат: *День Победы, Новый год, День учителя*; названий российских высших государственных организаций, должностей и званий: *Государственная Дума, Совет Федерации, Президент Российской Федерации*. С прописной буквы пишется *Вы* при обращении к одному лицу.

Этим же принципом обусловлено написание форм множественного числа имен собственных, перешедших в нарицательные и употребляющихся как обозначения лиц, обладающих определенными качествами. Если этим качествам придается положительное значение, то слова пишутся с прописной буквы: *...Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (Лом.); если отрицательное — то со строчной: *азефы, герострaты, гитлеры*.

Словообразовательный принцип заключается в том, что аббревиатуры, составленные из первых букв слов, входящих в сложное название, передаются прописными буквами. Таковы аббревиатуры, обозначающие собственные названия: *РФ, ООН, МХАТ, МПГУ*; читаемые по названиям букв: *АТС, КВН, НЛО, ПТУ*; читаемые как обычное слово: *ЛЭП, НИИ, ЦУМ*. Аббревиатуры последнего типа могут писаться по-разному: *ГЭС — гэс, ЗАГС — загс, ТЮЗ — тюз*; некоторые слова этого типа всегда пишутся строчными буквами: *вуз, втуз, дот, нэп* и др.

ПЕРЕНОС ЧАСТИ СЛОВА НА ДРУГУЮ СТРОКУ

Если слово не умещается в строке, часть слова переносится на следующую строку. Основной принцип правил переноса слова — фонетический, когда слово членится в соответствии со слогоделением: *во-рота, воро-та*. На этом принципе основаны правила, запрещающие оставлять в конце

строки или переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога (например, нельзя переносить «*ст-рах*», «*мо-ст*»). Нельзя также отделять согласную от следующей за ней гласной; следует переносить: *дя-денька* или *дя-день-ка*, *лю-бовь*, *па-стух* или *пас-тух* (а не «*дяд-енька*», «*люб-овь*», «*паст-ух*»).

При этом, с одной стороны, возможности слогоделения понимаются широко; при стечении нескольких согласных между гласными допускается вариативность переноса, т. е. слогоделения: *де-рзкий, дер-зкий, дерз-кий*. С другой стороны, не учитывается возможность согласных образовывать слог и запрещаются переносы типа «*просмо-тр*».

Второй принцип правил переноса — м о р ф е м а т и ч е с к и й; при переносе членение должно проходить между двумя приставками: *без-возвратно*, между приставкой и корнем: *под-бить, при-слать, со-жжённый* и между значимыми частями сложных слов: *пяти-граммовый, спец-одежда* (не «*бе-звозвратно*», «*по-дбить*», «*прис-лать*», «*сож-жённый*», «*пятиг-раммовый*», «*спе-цодежда*»).

Есть и другие ограничения переноса. Например, русские слова не могут начинаться буквами *ы, ь, ъ, й*, поэтому переносить часть слова, начинающуюся с этих букв, не разрешается: *ра-зыскать, боль-шой, подъ-езд, май-ор* (не «*раз-ыскать*», «*бол-ьшой*», «*под-ъезд*», «*ма-йор*»). Нельзя оставлять в конце строки одну букву, перенося остальную часть слова на другую строку, так как эта буква может совпасть с целым словом (*а, и, о, у, я*) и такой перенос приведет к искажению в понимании текста.

ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения слов бывают двух типов: 1) сокращения н е г р а ф и ч е с к и е — это единицы письменной и устной речи, к которым относятся сложносокращенные слова, аббревиатуры: *зарплата, СНГ, вуз*; 2) сокращения г р а ф и ч е с к и е, свойственные лишь письменной речи: с. — *страница*, з-д — *завод*, к/т — *кинотеатр*.

Принципы сокращения слов следующие:

1) не может быть опущена начальная часть слова: например, слово *фабрика* нельзя сокращать «*брика*» или «*рика*»;

2) опускаются минимум две буквы: *город* — **г.**, **гор.** (исключение *юг* — **ю.** объясняется аналогией: *север* — **с.**, *восток* — **в.**, *запад* — **з.**);

3) часть слова, предшествующая опускаемой, не может состоять из сочетания букв с последней гласной, а также *й*, *ь*, *ъ*: *карельский* — **к.**, **кар.**, **карельск.**; *фабрика* — **ф-ка** (не «ка.», «каре.», «карель.», «фа-ка»);

4) обычно опускается одна линейно последовательная часть букв, но могут быть и сокращения типа **млн.** — *миллион*, **стлб.** — *столбец*, **пн.** — *понедельник*.

В зависимости от приемов образования выделяется шесть типов графических сокращений:

1) **точечные** сокращения образуются путем опущения правой части (реже — середины) слова и постановки точки после оставшейся части: **в.** — *век*, **напр.** — *например*, **млрд.** — *миллиард*, **сб.** — *суббота*; удвоение первой согласной буквы при опущении остальной части слова обозначает множественное число: **вв.** — *века*, **пп.** — *пункты*;

2) **дефисные** сокращения — такие, у которых вместо опущенной средней части слова ставится дефис: **з-д** — *завод*, **ин-т** — *институт*, **р-н** — *район*;

3) **косолинейные** сокращения — такие, у которых вместо опущенной первой части словосочетания или сложного слова ставится косая линия: **б/у** — *бывший в употреблении*, **п/о** — *почтовое отделение*, **х/б** — *хлопчатобумажный*;

4) **курсивные** сокращения выделяются особым шрифтом — курсивом: *г* — грамм, *л* — литр, *дм* — дециметр;

5) **нулевые** сокращения графически не отличаются от несокращенных слов: **с** — *секунда*, **кг** — *килограмм*, **м** — *метр*;

6) **комбинированные** сокращения — результат применения нескольких приемов сокращения: **ж.-д.** — *железнодорожный*, **об./мин.** — *оборотов в минуту*, **ц/га** — *центнер на гектар*.

Рекомендуемая литература

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К. Письма об орфографии. М., 1969.

Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.

Иванова В. Ф. Современная русская орфография. М., 1991.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. М., 1981.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Орфография и русский язык. М., 1966.

О современной русской орфографии. М., 1964.

Панов М. В. Занимательная орфография. М., 1984.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.

Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 3 ч. / Под ред. Е. И. Дибровой. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1997. Ч. 1.

Шапиро А. Б. Русское правописание. 2-е изд. М., 1961.

Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983.

Букчина Б. З. Слитно? Раздельно? Через дефис?: Орфографический словарь русского языка. М., 1998.

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно?: Орфографический словарь-справочник. М., 1998.

Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная?: Орфографический словарь русского языка. М., 1999.

Орфографический словарь русского языка / Под ред. В. В. Лопатина. М., 1991 (и последующие издания).

Сазонова И. К. Одно или два *н*?: Орфографический словарь русского языка. М., 1998.

Морфемика Словообразование

Морфемика

Морфемика — это раздел языкознания, изучающий систему минимальных, далее неделимых значимых единиц языка — морфем, а также морфемную структуру слов и их грамматических разновидностей (словоформ).

При описании морфемного строя языка исследуются функции морфем, особенности значения морфем, их формальная структура, общие закономерности сочетаемости морфем в составе слова.

Задачи морфемного анализа конкретного слова заключаются в выяснении, членимо ли данное слово, определении границ между морфемами, выявлении типа каждой из морфем и установлении функциональных связей между морфемами в рамках морфемной структуры слова.

Морфемика позволяет получить сведения о строении слова, широко используемые в словообразовании и морфологии. Становление морфемики как особой лингвистической дисциплины стало возможным благодаря исследованиям основателя Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в 1881 г. ввел в научный оборот понятие морфемы, а также трудам В. А. Богородицкого, Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Е. С. Кубряковой, М. В. Панова, А. Н. Тихонова и других отечественных ученых. Выделение морфемики в самостоятельный (хотя и тесно связанный со словообразованием и морфологией) раздел языкознания произошло лишь во второй половине XX столетия. Так, в академической «Грам-

матике современного русского литературного языка» (М., 1970) впервые в русистике основные сведения по морфемике были представлены в самостоятельной главе.

МОРФЕМА

М о р ф е м а (< гр. *morphē* — форма) — это наименьшая (минимальная) значимая часть слов и их грамматических форм (словоформ). Например, в глагольной форме *прочитывать* можно выделить четыре морфемы: *про-чит-ыва-ть*.

Как соотносится морфема с другими единицами языка? Морфема — единица двуплановая, обладающая и формой, и содержанием. Этим она принципиально отличается от фонемы, не имеющей значения, а также от слога. Не случайно морфемное членение слова (*подо-ш-л-и*) обычно не совпадает с его делением на слоги (*по-до-шли*).

Наличие з н а ч е н и я сближает морфему со словом и предложением. Поэтому, например, возможна синонимия слов и морфем; ср.: ***самый умный*** — ***умн-ейш-ий***; ***американ-ист*** — ***специалист по Америке***. Но по ряду признаков морфема четко отличается от слова и предложения:

1) морфема — минимальная, далее неделимая значимая единица, а слово и предложение не минимальные и могут членироваться на более мелкие значимые единицы;

2) морфема реализует свое значение лишь в составе конкретного слова; вне слова бывает трудно определить не только значение морфемы, но даже ее принадлежность к корням или аффиксам (ср.: ***истец, лучистый, таксист***; ***иной, тополиный, льдина***, разг. ***рыбина*** и т. п.); значение и функции слова в меньшей степени являются связанными, не так строго предопределены окружением;

3) местоположение морфемы в слове строго фиксировано (*дом-ик*, но не **ик-дом*), тогда как слово обычно может относительно свободно перемещаться в пределах предложения;

4) морфема — единица воспроизводимая; говорящий не создает морфем в речи, а берет их из хранящегося в памяти «инвентаря» языковых единиц, тогда как предложения (и многие слова, потенциальные и окказиональные) относятся к числу единиц, создаваемых говорящим непосредственно в речевом общении.

Если с формальной точки зрения морфему нельзя разбить на более дробные части без ее разрушения как единицы языка, то в смысловом отношении морфема обычно не элементарна, ее значение может распадаться на ряд смысловых компонентов (элементов значения). Так, окончание в глагольной форме *сказал-а* (*учительница сказала*) передает следующую информацию: глагольное действие совершалось одним субъектом (значение единичности; ср.: *дети читали*) женского пола (значение «женскости»; ср.: *учитель сказал*). Однако встречаются морфемы и с неделимым, элементарным значением: например, суффикс *-л* в формах прошедшего времени (*говорил*), суффикс *-и* в формах повелительного наклонения (*говори*) и др.

Подобно другим единицам языка, морфема — это обобщенная единица, которая в конкретных словах бывает представлена своими разновидностями — м о р ф а м и. Морф так же соотносится с морфемой, как звук — с фонемой, словоформа — со словом. Например, в *носить* и *ношу* представлены два морфа одной и той же корневой морфемы; в *бросок, броска, бросочек* — три морфа одной и той же суффиксальной морфемы.

Различные морфы, представляющие одну и ту же морфему, принято называть а л л о м о р ф а м и (< гр. *állos* — другой + *morphē* — форма). Морфема — это класс позиционно чередующихся алломорфов (подобно тому как фонема — это класс позиционно чередующихся звуков — аллофонов). При решении вопроса о составе алломорфов той или иной морфемы учитывается ряд критериев: а) тождество значения морфов; б) их формальная близость; в) наличие между морфами отношений дополнительной дистрибуции, т. е. невстречаемость алломорфов в одной и той же морфемной позиции (в одинаковом морфемном окружении).

Если хотя бы одно из названных требований нарушается, морфы не считаются алломорфами. Так, разным морфемам принадлежат корневые морфы в словах *нос* и *носильщик* (у морфов нет тождества значения); *идут* и *шли* (нет близости фонемного состава).

Не являются алломорфами и окончания в существительных *дверями* и *дверьми*, так как выделенные морфы употребляются в одной и той же морфемной позиции, в конце одной и

той же словоформы. Подобные формально близкие и тождественные по значению морфы, встречающиеся в одном и том же морфемном окружении, называются не алломорфами, а вариантами морфемы (ср.: *Новгород — Волгоград*; *рукой — рукою*).

При классификации морфем учитываются такие признаки, как позиция морфемы в слове, функция и значение морфемы, особенности ее сочетаемости с другими видами морфем, характер формального выражения.

ТИПЫ МОРФЕМ

По позиции в слове противопоставлены корни и аффиксы. Корень — это морфема, являющаяся центральным элементом в морфемной структуре слова, предопределяющим его лексическое значение; это общая часть родственных по лексическому значению слов, называемых однокоренными (*друг, друзья, дружить, дружный* и т. п.). Аффикс (< лат. *affixus* — прикрепленный) — противопоставленная в слове корню служебная морфема, способная уточнять и конкретизировать лексическое значение слова или выполнять в слове определенные грамматические функции. Аффиксы группируются в слове вокруг корня, образуя периферийные элементы морфемной структуры слова.

Различие между корнями и аффиксами проводится по ряду признаков:

1) корень — центральный и обязательный элемент морфемной структуры слова; аффикс, как уже было сказано, — периферийная и факультативная морфема: нет ни одного слова без корня, зато множество слов не имеют аффиксов (*макси, авиа, куда, ах* и т. п.);

2) корень не может не иметь значения (номинативного или экспрессивного), аффикс — может (таковы, например, соединительные морфемы в словах *самовар, пятилетка* и др.);

3) корневые морфемы обычно не закреплены за теми или иными частями речи (*дерево, деревянный, деревенеть*; *зло, злой, злить* и т. п.), тогда как аффиксы обычно соотносятся со словами вполне определенных частей речи: *-ут* — глагольное окончание, *-ейш-* — суффикс прилагательного, суффикс *-ость* характеризует существительные и т. д. Исключение со-

ставляют суффиксы субъективной оценки типа *-еньк-* (*дяденька, новенький, скромненько*, разг. *спатеньки* ‘спать’);

4) корней в языке значительно (на порядок) больше, чем аффиксов. Так, в «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (М., 1986) зафиксировано около 5000 морфем, из них корней — более 4400, а аффиксальных морфем — около 600;

5) перечень корней открыт для пополнения новыми морфемами, новые же аффиксы в языке практически не появляются, их список закрыт;

6) в тексте корневые морфемы встречаются реже, чем аффиксальные. Ср.: *Я помню чудное мгновенье...* (П.) — четыре корня и шесть аффиксов; *Маленькой ёлочке холодно зимой* — четыре корня и семь аффиксов;

7) корневые морфемы в среднем длиннее, состоят из большего количества фонем, чем аффиксальные, которые нередко представлены одной фонемой (ср.: *нес-у, стол-ы* и т. п.);

8) аффиксы могут быть нулевыми (они обозначаются значком *-ø*, например, *дом-ø*), корни — никогда.

Противопоставление корней и аффиксов — это только первый уровень классификации морфем по их роли в морфемной структуре слова. На следующем уровне классификации различаются конкретные типы корней и аффиксов.

Корни бывают свободными и связанными. Свободные корни могут сами по себе составлять основу слова [***сын***, ***пе***(***ть***), ***син***(***ий***)], но могут употребляться и в сочетании со словообразовательными аффиксами [***усынови***(***ть***), ***перепева***(***ть***), ***синеват***(***ый***)]. Связанные корни всегда используются в сочетании со словообразовательными аффиксами (***обуть, разуть***; ***прибавить, убавить***; ***палец, беспалый***), они никогда сами по себе не составляют основу слова.

Среди аффиксальных морфем необходимо разграничивать прежде всего аффиксы словоизменительные и словообразовательные. С помощью словоизменительных аффиксов образуются грамматические формы слов (***жить, живут***), а словообразовательные аффиксы служат для образования новых слов, для формирования их основ (***прожить, житель***).

С точки зрения позиции в слове, местоположения по отношению к корню различаются:

1) п р е ф и к с ы (< лат. *praefixus* — прикрепленный спереди), называемые также приставками, которые находятся в слове перед корнем (*прибегать*) или другим префиксом (*призадуматься*);

2) и н т е р ф и к с ы (< лат. *inter* — между + *fixus* — прикрепленный) — соединительные (реляционные) морфемы, располагающиеся между двумя корнями (*юго-запад, двухэтажный*);

3) аффиксы, занимающие в слове позицию после корня; в числе последних разграничиваются суффиксы, окончания и постфиксы.

С у ф ф и к с ы (< лат. *suffixus* — прикрепленный) располагаются непосредственно за корнем (*издатель*) или за другим суффиксом (*издательница*).

После корня (*иду*) или суффикса (*толкну*) во многих словах устанавливаются о к о н ч а н и я — показатели грамматических связей слова в словосочетании и предложении (*новые книги, новеньким книгам*).

П о с т ф и к с ы (< лат. *post* — после + *fixus* — прикрепленный) находятся в самом конце слова, обычно после окончаний (*учимся, кому-то*).

В русском языке префиксы и интерфиксы никогда не бывают самостоятельными средствами словоизменения, окончания же всегда выполняют словоизменительную функцию. Суффиксы и постфиксы могут использоваться как в словоизменении, так и в словообразовании.

По характеру формального выражения принципиально противопоставлены: а) аффиксальные морфемы, м а т е р и а л ь н о в ы р а ж е н н ы е той или иной последовательностью фонем или одной фонемой (*сёстр-ами, читал-а*); б) н у л е в ы е аффиксы, материально не выраженные (*брат-∅, читал-∅*).

Нулевая морфема устанавливается только в том случае, если с ней связывается вполне определенный компонент в значении данного слова, при этом аналогичное содержание в других словах или словоформах бывает выражено обычными, ненулевыми морфемами. Так, в словоформе именительного падежа единственного числа *степ'-∅* (*степь*) выделяется нулевая флексия потому, что в других формах того же слова значения падежа и числа выражены ненулевыми флексиями

(*степи, степью, степей, степями* и т. д.). Существование нулевых морфем было обосновано И. А. Бодуэном де Куртенэ.

В соответствии с особенностями сочетаемости (валентности) различаются аффиксы регулярные и нерегулярные. Р е г у л я р н ы е аффиксы встречаются в разных словах и сочетаются с различными видами корневых и аффиксальных морфем; таковы аффиксы *-ость* (*скорость, грузоподъёмность*), *-к-* (*пианистка, арабка*), *при-* (*прилечь, прибавить*) и др. Н е р е г у л я р н ы е аффиксы обладают ограниченной (уникальной) сочетаемостью — только с одним определенным корнем; такие аффиксы часто называются унификсами [*му-* в *мусор* (ср. *сор*), *-адj-* в *попадья* (ср. *поп*) и др.].

Признак регулярности аффикса не совпадает с признаком его продуктивности. Под п р о д у к т и в н о с т ь ю аффикса понимается его способность образовывать новые слова (неологизмы). Поэтому наряду с нерегулярными и непродуктивными аффиксами (ср. уникальный суффикс *-же*, с помощью которого образуется сравнительная степень только от прилагательного *глубокий — глубже*) в языке устанавливаются и достаточно регулярные аффиксы, которые не являются продуктивными, так как они не используются при образовании новых слов, а выделяются лишь в существующих словах (например, суффикс *-ат* ‘лицо’ в словах *адресат, конфедерат, азиат, стипендиат* или *-ущ-*, *-ащ-* в отглагольных прилагательных типа *завидущий, загребущий, завалящий, работящий*). К числу аффиксов регулярных и одновременно продуктивных относятся, например, суффикс прилагательных *-н-* и глагольный префикс *пере-*, используемые при образовании огромного количества дериватов, включая и неологизмы: *лифтный, подвозочный, среднерайонный*; *перевербовать, перезаказать, перекантоваться* и др. (см. «Словарь новых слов русского языка. 1950—1980 гг.». М., 1995).

ФУНКЦИИ МОРФЕМ

Все единицы языка предназначены для выполнения той или иной функции в языковом механизме. Для морфем русского языка характерны четыре функции: номинативная, экспрессивная, стилистическая и реляционная (соединительная).

Номинативная функция связана со способностью морфемы отображать тот или иной фрагмент внеязыковой действительности. Например, в слове *лыжник* морфема *лыж-* используется для обозначения особых приспособлений в виде полозий, позволяющих ходить по снегу, а морфема *-ник* обозначает 'лицо', т. е. человека. Номинативной функцией обладают многие, но не все русские морфемы.

От морфем с номинативной функцией отграничиваются морфемы, имеющие экспрессивную функцию. Они не обладают номинативным значением, однако выражают то или иное отношение говорящего к слушающему, к предмету сообщения, к условиям протекания коммуникации и т. п. Ср. значение морфемы *-ик* в слове *столик*, употребленном в следующем речевом контексте: *Какой столик мы купили недавно! Дубовый, удобный, с двумя большими тумбами.* Очевидно, суффикс *-ик* передает здесь не значение уменьшительности (ведь о столе говорится, что он на самом деле большой), а субъективное одобрительное отношение говорящего к предмету речи — купленному столу.

Стилистическая функция морфемы заключается в ее способности быть средством образования слов и форм слов, закрепленных за вполне определенными функционально-стилистическими разновидностями русской речи. Так, с помощью суффикса *-к-* от нейтрального (общеупотребительного) слова *свеча* образуется слово с тем же номинативным значением *свечка*, используемое лишь в разговорной речи.

Реляционная (соединительная, «синтаксическая») функция характерна, например, для морфем, являющихся как бы прокладками между другими морфемами в составе слова (ср. роль соединительных морфем в словах типа *книгохранилище*). Реляционную функцию выполняют также окончания, связывающие между собой слова в словосочетании и предложении (*Новые книги были куплены нами вчера*).

Из сказанного ясно, что морфемы, не имеющие номинативного или экспрессивного значения, тем не менее, выполняя стилистическую либо реляционную функцию, характеризуются стилистической или реляционной значимостью, поэтому и они в полной мере отвечают определению морфемы как минимальной значимой единицы языка.

Иногда морфема характеризуется какой-то одной функцией. Так, в словоформе *книги* морфема *книг-* имеет номинативную функцию (служит для называния определенного предмета), но не имеет экспрессивной, стилистической или реляционной функции. Морфема *-о-* в слове *книгохранилище* выполняет только реляционную функцию. Однако часто морфема может выполнять сразу несколько функций. Например, окончание *-ые* в словоформе *новые*, имея номинативную функцию указания на количество предметов (названных тем существительным, с которым согласуется в числе прилагательное), выполняет также реляционную функцию. Окончание *-ою*, характерное для поэтической речи (*страною*, ср. нейтр. *страной*), имеет, помимо номинативной и реляционной, еще и стилистическую функцию.

ПОНЯТИЕ ЧЛЕНИМОСТИ СЛОВА И ЕГО ОСНОВЫ

Исключительно важным для морфемики является понятие членимости. Под членимостью понимают способность слова (словоформы) выделять в своей структуре как минимум два значимых элемента, т. е. делиться на морфемы. Граница между двумя соседними морфами называется морфемным швом. Следовательно, морфемное членение — это установление всех морфемных швов в слове.

Необходимо различать членимость слова (словоформы) и членимость основы слова. Например, слова *коми* (ср. *язык коми*), *там, как, лишь, спасибо* — нечленимые. Слова *дом* и *домик* — членимые, поскольку в них выделяются основа и окончание. Однако существуют и различия в членимости этих слов: основа слова *дом* нечленима, т. е. равняется корню, тогда как в основе слова *домик* есть корень *дом-* и словообразовательный суффикс *-ик*.

Принято разграничивать два этапа морфемного членения слова: а) отделение основы от грамматических показателей слова (флексий); б) членение основы. Выделение значимых частей слова на каждом из этих этапов производится по особым правилам, требующим специального рассмотрения.

Отделение основы от флексии

О с н о в а — это обязательный и постоянный (неизменный по значению и строению) элемент морфемной структуры слова, являющийся средством выражения его лексического значения. Основа присутствует в морфемной структуре любого слова. В изменяемых словах основа противопоставлена ф л е к с и и (< лат. *flexio* — сгибание) как переменному компоненту слова, выражающему его грамматическое значение (*рек-а, дыш-им, говори-ть*). В неизменяемых словах типа *авиа, хинди, пешком, почему, без, эй!* флексии нет, основа равна слову.

Таким образом, необходимо различать два основных типа морфемного строения русского слова:

1) слова, строящиеся по формуле «основа + флексия» (*город-ø, стран-а, сказа-в* и т. п.);

2) слова, равные основе (флексия в таких словах отсутствует: *как, ах, стоп* и др.). В рамках указанных типов различаются подтипы по характеру строения основ и по составу флексии, если она имеется.

Чтобы отделить основу от флексии, нужно сопоставить все грамматические формы данного слова. Общий для всех словоформ структурный элемент принадлежит основе, а переменный составляет флексию [*бел*(*ый*), *бел*(*ая*), *бел*(*ые*), *бел*(*ее*), *бел*(*ейш-ий*)].

Постоянство основы базируется на сохранении во всех формах одного слова одинакового состава номинативно значимых морфем (как корневых, так и аффиксальных). Что касается номинативно незначимых морфем, то они при изменении слова могут появляться или исчезать (*знам-я — знамен-и*; *высокий — выше*). Такое чисто формальное варьирование конца основы, особенно характерное для глагола (*дыша-ть — дыш-у*; *дари-ть — дар-ю*), не нарушает тождества основы. (Более подробные сведения о строении глагольной основы см. в разделе «Глагол».)

Иногда при образовании форм слова используются разнокорневые, или с у п п л е т и в н ы е (< лат. *suppleo* — восполняю), основы [*идти — шёл*; *ребёнок — дети*; *человек — люди*; *хороший — лучше*; *маленький — меньше*; *я — меня*; *мы — нас*; *он — его* (*j-его*) и др.].

В большинстве слов основа представляет собой комплекс непосредственно связанных между собой морфем, т. е. является непрерывной. У некоторых типов слов (возвратные глаголы, отдельные составные и отпричастные существительные, неопределенные местоимения и сложные числительные) основы расчленены флексиями и состоят из двух (иногда более) дистантно расположенных частей; такие основы называются прерывистыми [*весели(ть)ся*, *ракет(а)-носитель*, *учащ(ие)ся*, *к(ого)-нибудь*, *как(ой)-то*, *сем(и)десят(и)*].

Общее определение флексии было дано выше; рассмотрим более подробно свойства русской флексии. Термин «флексия» употребляется нередко в широком смысле — для обозначения словоизменения, т. е. образования грамматических форм слова (ср. выражения: «глагольная флексия», «именная флексия», т. е. глагольное или именное словоизменение). Но гораздо чаще термином «флексия» обозначается словоизменительный аффикс (или комплекс таких аффиксов), непосредственно используемый для образования грамматических форм слова. Флексия как структурный компонент слова может включать в конкретных словоформах различное число словоизменительных аффиксов. Это может быть один аффикс [*сосн(а)*, *сосн(ы)*, *сосн(е)*; *медн(ый)*, *медн(ая)*, *медн(ое)*, *медн(ые)*], два аффикса [*говори(л-а)*, *говори(л-и)*; *говор(и-те)*] или даже три аффикса [например, *прочитыва(л-а-сь)* в предложении *Газета регулярно прочитывалась дедушкой за завтраком*].

В отличие от словообразовательных аффиксов, флективные аффиксы не входят в основу слова. Важнейшее свойство флексии, установленное Г. О. Винокуром, — ее комплексный характер. Если в морфемной структуре слова существует позиция для того или иного типа флективных аффиксов, то в разных формах одного слова эта позиция будет поочередно замещаться различными аффиксами этого типа [*голос(ø)*, *голос(а)*, *голос(у)*; *звуча(ть)*, *звуча(л)* и т. д.].

Противопоставлены три вида флективных аффиксов: окончания, словоизменительные суффиксы и словоизменительные постфиксы. Различия связаны с местоположением аффикса в словоформе, а также с особенностями его функции в слове и характером грамматического значения.

О к о н ч а н и е — это наиболее употребительная разновидность русских флективных аффиксов. Эта реляционная по своей сути морфема служит для синтаксической связи словоформ с другими словами и словоформами, являясь средством согласования (*лесная тропинка*) или управления (*появление гостей*), а также грамматической координации главных членов предложения (*идут дожди*).

Помимо реляционной, для окончаний характерна также номинативная функция. При этом важно отметить, что грамматическая семантика, передаваемая окончанием, обычно не имеет отношения к смысловой структуре данного слова, а уточняет те или иные смысловые характеристики слова, с которым с помощью окончания связано данное слово. Например, в предложении *Бедный Обломов... бросался в книжные лавки...* (Гонч.) окончание прилагательного *-ый* и нулевое окончание глагола *бросал-ø-ся* (ср.: *бросал-а-сь, бросал-и-сь*) сигнализируют о единственном числе и мужском роде грамматически главного слова — существительного *Обломов*. Только окончания существительных связаны по значению со смысловой структурой самого существительного и могут передавать информацию относительно предмета, названного данным существительным: так, в слове *пенсионерка* окончание сигнализирует о том, что речь идет об одном лице (ср. *пенсионерки*), причем лице женского пола (ср. *пенсионер-ø*).

Значение окончания обычно неэлементарно, окончания являются средством выражения целого набора грамматических значений (категорий). Так, глагольное окончание *-ут* (*идут*) указывает на 3-е лицо и множественное число формы настоящего времени изъявительного наклонения.

Название этого вида флективных аффиксов (окончания) обусловлено их обычным местоположением — в конце словоформы (*листв-а, бел-ый, рисовал-и*); однако если в слове есть постфикс, окончание находится перед ним (*улыбал-и-сь*). В составных грамматических формах (*самый новый*) и в некоторых сложносоставных существительных (*выставка-продажа*) и числительных с прерывистой основой (*дв-е-ст-и*) наблюдается несколько дистантно расположенных окончаний.

С л о в о и з м е н и т е л ь н ы й с у ф ф и к с — это флективный аффикс, используемый для образования форм глаголов, прилагательных, наречий и безлично-предикативных

слов и располагающийся в словоформе перед окончанием, если оно в слове имеется (*чита-л-и, чита-ть, услыша-в, нов-ейш-ий*).

Словоизменительный суффикс характеризует, как правило, не отдельную словоформу, а целый ряд форм данного слова (например, все формы прошедшего времени глагола или все формы простой превосходной степени прилагательного). По своей функции словоизменительные суффиксы сопоставимы со вспомогательными словами в составных грамматических формах (ср.: *чита-л-ø — буду читать*; *нов-ейш-ий — самый новый*).

Словоизменительные суффиксы, в отличие от окончаний, не являются реляционными морфемами, они имеют вполне определенное номинативное значение, уточняющее общую смысловую структуру данного слова; ср. естественное смысловое взаимодействие лексического значения глагола (обозначение действия) и грамматического значения прошедшего времени, выражаемого суффиксом *-л*.

К числу словоизменительных суффиксов относятся:

1) *-ть, -ти, -ø* в инфинитиве (*сказа-ть, ид-ти, печ-ø*[1]);

2) *-л/-л'* и *-ø* в глагольных формах прошедшего времени (*сказа-л-ø, сказа-л'-и, пёк-ø-ø*) и в образованных от них формах сослагательного наклонения (*сказа-л-ø бы*);

3) *-и* и *-ø* в формах повелительного наклонения (*скаж-и, брос'-ø*);

4) *-ущ-* (графически *-ющ-*), *-ащ-* (графически *-ящ-*), *-вш-, -ш-, -им-, -ом-* (графически *-ем-*), *-нн-, -онн-* (графически *-енн-*), *-т-* в причастных формах глагола [*нес-ущ-ий, пој-ущ-ий* (*поющий*), *держ-ащ-ий, говор'-ащ-ий* (*говорящий*), *горе-вш-ий, привёз-ш-ий, хран'-им-ый*, книжн. *нес-ом-ый, собирај-ом-ый* (*собираемый*), *прочита-нн-ый, устроj-онн-ый* (*устроенный*), *разби-т-ый*];

5) *-а* (графически *-я*), *-в, -вши, -ши, -учи* (графически *-ючи*) в деепричастных формах глагола [*держ-а, ид'-а* (*идя*), *сказа-в*, разг. *подскочи-вши, вырос-ши, буд-учи, сид'-учи* (*сидючи*)];

---

[1] В специальной литературе отражена и иная трактовка морфемного строения инфинитивов типа *жечь, печь, лечь*, в которых иногда выделяют не нулевой суффикс, а суффикс *-чь*, присоединяемый к усеченному корню (*же-чь, пе-чь, ле-чь*).

6) *-ее/-ей, -е, -ше* в формах сравнительной степени прилагательных, наречий и предикативов (*нов'-ее*, разг. *нов'-ей, строж-е, стар-ше*; ср. также *глуб-же* — с нерегулярным суффиксом *-же*, используемым только при образовании сравнительной степени прилагательного *глубокий*);

7) *-ейш-, -айш-* в формах превосходной степени прилагательных (*сильн'-ейш-ий, высоч-айш-ий*).

Словоизменительный постфикс также характеризует сразу несколько грамматических форм данного слова (ср. глагольные формы страдательного залога с постфиксом *-ся/-сь*: *строится, строился, строились* и т. п.). Можно выделить два типа словоизменительных постфиксов: с реляционной и с экспрессивно-стилистической функциями.

Реляционные постфиксы, подобно окончанию, участвуют в выражении синтаксических отношений между словами (словоформами); при этом важно, что формы слова со словоизменительным постфиксом и без него используются в грамматически нетождественных синтаксических конструкциях (например, в активной и пассивной или в двусоставной и односоставной). В современном русском языке есть два таких постфикса:

1) постфикс *-ся/-сь* как средство образования форм страдательного залога глаголов несовершенного вида: *Газета издаётся/издавалась правительством России*; морф *-сь* представлен в предикативных и деепричастных формах, а также в инфинитиве после флексии, оканчивающейся гласной фонемой (*издавалась, издаваясь*), в остальных случаях употребляется морф *-ся* (*издаётся, издающийся* и *издающаяся*);

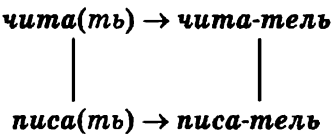
2) омонимичный указанному только что постфикс *-ся/-сь* в безличных формах глаголов: *На даче легко дышится* (где *дышится* — безличная форма невозвратного глагола *дышать*).

Указанные словоизменительные постфиксы не входят в основу, в отличие от словообразовательного постфикса *-ся/-сь*, который выделяется, например, в возвратных глаголах типа *обниматься, веселиться, кусаться* (*Собака кусается*).

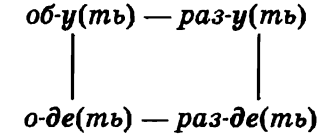
Экспрессивно-стилистическим является глагольный постфикс *-ка*, который в непринужденной речи присоединяется к формам повелительного наклонения (*иди-ка, сходите-ка, давайте-ка напишем*).

Морфемное членение основы. Степени членимости основ

Если основа нечленима, она равняется корню. Если же в основе выделяется несколько корневых и аффиксальных морфем, то при установлении структуры основы следует сопоставлять родственные слова — соотносительные по значению слова, которые частично совпадают по своей форме, т. е. содержат одни и те же корневые или аффиксальные морфемы. Наиболее легко членятся основы слов, составляющих так называемый «словообразовательный квадрат», т. е. пропорциональное объединение родственных по корню и аффиксу слов:



Если у слова связанный корень, оно может быть включено в «морфемный квадрат» — пропорциональное соотношение членимых (но в словообразовательном отношении непроизводных) основ, обладающих сходным морфемным строением:



Не все членимые основы разбиваются на морфемы одинаково легко. В науке (М. В. Панов, Н. А. Янко-Триницкая, Е. А. Земская и др.) обсуждается вопрос о степенях членимости основ. Обычно выделяется шкала членимости основ, образуемая пятью степенями членимости. На одном «полюсе» этой шкалы находятся основы, бесспорно и легко членимые, на другом — основы с затрудненной членимостью. Степень членимости основы слова зависит от того, насколько тесно связаны сочетающиеся в основе морфемы и насколько ощутимы формально-семантические связи анализируемого слова с родственными словами.

1-я степень членимости отмечается у безусловно и легко членимых основ типа *домик*: в основах таких слов и корень, и аффикс встречаются в сочетании с другими морфемами (*бездомный, столик*).

2-я степень членимости характерна для основ таких слов, как *почтальон*: корень сочетается с другими аффиксами (*почта, почтовый*), а аффикс (*-альон*) уникален, сочетается только с определенным корнем. Поэтому членимость таких слов несколько затруднена по сравнению с членимостью слов типа *домик*. Нужно, однако, отметить, что аффикс в основах такого типа обладает неуникальным значением, которое может быть выражено другими, вполне регулярными аффиксами (ср.: *почтальон, киоскёр*).

3-я степень членимости характерна для основ слов *почтамт, курносый*. Их корни (*почт-, нос-*) могут сочетаться с другими аффиксами (*почтовый, безносый*); аффиксы же (*-амт, кур-*) уникальны, причем не только по форме, но и по значению, т. е. не имеют синонимических соответствий среди других аффиксов, что затрудняет членимость подобных основ по сравнению с основами 2-й степени членимости.

По мнению многих ученых (Г. О. Винокур, Н. М. Шанский и др.), слова иных типов имеют нечленимые основы. Но другие лингвисты (А. И. Смирницкий, М. В. Панов и др.) считают, что членимыми основами характеризуется гораздо более широкий круг слов.

4-я степень членимости отмечается в основах слов типа *буженина*. Здесь может быть выделен регулярный аффикс *-ин-* (ср.: *свинина, солонина*), с которым сочетается уникальный связанный корень *бужен'-*, который не встречается ни в свободном виде, ни в сочетании с другими словообразовательными аффиксами.

5-я степень членимости характеризует основы слов типа *калина, крушина*: здесь также могут быть выделены уникальные связанные корни (*кал'-, круш-*), которые сочетаются с регулярным аффиксом *-ин-*. Однако интересно, что со свободными корнями суффикс *-ин-* в данном значении, обнаруживаемом в различных названиях сортов ягод, никогда не сочетается, что делает основы слов типа *калина* еще менее членимыми по сравнению даже с такими словами, как *буженина*.

Если в основе слова несколько морфем, то степень членимости на разных морфемных швах может быть различной. Так, в основе слова *малиновый* на границе между связанным корнем *мал'-* и суффиксом *-ин-* отмечается 5-я степень членимости, а на границе между суффиксами *-ин-* и *-ов-* — 1-я степень членимости.

ВИДЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ

В основе слова могут быть выделены четыре вида аффиксов: префиксы, суффиксы, постфиксы и интерфиксы. Наиболее многочисленны и разнообразны п р е ф и к с ы и с у ф ф и к с ы. Отличия между этими видами аффиксов не сводятся только к их местоположению по отношению к корню. Префиксы по сравнению с суффиксами более автономны в структуре слова:

1) в многосложных словах префиксы могут иметь побочное ударение: *àнтимонопóльный, прòтивогосудáрственный*;

2) префиксы не оказывают влияния на форму сочетающихся с ними морфем, тогда как суффиксы очень часто вызывают чередования фонем в соседних морфемах [ср.: *генерал — генерал'-ск(ий)*; *рог — рож-ок — рож-оч-ек*];

3) префиксы имеют обычно модификационное значение, которое лишь уточняет и конкретизирует семантику основы (*петь → **запеть**, весёлый → **развесёлый***); суффиксы же могут коренным образом перестраивать смысловую структуру слова (*петь → **певец**, весёлый → **весельчак***).

Префиксы и суффиксы по-разному относятся к грамматическим характеристикам слова. Один и тот же префикс может быть использован при образовании разных частей речи (***приехать**, **пригород***), тогда как суффиксы обычно закреплены за словами какой-либо определенной части речи: *-ва-* (*узнавать*) — суффикс глаголов, *-ниj-* (*созданиj-е*) принадлежит существительным, *-ск-* (*приятельский*) — прилагательным и т. д. Исключение составляют лишь суффиксы субъективной оценки, используемые в словах разных частей речи (ср.: *дороженька, аленький*, разг. детск. *гулятеньки*).

В плане словообразования важно, что в результате присоединения префикса всегда образуется слово той же части речи, что и исходное слово (*бабушка → **прабабушка***; *весёлый → **невесёлый***; *бежать → **прибежать***). С помощью суффикса можно образовать слово как той же части речи (*весёлый → **весёленький***), так и другой части речи по сравнению с исходным словом (*весёлый → **веселить***).

Входящие в основу п о с т ф и к с ы по своему местоположению в слове сближаются с суффиксами, а по функциональным свойствам [относительная самостоятельность в слове

вплоть до возможности побочного ударения (*куда́-лѝбо, како́й-нибу̀дь*), способность образовывать новые слова лишь в рамках одной части речи (*учить → учиться*; *какой → какой-то*)] они обнаруживают сходство с префиксами. Словообразовательных постфиксов немного:

1) постфикс *-ся/-сь* в глагольных формах (*строить → строиться*; *веселить → веселиться*); данный словообразовательный постфикс не следует смешивать с рассмотренными выше омонимичными словоизменительными постфиксами — залоговым и безличным;

2) постфиксы *-либо, -нибудь, -то*, используемые при образовании местоименных существительных, прилагательных, числительных и наречий (*кто-либо, какой-нибудь, сколько-то, где-нибудь*).

Интерфиксы — это аффиксы, не имеющие номинативного значения и выполняющие в морфемной структуре слова соединительную функцию. Наиболее распространенное понимание интерфикса таково: эта аффиксальная словообразовательная морфема находится между корнями (*лесостепь, коневодство, шестидневка*, матем. *двучлен, двухэтажный, четырёхмоторный, сорокалетие, себялюбие*).

Аффиксы, входящие в состав основы, принято называть словообразовательными, отграничивая их таким образом от аффиксов словоизменительных. Между тем далеко не все аффиксы, выделяемые в основе слова, реально участвуют в выражении словообразовательных отношений между родственными словами (т. е. являются словообразовательными в строгом смысле). Поэтому в рамках основы слова следует четко разграничивать два функциональных вида аффиксов:

1) собственно словообразовательные аффиксы, используемые в процессе образования одних слов от других (*карандашик ← карандаш*);

2) основообразовательные аффиксы, которые не имеют прямого отношения к словообразованию; они не указывают на отношения производности между однокоренными словами, а лишь участвуют в оформлении основы.

К последней группе относится ряд аффиксов: так называемые тематические глагольные суффиксы (например, *-е-* в *хотеть* или *-и-* в *казнить*); глагольный постфикс *-ся/-сь* в непроизводных глаголах типа *бояться, улыбаться*; так назы-

ваемые наращения основ при именном склонении: основообразовательные суффиксы *-ер'-*, *-ен'-* (*матери* ← *мать*; *знамени* ← *знамя*) и др. Основообразовательные аффиксы не имеют номинативной функции; подобно интерфиксам, они служат для связи морфем в слове. Однако интерфиксы находятся в середине слова и связывают корневые морфемы в сложном слове, тогда как основообразовательные аффиксы обнаруживаются в самом конце основы — на границе с флексией.

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

В результате членения слова устанавливается его морфемный состав, т. е. вся совокупность входящих в него морфем. Однако цель морфемного анализа заключается не просто в определении морфемного состава слова, но в установлении системы отношений между морфемами, т. е. в определении морфемной структуры слова. Морфемная структура слова — это системно упорядоченное единство его значимых элементов (морфем и комбинаций морфем).

Различия между морфемным составом и морфемной структурой слова можно показать на следующем примере. Глагольная форма *оттолкнуть* по своему составу может быть представлена как сумма морфем различного вида:

от + *толк* + *ну* + (*ть*).

Может сложиться впечатление, что связи между морфемами в основе этого слова таковы: приставка *от-* присоединена к корню *толк-*, и лишь затем присоединяется суффикс *-ну-*. Но при таком подходе к описанию морфемного строения слова не учитывается главный принцип системного анализа — разграничение центральных и периферийных элементов структуры, выявление последовательности соединения частей целого.

Центральным элементом морфемной структуры слова всегда является корень, к которому в определенной последовательности присоединяются аффиксы, занимающие по отношению к нему периферийное положение. Наиболее периферийным компонентом морфемной структуры слова является флексия, присоединяемая к основе слова.

Логика установления морфемной структуры слова такова: сначала устанавливаются наиболее периферийные элементы в морфемном строении слова (флексия отделяется от основы), затем членится основа, причем порядок сочетаемости морфем в основе обусловлен логикой развертывания «словообразовательной цепочки», в которую входит анализируемое слово. Поэтому при морфемном членении основы нужно начинать «с конца», с выделения тех аффиксов, которые были присоединены в последнюю очередь и дальше всего отстоят от корня.

Так, в слове *оттолкну(ть)* прежде всего отделяется флексия *-ть*. В основе слова морфемные связи таковы: к корню *толк-* сначала присоединяется суффикс *-ну-* (*толкать* → *толкнуть*), и лишь затем к полученному объединению морфем *толк-ну-(ть)* добавляется префикс *от-* (*толкнуть* → *оттолкнуть*).

Для наглядного обозначения системных связей между морфемами в основе Г. О. Винокур предложил использовать скобочную запись, аналогичную той, что применяется в математике при записи соотношения компонентов в алгебраических выражениях. Так, морфемная структура слова *оттолкнуть* может быть графически представлена таким образом:

$$[от\text{-}(толк\text{-}ну\text{-})] + \text{-}ть.$$

У прилагательного *писательский* иное соотношение значимых частей в морфемной структуре:

$$\{[(пис\text{-}а)\text{-}тель\text{-}]ск\text{-}\} + \text{-}ий.$$

Морфемная структура того или иного слова в ходе исторического развития языка может претерпевать различные изменения, к числу которых относятся:

1) п е р е р а з л о ж е н и е — изменение морфемных границ в слове; например, в глаголе *снять* исторически вычленялись префикс *сн-* и корень *я-* (ср. *взять*); теперь же в слове вычленяется префикс *с-* и корень *ня-* (ср. однокоренные глаголы *принять, отнять, нанять*);

2) о п р о́ щ е н и е — превращение членимой основы в нечленимую (*вкус* — этимологически связано с *кусать*; *кольцо* < **коло* ‘круг’);

3) у с л о ж н е н и е — превращение нечленимой прежде основы в членимую; так, слово *зонтик* (< гол. *zonnedek*) первоначально имело нечленимую основу, в которой затем, по

аналогии с исконно русскими словами типа *столик*, был выделен и суффикс *-ик*, и корень *зонт-*;

4) з а м е щ е н и е — замена одной морфемы другой без изменения общего значения слова; например, слово *солянка* (корень *сол'-*) первоначально имело вид *селянка* ('сельская еда' — корень *сел'-*).

Исторические процессы в русской морфемике изучаются в рамках исторического словообразования и этимологии (см. работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого, Н. М. Шанского и др.). Для изучения современного словообразования знание перечисленных явлений чрезвычайно важно в следующем отношении: их рассмотрение убеждает в том, что при установлении морфемной структуры слова необходимо опираться только на реально существующие в настоящее время формально-смысловые отношения между родственными словами, а не на данные предшествующих эпох в развитии языка.

Не следует думать, что граница между синхронией и диахронией при изучении морфемной структуры слова непременно относится к отдаленным эпохам. В практике морфемного анализа наблюдаются ошибки, обусловленные «этимологизированием» на современном материале. Так, было бы неверно в словах *пятилетка* и *сорвиголова* по аналогии с исходными сочетаниями *пяти лет* и *сорви голову* выделять флексию *-и-*. В указанных сложных словах произошла д е к о р р е л я ц и я, т. е. изменилась функциональная значимость морфем. В настоящее время морф *-и-* в словах типа *пятилетка, сорвиголова* уже не выражает никакого грамматического значения; он входит в состав постоянного элемента слова, т. е. основы, и является незначимой прокладкой между корневыми морфемами — интерфиксом. Рассмотрим еще один пример декорреляции: в причастии *трудящийся* суффикс *-ащ-* является словоизменительным, он входит в состав переменного компонента морфемной структуры слова — флексии (ср. *трудившийся*); однако в образованном от этого причастия существительном *трудящийся* суффикс *-ащ-* входит в состав основы (чтобы убедиться в этом, достаточно просклонять данное существительное) и является поэтому основообразовательным суффиксом.

МОРФОНОЛОГИЯ

Одной из проблем морфемики является изучение того, как формально приспосабливаются друг к другу сочетающиеся в слове морфемы. Например, при сочетании корня *рук-* с суффиксом *-н-* в корне наблюдается чередование фонем <к> и <ч>, а при сочетании того же корня с суффиксом *-аст-* в корне нет никаких чередований фонем; ср.: *рук(а)* — *руч-н(ой)*, но *рук-аст(ый)*.

Н. С. Трубецкой предложил выделить особую лингвистическую дисциплину — м о р ф о н о л о г и ю (< *морфо* + *фонология*). Предметом морфонологии является изучение фонологического строения морфем в составе слова и описание особенностей формального видоизменения морфем при словоизменении и словообразовании.

Соседние морфемы могут приспосабливаться друг к другу, используя следующие формальные средства: 1) чередования фонем и сочетаний фонем [*ух(о)* — *уш-к(о)*]; 2) вставку интерфикса [*лес-о-степь*]; 3) наложение морфем [*при-* + *-ид(у)* = *прид(у)*]; 4) усечение морфем [*пальто* + *-ишк(о)* = *пальтишк(о)*].

1. М о р ф о н о л о г и ч е с к и е ч е р е д о в а н и я (или альтернации) фонем — это не обусловленные фонетической позицией изменения фонемного состава алломорфов (*водить* — *вожу* — *вождение* — чередование <д'> // <ж> // <жд'>); подобные чередования являются дополнительным формальным средством, используемым как в словоизменении, так и в словообразовании. Чередования различаются:

1) по характеру чередующихся фонем — чередования г л а с н ы х (*ходить* — *расхаживать*) и с о г л а с н ы х (*пеку* — *печёшь*);

2) по позиции в морфеме — чередования на м о р ф е м н о м ш в е (*носить* — *ношу*) и в н у т р и м о р ф е м ы (*носит* — *вынашивает*);

3) по признаку продуктивности — п р о д у к т и в н ы е (*друг* — *дружеский*) и н е п р о д у к т и в н ы е (*друг* — *друзья*).

Важнейшие чередования г л а с н ы х:

1) «беглые» гласные <о>, <е> и <и>, чередующиеся с нулем звука (*сон* — *сна*, *лев* — *львица*, *лисий* — *лисьего*);

2) чередования фонем <о> // <а>, <и> // <е>, например, при видообразовании (*выбросить — выбрасывать*; *отпереть — отпирать*).

Важнейшие чередования с о г л а с н ы х:

1) по т в е р д о с т и / м я г к о с т и: <п> // <п'>, <б> // <б'>, <м> // <м'>, <в> // <в'>, <ф> // <ф'>, <т> // <т'>, <д> // <д'>, <н> // <н'> и др. (*толпа — толпиться, любовь — любить, дом — домик, лов — ловить, графа — разграфить, рота — о роте, сад — садить, урон — ронять*);

2) по с п о с о б у образования: <т> // <ч> // <ш'>, <д> // <ж>, <к> // <ч>, <г> // <ж> и др. (*свет — свечение — освещение*; *роды — рожать*; *скакать — скачки*; *луг — лужок*);

3) по м е с т у образования: <с> // <ш>, <з> // <ж>, <х> // <ш>, <ц> // <ч> (*бросать — брошу, воз — вожу, глухой — глуше, отец — отеческий*);

4) по к о л и ч е с т в у чередующихся фонем (фонема чередуется с сочетанием фонем): <п> // <пл'>; <б> // <бл'>; <м> // <мл'>; <в> // <вл'>; <ф> // <фл'>; <д> // <жд> // <жд'>; <ст> // <ш'>; <зд> // <ж'> (*сыпать — насыплем*; *столб — застолблю*; *корм — кормление*; *улов — уловленный*; *графа — разграфлять*; *роды — рождать — рождение*; *рост — выращенный*; *ездок — езжу*).

Для заимствованных морфем характерны специфические, несвойственные обычно исконно русским морфемам чередования типа <з> // <т'> (*невроз — невротический*), <с> // <т> (*рефлекс — рефлекторный*), <д> // <з'> (*претендовать — претензия*), <т> // <ц> (*провокатор — провокация*), <н> // <з'> (*экспонат — экспозиция*), <н> // <м> // <р> (ср. чередование в приставке: *инкриминировать — имперсональный — ирреальный*) и др.

В алломорфах одной морфемы нередко отмечаются многочленные р я д ы чередований фонем сразу по нескольким из перечисленных признаков:

<п> // <п'> // <пл'> (*покупать — купить — куплю*);

<м> // <м'> // <мл'> (*корм — кормить — кормлю*);

<т> // <т'> // <ч> // <ш'> (*свет — светить — свеча — освещение*);

<д> // <д'> // <ж> // <жд'> (*проводы — проводить — провожать — сопровождение*) и др.

2. Интерфиксация — это морфонологическое явление, заключающееся в том, что между двумя соседними морфами в составе слова вставляется незначимая прокладка — интерфикс, благодаря чему удается, в частности, избежать труднопроизносимых сочетаний фонем на морфемном шве (*небоскрёб, двухгодичный* и т. п.).

3. Наложение (или аппликация, интерференция) морфем — это частичное совмещение в структуре слова двух соседних морфов [*такси* + *-ист-* → *таксист*; *пальто* + *-ов*(*ый*) → *пальтовый*; *роз-ов*(*ый*) + *-оват-* → *розоватый*]. Разновидностью наложения является гаплология (слоговое наложение) — совмещение соседних одинаковых слогов, принадлежащих разным морфемам (*морфо* + *фонология* → *морфонология*).

4. Усечение морфем — это сокращение части корня или аффикса под влиянием присоединяемого словообразовательного аффикса. При этом следует различать усечение частичное (*пальто* → *пальтецо, пальтишко*) и полное (*итальянец* → *итальянка*; *социализм* → *социалист*).

РУССКАЯ МОРФЕМОГРАФИЯ (МОРФЕМНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ)

Морфемографией называется сравнительно новый раздел лексикографии, в рамках которого осуществляется составление морфемных словарей.

Различаются два типа морфемных словарей. В словарях морфем (иначе их называют морфемариями) представлен морфемный запас данного языка. В словарях морфемного членения (или морфемного строения) представлен морфемный состав конкретных слов данного языка.

«Словарь морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой (М., 1986) создан на основе изучения морфемной структуры около 52 000 наиболее употребительных русских слов. В итоге установлено приблизительно 5000 морфов, каждому из которых посвящена самостоятельная словарная статья. При этом алломорфы и варианты одной морфемы соотнесены друг с другом с помощью специальных перекрестных отсылок в словарных статьях. Например, в статье, посвя-

щенной корневому морфу *город-*, есть отсылки к словарным статьям *гора́ж-* (*выгораживать*), *горож-* (*горожанин*), *град-* (*ограда, награда*) и *гражд-* (*гражданин, ограждение*). Словарная статья содержит перечень всех слов из числа изученных, которые включают данный морф. Семантика морфов не указывается, поэтому в некоторых случаях проводится чисто формальный принцип выделения и отождествления морфов (так, однокоренными признаются слова *город* и *награда*, *забава* и *избавить*, *белка* и *белуга*).

Морфы распределены по трем типам: корни, префиксы и суффиксы, каждому типу посвящен особый раздел словаря, в рамках которого морфы представлены в алфавитном порядке. «Корневая» часть содержит более 4400 морфов, «префиксальная» — 73 морфа (плюс условно выделяемый в любом бесприставочном слове типа *адрес, гроза* «нулевой» префикс — еще одно нестандартное решение авторов словаря); в «суффиксальной» части содержится около 500 морфов. Постфиксы, интерфиксы и флексии в словаре специально не рассматриваются[1]. В приложениях к словарю содержатся перечни корневых морфов (сведенных к морфемам), наиболее употребительных корней, суффиксов и префиксов, омонимичных корней, а также указатель наиболее продуктивных моделей морфемного состава слов и др.

Авторитетным словарем морфемного членения русских слов является «Морфемно-орфографический словарь русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1996). В словаре показано морфемное членение около 100 000 русских слов. Слова приведены в алфавитном порядке. Словарная статья содержит обычно только слово, разбитое на морфы (***авто|по|гру́з|чик|*** — вертикальная черта после слова указывает на нулевую флексию). Однако нередко словарная статья включает и дополнительную информацию. Так, если йотированным буквам соответствуют звуки, относящиеся к разным морфемам, в словарной статье содержатся соответствующие уточнения к графической записи слова (***прав|о|наруш|е́ни|е*** [й/э] — таким

[1] Необходимо иметь в виду, что отсутствующую в данном словаре информацию о составе и употреблении интерфиксальных, постфиксальных и флективных морфем русского языка можно получить в указателе служебных морфем, включенном в академическую «Русскую грамматику» (М., 1980. Т. 1. С. 754—762).

образом показано, что в данном слове выделяется суффикс *-ений-* и окончание *-э*). При членении слов со связанными корнями словарная статья содержит отсылки к однокоренным словам (***за|мк|ну́|ть*** — ср. *ото|мк|ну́|ть*; ***аван|га́рд|*** — ср. *арьер|га́рд|*). В ряде случаев показаны варианты морфемного членения, при этом каждый раз дается соответствующее обоснование (ср.: ***атлет|и́ческ|ий***[1] — от *атле́т|* и ***атлет|и́ч|еск|ий***[2] — от *атле́т|ик|а*). Ср. также различное морфемное членение близких по звучанию слов, относящихся к разным частям речи (***ве́|я|нн|ый***, *прич.* и ***ве́|я|н|ый***, *прил.*) или же различающихся словообразовательными связями (***под|ме́ш|а|нн|ый*** — от *под|меш|а́|ть* и ***под|ме́ш|енн|ый*** — от *под|мес|и́|ть*).

Сведения о морфемном членении наиболее употребительных русских слов содержатся и в «Словаре-справочнике по русскому языку. Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов» под ред. А. Н. Тихонова (М., 1995). Как ясно из названия данного словаря, каждое слово в нем (а объем словника — 26 000 лексических единиц) характеризуется с разных точек зрения, в том числе и в плане его морфемного строения: словарная статья завершается сведениями о морфемном членении данного слова.

Словообразование

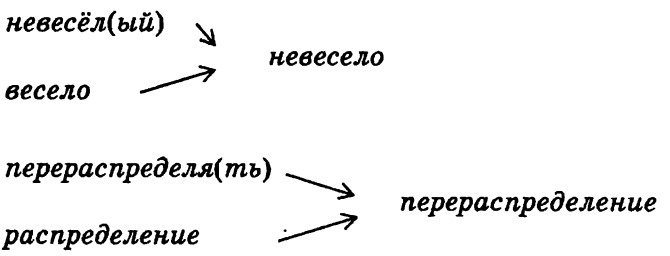
ПРЕДМЕТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ

С л о в о о б р а з о в а н и е изучает образование (или д е р и в а ц и ю < лат. *derivatio* — образование) слов от родственных, однокоренных слов и описывает установившееся формально-смысловое соотношение между производящим и производным [*школ(а)* → *школь-н(ый)*; *город* → *город-ок*]. Следовательно, термином «словообразование» обозначается и система словообразовательных отношений в языке, и раздел языкознания, изучающий эти отношения.

Основным понятием словообразования является понятие производности. Под п р о и з в о д н о с т ь ю понимается такое соотношение между однокоренными словами, когда форма и значение одного слова непосредственно предопределены (мотивированы) формой и значением другого слова или нескольких слов (*лес* → *лесной*; *Московский государственный университет* → *МГУ*).

Слово, не мотивированное по форме и смыслу другими словами, например существительное *лес*, называют н е п р о и з в о д н ы м (непроизводной называют и основу такого слова). Слово, основа которого мотивирована по форме и значению основой другого слова (или основами нескольких слов), называется п р о и з в о д н ы м (или д е р и в а т о м). Так, производными являются слова *лесной, лесистый, лесник* и др., для которых слово *лес* является п р о и з в о д я щ и м. Обычно у производного слова устанавливается какое-либо одно производящее (***студент*** → *студентка*; ***петь*** → *пропеть*). Однако иногда сразу несколько производящих мотивируют форму и значение деривата (***пять этажей*** → *пятиэтажный*; ***юг, запад*** → *юго-запад*). Специальным термином «производящее» обозначается и одна производящая основа, и несколько таких основ, если они мотивируют один дериват.

Разграничивается производность единственная и неединственная (множественная). При е д и н с т в е н н о й производности, наиболее типичной для русского словообразования, дериват мотивирован вполне определенным производящим: конкретной производящей основой или несколькими основами (*слон* → *слониха*; *заведующий магазином* → *завмаг*). При н е е д и н с т в е н н о й (или множественной) производности дериват по форме и смыслу может быть с равными основаниями соотнесен с несколькими производящими:



Необходимо четко различать словообразовательный анализ современного слова и этимологический анализ того же слова. Этимологический анализ связан с этимологией (наука о происхождении слов) и позволяет установить, когда и каким образом в языке образовалось то или иное производное слово, как менялись его формально-смысловые связи с родственными словами, как развивалась его морфемная и словообразовательная структура.

Словообразовательный анализ устанавливает лишь обнаруживаемые в настоящее время, в современном русском языке, отношения между родственными словами и не учитывает этимологических связей, утраченных в ходе развития языка. Например, слово *знамя* с точки зрения этимологического анализа восходит к древнерусскому глаголу *знати* (ср. совр. *знать*); одним из значений глагола *знати* некогда было 'отличать', поэтому происхождение существительного *знамя*, обозначающего 'прикрепленное к древку полотнище, служащее отличительным знаком воинского соединения', исторически вполне объяснимо. Но результаты этимологического анализа не имеют значения для словообразовательного анализа того же слова, которое в современном русском языке воспринимается как непроизводное, не соотносимое с другими словами, более простыми по форме и строению. Очевидно, что смысловые связи между глаголом *знать* и существительным *знамя* давно утрачены, поэтому эти слова уже никем не истолковываются как родственные, находящиеся в отношениях словообразовательной производности.

Словообразование современного русского языка — сравнительно молодая отрасль языкознания. Важную роль в ее становлении сыграли исследования Ф. Ф. Фортунатова, разграничившего формы словоизменения и словообразования. Большое значение для развития теории и практики словообразовательного анализа имели труды В. А. Богородицкого, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова. Анализ словообразовательных отношений между словами лишь в 50-е годы XX в. (см. работы Н. М. Шанского) был четко отграничен как от этимологического, так и от морфемного анализа слова.

Словообразовательная система русского языка в настоящее время изучается как с позиций словообразовательного анализа, так и в плане синтеза словообразовательных отношений.

Словообразовательный а н а л и з — наиболее активно разрабатываемое (и, можно сказать, уже традиционное) направление изучения строения русского слова. В ходе синхронного словообразовательного анализа описывается структура производных слов, определяется способ их образования, устанавливаются их формально-семантические связи с родственными словами. Исчерпывающий анализ русской словообразовательной системы на материале самых полных словарей русского языка представлен в академической «Русской грамматике» (М., 1980. Т. 1. Авторы раздела — В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) и в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1985).

Что касается словообразовательного с и н т е з а, то это относительно новое, выделившееся в 70-е годы XX в. (см. исследования И. Г. Милославского) направление в изучении словообразовательных отношений. Словообразовательный синтез опирается на выводы и положения словообразовательного анализа: используются такие понятия, разработанные в рамках аналитического направления, как «морфема», «производность», «производное слово» и др.

Однако по своим целям словообразовательный синтез отчетливо противопоставлен анализу. Основные задачи научных исследований с позиций словообразовательного синтеза таковы:

1) определение правил толкования значений членимых слов с опорой на представления о семантике морфем, составляющих то или иное слово; в частности, толкование лексического значения глагола *прибежать* ‘достигнуть какого-л. места бегом’ непосредственно вытекает из толкования значений входящих в него морфем: корня *беж-* (характеризующего такие, например, слова, как *бежать, бегать, бегун, бег*, и имеющего значение ‘двигаться быстро, резко отталкиваясь ногами от земли’) и префикса *при-* (имеющего значение приближения к какому-либо пространственному ориентиру: *привезти, приплыть* и т. п.);

2) установление закономерностей выбора конкретного словообразовательного средства, используемого при образовании того или иного производного слова с определенным (заданным) словообразовательным значением (например, глаголов, передающих значение начала действия: *за-петь, по-бежать, воз-ненавидеть, раз-рыдать-ся* и др.).

К настоящему времени задачи словообразовательного синтеза решены еще не в полном объеме; есть, как показывают специальные исследования, и неразрешимые для современного состояния науки проблемы словообразовательного синтеза. Поэтому в учебной литературе система русского словообразования по традиции более подробно рассматривается с точки зрения а н а л и з а, а не синтеза.

ВИДЫ ДЕРИВАТОВ

Принято различать дериваты системные (языковые) и контекстуальные (речевые). С и с т е м н ы е дериваты («реальные» слова) построены в строгом соответствии со словообразовательными законами языка и фиксируются в толковых и иных словарях (*писатель, самозабвенный, прочитать*). Такие дериваты не создаются говорящими в процессе коммуникации, а воспроизводятся ими в готовом виде, «извлекаются» из словарного запаса, хранящегося в памяти.

Среди к о н т е к с т у а л ь н ы х дериватов, образуемых говорящим в речи по мере надобности, различают потенциальные слова и окказионализмы.

П о т е н ц и а л ь н ы е с л о в а — это обычно не фиксируемые словарями дериваты типа *самозакрепощение, возражатель, проинтегрировать*, создаваемые в случае необходимости в спонтанной речи по образцам высокопродуктивных словообразовательных типов. Значение потенциального слова без труда понимается всеми, так как является простой суммой значений входящих в основу морфем.

О к к а з и о н а л и з м ы — это авторские неологизмы, созданные в разговорной или художественной речи с нарушением словообразовательных закономерностей и поэтому четко противопоставленные как «реальным», так и потенциальным словам (что делает окказионализмы ярким стилистическим средством, широко используемым, например, в поэзии). Ср. отсутствующие в самых полных словарях русского языка окказионализмы поэта В. Хлебникова, много экспериментировавшего со словом: *самогнанец* ‘тот, кто гонит сам себя’ (*Самогнанцы в даль, в чужбу...*), *проум* ‘предвидение’, *всегорлый* (от *все* и *горло*) и др.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДЕРИВАТА

Основной задачей словообразовательного анализа является установление словообразовательной структуры деривата. Словообразовательная структура — это соотношение в основе деривата двух элементов: а) производящего (т. е. производящей основы или нескольких таких основ); б) дериватора (или словообразовательного форманта). Например, в основе деривата *книжечк(а)* выделяются производящее *книж-* и дериватор *-ечк-*.

Производящая основа может быть представлена в основе деривата как в полном виде [*чита(ть)* → *чита-тель*; *север* + *восток* → *северо-восток*], так и в усеченном [*высок(ий)* → *выс-от(а)*; *районный магазин* → *раймаг*]. Помимо усечения производящей основы (основ), может также наблюдаться чередование в конце производящей основы (*рука* → *ручка*) и некоторые другие морфологические явления, связанные с взаимоприспособлением производящего и дериватора друг к другу (см. раздел «Морфонология»).

Дериватором называется элемент словообразовательной структуры, представляющий собой конкретное средство, с помощью которого данное производное слово образовано от производящего. Различаются дериваторы аффиксальные, безаффиксные и смешанные.

Аффиксальные дериваторы — это:

1) аффиксы, т. е. суффиксы (*смелость, перечитывать*), префиксы (*праязык, договорить*) и постфиксы (*учиться, кто-нибудь*);

2) сочетания аффиксов (или циркумфиксы), т. е. префикс + суффикс (*подоконник*), префикс + постфикс (*разбежаться*), суффикс + постфикс [*гордиться* (ср. *гордый*)], префикс + суффикс + постфикс [*перешучиваться* (ср. *шутить*)].

Безаффиксными (или операционными) дериваторами принято считать следующие операции, осуществляемые над производящими основами:

1) сокращение производящей основы (*заведующий* → разг. *зав*);

2) сложение нескольких производящих основ (при их возможном усечении), сопровождающееся жесткой фиксаци-

ей их последовательности в пределах производной основы и единым ударением (*лотерея автомобилей и мотоциклов* → *автомотолотерея*);

3) замена флексии при основе и соответствующее сужение словоизменительной парадигмы [прил. *столовый, столовая, столовое* (изменяется по родам, числам, падежам) → сущ. *столовая* (изменяется только по числам и падежам)].

С м е ш а н н ы е дериваторы — это единство аффиксальных и безаффиксных средств словообразования в пределах одного и того же деривата: например, сложение основ и суффиксация (*старшеклассник* ← *старший, класс* + *-ник*).

Характер дериватора важен для разграничения способов словообразования.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Способами словообразования называются типы выражения деривационных отношений с помощью определенных дериваторов, а также сами классы производных слов, устанавливаемые с учетом характера дериватора.

В. В. Виноградов, предложивший первую в русистике развернутую классификацию способов словообразования в русском языке, разграничивал четыре способа:

1) м о р ф о л о г и ч е с к и й (точнее было бы сказать — морфемный, т. е. аффиксальный) способ со следующими разновидностями: суффиксальный (*прокат* → *прокатчик*), префиксальный (*бежать* → *побежать*), суффиксально-префиксальный (*стакан* → *подстаканник*), бессуффиксный (*глухой* → *глушь*);

2) л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и й способ — «расщепление» многозначного слова на омонимы (*титан*[1] ‘сильная, героическая личность’ → *титан*[2] ‘большой кипятильник для воды’);

3) л е к с и к о - с и н т а к с и ч е с к и й способ словообразования — сращение в одно слово двух или нескольких лексических единиц (*спаси Бог* → *спасибо*);

4) м о р ф о л о г о - с и н т а к с и ч е с к и й способ словообразования — переход слова из одной части речи в другую (дееприч. *благодаря* → предл. *благодаря*).

Эта система была затем развита и дополнена, вошла в школьные и вузовские учебники. Однако в 60—70-е годы XX в. классификация способов словообразования была радикально пересмотрена (см. работы В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Е. А. Земской): многие случаи лексико-семантического, лексико-синтаксического и морфолого-синтаксического словообразования признаны фактами истории языка, а не его синхронного состояния. Названными учеными были обоснованы принципы классификации способов словообразования с точки зрения синхронии.

С учетом характера дериваторов в современном русском языке можно разграничить следующие способы словообразования:

1) а ф ф и к с а л ь н ы е: префиксальный, суффиксальный (в том числе нулевая суффиксация), постфиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный;

2) б е з а ф ф и к с н ы е — с дериватором «операционного» типа: конверсия, сокращение, сложение (в том числе чистое сложение, аббревиация, словосложение, сращение);

3) с м е ш а н н ы е (единый комплекс аффиксальных и безаффиксных средств в качестве дериватора): префиксально-сложный, суффиксально-сложный, сложение с префиксацией и суффиксацией, сращение суффиксацией, сокращение с суффиксацией, сокращение с префиксацией и суффиксацией.

Рассмотрим подробнее каждый из способов словообразования.

Аффиксальные способы словообразования

1. П р е ф и к с а л ь н ы й способ словообразования (или префиксация) — один из основных аффиксальных способов словообразования. Дериватором является префикс. При префиксации производящее и производное относятся всегда к одной части речи (*чемпион → экс-чемпион*; *история → предыстория*; *интересный → преинтересный*; *естественный → противоестественный*; *жить → прожить*; *бежать → выбежать*; *ныне → поныне*; *сколько → несколько*; *много →*

немного; *кто* → *кое-кто*; *что* → *ничто*). Данный способ словообразования используется при образовании дериватов всех самостоятельных частей речи.

2. С у ф ф и к с а л ь н ы й способ словообразования (или суффиксация) — наиболее продуктивный аффиксальный способ словообразования, при котором дериватором является суффикс. Характерен для образования существительных (*читать* → *читатель*; *храбрый* → *храбрец*; *пулемёт* → *пулемётчик*), прилагательных (*медь* → *медный*; *синий* → *синенький*; *линять* → *линялый*), глаголов (*автор* → *авторизовать*; *хромой* → *хромать*; *запеть* → *запевать*), наречий (*быстрый* → *быстро*; *дом* → *до́ма*; *рано* → *рановато*), числительных (*пять* → *пятеро*), модальных слов (*вероятный* → *вероятно*), реже — междометий (*спасибо* → разг. *спасибочки*).

Разновидностью данного способа является н у л е в а я с у ф ф и к с а ц и я, когда в качестве дериватора выступает так называемый нулевой словообразовательный суффикс. О данном типе нулевых аффиксов можно говорить в том случае, если анализируемое слово воспринимается как производное от какого-либо однокоренного слова, причем в других словах то же словообразовательное отношение бывает выражено «обычными» (не нулевыми) словообразовательными суффиксами (нулевых словообразовательных префиксов не бывает).

Нулевой словообразовательный суффикс выделяется, например, в основах слов *супруга*, *раба* [*супруг-ø*(*а*), *раб-ø*(*а*)], поскольку значение таких слов выводится из значения производящих слов *супруг*, *раб*, а различие в значениях данных слов обычно выражается словообразовательными суффиксами [ср.: *артист-к*(*а*), *учитель-ниц*(*а*), *пловч-их*(*а*), *раб-ын*(*я*)].

Нулевой словообразовательный суффикс имеют в своей основе также отадъективные (т. е. образованные от прилагательных) существительные типа *сушь* ← *сух*(*ой*); *тишь* ← *тих*(*ий*) [эти дериваты имеют одновременно нулевой словообразовательный суффикс, входящий в основу, и нулевую флексию: *суш-ø*(*ø*), *тиш-ø*(*ø*); ср.: *сыр-ость*(*ø*), *тиш-ин*(*а*)]. Нулевая аффиксация отмечается также в отадъективных словах типа *интеллектуал-ø*(*ø*) ← *интеллектуальный*; *нейтрал-ø*(*ø*) ← *нейтральный* со словообразовательным значением ‘лицо,

характеризуемое признаком, названным производящей основой' [ср.: *добр'-ак(ø)*, *глуп'-ец(ø)*]; в отвлеченных отглагольных существительных типа *полив-ø(ø)* ← *поливать*; *переход-ø(ø)* ← *переходить* [ср.: *полив-к(а)*, *бор'-б(а)*]; в отглагольных существительных типа *балагур-ø(ø)* ← *балагурить*; *заик-ø(а)* ← *заикаться* [ср.: *руководи-тель(ø)*, *говор-ун(ø)*]. При словообразовании других частей речи нулевая суффиксация используется реже. Отмечается, например, нулевой словообразовательный суффикс в основах прилагательных *золот-ø(ой)*, *свин-ø(ой)* [ср.: *мед-н(ый)*, *кон-ск(ий)*]; в порядковых числительных типа *пят-ø(ый)* [ср. *тр-ет(ий)*].

Нулевая суффиксация часто сочетается с другими словообразовательными средствами, например с префиксацией [*голова* → ***без-голов-ø(ый)***; ср. *хребет* → ***бес-хребет-н(ый)***], сложением [*вод-о-провод-ø(ø)*; ср. *вод-о-кач-к(а)*] и др.

3. Постфиксальный способ словообразования (или постфиксация) — это высокопродуктивный аффиксальный способ образования глаголов (*ссорить* → ***ссориться***); используется также при образовании неопределенных местоимений (*что* → ***что-то***; *какой* → ***какой-либо***; *сколько* → ***сколько-нибудь***) и наречий (*куда* → ***куда-то***). Дериватором является словообразовательный постфикс.

4. Префиксально-суффиксальный способ словообразования характерен для производных слов, в которых в качестве дериватора используется функциональное единство префикса и суффикса. Этот способ словообразования реализуется при образовании существительных [*смысл* → ***бессмыслиц(а)***; *служи(ть)* → ***сослуживец***; *стар(ый)* → разг. ***перестарок***], прилагательных [*дар* → ***бездарн(ый)***; *избежа(ть)* → ***неизбежн(ый)***; *слеп(ой)* → ***подслеповат(ый)***], глаголов [*жир* → ***обезжири(ть)***; *пе(ть)* → ***припева(ть)***], наречий [*нов(ый)* → ***по-новому***; *бел(ый)* → ***добела***; *встреч(а)* → ***навстречу***; *пятер(о)* → ***впятером***; *догоня(ть)* → ***вдогонку***].

5. Префиксально-постфиксальный способ словообразования — это такой аффиксальный способ образования глаголов, когда в качестве дериватора используется функциональное единство префикса и постфикса (*смотреть* → ***всмотреться***; *спать* → ***выспаться***).

6. Суффиксально-постфиксальный способ словообразования — это аффиксальный способ образования

глаголов, при котором дериватором служит функциональное единство суффикса и постфикса [*петух* → *петуши(ть)ся*; *присес(ть)* → *присажива(ть)ся*].

7. Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ словообразования — это аффиксальный способ образования глаголов, когда в качестве дериватора используется функциональное единство префикса, суффикса и постфикса [*шути(ть)* → *перешучива(ть)ся*; *блужда(ть)* → *заблуди(ть)ся*].

Безаффиксные (операционные) способы словообразования

1. Субстантивация — это безаффиксный способ словоообразования отадъективных существительных, при котором средством выражения словообразовательных отношений является коренное изменение грамматических признаков производного слова по сравнению с производящим. К числу таких признаков относится частеречное (общекатегориальное) значение и особенности словоизменения (в частности, уменьшение количества грамматических форм слова). Так, от прилагательного *суточный*, изменяющегося по родам, числам и падежам (*суточная, суточное, суточные, суточному, суточным* и т. д.), образуется существительное — субстантиват *суточные*. Это существительное имеет окончания прилагательного, но по своим грамматическим свойствам принципиально отличается от прилагательных, так как обозначает не признак предмета, а предмет и не изменяется по числам и родам, всегда выступая в форме множественного числа. Еще примеры субстантивации: прилагательное *перевязочный* → субстантиват *перевязочная* 'помещение для перевязок в медицинском учреждении'; прилагательное *учительский* → субстантиват *учительская* 'комната для отдыха учителей в школе'; прилагательное *заливной* → субстантиват *заливное*.

2. Сокращение — это безаффиксный способ словообразования, при котором дериватором является усечение производящей основы. Сокращениями называют и соответствующие производные слова: существительные (*фото* ← *фотография*; разг. *диссер* ← *диссертация*), несклоняемые прилага-

тельные (*авиа* ← *авиационный*; *беж* ← *бежевый*[1]), неспрягаемые глаголы [*хлоп* ← *хлопнуть*(*ся*), *бряк* ← *брякнуть*(*ся*)].

3. Сложение — это обобщенное наименование для нескольких безаффиксных способов словообразования, при которых производящее представлено двумя или более основами, а дериватором считается строго фиксированный порядок расположения производящих основ в структуре деривата и единое основное ударение. Разновидностями сложения являются: чистое сложение, аббревиация, сращение, сложносоставной способ словообразования.

Чистое сложение (сложение в узком смысле) — это объединение в составе производной основы нескольких производящих основ в полном (неусеченном) виде, обычно сопровождаемое интерфиксацией (*Волгоград, грязеводолечебница, сорвиголова*), реже — без интерфиксов (*Новгород, пятьдесят*). Путем сложения образуются существительные, прилагательные, глаголы и числительные (*звукорежиссёр, небесно-голубой, самовоспламеняться, семьсот*). Соответствующие дериваты также называют сложениями.

Аббревиация (или сложносокращенный способ словообразования) — это образование существительного на базе сочетания слов, основы которых входят в состав производной основы в усеченном виде (*госкомитет* ← *государственный комитет*). Дериваты, полученные указанным способом, называются аббревиатурами, или сложносокращенными словами. Аббревиатура обычно синонимична исходному словосочетанию. Различаются следующие типы аббревиатур:

1) буквенные — сложение названий начальных букв в производящих основах [*МПГУ* (произносится как [эм-пэ-гэ-у́]) ← *Московский педагогический государственный университет*];

2) фонемные — сложение начальных фонем производящих основ [*РАН* (произносится как [ра́н]) ← *Российская академия наук*];

3) буквенно-фонемные — например, в аббревиатуре *ЦСКА* [цэ-эс-ка́] ← *Центральный спортивный клуб армии* объеди-

---

[1] Интересно, что с этимологической точки зрения русское прилагательное *бежевый* происходит от заимствованного из французского языка прилагательного *беж* (*beige*). Но в современном русском языке соотношение прямо противоположное: книжное прилагательное *беж* (нескл.) воспринимается как производное от общеупотребительного *бежевый*.

нены названия букв *ц* [цэ] и *с* [эс], а также фонемы <к> и <а>, произносимые вместе как [ка];

4) слоговые — результат объединения начальных частей производящих основ (*профком* ← *профсоюзный комитет*);

5) фонемно-слоговые (*ИМЛИ* ← *Институт мировой литературы*);

6) слого-словные — объединение начального элемента одного слова с другим словом, представленным в полном виде (*Госдума* ← *Государственная Дума*);

7) слого-словоформные — объединение начального элемента одного слова с падежной формой другого слова (*завбазой* ← *заведующий базой*);

8) слоговые «телескопические», так называемые начально-конечные (*мопед* ← *мотоцикл* + *велосипед*).

Сложносоставной способ словообразования (или словосложение) — это разновидность сложения, представляющая собой образование производных слов путем объединения производящих слов целиком, вместе с флексиями (*музей-квартира, диван-кровать, выставка-продажа*).

Сложносоставные слова занимают промежуточное положение между целостным дериватом и сочетанием слов. Обладая цельнооформленностью, они в то же время характеризуются значительной формальной и смысловой автономностью компонентов, многие из которых сохраняют способность к склонению в рамках деривата (ср.: *ракета-носитель, ракеты-носителя, ракете-носителю*). Сложносоставным способом образуются составные существительные (*платье-костюм, Александр Сергеевич Пушкин*) и числительные (*двадцать пять, сто сорок шесть*).

Сращение — это еще одна разновидность сложения, представляющая собой образование адъективных и глагольных дериватов на базе сочетания слов и словоформ, связанных подчинительными отношениями (*фосфорсодержащий* ← *содержащий фосфор*; *умалишённый* ← *лишённый ума*; книжн. *благотворить* ← *творить благо*). Сращениями принято называть и соответствующие дериваты. При анализе сращений нужно иметь в виду, что аффиксы типа *-а-* в *умалишенный*, *-о-* в *благотворить*, являвшиеся в составе производящего флексиями — показателями подчинительной связи, в структуре деривата входят в основу и служат номинативно незначимыми соединительными прокладками — интерфиксами.

Смешанные способы словообразования

1. Префиксально-сложный способ словообразования (или сложение с префиксацией) — это смешанный способ адъективного и глагольного словообразования, когда сложение производящих основ сопровождается префиксацией (*умиротворить* ← *мир, творить* + *у-*; *иссиня-чёрный* ← *синий, чёрный* + *из-*).

2. При суффиксально-сложном способе словообразования (называемом также сложением с суффиксацией) сложение производящих основ сопровождается суффиксацией. Этот способ используется при образовании существительных, прилагательных и наречий. Ср.: *мореплаватель* ← *море, плавать* + *-тель*; *скалолаз* ← *скала, лазить* + нулевой словообразовательный суффикс со значением лица (ср. значение суффикса *-тель* в *мореплаватель*); *мясорубка* ← *мясо, рубить* + *-к-*; *левобережный* ← *левый, берег* + *-н-*; *белозубый* ← *белый, зуб* + нулевой словообразовательный суффикс с признаковым значением (ср. значение суффикса *-н-* в *левобережный*); разг. *самоходом* ‘двигаясь своим ходом, без дополнительной тяги (о движущихся механизмах и средствах передвижения)’ ← *сам, ходить* + *-ом*.

3. Префиксально-суффиксально-сложный способ словообразования — это сложение производящих основ, которое сопровождается одновременно префиксацией и суффиксацией (*повсеместный* ← *все места* + *по-* + *-н-*).

4. Сращение с суффиксацией — это такой смешанный способ словообразования, при котором сращение элементов производящей базы сопровождается суффиксацией (*ничегонеделание* ← *ничего не делать* + *-ниj-*; *немогузнайка* ← *не могу знать* + *-к-*; *потусторонний* ← *по ту сторону*; *сногсшибательный* ← *сшибать с ног* + *-н-*).

5. Сокращением с суффиксацией называется смешанный способ образования существительных, при котором сокращение производящей основы сопровождается суффиксацией (разг. *ве́лик* ← *велосипед*; разг. *те́лик* ← *телевизор*; разг. *му́льтик*, прост. *обща́га*).

6. Сокращение с префиксацией и суффиксацией — это смешанный способ образования прилагатель-

ных типа разг. *бесхозный* 'не имеющий хозяина', когда к сокращенной производящей основе (*хоз-*, ср. *хозяин*) прибавляются одновременно префикс и суффикс.

ФУНКЦИИ ДЕРИВАТОРОВ И ВИДЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

С семантической точки зрения словообразовательная структура представляет собой системное единство значений производящего и дериватора. Значение дериватора называется словообразовательным значением. Это одно из центральных понятий словообразования. Вопрос о словообразовательных значениях и их видах необходимо рассматривать в более широком контексте, в связи с разграничением функций, присущих дериваторам.

Е. А. Земская разграничила пять основных функций, которые может выполнять словообразовательное средство, и, соответственно, пять видов словообразования: номинативное, экспрессивное, стилистическое, конструктивное (синтаксическое) и компрессивное словообразование.

1. Номинативное словообразование характерно для таких дериватов, которые создаются, когда возникает необходимость дать наименование какой-либо новой реалии (ср. неологизм *луноход*, появившийся в 60-е годы XX в. на определенном этапе изучения Луны, или слово *компьютеризация*, вошедшее в наш лексикон с середины 80-х годов). Номинативное словообразование имеет место также, если необходимо дать новое имя известной уже реалии (таков получивший распространение с 60-х годов XX в. разговорный дериват *показуха* 'видимость благополучия, успешной деятельности'). При номинативном словообразовании реализуется собственно номинативная функция словообразовательных средств (префиксов, суффиксов и т. п.), т. е. семантическая структура дериватa приобретает новые номинативные элементы значения по сравнению с производящими.

При анализе номинативных словообразовательных значений необходимо учитывать различия в степени их отвлеченности. Разграничиваются словообразовательные значения конкретные [ср. 'детскость' в *слон-ёнок*, 'женскость' в *зайч-их(а)*] и отвлеченные [ср. словообразовательное

значение ‘предмет, характеризующийся признаком, названным производящей основой’ в разных по значению существительных с суффиксом *-к-*: *зачётная* (*книжка*) → *зачётка*; *многотиражная* (*газета*) → *многотиражка*; *сезонный* (*проездной билет*) → *сезонка*].

Не менее важным является разграничение номинативных словообразовательных значений модификационного и мутационного типов.

М о д и ф и к а ц и о н н ы е словообразовательные значения способствуют лишь частичной модификации понятия, выражаемого производящим. Так, в словообразовательной паре *тигр* → *тигрёнок* суффикс имеет модификационное значение ‘невзрослость (детскость)’, и присоединение суффикса *-ёнок-* к производящей основе лишь модифицирует, уточняет лексическое значение производящей основы (*тигрёнок* ‘невзрослый тигр, детеныш тигра’). В прилагательном *синеватый* (← *синий*) выделяется суффикс *-еват-* с модификационным значением ‘неполнота проявления признака’. Глагол *перебежать* имеет значение, лишь несколько модифицированное по сравнению со значением производящего глагола *бежать*; следовательно, приставка *пере-* имеет модификационное словообразовательное значение ‘действие, названное производящим глаголом, направить из одного места в другое’. Приведем характерные примеры модификационных словообразовательных значений:

‘довести до результата действие, названное производящим глаголом (результативность)’: *вскипятить, вылечить, зарезервировать, измерить, позавтракать, приготовить, продемонстрировать, разбудить, сделать, урегулировать*;

‘отрицание (негация)’: *неправда, антигерой, денационализация, бессмыслица*;

‘женскость’: *студентка, мастерица, ткачиха, поэтесса*, разг. *редакторша*;

‘собирательность’: *человечество, интеллигенция, аппаратура, зверьё*;

‘единичность (сингулятивность)’: *горошина, бумажка, икринка*.

М у т а ц и о н н ы е словообразовательные значения устанавливаются в таких дериватах, которые по выражаемому ими понятию радикально отличаются от производящего слова: в

производном как бы осуществляется «мутация» лексического значения производного слова. Например, мутационным словообразовательным значением 'принадлежность' обладает аффикс *-ин-* в прилагательном *тигриный* (← *тигр*), поскольку *тигриный* обозначает не некую разновидность предметного понятия, выражаемого словом *тигр*, а совсем иное, признаковое понятие. Мутационное значение 'предмет, охарактеризованный по признаку, названному производящим' устанавливается у существительного *синяк* (← *синий*); мутационное значение 'лицо, характеризуемое по действию, названному производящим' можно обнаружить у аффикса, с помощью которого образуется существительное *перебежчик* (← *перебежать*). Другие примеры мутационных словообразовательных значений:

'лицо — производитель действия + женскость': отглагольные суффиксальные существительные типа *стряпуха, гадалка, швея*;

'предмет — объект или орудие действия, названного производящим': отглагольные суффиксальные существительные *набросок, подкидыш, адресат*;

'место действия, названного производящим': *спальня, училище, раздевалка*;

'создавать предмет, названный производящим': отсубстантивные (образованные от существительных) глаголы *группировать, сгрудить, рубцеваться*;

'наделять предметом, названным производящим': отсубстантивные глаголы *пудрить, асфальтировать, спиртовать, седлать*;

'лишить предмета, названного производящим': отсубстантивные глаголы *обезжирить, разоружить, распоясать*.

2. Экспрессивное словообразование отличается от номинативного тем, что с помощью дериватора передается не номинативное значение, а то или иное субъективное отношение говорящего (например, к слушающему). Ср. экспрессивные субъективно-оценочные дериваты *ручка, ножища* в контекстах типа *Целую ручки*; *Вытирайте ваши ножищи* (речь в таких высказываниях обычно идет не о реальных размерах рук и ног; говорящий выражает свое галантное или же неодобрительное отношение к адресату).

Нередко конкретные средства выражения собственно номинативной и субъективно-модальной функций словообразо-

вания совпадают. Например, дериват *ручища* может обозначать и большую руку (*У него огромные ручищи*), и просто руку (может быть, объективно даже небольшую). Так, мать может сердито сказать ребенку, который пытается взять сладкое перед обедом: *Убери немедленно свои ручищи!* Следовательно, конкретная функция дериватора — номинативная или экспрессивная — часто уточняется лишь в контексте. Есть, однако, и такие дериваторы, которые имеют только экспрессивную функцию: ср. негативно-оценочное значение субстантивных суффиксов *-ан-*, *-енциj-* (*старикан, книженция*).

Основными словообразовательными значениями экспрессивного типа являются:

'ласкательность' (*дядечка, тётенька, матушка, берёзка, Игорёк, Ванечка, Наташенька, Пашутка, Ириша, Веруня, мамуля, бабуся, свиданьице*);

'уничижительность' — в двух разновидностях: 'уничижительность + уменьшительность' (*городишко, делишки, речушка, ручонка, рыбёшка*); 'уничижительность + увеличительность' (*дурачина, теснотища*).

Экспрессивные словообразовательные значения не изменяют радикальным образом семантическую структуру деривата по сравнению с производящим, поэтому являются значениями модификационного (а не мутационного) типа.

3. Стилистическое словообразование — это образование таких дериватов, которые тождественны по лексическому значению своим производящим, но резко отличаются от них стилистической окраской, т. е. закрепленностью за иной функциональной сферой русского языка. Стилистическим дериватом является, например, разг. *тетрадка*, образованное от нейтр. *тетрадь*; ср. также: разг. *селёдка* ← *сельдь*; разг. *сковородка* ← *сковорода*; *телик* ← *телевизор*; книжн. *лисица* ← *лиса*.

4. Конструктивное, или синтаксическое, словообразование характерно для дериватов, образуемых с целью изменения структуры речи. Синтаксические дериваты по номинативному и экспрессивному значению тождественны своим производящим, но относятся к иной части речи и поэтому употребляются в иных синтаксических конструкциях (отсюда и термин «конструктивное словообразование»). Ср.: *приезд* ← *приезжать*; исходный глагол обычно является в предложении

сказуемым (*Гости приехали на дачу*), тогда как синтаксический дериват может быть и подлежащим, и дополнением (*Приезд гостей порадовал хозяев*; *Об их приезде давно уже говорили*). Примерами синтаксических дериватов являются все отглагольные и отадъективные существительные с отвлеченным значением действия или признака: *разговор* (← *разговаривать*), *вышивание* (← *вышивать*); *белизна* (← *белый*), *сушь* (← *сухой*).

5. К о м п р е с с и в н о е словообразование используется с целью «сжатия» (компрессии) производящего слова или целого словосочетания до более простого по форме производного слова (*заместитель* → *зам*; *учебная воинская часть* → разг. *учебка*; *корреспондентский пункт* → *корпункт*). При реализации компрессивной функции словообразовательного средства смысловая структура деривата и по составу номинативных сем, и по характеру экспрессивных смыслов тождественна смысловой структуре производящего (как и при конструктивном словообразовании), однако производящее и производное при компрессивном словообразовании не отличаются друг от друга по своему синтаксическому функционированию.

Нужно иметь в виду, что во многих дериватах может быть реализовано одновременно несколько функций. Так, для слова из студенческого арго *читалка* 'читальный зал' характерны одновременно компрессивная и стилистическая функции, для слова *синь* — не только конструктивная, но и стилистическая функции (поскольку дериват, в отличие от производящего прилагательного *синий*, относится к книжной лексике). В принадлежащих официальной речи дериватах типа *захоронить* (← нейтр. *хоронить*) реализуются и номинативная, и стилистическая функции словообразовательного средства. Дериваты типа *старшекурсник* принадлежат одновременно и компрессивному, и номинативному словообразованию, поскольку, благодаря суффиксу *-ник* 'лицо', образуется слово с новым номинативным значением по сравнению со значениями производящих основ *старш(ий) курс*.

Таким образом, термин «словообразовательное значение», с помощью которого обозначается план содержания любого дериватора, имеет разное содержание, зависящее от конкретного вида словообразования. Словообразовательным значением в разных видах словообразования может являться:

1) определенный номинативный элемент в лексическом значении деривата — в случаях номинативного словообразования [*лист* → *листв*(*а*) — суффикс *-в-* имеет номинативное словообразовательное значение ‘собирательность’];

2) определенный экспрессивный смысловой элемент в лексическом значении деривата — когда имеет место экспрессивное словообразование (*дочь* → *дочурка* — суффикс *-урк-* имеет словообразовательное значение ‘ласкательность’);

3) определенная словообразовательная функция, не связанная с передачей номинативного или экспрессивного содержания — стилистическая (*тетрадь* → *тетрадка*), конструктивная (*бежать* → *бег*) или компрессивная (*акционерное общество* → *АО*); в подобных случаях термин «словообразовательное значение» используется условно.

ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕРИВАТОМ И ПРОИЗВОДЯЩИМ

Дериват вместе с производящим образуют так называемую словообразовательную пару. Между членами словообразовательной пары могут устанавливаться следующие типы формально-смысловых отношений:

1) основа деривата и по форме, и по смыслу сложнее производящей основы (*куб* → *кубик*; *слон* → *слониха*);

2) производная основа по форме сложнее производящей, а по номинативному значению они тождественны (*петь* → *пение*; *синий* → *синева*);

3) производная и производящая основы имеют одинаковую степень формальной сложности, т. е. состоят из одинакового количества морфем, но по смыслу производная основа сложнее производящей (*транслировать* → *транслятор* ‘устройство, с помощью которого транслируют что-л.’);

4) производная и производящая основы имеют одинаковую степень и формальной, и смысловой (номинативной) сложности (*транслировать* → *трансляция*);

5) производная основа по форме проще производящей, но по номинативному значению они тождественны, различаясь стилистически (*заместитель* → разг. *зам*; *университет* → разг. *универ*).

Перечисленные типы формально-смысловых отношений были выявлены И. А. Мельчуком на материале словообразовательных пар, в которых производящей является основа одного слова. Однако, как было сказано выше, некоторые дериваты соотносятся с более сложными производящими, состоящими из основ нескольких слов (*АОЗТ* ← *акционерное общество закрытого типа*; *профком* ← *профсоюзный комитет*). Многие из таких дериватов, которые формально всегда проще своих производящих (так как слово проще, чем сочетание слов), по своим номинативным и стилистическим характеристикам должны быть отнесены к пятому из перечисленных типов формально-смысловых отношений между производящим и производным (нейтр. *филологический факультет* → разг. *филфак*; нейтр. *народный депутат* → разг. *нарДеп*). Другие же дериваты, образованные от составных производящих, представляют иные типы соотношения с производящим:

6) дериват формально проще производящего, а по смыслу (по номинативному значению) и стилистическим свойствам они тождественны (*совместное предприятие* → *СП*; *командир полка* → *комполка*).

7) дериват по форме проще производящего, а по номинативному значению — сложнее [*юго-запад* — это определенное географическое понятие, а не механическое слияние значений, соотносимых с исходными словами *юг, запад*; *русско-корейский* (*словарь*) — это не обозначение объединения под одной обложкой русского и корейского словарей, а определенное упорядочение лексических связей между данными языками].

СТЕПЕНИ ПРОИЗВОДНОСТИ

Подобно тому, как между классами основ бесспорно членимых (*дом-ик*) и безусловно нечленимых (*дом*) находится обширная «переходная зона» слов с затрудненной членимостью типа *пастух, буженина*, существует аналогичная шкала делимости по признаку большей или меньшей степени производности слова. Необходимо различать, по крайней мере, три степени производности основ (перечислим их в порядке убывания производности):

1-я степень производности характеризует основы, однозначно соотносимые по форме и значению с соответствующими производящими и содержащие регулярные и продуктивные дериваторы [*смел-ость* ← *смелый*; *зна-ниj(е)* ← *зна(ть)*];

2-я степень производности присуща основам, также однозначно соотносимым с производящими, но содержащим непродуктивные, хотя и регулярные дериваторы [*бел-изн(а)* ← *белый*; *воз-н'(а)* ← *возиться*];

3-я степень производности характерна для основ, каждая из которых имеет свое производящее, однако использует непродуктивные и нерегулярные (уникальные) дериваторы [*люб-овь* ← *любить*; *поп-адj(а)* ← *поп*].

В соответствии с критерием производности, сформулированным Г. О. Винокуром (производной считается лишь такая основа, которой соответствует производящая основа), непроизводными являются все членимые основы со связанными корнями (*одеть, надеть*; *калина, крушина*), даже если они включают продуктивные регулярные словообразовательные аффиксы.

Словообразовательная производность как отношение двуплановое, формально-смысловое четко отграничивается от семантической (смысловой) мотивации слов:

1) семантически мотивированными являются многие однокоренные непроизводные основы (например, взаимно мотивируются по значению непроизводные основы типа *одеть — надеть*);

2) семантическая мотивация может расходиться со словообразовательной производностью; так, наречие *по-моему* словообразовательно мотивировано местоименным прилагательным *мой*, а по смыслу — личным местоимением *я* (*сделай по-моему* 'так, как *я* хочу или обычно делаю');

3) семантическая мотивация может связывать разнокоренные слова, не образующие словообразовательной пары (*стирать — прачка* 'работница, стирающая белье'); подобные случаи так называемого супплетивного словообразования не имеют никакого отношения к собственно словообразовательным явлениям, для которых характерна не только смысловая, но и формальная соотносительность.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ

Существует несколько видов семантического соотношения производящего и производного слов. Рассмотрим основные семантические виды производности.

С т а н д а р т н а я производность характерна для слов типа *дом* → *домик*; *читать* → *перечитать*; здесь номинативное значение производящей основы непосредственно входит в лексическую семантику деривата и мотивирует ее.

При н е с т а н д а р т н о й (перено́сной) производности семантика деривата мотивирована переносным значением производящей основы или же прямое номинативное значение производящего входит в семантическую структуру деривата в трансформированном виде. Необходимо различать две разновидности переносной производности: метафорическую и метонимическую.

М е т а ф о р и ч е с к а я производность базируется на метафорическом значении производящего слова (*собака* → *собачиться* ‘грубо и громко браниться’; ср. *собака* ‘*перен.* злой, грубый человек’).

При м е т о н и м и ч е с к о й производности наблюдается метонимическое расширение или сужение значения производящей основы. Например: *стол* → *столяр* ‘тот, кто изготавливает из дерева предметы мебели, в том числе и столы’ — наблюдается расширение лексического значения производящего в составе деривата; *белый* → *бельё* (белье может быть любого цвета, в том числе и белого) — также метонимическое расширение семантики производящего при его вхождении в производную основу; *роза* (бывает практически любого цвета) → *розовый* ‘белый с оттенком красного’ — производное слово *розовый* является обозначением цвета, типичного для «классической» розы; наблюдается явное сужение значения производящего в рамках деривата.

ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ ДЕРИВАТА

Лексическое значение многих дериватов при номинативном словообразовании равно простой сумме значений производящей основы и дериватора (*артистка* ‘артист + женс-

кость'; *блокнотик* 'блокнот + маленький'; *небольшой* 'отрицание + большой'; *дорисовать* 'закончить + рисовать'). Семантика таких дериватов нефразеологична.

Однако у многих производных слов отмечается фразеологичность (идиоматичность) их семантики. Значение подобных дериватов не равняется простой сумме значений производящего и дериватора (так же, как значения фразеологизмов *умыть руки, съесть собаку, железная дорога* не равняется сумме значений составляющих их слов).

Если производное слово характеризуется фразеологичностью семантики, то в его лексическом значении выявляются дополнительные (приращенные) смыслы, не выраженные непосредственно производящей основой или формантом, а появляющиеся в результате сочетания элементов словообразовательной структуры. Рассмотрим несколько отадъективных существительных со словообразовательным суффиксом *-к-* (в толкованиях дериватов выделены фразеологические приращения их значения): если *неотложка* — это '**медицинское учреждение** неотложной **помощи** (или **машина** этого учреждения)', то *продлёнка* — это '**группа** продленного **дня** в школе', а *зачётка* — 'зачетная **книжка**' (но не 'группа, получившая зачет' или 'учреждение, где проставляются зачеты').

Фразеологичность семантики производного слова отмечается в двух случаях: а) если словообразовательное значение (как в примерах со словами типа *неотложка*) является отвлеченным; б) если имеет место не стандартная, а переносная производность (ср. *ишачить* '**выполнять тяжелую работу подобно** ишаку').

Фразеологичность семантики деривата может быть причиной затруднений при выявлении словообразовательного значения. Приращенные смыслы принадлежат не дериватору, а всему производному слову в целом: это результат системного взаимодействия двух компонентов словообразовательной структуры слова — производящего и дериватора. Что касается словообразовательного значения, то оно у всех слов с одним и тем же дериватором одинаково (например, у слов типа *неотложка*, независимо от различий их лексического значения, выделяется одно и то же словообразовательное значение: 'предмет, характеризующийся отношением к признаку, названному мотивирующим словом').

Во избежание смешения значения дериватора и приращенных номинативных смыслов (которые, как и вся семантическая структура слова, составляют предмет не словообразования, а лексикологии) при установлении словообразовательного значения анализируется не отдельное производное слово, а все слова с данным словообразовательным средством (например, все дериваты с одним и тем же словообразовательным суффиксом).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ

Словообразовательный тип является основной единицей классификации производных слов. Под словообразовательным типом понимается класс дериватов, принадлежащих к одной части речи и характеризующихся одинаковыми словообразовательными свойствами: а) производностью от слов одной части речи; б) одинаковым видом словообразования; в) общим способом словообразования; г) тождественным словообразовательным значением; д) одним и тем же средством выражения словообразовательного значения — дериватором.

Например, к одному и тому же словообразовательному типу относятся отсубстантивные существительные *лесник* и *печник*: они образованы в рамках номинативного словообразования от одной части речи (существительного) одним и тем же способом (суффиксацией), при этом имеют одинаковое словообразовательное значение ‘лицо, характеризуемое по отношению к предмету, названному производящей основой’, которое выражено одним и тем же суффиксом *-ник*. К этому типу не относятся, например, дериваты: *работник* (существительное образовано не от существительного, а от глагола), *аптекарь*, *киоскёр* (словообразовательное значение выражено другими суффиксами: *-ар’*, *-ор*).

Кроме того, при общей характеристике того или иного словообразовательного типа учитываются транспозиционный/нетранспозиционный вид отношений между дериватом и производящим, а также продуктивность/непродуктивность типа.

Транспозиционность / нетранспозиционность типа связана с частеречной принадлежностью производящего и производного слов. Для транспозиционных словообразовательных типов характерна отнесенность производно-

го и производящего слов к разным частям речи [*петь* (гл.) → *певец* (сущ.); *белый* (прил.) → *белеть* (гл.)]. Если члены словообразовательной пары принадлежат к одной части речи, то имеет место нетранспозиционный словообразовательный тип (*петь* → *спеть*; *белый* → *беленький*).

Транспозиционный или нетранспозиционный характер словообразовательного типа связан с видом словообразования. Для номинативного словообразования характерны как транспозиционные типы (*петь* → *певучий*; *учить* → *учитель*), так и нетранспозиционные (*петь* → *спеть*; *учитель* → *учительница*). Все типы конструктивного (синтаксического) словообразования являются транспозиционными (*петь* → *пение*; *белый* → *белеть*). Экспрессивное и стилистическое словообразование представлено нетранспозиционными типами (*старуха* → *старушенция*; *табурет* → *табуретка*). При компрессивном словообразовании, когда производящим является комплекс основ, обычно принадлежащих к различным частям речи (*МХАТ* → *Московский Художественный академический театр*), разграничение транспозиционных и нетранспозиционных типов лишено смысла.

Продуктивность/непродуктивность словообразовательного типа выражается в том, может ли он пополняться новыми дериватами. Продуктивны, например, типы отадъективных прилагательных с суффиксом *-ск-/-еск-* (ср. неологизмы: *аэрофлотский, биоакустический, индуистский*) или с префиксом *анти-* (*антиколониальный, антипатриотический, античеловеческий*). Непродуктивные словообразовательные типы представлены закрытыми списками дериватов: они не пополняются новыми словами. К числу непродуктивных словообразовательных типов относятся, например, типы собирательных существительных с суффиксом *-няк* (*дубняк, ивняк*), отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ав-* (*кровавый, дырявый*)[1].

---

[1] Исчерпывающие сведения о продуктивности/непродуктивности типа, а также о степени продуктивности типа (различаются высоко- и малопродуктивные типы) и о тех функциональных стилях современного русского языка, в которых данный тип продуктивен или же непродуктивен, содержатся в академической «Русской грамматике» (М., 1980. Т. 1), а также в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой (М., 1996).

С учетом всего сказанного можно охарактеризовать глаголы типа *подзабыть, подустать* следующим образом. Это тип номинативного внутриглагольного словообразования (т. е. образования отглагольных глаголов) аффиксальным способом (префиксацией — префикс *под-*), имеющий модификационное словообразовательное значение ‘совершить действие, названное производящим, с незначительной интенсивностью’; тип нетранспозиционный и, согласно «Русской грамматике», продуктивный, особенно в разговорной речи и просторечии. Поскольку производящие (*забыть, устать*) относятся к общеупотребительной лексике и этим серьезно отличаются в стилистическом отношении от разговорных дериватов *подзабыть, подустать*, рассматриваемый словообразовательный тип должен быть отнесен не только к номинативному, как уже говорилось ранее, но одновременно и к стилистическому виду словообразования.

Семантические разновидности словообразовательного типа

Для номинативного словообразования характерно выделение разных семантических разновидностей одного и того же словообразовательного типа, или разных словообразовательных семантических образцов. Это выделение основывается на вариантах одного и того же словообразовательного значения. Так, отсубстантивные существительные *секретарша* и *генеральша* относятся к одному и тому же словообразовательному типу, но к разным семантическим разновидностям, поскольку суффикс *-ш-* в *секретарша* обозначает просто ‘женскость’ (‘**женщина**-секретарь’), а в слове *генеральша* указывает на определенные родственные отношения (не ‘женщина-генерал’, а ‘**жена** генерала’). К разным семантическим разновидностям словообразовательного типа отглагольных существительных относятся также дериваты типа *читатель, выключатель* (обозначающие ‘**лицо или же предмет** в его отношении к действию, названному производящей основой’).

Словообразовательные морфонологические модели

В рамках словообразовательного типа обычно противопоставлено несколько словообразовательных моделей, которые представляют собой более дробные единицы словообразовательной классификации, выделяемые с учетом дополнительных формальных (морфонологических) признаков; поэтому словообразовательные модели обычно называются м о р ф о н о л о г и ч е с к и м и.

Так, словообразовательный тип существительных со значением ‘лицо, характеризуемое по его отношению к предмету, названному производящим’ (*хоккей* → *хоккеист*), представлен несколькими морфонологическими моделями:

1) моделью, где дериватор присоединен к неизменной производящей основе (*автомобиль* → *автомобилист*);

2) моделью с морфонологическим чередованием в конце производящей основы (*шпага* → *шпажист*);

3) моделью с наложением форманта на конец производящей основы (*регби* → *регбист*);

4) моделью с усечением производящей основы (*самбо* → *самбист*).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Разные словообразовательные типы с одним и тем же словообразовательным значением образуют классы различных по форме, но тождественных по словообразовательной семантике дериватов. Такие объединения синонимических словообразовательных типов называются с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы м и к а т е г о р и я м и. Следовательно, словообразовательная категория — это единица более высокого уровня в классификации словообразовательных явлений, нежели словообразовательный тип.

Примером словообразовательной категории является совокупность словообразовательных типов, объединяющая все формально различные дериваты с одним и тем же деривационным значением ‘лицо, характеризуемое по его отношению к предмету, названному производящим’ (*автомобилист, пулемётчик, табунщик, фабрикант, гусляр, аптекарь, киоскёр*).

Перечислим некоторые словообразовательные категории современного русского языка (более детально соответствующие группировки дериватов рассмотрены в работах Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Р. С. Манучаряна, И. С. Улуханова и др.).

1. Категория отсубстантивных существительных с модификационным словообразовательным значением ‘увеличительность’ (указание на значительное превышение по сравнению с нормой одного из существенных параметров предмета, названного производящим): префиксальные существительные типа *сверхчеловек, супертанкер*; суффиксальные дериваты типа *домина, лапища, человечище*.

2. Категория отсубстантивных существительных с модификационным словообразовательным значением ‘уменьшительность’ (указание на реализацию одного из параметров предмета, названного производящим, в незначительной степени, ниже нормы) включает только суффиксальные дериваты типа *городок, садик, костюмчик, шубка, гнёздышко, болотце, часики*.

3. Категория отадъективных существительных с мутационным словообразовательным значением ‘предмет или лицо — носитель признака, названного производящим’: суффиксальные существительные типа *старик, хищник, парусник, мудрец, бедняк, синяк, крепыш, документалист, вечёрка ‘разг.* вечерняя газета’, *неженка, раскладушка, жадина, тупица, симпатяга, дорогуша, грязнуля*; субстантиваты типа *будущее, производное, производящее*.

4. Категория отадъективных прилагательных с модификационным словообразовательным значением ‘очень высокая степень проявления признака’: *препротивный, наиважнейший, сверхнизкий, супермодный, ультрареакционный,* книжн. *архиопасный*; разг. *развесёлый, хитрющий, толстенный*; *полнёхонький, новёшенький*; *умный-умный, красивый-прекрасивый, читаный-перечитаный*.

5. Категория отсубстантивных прилагательных с мутационным словообразовательным значением ‘обладающий свойством, характерным для предмета, названного производящим’: *трубчатый, крючковатый, сиротливый, серебристый, золотой*; *шаровидный*.

6. Категория отглагольных глаголов с модификационным словообразовательным значением ‘довести действие до чрезмерного результата’: *пережарить, перезаниматься.*

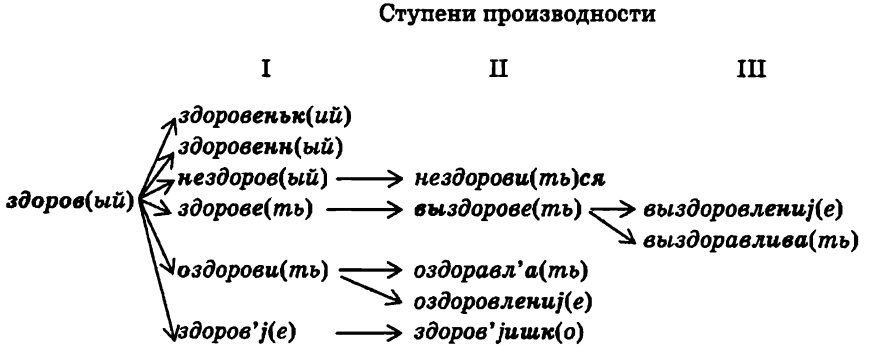
7. Категория отглагольных глаголов с модификационным словообразовательным значением ‘не довести действие до результата или нормы’ (значение неполноты действия): *недоделать, недобежать.*

8. Категория отсубстантивных глаголов с мутационным словообразовательным значением ‘совершать действие с помощью предмета, названного производящим’: *боронить, бомбить, шприцевать*, разг. *прикнопить.*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Словообразовательное гнездо — это комплексная единица словообразовательной системы, представляющая собой упорядоченную совокупность всех однокоренных дериватов, связанных отношениями непосредственной или опосредованной производности с одним непроизводным (базовым) словом, которое называется вершиной данного гнезда. Элементами словообразовательного гнезда, кроме его вершины, являются также словообразовательная цепочка и словообразовательная парадигма.

Для примера воспроизведем словообразовательное гнездо, вершиной которого является прилагательное *здоровый.*



Словообразовательная цепочка представляет собой ряд из трех и более однокоренных слов, входящих в одно словообразовательное гнездо и находящихся в отношени-

ях последовательной производности. Исходным звеном словообразовательной цепочки является вершина словообразовательного гнезда. Ср., например, две словообразовательные цепочки, принадлежащие рассматриваемому гнезду: ***здоровый*** → *нездоровый* → *нездоровиться*; ***здоровый*** → *здороветь* → *выздороветь* → *выздоровление* (всего в данном гнезде шесть словообразовательных цепочек). Словообразовательные цепочки демонстрируют ступенчатый характер деривационных отношений. Так, дериват *нездоровый*, непосредственно образованный от слова — вершины гнезда, находится на I ступени производности, дериват *нездоровиться* — на II ступени производности и т. д.

Словообразовательная парадигма — это класс однокоренных дериватов, находящихся в словообразовательном гнезде на одной и той же ступени производности и связанных между собой отношениями совместной производности, т. е. мотивированных одним и тем же производящим. Так, в словообразовательном гнезде с вершиной *здоровый* представлены следующие парадигмы:

здоровенький, здоровенный, нездоровый, здороветь, оздоровить, здоровье — дериваты I ступени производности, образованные от одного и того же производящего (в данном случае — непосредственно от вершины гнезда);

оздоровлять, оздоровление — дериваты II ступени производности (образованы от глагола *оздоровить*);

выздоровление, выздоравливать — дериваты III ступени производности (образованы от глагола *выздороветь*).

РУССКАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Весьма активно развивающимся разделом русской лексикографии является составление словообразовательных словарей, в которых показана словообразовательная структура дериватов, демонстрируются их связи с производящей основой и однокоренными дериватами.

Весомый вклад в развитие словообразовательной лексикографии внес А. Н. Тихонов, автор двухтомного «Словообразовательного словаря русского языка» (М., 1985). Данный словарь относится к числу словарей гнездового типа, он отра-

жает строение более чем 12 500 словообразовательных гнезд; в общей сложности в словаре рассмотрены деривационные связи 145 000 русских слов. По гнездовому принципу построен также «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1978; 3-е изд., 1996), в котором наглядно представлены словообразовательные связи наиболее употребительных русских дериватов.

Для практического словообразовательного разбора полезен и «Словарь-справочник по русскому языку» под ред. А. Н. Тихонова (М., 1995). В этом словаре, помимо орфографических, орфоэпических, грамматических и морфемных данных, сведений о частотности того или иного слова, отмечается также, производно или нет данное слово, а для производного указывается словообразовательная пара, например:

страница... н е п р о и з в.
страничка... п р о и з в.: *страниц(а)* → *странич* + *к* + *а*.

Изданный в 1996 г. «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой — первый в отечественной лексикографии словарь-справочник аффиксальных дериваторов: префиксов, суффиксов и их сочетаний, называемых в словаре циркумфиксами. В словарной статье приводятся сведения о регулярности и продуктивности того или иного аффикса или сочетания аффиксов; о том, от какой части речи образуются дериваты с помощью данного дериватора и какой части речи они принадлежат; каково словообразовательное значение и какие имеются синонимические средства выражения того же словообразовательного значения; падает ли ударение на дериватор. Ср. словарную статью, посвященную одному из приставочно-суффиксальных дериваторов (циркумфиксов):

За- ... ***-о***. Достаточно регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица, образующая наречия со значением обстоятельственного признака, который назван мотивирующим именем прилагательным, например: *за́живо, за́мертво, за́просто, за́светло, за́темно*, а также *заодно́*.

При образовании используются преимущественно непроизводные основы мотивирующих слов, как: *новый — за́ново*.

Словообразовательная единица преимущественно ударна: ударение, как правило, падает на ее префиксальную часть, однако *заодно́*, а также *задо́лго*.

Рекомендуемая литература

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Избр. труды: Исслед. по русской грамматике. М., 1975.

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. Изд. 2. М., 1995.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.

Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование и морфология. М., 1989.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Панов М. В. Позиционная морфология. М., 1999.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. Изд. 3. М., 1996.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. Изд. 3. М., 1997.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. Русская морфемика. М., 1996.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1—2.

Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А. Словарь-справочник по русскому языку. Правописание. Произношение. Ударение. Словообразование. Морфемика. Грамматика. Частота употребления слов / Под ред. А. Н. Тихонова. М., 1995.

Морфология

Введение

МОРФОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ ГРАММАТИКИ

Морфология и синтаксис являются двумя составными частями грамматики. Термин «грамматика» [гр. *grammatikē* (*téchnē*) — искусство правильно писать] имеет несколько значений. Прежде всего, этим термином обозначается грамматический строй языка, т. е. объективные законы строения и правила использования в речи слов и предложений. Грамматикой называют также особый раздел языкознания, изучающий грамматический строй языка. Грамматиками называются и книги, содержащие систематическое описание грамматического строя языка.

Чтобы понять специфику грамматики как особого раздела языкознания, нужно сравнить ее с другими лингвистическими дисциплинами. Фонология, изучающая функционирование фонем, обнаруживает много общего с грамматикой, устанавливающей законы строения и функционирования слов и предложений. Не случайно все грамматики русского языка, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755, опубл. 1757), содержат, кроме собственно грамматических разделов (морфологического и синтаксического), и описание фонетического строя языка. И все же в теоретическом плане ученые отграничивают фонетику от грамматики: фонема сама по себе не имеет значения, тогда как грамматика изучает значимые единицы языка.

Однако и лексикология изучает значимые единицы — слова. В отличие от лексикологии грамматика изучает не только слова, но и синтаксические единицы (словосочетание, предложение); кроме того, грамматика отвлекается от лексического значения слова и анализирует лишь его грамматические свойства.

Морфология (< гр. *morphē* — форма + *logos* — учение) — это раздел грамматики, изучающий грамматические свойства слов. Вслед за В. В. Виноградовым морфологию часто называют «грамматическим учением о слове» (в отличие от синтаксиса — учения о грамматических свойствах словосочетания и предложения). Грамматическими свойствами слов являются грамматические значения и формальные средства их выражения.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Грамматическое значение сопутствует лексическому значению слова. Различия между этими двумя типами значений таковы:

1. Грамматические значения абстрактны, поэтому они характеризуют большие классы слов. Например, значение глагольного вида всегда присутствует в смысловой структуре русского глагола. Лексическое же значение более конкретно, чем грамматическое, поэтому оно характеризует лишь какое-то определенное слово. Так, лексическое значение слова *стол* ‘предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках’ — это семантическое свойство именно данного конкретного слова.

2. Лексическое значение выражено основой слова, грамматическое — особыми формальными показателями (поэтому грамматические значения часто называются формальными).

Итак, грамматическое значение — это отвлеченное (абстрактное) языковое значение, выраженное формальными грамматическими средствами. Слово обычно имеет несколько грамматических значений. Например, существительное *учителем* в предложении *А тот, кого учителем считаю, как тень прошёл...* (Ахм.) выражает грамматические значения предметности, одушевленности, мужского рода,

единственного числа, творительного падежа. Самое общее и наиболее важное грамматическое значение слова называется частеречным (или общекатегориальным); таковы значения предметности у существительного, процессуальности у глагола и т. д. Частеречное значение слова дополняется и конкретизируется частными (или частнокатегориальными) грамматическими значениями; так, для существительного характерны частнокатегориальные грамматические значения одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа.

ФОРМАЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Формальные грамматические средства бывают двух типов: парадигматические и синтагматические. Морфологическая (словоизменительная) парадигма слова — это совокупность всех грамматических разновидностей (словоформ) данного слова. Способность слова образовывать парадигму называется словоизменением. У некоторых слов словоизменение отсутствует: они всегда выступают в одном и том же виде (таковы, например, служебные слова *у, но, лишь*). У подобных слов нулевая парадигма. Но у большинства слов русского языка парадигма не нулевая. Так, морфологическая словоизменительная парадигма слова *школа* образуется словоформами: *школа, школы, школе, школу, школой, (о) школе; школы, школ, школам, школами, (о) школах.*

Словоформы бывают двух видов: синтетические (простые) и аналитические (составные). Синтетические словоформы состоят из основы слова и флективных аффиксов — окончаний, словоизменительных суффиксов и постфиксов. Например: *дом-ø* (нулевое окончание), *школ-а*; *быстр-ейш-ий* (словоизменительный суффикс превосходной степени и окончание), *чита-л-и* (словоизменительный суффикс глагола и окончание), *бег-ущ-ий* (словоизменительный суффикс причастия и окончание). В одной синтетической словоформе может быть от одного до трех флективных аффиксов; например, в глагольной словоформе *проверя-л'-и-сь* (*Сочинения проверялись двумя экзаменаторами*) грамматические значения выражены словоизменительным суффиксом прошедшего време-

ни *-л'-*, окончанием *-и-* и словоизменительным постфиксом страдательного залога *-сь*.

В образовании а н а л и т и ч е с к и х словоформ участвуют вспомогательные слова, играющие ту же роль, что и словоизменительные аффиксы в структуре синтетических словоформ. Например, прибавлением форм будущего времени вспомогательного глагола *быть* к инфинитиву глаголов несовершенного вида (*читать, бежать* и др.) образуется аналитическая форма будущего времени (*буду читать, буду бежать*); прибавлением к форме прошедшего времени глагола вспомогательного слова *бы* образуется форма сослагательного наклонения (*читал бы, бежали бы*).

Иногда в парадигме слова имеются и синтетические, и аналитические словоформы (ср.: *сильнейший* и *самый сильный*; *теплее* и *более тёплый*). В парадигмах существительных, числительных и местоимений — только синтетические словоформы; для прилагательных, глаголов, наречий и безлично-предикативных слов характерны как синтетические, так и аналитические словоформы.

Словоизменение всегда было основным объектом морфологического анализа, потому что окончания и словоизменительные суффиксы в составе синтетических словоформ, вспомогательные слова в составе аналитических словоформ являются эффективными средствами выражения грамматических значений. Так, благодаря противопоставлению окончаний в словоформах *ученик — ученики, журнал — журналы* выражаются значения числа; в противопоставлении словоформ *решал — решаю — буду решать* выражаются временны́е значения.

Флективные аффиксы всех указанных выше типов и вспомогательные слова относятся к парадигматическим средствам выражения грамматического значения слова (поскольку они участвуют в образовании словоизменительной парадигмы слова). Кроме основных парадигматических средств, в некоторых словах имеются и дополнительные, нередко сопутствующие основным средствам выражения грамматического значения:

1) чередования (или альтернации) фонем в основе [*бегу — бежать*; *сон — сна* («беглая» гласная)];

2) наращение, усечение или чередование основообразовательных суффиксов в основе [*брат — братья* (*брат-j-а*);

крестьянин — крестьяне; *давать — даю*; *танцевать — танцую* (*танц-уj-у*)];

3) супплетивизм — чередование корней (*иду — шёл*; *человек — люди*);

4) изменение места ударения (*дéрево — дерéвья*; *былá — бы́ли*).

Грамматические значения слов выражаются не только парадигматически, но и синтагматически, т. е. в словосочетании. Например, в словосочетаниях *новая книга, новые книги* значение числа выражено не только окончаниями существительного, но также и окончаниями согласующегося с ним прилагательного. Здесь парадигматические и синтагматические средства выражения грамматических значений дополняют одно другое. А в тех случаях, когда парадигматические средства выражения грамматического значения отсутствуют, единственным формальным средством обнаружения данного значения становится грамматическая синтагматика (сочетаемость) слова. Например, если существительное не имеет внешне различающихся окончаний, т. е. является «несклоняемым» (типа *пальто, ТЭЦ*), грамматическое значение числа может быть выражено лишь «за пределами» самого существительного, в согласующихся формах прилагательного (*новое/новые пальто*; *мощная/мощные ТЭЦ*). Эти примеры показывают, что морфология как грамматическое учение о слове, реально функционирующем в речи, должна учитывать все средства выражения грамматических значений слова, как парадигматические, так и синтагматические.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Центральным понятием грамматики является понятие грамматической категории. Под грамматической категорией понимается системное противопоставление всех однородных грамматических значений, выражаемых грамматическими формальными средствами. Грамматические категории бывают морфологическими и синтаксическими.

Морфологическая категория представляет собой качественно иной объект грамматического анализа по сравнению с грамматическими значениями слова и грамматическими формальными средствами их выражения, поскольку:

а) морфологическая категория — двуплановое явление, это единство грамматической семантики и ее формальных показателей; б) в рамках морфологических категорий грамматические значения слова (как и грамматические формальные средства) изучаются не изолированно, а в противопоставлении всем другим однородным грамматическим значениям и всем формальным средствам выражения этих значений. Например, категорию глагольного вида составляют однородные значения совершенного и несовершенного вида, категорию лица — однородные значения 1-го, 2-го и 3-го лица.

При анализе морфологических категорий особенно важно учитывать единство смыслового и формального планов: если какой-либо план отсутствует, то нельзя рассматривать данное явление в качестве категории. Например, нет оснований считать морфологической категорией противопоставление имен собственных нарицательным, так как это противопоставление не находит последовательного формального выражения. Не является категорией и противопоставление глагольных спряжений, но уже по иной причине: четкие формальные показатели (окончания) I и II спряжений не служат для выражения смысловых различий между глаголами разных спряжений.

Морфологические категории бывают словоизменительными и несловоизменительными. Словоизменительные категории находят свое выражение в противопоставлении разных словоформ одного и того же слова. Например, категория лица глагола является словоизменительной, так как для ее обнаружения достаточно сравнить разные формы одного глагола (*иду, идёшь, идёт*).

Несловоизменительные (классификационные, или лексико-грамматические) категории находят свое выражение в противопоставлении слов по их грамматическим свойствам. С учетом значений, выражаемых несловоизменительными категориями, словарный состав языка можно разбить на грамматические классы (поэтому морфологические категории данного типа и называют классификационными). Несловоизменительными являются, например, категории рода и одушевленности/неодушевленности существительных.

Основной морфологической категорией (причем категорией классификационного типа) является категория частей речи

(категория частеречности). Все остальные категории выделяются в рамках частей речи и являются частными морфологическими категориями по отношению к частям речи.

ЧАСТИ РЕЧИ

Морфологическая категория частеречности находит свое выражение в противопоставлении самых общих, основных грамматических классов слов, которые различаются общекатегориальным грамматическим значением и специфическими для каждого класса частными морфологическими категориями, а также иными формальными признаками (например, особенностями словоизменения и грамматической сочетаемости со словами других частей речи).

Например, слова *школа* и *книга* относятся к одной части речи — имени существительному, так как обнаруживают: а) одинаковое частеречное значение — 'предметность'; б) одинаковую систему частных морфологических категорий — одушевленность/неодушевленность, род, число, падеж; в) способность изменяться по категориям числа и падежа и, в отличие от прилагательных, неизменяемость по родам; г) способность сочетаться с прилагательными, числительными, глаголами, грамматически подчиняя их себе (*новая школа, о двух книгах, книги лежат*), и невозможность аналогичных сочетаний, например, с безлично-предикативными словами типа *надо, жаль*.

Распределение слов по частям речи важно не только для морфологии, но и для лексики, словообразования, синтаксиса. Поэтому в качестве дополнительных признаков, свидетельствующих о частеречной принадлежности того или иного слова, можно отметить особенности его синтаксического функционирования и словообразовательные свойства. В частности, у слов *школа* и *книга* одинаковое синтаксическое «поведение»: в предложении они могут быть подлежащим или дополнением: *Всякая школа славна не числом, а славою своих учеников* (Пир.); *...Любите книгу всей душой!* (Ш.) У слов одной части речи отмечаются и одинаковые словообразовательные свойства: так, от слов *школа* и *книга* можно образовать однотипные производные слова — например, прилагательные *школьный, книжный* и существительные *школьник, книж-*

ник. Напротив, слова *школа* и *школьный, школьничать* и *по-школьному* относятся к разным частям речи, что легко доказывается, если сравнить эти слова по всем указанным выше признакам, включая и особенности словообразования.

Являясь центральным звеном в системе морфологических категорий, части речи сами по себе представляют сложную упорядоченную систему. Наиболее детально эта система была изучена В. В. Виноградовым, который выделил четыре структурно-семантических типа слов: 1) самостоятельные части речи («слова-названия»); 2) связочные, служебные слова (которые он образно называл «частицами речи»); 3) модальные слова и 4) междометия.

С а м о с т о я т е л ь н ы е части речи служат для обозначения существующих в объективной действительности предметов, признаков, процессов, состояний и т. п. В современном русском языке противопоставлено семь самостоятельных частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, категория состояния (безлично-предикативные слова), наречие.

С л у ж е б н ы е части речи называют отношения, существующие между явлениями действительности. К служебным частям речи относятся частицы, предлоги и союзы. Противопоставление самостоятельных и служебных частей речи составляет основу категории частеречности.

Самостоятельным и служебным частям речи противопоставлены м о д а л ь н ы е с л о в а (*кстати, вероятно, конечно, следовательно* и др.), которые выражают субъективное отношение говорящего к тому, о чем говорится; в предложении они являются вводными элементами.

Особое место в системе частей речи занимают м е ж д о м е т и я (*ах!, эй!, ура!, ох!, о-о...* и др.), которые выражают (но не называют!) эмоции говорящего.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИИ

В изучении морфологического строя русского языка можно условно выделить четыре периода.

Первый период (середина XVIII — середина XIX в.) связан с именем М. В. Ломоносова, который в своей «Россий-

ской грамматике» впервые дал систематическое описание морфологии русского языка: до Ломоносова предметом изучения был, как правило, церковнославянский язык. Терминология, используемая Ломоносовым, очень близка к современной лингвистической терминологии. Грамматика Ломоносова почти на столетие определила характер развития русской морфологической науки. Идеи Ломоносова развивались А. Х. Востоковым, В. Г. Белинским и др. В этот период русская морфологическая наука сформировалась как особая лингвистическая дисциплина. Однако недостатком многих грамматических работ того времени было нечеткое разграничение категорий грамматики и логики. Огромное значение для такого разграничения имели работы Ф. И. Буслаева, особенно его «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858). Указав на самостоятельность грамматики по отношению к логике, Буслаев, однако, не смог до конца выйти за рамки логического направления (за что его впоследствии резко критиковал А. А. Потебня).

Второй период в изучении русской морфологии отмечен стремлением исключить смешение грамматики и логики, при этом одни ученые при анализе морфологических явлений больше внимания уделяли смысловой стороне этих явлений, другие же — формальной стороне. Существенный вклад в изучение грамматической семантики (значений глагольного вида, падежей существительного и др.) внес А. А. Потебня. Идеи Потебни изложены в его основном труде «Из записок по русской грамматике» (т. 1—4, опубл. 1874—1968).

С именем Ф. Ф. Фортунатова, основателя Московской лингвистической школы, связано «формальное» направление в изучении грамматики. При анализе морфологических явлений ученые фортунатовской школы обращали пристальное внимание на формальные средства выражения грамматических значений и меньше стремились описывать сами грамматические значения. Именно Фортунатовым были разграничены формы словоизменения и словообразования, что оказалось существенным для всего дальнейшего развития как морфологических, так и словообразовательных исследований.

Третий этап в развитии русской морфологической науки охватывает 20—40-е годы XX столетия. Для многих ученых

становится ясно, что не следует изучать грамматические значения и их формальные средства выражения изолированно, как это нередко наблюдалось в трудах Потебни и Фортунатова (и особенно некоторых их учеников). Ставится задача объединить лучшие достижения школ Потебни и Фортунатова, рассматривать грамматические явления как диалектическое единство формы и содержания. В постановке такой задачи — историческое значение данного периода в изучении русской морфологии (труды Л. В. Щербы, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др.). Именно тогда В. В. Виноградов определил морфологию как грамматическое учение о слове, анализирующее и форму, и семантику слова в его реальном функционировании.

Четвертый этап становления отечественной морфологической науки начинается в 50-е годы XX в. Этот этап, органически связанный с предшествующим, отмечен и рядом специфических черт:

1) благодаря исследованиям В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Е. А. Земской и др., показавшим принципиальные отличия словообразования от морфологии, словообразование выделено в особую дисциплину; следовательно, был существенно уточнен предмет морфологии;

2) исчерпывающим образом описаны правила русского словоизменения (см.: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977);

3) получены принципиально важные результаты в изучении морфологических категорий времени, вида, залога, падежа (труды Н. С. Поспелова, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, А. А. Холодовича, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой и др.);

4) впервые предпринято изучение русской морфологии на основе массовых опросов носителей русского языка [см. коллективную монографию под ред. М. В. Панова «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968)];

5) успешно решается задача описания русской морфологии в новом, функциональном направлении: не от грамматических форм — к выражаемым ими значениям, а от значения — к форме. В рамках функциональной морфологии изучается, какими языковыми средствами может быть выражено то или

иное грамматическое значение (например, значение времени, модальности); на необходимость таких исследований указывали еще Л. В. Щерба и В. В. Виноградов. Функциональный анализ основных категорий русской морфологии см. в изданной под ред. А. В. Бондарко шеститомной серии коллективных монографий «Теория функциональной грамматики» (1987—1996);

6) наконец, именно в этот период предпринимаются успешные попытки ознакомления широкой общественности с достижениями отечественной грамматической науки. В частности, издаются академические грамматики русского языка, сочетающие точность научной интерпретации языковых явлений с общедоступностью изложения (см.: *Грамматика* русского языка / Под ред. В. В. Виноградова и Е. С. Истриной. М., 1952—1954. Т. 1—2; *Русская* грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. М., 1980. Т. 1—2).

Самостоятельные части речи

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

И м я с у щ е с т в и т е л ь н о е — это часть речи, обозначающая предмет и выражающая общекатегориальное значение предметности в частных грамматических категориях одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа.

Существительными обозначаются предметы в широком смысле, т. е. не только конкретные предметы окружающей действительности (*дом, стол*), их совокупности (*листва, джунгли*) или составные части (*ветка, стебель*), но и живые существа (*птица, человек, Пётр*), а также действия и состояния в отвлечении от их производителей (*бег, отдых*), свойства и количества в отвлечении от их носителей (*белизна, сотня*). Следовательно, значение п р е д м е т н о с т и — это отвлеченное грамматическое значение, свойственное всем без исключения существительным. Для обнаружения грамматического

значения предметности, особенно в тех случаях, когда необходимо отграничить существительное от других частей речи с близким лексическим значением (ср.: *белизна — белый*; *сотня — сто*; *отдыхать — отдых*), на практике используется подстановка местоимённых слов с обобщенно-предметным значением — *кто* или *что*.

Средством выражения грамматической предметности являются морфологические категории существительных. Для русских существительных характерны четыре морфологические категории: одушевленность/неодушевленность, род, число и падеж. Одушевленность/неодушевленность и род — несловоизменительные (классификационные) категории существительных: каждое слово входит в определенный грамматический класс существительных одушевленных или неодушевленных, мужского, женского или среднего рода. Это постоянные признаки существительного. Число и падеж — словоизменительные категории существительного: существительные могут изменяться по числам и падежам.

Общекатегориальное значение предметности и частные морфологические категории одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа — это собственно морфологические признаки существительного, которые являются наиболее важными при характеристике имени существительного как части речи. Для полной характеристики данной части речи важно также учитывать синтаксические и словообразовательные свойства. В предложении существительное обычно бывает подлежащим или дополнением: ***Их дочки Таню обнимают*** (П.). Для словообразования существительных характерны суффиксы *-тель*, *-щик*, *-ник*, *-ниj(е)*, *-тиj(е)*, *-ость*, *-ств(о)* и др.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

По семантическим (и отчасти формально-грамматическим) признакам существительные делятся на несколько лексико-грамматических разрядов. Прежде всего, выделяются существительные нарицательные и собственные. Имена н а р и ц а т е л ь н ы е служат обобщенными наименованиями однородных предметов (*гора, человек, планета*). Имена с о б с т-

венные служат названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных (*Кавказ, Владимир, Юпитер*). Анализом имен собственных занимается специальная лингвистическая дисциплина — ономастика. Граница между именами собственными и нарицательными подвижна. Имена собственные могут стать условным обозначением целого класса однородных предметов: ***Молчалины блаженствуют на свете*** (Гр.). Напротив, имена нарицательные часто становятся названиями единичных предметов (*собака* ***Шарик***, *город* ***Орёл***).

В формально-грамматическом плане имена собственные отличаются от нарицательных тем, что обычно употребляются в форме какого-то одного числа — единственного (*Александр, Пушкин, Москва*) или множественного (*Жигули, Сокольники, Дарданеллы*), тогда как для большинства имен нарицательных характерно изменение по числам (*лес — леса, корзина — корзины*). Однако это формальное различие не является четким и последовательным, потому что, с одной стороны, далеко не все имена нарицательные имеют обе числовые формы (*молоко, студенчество* — только ед. ч.; *сливки, финансы* — только мн. ч.), с другой стороны, от некоторых имен собственных в случае необходимости возможно образовать форму множественного числа: [*Кюхельбекер*] *писал Пушкину и Грибоедову: «...любезные друзья и братья поэты* ***Александры***» (Тын.).

Нарицательные существительные бывают четырех типов: конкретные, отвлеченные, вещественные и собирательные.

1. Конкретные существительные — это разряд существительных, наиболее четко и полно раскрывающих грамматические свойства данной части речи. Этими существительными называют конкретные предметы (в том числе и одушевленные) и явления действительности (*стол, медведь, гроза*). От других видов нарицательных существительных конкретные существительные отличаются сочетаемостью с количественными числительными (*две грозы, двадцать пять столов, три медведя*), а также возможностью изменения по числам (*стол — столы; гроза — грозы*).

Разновидностями конкретных существительных являются существительные: 1) личные (*человек, учитель, юноша*); 2) предметные (*стол, камень, карандаш*); 3) еди-

н и ч н ы е (сингулятивы), которые образованы с помощью суффиксов со значением единичности *-ин(а)*, *-инк(а)* от вещественных существительных (*горошина, соломина, песчинка, снежинка*); 4) **с о б ы т и й н ы е** (*гроза, революция*).

2. **О т в л е ч е н н ы е** (абстрактные) существительные обозначают действие или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака (*бег, учёба, вражда, красота, глубина*).

3. **В е щ е с т в е н н ы е** существительные обозначают вещества (в широком смысле): химические элементы и соединения, пищевые продукты, стройматериалы и т. п. (*водород, вода, лёд, железо, пшеница, сливки, тёс, солома*).

4. **С о б и р а т е л ь н ы е** существительные обозначают совокупность однородных предметов или лиц как одно неделимое целое. Для собирательных существительных характерны словообразовательные суффиксы *-ство(о)*, *-в(а)*, *-j(о)*, *-ур(а)* и др. (*крестьянство, листва, тряпьё, профессура*).

Отвлеченные, вещественные и собирательные существительные с количественными числительными не сочетаются. Противопоставление же разных числовых форм у подобных слов встречается редко и связано с существенным изменением семантики формы множественного числа по сравнению с соответствующей формой единственного числа (ср.: *бег — бега́*; *красота — краса́ты*; *вода — во́ды*).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ СКЛОНЯЕМЫХ И НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

По грамматическим свойствам существительные делятся на склоняемые и несклоняемые. Это противопоставление важно для проявления всех морфологических категорий существительных. Большинство русских существительных (*стена, стол, студент, окно* и др.) — **с к л о н я е м ы е**, их парадигма состоит из словоформ с разными окончаниями (*стол, стола, столу, столом* и т. д.).

Н е с к л о н я е м ы е существительные (*кофе, пальто, фортепиано* и др.) — сравнительно новое явление в русской морфологии. Они появляются в русском языке лишь в XIX в.,

первоначально путем заимствования из других языков. В настоящее время имеются как заимствованные, так и исконно русские несклоняемые существительные, причем особенно много таких слов появилось в XX в.

Исконно русскими несклоняемыми существительными являются:

1) аббревиатуры буквенного типа: *СП, МГУ*;

2) многие аббревиатуры звукового типа: *АЭС, ТЭЦ, АСУ*;

3) сложносокращенные слова типа *замминистра, комро́ты, управделáми*;

4) фамилии на *-аго, -ово, -ых/-их*: *Живаго, Хитрово, Седых, Долгих*;

5) женские фамилии типа *Бегун, Мельник, Соловей*.

Среди заимствованных несклоняемых существительных различаются:

1) существительные нарицательные и собственные с основами на *-э/-е, -о, -и, -у/-ю*, а также на ударное *-а/-я*: *алоэ, ателье, пальто, леди, кенгуру, интервью, буржуа, Золя* (заимствованные имена и фамилии с безударным *-а* склоняются: *поэзия Петрарки, музыка Майбороды*);

2) относительно недавние заимствования — украинские фамилии с основами на *-ко, -енко*: *Рыбалко, Ткаченко*;

3) женские имена и фамилии с основой на согласную: *Пиаф, Зегерс*;

4) слова *мадам, мисс, миссис*.

В парадигме несклоняемых существительных нет формального противопоставления словоформ: все словоформы звучат одинаково, т. е. наблюдается полная грамматическая омонимия числовых и падежных форм. Однако в функциональном плане для несклоняемых существительных характерны те же категории, что и для склоняемых (одушевленность/неодушевленность, род, число, падеж), но все эти категории выражены не парадигматически (окончаниями самого существительного), а синтагматически (в словосочетании, окончаниями слов, которые грамматически зависят от данного существительного). Ср.: *наш кофе, наше пальто, наша ГЭС* — синтагматически выражена категория рода; *новое пальто, нового пальто, новому пальто* — в синтагматике выражен вполне определенный падеж и т. д.

НЕСЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория одушевленности/неодушевленности

О д у ш е в л е н н о с т ь / н е о д у ш е в л е н н о с т ь — это несловоизменительная (классификационная) категория существительных, в соответствии с которой все существительные относятся к грамматическому классу о д у ш е в л е н н ы х существительных, называющих живых существ (*брат, слон, Пётр*), или же к грамматическому классу н е о д у ш е в л е н н ы х существительных, обозначающих предметы неживой природы и растения, а также события, явления, качества, действия, состояния и т. п. (*автомобиль, дерево, буря, красота, отдых*).

Формальные средства выражения категории одушевленности/неодушевленности бывают как парадигматическими, так и синтагматическими (а для несклоняемых существительных — только синтагматическими). При этом наиболее отчетливо рассматриваемая категория бывает выражена в форме множественного числа. У одушевленных существительных форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой родительного падежа, а у неодушевленных — с формой именительного падежа (и это относится как к самому существительному, так и к согласующимся с ним формам прилагательных или причастий):

о д у ш е в л е н н ы е	н е о д у ш е в л е н н ы е
В. мн. ч. = Р. мн. ч.	В. мн. ч. = И. мн. ч. (В. ≠ Р.)
И. (*вот*) *красивые кони, утки, животные*	*красивые столы, розы, окна*
Р. (*нет*) *красивых коней, уток, животных*	*красивых столов, роз, окон*
В. (*вижу*) *красивых коней, уток, животных*	*красивые столы, розы, окна*

В форме единственного числа одушевленность/неодушевленность парадигматически выражена только у существительных мужского рода (с нулевым окончанием) типа *студент, дом* и *часовой, выходной* (субстантивированные

прилагательные): *знаю студента, часового* (В. = Р.), но *знаю дом, выходной* (В. = И.). У существительных мужского рода типа *дядя, юноша* (I скл.), а также у несклоняемых типа *атташе* одушевленность выражена в форме единственного числа только синтагматически: *нет этого дяди, атташе*; *вижу этого дядю, атташе* (В. = Р.). У существительных среднего и женского рода одушевленность/неодушевленность в форме единственного числа не выражена — нужно рассматривать формы множественного числа: *вижу овец, насекомых* (В. = Р., одушевленные существительные); *вижу книги, поля* (В. ≠ Р., неодушевленные существительные).

Не всегда грамматические признаки одушевленности/неодушевленности соответствуют номинативным свойствам имени. Так, некоторые существительные не обозначают живых существ, но по грамматическим свойствам входят в разряд одушевленных:

1) слова *мертвец, покойник* (но не *труп*);

2) названия мифических существ типа *домовой, гном, русалка*;

3) названия фигур в некоторых играх: *шар* (в речи бильярдистов: *послать шара в лузу*), *ферзь, туз, валет, козырь*;

4) обозначения игрушек — «подобий» живых существ: *матрёшка, кукла*.

Существительные, обозначающие нерасчлененную (собирательную) совокупность живых существ, являются грамматически неодушевленными (*вести за собой народ, отряд, войска, армии* и т. п.). В конструкциях типа *записаться в добровольцы, пойти в солдаты, избрать в депутаты, принять в члены* употребляется особая форма винительного падежа множественного числа, образованная по типу неодушевленных существительных (ср. обычную форму винительного падежа тех же существительных: *видеть добровольцев, учить солдат, верить в депутатов*).

Слова *вирус, микроб, бактерия* могут быть и одушевленными (*изучать вирусов, микробов, бактерий*), и неодушевленными (*изучать вирусы, микробы, бактерии*); языковое сознание как бы колеблется, следует ли относить эти микроорганизмы к живым существам.

Категория рода

Р о д — это несловоизменительная категория существительных, проявляющаяся в их способности сочетаться с определенными для каждого родового класса формами согласуемых слов (*новый студент, новая студентка, новое письмо*). В современном русском языке три грамматических рода: мужской, женский и средний. Все существительные (кроме слов типа *сани, ворота, чернила*, не имеющих форм единственного числа) распределяются по родам.

Грамматический род существительных выражается не только в синтагматике, но и в особенностях словоизменения, а также в словообразовании. Так, все существительные с нулевым окончанием в форме именительного падежа и окончанием *-ом/-ем* в форме творительного падежа единственного числа — м у ж с к о г о рода (*день, днём*). Если же форма творительного падежа имеет окончание *-ью*, то существительное относится к ж е н с к о м у роду (*дань, данью*). Существительные с окончанием *-а* в форме именительного падежа единственного числа относятся, как правило, к женскому роду (исключение: *дядя, неряха, время* и др.). Если форма именительного падежа единственного числа имеет окончание *-о/-е*, то существительное относится к с р е д н е м у роду (исключение: *домишко, домище* и др.).

Для словообразовательной структуры существительных мужского рода характерны суффиксы *-тель*, *-чик*, *-ун*, *-ик* и др. (*учитель, разносчик, бегун, столик*); для существительных женского рода — суффиксы *-ниц(а)*, *-к(а)*, *-j(а)*, *-ш(а)*, *-ость* и др. (*учительница, студентка, бегунья, генеральша, хитрость*); к среднему роду относятся слова с суффиксами *-ств(о)*, *-ниj(е)*, *-тиj(е)* (*учительство, пение, взятие*).

Категория рода тесно связана с категорией одушевленности/неодушевленности. У одушевленных существительных формы мужского и женского рода предназначены для выражения значения мужского или женского биологического пола (ср.: *мальчик — девочка, студент — студентка, петух — курица*). Значение биологического пола выражается, как правило, лишь у существительных, входящих в р о д о в у ю п а р у (т. е. парное противопоставление существительных мужского и женского рода, имеющих одинаковое лексическое значение и различающихся лишь значением биологического

пола). За пределами родовых пар грамматический род обычно не имеет значения биологического пола (*человек, существо, дитя, белка*); исключение составляют обозначения типично мужских или женских профессий и занятий (*сталевар, роженица* и др.).

С формальной точки зрения различаются родовые пары супплетивные, т. е. с разными корневыми морфемами (*мужчина — женщина, дедушка — бабушка, баран — овца*), словообразовательные (*студент — студентка, лев — львица*) и флективные, имеющие общую основу и различающиеся окончаниями (*раб — раба, супруг — супруга, Александр — Александра*)[1].

Между членами родовой пары могут устанавливаться разнообразные смысловые отношения. Иногда существительное мужского рода обозначает существо мужского пола (*дедушка*), а существительное женского рода — существо женского пола (*бабушка*). Но чаще одно из слов родовой пары не только обозначает существо определенного пола, но является также и общим названием всех существ этого типа независимо от различий по полу. Например, в паре *студент — студентка* слово *студент* обозначает не только лицо мужского пола (*Вошли студент и студентка*), но и любого представителя данной социальной группы (*Долг каждого студента — хорошо учиться*). В родовых парах, объединяющих личные существительные, такую роль может играть только слово мужского рода (*артист, преподаватель, музыкант* и т. п.). Если же слова, входящие в родовую пару, являются названиями животных, то в некоторых парах тип животных может быть обозначен словом мужского рода (*лев — львица, заяц — зайчиха*; ср.: *В лесах Европы львы не живут, зато много зайцев*), в других же парах — словом женского рода (*кот — кошка, баран — овца*; ср.: *Кошка — домашнее животное*; *Овцы завезены в Австралию из Англии*).

Особого внимания заслуживают существительные так называемого общего рода, которые по значению соотносятся

---

[1] Флективные родовые пары нередко объединяются с суффиксальными, поскольку многие ученые рассматривают слова типа *супруга* в качестве производных, образованных с помощью нулевого словообразовательного суффикса от соответствующих слов мужского рода [*супруг* → *супруг-∅(а)*].

с лицами как мужского, так и женского пола, а в предложении проявляют свойства то мужского, то женского рода: *наш/наша Саша, страшный/страшная неряха, Седых знал/знала*. Следовательно, в отличие от обычных существительных, слова общего рода относятся не к одному, а сразу к двум родам — мужскому и женскому; в контексте же всегда реализуются грамматические свойства определенного рода — мужского или женского.

В XX в., когда многие профессии и должности оказались доступны женщинам, некоторые слова мужского рода стали приобретать способность сочетаться с согласуемыми словами не только мужского, но и женского рода; в разговорной речи можно услышать: *врач сказала, директор фабрики распорядилась*. Переход слов типа *врач, доктор, профессор* в разряд существительных общего рода не завершен: если выражения типа *врач сказала* допустимы в разговорной речи, то выражения типа *хорошая врач* являются просторечными, а их употребление в формах косвенных падежей (вроде «*увидел хорошую врача*») вообще исключено.

Для некоторых существительных характерны родовые варианты (*жираф* и *жирафа, ботфорт* и *ботфорта* и др.). При этом обычно один родовой вариант стилистически нейтрален и рекомендуется литературной нормой, другие же варианты являются просторечными, устарелыми или же характерными лишь для профессиональной речи [ср.: *зал* (нейтр.) — *зала* (устар.) — *зало* (прост.); *желатин* (нейтр.) — *желатина* (проф.)].

Особые затруднения могут возникнуть при определении рода несклоняемых существительных. Род заимствованных одушевленных существительных прямо соотносится с биологическим полом называемого существа (*рефери* — м. р.; *мисс, леди* — ж. р.). Заимствованные неодушевленные существительные (*кашне, пальто, портмоне* и др.), как правило, среднего рода; исключения: *кофе* (не только ср. р., но и м. р.), *хинди, суахили* (названия языков — м. р.), *авеню* (ж. р.). Род несклоняемых географических названий соотносится с родом соответствующего нарицательного существительного [*Торонто, Тбилиси* (названия городов) — м. р.; *Онтарио* (название озера) — ср. р.; *Миссисипи* (название реки) — ж. р.]. Род несклоняемых аббревиатур обычно соответ-

ствует роду главного слова того словосочетания, которое положено в основу аббревиатуры [*СНГ* — ср. р. (***Содружество** независимых государств*), *АТС* — ж. р. (*автоматическая телефонная **станция***)].

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория числа

Ч и с л о — это словоизменительная категория существительных, выражающая в противопоставлении соотносительных форм единственного и множественного числа значения единичности/множественности предметов (*конь — кони, поезд — поезда́, окно — о́кна, корова — коровы*).

Основным средством выражения числа являются окончания существительного. Имеются и дополнительные способы выражения числовых значений:

1) чередование фонем в основе [*сосед — соседи* (<д>//<д'>), *чёрт — черти* (<о>//<е> и <т>//<т'>)];

2) усечение, наращение или чередование основообразовательных суффиксов [*крестьянин — крестьяне, сын — сыновья* (*сын-овj-а*), *котёнок — котята*];

3) мена ударения (*о́зеро — озёра, де́рево — дере́вья*);

4) супплетивизм, т. е. использование основ с разными корнями при образовании числовых форм одного слова (*ребёнок — дети, человек — люди*).

Кроме того, если в тексте от существительного зависит согласуемая форма прилагательного, причастия, а также личная форма глагола, то форма числа существительного выражается и синтагматически, в словосочетании (*новый учебник — новые учебники*; *студент пишет — студенты пишут*). Для несклоняемых существительных синтагматический способ выражения числа является единственным (*красивое пальто висело — красивые пальто висели*).

Далеко не все существительные имеют формы обоих чисел. Существительные, не имеющие форм множественного числа, называются словами s i n g u l a r i a t a n t u m, что в переводе с латинского означает ‘только формы единственного числа’. К числу слов singularia tantum относятся многие отвле-

ченные существительные (*бег, тишина, перемирие*), вещественные (*олово, молоко, сахар*), собирательные (*листва, пролетариат, человечество*), некоторые имена собственные (*Енисей, Крым, Зевс* и др.), а также названия ряда спортивных и иных игр (*футбол, хоккей, преферанс* и др.).

Бывают также существительные, не имеющие формы единственного числа, — это слова pluralia tantum (лат. 'только формы множественного числа'). К ним также относятся некоторые отвлеченные существительные (*поминки, переговоры, хлопоты*), вещественные (*духи, сливки, чернила*), собирательные (*деньги, джунгли, финансы*), многие имена собственные (*Альпы, Лужники, Мытищи* и др.), а также названия детских и спортивных игр (*казаки-разбойники, прятки, пятнашки, шахматы* и др.); особую группу составляют конкретные существительные (*брюки, ворота, ножницы, сани* и др.).

Сравнив существительные singularia tantum и pluralia tantum, нетрудно заметить, что образованию соотносительных числовых форм в обоих случаях препятствует один и тот же фактор — особенности семантики существительного, т. е. принадлежность имени к определенным лексико-грамматическим разрядам существительных отвлеченных, вещественных, собирательных или собственных. Конкретные же существительные обычно имеют обе числовые формы (*булка — булки, стол — столы, озеро — озёра*). Исключение составляют лишь немногие слова pluralia tantum типа *сани*; эти существительные обозначают предметы, имеющие сложное, нередко парное строение (*брюки, ворота, очки, ножницы* и т. п.); у многих из них некогда существовала форма единственного числа, которая с развитием языка была утрачена.

От некоторых существительных singularia tantum в профессиональном языке, в разговорной речи и языке поэзии иногда образуется, вопреки отмеченной выше закономерности, форма множественного числа. В таком случае она имеет некоторые особенности семантики по сравнению с формой множественного числа конкретных существительных.

Так, форма множественного числа отвлеченного существительного имеет более конкретное значение по сравнению с формой единственного числа и указывает на множество форм проявления отвлеченного понятия, обозначаемого основой

данного слова; ср.: *мощность завода* ('величина его производительной способности') — *мощности завода* ('конкретные цеха, станки, складские помещения и пр., в которых реализуется мощность предприятия'); *красота города* — *красóты города* ('исторические памятники, скверы и т. п.').

Форма множественного числа вещественного существительного указывает на множество сортов данного вещества (*продаются **воды** — минеральная и фруктовая*) или же на большие массы вещества (***пески** пустыни, **воды** океана*).

Форма множественного числа имени собственного может указывать не только на множество одноименных предметов (*«Запорожцы»*, *Иваны*), но и на собирательную совокупность лиц, связанных родственными отношениями (*Строговы, Форсайты*), на определенный социально-психологический тип людей (*Чацкие, Маниловы, герострáты*).

Следовательно, образование формы множественного числа от отвлеченных, вещественных, собирательных и собственных существительных нередко служит для передачи более сложных смысловых отношений, нежели простое указание на множественность предметов.

Хотя у каждой числовой формы есть свои собственные, присущие ей значения, в некоторых случаях (обычно в экспрессивной речи) вместо формы множественного числа используется форма единственного числа, и наоборот. Например: *Пусть все откроют **учебник** и выучат правило* — в предложениях такого типа форма единственного числа *учебник* указывает на реальную множественность предметов (это так называемое единственное число дистрибутивное, т. е. распределительное). Форма единственного числа может иметь также значение собирательной или обобщенной множественности: ***Ягода** в этом году обильная*; ***Студент** теперь знающий*. Напротив, множественное число может иметь значение единственного числа; таково множественное число «гиперболическое», служащее для экспрессивного обозначения единичности предмета: *Соседка опять на **курорты** поехала* (прост.); *Чему его только в **институтах** учили* (прост.).

В древнерусском языке, кроме форм единственного и множественного чисел, была особая форма двойственного числа, которая затем исчезла. В современном русском языке об этой форме напоминают:

1) окончание *-а* в форме именительного падежа множественного числа слов мужского рода *бока́, рога́, рукава́* (по происхождению это — окончание формы двойственного числа);

2) окончание *-и* в форме именительного падежа множественного числа слов среднего рода *очи, плечи, уши*;

3) особая по характеру ударения форма родительного падежа единственного числа (так называемая счетная форма), образуемая некоторыми существительными мужского рода, когда они сочетаются с количественными числительными *полтора, два, оба, три, четыре* [*полтора часа́* (ср. с «обычной» формой родительного падежа: *половина ча́са*), *два шага́* (ср.: *нет ша́га*), *три ряда́* (ср.: *вдоль ря́да*) и др.].

Категория падежа

П а д е ж — это словоизменительная категория существительных, выражающая то или иное отношение обозначаемого существительным предмета к другим предметам, действиям, признакам.

В современном русском языке категория падежа образуется противопоставлением шести падежей: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного.

Именительный падеж, представляющий собой основную, словарную форму имени, называется п р я м ы м падежом, остальные падежи называются к о с в е н н ы м и. Именительный падеж никогда не употребляется с предлогом, предложный падеж никогда не выступает без предлога; остальные падежи употребляются как с предлогами, так и без них. У каждого падежа есть свой набор предлогов.

Один и тот же падеж в зависимости от контекста и от лексического значения существительного может выражать разные значения. Существует четыре основных типа падежных значений:

1) с у б ъ е к т н о е — указание на производителя действия или носителя признака;

2) о б ъ е к т н о е — указание на тот объект, на который направлено действие;

3) о б с т о я т е л ь с т в е н н о е (адвербиальное) — указание на время, место, причину, образ действия, цель, меру и степень и т. п.;

4) о п р е д е л и т е л ь н о е — указание на признак предмета, в том числе и предикативный.

Падежные формы существительного с субъектным и объектным значением формируют костяк синтаксической структуры предложения: ***Охотник увидел оленя.*** Если же падежная форма существительного (или предложно-падежная конструкция) имеет обстоятельственное либо определительное значение, то она используется для распространения, конкретизации синтаксической структуры предложения: *Ранним **утром** охотник увидел оленя редкой **красоты**.*

Почти каждый падеж способен выражать все четыре указанных вида значений.

И м е н и т е л ь н ы й падеж имеет значения: 1) субъектное: ***Учитель** работает*; ***Москва** — столица*; 2) объектное: ***Дом** строится рабочими*; 3) определительное: *город-**герой***; *Москва — **столица**.*

Косвенные падежи по своему употреблению делятся на приглагольные и приимённые (винительный падеж бывает только приглагольным). Рассмотрим основные значения беспредложных косвенных падежей.

Р о д и т е л ь н ы й падеж приглагольный имеет значения: 1) субъектное — при глаголе *быть* с отрицанием или его эквиваленте *нет*: ***соседей** не было дома, в аудитории нет **студентов*** (ср.: *соседи были, студенты есть*); 2) объектное — при глаголах со значением лишения, удаления: *лишиться **стипендии**, избегать **друзей***; также при всех переходных глаголах с отрицанием: *не иметь **книг**, не прочитать **журнала***; 3) обстоятельственное — ср. конструкции с «родительным даты»: *Это случилось третьего **апреля**.*

Родительный приимённый имеет значения: 1) субъектное (при отглагольных существительных): *пение **артиста**, бег **иноходца*** (ср.: *артист поёт, иноходец бежит*); 2) объектное (при отглагольных существительных): *охрана **природы**, строительство **дома*** (ср.: *охранять природу, строить дом*); 3) определительное: *крыша **дома**, человек большого **ума**.*

Д а т е л ь н ы й падеж приглагольный имеет значения: 1) субъектное: ***сыну** было 20 лет*; ср. также в безличных предложениях: ***отцу** не спится, **студентам** весело*; 2) объектное: *верить **другу**, помогать **соседу***; разновидностью объектного значения является значение косвенного объекта,

или адресата, — самое характерное значение этого падежа: *передать что-л. брату, написать матери*.

Дательный приимённый часто имеет определительное значение: *памятник Пушкину*.

Винительный падеж имеет значения: 1) субъектное: *больного знобит*; 2) объектное: *читать книгу, петь песню*; 3) обстоятельственное: *объездить всю Сибирь, читать целый день*.

Творительный падеж приглагольный имеет значения: 1) субъектное: *дача строится рабочими*; 2) объектное: *восхищаться героем*; 3) обстоятельственное: *ехать лесом, гулять вечерами, прославиться геройством*; 4) определительное (предикативное): *Гагарин был космонавтом*.

Творительный приимённый имеет значения: 1) субъектное: *открытие Америки Колумбом* (ср.: *Колумб открыл Америку*); 2) определительное: *Богатырь ты будешь с виду и казак душой* (Л.).

Предложный падеж употребляется лишь в составе конструкций с предлогами. Предложный приглагольный имеет значения: 1) объектное (изъяснительное): *говорить о науке, сознаваться в ошибке*; 2) обстоятельственное: *отдыхать на юге, читать при лампе*; 3) определительное: *Иванов состоял в помощниках* (ср.: *был помощником*); *Счастье — в любимой работе* (ср.: *Счастье — это любимая работа*).

Предложный приимённый часто имеет определительное значение: *статья о науке, дом в деревне*.

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Один и тот же падеж у разных существительных бывает выражен разными окончаниями. Например, винительный падеж единственного числа слова *страна* выражен окончанием *-у* (*страну*), слова *студент* — окончанием *-а* (*студента*), слова *степь* — нулевым окончанием [*степ'*(ø)]. Подобные различия наблюдаются и в других падежах. Разряды существительных, имеющих одинаковые падежные окончания, называются типами склонения (или склонениями). Например, слова *страна, школа, книга, юноша* относятся к одному склонению, а слова *страна, студент, степь* — к раз-

ным склонениям. Тип склонения — постоянный формально-грамматический признак существительного.

Наиболее последовательно разные склонения противопоставлены в единственном числе. В процессе развития русского языка формы множественного числа разных склонений унифицировались, поэтому в форме множественного числа у слов разных склонений нередко используются одинаковые падежные окончания:

И.	*страны* (I скл.)	*студенты* (II скл.)
Р.	*степей* (III скл.)	*полей* (II скл.)

Особенно последовательно унифицированы падежные окончания в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа, где разные типы склонения вообще не противопоставлены одно другому:

Д.	*странам*	*студентам*	*степям*
Т.	*странами*	*студентами*	*степями*
П. (*о*)	*странах*	*студентах*	*степях*

Отсутствие четкого противопоставления разных типов склонения во множественном числе приводит к тому, что слова pluralia tantum типа *сани* не могут быть отнесены к какому-либо определенному типу склонения; при морфологическом разборе тип склонения таких существительных не указывается.

I. Основу системы склонений существительных составляют три продуктивных склонения, которыми охвачено большинство русских существительных; новые существительные обычно включаются в один из этих типов склонения.

К I с к л о н е н и ю относятся существительные женского рода с окончанием *-а/-я* в форме именительного падежа единственного числа типа *страна, земля, армия*, немногочисленные существительные мужского рода типа *дядя, юноша* и слова общего рода типа *егоза, задира, забияка*.

Е д и н с т в е н н о е ч и с л о

И.	*страна*	*земля*	*армия*	*юноша*	*задира*
Р.	*страны*	*земли*	*армии*	*юноши*	*задиры*
Д.	*стране*	*земле*	*армии*	*юноше*	*задире*
В.	*страну*	*землю*	*армию*	*юношу*	*задиру*
Т.	*страной*	*землёй*	*армией*	*юношей*	*задирой*
П. (*о*)	*стране*	*земле*	*армии*	*юноше*	*задире*

В зависимости от характера основы (оканчивается на твердую или мягкую фонему) выделяются твердая (типа *страна*) и мягкая (типа *земля, армия*) разновидности I склонения. Хотя в написании окончаний твердой и мягкой разновидностей склонения наблюдаются различия, фонемный состав окончаний одинаков:

И.	*стран-а*	*земл'-а*
Т.	*стран-ой*	*земл'-ой*

В формах дательного и предложного падежей происходит смягчение основ твердой разновидности склонения (*стран'-е, трав'-е* — ср. *земл'-е*). В этих же падежных формах существительные мягкой разновидности склонения типа *армия* (с основой на *-ij-*) имеют окончание *-и* (*армии, революции*). Если перед *-j-* в конце основы нет фонемы <и> (*гостья, бегунья, фея, запятая, статуя* и др.), то такие существительные по общему правилу имеют окончание *-е* (*гостье, фее*).

У слов типа *рука* (с основами на задненёбные -<к>, -<г>, -<х>) происходит смягчение основы в формах не только дательного и предложного, но и родительного падежа (*рук'-и, ног'-и, гречих'-и* — ср. *земл'-и*).

У слов типа *юноша* (с основами на твердые и мягкие шипящие -<ш>, -<ж>, -<ш̄'>) характер основы при склонении не меняется, но написание окончаний соответствует образцам то твердой, то мягкой разновидности склонения. В формах именительного и винительного падежей — соответственно *-а*, *-у* (*юноша, юношу* — ср.: *страна, страну*), родительного падежа — *-и* (*юноши* — ср. *земли*). В форме творительного падежа пишется ударное окончание *-ой* (*душой, межой, пращой*) или безударное *-ей* (*юношей, кожей, рощей*). Этому же правилу подчиняется написание окончания творительного падежа слов с основами на -<ц> (*овцой*, но *улицей*).

У всех существительных I склонения возможны вариантные окончания формы творительного падежа: *-ой*(*-ей*) и *-ою* (*-ею*). Основным окончанием является *-ой*/*-ей*, окончание же *-ою*/*-ею* воспринимается как книжное и в разговорной речи не употребляется, хотя достаточно широко используется в поэзии: *Скрылась за рекою белая луна* (Ес.).

	Множественное число				
И.	*страны*	*земли*	*армии*	*юноши*	*задиры*
Р.	*стран*	*земель*	*армий*	*юношей*	*задир*
Д.	*странам*	*землям*	*армиям*	*юношам*	*задирам*
В.	*страны*	*земли*	*армии*	*юношей*	*задир*
Т.	*странами*	*землями*	*армиями*	*юношами*	*задирами*
П. (*о*)	*странах*	*землях*	*армиях*	*юношах*	*задирах*

Форма именительного падежа существительных твердой разновидности склонения (*страны*) имеет окончание *-ы*, слов мягкой разновидности склонения (*земли, армии*), а также с основами на -<к>, -<г>, -<х>, -<ш>, -<ж>, <ш'> (*руки, юноши, рощи*) — окончание *-и*.

В форме родительного падежа обычно употребляется нулевое (*-ø*) окончание (*стран-ø, армий-ø, рук-ø*). При этом если на конце основы наблюдается сочетание согласных, то часто появляются «беглые» гласные (*земли — земель*; *каски — касок*; *нитки — ниток*). Ср. основы без «беглых» гласных: *банды — банд*; *волны — волн*; *парты — парт*. Для слов типа *статья́, шалу́нья* (основа на *-j* с предшествующей согласной) действует правило: если в форме именительного падежа ударение падает на окончание, то перед *-j* появляется «беглое» *е* (*статей, скамей*), если же ударение падает на основу, то появляется «беглое» *и* (*бегуний, шалуний*).

У существительных с основой на сочетание согласного с <н'> (типа *песни*) в форме родительного падежа перед нулевым окончанием наблюдается не только появление «беглой» гласной, но и отвердение конечного согласного основы (*басен, вишен*); исключение: *барышень, боярышень, деревень, кухонь*. В словах типа *героиня* (где нет сочетания согласных на конце основы) в форме родительного падежа множественного числа, как и в других падежных формах, конечный согласный всегда мягкий (*героинь*).

У некоторых существительных форма родительного падежа образуется прибавлением окончания *-ей* (*дядей, пригоршней, распрей, саклей, тихоней, ходулей, юношей*). У слов *пригоршня, свеча, тихоня, ходуля* по две вариантные формы родительного падежа множественного числа: *пригоршней* и *пригоршен, свечей* и поэт. *свеч*. Вариантные формы родительного падежа возможны также для слов *межа, простыня* и др.

[ср.: *меж* (нейтр.) и *межей* (разг.); *простынéй* (нейтр.) и *простúнь* (разг.)].

Форма винительного падежа множественного числа в зависимости от одушевленности/неодушевленности существительного совпадает с формой именительного (*вижу земли*) или родительного падежа (*вижу юношей*).

Ко II склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа типа *стол-ø*, *конь-ø*, *гений-ø* (исключение: *путь*), а также существительные среднего и мужского рода с окончанием *-о(-ё)/-е* типа *село*, *жнивьё*, *поле*, *бытиé*, *домишко*, *подмастерье*.

Единственное число

И.	*стол*	*конь*	*гений*	*село*	*поле*	*бытие*
Р.	*стола*	*коня*	*гения*	*села*	*поля*	*бытия*
Д.	*столу*	*коню*	*гению*	*селу*	*полю*	*бытию*
В.	*стол*	*коня*	*гения*	*село*	*поле*	*бытие*
Т.	*столом*	*конём*	*гением*	*селом*	*полем*	*бытием*
П. (*о*)	*столе*	*коне*	*гении*	*селе*	*поле*	*бытии*

Выделяются две разновидности склонения — твердая (*стол*, *село*) и мягкая (*конь*, *гений*, *поле*).

Отличия в склонении существительных мужского и среднего рода касаются лишь форм именительного и (отчасти) винительного падежей. Существительные среднего рода имеют в этих формах окончание *-о(-ё)/-е* (*село*, *жнивьё*, *поле*). Слова мужского рода имеют окончание *-о/-е* лишь после суффиксов субъективной оценки (*домишко*, *домище*); ср. также *подмастерье*; во всех остальных случаях в форме именительного падежа выступает нулевое окончание (*дом-ø*, *конь-ø*, *гений-ø*).

Одушевленные и неодушевленные существительные мужского рода имеют разные окончания в форме винительного падежа [*вижу коня* (В. = Р.), но *вижу стол* (В. = И.)].

Некоторые существительные мужского рода наряду с формой родительного падежа на *-а/-я* образуют дополнительную (партитивную) форму родительного падежа, имеющую количественное значение части целого. Партитивная форма образуется с помощью окончания *-у/-ю* [*стакан чаю*, *намело снегу* (ср.: *вкус чая*, *белизна снега*)]. Форму родительного па-

дежа с окончанием *-у/-ю* могут иметь следующие существительные мужского рода:

1) вещественные: *йод, сахар, снег, творог, чай, шоколад, яд*, в том числе и уменьшительные (*сахарок, табачок, чаёк*), у последних в форме родительного падежа всегда окончание *-у*;

2) отвлеченные: *блеск, долг, крик, мороз, порядок, убыток, юмор*;

3) собирательные: *народ, сброд* и др.

У существительных мужского рода *ряд, час, шаг, шар, след* в сочетании с числительными *полтора, два, оба, три, четыре* используется особая (с точки зрения ударения), «счетная» форма родительного падежа [*три рядá, полтора часá, четыре шагá* (ср.: *нет чáса, шáга*)]. «Счетная» форма восходит к исчезнувшему двойственному числу.

Форма творительного падежа от названий населенных пунктов на *-ын(о)/-ин(о), -ов(о)/-ев(о)* образуется по общему правилу с помощью окончания *-ом* (*городами Голицыном, Камышином, Ковровом и Белёвом*). При образовании формы творительного падежа от русских фамилий на *-ын/-ин, -ов/-ев* используется окончание *-ым*, а от иностранных фамилий — окончание *-ом* (*инженерами Голицыным, Камышиным, Ковровым и Белёвым*, но *учёным Дарвином*).

Существительные с основами на *-ий, -иj(е)* в форме предложного падежа имеют окончание *-и* [*гений — о гении* (*гениj-и*); *бытие — о бытии* (*бытиj-и*)]. Существительные среднего рода с основой на *-j(е)* (без предшествующего *и*: *житьё, раздолье*) в форме предложного падежа имеют по общему правилу окончание *-е* (*о житье, о раздолье*); исключение: *забытьё*, имеющее две формы предложного падежа — *о забытье*, но *в забытьи*.

У некоторых существительных мужского рода различаются две формы предложного падежа — «изъяснительная», которая образуется с окончанием *-е* (*о бéреге*), и «локативная» («местная») с ударным окончанием *-у* (*на берегý*). К числу существительных, образующих указанные разновидности формы предложного падежа, относятся:

1) конкретные существительные: *берег, год, лес, луг, мозг, порт, сад, след, шкаф*;

2) отвлеченные существительные: *бой, пир, строй*;

3) вещественные существительные: *мёд, чай* и др.

	Множественное число					
И.	*столы*	*кони*	*гении*	*сёла*	*поля*	*события*
Р.	*столов*	*коней*	*гениев*	*сёл*	*полей*	*событий*
Д.	*столам*	*коням*	*гениям*	*сёлам*	*полям*	*событиям*
В.	*столы*	*коней*	*гениев*	*сёла*	*поля*	*события*
Т.	*столами*	*конями*	*гениями*	*сёлами*	*полями*	*событиями*
П. (*о*)	*столах*	*конях*	*гениях*	*сёлах*	*полях*	*событиях*

Для образования формы именительного падежа используются окончания *-ы/-и*, *-а/-я*, *-е*. С помощью окончания *-ы/-и* образуют форму именительного падежа многие существительные мужского рода (*столы*, *кони*, *гении*), а также часть существительных среднего рода (*яблоки*, *плечи*, *колени*).

Окончание *-а/-я*, которое может быть ударным и безударным, присуще большинству существительных среднего рода (*сёла*, *места́*). Это же окончание используется и у некоторых существительных мужского рода:

1) ударное *-а/-я* имеют существительные *бока́*, *глаза́*, *луга́*, *рукава́*, *учителя́* и др.; у многих таких существительных возможны вариантные окончания: *тра́кторы* и *трактора́*; *догово́ры* и проф. *договора́*; *реда́кторы* и разг. *редактора́*;

2) ударное и безударное *-а/-я* имеют существительные, у которых в форме множественного числа в конце основы появляется основообразовательный суффикс *-j-*: *братья*, *друзья*, *клинья*, *мужья*, *сучья*;

3) безударное *-а* имеют существительные с чередованием или усечением аффиксов в основе: *гусёнок — гусята*; *чертёнок — чертенята*; *хозяин — хозяева*.

Окончание *-е* используется для образования формы именительного падежа существительных мужского рода с усечением части основы в форме множественного числа: *молдаванин — молдаване*; *крестьянин — крестьяне*; *боярин — бояре* и др., а также у слова *цыган — цыгане*.

Форма родительного падежа множественного числа образуется с помощью окончаний *-ов/-ев*, *-ей* и *-ø*. Окончание *-ов/-ев* используется:

1) у существительных мужского рода, относящихся к твердой разновидности склонения (*столов*, *отцов*, *колодцев*);

2) у существительных мужского рода с основой на *-j* (*боёв*, *караваев*);

3) у существительных среднего рода на *-к(о)*, *-ик(о)*, *-ц(е)* (*озерков, плечиков, блюдцев*);

4) у слова *дерево*, образующего форму множественного числа с наращением *-j-* в основе (*деревьев*).

С окончанием *-ей* образуется форма родительного падежа:

1) существительных мужского и среднего рода мягкой разновидности склонения (*коней, мячей, полей*);

2) существительных мужского рода с основами на *-<ж>*, *-<ш>* (*ножей, шалашей*).

Нулевое окончание образует форму родительного падежа:

1) существительных среднего рода твердой разновидности склонения (*озёр-ø, сёл-ø, слов-ø*);

2) некоторых существительных мужского рода с усечением или чередованием суффиксов в основе форм единственного и множественного числа (*молдаванин — молдаван-ø; хозяин — хозяев-ø; гусёнок — гусят-ø; господин — господ-ø*);

3) существительных мужского рода, у которых нет усечения или чередования суффиксов в основе (*волос, глаз, грузин, сапог, солдат*). Если на конце основы наблюдается стечение согласных, то появляется «беглая» гласная (*весло — вёсел-ø; окно — окон-ø; ребро — рёбер-ø; число — чисел-ø*).

К III с к л о н е н и ю относятся существительные женского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа: *степь* (*степ'-ø*), *рожь, мышь, мать*. Твердая и мягкая разновидности этого склонения почти не различаются; расхождения в написании окончаний наблюдаются лишь в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа (*степям, степями, о степях*, но: *мышам, мышами, о мышах*).

Е д и н с т в е н н о е ч и с л о

И.	*степь*	*мышь*	*мать*
Р.	*степи*	*мыши*	*матери*
Д.	*степи*	*мыши*	*матери*
В.	*степь*	*мышь*	*мать*
Т.	*степью*	*мышью*	*матерью*
П. (*о*)	*степи*	*мыши*	*матери*

У существительных III склонения развита омонимия форм: совпадают формы именительного и винительного падежей единственного числа (*степь*), родительного, дательного и пред-

ложного падежей единственного числа, а также именительного и винительного падежей множественного числа (*степи*).

В основах существительных *мать, дочь* формы косвенных падежей (кроме винительного) образуются с наращением в основе суффикса *-ер-* (*матери, матерью*; *дочери, дочерью*).

У слов *бровь, кровь, даль, пыль, грудь, тень, степь, горсть* и др. с помощью ударения различаются две формы предложного падежа — «изъяснительная» (*о кро́ви, о сте́пи*) и «местная» (*на кровй́, в степй́*).

Множественное число

И.	*степи*	*мыши*	*матери*
Р.	*степей*	*мышей*	*матерей*
Д.	*степям*	*мышам*	*матерям*
В.	*степи*	*мышей*	*матерей*
Т.	*степями*	*мышами*	*матерями*
П. (*о*)	*степях*	*мышах*	*матерях*

Форма именительного падежа у всех существительных III склонения образуется с окончанием *-и*, форма родительного падежа — с окончанием *-ей*.

Большинство существительных III склонения образует форму творительного падежа с помощью окончания *-ами/-ями* (*мышами, степями*). Слова *дверь, дочь, лошадь* имеют вариантные окончания — *-ами/-ями* и *-ми* (*дверями* и *дверьми, дочерями* и *дочерьми, лошадями* и *лошадьми*), при этом основным окончанием является *-ми*, а формы на *-ами/-ями* воспринимаются как разговорно-просторечные. В устойчивых выражениях *бить плетьми, лечь костьми* используется форма творительного падежа слов *плеть, кость* только с окончанием *-ми*.

У слов *мать, дочь* во всех формах множественного числа наблюдается наращение основообразовательного суффикса *-ер-* (*матери, матерей*; *дочери, дочерей*).

II. Тремя продуктивными типами склонения охвачены далеко не все существительные. Имеются следующие дополнительные образцы склонения:

1. Разносклоняемые существительные (это прежде всего десять существительных среднего рода на *-мя*: *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*) при образовании форм косвенных падежей единственного числа (кроме винительного) и во всех формах множественного

числа имеют наращение основообразовательного суффикса *-ен-*. Они называются разносклоняемыми, потому что при их словоизменении используются окончания разных склонений [*бремя* (ср. *земля*), *бремени* (ср. *степи*), *бременем* (ср. *полем*)]. Слова *бремя, вымя, пламя, темя* не имеют форм множественного числа. Остальные же слова этой группы образуют падежные формы множественного числа по образцу существительных среднего рода II склонения [*знамёна* (ср. *сёла*), *знамён* (ср. *сёл*), *знамёнам* (ср. *сёлам*)]. У слов *семя, стремя* в форме родительного падежа множественного числа основа имеет суффикс *-ян-* (*семян, стремян*).

Разносклоняемым является и существительное *путь* (м. р.), которое в целом изменяется подобно слову *степь* за исключением формы творительного падежа единственного числа [*путём* (*конём*)].

Разносклоняемое существительное *дитя* (ср. р.) в современном русском языке активно используется лишь в формах именительного и винительного падежей: *Мать и дитя отдыхали*; *Медсестра успокоила дитя*. Однако это слово имеет и архаичные формы других косвенных падежей (кроме винительного), где основа содержит наращение *-ят-* (Р. и Д. *дитяти*, Т. *дитятею*, П. *о дитяти*). Множественного числа в настоящее время это существительное не имеет, так как формы *дети, детей, детям, детей, детьми, о детях*, ранее входившие в парадигму слова *дитя*, теперь являются супплетивными формами другого слова — *ребёнок* (*дети*).

2. Существительные, образовавшиеся в результате субстантивации (типа *часовой, мороженое, столовая, командировочные*), склоняются по образцу прилагательных.

3. Несклоняемые существительные, у которых наблюдается полная омонимия падежных форм (ср.: *новое пальто, нового пальто, новому пальто*), образуют особое, «нулевое» склонение.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное — это часть речи, выражающая общекатегориальное значение признака предмета в форме грамматической зависимости от существительного (*хоро-*

ший ученик, мысль интересна, бег был быстрым, лес стал зеленее, талантливейший из студентов, рубашка цвета хаки).

Для большинства прилагательных грамматическая зависимость от существительного заключается в согласовании в роде (*новый стол, новая школа, новое дело*), одушевленности/неодушевленности (*вижу хороший дом*, но *хорошего студента*), числу и падежу (*классный журнал, классные журналы; известный писатель, известного писателя, известному писателю*). Некоторые формы степеней сравнения прилагательных (*красивее, всего дороже*) лишены форм согласования и подчинены существительному на основе синтаксической связи примыкания; примыкают к существительным также несклоняемые прилагательные типа *беж, хаки, авиа, хинди*.

В предложении прилагательное бывает определением или именной частью составного сказуемого: *...Сквозь туман кремнистый путь блестит; ночь тиха* (Л.).

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Отвлеченное грамматическое значение признака предмета выступает в двух разновидностях: качественный признак (собственное качество предмета) и относительный признак (выявляемый через отношение предмета к другому предмету, явлению и т. п.). В числе относительных признаков предмета с помощью языковых средств особо выделяется отношение принадлежности предмета лицу (реже — животному), т. е. притяжательное отношение. Противопоставление качественных, относительных и притяжательных признаков предмета лежит в основе выделения трех лексико-грамматических разрядов прилагательных — качественных, относительных и притяжательных.

К а ч е с т в е н н ы е прилагательные обозначают качества предметов: размеры (*большой, высокий, широкий*), форму и положение в пространстве (*прямой, отвесный*), цвет (*пунцовый, красный*), физические характеристики (*тёплый, кислый*), возрастные и физиологические характеристики (*молодой, больной, глухой*), интеллектуальные свойства и черты ха-

рактера (*умный, весёлый, добрый*) и др. Отличительная черта качественного признака заключается в том, что он может менять свою силу (интенсивность), поэтому характеризует предмет в большей или меньшей степени (ср.: ***красивый*** *подарок* — ***более красивый*** *подарок* — ***самый красивый*** *подарок*; ***сильный*** *спортсмен* — *спортсмен стал* ***сильнее*** — ***сильнейший*** *из спортсменов*).

Для качественных прилагательных характерны следующие формальные признаки:

1) способность образовывать краткую форму: *весёлый* — *весел*; *храбрый* — *храбр*;

2) образование форм степеней сравнения: *белый* — *белее* — *белейший*;

3) сочетаемость с наречиями меры и степени: *очень умный, весьма хитрый*;

4) вхождение в антонимические пары: *холодный* — *горячий*; *больной* — *здоровый*; при этом антонимы легко образуются прибавлением приставки *не-* (*сладкий* → *несладкий*);

5) возможность образования прилагательных со значением субъективной эмоциональной оценки: *красивый* → *красивенький*; *белый* → *пребелый*;

6) способность образовывать отвлеченные существительные: *синий* → *синева*; *добрый* → *доброта*;

7) способность образовывать качественные наречия: *весёлый* → *весело*; *тихий* → *тихо*.

Не любое качественное прилагательное характеризуется всеми перечисленными признаками. Например, от слова *голубой* не образуется краткая форма; от слов *слепой, лысый* не употребляется форма сравнительной степени. Но наличие хотя бы нескольких из перечисленных признаков позволяет считать данное прилагательное качественным, потому что ни один из этих признаков не характерен для относительных или притяжательных прилагательных.

О т н о с и т е л ь н ы е прилагательные обозначают отношения предметов к элементам окружающей действительности: к предметам (*институтское общежитие* ‘при институте’), материалам (*нейлоновая куртка* ‘из нейлона’), временны́м или пространственным ориентирам (*вчерашний посетитель, сибирский хор*), действиям (*читальный зал*) и др. Относительный признак не может менять свою интен-

сивность, поэтому и невозможны сочетания относительных прилагательных с наречиями меры и степени (нельзя сказать: *«весьма читальный зал»*). От таких прилагательных не образуются краткие формы, формы степеней сравнения, а также прилагательные со значением субъективной оценки. Они не имеют антонимов, не образуют существительных и наречий с качественным значением. У относительных прилагательных всегда производная основа (в отличие от качественных, которые часто непроизводны: *белый, хороший, тёплый*).

П р и т я ж а т е л ь н ы е прилагательные характеризуются целым рядом формальных и семантических признаков, отграничивающих эту группу от других лексико-грамматических групп прилагательных. Если качественные и относительные прилагательные отвечают на вопрос «какой?», то для притяжательных есть особое вопросительное слово «чей?». С семантико-синтаксической точки зрения притяжательные прилагательные синонимичны конструкциям со значением обладания; ср.: *Петина книга = книга, которая принадлежит Пете*; *лисья нора = нора, принадлежащая лисе*. Для притяжательных прилагательных характерны особые словообразовательные суффиксы *-ин*, *-ов/-ев*, *-ий* (*мамин, отцов, Игорев, лисий*). У притяжательных прилагательных также особая система склонения.

Граница между лексико-грамматическими группами прилагательных подвижна. Одно и то же прилагательное может в своем основном значении быть относительным, а в переносных — качественным, и наоборот.

Так, относительные прилагательные могут приобретать качественное значение; ср.: *каменный дом* ‘сделанный из камня’ и *каменное сердце* ‘безжалостное, жестокое’, *каменное лицо* ‘неподвижное’; два последних значения — качественные, что доказывается, в частности, возможностью образования форм степеней сравнения (*лицо становилось всё более каменным*). Ср. также: *золотые часы* и *золотые руки*; *стальные пружины* и *стальные нервы*; *малиновый компот* и *малиновый жилет, малиновый звон*. Многие относительные прилагательные с суффиксом *-ск-* могут употребляться и в притяжательном значении (при этом они не переходят в разряд притяжательных!). Ср.: *Пушкинские чтения* ‘памяти Пушкина’ (относительное значение) — *пушкинские стихи* ‘при-

надлежащие перу Пушкина' (притяжательное значение); *толстовские настроения* 'как у Л. Толстого' (относительное значение) — *толстовские романы* (притяжательное значение).

В некоторых контекстах качественные прилагательные могут развивать дополнительные относительные значения; ср.: *глухой человек* (качественное значение) — *глухой звук* 'характеризующийся фонетической глухостью' (относительное значение); *скорый шаг — скорый поезд*.

Притяжательные прилагательные довольно часто используются в относительном значении; ср.: *лисья нора* (притяжательное значение) — *лисья шуба* 'из меха лисы' (относительное значение); *волчья лапа* (притяжательное значение) — *волчья стая* 'стая волков' (относительное значение). Возможно также проявление качественного значения притяжательных прилагательных; ср.: *лисья нора* 'принадлежащая лисе' (притяжательное значение) — *лисья хитрость* 'изощренная' (качественное значение); *медвежья берлога* (притяжательное значение) — *медвежья* ('плохая') *услуга*; *куриные следы — куриные мозги*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

По грамматическим свойствам прилагательные делятся на склоняемые и несклоняемые. Большинство прилагательных — с к л о н я е м ы е. Согласуясь с существительными, они изменяются по родам, числам и падежам, а в форме винительного падежа может быть выражена также одушевленность/неодушевленность (*новый дом*, но *нового ученика*). От склоняемых качественных прилагательных могут образовываться формы степеней сравнения (*новый — новее, новейший*) и краткая форма (*новый — нов*). Таким образом, склоняемость прилагательного предполагает его изменение по ряду морфологических категорий. Парадигма склоняемого прилагательного содержит несколько десятков словоформ.

Н е с к л о н я е м ы е прилагательные (*беж, хаки, мини, авиа* и др.) не имеют словоизменительной парадигмы, всегда выступают в одной и той же форме. Как и склоняемые прилагательные, они обозначают признак предмета и отвечают на

вопрос «какой?». Но они не имеют флексий (в том числе и нулевых) и грамматическое значение признака предмета выражают в примыкании к существительному, подобно прилагательным в языках аналитического типа, например в английском (поэтому русские несклоняемые прилагательные часто называются аналитическими).

Еще одним синтаксическим различительным признаком склоняемых и несклоняемых прилагательных является позиция, которую они занимают в именном словосочетании. Склоняемые прилагательные в функции определения обычно предшествуют существительному (***почтовый конверт, русский язык***), несклоняемые же обычно употребляются после существительного (*конверт* ***авиа, язык хинди***).

По происхождению несклоняемые прилагательные могут быть как исконно русскими, так и заимствованными. Заимствованы некоторые названия цветов (*хаки* 'коричневый с зеленым оттенком', *беж* 'светло-коричневый с желтоватым или сероватым оттенком', *маренго* 'черный с серым отливом') и языков (*коми, суахили, хинди*); ср. также: *авиа, мини, миди* и др.

Исконно русские несклоняемые прилагательные гораздо чаще встречаются в нашей речи [*яблоко* (какое?) ***покраснее***; *песня* (какая?) ***повеселее***]. В словообразовательном отношении некоторые исконно русские несклоняемые прилагательные производны от других частей речи, чаще всего от наречий, реже — от предлогов и числительных. Ср. грамматические омонимы: *сварить яйцо* ***всмятку*** («как?» — нар.) — *яйцо* ***всмятку*** («какое?» — прил.); *бежать* ***наперегонки*** («как?» — нар.) — *бег* ***наперегонки*** («какой?» — прил.); *остановиться* ***напротив*** (предл.) *дома — живёт в доме* ***напротив*** («каком?» — прил.); ***два*** *космонавта* («сколько?» — числ.) — *космонавт-****два*** («какой?» — прил.).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Для прилагательных современного русского языка характерна система из шести морфологических категорий: полнота/краткость, степени сравнения, род, одушевленность/неодушевленность, число и падеж. Все эти категории являются словоизменительными. При этом категории полно-

ты/краткости и степеней сравнения являются «собственными» категориями прилагательных, тогда как категории рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа прилагательных полностью зависят от соответствующих категорий существительных (прилагательные согласуются с существительными по указанным признакам).

Категория полноты/краткости

Эта категория реализуется только в разряде качественных прилагательных и образуется противопоставлением двух форм — полной и краткой — одного и того же прилагательного (*белый — бел*; *старый — стар*). Краткая форма образуется от многих качественных прилагательных путем прибавления к основе прилагательного особых окончаний: *-ø* (м. р.), *-а/-я* (ж. р.), *-о/-е* (ср. р.), *-ы/-и* (мн. ч) (*весёлый — весел, весела, весело, веселы*; *синий — синь, синя, сине, сини*).

Если на конце основы есть сочетание согласных с <н> или <к>, то при образовании формы мужского рода появляется «беглая» гласная (*тонкий — тонок*; *полный — полон*; *горький — горек*; *трудный — труден*). Перед другими согласными «беглая» гласная обычно не появляется (*быстр, смугл, толст*); исключение: *долог, кисел, остёр, светел, хитёр*. У прилагательных с основами на *-енн* (типа *болезненный, искусственный, легкомысленный, многочисленный*) в форме мужского рода происходит усечение *-н* [*болезнен* (ср. *болезненна*), *искусствен*]. Для прилагательных *безнравственный, ответственный, своевременный, свойственный* и др. допустимы варианты: *ответствен* и *ответственен*, *свойствен* и *свойственен*, причем усеченная краткая форма мужского рода используется все чаще.

Большинство качественных прилагательных имеет обе формы — полную и краткую. Многие качественные прилагательные имеют только полную форму:

1) названия некоторых цветов: *коричневый, кофейный, кремовый* и мастей животных: *вороной, каурый, пегий* и др.;

2) слова с суффиксами субъективной оценки: *длиннющий, зелёненький, толстенный*;

3) слова с суффиксами *-ск-*, *-ов-/-ев-*; *-н-* (по происхождению — из относительных прилагательных): *братский* (*при-*

вет), *товарищеский* (*матч*), *передовой* (*работник*), *боевой* (*парень*), *кляузное* (*письмо*);

4) прилагательные других групп: *давний, порожний, прежний, борзой, чужой* и др.

От прилагательного *маленький* краткая форма образуется с усечением основообразовательного суффикса *-еньк-* (*маленький — мала, мало, малы*), а от прилагательного *большой* — супплетивно (*большой — велик, велика, велико, велики*).

Только краткую форму имеют прилагательные *горазд, должен, рад, надобен, великоват, маловат, одинёхонек/одинёшенек, радёхонек/радёшенек* и др.

В ряде случаев лексические значения полной и краткой форм расходятся настолько значительно, что можно говорить о чисто формальном соотношении разных прилагательных, одно из которых имеет только полную форму, а другое — только краткую; ср.: ***видный учёный*** 'известный' — ***дом виден*** 'доступен зрению'; ***вольный ветер*** — ***Он волен поступить, как ему хочется***; ***способный к математике*** — ***способен на всё.***

Краткая и полная формы прилагательного различаются морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками. Краткая форма, в отличие от полной, не изменяется по падежам, хотя в древнерусском языке она тоже склонялась, что отражено в устойчивых выражениях: ***на босу ногу, от мала до велика, средь бела дня*** и др.

Краткая форма прилагательного во многих случаях (ср.: ***День был жарок***) воспринимается как несколько книжная, поэтому в разговорной речи она употребляется достаточно редко.

В большинстве случаев номинативные значения полной и краткой форм совпадают (ср.: ***он сед*** — ***он седой***). Иногда же краткая форма по значению несколько отличается от полной:

1) краткая форма может обозначать временный признак предмета, а полная — постоянный; ср.: ***ребёнок болен*** (теперь) — ***ребёнок больной*** (по природе); ***девушка спокойна*** (в данный момент) — ***девушка спокойная*** (всегда);

2) краткая форма может указывать на чрезмерность проявления признака: ***мать стара*** 'очень, слишком старая'; ***рубашка пестра*** 'чрезмерно'.

Однако эти номинативные различия не являются обязательными для всех прилагательных. При анализе соотноше-

ния полных и кратких форм прилагательного более существенными являются их отличия в синтаксическом значении. Именно эти обязательные смысловые отличия и позволяют говорить не просто о формальном соотношении словоформ типа *весёлый — весел*, а о соотношении формально-смысловом, т. е. образующем особую морфологическую категорию прилагательных. Для установления синтаксической значимости полных и кратких форм важно, что в предложении краткая форма является именной частью составного сказуемого: *Ты сер, а я, приятель, сед* (Кр.). Полная же форма может употребляться как для образования сказуемого, так и в функции определения: *День был жаркий/жарким*; *Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться...* (Кр.)

Различение полной и краткой форм используется в языковом механизме для указания на устанавливаемый говорящим смысловой «ранг» признака предмета в ряду однородных признаков того же предмета, названных в одном и том же предложении. Так, в предложении ***Высокий дом был красив*** формой *красив* обозначен г л а в н ы й, с точки зрения говорящего, признак предмета, а формой *высокий* — в т о р о с т е п е н н ы й, менее значимый для смысла данного предложения признак того же предмета. Поэтому прилагательное, называющее этот второстепенный признак, легко может быть устранено из предложения без разрушения синтаксической конструкции (*Дом был красив*), тогда как без прилагательного, обозначающего главный признак в смысловой организации высказывания, это предложение утрачивает свои основные свойства или даже разрушается как синтаксическая единица (*Высокий дом был...*). Как только говорящий захочет изменить смысловой ранг названных в предложении признаков предмета, он перестроит предложение и иначе использует полные и краткие формы (***Красивый дом был высок***).

В противопоставлении полной и краткой форм прилагательного краткая форма всегда называет основной признак предмета из ряда указанных в данном предложении признаков. Полная же форма имеет более широкие возможности, поскольку может обозначить как дополнительный признак предмета (***Весёлая девочка была красива***), так и основной признак того же предмета (*Весёлая девочка была* ***красивой***). Подобный тип смыслового противопоставления (когда один

член оппозиции несет вполне определенную информацию, а другой — менее определенную) нередко встречается в грамматике (см., в частности, характер противопоставления существительных в родовых парах типа *студент — студентка*).

Категория степеней сравнения

Для качественных прилагательных характерна словоизменительная категория степеней сравнения, образуемая формами положительной, сравнительной и превосходной степеней (сравнительная степень часто называется компаративом, а превосходная — суперлативом).

Положительная степень (*красивый, высокий*) сама по себе не выражает значения сравнения, но она очень важна для данной категории, так как только при сравнении с положительной степенью реализуется грамматическое значение сравнительной и превосходной степеней.

Сравнительная степень показывает, что обозначаемый прилагательным признак характерен для данного предмета в большей степени, чем для другого (*этот подарок красивее, чем тот*; *наш дом выше вашего*).

Превосходная степень показывает, что выражаемый прилагательным признак характерен для данного предмета в самой высокой степени по сравнению со всеми сопоставляемыми предметами (*красивейших из подарков, самый высокий дом в городе*).

Формы сравнительной и превосходной степеней сравнения могут быть как синтетическими, так и аналитическими.

1. Синтетическая (простая) форма сравнительной степени образуется путем прибавления к основе прилагательного словоизменительных суффиксов *-ее/-ей, -е, -ше* [*сильный → сильнее* (разг. *сильней*); *милый → милее*; *громкий → громче*; *дорогой → дороже*; *сухой → суше* (с чередованием согласных в основе); *старый → старше*]. Если на конце основы есть суффикс *-к* или *-ок*, то он часто усекается (*близкий → ближе*; *широкий → шире*; *далёкий → дальше*). От прилагательного *глубокий* компаратив *глубже* образуется прибавлением к усеченной основе нерегулярного словоизменительного суффикса *-же*. От прилагательных *хороший, плохой, маленький*

образуются супплетивные формы компаратива: *лучше, хуже, меньше.*

Синтетическая форма компаратива образуется не от всех качественных прилагательных; ее нет у прилагательных с основой на <ш'>, <ж> (*нищий, дюжий* и др.). Иногда образованию формы компаратива препятствует значение прилагательного. Так, не образуют форму компаратива прилагательные с «абсолютным» качественным значением (*глухой, лысый, мёртвый, слепой* и т. п.), а также многие прилагательные с семантикой субъективной оценки качества (*преогромный, тёмненький* и др.).

Аналитическая (составная) форма сравнительной степени образуется с помощью вспомогательных слов *более, менее* (*более высокий, менее гордый*). По значению аналитическая форма компаратива отличается от синтетической формы, так как может обозначать не только бóльшую, но и меньшую степень интенсивности признака [*более красивый, менее красивый* (ср. *красивее*)]. И синтаксические функции у аналитической формы компаратива более широкие. Если простая форма может быть только сказуемым, то составная форма бывает как сказуемым, так и определением: *дом был **выше**, чем сарай*; *Дом был **более высокий**, чем сарай*; *Мы предпочли **более удобные** места.* Аналитическая форма компаратива может быть образована практически от любого качественного прилагательного, однако является несколько книжной, и в разговорной речи предпочтение отдается синтетической форме компаратива.

2. Синтетическая (простая) форма превосходной степени образуется прибавлением словоизменительных суффиксов *-ейш-* (*красивейший, умнейший*) либо *-айш-*, который присоединяется только к основам на -<к>, -<г>, -<х> (*тончайший, строжайший, тишайший*).

Аналитическая (составная) форма суперлатива образуется практически от всех качественных прилагательных, причем несколькими способами:

1) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательного слова *самый* (*самый добрый*);

2) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательных слов *наиболее, наименее* (*наиболее высокий, наименее сложный*);

3) прибавлением к синтетической форме компаратива вспомогательного слова *всего* (если предмет неодушевленный: ***всего дороже*** *сон*) или *всех* (если предмет одушевленный: *ребёнок был* ***всех добрее***).

Разные формы суперлатива отличаются одна от другой по значению и употреблению. Наиболее распространенной является аналитическая форма со вспомогательным словом *самый*; эта форма употребляется в роли определения и именной части составного сказуемого: ***Самый старательный*** *ученик вышел к доске*; *Ученик был* ***самым старательным*** *в классе*. Формы типа *умнее всех/всего* используются только как сказуемое. Формы со служебными словами *наиболее, наименее* являются самыми широкими по значению (обозначают как высшую, так и низшую степень проявления признака), однако употребляются только в деловом и научном стилях.

Синтетические формы суперлатива (*умнейший, высочайший* и т. п.), кроме своего основного значения, могут выражать и элативное значение, т. е. указывать не на самую высокую, а лишь на очень высокую степень проявления признака (***милейший*** *человек,* ***кратчайшее*** *поздравление*). Элативное значение реализуется в тех случаях, когда превосходная степень прилагательного используется не в сравнительной конструкции.

3. От грамматической категории степеней сравнения следует отличать словообразовательные «степени качества», которые также указывают на интенсивность проявления признака, однако никакого объективного сравнения предметов по этому признаку обычно не предполагается. Очень часто «степени качества» обозначают не действительную интенсивность признака, а ее субъективную оценку говорящим: например, *лес* ***зелёненький*** (ср.: *зелёный лес*) — такие образования часто используются в разговорной речи, в народной поэзии.

«Степени качества» образуются:

1) прибавлением приставок *архи-, ультра-, сверх-, раз-, пре-, все-* (*архисовременный, ультраправый, сверхмощный, разлюбезный, превесёлый, всесильный*);

2) прибавлением суффиксов *-оват-/-еват-, -оньк-/-еньк-, -охоньк-/-ёшеньк-, -ущ-/-ющ-, -енн-* (*полноватый, синеватый, лёгонький, хитренький, целёхонький, здоровёшенький, длиннющий, здоровенный*);

3) повторением основ, часто с префиксацией во второй части (*милый-милый, хитрый-прехитрый, весёлый-развесёлый*).

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Склоняемые прилагательные распределяются по трем типам адъективного склонения. К I склонению относятся качественные и относительные прилагательные, ко II — притяжательные с суффиксом *-ij* (типа *лисий*), к III — притяжательные с суффиксами *-ин, -ов/-ев* (типа *папин, отцов, Игорев*).

В зависимости от конечной согласной основы различаются твердая (*новый*) и мягкая (*синий*) разновидности I адъективного склонения.

Единственное число

И.	*новый, новое*	*новая*	*сырой, сырое*	*сырая*	*синий, синее*	*синяя*
Р.	*нового*	*новой*	*сырого*	*сырой*	*синего*	*синей*
Д.	*новому*	*новой*	*сырому*	*сырой*	*синему*	*синей*
В.	как И. или Р.	*новую*	как И. или Р.	*сырую*	как И. или Р.	*синюю*
Т.	*новым*	*новой*	*сырым*	*сырой*	*синим*	*синей*
П. (*о*)	*новом*	*новой*	*сыром*	*сырой*	*синем*	*синей*

В форме именительного падежа графически различаются ударные и безударные окончания мужского рода (*но́вый*, но *сыро́й*).

В формах косвенных падежей (кроме винительного) у прилагательных мужского и среднего рода падежные окончания одинаковые.

Форма винительного падежа зависит от рода и одушевленности/неодушевленности существительного, с которым согласуется прилагательное. Форма винительного падежа прилагательного, согласующегося с существительным среднего рода, совпадает с формой именительного падежа (*сырое, новое, синее*). В женском роде прилагательное имеет окончание *-ую/-юю* (*сырую, новую, синюю*). У прилагательного, согласующегося с существительным мужского рода, форма винительного

падежа совпадает с формой именительного падежа при неодушевленном существительном (*новый стол*) и с формой родительного падежа — при одушевленном существительном (*нового ученика*).

У прилагательных с основами на -<к>, -<г>, -<х> типа *короткий, долгий, тихий* формы именительного и творительного (а в сочетании с неодушевленными существительными — и винительного) падежей мужского и среднего рода образуются по мягкой разновидности склонения (*тихий, тихим* — ср.: *синий, синим*). Остальные падежные формы мужского и среднего рода, а также все падежные формы женского рода указанных прилагательных образуются по твердой разновидности склонения (*тихая, тихого, тихой* — ср.: *новая, нового, новой*).

Множественное число

И.	*новые*	*сырые*	*синие*
Р.	*новых*	*сырых*	*синих*
Д.	*новым*	*сырым*	*синим*
В.		как И. или Р.	
Т.	*новыми*	*сырыми*	*синими*
П. (*о*)	*новых*	*сырых*	*синих*

Во множественном числе формы разных родов у прилагательного не различаются (*новые дома, школы, окна*). Слова с основами на -<к>, -<г>, -<х> склоняются по мягкой разновидности (*сухие, сухих* и т. д.).

Форма винительного падежа множественного числа прилагательного зависит от одушевленности/неодушевленности существительного (*куплю новые учебники*, но *вижу новых учителей*).

II адъективное склонение представлено прилагательными типа *лисий, медвежий*. Основа таких прилагательных — «мягкая» (оканчивается на *-j*), поэтому окончания в большинстве падежей тождественны окончаниям мягкой разновидности I адъективного склонения (*лисj-его, лисj-ему, лисj-ими* — ср.: *син'-его, син'-ему, син'-ими*). Исключение составляют формы именительного падежа единственного и множественного числа (а также соответственно форма винительного падежа прилагательных, согласующихся с неодушевленными существительными); ср.:

	I склонение	II склонение
И. ед. ч.	*син'-ий, син'-ая, син'-ее*	*лисиј-ø, лисј-а, лисј-е*
И. мн. ч.	*син'-ие*	*лисј-и*

Нетрудно заметить, что в указанных формах прилагательными II адъективного склонения используются окончания, подобные окончаниям существительных (ср.: *генијø, бытиј-е, армиј-а, акциј-и*). Поэтому данное склонение нередко называют смешанным, объединяющим адъективные и субстантивные флексии.

Из сказанного следует, что *-ий* в прилагательных типа *лисий, медвежий* (в отличие от прилагательных типа *свежий, дюжий*) — это не окончание, а часть основы — суффикс со значением притяжательности. Этот суффикс выступает в виде *-иј-* в форме именительного и винительного падежей мужского рода единственного числа и в виде *-ј-* — в остальных формах.

III адъективное склонение характерно для прилагательных с суффиксами *-ин, -ов/-ев* (типа *папин, отцов, Игорев*).

Единственное число

И.	*папин, папино*	*папина*	*отцов, отцово*	*отцова*
Р.	*папина*	*папиной*	*отцова*	*отцовой*
Д.	*папину*	*папиной*	*отцову*	*отцовой*
В.	как И. или Р.	*папину*	как И. или Р.	*отцову*
Т.	*папиным*	*папиной*	*отцовым*	*отцовой*
П. (*о*)	*папином*	*папиной*	*отцовом*	*отцовой*

III склонение также является смешанным, поскольку имеет окончания, свойственные разным склонениям существительных и прилагательных [*папин, папина, папину* (ср.: *стол, стола, столу*); *папиным, о папином* (ср.: *новым, о новом*)].

Прилагательные с безударным суффиксом *-ын/-ин* могут иметь в формах родительного и дательного падежей вариантные окончания (ср.: *Катина* и *Катиного*; *Катину* и *Катиному*). Для прилагательных типа *отцов* такая вариативность исключена.

Во множественном числе форма именительного падежа прилагательных III адъективного склонения имеет окончание *-ы* (*папины, отцовы* — ср. *столы*). Формы косвенных падежей (кроме формы винительного падежа прилагательных, согласующихся с неодушевленными существительными) имеют окончания, совпадающие с окончаниями I адъективного склонения (*отцовых, отцовым, отцовыми* — ср.: *новых, новым, новыми*).

Для всех адъективных склонений существует возможность образования формы творительного падежа женского рода с помощью вариантных окончаний *-ой/-ей* и *-ою/-ею* (*новой* и *новою*; *синей* и *синею*; *волчьей* и *волчьею*; *отцовой* и *отцовою*). При этом окончание *-ою/-ею* встречается в книжной и поэтической речи, в разговорной речи не употребляется, а в деловом и научном стилях вообще неприемлемо; окончание *-ой/-ей* стилистически нейтрально и употребляется во всех функциональных стилях.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное — это часть речи, выражающая значение количества (числа): *один, сто, сорок, семеро*. Имена числительные отвечают на вопрос «сколько?».

Грамматические признаки числительных:

1) числительные изменяются по падежам (*два, двух, двум* и т. д.);

2) числительные не изменяются по числам; исключение: *один*, по грамматическим свойствам приближающееся к прилагательным;

3) у числительных нет категории рода; исключение: *полтора, два, оба* [противопоставлены только две родовые формы — женская (*полторы, две, обе*) и общая для мужского и среднего рода (*полтора, два, оба*)]; у слова *один* три родовые формы, как у прилагательных (*один, одна, одно*);

4) у числительных нет категории одушевленности/неодушевленности; лишь числительные *два, оба, три, четыре* согласуются по одушевленности/неодушевленности с существительными мужского рода (*вижу три стола*, но *трёх слонов*);

5) сочетаясь с существительными, числительные в форме именительного падежа (а при неодушевленных существительных — и в форме винительного) управляют существительными, требуя формы родительного падежа единственного или множественного числа (*два стола, пять деревьев*), причем формы единственного числа требуют только числительные *полтора, два, оба, три, четыре*; в формах же косвенных падежей числительные согласуются с существительными в падеже (*двух столов, двум столам, о двух столах*). Сочетание числительного с существительным является неделимым членом предложения.

По составу числительные бывают:

1) простыми (непроизводными): *два, десять*;

2) сложными: *пятьдесят, триста, шестьсот*;

3) составными, состоящими из нескольких простых или сложных числительных: *двадцать пять, сто тридцать два с половиной.*

В структуру составных числительных нередко включаются слова других частей речи, которые компенсируют отсутствие соответствующих числительных. Например, в составе числительного *две тысячи сто* использовано слово *тысяча*, которое не утратило грамматических признаков существительного: оно имеет категории рода, одушевленности/неодушевленности, числа. Но когда слова *тысяча, миллион, миллиард, четверть, половина* и т. п. входят в состав числительных, они утрачивают функциональную самостоятельность и не вычленяются из структуры составного числительного. В структуру составных числительных могут включаться и служебные слова (*восемь с половиной*).

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В школьной грамматике выделяется два разряда числительных: количественные и порядковые. Количественные числительные обозначают количество и отвечают на вопрос «сколько?» (*пять, тридцать*). Порядковые числительные обозначают порядок перечисления предметов и отвечают на вопрос «который?» (*пятый, тридцатый*).

В научной литературе последнего времени слова типа *сто* и *сотый*, как правило, грамматически разграничены, более того, отнесены к разным частям речи. Между количественными и порядковыми числительными существуют принципиальные отличия, поэтому в современных грамматических исследованиях к числительным как части речи относятся только те слова, которые школьная грамматика называет количественными числительными («сколько?» — *два, двое, тридцать, сто сорок, две тысячи двадцать*).

Все так называемые порядковые числительные по своим грамматическим свойствам сближаются не с именами числительными как особой частью речи, а с именами прилагательными. Грамматические различия слов типа *сто* и *сотый* таковы:

1) у них разное категориальное значение: слова типа *сто* обозначают количество, а *сотый* — относительный признак предмета;

2) слова типа *сотый*, подобно прилагательным, изменяются по родам, числам и падежам; для слов типа *сто* характерна лишь категория падежа;

3) падежные окончания у слов типа *сотый* такие же, как у прилагательных (ср.: *пятый — мятый, второй — сырой* — I адъект. скл.); у слов типа *сто* особые системы склонения (см. ниже);

4) в составных порядковых числительных типа *сто тридцать пятый* склоняется лишь последний компонент (*сто тридцать пятого, сто тридцать пятому* и т. д. — ср. склонение составных прилагательных типа *тёмно-красный*); в составных количественных числительных типа *сто тридцать пять* склоняются все компоненты (*ста тридцати пяти, со ста тридцатью пятью* и т. д.);

5) сочетание порядкового числительного с существительным не является единым членом предложения (в отличие от сочетаний типа *два стола*); в составе сочетаний типа *второй стол* можно выделить разные члены предложения, и порядковое числительное, подобно прилагательному, является либо определением (*седьмой день*), либо именной частью составного сказуемого (*день был седьмым*).

Следовательно, порядковые числительные, строго говоря, представляют собой разновидность относительных прилага-

тельных, обозначая признак предмета через его отношение к порядку перечисления.

Числительные как часть речи могут обозначать целые и дробные числа, а также количество предметов как целостную, собирательную совокупность. В соответствии с этим принято разграничивать два лексико-грамматических разряда числительных — количественные (*три, двадцать, двести сорок*) и собирательные (*трое, пятеро*).

Большинство числительных — количественные (в указанном выше, узком понимании этого термина). По характеру значения противопоставлены три группы количественных числительных: определенно-количественные, неопределенно-количественные и дробные.

Определенно-количественные числительные обозначают целые числа натурального ряда (***шесть** учебников, **сто сорок** рублей*).

Неопределенно-количественными числительными являются слова *много, немного, мало* (трактуемые школьной грамматикой как наречия) и *сколько, несколько, столько, сколько-нибудь* и т. п. (относимые в школьных учебниках к местоимениям). Ни по своему категориальному значению (указание на количество — «сколько?»), ни по формальным особенностям эти слова принципиально не противопоставлены именам числительным как части речи. Слова типа *сколько, столько* изменяются по всем падежам: ***Сколько** песен было спето, о **скольких** друзьях мы вспомнили в тот вечер*. У слов *много, немного, мало* употребляются только омонимичные формы именительного и винительного падежей: *На столе лежало **немного*** (им. п.) *яблок*; *Я взял **немного*** (вин. п.) *яблок*.

От неопределенно-количественных числительных следует отличать совпадающие с ними по звучанию и лексическому (но не частеречному!) значению наречия; ср. грамматические омонимы: *У нас есть **немного*** (числ.) *времени. — Мы **немного*** (нар.) *устали*; *Возьми **несколько*** (числ.) *яблок. — Это задание **несколько*** (нар.) *отличается от предыдущего*.

Специального внимания требуют так называемые дробные числительные (*пять с половиной, восемь с четвертью*). Это особая группа составных количественных числительных, обозначающих дробные величины. По грамматиче-

ским признакам дробные числительные не отличаются от составных количественных числительных. Например, в сочетании с существительным они в формах именительного и винительного падежей управляют этим существительным (*пять с половиной часов*), в других же падежах — согласуются с ним (*о пяти с половиной часах*).

С дробными количественными числительными не следует смешивать количественные словосочетания, являющиеся описательным средством выражения дробных величин типа *три и одна десятая, пять восьмых*:

1) дробные числительные не сочетаются с вещественными и собирательными существительными, а описательные количественные словосочетания — сочетаются (*две трети молока, девять десятых студенчества*);

2) в косвенных падежах дробные числительные согласуются с существительными, а описательные количественные обороты всегда управляют формой родительного падежа существительного (*две трети суммы, к тридцати сотым процента*) и никогда не согласуются с существительным.

Собирательные числительные — это небольшой и непродуктивный лексико-грамматический разряд числительных с особым значением нерасчлененной, целостной совокупности предметов (*двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*). Все они производны от соответствующих собственно количественных числительных (*двое* ← *два, пятеро* ← *пять*). Собирательные числительные употребляются в сочетаниях:

1) с существительными, обозначающими лиц мужского пола (*пятеро солдат, двое студентов*); нельзя сказать: «*трое девушек*», «*двое насекомых*», «*пятеро столов*»;

2) с существительными *люди, дети, ребята* (*двое молодых людей, пятеро детей, семеро ребят*);

3) с существительными, обозначающими детенышей животных (*пятеро котят, семеро козлят*);

4) с предметными существительными pluralia tantum типа *сани, ножницы* (*двое саней, трое ножниц*); если же количество предметов превышает десять, то употребляются особые, «счетные» слова в сочетании с количественными числительными (*двенадцать пар брюк, сорок штук ножниц*).

В отличие от собственно количественных числительных, которые всегда употребляются в сочетании с существительными (исключение составляют лишь специальные математические выражения типа *два плюс три*), собирательные числительные могут употребляться и без существительных, при этом всегда обозначают совокупность лиц: ***Пятеро** пришли с опозданием*; *Нас оставалось только **трое**.*

Не относятся ни к одному из разрядов имени числительного как части речи слова *сотня, дюжина, десяток* и др. (это существительные с опредмеченным количественным значением), а также *масса, тьма, капелька* и др. в количественном значении (разг. *масса забот, тьма проблем*), которые являются существительными с неопределенно-количественным лексическим значением.

СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

К о л и ч е с т в е н н о е числительное *один*, обнаруживающее ряд грамматических признаков, сближающих его с именем прилагательным как частью речи, склоняется с использованием окончаний разных типов прилагательных [*один* (ср. *папин*); *одного, одному* (ср.: *нового, новому*); *одним* (ср. *синим*)].

У числительных *оба, два, три, четыре* особые падежные окончания:

И.	*оба*	*обе*	*два, две*	*три*	*четыре*
Р.	*обоих*	*обеих*	*двух*	*трёх*	*четырёх*
Д.	*обоим*	*обеим*	*двум*	*трём*	*четырём*
В.	как И. или Р.				
Т.	*обоими*	*обеими*	*двумя*	*тремя*	*четырьмя*
П.(*о*)	*обоих*	*обеих*	*двух*	*трёх*	*четырёх*

Числительные от *пяти* до *двадцати* и *тридцать* склоняются по III субстантивному склонению (как *ночь*).

У числительных *сорок, девяносто, сто* формы винительного и именительного падежей совпадают, а во всех других падежах используется окончание *-а* (*сорока́, девяноста, ста*).

У числительных от *пятидесяти* до *восьмидесяти* и от *двухсот* до *девятисот* склоняются обе части, т. е. внутри числительного наблюдается еще одна флексия:

И.	*пятьдесят* (*пят'-ø-десят-ø*)	*двести*	*триста*	*пятьсот* (*пят'-ø-сот-ø*)
Р.	*пятидесяти*	*двухсот*	*трёхсот*	*пятисот*
Д.	*пятидесяти*	*двумстам*	*трёмстам*	*пятистам*
В.	как И. или Р.			
Т.	*пятьюдесятью*	*двумястами*	*тремястами*	*пятьюстами*
П. (*о*)	*пятидесяти*	*двухстах*	*трёхстах*	*пятистах*

У с о с т а в н ы х к о л и ч е с т в е н н ы х числительных склоняются все компоненты (*пятьдесят два, пятидесяти двух, с пятьюдесятью двумя* и т. д.). Исключение: дробные числительные типа *два с четвертью, восемь с половиной*, у которых последний компонент не изменяется (*о восьми с половиной, перед восьмью с половиной* и т. д.).

С о б и р а т е л ь н ы е числительные в форме именительного падежа используют падежные окончания единственного числа II и III адъективного склонения (*двое, пятеро* — ср.: *лисье, отцово*); в формах остальных падежей употребляются окончания множественного числа [*двоих, пятерых* (ср.: *лисьих, отцовых*); *двоим, пятерым* (ср.: *лисьим, отцовым*)].

МЕСТОИМЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

Проблема местоимений — одна из наиболее сложных проблем грамматики. М е с т о и м е н и я по традиции определяются как часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количества, но не называет их (*кто, ты, этот, некоторый, несколько*). Такое понимание не является в настоящее время общепринятым. Для того чтобы включить местоимения в систему частей речи, следует подробнее рассмотреть особенности значения и формальных показателей местоименных слов.

При изучении особенностей значения местоименных слов необходимо принимать во внимание, что для местоимений характерны три основные с е м а н т и ч е с к и е ф у н к ц и и:

1) дейктическая функция (<гр. *déixis* — указание) — указание на условия речевого акта, соотнесение того, о чем говорится, с условиями речевого акта и его участниками (*я* 'говорящий', *ты* 'слушающий', *ваш* 'принадлежащий вам, т. е. слушающим', *этот* 'находящийся вблизи от места речевого акта', *тот* 'находящийся вдали' и т. п.);

2) анафорическая функция (<гр. *ànaphorá* — отнесение) — соотнесение элементов данного высказывания с другими частями текста, отсылка к сказанному ранее (*такой* 'подобный или равный тому, о чем уже говорилось', *другой* 'не такой, о котором говорилось' и т. п.);

3) кванторная функция[1] — указание на тип предметной отнесенности имени, т. е. соотнесение имени с различными классами предметов и их признаков: с классом предметов или признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию от слушающего (*кто?, какой?, сколько?*); с классом неизвестных говорящему или слушающему (и поэтому неопределенных) предметов либо признаков предмета (*кто-то, что-нибудь, какой-либо, сколько-то*); с классом универсальных, всеобщих признаков (*все, любой, всякий*); с классом предметов и признаков, не включающих данный предмет или признак (*никто, некому, нисколько*) и т. д.

По характеру выполняемых функций местоименные слова делятся на восемь функционально-семантических разрядов:

1. Личные: *я, мы* (1-е лицо) — указывают на говорящего; *ты, вы* (2-е лицо) — указывают на слушающего; *он, она, оно, они* (3-е лицо) — указывают на того (на то), о ком-чем говорится. Местоимения 1—2-го лица имеют дейктическую функцию отсылки к участникам акта речи; местоимения 3-го лица называются иногда лично-указательными, они совмещают лично-дейктическую функцию с ситуативно-указательной (*Вот он идёт*) и даже анафорической (*Это Петров. Он уходит*).

2. Возвратное местоимение *себя* выполняет дейктическую функцию и указывает на отношение производителя дей-

---

[1] Название этой функции образовано от термина «квантор», под которым в математической логике понимается логическая операция, позволяющая конкретизировать область предметов, к которой относится то или иное выражение.

ствия к себе: *Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует* (П.); *Везде Онегина душа себя невольно выражает* (П.).

3. Притяжательные: *мой, твой, наш, ваш, свой; его, её, их* (три последних слова — несклоняемые: *вот его дом, вижу его дом, обрадоваться его дому*) связаны с дейксисом и анафорой — указывают на принадлежность чего-либо говорящему, слушающему или тому, о ком-чем говорится.

4. Указательные: *этот, тот, такой, таков, столько*; устар. *экий, этакий, сей, оный* — имеют общее значение указания на предметы, их качество или количество. В зависимости от ситуации речи они выполняют либо дейктическую (*Это дерево ближе, чем то*), либо анафорическую функцию (*Дети разбежались, и это озадачило воспитателя*).

5. Вопросительно-относительные: 1) вопросительные, содержащие вопрос о предмете, его признаках, принадлежности или количестве: *кто, что, какой, каков* (устар. *каковой*), *чей, который, сколько* (кванторная функция); 2) относительные — перечисленные выше местоимения в функции союзных слов, соединяющих главную часть сложноподчиненного предложения с придаточной: *Кто не может взять лаской, тот не возьмёт и строгостью* (Ч.); *О вы, которых ожидает отечество из недр своих!* (Лом.) — анафорическая функция.

6. Определительные: *весь, всякий, каждый, сам, самый, любой, иной, другой*; *всяк, всяческий* — указывают на обобщенный признак предмета (кванторная функция).

7. Отрицательные: *никто, ничто, никакой, ничей*, а также *некого, нечего*, не имеющие формы именительного падежа (кванторная функция).

8. Неопределенные: *некто, нечто, некоторый, некий, несколько*, а также местоимения, образованные от вопросительно-относительных местоимений с помощью словообразовательных элементов *кое-, -то, -либо, -нибудь* (*кто-то, кто-либо, какой-нибудь, сколько-нибудь, кое-кто* и др.) — указывают на неизвестные, неопределенные предметы, признаки или количества. Местоимения этой группы также выполняют кванторную функцию.

Местоименные слова — замкнутая, непродуктивная лексическая группа; новые местоименные слова в русском языке

не появляются. Однако местоименные значения могут развиваться у некоторых прилагательных, существительных, числительных: ***данный*** *вопрос* ('этот'); ***известный*** *просчёт* ('некоторый'); ***определённый*** *успех* ('какой-то'); *Смех — дело* ***серьёзное*** ('нечто'); *Жил-был* ***один*** *человек* ('какой-то').

ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ МЕСТОИМЕНИЙ

По грамматическим свойствам местоименные слова обычно делятся на три разряда:

1. Предметно-личные местоимения (местоименные существительные): *кто, что, я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, никто, ничто, некто, нечто, кто-то, кто-либо, кое-кто, кто-нибудь, что-то, что-либо, что-нибудь, кое-что,* а также *всё* (***Всё*** *пройдет*), *все, то, это* — по частеречному значению близки к существительным, так как указывают на предметность. В предложении эти местоимения выполняют те же функции, что и существительные, — являются подлежащими или дополнениями: ***Я вас*** *любил...* (П.)

2. Признаковые местоимения (местоименные прилагательные): *мой, твой, наш, ваш, его, её, их, свой, этот, тот, такой, таков, экий, этакий, сей, оный, какой, чей, который, каков, каковой, сам, самый, весь, всяк, всякий, всяческий, любой, иной, другой, некоторый, некий, какой-то, какой-либо, какой-нибудь, чей-либо, который-нибудь* и др. — в грамматическом плане не противопоставлены прилагательным. Они имеют частеречное значение признака предмета, не называя этот признак прямо, но указывая на него (отвечают на вопрос «какой?»); согласуются с существительными в роде, числе, падеже и по одушевленности/неодушевленности (***мой*** *дом,* ***моя*** *страна,* ***моё*** *отечество*; ***такой*** *город,* ***такие*** *города*; *вижу* ***этот*** *стол,* но ***этого*** *коня*); в предложении являются определением или именной частью составного сказуемого (*Это письмо —* ***Ваше***).

3. Количественные местоимения (местоименные числительные): *сколько, столько, несколько, сколько-нибудь,* как уже отмечалось (см. раздел «Имя числительное»), по грамматическим свойствам не противопоставлены числительным.

Кроме того, местоименные слова устанавливаются в рамках таких частей речи, как наречия (ср. местоименные наре-

чия *где, куда, как, зачем* и т. п.), безлично-предикативные слова (ср.: ***Каково ему сейчас?***) и даже глагол. Многие ученые (в частности, М. В. Панов) полагают, что используемые в практике грамматического анализа вопросительные обороты «что делать?» и «что сделать?» [*Петя* (что делает?) *рисует*] являются не чем иным, как местоименными глаголами.

ПРОБЛЕМА МЕСТОИМЕНИЙ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

Учитывая очевидную грамматическую неоднородность местоимений, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба и многие другие ученые пришли к выводу, что местоимения вообще не составляют особой части речи и распределяются по другим частям речи — имени существительному, имени прилагательному и имени числительному. В свою очередь, А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев и др. продолжали относить все слова с дейктической, анафорической и кванторной семантическими функциями (кроме, естественно, местоименных наречий, глаголов и др.) к одной части речи — местоимению [этот же взгляд отражен в академической «Грамматике русского языка» (1952—1954) и в большинстве школьных учебников].

Представляет интерес строго обоснованная в научном плане точка зрения В. В. Виноградова. В отличие как от ученых, не считающих местоимения частью речи, так и от ученых, называющих местоимениями грамматически различные слова с местоименной семантикой, Виноградов утверждал, что в русском языке существует особая часть речи — местоимение, но к ней относятся далеко не все слова с местоименным значением, а лишь местоименные существительные (по терминологии Виноградова — предметно-личные местоимения).

Хотя предметно-личные местоимения имеют то же частеречное значение, что и существительные ('предметность'), по морфологическим свойствам они отличаются от существительных:

1. У предметно-личных местоимений есть морфологическая категория лица, которой нет у существительных. Эта несловоизменительная (классификационная) категория проявляется в сочетаемости с личными формами глагола, т. е. син-

тагматически. Ср.: *я иду, мы идём* (1-е лицо); *ты идёшь, вы идёте* (2-е лицо); все остальные предметно-личные местоимения сочетаются с глагольными формами 3-го лица.

2. У существительных род часто выражен окончаниями (*стол-ø, стен-а, окн-о*); у предметно-личных местоимений — только синтагматически, в формах согласуемых слов [*ты рассказал* (м. р.); *ты прочитала* (ж. р.); *кто пришёл?* (м. р.); *что случилось?* (ср. р.)]. Исключение составляют местоимения *он, она, оно*, у которых род выражен окончаниями самих местоимений.

3. Число у существительных — словоизменительная категория: когда существительное изменяется по числам (*стол — столы*), его лексическое значение не меняется. Многие предметно-личные местоимения (*кто, что, никто, нечто* и др.) вообще не изменяются по числам. Лишь для некоторых местоимений характерно противопоставление единственного и множественного числа (*я — мы; ты — вы; он, она, оно — они*). Однако здесь соотношение единственного и множественного числа, как правило, иное, нежели в противопоставлениях типа *стол — столы*. Если *столы* означает 'много предметов, называемых словом *стол*', то *мы* не значит 'много я', а *вы* не значит 'много ты'. *Мы* — это 'я + ты', 'я + вы', 'я + они', но отнюдь не 'я + я'. Поэтому многие ученые считают, что *я* и *мы* — это не формы одного слова, а разные слова, каждое со своим лексическим значением. Аналогично соотносятся и местоимения *ты* и *вы*. Слово *они* также не всегда обозначает множество однородных предметов; эта форма может значить не только 'он + он' или 'она + она', но также и 'он + она'. Следовательно, категория числа у предметно-личных местоимений является не словоизменительной, а классификационной.

Что касается категории одушевленности/неодушевленности, то она у местоимений принципиально не отличается от одноименной категории существительных. Это классификационная категория: каждое из предметно-личных местоимений относится или к классу одушевленных (В. = Р.: *я, ты, он, кто*), или к классу неодушевленных (В. = И.: *что, это, всё* в предметном значении и т. п.).

Словоизменительная категория падежа также сопоставима с соответствующей категорией существительных. Отличия заключаются в следующем:

1) местоимения не образуют дополнительных падежных форм (партитивной и счетной форм родительного падежа, местной формы предложного падежа), которые характерны для склонения некоторых разрядов существительных;

2) при склонении местоимений чрезвычайно развит супплетивизм (*я — меня — мне*; *ты — тебя — тобой*; *мы — нас*), в том числе и использование разных основ в беспредложном и предложном употреблении падежной формы [*его* (*j-его*) — *у него* (*н'-его*); *ими* (*j-ими*) — *с ними* (*н'-ими*)].

Итак, предметно-личные местоимения, или местоименные существительные, характеризуются, в отличие от существительных, не четырьмя, а пятью морфологическими категориями, из них четыре категории (лицо, род, одушевленность/неодушевленность, число) — несловоизменительные, а падеж является единственной словоизменительной категорией. Такой системы морфологических категорий нет ни у одной части речи, в том числе и у имени существительного. Поэтому Виноградов и выделил местоименные существительные в качестве особой части речи, назвав ее местоимением (в узком смысле).

Что же касается других видов местоименных слов, то они по своим грамматическим свойствам резко отличаются от предметно-личных и относятся либо к прилагательным (местоименные прилагательные *какой, чей, всякий* и др.), либо к числительным (неопределенно-количественные местоимения *сколько, несколько, столько* и др.). Точка зрения Виноградова получила отражение в целом ряде авторитетных трудов, в том числе и в академической «Русской грамматике» (1980).

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоименные прилагательные склоняются как обычные прилагательные (*который* — как *старый*; *какой* — как *заводской*).

Местоименные числительные склоняются по образцу собирательных числительных [*сколько* (ср. *пятеро*), *скольких* (ср. *троих*), *сколькими* (ср. *троими*)].

Наиболее разнообразно склонение предметно-личных местоимений. Склонение личных местоимений *я, ты* и возвратного *себя* (не имеющего формы именительного падежа, так

как оно всегда является дополнением) сходно с разными субстантивными склонениями:

И.	*я-ø*	*ты-ø* (ср.: *стол-ø, конь-ø*)
Р.	*меня*	*тебя* (ср.: *стола, коня*)
Д.	*мне*	*тебе* (ср. *стране*)
В.	*меня*	*тебя* (ср. *коня*)
Т.	*мной*	*тобой* (ср. *страной*)
П. (*обо*)	*мне*	*тебе* (ср.: *о столе, стране*)

У личных местоимений *мы, вы* словоизменительная парадигма такая: И. *мы, вы*; Р. *нас, вас*; Д. *нам, вам*; В. *нас, вас*; Т. *нами, вами*; П. (*о*) *нас, вас* (необходимо обратить внимание на уникальное окончание *-ас* в формах родительного, винительного и предложного падежей).

Личные местоимения *он, она, оно, они*, вопросительные *кто, что*, неопределенные *кто-то, что-нибудь* и др., определительное *всё* в предметном значении [*За всё, за всё тебя благодарю я* (Л.)], указательные *то, это* также в предметном значении [*То было раннею весной* (А. К. Т.)] при образовании форм косвенных падежей используют окончания разных склонений прилагательных (*его* — ср. *синего*; *с ними* — ср. *с синими*; *кого* — ср. *морского*; *ту* — ср. *папину*). Лишь трем формам нет соответствия в склонении прилагательных: Р. и В. от *она — её* (*неё*); Т. от *кто, что, всё, то — кем, чем, тем, всем*; ср. окончания прилагательных: *синим, богатым*. Парадигмы склонения этих местоимений таковы:

И.	*он, оно*	*она*	*они*	*кто*	*что*	*то*	*это*
Р.	*его* (*него*)	*её* (*неё*)	*их* (*них*)	*кого*	*чего*	*того*	*этого*
Д.	*ему* (*нему*)	*ей* (*ней*)	*им* (*ним*)	*кому*	*чему*	*тому*	*этому*
В.	*его* (*него*)	*её* (*неё*)	*их* (*них*)	*кого*	*что*	*то*	*это*
Т.	*им* (*ним*)	*ею* (*нею*)	*ими* (*ними*)	*кем*	*чем*	*тем*	*этим*
П. (*о*)	*нём*	*ней*	*них*	*ком*	*чём*	*том*	*этом*

Местоимения *он, она, оно, они* образуют формы косвенных падежей с использованием разных основ — в зависимости от предложного или беспредложного употребления местоимения (*j-его*, но *у н'-его*).

Неопределенное местоимение *некто* имеет только форму именительного падежа. В предложении оно всегда является подлежащим или же именной частью составного сказуемого: *Пришёл **некто***; *Это был **некто** Сидоров*.

Неопределенное местоимение *нечто* имеет формы только именительного и винительного падежей: *Произошло **нечто** важное*; *Мы услышали **нечто** интересное*.

Отрицательные местоимения *некого, нечего*, подобно возвратному *себя*, употребляются только в формах косвенных падежей.

ГЛАГОЛ

Г л а г о л — одна из важнейших самостоятельных частей речи, выражающая общекатегориальное значение 'процессуальный, т. е. развивающийся во времени, динамический признак предмета' в таких морфологических категориях, как вид, предикативность/атрибутивность, личность/безличность, залог, наклонение, время, лицо: *Обе женщины **ждали**, на этот раз вполне **веруя** обещанию Разумихина*; *и действительно, он **успел притащить** Зосимова* (Д.).

По грамматическим свойствам глагол четко противопоставлен имени, и особенно центральной именной части речи — имени существительному. Прежде всего, в глагольной словоформе можно выделить не одну флексию, а несколько флективных аффиксов, служащих для выражения грамматических значений глагола. Помимо окончания, обычно устанавливается также словоизменительный суффикс (*чита-л-и, бер-и-те*), а в формах страдательного залога глаголов несовершенного вида — и словоизменительный постфикс (*строи-л-а-сь*).

При именном словоизменении (склонении) основа остается обычно неизменной (*дын'-а, дын'-и, дын'-е*). Если же обратиться к глагольной словоизменительной парадигме, то нельзя не заметить, что при глагольном словоизменении (называемом с п р я ж е н и е м) основа, как правило, меняет морфемный состав (*дыша-ть, дыш-у*; *рисова-ть, рисуj-у*). Глаголы с неизменной основой типа *везти* (*вез-у, вёз, вез-и, вез-ущий, вёз-ший, вез-я*) на общем фоне воспринимаются как исключение из правила.

Словоизменительная парадигма глагола неизмеримо сложнее парадигмы имени и включает целый ряд частных парадигм, различающихся набором словоизменительных категорий и особенностями функционирования (использования в речи). Разграничиваются три типа основных грамматических форм глагола: 1) инфинитив; 2) спрягаемые формы; 3) неспрягаемые (атрибутивные) формы.

И н ф и н и т и в (или неопределенная форма) — это «словарная» форма глагола, не имеющая таких характерных для данной части речи морфологических категорий, как наклонение и время. Инфинитив не обладает также грамматическими признаками лица, числа, рода и характеризуется лишь категориями вида (несов. *делать* — сов. *сделать*) и залога (действ. *умывать* — страд. *умываться*). Отличительная особенность морфемной структуры инфинитива — словоизменительный суффикс *-ть* (*играть, бороться*), реже — ударный *-ти* (*идти, нести*; безударный суффикс *-ти* наблюдается лишь в производных глаголах с приставкой *вы-* типа *выйти, вынести*), а также суффикс *-ø* в глаголах с основами на задненёбные -<к> и -<г>, которые чередуются с <ч> [*пеку, печёшь — печь* (*печ-ø*); *могу, можешь — мочь* (*моч-ø*)].

С п р я г а е м ы м (или финитным, ср. лат. *verbum finitum* — глагол, охарактеризованный по времени, лицу и числу) формам, помимо признаков вида и залога (несов. *читал* — сов. *прочитал*; действ. *читает* — страд. *читается*), свойственно изменение по наклонениям, временам, залогам, числам и лицам/родам (*читал, читала, читало, читали*; *читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают*; *буду читать, читай, читал бы* и т. д.). Спрягаемые формы наиболее отчетливо демонстрируют все основные грамматические свойства глагола как части речи.

А т р и б у т и в н ы е (неспрягаемые) формы глагола представлены двумя разновидностями: причастиями и деепричастиями. П р и ч а с т и я — это особые глагольные формы, объединяющие грамматические признаки глагола и имени. Они изменяются по временам, залогам, родам, числам, падежам и по категории полноты/краткости (*читавший, читанный, читающий, читаемый, читаемая, читаемое, читаемые, читан*). Д е е п р и ч а с т и я — это неизменяемые фор-

мы глагола, имеющие ряд наречных и собственно глагольных грамматических признаков (*читая, прочитав*).

Все перечисленные выше достаточно разнородные с грамматической точки зрения словоформы можно тем не менее объединить в морфологическую парадигму одного слова благодаря наличию нескольких общих признаков, которые при определении границ слова более важны, чем частные грамматические отличия между инфинитивом, спрягаемыми и атрибутивными формами глагола.

Во-первых, для всех форм одного глагола характерно тождество лексического значения (совпадение состава номинативных и экспрессивных смысловых элементов, передаваемых основой). Так, глагол *нести* передает и в инфинитиве, и в спрягаемых, и в атрибутивных формах одно и то же прямое номинативное значение 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать куда-л.', отличающее данное слово от всех других, в том числе и близких по значению (*переносить, отнести, донести* и т. п.).

Во-вторых, все формы одного глагольного слова обладают формальным тождеством основы, т. е. полным совпадением состава номинативно и экспрессивно значимых корневых и аффиксальных морфем (*нес-ти, нёс, нес-у, нес-и, нес-ущий, нес-я*). Что касается не имеющих собственного значения основообразовательных («тематических») глагольных суффиксов, то их усечение (*дыша-ть — дыш-у*) или чередование (*продава-ть — продаj-у*) не сказывается на формальном тождестве основы, которое связано только с составом морфем, обладающих собственным номинативным либо экспрессивным значением.

В-третьих, все словоформы, входящие в морфологическую парадигму одного глагола, обладают одинаковыми видовыми показателями. Так, любая форма глагола *нести* обладает признаками несовершенного вида, тогда как для всех словоформ глагола *принести* характерны свойства совершенного вида.

В-четвертых, все формы одного глагола, как бы они ни различались между собой по особенностям словоизменения, характеризуются тождеством грамматической синтагматики, т. е. способностью одинаково подчинять одни и те же морфологические классы слов и словоформ. Так, все словоформы глагола *петь* подчиняют себе на основе синтаксической связи

примыкания наречия способа совершения действия типа *весело, громко, тихо* (*петь/пел/поющий весело*). Эти же словоформы могут одинаково управлять формой винительного падежа без предлога (*петь песни, пел песни, поющий песни*). Ср.: *веселое пение песен* — здесь совершенно иная грамматическая синтагматика отглагольного имени; при замене глагола *петь* существительным *пение* признаковое слово употреблено не в форме наречия *весело*, а в форме прилагательного *весёлое*, согласующегося с существительным в роде, числе и падеже; что касается управляемого существительного, то в последнем случае требуется форма не винительного, а родительного падежа.

Таким образом, есть все основания грамматически объединять в одну словоизменительную парадигму инфинитив, спрягаемые и атрибутивные глагольные формы.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ГЛАГОЛОВ

Для описания грамматических свойств глагола важно различение следующих лексико-грамматических разрядов: 1) глаголы полнознаменательные и неполнознаменательные; 2) глаголы акциональные и неакциональные; 3) глаголы переходные и непереходные; 4) глаголы возвратные и невозвратные. В систему лексико-грамматических разрядов глагола включается также противопоставление глаголов по способам глагольного действия (и в первую очередь — предельных и непредельных глаголов).

1. Одним из наиболее существенных признаков является роль глагола в построении предложения; по этому признаку противопоставлены полнознаменательные и неполнознаменательные глаголы.

Неполнознаменательные глаголы называются также вспомогательными, поскольку они сами по себе не являются членами предложения. В рамках этого разряда Г. А. Золотовой противопоставлены:

1) связочные глаголы, которые используются при формировании составного именного сказуемого (*быть, являться, становиться, делаться*);

2) модальные глаголы (*хотеть, желать, мочь*);

3) ф а з и с н ы е глаголы, обозначающие фазу совершения действия (*начать/начинать, продолжить/продолжать, закончить/заканчивать*);

4) глаголы-к о м п е н с а т о р ы, которые восполняют в предложении недостающие грамматические смысловые элементы при «синтаксическом» («конструктивном») словообразовании (в приводимых ниже примерах глаголы-компенсаторы выделены жирным шрифтом): *В саду с о б и р а ю т яблоки → **ведётся** с б о р яблок*; *Спортсмены в ы н е с л и на стадион знамя → **осуществили** в ы н о с знамени*; *Девушка к р а с и в а → **отличается** к р а с о т о й*.

П о л н о з н а м е н а т е л ь н ы е глаголы являются самостоятельными членами предложения: *О, если б вы **видели**, как она **страдает** в борьбе с собою... но я её **знаю**... ещё несколько дней... и она **погибнет**!* (Л.) Частеречное глагольное значение процессуального признака предмета реализуется для полнознаменательных глаголов в нескольких типовых разновидностях, каждая из которых является основанием для выделения особых лексических групп, или подразрядов: ‘д е й с т в и е’ (*работать, идти, петь*), ‘с о с т о я н и е’ (*лежать, спать*), ‘п р о ц е с с’ (*расти, уменьшаться*), ‘о т н о ш е н и е’ (*любить, иметь, принадлежать*), ‘процессуальное с в о й с т в о’ (ср.: *крапива **жжётся***; *злые собаки **кусаются***; *станок **не работает*** ‘испорчен’), ‘бытие, или существование’ (*существовать, быть* ‘существовать’, *иметься* и т. п.).

2. Глаголы со значением действия (*бежать, строить, исследовать, читать, женить, воевать*) называются а к ц и о н а л ь н ы м и (< лат. *actio* — активность, действие, деятельность). Все остальные полнознаменательные глаголы относятся к разряду н е а к ц и о н а л ь н ы х. Различение акциональных и неакциональных глаголов важно, например, при изучении категории глагольного вида.

3. С п о с о б ы г л а г о л ь н о г о д е й с т в и я (СГД) — это лексико-грамматические разряды глаголов, различающиеся между собой характером представления процессуального признака. Классификация СГД является многоплановой: одни СГД пересекаются с другими. Противопоставлены, прежде всего, СГД с собственно номинативными и экспрессивными семантическими характеристиками. В рамках СГД с номинативными семантическими характеристиками особенно

важно для функционирования глагола разграничение предельных и непредельных глаголов.

Предельные глаголы обозначают действие, которое стремится к достижению своего предела как определенной критической точки; по достижении предела действие прекращается, исчерпав себя: *Преподаватель весь урок* ***читал наизусть*** *стихи Есенина и* ***прочитал их много***; *Из разбитой банки* ***текла вода*** *и через несколько минут вся* ***вытекла***. Предельные глаголы несовершенного вида обозначают стремление к достижению предела, а глаголы совершенного вида — само достижение этого предела. Только предельные глаголы способны к образованию видовых пар (*делать — сделать*; *рассказать — рассказывать*). Непредельные глаголы, неспособные выразить стремление к достижению предела в указанном смысле (*висеть, веселиться, спать* и др.), не образуют видовых пар.

Следующим основанием классификации СГД по их номинативным свойствам является различение временны́х и количественных (кратных) СГД. Временны́е СГД уточняют характер протекания действия во времени:

1) начинательный СГД содержит указание на начало действия (*запеть, пойти, возненавидеть, разгореться*);

2) окончательный СГД выражает значение завершения действия (*сделать, отмучиться, доесть, прогреметь*);

3) ограничительный СГД связан с обозначением ограничения действия временны́ми пределами (*походить, погостить, посидеть*);

4) длительно-ограничительный СГД выражает завершенность длительного действия (*пролежать, перезимовать*);

5) длительно-дистрибутивный СГД содержит указание на медленно протекающее, неторопливое действие (*раздумывать, разгуливать*).

Количественные (кратные) СГД связаны с количественной характеристикой действия:

1) однократный СГД называет одноразовое, обычно мгновенное действие (*прыгнуть, рубануть, сглупить, съездить*);

2) многократный СГД связан с обозначением действия, совершаемого много раз (*хаживать, говаривать, певать*);

3) распределительный (дистрибутивный) СГД выражает указание на действие, исходящее от многих субъектов или на-

правленное на несколько объектов (*повыпрыгивать, перенумеровать, покусать*);

4) многократно-дистрибутивный СГД включает глаголы, указывающие на взаимное многократное действие многих субъектов (*переговариваться, пересмеиваться*).

В отличие от перечисленных СГД, экспрессивные СГД выражают, помимо номинативных значений, также и субъективную оценку говорящим интенсивности действия:

1) глаголы уменьшительно-смягчительного СГД содержат в своем значении указание на небольшую интенсивность, умеренность действия (*приболеть, солгнуть, прилечь, подсесть, попугать*);

2) длительно-смягчительный СГД связан с выражением длительности ослабленного (неинтенсивного) действия (*полёживать, прихварывать, подшучивать*);

3) прерывисто-смягчительный СГД имеет словообразовательное значение 'время от времени с небольшой интенсивностью совершать действие, названное производящим глаголом' (*посвистывать, пошучивать*);

4) сопроводительно-смягчительный СГД выражает указание на действие, расцениваемое как побочное по отношению к другому действию (*подпевать, приговаривать*);

5) интенсивно-результативный СГД включает глаголы, объединяемые значением полноты и исчерпанности действия (*выскрести, дознаться, забаловать, избить, раскормить*);

6) интенсивно-кратный СГД связан с обозначением действий, совершаемых интенсивно и многократно (*нахлёстывать, выплясывать*).

4. Независимо от отнесенности к рассмотренным выше лексико-грамматическим разрядам все глаголы делятся на переходные и непереходные. Переходность / непереходность — это грамматический признак глаголов, заключающийся в возможности подчинения глаголом сильноуправляемой субстантивной беспредложной формы винительного падежа (а при глаголах с отрицанием — формы родительного падежа) с объектным значением (*любить книгу, не любить книги*; *написать монографию, не написать монографии*).

Глаголы, характеризующиеся грамматической переходностью, образуют лексико-грамматический разряд переходных глаголов. Ему противопоставлен разряд непере-

ходных глаголов, включающий все глаголы, не обладающие свойством переходности, в том числе и так называемые косвенно-переходные глаголы, при которых возможен объектный распространитель, выраженный не формой винительного или родительного падежа без предлога, а другими падежными формами или предложно-падежными конструкциями (*доверять другу, верить в друга, заведовать кафедрой, трудиться над диссертацией*).

Один и тот же глагол в разных своих значениях может характеризоваться то грамматической переходностью, то непереходностью; ср.: *Он пишет рассказы, **переводит** статьи с французского. — Он... славно пишет, **переводит*** (Гр.).

Переходные глаголы обладают возможностью образования форм страдательного залога: *Монография была **написана** известным учёным*; *Книга, **любимая** многими*. Непереходные же глаголы являются однозалоговыми и страдательных форм не имеют.

5. Возвратные глаголы — это лексико-грамматический разряд непереходных глаголов с несловоизменительным постфиксом *-ся* (*учиться, перезваниваться, смеяться*). Большинство таких глаголов (но не *смеяться, улыбаться* и т. п.) образовано посредством постфикса *-ся* от соответствующих невозвратных глаголов (*готовить → готовиться*; *брать → браться*). Нередко в словообразовании участвуют наряду с постфиксами и приставки (*лечь → **разлечься***; *читать → **начитаться***).

Возвратный словообразовательный постфикс *-ся* может указывать на различные отношения действия к его субъекту или объекту. По характеру таких отношений выделено несколько семантических групп возвратных глаголов:

1) собственно-возвратные глаголы, указывающие на совпадение субъекта и объекта действия (*одеваться* ‘одевать себя’, *бриться, мыться, причёсываться* и др.);

2) побочно-возвратные глаголы [*взяться, браться, цепляться* (*за руку*), *стукнуться, тереться, ушибиться* (*о дерево*) и т. п.]; этими глаголами называются действия с частичным совпадением субъекта и объекта, предполагающие конкретизацию той части субъекта, которая претерпевает воздействие [*держаться* (за что), *удариться* (чем)];

3) косвенно-возвратные глаголы, называющие действия, совершаемые субъектом в своих интересах [*стро-*

иться ‘строить для себя дом’ (*К весне сосед начал строиться*); разг. *укладываться* ‘укладывать свои вещи, обычно в дорогу’; *убираться* ‘убирать свое жилище’];

4) о б щ е в о з в р а т н ы е глаголы, обозначающие безобъектное состояние субъекта (*беспокоиться, веселиться, радоваться, сердиться, тревожиться*);

5) в з а и м н о - в о з в р а т н ы е глаголы, называющие взаимные действия нескольких субъектов, одновременно являющихся и объектами этих действий (*встречаться, мириться, обниматься, переговариваться, ссориться, целоваться*);

6) п о т е н ц и а л ь н о - а к т и в н ы е возвратные глаголы типа *бодаться, кусаться, царапаться*, называющие потенциальный активный признак субъекта (*крапива жжётся* ‘может причинить боль каждому, кто с ней соприкоснется’);

7) возвратные глаголы к а ч е с т в е н н о - х а р а к т е р и з у ю щ е г о значения, называющие потенциальный пассивный признак предмета (*нитки рвутся, стенки ломаются, стекло бьётся*).

Словообразовательный постфикс *-ся* в любом значении является дополнительным формальным показателем непереходности глагола (*улыбаться, волноваться* и т. п.); возвратных переходных глаголов не бывает.

От возвратных глаголов необходимо отличать формы страдательного залога. Например: *Гостиница строится «Стройинвестом»* — здесь словоформа *строится* выражает значение страдательного залога и входит в парадигму невозвратного глагола *строить*. Не являются возвратными и безличные формы невозвратных глаголов. Так, *хочется* — это безличная форма невозвратного глагола *хотеть*; *работается* — аналогичная форма невозвратного глагола *работать*.

Каждый глагол может быть включен одновременно в несколько лексико-грамматических разрядов: *разговаривать* — глагол полнознаменательный, акциональный, непредельный, непереходный и невозвратный; *являться* ‘быть’ (*Москва является столицей России*) — глагол неполнознаменательный, связочный, непредельный, непереходный, возвратный [ср. *являться* ‘приходить’ (*Ты в сновиденьях мне являлся...*) — этот глагол полнознаменательный, акциональный, предельный, непереходный, возвратный].

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

Морфологические категории современного русского глагола образуют сложную систему. Для глагола характерна только одна несловоизменительная (классификационная) категория вида, которая взаимодействует с целым рядом словоизменительных категорий: с собственно глагольными категориями предикативности/атрибутивности, личности/безличности, залога, наклонения и времени, а также с согласовательными категориями лица, числа, рода (а для причастий — одушевленности/неодушевленности и падежа), обеспечивающими синтаксическую связь глагольных словоформ с местоимениями и существительными в словосочетании и предложении.

По характеру семантики различаются:

1) глагольные категории с номинативным содержанием, уточняющим смысловую структуру самого глагола (так, грамматическое значение совершенного/несовершенного вида конкретизирует значение процессуального признака, выражаемого основой глагола; ср. также значение категорий времени, наклонения, лица);

2) глагольные категории с номинативным содержанием, дублирующим информацию, выражаемую основой имени, которому подчинена глагольная форма (например, форма женского рода глагольных форм в выражениях типа *мама пришла, пришедшая мама* несет информацию о 'женскости' не самого действия, а того субъекта, который осуществляет действие; ср. также значение категорий лица и числа, а в причастных формах — падежа);

3) глагольные категории с интерпретационным содержанием (залог, предикативность/атрибутивность, личность/безличность). Они обычно не привносят в семантическую структуру глагола дополнительных номинативных значений, их смысловая функция связана с субъективной интерпретацией говорящим значения целого высказывания. Так, конструкциями *Пушкин написал роман «Евгений Онегин»* и *Роман «Евгений Онегин» написан Пушкиным* передается информация об одной и той же ситуации внеязыковой действительности; субъектом ситуации является *Пушкин*, объектом его действия — *роман «Евгений Онегин»*. Однако, употребляя конструкции с действительным (*написáл*) или страдательным (*напúсан*) залогами одного и того же глагола, говорящий

по-разному интерпретирует эту ситуацию внеязыковой действительности, создавая в первом случае высказывание о поэте, а во втором — о его произведении.

Интерпретационные категории до недавнего времени игнорировались грамматикой (например, проблематика залога была исключена из школьного курса русского языка). Между тем они исключительно важны для построения высказывания.

Категория вида

В и д о м называется морфологическая несловоизменительная категория глагола, выражающаяся в противопоставлении грамматических классов совершенного и несовершенного вида и служащая для обозначения различий в характере проявления процессуального признака (например, различий в протекании действия). Любой русский глагол является глаголом совершенного (*прочитать, выиграть*) или несовершенного (*гулять, любить*) вида; многие глаголы составляют видовые пары (*зажечь — зажигать*; *делать — сделать*).

Глагольный вид — одна из наиболее сложных категорий грамматики, изучаемая особой отраслью лингвистической науки — а с п е к т о л о г и е й (< лат. *aspectus* — вид).

Грамматические ф о р м а л ь н ы е отличия глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида бывают как парадигматическими, так и синтагматическими.

П а р а д и г м а т и ч е с к и е различия таковы:

1) глаголы несовершенного вида имеют полную временну́ю парадигму (*читал, читаю, буду читать, читающий*), у глаголов же совершенного вида нет форм настоящего времени (*прочитал, прочитаю, прочитанный*);

2) у глаголов несовершенного вида форма будущего времени является аналитической (*буду строить*), а у глаголов совершенного вида — синтетической (*построю*).

С и н т а г м а т и ч е с к и е отличия глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида сводятся к следующим особенностям грамматической сочетаемости:

1) инфинитив глаголов совершенного вида никогда не сочетается с так называемыми фазисными глаголами (*начать/начинать*; *продолжить/продолжать*; *кончить/кон-*

чать и т. п.), указывающими на различные фазы осуществления процессуального признака, тогда как инфинитив любого глагола несовершенного вида без каких бы то ни было ограничений сочетается с фазисными глаголами (*начинаю говорить, кончу пересказывать*);

2) в силу особенностей своего значения глаголы совершенного вида не сочетаются также со словами и оборотами ряда семантических групп: а) показывающими неограниченную длительность (*без конца, долго, нескончаемо, месяцами, сутками, часами* и т. п.); б) обозначающими регулярную повторяемость (*регулярно, периодически, ежедневно, ежевечерне, вечерами, каждый вечер, по вечерам* и т. п.); в) имеющими значения модальные (*бесполезно, бессмысленно, излишне, напрасно, не надо* и т. п.) и негативно-оценочные (*не люблю, не привык, избегаю, разучился* и т. п.).

Противопоставленность глагольных видов подтверждается и методом подстановки вопросов: любой глагол несовершенного вида может быть замещен вопросительным оборотом местоименной семантики «что делать?», а глагол совершенного вида — «что сделать?».

Итак, два грамматических класса русских глаголов — глаголы совершенного и несовершенного вида — отличаются друг от друга по целому ряду формальных показателей.

Семантика видового противопоставления сложна и многопланова. При ее описании учитываются как категориальные значения, свойственные всем глаголам того или иного вида, так и конкретные реализации этих категориальных значений (частные видовые значения).

Категориальные значения совершенного и несовершенного вида определяются различными учеными по-разному. Однако в последнее время основными признаками, составляющими суть семантики русского глагольного вида, чаще всего называются ‘целостность’ и ‘предельность’ (см. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко). Глаголы совершенного и несовершенного вида образуют по своему категориальному значению особую смысловую оппозицию, в которой сильным членом (несущим вполне определенную информацию) является совершенный вид, всегда указывающий на целостность действия и достижение им внутреннего предела (*сказать, прочитать*). Слабый член оппозиции — глаголы несовершенного вида, по-

скольку они могут обозначать не только действие нецелостное, расчленяемое на отдельные фазы (*начал читать, кончил говорить*), но также и целостное, предельное действие: *Мы уже читали этот роман* ('прочитали'); *Вчера мы смотрели фильм «Титаник»* ('посмотрели').

Категориальное грамматическое значение каждого из видов реализуется в предложении и тексте в частных видовых значениях, которые удобно рассматривать на фоне аспектуальных (видовых) ситуаций, выражаемых в том или ином высказывании. Понятие аспектуальной ситуации было введено А. В. Бондарко для обозначения общего аспектуального значения данного высказывания. Аспектуальная ситуация выражается различными компонентами высказывания, и прежде всего — грамматическими показателями глагольного вида.

Определены четыре основных типа аспектуальных ситуаций: 1) ситуации единичного конкретного действия; 2) ситуации повторяющегося действия; 3) ситуации постоянного процессуального признака[1]; 4) ситуации обобщенного факта.

Глаголы несовершенного вида как обладающие более широкими смысловыми возможностями по сравнению с глаголами совершенного вида могут участвовать в отображении всех четырех возможных типов аспектуальных ситуаций. Наиболее употребительными частными видовыми значениями, характерными для глаголов несовершенного вида, являются:

1) конкретно-процессное значение (связано с передачей в высказывании ситуации единичного конкретного действия): *Глухарь **временит**. **Выжидает*** (Аст.);

2) неограниченно-кратное значение (ситуация повторяющегося действия): *Он **надевал** байковый халат, **садился** на бортик сухого фонтана, **беседовал** с выздоравливающими* (Ант.).

Кроме того, при передаче других аспектуальных ситуаций нередко реализуются значения:

3) постоянно-непрерывное (постоянно-процессное) значение, характеризующее аспектуальную ситуацию постоянного

---

[1] В терминологии А. В. Бондарко — ситуации постоянного отношения.

процессуального признака: *Москва **превосходит** по занимаемой территории многие столицы мира*;

4) в высказываниях, обозначающих аспектуальную ситуацию констатации факта, когда внимание акцентируется лишь на наличии/отсутствии самого факта действия, реализовано общефактическое (или обобщенно-фактическое) значение: «*Ты **ходил** в школу сегодня?*» — «*Да, **ходил**, и учительницу истории **видел***».

Глаголы совершенного вида имеют более четко очерченный круг частных видовых значений по сравнению с глаголами несовершенного вида и поэтому участвуют в передаче лишь двух типов аспектуальных ситуаций из четырех возможных:

1) при выражении аспектуальной ситуации единичного, неповторяющегося конкретного действия глагол совершенного вида обычно имеет конкретно-фактическое значение: *А другого писателя в спину **пихнули** прикладом при мне...* (Евт.);

2) в предложениях, передающих аспектуальную ситуацию повторяющегося, обычного действия, глагол совершенного вида имеет, как правило, наглядно-примерное значение: *Лёгкий ветерок то просыпался, то утихал: **подует** вдруг прямо в лицо и как будто **разыграется*** (Т.).

Одним из центральных понятий аспектологии является понятие видовой пары. В и д о в о й п а р о й называют противопоставление двух глаголов, тождественных по лексическому значению и различающихся лишь грамматическим значением совершенного/несовершенного вида (*решить — решать*; *писать — написать*). Способность входить в видовые пары свойственна, как было уже отмечено, лишь п р е д е л ь н ы м глаголам.

Не всегда просто решить вопрос, составляют ли видовую пару те или иные глаголы с близким лексическим значением. Например, одни ученые полагают, что глаголы типа *толкать — толкнуть* образуют видовую пару, другие же утверждают, что глагол *толкнуть* имеет значение однократности действия, отсутствующее в глаголе *толкать* (при такой трактовке глаголы не тождественны лексически, что автоматически не позволяет считать их видовой парой).

Ю. С. Масловым был предложен объективный критерий отграничения парных глаголов от непарных по виду. Члены

видовой пары, в большинстве контекстов различающиеся по своему грамматическому значению, в некоторых позициях не различают (нейтрализуют) свои видовые значения. Таким нейтрализующим контекстом для глаголов совершенного и несовершенного вида являются конструкции типа: ***Иду я вчера по улице и вижу...*** — с «настоящим историческим», т. е. с глагольной формой настоящего времени, которая передает информацию о плане прошедшего, а не настоящего.

Чтобы убедиться, являются ли два глагола (например, *делать* и *сделать*) парными по виду, необходимо построить конструкцию с «настоящим историческим» (с использованием, естественно, глагола несовершенного вида). Если полученная конструкция (например, *И вот он **делает** вчера упражнения и **видит***...) синонимична не только конструкции с формой прошедшего времени глагола несовершенного вида (*И вот он **делал** вчера упражнения и **видел/увидел***...), но способна также передавать смысл, обычно выражаемый конструкциями с формой прошедшего времени глагола совершенного вида (*И вот он **сделал** вчера упражнения и **увидел***...), то можно утверждать, что видовые значения глаголов совершенного и несовершенного вида в конструкции с «настоящим историческим» нейтрализованы. Это означает, что глаголы *делать* и *сделать* составляют видовую пару (в отличие, например, от парных противопоставлений типа *делать — выделать*; *делать — переделать*, которые не нейтрализуются в конструкциях с «настоящим историческим»). Нетрудно убедиться, что парными, согласно критерию Маслова, являются и глаголы типа *толкать — толкнуть, решать — решить*.

Различаются два структурных типа видовых пар: словообразовательные пары (*делать — сделать*; *продлить — продлевать*) и супплетивные пары (*брать — взять*; *говорить — сказать*; *класть — положить*).

Наиболее частотны словообразовательные видовые пары. Образование глаголов одного вида от глаголов другого вида с использованием словообразовательных средств называется видообразованием. Видообразование бывает представлено двумя противоположными, по сути, словообразовательными процессами — перфективацией и имперфективацией.

Перфективация — это образование глаголов совершенного вида (часто называемых перфективными глаголами) от глаголов несовершенного вида. Средствами перфективации являются:

1) прибавление к непроизводным глаголам несовершенного вида префиксов (*делать* → *сделать, доделать, переделать*; *знать* → *узнать, вызнать*); иногда префиксация сопровождается одновременным прибавлением постфикса *-ся* (*знать* → разг. *дознаться*) или же суффикса *-и-* (*сажать* → *посадить*; *ронять* → *уронить*);

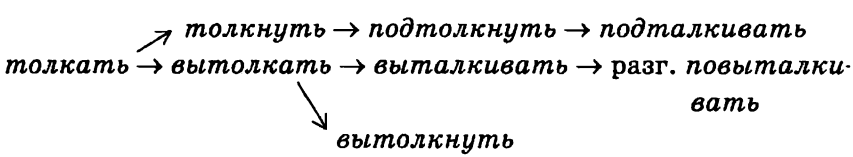
2) использование суффикса *-ну-/-н-* (*толкать* → *толкнуть*; *прыгать* → *прыгнуть*; *колоть* → *кольнуть*).

В результате перфективации, если производящий и производный глаголы тождественны по лексическому значению (что наблюдается далеко не всегда; ср.: *прыгать* → *попрыгать, запрыгать, упрыгать*), может образоваться видовая пара (*делать* — *сделать*; *прыгать* — *прыгнуть*).

Имперфективация — это образование глаголов несовершенного вида (называемых нередко имперфективными глаголами) от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов: *-ыва-/-ива-* (*отпороть* → *отпарывать*; *раскачать* → *раскачивать*), *-а-* (*решить* → *решать*; *влезть* → *влезать*), *-ва-* (*запеть* → *запевать*; *открыть* → *открывать*). Префиксация при имперфективации не используется.

Дополнительными формальными средствами имперфективации являются чередования (*удешевить* — *удешевлять*; *расколоть* — *раскалывать*) и мена ударения (*разре́зать* — *разреза́ть*). В результате имперфективации всегда образуются видовые пары.

Последовательное применение перфективации и имперфективации приводит к образованию видовых словообразовательных цепочек глаголов, обычно пересекающихся друг с другом:



В реальном функционировании глаголов нередко наблюдается конкуренция видов, т. е. использование парных

глаголов совершенного и несовершенного вида в одном и том же контексте, когда видовые различия не сказываются на общем смысле высказывания. Конкуренция видов возможна при выражении следующих аспектуальных ситуаций:

1) конкретно-фактическое значение глаголов совершенного вида, характерное для ситуации единичного, неповторяющегося конкретного действия (*Мы уже **изучили** это произведение*), может конкурировать с общефактическим значением глаголов совершенного вида, характерным для ситуации обобщенного факта (*Мы уже **изучали** это произведение*);

2) при выражении ситуации повторяющегося, обычного или типичного действия конкурируют неограниченно-кратное значение несовершенного вида (*Он обычно **приходил** и **садился** у печки*) и наглядно-примерное значение совершенного вида (разг. *Он обычно **придёт** и **сядет** у печки*).

Конкуренция видов исключена для большинства других значений названных аспектуальных ситуаций, а также для всех значений ситуации постоянного отношения (*Земля вращается вокруг Солнца*), при выражении которой используются только глаголы несовершенного вида.

Особенностью морфологического строя современного русского языка является существование и постоянное пополнение группы так называемых двувидовых глаголов типа *велеть, женить, казнить, обещать, атаковать, организовать, исследовать, содействовать*. В разных контекстах двувидовые глаголы обладают свойствами то совершенного, то несовершенного вида: *В течение двух лет учёные **исследуют** этот вирус* («что делают?» — несов.); *Учёные в ближайшие две недели **исследуют** данную информацию и сделают соответствующие выводы* («что сделают?» — сов.).

Однако контекст не всегда позволяет определить вид таких глаголов: *Крестьянин **женил** сына* («что делал?» или «что сделал?»). Во избежание коммуникативных недоразумений регулярно используются словообразовательные способы снятия грамматической видовой омонимии:

1) перфективация (*обещать* → ***пообещать***; *женить* → разг. ***поженить***) — двувидовой глагол в такой паре воспринимается и употребляется преимущественно как глагол несовершенного вида;

2) имперфективация (*атаковать* → *атаковывать*; *организовать* → *организовывать*) — двувидовой глагол в подобной паре реализует преимущественно свойства совершенного вида.

Следует обратить внимание на некоторые особенности реализации категории вида и образования видовых пар в рамках одной из разновидностей акциональных глаголов, называемых глаголами движения.

Глаголы движения образуют особую лексико-семантическую группу, представленную восемнадцатью парами бесприставочных глаголов: *бежать — бегать*; *брести — бродить*; *везти — возить*; *вести — водить*; *гнать — гонять*; *гнаться — гоняться*; *ехать — ездить*; *идти — ходить*; *катить — катать*; *катиться — кататься*; *лезть — лазить*; *лететь — летать*; *нести — носить*; *нестись — носиться*; *плыть — плавать*; *ползти — ползать*; *тащить — таскать*; *тащиться — таскаться*[1].

В перечисленных парах оба бесприставочных глагола являются глаголами несовершенного вида (*бежать — бегать*), поэтому пара не является видовой; это парное лексико-семантическое соотношение однокоренных глаголов одного вида. Глаголы движения в указанных парах противопоставлены или по семантическому признаку однонаправленности/разнонаправленности действия (*бежать — бегать*), или же по признаку однократности/многократности действия (*тащить — таскать*).

В плане видообразования глаголы движения характеризуются рядом особенностей. Бесприставочные глаголы движения (типа *бегать*) никогда не образуют видовых пар, поскольку в результате перфективации (*бегать — забе́гать*; *бежать — добежать*) меняется не только вид, но и лексическое значение глагола. Приставочные же глаголы движения образуют видовые пары двух типов:

1) видовые пары типа *принести — приносить* представляют собой результат параллельного образования дериватов от

---

[1] К числу глаголов движения относятся, естественно, также все приставочные и приставочно-суффиксальные производные от указанных глаголов (*выбежать, разбежаться*, разг. *повыбегать* ← *бежать*; *подкатить, подкатывать* ← *катить* и т. п.).

соотносительных по значению бесприставочных глаголов типа *нести — носить* с помощью одной и той же приставки (*нести → принести* и *носить → приносить*);

2) видовые пары типа *заплыть — заплывать* являются результатом так называемой вторичной имперфективации приставочного глагола движения (так, сначала от глагола *плыть* путем префиксации образуется дериват *заплыть*, а уже затем от этого деривата путем имперфективации образуется его видовая пара *заплывать*).

Завершая рассмотрение вопросов видообразования, следует подчеркнуть, что многие русские глаголы (*стоить, спать* и др.) не имеют видовой пары и являются о д н о в и д о в ы м и. Например, одновидовыми глаголами н е с о в е р ш е н н о г о вида (глаголами imperfectiva tantum) являются: бытийные глаголы (*быть, существовать, иметься*); связочные и полусвязочные глаголы, глаголы отношения (*являться, находиться, равняться, соответствовать*); модальные глаголы (*хотеть, желать, мочь*); глаголы принадлежности (*иметь, владеть, обладать, принадлежать*); глаголы положения в пространстве (*стоять, сидеть, лежать, висеть*); глаголы со значением физического и психического состояния (*спать, бодрствовать, страдать, гордиться, сердиться*); глаголы интеллектуального и эмоционального отношения (*знать, интересоваться, любить, уважать, восхищаться*); глаголы со значением рода занятий (*учительствовать, дирижировать, командовать*); глаголы со значением проявления тех или иных свойств характера, внешности и т. п. (*умничать, горячиться, буянить, кусаться, заикаться, хромать*); глаголы неоднонаправленного движения (*летать, плавать, бегать*) и др.

Одновидовыми глаголами с о в е р ш е н н о г о вида (глаголами perfectiva tantum) считаются: дериваты с суффиксом *-ану-* (разг. *махануть, толкануть* — в их значении есть дополнительный экспрессивный оттенок значения, отсутствующий в производящих глаголах *махать, толкать*, и этим непарные глаголы типа *махануть* отличаются от парных по виду глаголов типа *толкнуть*); префиксально-(суффиксально-)постфиксальные глаголы типа *раскричаться, встрепенуться* и некоторые другие группы глаголов совершенного вида.

Категория предикативности/атрибутивности

В противопоставлении спрягаемых и атрибутивных форм одного и того же глагола находит выражение словоизменительная морфологическая категория предикативности/атрибутивности. По своей семантике эта категория сближается с категорией полноты/краткости прилагательных. Благодаря категории предикативности/атрибутивности говорящий обозначает смысловой «ранг» процессуального признака предмета по сравнению с другими процессуальными признаками данного предмета, выраженными в том же высказывании.

Словоформы глагола в соответствии с рассматриваемой категорией делятся на две группы:

1) все спрягаемые формы (*рассказал, расскажу, рассказал бы, расскажи* и т. п.), а также краткие формы причастия (*рассказан*). Эти словоформы указывают на то, что данный процессуальный признак является, по мнению говорящего, основным для данного предмета; не случайно данные формы используются в роли главного члена предложения — сказуемого: ***Пронизан*** *солнцем лес насквозь. Лучи* ***стоят*** *столбами пыли* (Паст.);

2) деепричастия и полные формы причастия объединяются в другую группу словоформ как средства выражения непредикативного, дополнительного процессуального признака.

Различие смысловых «рангов» предикативных и атрибутивных форм глагола становится очевидным при их сравнении в одном контексте: *...Онегин, втайне* ***усмехаясь, подходит*** *к Ольге* (П.) — здесь из двух действий, совершаемых одним и тем же субъектом (*Онегин усмехается*; *Онегин подходит к Ольге*), действие, названное спрягаемой формой *подходит*, осмысляется как главное, а действие, выраженное атрибутивной формой *усмехаясь*, — как сопутствующее. Иногда противопоставлением в одном высказывании предикативных и атрибутивных форм выражается также различие не главного и второстепенного процессуального признаков одного и того же предмета, а процессуальных признаков главного и дополнительного предметов речи: *И зачем ты* ***бежишь*** *торопливо за* ***промчавшейся*** *тройкой вослед?..* (Н.)

Грамматические отношения по смысловому «рангу» обозначаемого признака между разными формами глагола различны. Так, между предикативными формами глагола и дее-

причастиями устанавливается строгая равнозначная оппозиция: деепричастиями обозначается только дополнительный процессуальный признак, а предикативными формами (спрягаемыми формами глагола и краткими формами причастия) — только основной процессуальный признак предмета: *И сердце то уже не **отзовётся** на голос мой, **ликуя** и **скорбя*** (Ахм.). Что касается полных форм причастий, то они находятся с предикативными формами глагола в менее строгой оппозиции, поскольку могут выражать как атрибутивный, т. е. второстепенный, процессуальный признак предмета: ***Развевающиеся** волосы обрамляли её лицо*, так и предикативный, т. е. главный, процессуальный признак предмета: *Волосы у неё были **развевающимися** на ветру*.

Инфинитив является формой, не охарактеризованной (т. е. не определенной) в плане категории предикативности/атрибутивности, поскольку он может обозначать и предикативный процессуальный признак: *Февраль! **Достать** чернил и **плакать**!..* (Паст.), и непредикативный процессуальный признак: *Часто по ранним утрам я уходил на Каменку **ловить** рыбу* (Пауст.). Очевидно, категория предикативности/атрибутивности в инфинитиве нейтрализована. Нужно сказать, что точно так же инфинитив «ведет себя» и в отношении большинства других категорий (это, как известно, «неопределенная» форма также в плане категорий наклонения, времени, лица, числа и рода).

Категория личности/безличности

Данная словоизменительная морфологическая категория глагола служит для указания на то, есть ли в предложении главный участник (протагонист) сообщения, называемый именем в грамматической форме подлежащего, функцией которого является указание на первый смысловой «ранг» данного имени в ряду других имен предложения.

Категория образуется формальным и смысловым противопоставлением двух видов спрягаемых глагольных форм — личных и безличных. Ср. соотносительные по смыслу конструкции с личными и безличными формами одного глагола: *Он не **читает** сегодня. — Ему сегодня не **читается**; Гость **хочет** уйти. — Гостю **хочется** уйти.*

В приведенных высказываниях с личными формами глаголов речь идет о действии или состоянии субъекта, доминирующая роль которого в данной ситуации подчеркнута тем, что он выражен формой именительного падежа существительного или местоимения в функции подлежащего, указывающего на смысловой центр сообщения. В высказываниях с безличными формами подлежащее отсутствует, что является грамматическим средством понижения смыслового «ранга» имени с субъектным значением. Субъект изображаемой в высказывании ситуации, названный формой косвенного падежа (обычно дательного, реже — винительного: ***Нам хочется уйти***; ***Его мутит***), уже не воспринимается как самостоятельный деятель, совершающий осмысленные, целенаправленные действия. Высказывание *Ему не читается* означает, что существуют некоторые обстоятельства, которые оказывают решающее влияние на субъекта и мешают ему совершать необходимые действия должным образом. В некоторых конструкциях с безличными глаголами понижение смыслового «ранга» субъекта доведено до логического конца, субъект — производитель действия или носитель состояния — в таких предложениях вообще исключается: *Смеркается*; *Светает*.

Л и ч н ы е глагольные формы — это «стандартные», типичные по своей сочетаемости и словоизменительным характеристикам формы глагола: они сочетаются с формой именительного падежа в функции подлежащего (*Студенты читают*), изменяются по всем словоизменительным глагольным категориям, в том числе по лицам (*читать — читаю, читаешь* и т. д.).

Б е з л и ч н ы е глагольные формы образуются от личных прибавлением словоизменительного постфикса *-ся*. Они, как уже отмечалось, не сочетаются с формой именительного падежа в функции подлежащего. Безличные формы отличаются своеобразием словоизменения:

1) у этих форм нет противопоставления по лицам (отсюда и название форм);

2) их словоизменительная парадигма отличается неполнотой; употребительны лишь некоторые формы, входящие в типовую морфологическую парадигму глагола, а именно формы: инфинитива (*Стало светать*; *Начнёт холодать*), 3-го лица единственного числа настоящего (будущего) времени (*знобит,*

завьюжит, будет недоставать) и среднего рода прошедшего времени и сослагательного наклонения (*пуржило, следовало бы*).

Соотношение личных и безличных форм одного глагола весьма регулярно, однако нередко отмечаются и «дефекты» парадигмы по категории личности/безличности.

Глаголы с отсутствующими безличными формами называются глаголами p e r s o n a l i a t a n t u m. Таковыми являются глаголы некоторых лексико-грамматических разрядов, например: связочные и полусвязочные глаголы типа *быть, являться, становиться*; глаголы соотношения типа *превосходить, преобладать, включать, составлять*; переходные глаголы, обозначающие физическое, интеллектуальное, социальное действие, направленное на вполне определенный объект (*Рабочий **рубит** дрова*; *Студент **изучает** грамматические свойства глагола*; *Директор **открывает** выставку*) и др.

Глаголы с отсутствующими личными формами называются б е з л и ч н ы м и (или i m p e r s o n a l i a t a n t u m). Они не образованы от личных форм, поэтому могут и не иметь постфикса *-ся* (*холодает, сто́ит*). Выделяется несколько групп таких глаголов, никогда не сочетающихся с подлежащим и обозначающих: различные физические состояния природы (*вьюжит, пуржит, светает, смеркается, холодает*); физиологические состояния живых существ (*знобит, нездоровится, рвёт, тошнит*); те или иные модальные состояния и отношения (*надлежит, подобает, следует*); меру наличия чего-либо (*недостаёт, хватает, не хватает*).

Итак, безличность как особый тип значения, исключительно важного для смысловой организации высказывания, находит свое выражение в различных морфологических формах глагола. Центральным способом грамматического выражения личности/безличности является рассмотренная выше категория, образуемая противопоставлением личных и безличных форм одного глагола (*работает — работается*; *читает — читается*; *дышит — дышится*), а также несоотносительных по личности/безличности глаголов personalia tantum (*является, включает*) и impersonalia tantum (*смеркается, знобит, недостаёт*).

Кроме того, спрягаемые формы некоторых личных глаголов допускают безличное употребление. Ср.: *Пирожок с мя-*

сом вкусно пахнет (личное употребление спрягаемой формы глагола). — *На кухне пахнет пирожками* (безличное употребление той же формы); *Река шумит. — В ушах шумит.*

Категория залога

З а л о г о м называется глагольная морфологическая словоизменительная категория, указывающая, благодаря противопоставлению форм действительного и страдательного залога, на смысловой «ранг» имен, выражающих значение субъекта и объекта того процессуального признака, который назван глаголом. Данное грамматическое значение залог выражает в тесном взаимодействии с субстантивной категорией падежа; ср.: *Автор подарил книги. — Книги были подарены автором.* Категория залога непосредственно связана с синтаксисом, поскольку залоговые формы глагола реализуются в активных и пассивных конструкциях предложения.

При установлении грамматического значения форм действительного и страдательного залога лучше отталкиваться от более строго определенной в смысловом отношении формы страдательного залога. С т р а д а т е л ь н ы й залог указывает на то, что объект (а не субъект) глагольного действия или отношения является смысловым центром данного высказывания. Не случайно в подобных высказываниях именно объект выражен в виде подлежащего, т. е. субстантивной формой прямого (именительного) падежа, предназначенного для указания на главный предмет, обозначенный в данном высказывании: *Ш к о л а строится* (*построена*) *самими учащимися*; *С ы н был любим родителями.* Что касается субъекта, то он при глагольных формах страдательного залога бывает выражен формой творительного падежа, указывающей на предмет второстепенного для данного высказывания смыслового «ранга» (см. примеры выше) или же вообще может быть не назван: *Школа строится* (*была построена*) *быстро.*

Таким образом, с помощью форм страдательного залога глагола говорящий имеет возможность подчеркнуть, что в смысловой структуре данного высказывания более важным, с точки зрения говорящего, является значение о б ъ е к т а, а не субъекта; именно объект является в таком высказывании смысловым центром. (Это легко доказывается вопросами типа

О чём предложение «Школа строится учащимися» — о школе или об учащихся? Ответ, очевидно, будет однозначным: *О школе.*)

Действительный залог указывает на то, что в данном высказывании объект не является смысловым центром. Позицию подлежащего в высказываниях с формой действительного залога обычно замещает форма именительного падежа с субъектным значением (*Учащиеся **строят** школу*; *Родители **любят** ребёнка* — субъект выражен подлежащим, объект — дополнением). Но действительный залог используется также и в высказываниях, называющих безобъектное действие: *Учащиеся **смеются*** или даже бессубъектное состояние: *На улице **вечереет, смеркается.***

Все глагольные формы охарактеризованы по залогу. Большинству переходных глаголов свойственно соотношение форм обоих залогов. Такие глаголы называют двузалоговыми. Например, у глагола *читать* ряд форм (*читал, читает, читай, читавший, читающий, читая*) обладает признаками действительного залога, другие же формы [*читается* (*Книга читается всеми*), *читанный, читаемый, читаясь*] относятся к страдательному залогу. Ср. также аналогичное соотношение форм глагола *одевать* [*одевает, одевающий, одевая* — действ.; *одевается* (*Ребёнок одевается матерью*), *одеваемый, одеваясь* — страд.].

Все непереходные и безличные глаголы (типа *идти, завидовать*; *знобить, нездоровиться*), а также некоторые переходные глаголы (типа *благодарить*) являются однозалоговыми действительными глаголами (глаголами activa tantum); они не образуют форм страдательного залога.

Однозалоговых страдательных глаголов (глаголов passiva tantum) грамматическая традиция не выделяет, хотя в работах некоторых ученых такие глаголы называются (*казаться, мерещиться, мниться, нравиться, чудиться* и др.). Объект действия этих глаголов всегда назван формой именительного падежа, а субъект — формой косвенного падежа (правда, не творительного, а дательного): *Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы* (Г.).

При образовании залоговых форм исходной является форма действительного залога, от которой образуются формы страдательного залога. При этом характер образования формы

страдательного залога зависит от вида глагола и типа глагольной словоформы (спрягаемая она или атрибутивная).

Спрягаемые формы страдательного залога глаголов несовершенного вида образуются от форм действительного залога прибавлением словоизменительного постфикса *-ся/-сь*: *Было время, когда* ***воспевалась*** *любовь к женщине...* (Добр.) или (реже) аналитически — сочетанием спрягаемых форм вспомогательного глагола *быть* с краткой формой страдательного причастия: *Николай* ***был уважаем, но нелюбим в обществе*** (Л. Т.); *Он* ***был бит ими*** (Л. Т.). Предикативные формы страдательного залога переходных глаголов совершенного вида образуются аналитически: *Кузьма* ***не был вами допрошен*** (Ч.).

Противопоставление действительных и страдательных причастий выражается прежде всего словоизменительными суффиксами *-ущ-/-ющ-*, *-ащ-/-ящ-*, *-вш-*, *-ш-* в действительном залоге (*ждущий, поющий, слышащий, говорящий, любивший, нёсший*) и *-ем-*, *-ом-*, *-им-*, *-нн-*, *-енн-*, *-т-* в страдательном залоге (*изучаемый, несомый, любимый, сыгранный, построенный, разбитый*). Иногда страдательные причастия могут образовываться и прибавлением к действительному причастию постфикса *-ся* (*одевавшийся матерью ребёнок, разносившаяся по утрам почта*).

Категория наклонения

Наклонение — это морфологическая словоизменительная категория, характеризующая спрягаемые формы глагола и выражающая в противопоставлении изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений значение реальности/ирреальности процессуального признака, обозначенного сказуемым, т. е. отношение процессуального признака к действительности.

Изъявительное наклонение (или индикатив) указывает на реальность действия, состояния, отношения либо процессуального свойства в прошлом, настоящем или будущем: *Ты* ***ждал, ты звал... я был окован...*** (П.); *«Барин сам* ***увидит, что плоха избушка, и велит*** *дать лесу», — думает старушка* (Н.); *Станок* ***работает***; *Волга* ***течёт***; *Икс* ***равняется*** *единице*; *Музыка* ***успокаивает***. Из-

меняемость по временам — отличительный формальный признак изъявительного наклонения.

Повелительное и сослагательное наклонения, в противоположность изъявительному, указывают на ирреальность процессуального признака предмета.

Повелительное наклонение (или императив) — это ирреальное по своему значению глагольное наклонение, выражающее волеизъявление (приказ, просьбу, побуждение к совместному действию и т. п.): ***Работай лучше!***; ***Пойдёмте в кино!***; ***Пусть всегда будет солнце!*** Ирреальность семантики императива связана с тем, что говорящий, отдавая приказ, высказывая просьбу или пожелание, отнюдь не уверен в исполнении своего волеизъявления: реализация действия, о котором идет речь, возможна, но отнюдь не обязательна.

Императив представляет собой упорядоченную систему спрягаемых глагольных форм. В центре этой системы — формы типа *иди, читай, несите, бросьте*. Они имеют грамматические характеристики 2-го лица единственного или множественного числа, синтагматически связаны с обращением: *М а ш а, **неси** тетрадь!* или с личным местоимением 2-го лица: *В ы **идите** налево, а в ы — прямо!*, т. е. указывают на адресата сообщения — слушающего, который и должен, по замыслу говорящего, стать субъектом предполагаемого действия. Формальные приметы императивных форм такого рода — словоизменительные суффиксы *-и*, *-ø* (*веди, тронь*); единичность/множественность выражается противопоставлением окончаний *-ø* и *-те* (*веди, ведите*; *тронь, троньте*).

«Периферию» русского императива составляют:

1) аналитические формы «императива косвенного адресата» типа *пусть идёт* (*идут*), разг. *пускай напишет* (*напишут*); такими формами выражается сложное, двойное побуждение: говорящий просит адресата, чтобы тот передал информацию о побуждении к действию третьему лицу;

2) формы «императива совместного действия», когда субъектом предполагаемого действия является не только слушающий, но и сам говорящий: ***Пойдём в кино!***; ***Выйдемте** из класса*; ***Давай(те) напишем.*** Формы императива типа *пойдем, споём* омонимичны формам 1-го лица множественного числа настоящего (будущего) времени изъявительного на-

клонения; ср.: ***Споём песню!*** (императив совместного действия) — *Завтра мы дружно* ***споём*** *песню* (индикатив);

3) книжные аналитические формы типа ***Да возродится*** *крестьянское хозяйство!*; ***Да победит*** *мир на земле!*, которые выражают пожелание, а не приказ или просьбу.

Императив не изменяется по временам, что связано с его общей ирреальной семантикой. Затруднено образование форм императива (особенно форм 2-го лица) от глаголов с лексическим значением непроизвольного действия или состояния (*видеть, слышать*; *мочь, хотеть, лихорадить, вечереть, смеркаться* и др.).

Сослагательное наклонение выражает, как и императив, ирреальность процессуального признака и представляет действие, состояние, отношение как возможное при определенных условиях. Это наклонение образуется аналитически — прибавлением вспомогательного слова *бы* к форме прошедшего времени (*читал бы, делал бы*), при этом форма прошедшего времени полностью утрачивает свое категориальное временно́е значение (***Я бы послушал*** *музыку* — действие обращено в план будущего, а не прошлого).

Следовательно, подобно императиву, сослагательное наклонение не имеет форм времени. Однако, в отличие от императива, в единственном числе сослагательное наклонение характеризуется изменением по родам, во множественном же числе родовые формы нейтрализованы (*сказал бы, сказала бы, сказало бы*, но *сказали бы*).

Категориальное значение сослагательного наклонения реализуется в двух основных частных грамматических значениях:

1) ‘предположительность’: *А, быть может, год назад ты* ***бы*** *здесь* ***изведал****, воин, то, что наш* ***изведал*** *брат* (Тв.);

2) ‘условие, т. е. потенциальная предпосылка другого ирреального действия’: *Если* ***бы*** *наша команда* ***победила****, на факультете было бы ликование.*

В особых контекстуальных условиях формы наклонений приобретают переносные значения, т. е. одна форма употребляется вместо другой.

Так, индикатив может указывать на ирреальность действия, выражая при этом следующие значения:

1) ‘возможность действия’ — изъявительное наклонение в значении сослагательного: *Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да **пошёл*** (Остр.) = ‘пошел бы’;

2) ‘побуждение к действию’ — изъявительное наклонение в значении повелительного: *Полковник вызывает. **Поехали*** (Сим.); *Ты **отведёшь** её* [собаку] *к генералу и **спросишь** там. **Скажешь**, что я нашёл и прислал* (Ч.).

Переносное употребление императива:

1) повелительное наклонение в значении изъявительного: *Он **возьми и кинь** горсть тех семян на снег* (Пауст.); разг. *А он и **закричи*** — указание на неожиданное, обычно нежелательное внезапное действие, имевшее место в прошлом;

2) повелительное наклонение в значении сослагательного: ***Начни** партнёры мирные переговоры вовремя, исход конфликта мог бы быть иным* (Газ.) — указание на действие, обусловливающее собою то, о чем сообщается в главной части предложения (ср.: *Если бы начали...*).

Распространенным переносным употреблением сослагательного наклонения является его использование в значении повелительного наклонения; ср.: *...**Вы бы поговорили** с Александрой, она ведёт себя отчаянно.* (М. Г.) = ***Поговорите** с Александрой...*

Категория времени

Словоизменительная категория в р е м е н и выражает в противопоставлении форм настоящего, прошедшего и будущего времени отношение процессуального признака ко времени его осуществления.

В оппозиции временны́х форм настоящее время указывает на одновременность действия (состояния, отношения) с определенной точкой отсчета временны́х отношений: ***Я иду***; формы прошедшего и будущего времени указывают соответственно на предшествование точке отсчета: ***Я шёл*** или на следование за ней: ***Я буду идти***.

От характера этой точки отсчета временны́х планов зависит тип употребления форм времени; различается абсолютное и относительное употребление времен. При а б с о л ю т н о м употреблении временны́х форм их значение ориентировано на момент речи, т. е. на время осуществления данного речевого

акта. Ср.: *Он улыбался* — действие происходило до момента речи; *Бабушка вяжет чулок* — действие осуществляется в момент речи, одновременно с рассказом говорящего о происходящем.

Если выражаемое глагольной формой время ориентировано на иную точку отсчета временны́х планов (например, на время другого действия, также названного в данном контексте), то имеет место относительное употребление временно́й формы. Например: *Коля стоял возле дома, улыбался и думал, что там, во дворе, наверняка* ***сидит*** *Матвеевна,* ***вяжет*** *бесконечный чулок и* ***заговаривает*** *со всеми, кто* ***проходит*** *мимо* (Б. В.) — здесь формы настоящего времени выражают одновременность действий не с моментом речи, а с действиями и состояниями персонажа, обозначенными формами прошедшего времени (*стоял, улыбался, думал*).

Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Глаголы совершенного вида не имеют форм настоящего времени, глаголы несовершенного вида — имеют (*говорит, говорящий*). Противопоставление временны́х форм осуществляется только в рамках изъявительного наклонения: *говорил, говорит, будет говорить* (но не повелительного или сослагательного!).

Спрягаемые формы настоящего времени не имеют специальных формальных показателей, кроме совокупности личных окончаний: *-у, -м* (*иду, ем*), *-ешь, -ишь, -шь* (*идёшь, ходишь, ешь*), *-ет, -ит* (*идёт, ходит*), *-ем, -им* (*идём, ходим*), *-ете, -ите* (*идёте, ходите*), *-ут/-ют, -ат/-ят* (*идут, ходят*). Для причастных форм выделяются особые словоизменительные суффиксы настоящего времени действительного залога *-ущ-/-ющ-*, *-ащ-/-ящ-* (*идущий, поющий, дышащий, говорящий*) и настоящего времени страдательного залога *-ем-*, *-им-*, *-ом-* (*читаемый, любимый*, устар. *несомый*).

Категориальное значение настоящего времени — указание на совпадение действия с моментом речи — характеризуется как значение настоящего актуального: «*Что вы делаете?*» — «***Читаем*** *новую книгу*». Настоящему актуальному противопоставлено настоящее неактуальное, представленное несколькими разновидностями:

1) настоящее постоянное указывает на наличие действий или отношений, не связанных с временны́ми ограниче-

ниями: *Среднерусская возвышенность* ***находится*** *в Восточной Европе*;

2) настоящее а б с т р а к т н о е служит для обозначения типичного, обычного, повторяющегося действия: *Девушки часто* ***плачут*** *беспричинно* (М. Г.);

3) настоящее и з о б р а з и т е л ь н о е (или описательное) используется в художественных описаниях и не связано с моментом речи (в обычном понимании), приобретая вневременное звучание: ***Гляжу****, как безумный, на чёрную шаль...* (П.);

4) настоящее к о м м е н т и р у ю щ е е употребляется в сценических ремарках и иных пояснениях, причем выражается одновременность действия не с моментом речи, а со временем существования описываемой ситуации: *Молчание. Подколёсин опять* ***начинает*** *барабанить пальцами, наконец* ***берётся*** *за шляпу и* ***раскланивается*** (Г.; ремарка к пьесе «Женитьба»); *Белые* ***начинают и выигрывают*** *в три хода* (задание к шахматной задаче).

В особых условиях отмечается п е р е н о с н о е употребление настоящего времени:

1) настоящее намеченного или воображаемого действия (настоящее время в значении будущего): *Завтра я* ***еду*** *на дачу*; *Представь, ты* ***входишь*** *завтра в институт — и твоя фамилия в списке поступивших!*;

2) настоящее историческое (настоящее время в значении прошедшего): ***Работаю*** *я вчера в библиотеке и вдруг* ***вижу***...

П р о ш е д ш е е время обозначает отнесенность действия, состояния или отношения в план прошлого, т. е. представляет действие как предшествовавшее моменту речи или иной точке отсчета временны́х отношений: *Два дня спустя я* ***встретил*** *её в многочисленной компании* (Д.); *Казалось, буря вёрсты* ***крыла*** (М.); ***Затосковал*** *я и дядюшке пишу письмо* (М. Г.).

У спрягаемых форм прошедшего времени есть два грамматических показателя:

1) словоизменительный суффикс *-л/-л'* (у немногих глаголов непродуктивных классов в форме мужского рода единственного числа чередующийся с нулевым суффиксом прошедшего времени: *нёс, пёк, высох*);

2) неизменяемость по лицам и изменяемость по родам, что связано с происхождением современной формы прошедшего времени из причастной формы; ср. формы прошедшего време-

ни глагола *устать* (*устал, устала, устало, устали*) и формы причастия *усталый*, характерные для древнерусского языка (*устал, устала, устало, усталы*).

Причастные формы прошедшего времени образуются с помощью суффиксов *-вш-*, *-ш-* (действительные причастия типа *игравший, нёсший*), *-нн-*, *-енн-*, *-т-* (страдательные причастия типа *прочитанный, растворенный, согнутый*).

Категориальное значение формы прошедшего времени реализуется в ряде частных грамматических значений. Для глаголов совершенного вида характерны перфектное и аористическое значения. Перфектное значение наблюдается в контекстах типа *Алёша, ты **озяб**, ты в снегу был, хочешь чаю?* (Д.): глагольная форма обозначает действие, состоявшееся в прошлом, результат же действия относится к настоящему. Аористическое значение связано с указанием на действие в прошлом, не связанное своим результатом с настоящим: ***Поднялся** я и **пошёл** к Генке* (Расп.).

Для глаголов несовершенного вида характерно имперфективное значение прошедшего времени — указание на незавершенность действия в прошлом: *Александр **молчал*** (Гонч.).

Отмечены также случаи переносного употребления форм прошедшего времени (преимущественно для глаголов совершенного вида):

1) прошедшее время в значении настоящего (абстрактное настоящее): *Такая птичка... понимает, что человек её любит. Если **напал** на неё коршун, то куда, думаешь, бросается? Либо в сеялку, либо прямо за пазуху* (Тр.) — ‘если нападает’;

2) прошедшее время в значении будущего: *Бежать, бежать! Иначе я **умер*** (Ф.) — ‘я умру’.

Иногда в работах по русской грамматике устанавливается не одна, а несколько форм прошедшего времени. Так, можно встретить упоминания об особых формах прошедшего времени «мгновенного произвольного действия»: *А они **приди** и **закричи**; Она **возьми да и запой*** или: *Дети — **прыг** в воду; Он — **хлоп** книгой по столу*. Очевидно, здесь нельзя говорить об особой морфологической форме; имеет место переносное употребление императива или же использование особых неизменяемых (аналитических) глаголов типа *скок, бряк*.

Нет в современном русском языке и форм давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта); называемые иногда таким термином формы типа *хаживал, певал* являются формами прошедшего времени глаголов *хаживать, певать*, потенциально имеющих и другие морфологические формы (например, форму будущего времени *будет хаживать*).

Будущее время характерно только для спрягаемых глагольных форм (причастия не имеют будущего времени).

Образование (а частично и значение) формы будущего времени зависит от вида глагола. Форма будущего времени глаголов несовершенного вида (*буду решать, будешь читать*) противопоставлена синтетическим формам прошедшего и настоящего времени (*решал, решаю*; *читал, читаю*) как форма аналитическая, образованная сочетанием личных форм вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом основного глагола. Форма будущего времени глаголов совершенного вида образуется синтетическим путем (*решу, прочитаю*) и противопоставлена только форме прошедшего времени (форм настоящего времени у глаголов совершенного вида, как известно, нет).

Основное значение будущего времени — отнесенность действия к плану будущего: *А ночью* ***слышать буду*** *я не голос яркий соловья...* (П.); ***Поговорим*** *о бурных днях Кавказа...* (П.) Кроме того, форма будущего времени глаголов совершенного вида может иметь переносное значение настоящего неактуального (абстрактного): ***Придёшь*** *домой — там ты сидишь* (Выс.).

Категория лица

Словоизменительная категория лица характерна для глагольных форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также для повелительного наклонения; эта категория выражается в противопоставлении форм трех лиц: 1-го (*иду, хожу, ем*; *идём, ходим, едим*), 2-го (*идёшь, ходишь, ешь*; *идёте, ходите, едите*) и 3-го (*идёт, ходит, ест*; *идут, ходят, едят*).

Глагольные формы лица в предложении согласуются с соответствующими формами местоимений (***я*** *иду,* ***ты*** *идёшь...*). В сочетании с существительными всегда используются формы

3-го лица глагола: *П о е з д* ***идёт*** *быстро*; *Д о м а* ***будут*** *строиться летом*. Исключение составляет согласование глагольных форм 2-го лица с существительными в функции обращения: *Т о в а р и щ,* ***верь***... (П.)

Грамматическая информация глагольных форм лица дополняет личное значение соответствующих именных форм. Формы 1-го лица указывают на то, что названный сказуемым глагольный признак характеризует говорящего (*я говорю, читаю*); формы 2-го лица указывают на то, что глагольный признак характеризует слушающего (*ты говоришь, читаешь*); формы 3-го лица указывают на отнесенность глагольного признака к «предмету речи», не являющемуся участником данного акта речи (*он читает, пишет*).

У глагольных форм лица также отмечаются переносные значения. Так, обобщенно-личное значение могут иметь не только формы 2-го лица: *Разве всё* ***запомнишь****, что случилось с тобой год назад!* (Ю. К.), но также формы 1-го и 3-го лица: *Что* ***имеем*** *— не* ***храним****, потерявши —* ***плачем*** (Посл.); *Чужую беду руками* ***разведу*** (Посл.); *Цыплят по осени* ***считают*** (Посл.). Форма 3-го лица, употребленная вне сочетания с подлежащим, может иметь неопределенно-личное значение: *В дверь* ***звонят***; *На улице весело* ***кричат***. Наконец, с формой 3-го лица единственного числа связано типичное проявление безличности: *На улице* ***метёт***; *Из форточки* ***дует***.

Категория числа

Для спрягаемых и причастных форм глагола характерна категория числа (*иду — идём*; *говорил — говорили*; *будет рассказывать — будут рассказывать*; *скажи — скажите*; *взял бы — взяли бы*; *читающий — читающие*; *разбит — разбиты*).

Глаголы согласуются в числе с существительными и местоимениями. При сочетании глагола с существительным числовая форма глагола лишь дублирует соответствующую грамматическую характеристику имени (ср.: *спортсмен бежит* ‘единичность субъекта действия’ — *спортсмены бегут* ‘расчлененная множественность субъектов действия’).

При согласовании глагола с местоимением *Вы* глагольная форма множественного числа может указывать не на множественность, а на единичность предмета: *В ы, С е р г е й В л а д и м и р о в и ч, хотели закончить отчёт к понедельнику* ('единичность + вежливость').

Категория рода

Категория грамматического рода проявляется в формах прошедшего времени изъявительного и сослагательного наклонений спрягаемых форм глагола, а также в причастиях (*стоял, стояла, стояло*; *был бы, была бы, было бы*; *играющий, играющая, играющее*; *принесён, принесена, принесено*).

Глаголы согласуются в роде с существительными и местоимениями, дублируя грамматическую информацию о биологическом поле субъекта действия, которую потенциально может выразить с помощью своих родовых показателей имя (ср.: *мальчик пел* 'мужской биологический пол' — *девочка пела* 'женский биологический пол'). Особенности отмечаются лишь для спрягаемых глагольных форм среднего рода, которые, помимо указания на средний род существительного или местоимения, могут выражать значение безличности действия (*вечерело, смеркалось бы*).

ПРИЧАСТИЕ И ДЕЕПРИЧАСТИЕ КАК ОСОБЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Причастные и деепричастные формы занимают особое место в морфологической парадигме русского глагола, поскольку они сочетают грамматические свойства глагола и других частей речи — соответственно прилагательных и наречий. На этом основании причастия иногда выводятся из глагольной парадигмы и включаются в состав прилагательных, а деепричастия — в состав наречий (Н. Н. Дурново) или же причастия и деепричастия трактуются как самостоятельные части речи (Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. Н. Тихонов). Но для большинства грамматистов наличие существенных глагольных признаков является решающим аргументом в пользу включения причастий и деепричастий в состав глагольной лексемы.

1. Причастие является «гибридной», по В. В. Виноградову, формой глагола (типа *любящий, любимый*), обладающей признаками глагола и прилагательного. Причастие проявляет себя как глагол благодаря категориям вида, залога и времени, лексико-грамматическим признакам переходности и возвратности. Причастие также полностью сохраняет особенности глагольного управления (ср.: *любить детей — любящий детей*; *руководить заводом — руководящий заводом*). Именными свойствами причастия являются его изменяемость по родам, числам, падежам; наличие категории полноты/краткости; согласование с существительным; синтаксические функции определения и именной части составного сказуемого.

Являясь атрибутивной формой глагола, полная форма причастия, подобно деепричастию, служит, как уже отмечалось выше, средством обозначения действия побочного, дополнительного по отношению к основному действию, названному предикативной формой глагола. Ср.: *Крестьянин работал и пел* — оба действия представлены как равноправные; *Работавший крестьянин пел* — центральное действие названо формой *пел*, а сопутствующее — формой *работавший*; *Певший крестьянин работал* — центральное действие названо формой *работал*, а сопутствующее — формой *певший*.

От одного и того же глагола может быть образовано несколько грамматических типов причастий: действительные и страдательные (т. е. причастия действительного и страдательного залогов), настоящего и прошедшего времени. Количество причастных форм у того или иного глагола зависит от его грамматических характеристик — вида и переходности/непереходности:

1) от переходных глаголов несовершенного вида образуются действительные и страдательные причастия прошедшего и настоящего времени (*читать — читающий, читавший, читаемый, читанный*);

2) от переходных глаголов совершенного вида образуются действительные и страдательные причастия только прошедшего времени (*прочитать — прочитавший, прочитанный*);

3) от непереходных глаголов несовершенного вида образуются действительные причастия настоящего и прошедшего времени (*выходить — выходящий, выходивший*);

4) от непереходных глаголов совершенного вида образуются только действительные причастия прошедшего времени (*выйти — вышедший*).

Действительные причастия, соотносимые по значению с предикатом активных конструкций [ср.: *любящий сын — сын любит (родителей)*], образуются:

1) прибавлением к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-ущ-/-ющ-*, *-ащ-/-ящ-* (причастия настоящего времени типа *берущий, дающий, слышащий, видящий*);

2) прибавлением к основе прошедшего времени словоизменительных суффиксов *-вш-*, *-ш-* (причастия прошедшего времени типа *бравший, нёсший*).

Страдательные причастия, соотносимые по значению с предикатом пассивных конструкций (ср.: *любимый матерью сын — сын любим матерью*), образуются:

1) прибавлением к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-ем-*, *-им-*, *-ом-* (причастия настоящего времени типа *читаемый, любимый*, устар. *несомый*);

2) прибавлением к основе прошедшего времени словоизменительных суффиксов *-нн-*, *-енн-*, *-т-* (причастия прошедшего времени типа *рисованный, привлечённый, гнутый*).

Страдательные причастия могут выступать как в полной форме (*привлечённый*), так и в краткой (*привлечён*); различия между ними, как и между полными и краткими формами прилагательного, важны для указания смыслового «ранга» процессуального признака.

Наблюдается также сравнительно новая тенденция образования страдательных причастий прибавлением постфикса *-ся* (такие причастия выступают только в полной форме): *хорошо продающиеся книги*; *носившаяся два года куртка*. Страдательные причастия с постфиксом *-ся* обычно являются менее употребительными залоговыми вариантами по сравнению с соответствующими суффиксальными формами (ср.: *читаемый — читающийся*; *читанный — читавшийся*). Однако иногда (при отсутствии суффиксальных форм страдательных причастий) постфиксальные страдательные причастия являются единственной возможной формой выражения залоговой корреляции на уровне причастия. Ср. невозможность образования суффиксального страдательного причастия на-

стоящего времени от многих глаголов несовершенного вида типа *писáть* при возможности образования постфиксальной формы (*пишущийся*); точно так же единственной формой страдательного причастия прошедшего времени от глагола несовершенного вида *выставлять* является *выставлявшийся* (*выставлявшиеся художником картины на продажу...*).

Система грамматических категорий причастий своеобразна. В ней, в частности, отсутствуют специфические глагольные категории наклонения и лица. Категория вида у причастий имеет ряд особенностей, прежде всего семантических. Так, не все частные видовые значения, присущие спрягаемым формам глагола и инфинитиву, отмечаются при функционировании причастий (отсутствуют, например, обобщенно-фактическое значение несовершенного вида и наглядно-примерное значение совершенного вида).

Категория залога формально обычно выражена в причастиях не постфиксом *-ся*, а различными словоизменительными суффиксами (см. образование действительных и страдательных причастий).

Категория времени представлена в причастиях лишь двумя формами — настоящего времени [только у причастий несовершенного вида (*приносящий, приносимый*)] и прошедшего времени [характеризует причастия обоих видов (*приносивший, принёсший, принесённый*)].

Категории рода, одушевленности/неодушевленности числа и падежа у причастий идентичны соответствующим категориям прилагательных. Не случайно все полные формы причастия относятся к I адъективному склонению. Краткие формы причастия не склоняются, а лишь изменяются по родам и числам, как и краткие формы прилагательного (*любим, любима, любимо, любимы*).

2. Деепричастие — это непредикативная неизменяемая форма глагола, обозначающая действие (состояние, отношение) как сопутствующий признак другого действия (состояния, отношения): *А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы* (Г.); *...Блестя на солнце, снег лежит...* (П.)

В. В. Виноградов определял деепричастие как «гибридную» форму, объединяющую свойства глагола [лексическая семантика, категории вида и залога, глагольная синтагмати-

ка (*быстро читать книгу* и *быстро читая книгу*)] с грамматическими признаками наречия (неизменяемость по наклонениям, временам, лицам, числам и т. п.; синтаксическое примыкание к глаголу; называние признака процессуального признака).

В предложении деепричастие, подобно многим наречиям, выступает в роли обстоятельства, причем у сказуемого и деепричастной формы предполагается один и тот же субъект. Поэтому в грамматическом отношении заведомо неправильными являются предложения типа *Подъезжая к... станции... у меня слетела шляпа* (Ч.) — конструкция используется автором в стилистических целях, для характеристики уровня интеллектуального развития персонажа (ср. с грамматически корректным: *...я потерял шляпу*).

Образование деепричастия обусловлено видом глагола. Деепричастия несовершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида:

1) прибавлением к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-а/-я*, реже — *-учи/-ючи* (*несут — неся*; *трещат — треща*; *идут* — устар. *идучи*; *жалеть — жалеючи* устар. и нар.-поэт.);

2) прибавлением к основе инфинитива (или прошедшего времени) суффиксов *-в*, *-вши* (*ехать* — разг. *ехавши*; *есть/ел — евши*).

Деепричастия совершенного вида образуются от основы инфинитива (или прошедшего времени) глагола совершенного вида прибавлением суффиксов *-в*, *-вши*, *-ши* (*разобрать — разобрав*; *рассмеяться — рассмеявшись*; *вытрясти — вытрясши*).

Некоторые глаголы имеют вариантные формы деепричастия (*идти — идя* и устар. *идучи*; *озябнуть — озябнув* и устар. *озябши*; *увидеть — увидя* и *увидев*).

Вид — единственная полноценная категория деепричастных форм. Любое деепричастие проявляет грамматические признаки совершенного или несовершенного вида. Однако для деепричастий характерны не все частные видовые значения, а только основные (чаще всего конкретно-фактическое для совершенного вида и конкретно-процессное для несовершенного).

Залоговые соответствия деепричастных форм типа *прочитывая — прочитываясь* наблюдаются в русской речи редко (деепричастие обычно выступает в форме действительного залога).

Противопоставления временны́х форм деепричастий типа *играя — игравши* нерегулярны и воспринимаются как пережиток предшествующих состояний глагольной системы.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

Система глагольного словоизменения характеризуется большей сложностью по сравнению со словоизменением имен. Для каждого русского глагола необходимо установить его принадлежность как к словоизменительному классу, так и к типу спряжения.

1. Глагольные *словоизменительные* (морфологические) классы — это традиционно устанавливаемые классы глаголов с учетом трех признаков:

1) характера модификации основы при словоизменении: учитывается прежде всего соотношение основ инфинитива и настоящего (будущего) времени [*чита(ть) — читај(ут)* — соотношение *-а/-ај*];

2) продуктивности/непродуктивности класса;

3) типа спряжения (I или II спряжение; разноспрягаемые глаголы; глаголы особого спряжения).

Согласно В. В. Виноградову, система глагольных классов строится таким образом:

Продуктивные классы:

1) *играть — играют*; *знать — знают* [соотношение основ инфинитива и настоящего (будущего) времени *-а/-ај*];

2) *синеть — синеют*; *зреть — зреют* (соотношение основ *-е/-еј*);

3) *реализовать — реализуют*; *ковать — куют*; *горевать — горюют* (соотношение основ *-ова/-уј* или *-ева/-юј*);

4) *любить — любят*; *хвалить — хвалят* (соотношение основ *-и/-ø*);

5) *тянуть — тянут*; *пнуть — пнут* (соотношение основ *-ну/-н*; ср. с глаголами 4-го непродуктивного класса).

Глаголы продуктивных классов (кроме 4-го) изменяются по I спряжению.

Непродуктивные классы[1]:

1) *искать — ищут* (I спр.); 2) *ворчать — ворчат* (II спр.); 3) *блестеть — блестят*; 4) *мёрзнуть — мёрз, мёрзнут*; 5) *нести — несут*; 6) *жечь — жгут*; 7) *вести — ведут*; 8) *тереть — трут*; 9) *бить — бьют*; 10) *выть — воют*; 11) *колоть — колют*; 12) *дуть — дуют*; 13) *жить — живут*; 14) *давать — дают*; 15) *деть — денут*; 16) *взять — возьмут*; 17) *живописать — живописуют*.

Вне классов находятся непродуктивные изолированные группы или даже единичные глаголы: *слать — шлют*; *быть — будут*; *дать — дадут*; *есть — едят* и др.

2. Термин «спряжение» иногда понимается широко: как глагольное словоизменение, т. е. изменение по залогам, наклонениям, временам, лицам (в отличие от именного словоизменения — склонения). Но чаще под спряжением понимается изменение глагольных форм настоящего (или простого будущего) времени по лицам.

Типом спряжения называется класс глаголов, имеющих одинаковые личные окончания. В русском языке два основных типа спряжения:

I спряжение — с окончаниями *-у/-ю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут/-ют* (*иду, идёшь, идёт, идём, идёте, идут*);

II спряжение — с окончаниями *-у, -ишь, -ит, -им, -ите, -ат/-ят* (*кричу, кричишь, кричит, кричим, кричите, кричат*).

Глаголы *бежать, хотеть, чтить* (а также их приставочные дериваты) являются разноспрягаемыми, т. е. они используют окончания обоих спряжений: *бегу, бежишь, бежит, бежим, бежите* (II спр.), но *бегут* (I спр.); *хочу, хочешь, хочет* (I спр.), но *хотим, хотите, хотят* (II спр.); *чту, чтишь, чтит, чтим, чтите, чтят* (II спр.) и *чтут* (I спр.).

---

[1] От студентов требуется знание пяти продуктивных классов; что касается глаголов непродуктивного образования, то их нумерацию запоминать не следует, однако желательно пронаблюдать, чем отличаются глаголы непродуктивных классов от близких к ним по характеру основы глаголов продуктивных классов (ср.: *дерзать — держать*; *белеть — тереть*; *толкнуть — сохнуть*).

Глаголы *дать, есть* (и их приставочные дериваты) называют глаголами особого (архаического) спряжения: *дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут*; *ем, ешь, ест, едим, едите, едят*.

НАРЕЧИЕ

Наречие — это часть речи, выражающая грамматическое общекатегориальное значение признака действия, состояния или другого признака (*писать **быстро и красиво**, ребёнку **очень весело**, **весьма** приятный, разговаривать **крайне** любезно*). Наречия синтаксически примыкают к глаголам, прилагательным, наречиям, а также к особым словам, называющим состояния живых существ и окружающей среды (см. «Категория состояния»)[1]. В предложении наречия обычно бывают обстоятельствами.

Было бы не вполне корректно определять наречия как неизменяемые слова: хотя они не изменяются ни по родам, ни по числам, ни по падежам, ни по временам, тем не менее для наречий характерна словоизменительная морфологическая категория степеней сравнения (*весело, веселее, веселее всего*).

В словообразовательном плане наречия очень разнообразны; наряду с непроизводными наречиями типа *где, очень, весьма* существует многочисленная группа производных наречий, образованных самыми разными способами от существительных (*вдаль, без спросу, шёпотом*), прилагательных (*весело, по-детски, в открытую*), числительных (*вдвоём, по трое*), глаголов (*нехотя, играючи*) и др. Процесс перехода различных частей речи в разряд наречий (адвербиализация) является продуктивным, живым, что находит отражение в относительной сложности правописания наречий по сравнению с правописанием других частей речи.

---

[1] В некоторых пособиях отмечается, что наречия могут сочетаться также с существительными (*яйцо всмятку, глаза навыкате* и т. п.). Однако в подобных сочетаниях наречие утрачивает категориальное значение признака действия, состояния или другого признака и начинает обозначать признак предмета; с синтаксической точки зрения слова типа *всмятку* являются не обстоятельствами, а определениями при существительном. А. А. Шахматов отмечал, что в таких случаях происходит адъективация наречий (т. е. наречия переходят в разряд неизменяемых прилагательных).

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ

При классификации наречий учитываются два признака: функция в предложении и тип значения наречия.

1. По функции в предложении разграничиваются наречия определительные и обстоятельственные. О п р е д е л и т е л ь н ы е наречия уточняют качество и интенсивность действия или признака, конкретизируют способ совершения действия (***много работать, очень быстро, читать по-польски***). Среди определительных наречий выделяются: 1) наречия меры и степени (*немного, очень, крайне, слишком, вдоволь*), которые примыкают к глаголам, прилагательным, другим наречиям (а также к словам категории состояния); 2) наречия способа действия (*вслух, басом, нараспев, пешком, красиво*), которые примыкают только к глаголам.

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е наречия примыкают только к глаголам. Они не уточняют характер действия, а указывают на обстоятельства его протекания. Выделяются наречия места (*слева, вперёд, домой*), времени (*скоро, давно, вчера, ежедневно*), причины (*сгоряча, поневоле, сослепу*), следствия (*добела, досыта*), цели (*нарочно, назло*), совместности (*вдвоём, вместе*).

2. По типу значения противопоставлены наречия знаменательные и местоименные. З н а м е н а т е л ь н ы е наречия обладают номинативным значением, они называют тот или иной признак признака (*хорошо, очень, пешком, наизусть* и др.).

М е с т о и м ё н н ы е наречия (*где, когда, куда, как* и др.) не имеют номинативного значения: они не называют признак признака, а указывают на него. Эти наречия называются местоименными потому, что их значение сходно со значениями местоименных слов типа *кто, какой, сколько*; кроме того, многие местоименные наречия образованы от местоимений (*по-моему, затем, оттого* и др.).

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ

Как и у прилагательных, категория степеней сравнения наречий образуется противопоставлением трех форм: положительной, сравнительной и превосходной степени. Формы степеней сравнения образуются только от к а ч е с т в е н н ы х

наречий типа *весело, красиво* (т. е. от определительных наречий способа действия, производных от качественных прилагательных).

Образование форм степеней сравнения наречий и прилагательных в целом сходно (ср.: *весёлый — веселее* и *весело — веселее*; *красивый — красивее всех* и *красиво — красивее всех*).

Сравнительная степень (или компаратив) образуется синтетически и аналитически. Для образования синтетической (простой) формы компаратива следует после усечения наречного суффикса *-о* прибавить к основе наречия суффиксы *-ее, -ей, -е, -ше* (*красив-о — красив-ее*, разг. *красив-ей*; *сух-о — суш-е*; *далек-о — даль-ше*). Аналитическая форма компаратива образуется прибавлением к форме положительной степени наречия вспомогательных слов *более, менее* (*красиво — более/менее красиво*). Такие формы воспринимаются как несколько книжные, в разговорной речи чаще употребляется синтетическая форма компаратива (*красивее*).

Превосходная степень (или суперлатив) обычно образуется аналитически: 1) прибавлением к форме положительной степени вспомогательных слов *наиболее, наименее* (*громко — наиболее/наименее громко*); 2) прибавлением к синтетической форме компаратива вспомогательных слов *всего, всех* (*красивее — красивее всех*; *смешнее — смешнее всего*). Синтетическая форма суперлатива наречий (с суффиксами *-ейше, -айше*) в современном языке используется крайне редко и воспринимается как архаичная (*покорнейше благодарю, нижайше кланяюсь*).

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ (БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА)

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК ЧАСТИ РЕЧИ

Категория состояния — это часть речи, выражающая общекатегориальное значение состояния живых существ, природы, окружающей среды в грамматической форме главного компонента безличных конструкций — его предиката: *Вам надо уезжать*; *На улице пасмурно*; *В комнате тихо*.

Слова категории состояния называются также безлично-предикативными словами.

В школьной грамматике слова категории состояния рассматриваются как вид наречий. Действительно, безлично-предикативные слова часто омонимичны наречиям на *-о* (и соответствующим кратким формам прилагательных); ср.: *Платье было* ***красиво*** (прил.); *Ученик рисовал* ***красиво*** (нар.); *В комнате было* ***красиво*** (кат. сост.). Однако Л. В. Щерба и В. В. Виноградов показали, что эти совпадения являются чисто внешними, что категория состояния — это особая часть речи. Наречия имеют частеречное значение признака действия или признака другого признака; безлично-предикативные слова имеют значение состояния. В предложении наречие является обычно обстоятельством, а слово категории состояния — главным членом предложения. У безлично-предикативных слов есть аналитические формы времени, образуемые с помощью связки и связочных глаголов *быть, становиться, делаться* и др., в том числе нулевой формы настоящего времени глагола *быть*: *Вчера* ***было холодно, а завтра станет тепло***; *Здесь* ***тихо***. У наречий категории времени нет и не может быть. Все это свидетельствует о грамматической противопоставленности наречий и слов категории состояния.

Категорию состояния образуют следующие группы безлично-предикативных слов:

1) слова на *-о* (*весело, тихо, тепло, смешно* и др.), соотносительные с качественными наречиями и краткими формами прилагательных;

2) слова *пора, лень, охота, грех* и др., которые соотносительны с существительными, однако в отличие от них обозначают не предмет, а состояние: *Нам* ***пора уходить***; *Им* ***охота читать***;

3) слова *надо, можно, стыдно, совестно, боязно, нельзя, жаль*, которые не находят соответствия в других частях речи современного русского языка.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВ

Качественные безлично-предикативные слова обозначают состояние живых существ и окружающей среды: эмоционально-психическое состояние человека (*грустно, весело,*

страшно), физическое или физиологическое состояние человека (*голодно, больно, дурно*), физическое и метеорологическое состояние окружающей среды (*сухо, светло, пасмурно, уютно, пустынно*) и др. От качественных безлично-предикативных слов возможно образование форм степеней сравнения — компаратива (*уютнее, более/менее темно*) и суперлатива (*страшнее всего*).

М о д а л ь н ы е безлично-предикативные слова выражают модальную оценку состояния субъекта, т. е. они имеют значение желания, готовности, необходимости, возможности произвести то или иное действие (*надо, нужно, можно, необходимо, невозможно, лень*, разг. *охота* и др.).

Неизменяемые части речи

В современном русском языке, наряду с рассмотренными ранее семью изменяемыми самостоятельными частями речи, которые обладают более или менее развернутой словоизменительной парадигмой (включая наречия и слова категории состояния, многие из которых изменяются по степеням сравнения), выделяются также пять частей речи неизменяемых, с нулевой морфологической парадигмой. Это модальные слова, предлоги, союзы, частицы и междометия.

Для научных школ, которые ставили перед собой задачу описания в рамках морфологии исключительно словоизменительных характеристик слова (таковой была в России «формальная» школа Ф. Ф. Фортунатова), все неизменяемые слова не представляли специального интереса, их нередко объединяли в рамках одной части речи. Однако если не сводить грамматические свойства слова к его флексии (против отождествления понятий грамматической формы слова и флексии энергично возражали Л. В. Щерба и В. В. Виноградов), все перечисленные классы неизменяемых слов обнаруживают существенные грамматические различия, образуя разные части речи.

Неизменяемые части речи относятся к разным (из числа выделенных В. В. Виноградовым) структурно-семантическим типам слов. Модальные слова и междометия сами по себе составляют особые структурно-семантические типы слов. Предлоги, союзы и частицы образуют структурно-семантический тип служебных частей речи.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова — это особая часть речи, общекатегориальное значение которой сводится к передаче разнообразных субъективно-модальных отношений говорящего к тому, о чем и как он говорит (*вероятно, кстати, во-первых* и др.).

Модальные слова не изменяются. В предложении, будучи не связаны с другими словами и словоформами, они выполняют функцию вводных слов (пунктуационно и интонационно обособляются), нередко сами по себе составляют предложения: «*Вы, разумеется, уже прочли новый роман Астафьева?*» — «*Конечно!*»

Многие модальные слова пишутся не в одно слово (*может быть, как говорится* и т. п.), хотя это лишь дань орфографической традиции: по своим грамматическим и акцентуационным свойствам показатели модальных отношений типа *может быть* являются цельнооформленными словами.

От модальных слов как части речи следует отличать вводные конструкции, выполняющие сходные функции в предложении, но состоящие из нескольких слов, каждое из которых в плане морфологии принадлежит определенной части речи: *В этом году, как все говорят, будет много ягод* (*как* — союз, *все* — местоимение, *говорят* — глагол).

Лексико-грамматические разряды модальных слов устанавливаются с учетом их семантики и функционирования. Обычно разграничиваются:

1) показатели персуазивности, или достоверности/недостоверности сообщаемого (*несомненно, конечно, безусловно, разумеется, вероятно, видимо, кажется, может быть* и др.);

2) показатели а в т о р и з а ц и и, связывающие достоверность информации с ее источником (*по-моему, по слухам, как говорят* и др.);

3) показатели эмоциональной о ц е н к и с о д е р ж а н и я передаваемой информации (*к счастью, к сожалению* и др.);

4) м е т а т е к с т о в ы е модальные слова: показатели порядка изложения мыслей в тексте (*во-первых, кроме того, наконец* и др.); средства обобщения, уточнения или дополнения информации (*итак, словом, в частности, иначе говоря* и др.);

5) ф а т и ч е с к и е модальные слова, служащие для установления оптимального речевого контакта говорящего со слушающим (*понимаешь, слышите, представьте, видите ли, знаете ли* и др.).

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПРЕДЛОГ

П р е д л о г — это служебная часть речи, используемая как средство синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другими словами в предложении и словосочетании (*дом у дороги, перейти через улицу, первый в классе*).

Выражая отношения, предлоги по своему грамматическому значению сопоставимы с падежными окончаниями, поэтому выступают вместе с ними в едином функциональном комплексе, образуя целостную по значению предложно-падежную конструкцию. Не случайно беспредложная падежная форма нередко выражает то же грамматическое значение, что и предложно-падежная конструкция. Ср.: *сказать другу — обратиться к другу* (разновидность объектного значения 'адресат'); *идти лесом — идти через лес* (пространственное значение).

По своему с т р о е н и ю предлоги делятся на:

1) н е п р о и з в о д н ы е, или первообра́зные (*в, без, к, на, при* и др.);

2) п р о и з в о д н ы е, или непервообра́зные, т. е. образованные от других частей речи (*навстречу, посредством, не-*

смотря на и др.) или же путем сложения двух первообразных предлогов (*из-за, по-над* и др.).

По значению многие предлоги (особенно пространственные) соотносятся с соответствующими префиксами; ср.: ***войти в лес, съехать с горы, подлезть под диван***; ***безголосый — без голоса***; ***петь и при этом плясать — приплясывать***.

Подобно другим словам, многие предлоги многозначны. Предлог *над*, например, имеет пространственное значение (*летать над рекой*) и объектное (*задуматься над вопросом*). Однозначны обычно производные предлоги (*благодаря* — только причинное значение).

СОЮЗ

Союз — это служебная часть речи, которая используется как средство выражения синтаксической связи между членами предложения, частями сложного предложения, компонентами текста.

По строению различаются союзы непроизводные, или первообра́зные (*а, да, и, или, но*) и производные, или непервообра́зные (*зато, почему, поскольку, причём* и др.). Многие из непервообразных предлогов являются составными, части которых отделены друг от друга частями предложения: *Кроме того, Михаил Семёнович управлял машинами* ***как*** *военными,* ***так и*** *типа гражданского...* (Булг.) Одни из составных союзов являются повторяющимися — в них повторяется один и тот же первообразный или непервообразный союзный компонент (*и...и, ни...ни, то...то, то ли...то ли*); другие составные союзы являются комбинацией разных союзных компонентов (*как...так и, если...то, не только...но и*).

По значению и грамматическим функциям союзы делятся на сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы образуют грамматический класс служебных слов, используемых для выражения сочинительных (однородных) отношений между частями предложения. В зависимости от характера значения насчитывается несколько групп подчинительных союзов, основными из которых являются:

1) соединительные: *и, да* (в значении ‘и’), а также повторяющиеся соединительные союзы (*и...и, ни...ни, как...так и*);

2) противительные: *но, да* (в значении ‘но’), *однако, а, зато*;

3) разделительные: *или, либо, то...то, не то...не то, то ли...то ли*;

4) присоединительные: *причём, да и, также* и др.;

5) пояснительные: *а именно, то есть*;

6) градационные: *не только...но и, не то чтобы...а/но, не столько...сколько.*

Подчинительные союзы — это грамматический класс служебных слов, используемых для выражения подчинительной связи между частями сложного предложения или (реже) между частями простого предложения: *Не тревожься, что сказала правду* (Гонч.); *Янтаря — что песку там речного* (П.). По значению подчинительные союзы распределяются по следующим группам:

1) временны́е: *когда, пока*;

2) причинные: *потому что, оттого что, так как*, книжн. *ибо*;

3) следствия: *так что*;

4) условные: *если, ежели*, устар. *коли*, разг. *раз, кабы*;

5) уступительные: *хотя, несмотря на то что*;

6) целевые: *чтобы, для того чтобы, с тем чтобы*;

7) сравнительные: *чем, как, словно, точно, будто*;

8) изъяснительные: *что, чтобы* (в значении ‘что’).

(Более подробно семантика и функционирование союзов рассмотрены в разделе «Синтаксис».)

ЧАСТИЦЫ

Частицами обычно называют служебную часть речи, передающую оттенки лексических и синтаксических значений, уточняющих и конкретизирующих значение лексических и синтаксических единиц.

Противопоставлены два грамматических класса частиц: частицы модальные и амодальные (т. е. немодальные).

Модальные частицы вносят в предложение значения реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности,

вопросительности/утвердительности и т. п. К частицам данного класса относятся:

1) модально-волевые: *бы, ну, дай, уж, же* [*Хлеба бы!*; *Ну как не порадеть родному человечку!..* (Гр.); *Дай я скажу!*; *Иди уж!*; *Иди же скорее*];

2) персуазивные (со значением достоверности/недостоверности): разг. *чай, ей-ей, якобы, вряд ли, едва ли,* разг. *небось* и др. [*Он чай приедет скоро*; *Они ей-ей сделают всё, что полагается*; *Они якобы ничего не знают об этом*];

3) авторизационные: *мол, де, дескать*;

4) вопросительные: *ли, разве, неужели,* а также *что* (*Что, они уже ушли?*);

5) отрицательные *не* и *ни*;

6) эмоционально-оценочные: *тоже* (*Тоже ученик!*), *вот ещё, так-таки* (*и*), *куда как, где там, что за, вот, ай да, вот так* и др.

А м о д а л ь н ы е частицы также делятся на несколько функционально-семантических групп:

1) указательные: *вон, вот*;

2) выделительно-ограничительные: *хоть, только, лишь, всего* (*лишь*), *единственно, исключительно*;

3) определительно-уточняющие: *чуть, чуть не, как раз, точь-в-точь, именно, почти, ровно, прямо, точно, подлинно, в точности*;

4) усилительно-подчеркивающие: *же, -то, уж, ведь, даже* (*Как же нам поступить?*; *Он-то знает, что говорит*).

Не являются частицами, т. е. служебными словами, следующие а ф ф и к с ы (входящие в состав слов): а) возвратный постфикс *-ся/-сь* в глагольных формах (*учился, смеялись*); б) местоименные словообразовательные аффиксы — префикс *кое-* и постфиксы *-то, -либо, -нибудь* (*кое-кто, куда-либо, какой-нибудь*).

Некоторые самостоятельные части речи могут в составе предложения выступать вместо частиц. Изменяемые слова, синонимичные частицам, также не следует называть частицами, а именно: местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении (ср.: *в самый праздник — как раз в праздник*; *в самое сердце — точно в сердце*); числительное с признаками прилагательного *один* в выделительно-ограничительном значении (ср.: *тут живут одни медведи — только медведи*).

МЕЖДОМЕТИЕ

М е ж д о м е т и я м и называют относительно непродуктивную часть речи, которая сама по себе составляет, подобно модальным словам, особый структурно-семантический тип слов и выражает (но не называет!) эмоции (*о!* как непроизвольное выражение восторга; *ах!* как выражение чувства страха и т. п.).

Междометия не изменяются; они не связаны синтаксически с другими словами. В речи междометия отделяются от других элементов текста паузами, в тексте — обычно запятой или восклицательным знаком: *Ах, поля мои, борозды милые...* (Ес.); *«А!» — сказала тётушка и посмотрела пристально на Ивана Фёдоровича* (Г.).

Как только междометие начинает вступать в синтаксические связи с окружающими словами, оно сразу же переходит в другую часть речи; ср.: междометие *Марш!* ‘команда для начала движения воинского подразделения’ и образованный от него неспрягаемый глагол *марш* (*Марш спать!*; *Марш по домам!*).

Противопоставлены три лексико-грамматических разряда междометий:

1) э м о ц и о н а л ь н ы е, непосредственно передающие чувства говорящего: *а, ах, ай, ай-яй-яй, о, ого, огого, э, эге, м-да, гм, фи, фу, тьфу*; *браво, боже, господи, батюшки* и др.;

2) и м п е р а т и в н ы е, передающие то или иное приказание или команду адресату: *айда, алло, марш, на, стоп, баста, ату*; ряд междометий этого типа используется при общении с домашними животными: *тпру, но, кис-кис* и др.;

3) э т и к е т н ы е, выражающие общепринятые формулы речевого этикета: *до свидания, спасибо, не стоит* и др.

Основу междометий как части речи составляют междометия эмоционального типа; именно они в полной мере выражают частеречное значение данного грамматического класса слов. Императивные междометия объединяют свойства междометия и глагола. Эмоциональность этикетных междометий обычно нейтрализована предсказуемостью их употребления в коммуникативных ситуациях определенных типов (в речевых актах приветствия, прощания, благодарности и пр.).

От междометий следует отличать з в у к о п о д р а ж а н и я — это неизменяемые слова, воспроизводящие звуки, из-

даваемые живыми существами, механизмами или характерные для окружающей среды: *ха-ха-ха!, ква-ква, трах-тарарах* и т. п.

Звукоподражания не выражают эмоций и в предложении обычно не изолированы от других слов, выполняя функции того или иного члена предложения. Например: *...А девица — хи-хи-хи да ха-ха-ха!* (П.) — звукоподражание здесь является сказуемым; *Но бестолковая кукушка, самолюбивая болтушка, одно* ***куку*** *своё твердит* (П.) — звукоподражание выступает в роли дополнения. Ср. также в детской речи: *Хрю-хрю* [поросенок] *спит* — звукоподражание здесь служит подлежащим.

Особенностью семантики звукоподражаний является звуковая мотивированность их значений. Тем не менее в разных языках звукоподражания, соответствующие одному и тому же значению, различны; ср.: русск. *гав-гав* и англ. *бау-вау* (*bow-wow*); русск. *ква-ква* и *твонк-твонк* в языке аборигенов Австралии. Следовательно, звукоподражания — часть лексического состава языка (не случайно они фиксируются словарями). В то же время они не составляют особой части речи, а являются специфическими «заместителями» существительных и глаголов. При этом одно и то же звукоподражание может выполнять функции то имени (ср. в детской речи: *Наша* ***ав-ав*** [собака] *убежала*), то глагола (*Собачка всё* ***ав-ав*** *да* ***ав-ав****, злится на кого-то*).

Рекомендуемая литература

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Изд. 3. М., 1986.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. (Словоизменение). М., 1977.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. 2-е изд. М., 1995.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (введение в методику позиционного анализа). М., 1986.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в русском языке. М., 1971.

Панов М. В. Позиционная морфология. М., 1999.

Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. М., 1980. Т. 1.

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.

Теория функциональной грамматики / [Серия коллективных монографий под ред. А. В. Бондарко] — 1) Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987; 2) Темпоральность. Модальность. — Л., 1990; 3) Персональность. Залоговость. — СПб., 1991; 4) Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива предложения. Определенность/неопределенность. СПб., 1992; 5) Качественность. Количественность. СПб., 1996; 6) Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М., 1981.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Синтаксис

Введение

ПРЕДМЕТ СИНТАКСИСА

Предметом с и н т а к с и с а являются слово в его отношениях и связях с другими словами в речи, правила образования из слов более крупных единиц, обеспечивающих речевое общение. В результате соединения словоформ, употребления слов в определенных формах строятся синтаксические единицы: словосочетания, предложения. Так, в предложении *Где-то на западной окраине гулко ухнула ручная граната* (Ш.) использованы словосочетания *на западной окраине, гулко ухнула, ручная граната.* В русском языке предложение может быть построено и из одного знаменательного слова в определенной форме: *Утро*; *Светает*; *Вот озеро*; *Встать!* и др. Однако такие предложения, как правило, допускают расширение с помощью поясняющих слов: *Летнее утро*; *Быстро светает*; *Вот лесное озеро*; *Встать немедленно!*

Предложение и словосочетание — синтаксические единицы разного назначения, каждая из них имеет свои существенные признаки. П р е д л о ж е н и е оформляет высказывание, оно является главной единицей синтаксиса. С л о в о с о ч е т а н и е — один из компонентов предложения, оно представляет собой вспомогательную единицу. В синтаксисе изучаются правила грамматического оформления предложения и словосочетания.

В речи предложения связаны друг с другом. Группа предложений, определенным образом связанных между собой в относительно завершенном отрезке текста, объединенном тема-

тически и логически, образует так называемое сложное синтаксическое целое. Например: *Даша подъезжала к Евпатории после полудня. Незадолго до города, с дороги, пыльной белой лентой бегущей по ровной степи, мимо солончаков, омётов соломы, она увидела против солнца большой деревянный корабль. Он медленно двигался в полуверсте, по степи, среди полыни, сверху донизу покрытый чёрными, поставленными боком, парусами. Это было до того удивительно, что Даша ахнула. Сидевший рядом с ней в автомобиле армянин сказал, засмеявшись: «Сейчас море увидишь»* (А. Т.) — в этом тексте — сложном синтаксическом целом — единое тематическое содержание (первая встреча Даши с морем), предложения связаны с помощью выделенных лексических единиц, а также глагольных форм времени и вида. Закономерности построения сложного синтаксического целого — предмет изучения синтаксиса текста.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Синтаксические средства русского языка, с помощью которых строятся предложения и словосочетания, разнообразны. Основными являются формы слов в их взаимодействии и служебные слова. Посредством словоизменительных показателей и служебных слов осуществляется синтаксическая связь слов в словосочетании и предложении. Например, в предложении *Сквозь тучу глядело на землю негреющее солнце* (Ш.) слова связаны родовыми окончаниями (*солнце глядело, солнце негреющее*), а также падежными окончаниями в сочетании с предлогами (*глядело на землю, глядело сквозь тучу*).

При построении предложения используются также интонация и порядок слов. Интонация (сообщения, вопроса, побуждения) не только средство грамматической организации предложения, но и показатель законченности высказывания. Порядок слов — это взаимное расположение их в составе словосочетания и предложения. В русском языке есть определенные правила взаимного расположения слов в разных видах их сочетаний. Так, грамматической нормой является расположение сказуемого после подлежащего; согласованное определение обычно ставится перед определяемым словом, а несог-

ласованное — после него. Отступление от этого правила используется в стилистических целях; ср.: *гений чистой красоты* (П.) — *пышное природы увяданье* (П.). Порядок слов может быть формальным показателем синтаксической функции слова при отсутствии основных показателей: *искусство кино* — функция определения (ср.: *искусство живописи, театра*); *Жениться — не лапоть надеть* (Посл.) — функция подлежащего препозитивного инфинитива.

Синтаксические единицы связаны с единицами других уровней системы языка: они строятся из слов, точнее — из словоформ. Синтаксис, таким образом, опирается на лексику и морфологию. Особенно тесно связаны синтаксис и морфология как две стороны грамматического строя языка.

Морфологические единицы, морфологические показатели реализуются в речи через словосочетание и предложение. Морфологические категории частей речи являются опорой синтаксических отношений (*западная окраина* — определительные отношения «предмет — признак»), а также синтаксических категорий (*ухнула граната* — прошедшее время, реальная модальность).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА

Различные методы изучения синтаксиса определяются общим уровнем развития науки, методологической основой исследований и мировоззрением ученого, практическими задачами использования результатов научных изысканий в школьном и вузовском изучении языка и т. д. Определенное влияние оказывают и смежные науки, в частности, логика, психология.

Наиболее значительные исследования русского синтаксиса, предопределившие и подготовившие современное состояние отечественной синтаксической науки, относятся ко второй половине XIX — началу XX в. Они представлены тремя методологическими направлениями: логическим (Ф. И. Буслаев), психологическим (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский), формальным (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский). Эти направления были значительным достижением для лингвистики своего времени, однако они страдали односторонностью. Представители каждого направления считали всякий иной подход к синтаксису неверным. Потебня начал разрабатывать свою синтаксическую систему с критики логической концепции Буслаева. Представители формального направления (особенно Шахматов), приняв некоторые положения психологической концепции, сделали упор на роль форм слова в синтаксической системе.

Важным этапом в изучении русского синтаксиса явился многоаспектный подход к предложению как к синтаксической единице, имеющей и логическую, и психологическую, и формальную стороны. Этот диалектический подход был разработан в 50-е годы В. В. Виноградовым, который, наряду с критикой методологических слабостей трех указанных направлений, выделил и использовал все ценное в них. Виноградов разработал основы структурно-семантического метода исследования синтаксиса. Этот метод является сейчас наиболее популярным среди исследователей и принят вузовской и школьной практикой преподавания синтаксиса современного русского языка. Сущность этого метода заключается в совместном рассмотрении означаемой и означающей сторон синтаксических единиц. В основу описания синтаксических единиц кладутся как их грамматическая семантика, так и формальные средства.

Словосочетание

ПОНЯТИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Термин «словосочетание» понимался и понимается лингвистами по-разному. Для одних он означает любое грамматическое сочетание полнозначных слов, включая и предложение. Такого взгляда придерживались Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, А. Б. Шапиро. Эта точка зрения исходит из грамматических, формальных признаков словосочетания — наличия грамматически господствующих и подчиненных, зависимых слов.

В настоящее время более распространенным и более признанным является иное понимание словосочетания. Оно было выдвинуто В. В. Виноградовым, принято академической «Грамматикой русского языка». Поддерживаемое большинством языковедов, оно заключается в понимании словосочетания как синтаксической единицы, подчиненной предложению и существующей в предложении, не тождественной ему.

Словосочетание является грамматическим и смысловым единством, т. е. имеет единое, хотя и расчлененное значение. В предложении *Мимо плыл холмистый берег с атласно-зелёными полосами пшеницы* (А. Т.) грамматическими и

смысловыми единствами являются: *холмистый берег, атласно-зелёными полосами пшеницы, плыл мимо, полосами пшеницы, холмистый берег с атласно-зелёными полосами пшеницы.*

Словосочетание в составе предложения является номинативной единицей: оно называет предметы вместе с признаками (*холмистый берег, ветер с юга*), действия с их признаками (*шёл размашисто, выглядит красиво*), действия и обстоятельства их протекания (*плыл мимо, встану утром*), действия и их объекты (*листал книгу, грозит пальцем*). Наиболее цельными по значению являются словосочетания, обозначающие предметы с их признаками (типа *майский полдень*), наиболее расчлененными — словосочетания, обозначающие действия с их объектами (типа *взмахнул рукой*).

По своему номинативному характеру словосочетания близки к словам и фразеологическим единицам. Однако нужно различать фразеологические единицы и словосочетания. Фразеологические единицы существуют в языке и обладают постоянством состава и устойчивостью значения, а в речи воспроизводятся как готовые единицы. Словосочетания возникают в речи, строятся свободно и не имеют постоянного значения; в языке как готовые единицы они не существуют. Так, в предложении *Анна Павловна закричала благим матом и закрыла лицо руками* (Т.) словосочетание *закрыла лицо руками* является свободным, а (*закричала*) *благим матом* — фразеологическая единица с постоянным значением и постоянным лексическим составом.

Исходя из понимания словосочетания как конструкции с единым значением, не следует относить к словосочетаниям сочинительные сочетания слов (однородные члены предложения); они входят в состав словосочетания только как подчиненные или как господствующие члены. Так, в предложении *Егорушка услышал тихое, очень ласковое журчанье* (Ч.) сочинительное сочетание слов *тихое, очень ласковое* словосочетанием не является: эти слова входят в словосочетание *тихое, очень ласковое журчанье.*

Словосочетание как номинативная единица отличается от предложения — единицы сообщения. Поэтому словосочетание нельзя отождествлять с предложением. Не следует счи-

тать словосочетанием предикативное сочетание главных членов — подлежащего и сказуемого. В предложении *В дороге Петров часто смотрел в окно* (Пауст.) нужно исключить из числа словосочетаний *Петров смотрел*, ибо это сочетание словоформ само по себе уже составляет предложение и заключает не название, а сообщение; словосочетаниями следует признать: *смотрел в окно, часто смотрел в окно.*

При изучении словосочетания мы будем, для краткости и удобства, рассматривать отдельные, изолированные единицы вне предложения. Однако это лишь условный лингвистический прием. Практически в речи словосочетание употребляется лишь в составе предложения.

СТРУКТУРА СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В понятие структуры словосочетания входят его состав, синтаксические отношения между членами словосочетания, формальные связи слов.

СОСТАВ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетание является д в у ч л е н н ы м. В нем выделяется грамматически г о с п о д с т в у ю щ и й член и грамматически з а в и с и м ы й, подчиненный член. Так, в словосочетании *холмистый берег* господствующий член — *берег*, подчиненный — *холмистый*. Минимальный состав словосочетания — два знаменательных слова (*знойный полдень*); кроме того, для связи употребляются служебные слова (*стена из камня*). Члены словосочетания могут быть выражены фразеологическими единицами (*бежал сломя голову, всегда бьёт баклуши*).

По составу словосочетания могут быть простыми и сложными. П р о с т ы е словосочетания состоят из минимального количества слов. С л о ж н ы е словосочетания возникают при распространении простого словосочетания словом или словосочетанием. Например, простое словосочетание *холмистый берег* в результате распространения его другим словосочетанием становится сложным: *холмистый берег с атласно-зелёными полосами пшеницы* — здесь простое словосочета-

ние стало господствующим членом сложного. Сложное словосочетание сохраняет двучленность.

Четкое разграничение простых и сложных словосочетаний не всегда возможно. Несомненно простыми словосочетаниями являются те, которые состоят из двух знаменательных слов или из слова и фразеологической единицы. Близки к простым словосочетания, включающие в качестве одного члена синтаксически неразложимые сочетания слов (*встретил двух друзей, встретил отца с матерью, узнал много новостей*), а также словосочетания с семантически неделимым сочетанием слов (*пиджак старинного покроя, мужчина средних лет*). С одной стороны, невозможны словосочетания «*пиджак покроя*», «*мужчина лет*», но с другой стороны, *старинного покроя, средних лет* — это свободные синтаксические словосочетания. Таким образом, словосочетания типа *мужчина средних лет, машина нового образца, сталь высокого сорта* являются простыми по семантике, но сложными по синтаксическому построению.

Количество слов в сложном словосочетании ограничивает только объем данного предложения. Например: *Долго противился я искушению прилечь где-нибудь в тени хоть на мгновение* (Т.) — выделенное простое словосочетание последовательно распространяется таким образом: *противился искушению прилечь, противился искушению прилечь где-нибудь в тени, противился искушению прилечь где-нибудь в тени хоть на мгновение*. В любом объеме словосочетание остается двучленным, господствующий член — *противился*. Мы можем распространить это сложное словосочетание, включив слово *долго*: *долго противился искушению прилечь где-нибудь в тени хоть на мгновение*. Дальнейшее распространение словосочетания невозможно (если включить *я*, то будет восстановлено предикативное сочетание *я противился* и в целом воспроизведено предложение). Таким образом, пределом распространения сложного словосочетания является предложение. Однако фактически в предложении как простые, так и сложные конкретные словосочетания четко выделяются по их смысловой цельности. Так, в приведенном предложении выделяются словосочетания *противился искушению* (простое) и *прилечь где-нибудь в тени хоть на мгновение* (сложное). В речи они разделены интонационно — с помощью паузы.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Отношения между господствующим и подчиненным членами словосочетания можно в общем виде охарактеризовать как отношения между определяемым и определяющим. Однако в зависимости от морфологической формы и значения членов словосочетания отношения между ними имеют различный характер и могут быть классифицированы. В составе словосочетания выделяются три основных типа синтаксических отношений: атрибутивные, объектные и релятивные.

А т р и б у т и в н ы е (или о п р е д е л и т е л ь н ы е) отношения устанавливаются между господствующим членом словосочетания, обозначающим предмет, и подчиненным членом, выражающим признак предмета (*молодой дуб, выразительное чтение, знамя из красного шёлка, наш дом, летящий самолёт, лодка с парусом*).

О б ъ е к т н ы е отношения (или д о п о л н и т е л ь н ы е) — это отношения между господствующим членом словосочетания, обозначающим действие, и подчиненным членом, выражающим объект этого действия (*копаю землю, люблю стихи, размахивал руками, дотронуться до стекла, чтение книг, играющий в мяч*).

Р е л я т и в н ы е (или о б с т о я т е л ь с т в е н н ы е) отношения — это отношения между господствующим членом словосочетания, обозначающим действие или признак, и подчиненным членом, выражающим качество, количество действия (признака) или различные обстоятельства, в которых протекает действие либо проявляется признак (*шёл быстро, поёт красиво, очень устал, слишком сильный, вернулся вчера, еду в Москву, остановились отдохнуть*).

Релятивные отношения очень разнообразны, они объединяют такие более частные отношения, как временны́е (*прочту завтра, уснул в полночь*), пространственные (*вышел из лесу, летит обратно*), причинные (*вскрикнул от радости, промахнулся сгоряча*), целевые (*пригласил для беседы, еду учиться*) и т. д.

Особой разновидностью отношений являются так называемые а п п о з и т и в н ы е — отношения между определяемым словом и приложением (*инженер Иванов, река Волга, мать-старушка* и т. п.). Некоторые языковеды считают аппозитивные отношения особым самостоятельным типом.

ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВОСОЧЕТАНИИ

Зависимость подчиненного члена от господствующего выражается в словосочетании формальными средствами: флексиями, служебными словами, положением (позицией) слов относительно друг друга. Формальная зависимость членов словосочетания, выраженная тем или другим способом, называется синтаксической связью.

Синтаксические связи слов нужно отличать от синтаксических отношений. Синтаксические отношения опираются на значения слов, входящих в словосочетание, а синтаксические связи проявляются в формах слов.

Различаются три типа синтаксической связи слов: согласование, управление, примыкание.

Согласование — это такой тип синтаксической связи, когда зависимое слово уподобляется по форме господствующему, а именно приобретает ту же форму рода, числа, падежа, которая свойственна господствующему слову. Этот тип связи наблюдается в тех словосочетаниях, где господствующий член выражен существительным, а зависимый — прилагательным, причастием, местоимением-прилагательным, порядковым числительным. Подчиненное слово согласуется или в единственном числе, роде и падеже, или во множественном числе и в падеже (во множественном числе не приходится говорить о согласовании в роде, так как прилагательные, причастия и пр. во множественном числе не изменяются по родам): *Петербург, как **всякий город**, жил **единой жизнью**, напряжённой и озабоченной* (А. Т.); *Рабочие **большими группами** стояли на **заводском дворе** и ждали, к чему поведут переговоры администрации со **стачечным комитетом*** (А. Т.); *В окопе лейтенанта пахло не только не успевшей подсохнуть **влажной глиной** и полынью, но и **ременной кожей** амуниции...* (Ш.)

Управление — это такой тип синтаксической связи, при котором зависимое слово употребляется в падежной форме, требуемой грамматическими и семантическими особенностями господствующего слова (*слушает музыку, ждал встречи, выплавка стали, быстрее ветра*).

Понятие управления охватывает весьма различные явления синтаксической связи, с разной степенью обусловленнос-

ти подчиненных форм, с различными показателями выражения связи.

По способам выражения (показателям) связи различаются б е с п р е д л о ж н о е управление (*отодвинуть стул, напишу письмо, ударил молотком*) и п р е д л о ж н о е управление (*выплыли из мрака, вера в справедливость, ответил из вежливости*).

По степени обусловленности подчиненных форм принято различать сильное и слабое управление.

При с и л ь н о м управлении господствующее слово допускает только одну форму зависимого. Грамматические и семантические особенности господствующего слова препятствуют его употреблению без зависимого слова, имеющего строго определенную форму. Так, переходный глагол *приподнять* непременно должен быть употреблен с существительным в форме винительного падежа без предлога (*приподнял камень*). Способность к сильному управлению свойственна, в частности, некоторым лексически недостаточным глаголам, которые только в соединении с существительными в определенных формах выражают конкретное действие [*впасть в* (*уныние*), *исходить из* (*предположения*)].

Отметим наиболее значительные группы слов, способных к сильному управлению:

1) переходные глаголы, требующие винительного падежа без предлога (*построить дом, выполнить задание, уничтожить врага, любить живопись*);

2) существительные, образованные от переходных глаголов, обозначающие действия и требующие родительного падежа без предлога (*постройка дома, выполнение задания, уничтожение врага*);

3) глаголы со значением желания, ожидания, требования, опасения, при которых отвлеченные существительные имеют форму родительного падежа без предлога (*желать выздоровления, ожидать встречи, требовать ответа, добиваться замены, бояться опасности, опасаться ошибки*);

4) отглагольные существительные со значением желания, ожидания, требования, опасения, требующие постановки существительных в форме родительного падежа без предлога (*желание выздоровления, ожидание встречи, требование ответа, боязнь опасности*);

5) приставочные глаголы, употребляющиеся только с определенными предлогами, допускающие только одну (редко — две) форму зависимого слова и обозначающие как конкретные физические действия, так и отвлеченные понятия; при этом часто приставки дублируются предлогами (*отколоться от глыбы, дотянуться до стола, перескочить через канаву, вглядываться в лица*; *исходить из предположения, опираться на факты, надеяться на помощь, разобраться в деле*);

6) формы сравнительной степени (прилагательных и наречий), требующие употребления существительных в форме родительного падежа без предлога (*выше дерева, быстрее молнии, лучше мастера*).

При с л а б о м управлении форма зависимого слова не обусловлена грамматическими и семантическими особенностями господствующего слова. Она определяется необходимостью выразить те или иные отношения. Так, при глаголе *жить* для выражения пространственных отношений может быть употреблена форма предложного падежа (*жить в доме, жить на берегу*), для выражения объектных отношений — форма творительного падежа (*жить надеждой*), для выражения качественной характеристики действия — форма винительного падежа (*жить в своё удовольствие*) и т. д.

Слабое управление характерно для непереходных глаголов. Им обладают также глаголы с сильным управлением, наряду с сильноуправляемыми при них могут быть слабоуправляемые формы. Так, переходный глагол *мыть* имеет сильноуправляемую форму винительного падежа, без которой он не употребляется (*мыть руки*); кроме того, при нем может быть несколько слабоуправляемых форм (*мыть водой, мыть с мылом, мыть в тазу, мыть под краном, мыть по утрам* и т. д.).

Способны к слабому управлению и многие существительные с отвлеченным значением (*жизнь в городе, жизнь без огорчений*; *встреча с другом, встреча в саду, встреча у обрыва* и т. д.).

Способностью к слабому управлению обладают некоторые прилагательные (*сильный духом, сильный до удивления*; *приятный на вкус, приятный видом*), наречия (*далеко от города, без причины громко*), числительные (*первый от леса, второй с краю, третий из мальчиков*).

Исследователи синтаксиса (А. Б. Шапиро и др.) отмечают, что так называемое слабое управление фактически представляет собой особый вид связи в сравнении с сильным управлением. Слабоуправляемые формы, по сути дела, не обусловлены господствующим словом словосочетания.

Особенно условным термин «управление» является в приложении к таким словосочетаниям, где господствующее слово выражено конкретным существительным, никак не влияющим на форму подчиненного слова, не определяющим ее (*чай в беседке, чай из Грузии, чай по утрам, чай с сахаром*). Господствующее слово бывает распространено различными формами в зависимости от содержания словосочетания. Такую связь можно назвать с о е д и н е н и е м. Два слова соединяются для выражения каких-либо отношений, подчинение одного другому носит условный характер. В другом контексте их синтаксические роли могут меняться; ср.: *дом из камня — камень из дома*; *хлеб с маслом — масло с хлебом*; *дерево возле дома — дом возле дерева*. По форме зависимого слова это управление.

Такие соединяемые формы в предложении обычно стоят рядом, иначе их связь может быть не понята, не уловлена: *Сестра показала мне дорогу в лазарет* (А. Т.); *Я живу в маленьком доме на дюнах* (Пауст.); *Жил Андреев в уютной и большой вилле с пальмами в саду, с застеклённой террасой* (В.).

П р и м ы к а н и е — это такая синтаксическая связь, которая не выражается ни формами словоизменения, ни служебными словами. Примыкающие зависимые слова являются неизменяемыми. Они представлены наречиями, деепричастиями, инфинитивом (*шёл быстро, смотрит не мигая, присел отдохнуть*). Неизменяемость этих категорий слов выступает показателем их синтаксического подчинения. Существенную роль играет также словорасположение и интонация: они связывают словоформы.

ТИПЫ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Структурные и семантические особенности словосочетания во многом зависят от того, какой частью речи выражен господствующий член. Поэтому в синтаксисе рассматривается

классификация словосочетаний, основанная на способе выражения господствующего члена. Выделяются следующие типы словосочетаний: 1) глагольные; 2) субстантивные; 3) адъективные; 4) наречные; 5) местоименные; 6) словосочетания с числительными.

Для каждого типа характерны особенности выражения зависимого члена, круг синтаксических отношений и их формальное проявление.

Глагольные словосочетания

В глагольных словосочетаниях господствующий член может быть выражен спрягаемыми и неспрягаемыми формами глагола (*летит прямо, летящий прямо, летя прямо, лететь прямо*). Зависимый член представлен формами косвенных падежей существительных, местоимений-существительных и субстантивированных слов, наречиями, деепричастиями, инфинитивом (*читали книгу, посмотрел на меня, разглядывая прохожих, сидящий прямо, говорил картавя, лёг отдохнуть*).

В глагольных словосочетаниях наблюдается два типа синтаксической связи — управление (сильное и слабое) и примыкание. В них выражаются объектные и различные виды релятивных (обстоятельственных) отношений. Атрибутивные отношения не свойственны глагольным словосочетаниям, поскольку их главный член называет не предметы, а действия.

Объектные отношения выражаются формами склоняемых слов и (редко) инфинитивом: *строить дом*; *обдумывать план*; *пригласили меня*; *разговаривал с приезжим*; *размахивал руками*; *ударился о дерево*; *прикоснулось к руке*; *подали ужинать*; *Я **открыл глаза и увидел Калиныча***; *он сидел на пороге полураскрытой двери и **ножом вырезывал ложку*** (Т.); *Григорий вначале **относился к новому начальнику штаба** не без предвзятости* (Ш.); *Лодка **толкнулась о берег*** (М. Г.).

Временны́е отношения выражаются формами косвенных падежей существительных без предлогов и с предлогами, а также наречиями: *ехал (весь) день*; *пишу вечерами*; *вернулся к вечеру*; *говорили около часу*; *выходила по утрам*; *ждали до вечера*; *предупредили заранее*; *узнал поздно*; *вспомнил зи-*

мой; *Даша* ***выходила из дому не каждый день и только по утрам*** (А. Т.); ***На закате я вышел*** *к просёлочной дороге* (Пауст.); *Стояла кузница в Загорье, и я при ней с* ***рожденья рос*** (Тв.); ***Проснувшись рано, в окно увидела Татьяна*** *поутру побелевший двор* (П.).

Пространственные отношения — зависимый член словосочетания обозначает место действия или направление движения и бывает выражен формами косвенных падежей существительных без предлогов или с предлогами, а также наречиями: *спит в кровати*; *ехали лугом*; *вышел из дому*; *переходя через улицу*; *помчались к лесу*; *проплывает под мостом*; *взглянул направо*; *живёт здесь*; *осталась дома*; *бросился вперёд*; ***На лиственнице около костра трещала*** *какая-то птица* (Пауст.); *Наплакавшись, Егорушка* ***вышел из хлева*** *и, обходя лужу,* ***поплёлся на улицу*** (Ч.); ***За окном началось движение*** (А. Т.); *Мы сами* ***вызвались сюда*** (Тв.); *Он* ***свернул с шоссе на поле и пробирался наугад кустами*** (А. Т.).

Качественно-обстоятельственные отношения — зависимый член словосочетания содержит качественную характеристику действия и выражается падежными формами существительных без предлогов (творительный сравнения) и с предлогами, а также деепричастиями и качественными наречиями: *промелькнули молнией*; *рассыпаются с шумом*; *лежим без движения*; *смеётся весело*; *говорил вдохновенно*; *бежали рысцой*; *шёл спотыкаясь*; *Потолок на нас* ***пошёл снижаться вороном*** (М.); *Багровые тучи на западе* ***медленно гасли. Заунывно кричала*** *выпь* (Пауст.); *А Дарья с* ***охотой вызвалась*** *ехать* (Ш.).

Количественно-обстоятельственные отношения — зависимый член словосочетания указывает на количество действия, его меру, степень его проявления и выражается формами существительного и наречиями: *провалился по пояс*; *раскинулась от края до края*; *очень удивился*; *сильно сжатый*; *Местами дорога* ***по колено была усыпана*** *золотистой пшеницей* (Ш.); *Промаялся я таким образом ночь, день, потом ещё ночь, и, убедившись, как* ***мало помогает*** *мне моё мышление, я прозрел* (Ч.).

Причинные отношения — зависимый член словосочетания указывает на причину действия и выражается существительными с предлогами *от, из-за, из, по, благодаря, с*, а

также наречиями: *отсутствовал по болезни*; *помочь из жалости*; *поссорились из-за пустяка*; *плакала от счастья*; *не понимал спросонку*; *пообещали сгоряча*; *Лежишь в канаве, а на сердце маета: вдруг как* ***сослепу задавит,*** *— ведь не видит ни черта* (Тв.).

Ц е л е в ы е отношения — зависимый член словосочетания обозначает цель действия и выражается существительными с предлогами *для, на* и др., наречиями и инфинитивом: *взяли для проверки*; *остановился на отдых*; *медля нарочно*; *пришёл поздравить*; *...****Дунул в трубку для порядку,*** *командиру подаёт* (Тв.); *На пустырь, рядом с квартирой Евреинова,* ***собирались гимназисты играть в городки*** (М. Г.); *Ветка вяза заглянула в дилижанс. Андерсен* ***сорвал с неё на память*** *несколько листьев* (Пауст.).

Малопродуктивными являются условные и уступительные отношения. Зависимый член словосочетания выражает условие действия или условие, вопреки которому совершается действие, — у с т у п и т е л ь н ы е отношения. У с л о в н ы е отношения выражаются существительными с предлогом *при* и др., а также деепричастиями: *найдёшь при желании*; *услышал в тишине*; *сжимается охлаждаясь*; *расширяется нагреваясь*; ***При наличии этого богатства*** *(ассоциаций) любая мысль и тема тотчас* ***обрастают*** *живыми чертами* (Пауст.); *Атака не удалась и, очевидно,* ***в таких условиях не могла удаться*** (Сим.).

Уступительные отношения выражаются существительными с предлогами *несмотря на, вопреки,* а также деепричастиями: *пошёл несмотря на усталость*; *работали невзирая на опасность*; *спотыкаясь продолжал взбираться*; *Герой — это тот, кто* ***творит жизнь вопреки смерти*** (М. Г.); *Иван Ильич глядел не отрываясь на сияющую солнцем зеркальную голубоватую воду, — душа его,* ***наперекор всему, заливалась*** *счастьем* (А. Т.).

Субстантивные словосочетания

В субстантивных словосочетаниях господствующий член выражается существительным или субстантивированным словом (*большой дом, случайный прохожий, прекрасное завтра*). В качестве подчиненного члена выступают согласуемые слова:

прилагательные, причастия, порядковые числительные, местоимения-прилагательные (*берёзовая роща, спящий ребёнок, первый класс, мой друг, своё дело, весь день*); управляемые слова — существительные и местоимения-существительные с предлогами и без предлогов (*строительство завода, вера в жизнь, разговор с тобой*); примыкающие слова — наречия и инфинитив (*прогулка пешком, мысли вслух, возможность встретиться, приказ наступать*).

В субстантивных словосочетаниях наблюдается два типа синтаксических отношений — атрибутивные и объектные.

А т р и б у т и в н ы е отношения более всего характерны для субстантивных словосочетаний, так как господствующий член называет предмет, а зависимый член — признак предмета. Атрибутивные отношения могут иметь различные оттенки, которые зависят от формы подчиненного слова.

Наиболее отчетливо атрибутивные отношения выражаются согласуемыми словами: *Просыпаясь **в жемчужном сумраке утренних зорь** осени, Артамонов старший слышал **требовательный гудок фабрики*** (М. Г.).

Если зависимый член словосочетания имеет форму управляемых слов, то определительные отношения выражаются путем сопоставления двух предметов. Поэтому атрибутивные отношения проявляются в различных частных значениях и имеют те или иные дополнительные оттенки. Отметим некоторые наиболее распространенные значения:

1) определительные отношения со значением принадлежности: *комната сестры*; *губы ребёнка* (ср.: *губы у ребёнка*); *плиты мостовой*; *Окно **из комнаты Федина** выходило на террасу над морем* (Пауст.);

2) определительные отношения со значением субъекта действия или признака («родительный субъекта»): *свист ветра* (ср.: *ветер свистит*); *храбрость воина* (ср.: *храбрый воин*); *свежесть утра* (ср.: *свежее утро*); *Они пробирались под **визг мин**, под оглушительный **рёв снарядов** по ходам сообщения* (Тих.);

3) определительные отношения со значением сравнения: *глаза лисы* (ср.: *глаза как у лисы*); *походка медведя* (ср.: *походка как у медведя*); *Пётр вспомнил, как иногда Елена задумчиво смотрит серыми **глазами кошки** на что-то впереди себя* (М. Г.);

4) определительные отношения со значением наличия или отсутствия чего-либо у предмета: *дом с крылечком*; *цветы без запаха*; *часы с боем*; *каша с молоком* (ср.: *каша на молоке*); *Калиныч надел на голову род* ***мешка с сеткой***, *взял нож, горшок и головешку и отправился на пасеку* (Т.); *Елизавета Киевна глядела близко ему в чистое,* ***без морщин лицо*** (А. Т.); *Рядом стоял* ***кувшин с молоком*** (Пауст.);

5) определительные отношения с пространственным значением: *сад возле дома*; *столик у окна*; *тропинка в лесу*; *Весь этот лесной* ***край к северу от Оки*** *издавна назывался «дремучим»* (Пауст.); *Даша стала* ***на верстаке под окном*** (А. Т.).

Субстантивные словосочетания, в которых атрибутивные отношения выражаются примыкающими словами — наречиями, употребляются сравнительно редко (*разговор вполголоса, прогулка пешком* и т. п.). Атрибутивные отношения в этих словосочетаниях могут иметь обстоятельственные оттенки (места, времени и др.): *дверь направо; отдых зимой;* ***Мысли вслух*** *помогали Звягинцеву бороться со сном* (Ш.); *Иван Ильич отворил* ***дверь направо*** *и вышел в пустую комнату* (А. Т.).

О б ъ е к т н ы е отношения характерны только для тех субстантивных словосочетаний, в которых господствующий член выражен отглагольным существительным, обозначающим действие, процесс, и которые соотносительны с глагольными словосочетаниями объектного типа: *сварка конструкций* (ср.: *сваривать конструкции*); *забота о друге* (ср.: *заботиться о друге*); *стремление к свободе* (ср.: *стремиться к свободе*); *С фронта доносили* ***об обстреле переправы и моста*** (А. Т.); *Но действительными хозяевами в квартире Деренковых были студенты... — шумное сборище людей, которые жили* ***в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем*** *России* (М. Г.).

Адъективные словосочетания

В адъективных словосочетаниях господствующий член представлен прилагательным. Зависимый член выражается формами косвенных падежей существительных и местоимений-существительных с предлогом и без предлога, а также на-

речиями и инфинитивом (*чистый душой, усталый до изнеможения, ласковый ко мне, очень хороший, склонный молчать*).

В современном русском языке господствующим членом словосочетания бывают почти исключительно качественные прилагательные. Зависимые члены обозначают или объекты, на которые распространяется признак, или меру проявления признака, или его качественную характеристику, или различные обстоятельства проявления, обнаружения признака. В адъективных словосочетаниях выражаются объектные и различные виды релятивных (обстоятельственных) отношений.

Объектные отношения выражаются падежными формами существительных, а также инфинитивом: *гордый победой*; *похожий на тебя*; *удобный для работы*; *готовый сражаться; способный работать*; *Там — самовар, бутерброды с сыром и колбасой, **беззаботные к костюму** мужчины и женщины* (В.); *Казаки вскочили, **готовые стрелять*** (Ш.).

Причинные отношения выражаются существительными с предлогами *от, с* и др. и наречиями: *мокрый от росы*; *больной с горя*; *глупый спросонку*; *Артиллеристы, глядевшие в башенные щели, различили **неясную в тумане** тень* (А. Т.); *Снова потянулись заглохшие лесные дороги, **скользкие от** рыжей **хвои*** (Пауст.); *Она съела вторую ягоду, оглядывая Алексея Ивановича, его **золотистую на свету** бородку* (А. Т.).

Пространственные отношения выражаются существительными с предлогами *от, до, с* и др., а также наречиями: *близкий от леса*; *видный с холма*; *известный в округе*; *яркий снаружи*; *Длинное и худое, с широким лбом, **кверху плоским, книзу заострённым** носом, большими зелёными глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум* (Т.); *Гнедой широкозадый конь, **левый в запряжке**, мотнул головой* (Ш.).

Временны́е отношения выражаются падежными формами существительного и наречиями: *хмурый с утра*; *верный до гроба*; *сердитый по вечерам*; *когда-то красивый*; *Он взял её голову и отстранил, чтобы глядеть в её любимое, **всегда***

новое, всегда неожиданно прекрасное лицо (А. Т.); *Происходил он из старинного дома, некогда богатого* (Т.); *Даша никогда не забывала того первого вечера в их молодой квартире, с окнами, раскрытыми на влажный после дождя Каменноостровский* (А. Т.).

Количественно-обстоятельственные отношения выражаются падежными формами существительного с предлогами *до, по* и др., а также наречиями: *грязный до неузнаваемости; сытый по горло; очень усталый; ...Дундич нашёл вторую родину и со всем пылом простодушного, жизнерадостного и отчаянно смелого человека полюбил необозримую Россию* (А. Т.); *А перегруженный прочитанным, чувствуя себя сосудом, до краёв полным оживляющей влаги, я шёл к денщикам, к землекопам и рассказывал им...* (М. Г.); *Наталья почувствовала, как горячая до слёз кровь плеснулась ей в лицо* (Ш.).

Качественно-обстоятельственные отношения выражаются качественными наречиями: *хорошо знакомый; дружески заботливый; Я видел восход солнца в этом месте десятки раз, и всегда предо мною рождался новый мир, по-новому красивый* (М. Г.).

Наречные словосочетания

В наречных словосочетаниях господствующий член — наречие. Зависимый член выражается другим наречием или падежными формами существительного.

В наречных словосочетаниях обнаруживаются обстоятельственные отношения.

Количественно-обстоятельственные отношения выражаются падежными формами существительного с предлогами, наречиями меры и степени: *весьма хорошо; очень далеко; очень поздно; тяжело до боли; Я вошёл в сушилку. Там было совсем тепло* (Купр.); *Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно* (Т.); *Уж слишком, до ярости наглядно происходило всё на глазах...* (Сим.)

Качественно-обстоятельственные отношения выражаются качественными наречиями: *детски наивно; неуместно громко; Он играл с кадетами, окружал себя ими,*

то ребячески просто, то дружески, то торжественно-величественно обращаясь с ними (Л. Т.); ***Протестующе громко*** *высморкав нос в край передника, жена ответила: «Слышу»* (М. Г.).

Пространственные отношения выражаются наречиями места, а также падежными формами существительного с предлогами: *далеко отсюда*; *где-то впереди*; *близко от города*; ***Близко к невесте*** *сидит Никита...* (М. Г.); *Синцову сказали, что* ***где-то рядом*** *есть какие-то командиры, которые формируют части* (Сим.).

Временны́е отношения выражаются падежными формами существительного и наречиями: *вскоре после встречи*; *задолго до срока*; *рано утром*; *когда-то давно*; ***Вечером того же дня*** *Анна Васильевна сидела в своей гостиной и собиралась плакать* (Т.); *Вот однажды* ***рано поутру*** *мой приятель встречает его на улице...* (Т.)

Среди наречных словосочетаний наиболее употребительными являются те, в которых зависимый член выражен наречием меры (*очень красиво, довольно поздно, почти всегда, совсем близко, очень много, совсем зря*).

Местоименные словосочетания

В местоименных словосочетаниях господствующим членом является местоимение. Зависимый член выражается прилагательными, существительными в формах косвенных падежей, местоимениями. Местоименные словосочетания малопродуктивны, ибо местоимения как указательные слова имеют ограниченные возможности распространения другими словами.

В местоименных словосочетаниях выражаются преимущественно определительные и выделительные отношения.

Определительные отношения устанавливаются между местоимениями-существительными (господствующий член) и прилагательными или местоимениями-прилагательными, а также (редко) формами косвенных падежей существительных или местоимений-существительных (зависимый член): *что-то новое*; *некто неизвестный*; *некто в шинели*; *кто другой*; *они все*; *В его отношении к братьям явилось* ***что-то нехорошее, насмешливое*** (М. Г.); *А как легко схо-*

дить с крыльца, — пусть скажет ***кто другой*** (Тв.); *Сначала показался* ***некто*** *рослый, самоуверенный* (Купр.); *Вам — всё это, живые* (Тв.); *Он хотел сказать ей* ***нечто*** *убедительно ясное* (М. Г.); ***Все в тебя, все красавцы стоят, как один...*** (Тв.)

Выделительные отношения выражаются формами родительного падежа с предлогом *из* существительных или местоимений: *каждый из нас*; *кто-то из ребят*; *любой из вас*; ***И всяк из вас, кто вслед за мной свой угол посетит родной, такую ж, может быть, точь-в-точь здесь проведёт однажды ночь*** (Тв.).

Словосочетания с числительным в роли главного слова

Словосочетания с числительными обозначают определенное или неопределенное количество предметов. Разными структурными свойствами обладают те словосочетания, в которых господствующий член выражен порядковым числительным, и те, в которых господствующий член выражен количественным или собирательным числительным.

Словосочетания с порядковым числительным в роли главного слова по структуре сходны с адъективными (*второй с краю, пятый от леса, третий из них*).

Словосочетания с количественным или собирательным числительным в роли главного слова могут выступать только в формах именительного и винительного падежей. В остальных падежах числительные являются подчиненными словами, а главным словом становится существительное (*две лошади*, но *двух лошадей, на двух лошадях*).

В словосочетаниях с числительными существительные имеют форму родительного падежа единственного числа (с числительными от *двух* до *пяти*) или множественного числа (от *пяти* и далее, с собирательными и неопределенными числительными): *И, постояв ещё вдвоём,* ***два друга, два бойца,*** *мы с ним пошли* (Тв.); *Я отсюда уеду через* ***несколько дней*** (Тв.). Ср.: *Генерал неподвижно лежал на санях и смотрел на* ***четверых живых людей*** (Сим.) — субстантивное словосочетание с числительным.

ПРАВИЛА ПОСТРОЕНИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Построение словосочетания, выбор формы подчиненного слова бывают обусловлены различными факторами: грамматическими свойствами главного слова, его семантикой, словообразовательными связями, морфемным составом и лексическими особенностями. Форма подчиненного слова может совершенно не зависеть от лексико-грамматических особенностей главного слова, и ее выбор бывает продиктован необходимостью выразить различные отношения между членами словосочетания.

В связи с этим может быть выделено четыре вида словосочетаний, основанных на различных правилах построения: 1) грамматически обусловленные; 2) семантически обусловленные; 3) лексически связанные; 4) определяемые синтаксическими отношениями.

1. В грамматически обусловленных словосочетаниях подчиненное слово употребляется в той форме, которой требуют грамматические особенности главного слова. Так, согласуемые слова (прилагательные, местоимения-прилагательные, порядковые числительные, причастия) принимают ту же форму рода, числа и падежа, какую имеет главное слово (*вечерний костюм, на вечерней заре, в вечернем платье, к вечерним занятиям*). При переходных глаголах управляемые слова имеют форму винительного падежа без предлога: *Этот человек в н у ш а л* ***чувство*** *доверия то и дело поглядывавшим на него сапёрам той неуловимой печатью военной опытности, которая лежала на всём его поведении* (Сим.).

2. В семантически обусловленных словосочетаниях главное слово, относящееся к определенной семантической группе, требует употребления подчиненного слова в определенной форме. Например, существительные, обозначающие эмоциональное отношение, требуют употребления подчиненных существительных в форме дательного падежа с предлогом *к*: *любовь к Родине*; *ненависть к врагу*; *отвращение ко лжи*; *нежность к сыну*; *неприязнь к хвастуну*; *Но это не заглушало чувства жалости к сыну* (М. Г.); *...Но у меня* ***отвращение к бумаге и к чернилам*** (А. Т.). Такой же формы подчиненного слова требуют существительные со значением волеизъявления, стремления, склон-

ности: *стремление к свободе*; *жадность к работе*; *склонность к размышлениям*; *С ранних лет начал он оказывать* ***наклонность к ваянию*** (Т.); *...В них сосредоточена и горит добрая, человеколюбивая* ***воля к жизни...*** (М. Г.); *И Алексей и жена его заразились смешной* ***жадностью к ненужным вещам*** (М. Г.).

3. В лексически связанных словосочетаниях главное слово обладает недостаточно определенным и четким лексическим значением, которое раскрывается и конкретизируется с помощью подчиненного слова, имеющего строго определенную форму. Такое построение часто наблюдается в глагольных словосочетаниях: *опираться на знания*; *добиваться улучшения*; *исходить из предположения*; *начать подготовку*; *взяться за изучение*; *Мне кажется, что такая переписка* ***способствовала бы взаимному духовному обогащению и познанию*** (Ш.).

Следует заметить, что лексически связанные словосочетания имеют, как правило, книжный характер и употребляются преимущественно в публицистике, в научном и деловом стилях речи.

4. В словосочетаниях, характеризуемых семантико-синтаксическими отношениями, главное слово ни грамматически, ни лексически не обусловливает подчиненной формы. Так, слово *дорога* само по себе не определяет падежной формы подчиненного существительного. Для выражения различных отношений с другими словами (временны́х, пространственных, определительных, количественных и т. п.) могут быть использованы соответствующие предлоги и падежные формы: *дорога к лесу*; *дорога через лес*; *дорога вокруг леса*; *дорога в лесу*; *дорога после дождя*; *дорога в пыли*; *дорога из камня*; *дорога в пять километров* и т. д.; *Шофёр затормозил у* ***домика на окраине*** (Сим.); *Он шагал по комнате, присматриваясь к* ***человеку у двери*** (М. Г.).

Словосочетания этого вида больше других зависят от конкретного содержания предложения, они рождаются из потребности выразить определенные отношения. Поэтому вне предложения они выглядят искусственно, странно и подчас неубедительно. Этот вид словосочетаний представляется достаточно неопределенным на фоне грамматически обусловленных, семантически обусловленных и лексически связанных словосо-

четаний, форма которых вытекает из самой языковой сущности главного слова, а в речи они лишь наполняются конкретным содержанием.

Предложение

Предложение является основной единицей синтаксиса. Предложение — главное средство выражения и сообщения мысли. Его основная функция в языке — коммуникативная, т. е. функция сообщения. Эта функция не может быть выполнена ни словом, ни фразеологизмом (эквивалентом слова), ни словосочетанием: они являются названиями предметов, признаков, действий. Для того чтобы стать средством сообщения, они должны быть или соединены в предложения, или получить свойства предложения. Ср.: *солнце, путь, ты, встать, счастливый, семь пятниц на неделе — Солнце встало*; *Ты встаёшь?*; *Ты счастливая*; *У тебя семь пятниц на неделе; Солнце!*; *В путь!*; *Встать!*; *Счастливого пути!* и т. д.

Предложение называет ситуацию, событие. Специфическими признаками предложения, отличающими его от других единиц языка, в том числе и от словосочетания, являются предикативность и интонация сообщения.

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ

Предикативность — это отнесенность содержащегося в предложении высказывания к действительности, устанавливаемая и выражаемая говорящим. Предикативность проявляется и раскрывается в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Каждая из них имеет свое содержание и средства выражения; в любом предложении они имеют то или иное проявление.

Модальность — это оценка высказывания с точки зрения реальности/ирреальности. Реальность — это соответствие действительности, выраженное синтаксическими средствами: *Наступил рассвет*; *Скоро наступит рассвет*;

Рассвет; *Брат принёс книгу*; *Брат принесёт книгу.* Ирреальность — это несоответствие действительности, представление высказываемого как желаемого, требуемого, устанавливаемого (предполагаемого) говорящим: *Скорей бы наступил рассвет; Брат, принеси книгу; Книгу!; Скоро наступит рассвет?; Брат принёс книгу?; Когда брат принесёт книгу?* Значение реальности/ирреальности в предложении опирается на глагольные формы наклонения (в их основном употреблении): в формах изъявительного наклонения выражается реальность, в формах повелительного и сослагательного наклонений — ирреальность. Модальная оценка передается также интонацией. Так, вопросительная интонация выражает ирреальность независимо от формы наклонения: *Хочешь, я расскажу тебе песню?* (М. Г.); *А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?* (М.) Значение ирреальности может быть выражено частицей *бы* и при отсутствии глагола: *Сейчас бы в сани с ногами* (М.); *Скорее бы рассвет!*

Наряду со значением реальности/ирреальности, которое называют объективно-модальным, в предложении с помощью вводных компонентов (*конечно, бесспорно; может быть, вероятно, пожалуй* и др.) могут быть выражены субъективно-модальные значения уверенности или предположительности: ***Быть может,*** *крылья тебя поднимут и поживёшь ты ещё немного в твоей стихии* (М. Г.).

Время — это соотнесенность высказывания с моментом речи. С помощью глагольных форм времени оно может быть обозначено конкретно — как предшествующее моменту речи, совпадающее с ним или последующее: *Волны* ***шумели; Волны шумят; Волны будут шуметь.*** Синтаксическое время может проявляться в виде вневременности, т. е. без определенного соотношения с моментом речи: *Лежачего не бьют* (Посл.). В предложениях, построенных без глагола, обычно проявляется значение настоящего времени: *Кавказ подо мною* (П.); *Поздняя осень* (Н.).

Лицо — это отнесенность высказывания к говорящему. Она проявляется либо в непосредственном приписывании действия, признака говорящему, собеседнику или третьему лицу: *Я славно пожил!.. Я знаю счастье!* (М. Г.); *О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью...* (М. Г.), либо в сопостав-

лении субъекта, деятеля с говорящим: *Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в паденье!..* (М. Г.) Средствами выражения синтаксического лица являются личные формы глаголов, личные местоимения и конструктивные особенности предложения [например, выражение подлежащего существительным является показателем 3-го синтаксического лица: *А волны моря с печальным рёвом о камень бились* (М. Г.)]. Помимо конкретного значения одного из трех лиц, синтаксическое лицо может иметь значение неопределенное или обобщенное: *В саду поют*; *От добра добра не ищут* (Посл.). В различных видах простого предложения наблюдаются разные значения и показатели синтаксического лица.

Значения модальности, времени и лица в комплексе и передают отнесенность высказывания к действительности, т. е. предикативность. Предикативность предложения опирается в первую очередь на глагольные формы, но при их недостаточности или отсутствии выражается другими показателями. Например: *Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!..* (М. Г.) — во втором предложении спрягаемый глагол своими показателями обозначает модальное значение реальности, будущее время, 2-е лицо; в первом предложении формы глагола достаточны только для выражения модальности и времени, лицо выражается с помощью подлежащего *я*. В именных предложениях *Зачем же гордость? Зачем укоры?* (М. Г.) предикативность выражается иначе: модальность передается интонацией, настоящее время опирается на нулевой показатель (значимое отсутствие глагола), значение 3-го лица вытекает из бытийного значения предложения, не связанного ни с говорящим, ни с собеседником. Совокупность показателей предикативности представляет собой грамматическую форму предложения. Различия в грамматической форме являются одним из основных критериев классификации предложений.

ИНТОНАЦИЯ СООБЩЕНИЯ

Интонация предложения имеет замкнутую структуру: начало, развитие, завершение. Без этих элементов интонации построить реальное предложение невозможно. Так, в сложном предложении *Катятся ядра, свищут пули, нависли хлад-*

ные штыки (П.) — три предикативные части; однако, если воспроизвести любую из частей с той интонацией, которая присуща ей в составе сложного, ни одна из них не образует самостоятельного предложения. Напротив, даже формально незавершенная конструкция, произнесенная с интонацией сообщения, функционирует как законченное предложение: *Сегодня вечером*, например, может быть воспринято как неполная реплика диалога (*«Когда ты едешь?» — «Сегодня вечером»*).

Интонация — сложное фонетическое явление. Она связана с линейным характером предложения, т. е. с последовательным произнесением составляющих его слов. Линейное расположение словоформ и их произношение соответствуют их синтаксической и семантической роли в предложении.

В структуру интонации входят основные акустические показатели: сила голоса (динамика), высота тона (мелодика), а также темп речи, наличие, место и длительность пауз, тембровая окраска голоса. Интонацию конкретного предложения составляет совокупность изменений (модуляций) силы, высоты, темпа и тембра. Однако каждая из этих сторон может быть проанализирована и отдельно. В этом случае говорят о динамической структуре предложения, его мелодической структуре и пр. Например, в предложении *Так вот в чём прелесть полётов в небо!* (М. Г.) с наибольшей силой (громко) произносится *вот*, дальше громкость убывает; наибольшая высота тона на слове *прелесть* (мелодическая вершина), мелодика восходяще-нисходящая; темп речи, медленный в начале, убыстряется к концу предложения; пауза после слова *прелесть* незначительная; тембровая окраска характеризуется повышенными тонами, передающими эмоциональное отношение — удивление, иронию.

Интонация, наряду с индивидуальными особенностями произнесения конкретного предложения, содержит типичные элементы структуры, характерные для того или иного типа предложения. Русский язык имеет определенную структуру повествовательной, вопросительной, побудительной интонации, специфические черты характеризуют восклицательную интонацию. Особую структуру интонации имеют номинативные, инфинитивные, нечленимые предложения и т. д.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗОВАННОСТЬ

Наряду с предикативностью и интонацией сообщения как основными признаками предложение характеризуется грамматической организованностью. Она проявляется как в наличии связи слов (это свойственно и словосочетанию), так и в определенной иерархии отношений между словами. Одно из слов занимает абсолютно господствующее положение; оно поясняется другим словом (или словами), которое, в свою очередь, может быть определено третьим словом, и т. д.; ср.: ***Ветер*** *опрокинул палатку.* — *Ветром* ***опрокинуло*** *палатку.* — *Ветром опрокинута* ***палатка.***

Структуру предложения составляют не словоформы как таковые, а члены предложения. Член предложения — это знаменательное слово, фразеологизм, или сочетание знаменательного слова со служебным, или неделимое словосочетание, находящееся в отношениях «определяемое — определяющее» с другим словом, и пр. Например: *В половине десятого раздался звонок* (А. Т.) — один из членов предложения выражен словосочетанием *в половине десятого*, два других — знаменательными словами. Важным элементом грамматической организации предложения является наличие главных членов. Их основные свойства: непосредственное участие в выражении предикативности; независимое положение в предложении, господствующее по отношению к поясняющим их словам. Так, главные члены предложения *раздался звонок* выражают реальную модальность, прошедшее время, 3-е синтаксическое лицо; им подчинен поясняющий член *в половине десятого.* Главные члены являются основой структуры предложения, его предикативным ядром. Предложение может состоять только из главных членов.

Поясняющие члены предложения, подчиненные главным, называются второстепенными; вместе с главными они участвуют в выражении высказывания: ***Неподвижно перед крыльцом висели прозрачные ветви плакучих берёз*** (А. Т.).

Главные члены в предложении могут быть представлены различными словоформами, но не любыми. Строение русского предложения можно охарактеризовать путем перечисления этих словоформ, образующих структурную схему предложе-

ния. (В приведенном примере структурную схему предложения составляют существительное в форме именительного падежа и спрягаемый глагол.)

Структурная схема — это «имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение» («Русская грамматика». М., 1980).

Структурные схемы записываются с помощью символов, которые представляют собой сокращения латинских названий частей речи или их отдельных словоформ, например: N_1 (существительное в форме именительного падежа), Adj (прилагательное), V (глагол), Vf (спрягаемый глагол), Inf (инфинитив), Adv (наречие) и др., а также Cop (связка). Наиболее употребительны в современном русском языке:

1) двухкомпонентные структурные схемы:

N_1 — Vf: *Ветер воет. Гром грохочет* (М. Г.);

N_1 — N_1: *Любовь и счастье у нас — синонимы* (Ч.);

N_1 — Adj: *Тиха украинская ночь* (П.);

Inf — N_1: *Говорить речи и поучения собственным детям — задача невероятно трудная* (Мак.);

2) однокомпонентные схемы:

V_{3s}: *Вот смерклось* (Л.);

Inf: *На булате ни написать, ни стереть* (Посл.);

N_1: *Тишина. Полоска света* (Тв.).

Некоторые структурные схемы обозначаются двояко, например: $N_1 - N_1$ (*Он студент*); N_1 cop $N_{1/5}$ (*Он был студент/студентом*). Все структурные схемы могут быть перечислены, т. е. составляют закрытый список (например, В. А. Белошапкова выделила 16 структурных схем простого предложения).

Второстепенные члены предложения являются распространителями его структурной схемы (предикативного ядра). Второстепенные члены или поясняют один из главных членов предложения, образуя с ним словосочетание (*висели перед крыльцом, висели неподвижно; ветви берёз, прозрачные ветви*), или относятся к предикативному ядру в целом (*в половине десятого*). Второстепенный член предложения может быть также подчинен другому второстепенному члену (*плакучих берёз*).

Не все второстепенные члены одинаково важны для структуры предложения: одни являются о б л и г а т о р н ы м и (или обязательными), другие — ф а к у л ь т а т и в н ы м и (или необязательными). Облигаторные вместе с главными обозначают стержневые компоненты высказывания, без которых оно не передает сообщения; они, как правило, диктуются семантико-грамматическими свойствами членов предикативного ядра. Факультативные лишь уточняют, расширяют смысл высказывания: *Реку и берега снова затянуло снежной метелью* (А. Т.).

Главные члены предложения (структурная схема) и обязательные второстепенные (облигаторные распространители) вместе образуют м о д е л ь п р е д л о ж е н и я, которая имеет свободное лексическое наполнение, т. е. рассматривается как структурный образец (или формула), по которому строятся конкретные предложения: *Берега затянуло метелью; Остров залило водой; Дорожку завалило листьями.* Структура предложения является опорой грамматических значений, из которых главное и универсальное — предикативное. Лексическим наполнением создается конкретное содержание предложения. Синтаксис изучает строение предложения, его грамматические значения, но не занимается конкретным содержанием бесконечного множества конкретных предложений, постоянно рождающихся в речи.

В современной синтаксической науке понятие строения предложения включает не только формальную, но и семантическую организацию. Конкретное предложение, построенное по тому или иному образцу (структурной схеме), оформляет высказывание о событии (ситуации), называет это событие (ситуацию). Содержание конкретных предложений может быть обобщено и представлено в виде с е м а н т и ч е с к о й с т р у к т у р ы.

Семантическая структура предложения отражает объективную структуру ситуации (события). Модель ситуации, отражаемая в предложении, есть п р о п о з и ц и я. Структуру пропозиции определяет п р е д и к а т, который передает существо события; он диктует набор а к т а н т о в — участников события (ситуации). Например: *День был тёплый* — содержанием пропозиции является признак предмета, предикат имеет один актант — субъект (одноместный предикат); *Студент чи-*

тает книгу — предикат активного действия имеет два актанта — субъект и объект (двухместный предикат); *Преподаватель дал книгу студенту* — трехместный предикат: субъект, объект, адресат. Пропозиция может быть оформлена или предикативной единицей — предложением: *Брат приехал домой*, или непредикативной единицей — словосочетанием: *приезд брата домой*.

Между формальной и семантической организацией предложения нет однозначного соответствия: одна пропозиция может оформляться по-разному, различными структурными схемами (*Девочка весела; Девочке весело*); одна структурная схема в разных моделях предложения может оформлять различные по структуре пропозиции (например, N_1 – Vf: *Мальчик бегает; Мальчик читает книгу; Мальчик гладит кошку рукой*).

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Актуальное (или коммуникативное) членение предложения, имеющее иную природу, нежели грамматическое, осуществляется в процессе речи, в определенной ситуации общения, с учетом связи данного предложения с другими. В конкретном предложении выделяются тема — часть, содержащая известное, основу высказывания, и рема — часть, несущая новое, содержащая суть высказывания о теме (для обозначения их также употребляются термины «данное» — «новое», «основа» — «ядро» и др.).

Актуальное членение предложения осуществляется в речи с помощью порядка слов и интонации, причем интонация является главным показателем. Обычно тема произносится с повышением тона и отделяется от ремы паузой: *Даша и Телегин* | ***приехали сегодня в два часа дня*** (А. Т.; выделена рема). При прямом («объективном») порядке слов тема предшествует реме: ***В глубокой песчаной яме*** | *светилось маленькое озеро* (Пауст.). При обратном, инверсионном («субъективном») порядке слов рема располагается перед темой: ***Не мужицкое это дело*** | — *носиться в тачанках по степи меж горящими хуторами* (А. Т.). Предложения с инверсией экспрессивны; этому способствует интонационное выделение (акцентирование) ремы.

Актуальное членение предложения зависит от ситуации, от коммуникативной установки говорящего, т. е. от того, что он хочет сообщить, выделить в высказывании, как бы отвечая на вопрос. Поэтому одно и то же предложение может членить-ся по-разному. Варианты членения различаются местом паузы и мелодической вершины. Например, предложение *Солдаты уезжают на крышах вагонов* (А. Т.) может иметь два варианта актуального членения: *Солдаты | уезжают на крышах вагонов* («что делают солдаты?») или *Солдаты уезжают | на крышах вагонов* («как уезжают солдаты?»).

Предложение может быть нерасчлененным, т. е. содержать лишь рему. Это зависит не столько от состава предложения (не могут быть расчленены однословные предложения типа *Рассвет; Морозило; Народу-то!*), сколько от ситуации. Нерасчлененные предложения несут целостную информацию, как бы отвечая на вопрос «что случилось?»: *Кричали грачи над гнёздами* (А. Т.).

Грамматическое и актуальное членение предложения не зависят одно от другого, тема и рема не совпадают с определенными членами предложения. Тема может быть представлена подлежащим (его группой), рема — сказуемым (его группой): *Широкие окна зимнего сада | были ярко освещены* (А. Т.). Очень часто тема выражается второстепенным членом обстоятельственного или объектного типа, а рема — предикативным ядром предложения (главными членами или их составами): *В тишине дома | резко затрещал звонок* (А. Т.); *В толпе | даже крякнули после этих слов* (А. Т.). Реже в качестве темы выступает предикативное ядро предложения, а в качестве ремы — второстепенный член; возможно также в качестве темы — сказуемое (его группа), ремы — подлежащее (его группа): *Решение пришло, | на первый взгляд, сумасбродное. В нём была повинна | радуга* (Пауст.).

Актуальным членением обусловлен нормальный порядок расположения главных членов предложения. Подлежащее (тема) располагается перед сказуемым. В нерасчлененном предикативном ядре (реме) сказуемое находится в препозиции. Местоположение второстепенных членов также определяется преимущественно актуальным членением предложения; ср.: *Часы в столовой | гулко пробили десять* (А. Т.). — *В столовой | постукивали стенные часы* (А. Т.).

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Предложение — сложная единица языка; при классификации учитываются разные стороны предложения. За основу классификации по структурно-семантическому принципу берутся факты как означаемой, так и означающей сторон — семантики (грамматические значения) и структуры (показатели этих значений). В той или иной классификации может выдвигаться на первый план одна из сторон.

По функции, по целенаправленности заключенного в них высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные. Они служат для передачи соответственно трех основных форм мысли — суждения: *А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...* (М. Г.); вопроса: *А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края?* (М. Г.); побуждения: *А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся* (М. Г.). Каждый тип характеризуется соответствующей структурой интонации и набором формальных показателей — глагольных форм, служебных слов и пр. Предложения каждого из трех функциональных типов могут быть эмоционально окрашенными — с использованием средств интонации, а возможно, и частиц, т. е. восклицательными: *Безумство храбрых — вот мудрость жизни!* (М. Г.)

Классификация предложений русского языка по структуре является многомерной, ступенчатой: на первом этапе противопоставляются наиболее общие типы, каждый из которых, в свою очередь, представлен определенной системой подтипов и разновидностей. Основное противопоставление в структурной классификации — простые и сложные предложения. Простое предложение имеет одно предикативное ядро: *Наш котелок тихо закипает* (М. Г.); *В городе стреляли. Ходили с флагами* (А. Т.); сложное — два и более: *Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень* (М. Г.). В простом предложении может быть несколько подлежащих и сказуемых, но они составляют одно предикативное ядро: *Сегодня молодые и старые веселились и пели.*

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПО ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАСКЕ

Повествовательные предложения

В повествовательном предложении выражается сообщение. Оно может представлять собой:

1) описание: *Всадник сидел в седле ловко и небрежно* (М. Г.); *В Карантине во всех домах было очень чисто, а в садиках пахло нагретыми листьями помидоров и полынью* (Пауст.);

2) повествование о действиях, событиях: *Старик покойно и бодро шагал с камня на камень и скоро пропал среди них. Ещё немного прозвучали его шаги, а потом и они пропали* (М. Г.);

3) сообщение о желании или намерении совершить действие: *«Вот иду, — сказал Семён, — дочке телеграмму давать»* (Пауст.); *Я не так ещё сыграл бы* (Тв.).

Повествовательные предложения могут иметь разнообразное строение интонации, но для них характерно понижение тона в конце предложения. Понижение бывает особенно заметно, когда в середине предложения на каком-либо слове голос значительно повышается: *Далеко **в балке*** ↑ *жалобно закричал стреноженный конь* ↓ (Пауст.). Заметного понижения тона не наблюдается в односложных предложениях, например в безличных или номинативных, однако в этом случае голос не должен повышаться: *Темнеет; Тишина.* В распространенных номинативных предложениях голос плавно понижается от начала предложения к концу: *Маленькая комната на чердаке* (М. Г.).

Побудительные предложения

Побудительное предложение выражает волеизъявление, побуждение к действию. Оно адресовано собеседнику или третьему лицу. Объектом побуждения могут быть несколько (или множество) лиц: *Цветите, юные, и здоровейте телом* (Ес.). Не являются побудительными предложения, в которых волеизъявление выражается как желание или наме-

рение самого говорящего совершить действие: *«Хорошо бы нам найти карася!» — говорил иногда сиплым баском Нелюбов* (Купр.); *Но, бестрепетно в лицо глядя всякой правде, я замолвил бы словцо за любовь, представьте* (Тв.).

Побуждение имеет разную степень категоричности. В зависимости от этого различаются виды побуждения:

1) приказание: *А ну, прочь с дороги! Сторонись! К стенкам!* (Ш.);

2) просьба: *«Рассказывайте», — напоминаю я тихонько* (М. Г.);

3) совет: *Иди ты, брат, на соль! Там всегда найдёшь работу* (М. Г.);

4) разрешение или согласие: *«Знаешь что, — сказал водитель, — ну, сыграй ты, шут с тобой»* (Тв.);

5) призыв: *Пролетарии! Стройтесь к последней схватке! Рабы! Разгибайте спины и колени!* (М.)

Эти формы побуждения, в свою очередь, могут иметь оттенки повеления — резкого, категорического или мягкого, что достигается с помощью интонации, а также междометий, частиц и пр.: *Ушла бы ты с дороги, девочка! Да уж перестань плакать-то! Пойди домой да и скажи всё, как было* (М. Г.).

Побуждение выражается различными средствами. Побудительным предложениям свойственны интонация побуждения (повышение тона, усиление голоса), а также специальные грамматические формы слов.

1. В побудительных предложениях используются формы повелительного наклонения глагола:

1) формы 2-го лица единственного и множественного числа: *Скажи маме, что я очень благодарю её, очень!* (М. Г.); *«Не бойтесь, он не кусается», — сказала девочка* (Пауст.); эти формы могут употребляться с частицей *-ка*, обычно смягчающей повеление: *Сбегайте-ка за ней. Мигом!* (Пауст.);

2) аналитические формы 3-го лица с частицами *пусть, да*: *«Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!»* (М. Г.); *Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое!* (Чук.);

3) форма 1-го лица множественного числа, выражающая приглашение совместно с говорящим совершить действие: *Пойдём, поэт, взорим, вспоём у мира в сером хламе* (М.);

аффикс *-те* создает форму вежливости: *Холодно... **Пойдёмте** домой* (Купр.).

2. Со значением побуждения употребляются формы изъявительного и сослагательного наклонений, а также инфинитив:

1) форма прошедшего времени изъявительного наклонения, обычно выражающая приказ: *Он поглядел на меня и неожиданно крикнул: «**Пошёл** прочь с телеги!»* (М. Г.); *Садитесь в лодку. **Поехали*** (Пауст.);

2) форма сослагательного наклонения со значением просьбы, совета: *А ты **бы**, Ванятка, **поплясал*** (М. Г.); *«**Вы бы** хоть **придержали** пароход на одну минуту»*, — *шутливо сказал Саше Лавров* (Пауст.);

3) инфинитив — обычно для выражения резкого приказа, категорического запрета: *«**Молчать!**» — взвизгнул дед* (М. Г.); *Хозяин! **Позвать** сюда хозяина!* (Купр.); *«Палками **не бить!**» — единственный раз сурово... бормотнул Давыдов* (Ш.); с помощью инфинитива выражается предупреждение: *Веселей кружитесь, дамы! На носки **не наступать!*** (Тв.); инфинитив с частицей *бы* выражает совет: *Вам **бы**, ребята, на медведей **сходить*** (М. Г.).

3. Побудительные предложения могут строиться без глагола — из наречий или форм косвенных падежей существительного, обозначающих направление движения, объект действия и пр.:

1) в предложении выражается призыв или приказание двигаться куда-либо: *Она тихо, но грозно повторила: «**В угол!**»* (М. Г.); *Баймакова... стоя на крыльце, крикнула: «Наталья — **домой!**»* (М. Г.); *Взвод! **За Родину! Вперёд!*** (Тв.);

2) предложение выражает требование подать, доставить или сделать что-либо: *Мастер взглянул на меня из-под очков мутными глазами и грубо сказал Ивану: «**Дров!**»* (М. Г.); *«**Ключи от амбара!**» — потребовал Андрей* (Ш.).

4. Побуждение может быть выражено описательно, без помощи специальных словоформ:

1) значение побуждения придается формам изъявительного наклонения будущего времени: *«**Ты не уйдёшь** больше из дома дальше вот этого дуба!» — сказала мать* (М. Г.); *Бойцы, из кузова на землю! Здесь **останетесь*** (Сим.);

2) побуждение выражается в форме вопроса: ***Споём и мы**, Ваня? Как думаешь?* (Пауст.)

Вопросительные предложения

Вопросительное предложение служит для выражения вопроса, обращенного к собеседнику. С помощью вопроса говорящий стремится получить новые сведения о чем-либо, подтверждение или отрицание какого-либо предположения. Вопросительное предложение имеет свою грамматическую форму, которая представлена интонацией, вопросительными словами, вопросительными частицами, а на письме обозначается вопросительным знаком.

Для вопросительной интонации характерно более или менее значительное повышение тона в конце предложения, что особенно заметно при сопоставлении с повествовательными предложениями; ср.: *Брат приехал. — Брат приехал?; Мне придётся вернуться. — Мне придётся вернуться?* Существенной чертой вопросительной интонации является повышение тона на слове, в котором заключена суть вопроса, выделение этого слова; ср.: *Отец **приедет** ↑ этим поездом? — Отец приедет **этим** ↑ поездом? — **Отец** ↑ приедет этим поездом?*

Не всякое предложение, вопросительное по форме, заключает в себе вопрос. Поэтому вопросительные предложения по целенаправленности высказывания делятся на собственно вопросительные предложения и на предложения, не заключающие вопроса, но имеющие вопросительную форму, которые, в свою очередь, могут быть разделены на четыре группы: вопросительно-риторические, вопросительно-побудительные, вопросительно-отрицательные, вопросительно-утвердительные.

В собственно вопросительных предложениях заключается вопрос, обращенный к собеседнику и требующий ответа, предполагающий ответ. С помощью вопроса говорящий стремится узнать что-то неизвестное. По способу выражения вопроса эти предложения можно разделить на неместоименные и местоименные.

Неместоименные вопросительные предложения предполагают утвердительный или отрицательный ответ, который наиболее кратко выражается нечленимыми предложениями-словами *Да* и *Нет*. Говорящий, задавая вопрос, ждет лишь подтверждения или отрицания чего-то предполагаемого: *Охотник при слабом свете заката прочёл записку моего приятеля и сказал: «**Вы писатель?**» — «Да»* (Пауст.); *«**Это каменный уголь?**» — обратился я к провожатому. «Нет»*

(А. С.). Вопросительное значение выражается главным образом интонацией, причем выделяется слово (или группа слов), в котором заключена суть вопроса: *Улыбаясь, она спросила: «Вы очень любили её?» — «Да»* (М. Г.); *«Вы Куприна читали?» — спросил редактор. «Читал»* (Пауст.). Выделяемое слово может быть вынесено в начало или в конец предложения с целью подчеркнуть его значение: *«Сильно я изменился с тех пор?» — «Сильно»* (Ч.); *Так ты, Федотка Демидыч, выходит дело — щербатый?* (Ш.)

Кроме интонации, могут быть использованы вопросительные частицы *ли, разве, неужели* (*неужто, ужели, ужель*). Частица *ли* имеет «чистое» значение вопросительности: *«Да ещё звали ли?» — недоверчиво спросил Серпилин. «Звали, звали», — рассмеялся Максимов* (Сим.). Частицы *разве, неужели,* кроме вопросительного значения, выражают удивление, сомнение и пр., вносят в предложение оттенок неуверенности в положительном ответе: *«Э... позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас?» — «Да, дерзкий человек!»* (М. Г.)

Местоименные вопросительные предложения требуют развернутого ответа. Они включают в себя вопросительные слова — местоимения и местоименные наречия: *что, кто, какой, чей, который, сколько, где, куда, откуда, когда, почему, зачем* и др. В ответе должны содержаться новые сведения о предметах, признаках, обстоятельствах: *Мальчики немного посидели неподвижно и снова толкнули друг друга. «Вы откуда взялись?» — «С выселок». — «С каких выселок?» — «С Жуковских. Это в лесу». — «Сколько же у вас дворов на выселках?» — «Два двора и есть». — «А куда вы идёте?» — «Да к вам»* (Пауст.).

Вопросительно-риторические предложения не предполагают и не требуют ответа. В них выражаются различные чувства и переживания говорящего — раздумье, сомнение, грусть, сожаление, печаль, радость, гнев и т. п.: *Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни? Что день грядущий мне готовит?* (П.); *Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? <...> Человек — выше сытости!..* (М. Г.) Вопросительно-риторические предложения встречаются главным образом в художественных произведениях и создают эмоционально окрашенный, взволнованный тон повествования.

Вопросительно-побудительные предложения служат для выражения побуждения. В них нет собствен-

но вопросительного значения. Говорящий не намеревается получить новые сведения, а побуждает собеседника совершить какое-либо действие или приглашает сделать что-то совместно: *Синиц ловить идём, дядя?* (М. Г.); ***«Долго я тебя буду ждать, пока ты соберёшься?»*** *— начинает сердиться Сероштан* (Купр.); ***«Ты замолчишь ноне?»*** *— спросил Нагульнов* (Ш.). Побуждение часто сопровождается оттенками досады, нетерпения. Поэтому вопросительно-побудительные предложения эмоциональны, экспрессивны и могут употребляться вместо собственно побудительных; ср.: *Пойдём. — Пойдём же! — Да пойдёшь ты?*

Вопросительно-отрицательные предложения имеют такую же форму, как и собственно вопросительные. В них употребляются вопросительные местоимения, наречия, частицы, однако эти предложения не имеют вопросительного значения, а содержат сообщение. Хотя в них нет специальных отрицательных слов, они выражают невозможность какого-либо действия, состояния, невозможность приписать предмету какой-либо признак: ***Какой вы охотник?*** *Вам в кухне на печи лежать да тараканов давить, а не лисиц травить* (Ч.); ***Что есть на свете лучше певчей птицы?*** (М. Г.; ср.: *Нет ничего на свете лучше певчей птицы!*); ***«Куда там сейчас ехать!*** *— сказала она и встала.* ***— Разве отсюда вырвешься!»*** (Пауст.; ср.: *Отсюда не вырвешься!*) Вопросительно-отрицательные предложения выражают разнообразные модальные оттенки (невозможность, нецелесообразность и т. п.) с помощью так называемых вопросительных слов (они здесь не содержат вопроса) и интонации, которая отличается от собственно вопросительной меньшим повышением тона в конце. «Вопросительные слова» тоже произносятся иначе: с сильным выделением, особым тембром. Вопросительно-отрицательные предложения используются для выражения отказа, отрицательного ответа: *Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов и профессоров консерватории послушал его голос. «Да что вы! — говорил он.* ***— Какая же опера с моим любительским голосом!»*** (Пауст.)

Вопросительно-утвердительные предложения имеют в своем составе вопросительные частицы, местоимения, наречия в сочетании с отрицательной частицей *не*.

Однако эта частица в данных предложениях не выражает отрицания. Напротив, предложения с сочетаниями *разве не, кто не, куда не, что не, кому не* и др. выражают утверждение, окрашенное модальными значениями неизбежности, долженствования, уверенности и т. п.: ***Впряжена в тот воз одна, разве не устанет? Да зачем тебе жена жаловаться станет?*** (Тв.) [ср.: *Впряжена в тот воз одна (она), конечно, устанет!*]; *Кто в детстве не осаждал старинные замки, не погибал на корабле с изодранными в клочья парусами?* (Пауст.; ср.: *Каждый в детстве осаждал старинные замки...*) Вопросительные слова и частицы могут сочетаться с глагольным словом *нет*; эта конструкция также имеет утвердительное значение: *Шли, заполняли белый свет — жить не при чем семье. Брели, — **и где нас только нет, Фроловых, на земле!*** (Тв.; ср.: *Фроловы на земле везде!*) Вопросительно-утвердительные предложения эмоциональны, выразительны, они используются в художественных текстах для выражения усиленного утверждения: *Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей! А чем не муж? Ума в нём только мало; но чтоб иметь детей, кому ума недоставало?* (Гр.)

Восклицательные предложения

Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения могут иметь эмоциональную окраску, т. е. выражать отношение говорящего. Если эмоциональность передается с помощью интонации или специальных служебных слов, то такое предложение является в о с к л и ц а т е л ь н ы м.

С помощью восклицательной интонации могут передаваться чувства радости, восхищения, гнева, страха, презрения, удивления и т. п. Например: *Ах, как ты горько, до зарезу, попозже, молодость, нужна!* (Тв.) — предложение по цели высказывания повествовательное, в нем заключено сообщение, и с помощью восклицательной интонации, а также междометия выражено чувство горечи, сожаления; *Ну же, Таня, говори!* (М. Г.) — предложение побудительное, эмоциональное по интонации — восклицательное, в нем выражено нетерпение, досада; *«Ты чего, — кричит он зло и грубо, — ты чего, девчонка, скалишь зубы?»* (М. Г.) — в предложении выражается вопрос с эмоциональной оценкой (ярости, злобы). В восклица-

тельных предложениях эмоциональность создается также с помощью восклицательных частиц *как, какой, что за, вот, вот так, же, ну* и др.: ***Как дорог мне в родном народе тот молодеческий резон, что звал всегда его к свободе, к мечте, живущей испокон!*** (Тв.)

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В русском языке простое предложение разнообразно по структуре и семантике. Различия в структуре связаны со строением предикативного ядра, с соотношением главных и второстепенных членов, с их наличием/отсутствием в предложении. Наиболее важны следующие структурные противопоставления:

1. Двусоставные — односоставные предложения. Они различаются способом выражения предикативного значения — аналитическим или синтетическим. В двусоставных предложениях предикативное ядро представлено двумя главными членами: ***Запах цветов усилился*** (А. Т.); ***Горы важно задумчивы*** (М. Г.); в односоставных — одним: *Позади громко стонали* (А. Т.); *Что мне было делать?* (М. Г.)

2. Нераспространенные — распространенные предложения (двусоставные или односоставные). Нераспространенные представлены только предикативным ядром — главными членами предложения: *Солнце спустилось* (А. Т.), распространенные — главными и второстепенными: *В зелёном сумраке слышался треск сучьев* (А. Т.).

3. Полные — неполные предложения. В полных налицо все требуемые структурой члены предложения, в неполных опущен (словесно не выражен) один или несколько членов: *«Не нужно ни о чём говорить, да вы и сами понимаете. Я уезжаю». — «В Харьков?»* (А. Т.)

4. Членимые — нечленимые предложения. Первые имеют в своем составе главные члены (два или один), а также содержат (или могут содержать) второстепенные. Вторые не членятся и не могут быть распространены, дополнены новыми членами предложения: *«Есть лодка!» — кратко сказал Михаил. «Её не смоет?» — «Нет»* (М. Г.).

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В семантике простого предложения наиболее существенным является противопоставление утверждения и отрицания. Эти значения имеют соответствующие показатели. Таким образом, простое предложение является утвердительным или отрицательным.

В утвердительных предложениях выражается принадлежность признака предмету: *Ненастный день потух* (П.); *Мы были окружены* (А. Т.); наличие независимого признака: *Гавриле стало страшно* (М. Г.); *В доме затопили печи* (А. Т.); бытие предмета: *Поворот. Усадьба Горки. Сад, подворье, белый дом* (Тв.).

Отрицание принадлежности признака предмету, наличия независимого признака или бытия предмета выражается частицами *не, ни* в составе главного члена отрицательных предложений: *Я красивых таких не видел* (Ес.); *Ветра не было* (А. Т.); *Действительно, о поездке в старую Германию нечего было и думать* (А. Т.); ***Ни звука, кроме вздохов моря*** (М. Г.). Употребление в предложении обеих частиц выражает усиленное отрицание: ***Ни одной звезды не зажигалось над морем*** (А. Т.). Если отрицательная частица употребляется с подлежащим или с второстепенным членом, то в предложении выражается неполное, частное отрицание: *Здравствуй, племя младое, незнакомое! Не я увижу твой могучий поздний возраст* (П.). Отрицание может быть выражено путем переосмысления вопросительных слов или описательно: *«Слушай меня! Надежды ведь ты никакой на неё не имеешь?» — «Какая надежда! На что тут надеяться!»* (Остр.); *И говорить-то об этом тошно! Да чтоб я ихнюю власть опять устанавливал?* (Ш.)

ФОРМЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Простое предложение того или иного структурного типа может иметь определенное число форм, выражающих различные грамматические значения. Это прежде всего формы модальности, времени, лица. Формы модальности создаются глагольным наклонением, а также интонацией; ср.:

Отец построил дом. — Отец построил бы дом. — Пусть отец построит дом; Отец дома. — Отец дома? Формы времени опираются на глагольное время, в том числе на связку; ср.: *День угасал. — День угасает. — День будет угасать; Мой сын был студент. — Мой сын — студент. — Мой сын будет студентом; В доме было тепло. — В доме тепло. — В доме будет тепло; Огня не было. — Огня нет. — Огня не будет.* Формы лица создаются личным глаголом или местоимением; ср.: *Я пою. — Ты поёшь. — Он (брат) поёт; Я студент. — Ты студент. — Он (брат) студент.*

Совокупность форм одного предложения составляет его парадигму. Предложение может иметь модальную, временну́ю и личную парадигму. Совокупность этих парадигм представляет собой предикативную парадигму предложения. Число членов парадигмы может быть различным в разных типах, подтипах, видах простого предложения. Парадигма бывает полной или неполной. Например, предложение *Я еду* имеет полную модально-временну́ю парадигму, а предложение *Мне ехать* не имеет форм времени, но обладает модальной парадигмой: *Мне бы ехать; Мне ехать?* Наличие тех или иных форм, полнота/неполнота их парадигмы является существенной стороной грамматической характеристики конкретных типов простого предложения.

ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Главные члены, подлежащее и сказуемое, — это предикативная основа двусоставного предложения. Прежде всего, в них получают выражение основные категории предложения — модальность, время, лицо. Например: *Снеговые горы закрывались серым туманом* (Л. Т.) — главные члены выражают модальное значение реальности действия (форма изъявительного наклонения глагола), прошедшее время, 3-е лицо. Главные члены предложения грамматически господствуют над второстепенными: *Я теперь свободен от любви и от плакатов* (М.). Второстепенные члены предложения зависят или от одного из главных и поясняют его (*свободен от любви и от плакатов*), или распространяют предикативную основу в целом (*теперь — я свободен*).

Главные члены предложения могут быть представлены одним (знаменательным) словом или неделимым сочетанием слов: *Около Думы народ. **Идёт заседание*** (Гил.); ***Множество мельчайших морщинок** веером **рассыпалось** к вискам* (Ш.); ***Пароход умерил ход** и, наконец, совсем **остановился*** (Купр.); ***Роптать** — **величайший грех*** (М. Г.) — структура этих членов синтетическая (простая).

Главные члены предложения могут быть представлены сочетанием двух компонентов — основного и вспомогательного: *Женщина **перестала играть**...* (М. Г.); *У нас **быть честным** так опасно и невыгодно* (Леск.); *Париж **был в тревоге*** (А. Т.); *Комната за магазином **показалась** Климу... **знакомой*** (М. Г.) — структура этих членов аналитическая (вспомогательные компоненты: *перестала, быть, был, показалась*).

Подлежащее и сказуемое предполагают друг друга, т. е. являются соотносительными членами предложения по содержанию и по форме: подлежащее — определяемый, независимый член; сказуемое — определяющий, подчиненный.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

В русском языке подлежащее — это абсолютно независимый главный член двусоставного предложения. Грамматическими показателями независимости подлежащего являются форма именительного падежа имени (номинатив) и неопределенная форма глагола (инфинитив). Имя в качестве подлежащего обозначает предмет, который является производителем действия: *Целый вечер **Оленин** проходил в лесу* (Л. Т.); *Я жил эту ночь в радости* (М. Г.) или носителем признака, названного в сказуемом: *Весь **дом** был в страхе* (Д.); ***Романтика** Грина была проста, весела, блестяща* (Пауст.). Инфинитив в роли подлежащего называет независимое действие (непроцессуальное, непротекающее), характеристика (признак) которого содержится в сказуемом: *А **идти** рядом с Сергеем Сергеевичем и **говорить** с ним было мучительно* (Ч.); ***Отстать** от этой прихоти — для них значит перестать быть самим собою* (Леск.). Таким образом, по значению и по форме различаются два вида подлежащего — номинативное и инфинитивное.

I. Номинативное подлежащее является основным видом подлежащего, наиболее употребительным. Существенное различие в выражении подлежащего, в его структуре — это использование отдельного слова или словосочетания.

1. Эталоном подлежащего-слова является существительное в форме именительного падежа (предметное значение и независимая форма): ***Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица*** (Бел.); ***Октябрь уж наступил*** (П.); ***Зинаида Фёдоровна всё ещё продолжала в волнении ходить по гостиной*** (Ч.). Все другие имена в роли подлежащего уподобляются существительному, т. е. так или иначе обозначают предмет либо указывают на него:

1) местоимения-существительные различных разрядов (личные, вопросительные, отрицательные, неопределенные) указывают на предмет — производитель действия или носитель признака, не называя его: *Мечтанью вечному в тиши так предаёмся **мы**, поэты* (П.); ***Что** белеется на горе зелёной?* (П.); *Там **кто-то** стучит у порога* (Ес.);

2) прилагательные, причастия, количественные числительные в позиции подлежащего субстантивируются и называют предмет по признаку или представляют признак как опредмеченный — как производитель действия или носитель признака: *За стёклами мелькало, стоная, **белое*** (М. Г.); *Сегодня, во время прогулки, **рябой** досказал Мише свою историю* (М. Г.); *Всё **прошлое** мне только снилось* (Бр.); *Здесь **великие** учились...* (Бр.); *Днём к Семёну приходили **отдыхающие*** (Пауст.).

В роли подлежащего способны также выступать неизменяемые слова — наречия, междометия, при этом они получают предметное значение и могут иметь при себе определения: *Настало и роковое **«послезавтра»*** (М.-С.); ***«Браво!»** — неслось со всех сторон* (Купр.). В научных и учебных текстах в позиции подлежащего могут стоять служебные слова и даже морфемы: ***а** — союз; **при-** — приставка; **о** — гласный звук* и т. п.

К подлежащему-слову близки фразеологизмы с предметным значением, выступающие в этой функции как семантические эквиваленты существительного в форме именительного падежа: *«Всё разобрали, ничего не осталось... Остался, впрочем, один **кукиш с маслом**. Хочешь?» — «Не нужно... Мне и так уж надоели эти **кукиши с маслом**»* (Ч.).

2. Подлежащее-с л о в о с о ч е т а н и е отличается от подлежащего-слова не только по структуре, но и по значению. Господствующий член словосочетания в форме именительного падежа создает независимую форму подлежащего, но не называет предмет — производитель действия или носитель признака; это значение выражается зависимым существительным. Лексическое значение господствующего члена словосочетания вносит в семантику подлежащего те элементы, которые не могут быть выражены подлежащим-словом. С учетом этих общих значений и структуры могут быть выделены следующие группы неделимых словосочетаний в функции подлежащего:

1) словосочетания с количественным значением; зависимый член — существительное в форме родительного падежа (или субстантивированное слово); господствующий член со значением числа, меры, совокупности, объема и пр. может быть представлен:

а) количественным, собирательным или местоименным («неопределенным») числительным: *Два бойца сидят в дозоре над холодною водой* (Тв.); *Двое игроков ещё оставались в зале* (Купр.); *Несколько глинобитных построек с края обрыва были исчерчены пулями* (Т.);

б) существительным со значением числа или количественной оценки: *Десятки мальчишек плавали около лодки* (Пауст.); *В песке копошилось множество воробьёв* (Ш.);

в) существительным со значением совокупности, меры: *Из тени на зацветшую воду выплывал выводок уток* (А. Т.); *У спасательной станции собралась кучка народу* (А. С.); *Сзади наплывали новые груды листьев* (Пауст.);

2) словосочетания со значением избирательности, выражаемым формой родительного падежа множественного числа зависимого существительного (или субстантивированного слова) с предлогом *из*; господствующий член (местоимение или числительное) вносит в значение подлежащего-словосочетания оттенки количества, обобщения, неопределенности, вопросительности и т. п.: *Кое-кто из пассажиров третьего класса делится с ребятишками хлебом* (М. Г.); *Каждый из них по-своему убивал время* (Ш.); *Смертью праведной и честной пали многие из них* (Тв.);

3) словосочетания со значением неопределенности, выражаемым господствующим членом — неопределенным место-

имением-существительным; зависимым членом является условно согласуемое прилагательное, причастие, порядковое числительное или местоимение-прилагательное: *Но приходил ещё кто-то тёмный и неразличимый* (В.); ***Что-то такое ничтожное завязано в платке*** (Пауст.);

4) семантически неделимые метафорические словосочетания со сравнительно-оценочным значением господствующего члена — существительного: ***Серп месяца стал ярче*** (В.); ***Волны запахов сгущались над городком*** (Пауст.).

Особую группу составляют словосочетания со значением совместности: ***Матвей с отцом помедлили перед избой*** (Ф.). Образующие их два существительных (в формах именительного и творительного падежей с предлогом *с*) семантически полнозначны и равноправны. Подлежащее обозначает два предмета, которые совместно производят действие или обладают одним признаком. Это значение подкрепляется формой множественного числа сказуемого. Если сказуемое имеет форму единственного числа, то подлежащим является только существительное в форме именительного падежа; ср.: ***Мы пошли с Ваней*** *по лесной дороге* (Пауст.). — ***Я пошёл с Ваней*** *по лесной дороге.*

От двусоставных предложений с подлежащим, представленным количественным словосочетанием, нужно отличать расчлененные конструкции, в которых существительное в форме родительного падежа занимает позицию подлежащего, а количественное слово — позицию сказуемого (в сочетании с глагольной связкой, с нулевой связкой или с полнозначным глаголом): ***Пассажиров*** *на палубе* ***было немного*** (Пауст.); ***Комнат было всего две*** (Пауст.); ***Духовенства — избыток*** *у нас* (М. Г.). Многие лингвисты отмечают в этих количественных предложениях особое, генитивное подлежащее; ср.: *Воды натекло; Народу набилось; Дел накопилось.* Конечно, это подлежащее нельзя ставить в один ряд с номинативным, тем более что указанные конструкции с количественным значением могут рассматриваться в качестве модификаций (преобразований) основного номинативно-подлежащного двусоставного предложения: *На палубе было* ***немного пассажиров;*** *В доме было всего* ***две комнаты;*** *Натекло* ***много воды;*** *У меня накопилось* ***множество дел.***

Номинативное подлежащее — слово и словосочетание — представляет собой сложную систему обозначения предмета — производителя действия или носителя признака.

II. Инфинитивное подлежащее не имеет предметного значения, не подвергается субстантивации. Оно не может обозначать деятеля. Поэтому при инфинитивном подлежащем не может быть употреблено глагольное сказуемое. В составное сказуемое при инфинитивном подлежащем обычно входят существительное, предикатив (категория состояния), инфинитив и (реже) прилагательное в полной форме: *Всё* ***преувеличивать*** *было его страстью* (Т.); *Дурака* ***учить*** *— что мёртвого лечить* (Посл.); *Жизнь* ***прожить*** *— не поле перейти* (Посл.); ***Говорить*** *с ним было бесполезно* (Пауст.); ***Оставаться*** *в Богучарове становилось опасным* (Л. Т.). Именной компонент составного сказуемого может быть также представлен сочетанием существительного и прилагательного: *Читать за кофе — это моя* ***непобедимая привычка*** (Ч.); *Говорить речи и поучения собственным детям —* ***задача*** *невероятно* ***трудная*** (Мак.).

В предложениях с инфинитивным подлежащим сказуемое может быть представлено номинативом или вторым инфинитивом, которые типичны для формы подлежащего, т. е. предложения эти имеют конструкцию тождества. Показателями функций подлежащего и сказуемого в данных предложениях являются порядок слов и интонация, а также частицы. Для сказуемого характерна постпозиция (положение после подлежащего); оно акцентируется голосом и может быть дополнительно отмечено частицами: ***Создавать*** *счастье — это высокий труд* (Пауст.); ***Проиграть*** *эту шахматную партию — значило проиграть турнир* (Газ.); *У вора* ***воровать*** *— только время терять* (Посл.). Интонационный показатель, а также частицы делают возможной инверсию, т. е. постпозицию инфинитивного подлежащего: *Какое это счастье —* ***уважать*** *родителей!* (Газ.)

Инфинитивное подлежащее может иметь аналитическую структуру — глагол-связку в инфинитиве и при нем имя в форме творительного падежа: ***Быть сестрой*** *— это и ваше призвание?* (С.-Ц.) Это — составное подлежащее. Инфинитив вспомогательного глагола выполняет формальную функцию — выражает независимость признака, который обозначен именем: ***Быть влюблённым*** *— славно!* (М. Г.)

СКАЗУЕМОЕ

Грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего заключается в том, что с к а з у е м о м у принадлежит активная роль в выражении предикативной связи главных членов предложения. Формы сказуемого согласуются или координируются с формами подлежащего; ср.: *Солнце взошло. — Луна взошла; Я рисую. — Вы рисуете.* Семантическая и структурная роль сказуемого как главного члена предложения не является менее существенной, чем роль подлежащего. Напротив, в формах сказуемого в первую очередь находят опору предикативные категории: модальность, время, лицо.

Сказуемое соотносительно с подлежащим и семантически. Оно обозначает признак, который приписывается предмету (или действию), названному в подлежащем. Этот признак называют предикативным (в отличие от признака, выражаемого в атрибутивных словосочетаниях типа *молодая берёзка, дом с балкончиком, разговор вполголоса*). Его сущность заключается в том, что он как бы открывается говорящим в предмете и приписывается предмету в определенном модально-временно́м плане и в отношении к лицу говорящему. Конкретными проявлениями предикативного признака служат обозначаемые сказуемым действие, качество, свойство, состояние, квалификация, характеристика и т. п.: *Туман **рассеялся**; Небо **было голубое**; Стена **оказалась из камня**; Мать **была в тревоге**; Мальчик **весел**; Дорога **будет построена в срок**; Сосна — **хвойное дерево**; Учиться — **увлекательное дело**.*

Итак, выражение в сказуемом предикативного признака предполагает наличие двух значений — вещественного и грамматического. Вещественное значение — это конкретное наименование признака, приписываемого подлежащему. Оно опирается на лексическое значение слова (или сочетания слов), выступающего в роли сказуемого. Поэтому сказуемое непременно представлено знаменательным словом или имеет его в своем составе. Грамматическое значение сказуемого — это отнесенность признака к предмету и модально-временна́я оценка признака. Показателем грамматического значения является глагол в спрягаемой форме или его значимое отсутствие (нулевая форма): *Пароход **подходил к пристани**; Собака **навострила уши**; Снег **продолжал падать**; Ты **не сможешь ждать до вечера**; Девочка **была в восторге**; Вы так печаль-*

*ны; Жить на земле — **большое удовольствие!*** (в двух последних примерах грамматическое значение сказуемого выражено нулевой формой связки *быть*).

Способ выражения вещественного и грамматического значений лежит в основе классификации сказуемого. Эти значения могут быть выражены либо синтетическим способом — в одном слове или лексикализованном (семантически и синтаксически неделимом) сочетании слов; либо аналитическим способом, когда вещественное и грамматическое значения выражаются раздельно, в двух компонентах. Соответственно различаются два основных структурных типа сказуемого — простое и непростое.

Простое сказуемое может быть только глагольным, ибо только спрягаемый полнозначный глагол (или лексикализованное сочетание глагольного компонента с другими) содержит и название признака (действия), и показатели грамматических значений сказуемого: *Бои **шли** восточнее Полоцка* (Ш.); *Я им всем **задал** **острастку**. Меня сам Государственный совет **боится*** (Г.).

Непростое сказуемое состоит из двух компонентов, функции которых четко разграничены: основной компонент выражает только вещественное значение, вспомогательный — только грамматическое. Вспомогательный компонент является спрягаемой глагольной формой или включает ее. Основной компонент по категориальным свойствам противопоставлен вспомогательному: глагольный в форме инфинитива обозначает активный признак — действие; именной, представленный различными формами именных частей речи, называет качество, свойство, состояние и т. п., т. е. выражает пассивный признак. По выражению основного компонента различаются два вида непростого сказуемого — составное глагольное: *Но суровая умница-жизнь **позаботилась** **вылечить** меня от этой приятной слепоты* (М. Г.) и составное именное: *Лиза **была** **в восхищении** от успеха своей выдумки* (П.); *Погода **будет** **славная*** (Т.).

Иногда выделяют наряду с указанными разновидностями сложное, или многокомпонентное, сказуемое: *Всё вокруг **перестаёт** **быть** **интересным**...* (М. Г.) Однако сказуемое *перестаёт быть интересным* выражает вещественное (*интересным*) и грамматическое (*перестаёт быть*) значения, т. е.

является двухкомпонентным. Особенностью его является осложнение вспомогательного компонента, однако в целом это сказуемое составное именное. Такое сказуемое представляет собой осложненную форму составного именного. Осложненные формы свойственны как простому, так и непростому сказуемому (см. ниже).

I. Простое глагольное сказуемое представлено в русском языке разнообразными формами. Наиболее продуктивным является сказуемое, выраженное спрягаемым полнозначным глаголом в прямом употреблении форм наклонения, времени, лица: *Но кто любви не жертвовал собою?* (П.); *Пчела жужжит недалеко от меня* (Л. Т.); *Лучше бы она ударила меня, эта красавица!* (М. Г.) Это сказуемое имеет полную парадигму модально-временны́х форм.

Так называемое относительное употребление глагольных форм наклонения или времени (одна форма в значении другой) вносит в сказуемое добавочные оттенки. Так, в предложении *В эту-то Дуняшу и влюбись Аким!* (Т.) повелительное наклонение употреблено в значении изъявительного, что придает добавочный оттенок неожиданности действия, а также вместе с частицей *и*, восклицательной интонацией выражает эмоциональную оценку (удивление). Такие формы сказуемого не могут иметь полной парадигмы модально-временны́х форм и являются непродуктивными.

К непродуктивным следует отнести и формы простого сказуемого, представленные глагольными фразеологизмами и описательными глагольно-именными оборотами: *Иногда смотришь и думаешь: а ведь я ему в подмётки не гожусь* (М. Г.); *Но вошедший как будто не испытывал неудобства* (А. Т.); *Первые недели плавания принесли разочарование* (Пауст.); *Старик в задор вошёл* (Баж.). Их употребление имеет экспрессивно-стилистические ограничения; кроме того, некоторые глагольные фразеологизмы (*свистеть в кулак, поминай как звали* и др.) могут не иметь тех или иных форм наклонения и времени.

Непродуктивность указанных форм сказуемого не означает их малой употребительности, а также «ущербности». Наоборот, они могут иметь преимущество перед «свободными» спрягаемыми формами глагола в семантическом и особенно в эмоционально-экспрессивном плане. Непродуктивность тако-

го рода сказуемого заключается в нерегулярности образования модально-временны́х форм или в ограниченной реализации их в тех или иных стилях речи.

Особую непродуктивную группу простого глагольного сказуемого представляют несогласуемые, неизменяемые формы — инфинитив и «усеченная» (междометная) форма: *Люди — **пахать**, а мы — руками **махать*** (Посл.); *Татьяна **ах!** а он **реветь*** (П.); *Ну, родня и дверями **хлоп*** (Баж.). Эти формы употребляются преимущественно в значении изъявительного наклонения. Как и временно́е, это значение формально не выражено, нет и формальных показателей зависимости сказуемого от подлежащего. Сказуемое интонационно подчеркивается. Каждая из несогласуемых форм вносит в значение сказуемого добавочный экспрессивный оттенок: усеченная — интенсивности, стремительности действия, инфинитив — энергичного приступа к действию (или решимости немедленно действовать).

Формы простого глагольного сказуемого могут быть осложнены частицами или повторами: *А у него, у зайца, сердце **так и закатится!*** (С.-Щ.); *Ветер **так и рвал**, бросаясь из стороны в сторону* (М.-С.); *И новые друзья **ну обниматься, ну целоваться*** (Кр.); *Родион Потапыч **живмя жил** на своей шахте* (М.-С.). Осложняющий элемент не изменяет вещественного значения сказуемого, вносимые им значения или оттенки имеют отвлеченный модально-экспрессивный характер: оценки способа действия или отношения говорящего к действию. Устранение частицы либо повтора не разрушает сказуемого — утрачивается только добавочное значение (ср.: *У зайца сердце **закатится**; Ветер **рвал**; Друзья — **обниматься**; Родион Потапыч **жил** на своей шахте*).

Частицы, осложняющие сказуемое, многочисленны и разнообразны по значению. Частица *себе* (*знай себе*) выражает оттенок непреклонности действия, указывает на протекание его вопреки препятствиям: ***Смотрит себе** вяленая вобла, не сморгнувши, на заблуждения человеческие и **знай себе** камешками **пошвыривает*** (С.-Щ.). Аналогичное значение может выражаться частицей *так и*: *Доктор Вознесенский **так и не пришёл** к четырём часам к чаю* (С.-Ц.). Но чаще всего эта частица указывает на полноту, интенсивность или дли-

тельность действия: *Оба зайца так и обмерли* (С.-Щ.); *Хозяин так и хлынул в переднюю* (Т.).

Повтор как формальное средство осложнения сказуемого заключается в соединении двух одинаковых спрягаемых форм одного и того же глагола или спрягаемой формы и инфинитива, а также спрягаемой формы с однокоренным наречием на *-ом, -мя* (*криком кричат, ревмя ревут* и т. п.). Повтор в виде удвоения спрягаемых форм глагола вносит оттенок длительности, полноты действия: *Сапожник бился, бился и наконец за ум хватился* (Кр.). Сочетание инфинитива с однокоренной спрягаемой формой имеет добавочный оттенок уступительности или сомнения в целесообразности действия: *Митюнька этот установ перенять перенял, а нет-нет и придумает по-своему* (Баж.); *Помнить-то я помню, да что толку?* (Газ.)

II. Составное глагольное сказуемое представляет собой сочетание инфинитива полнозначного глагола с вспомогательным компонентом. В качестве основного компонента может быть употреблен глагольный фразеологизм в инфинитиве: *Да и я не хочу у тебя на шее сидеть* (Слепц.). Сочетание двух полнозначных глаголов не образует составного сказуемого. Глагол в спрягаемой форме является простым сказуемым, а субъектный или объектный инфинитив занимает позицию обстоятельства цели или объекта: *На станции Зима мы сошли пообедать* (В.); *Природа учит нас понимать прекрасное* (Пауст.).

Вспомогательный компонент составного сказуемого представляет собой спрягаемый глагол, глагольный фразеологизм или описательный глагольно-именной оборот: *Фёдор тоже почему-то перестал бывать в амбаре* (Ч.); *Виктор Николаевич не хотел вмешиваться в дела своей жены* (М.-С.); *Евпраксеюшка тоже так и горит желанием сразиться в дурачки* (С.-Щ.); *Вообще доктор не имел права на вас жениться* (А. Т.); *Сильвио имел обыкновение за игрой хранить совершенное молчание* (П.). Возможно также аналитическое сочетание именных форм со спрягаемой формой глагольной связки (в том числе нулевой): *Ты должна была его любить преданно* (А. Т.); *Каждый находил нужным улыбаться и курить грошовый фимиам* (Ч.); *Ну, я готов просить извинения* (А. Т.); *Но Клим Самгин привык и даже*

как бы считал себя обязанным искать противоречий (М. Г.); *Я в состоянии вовсе не спать* (Ч.); *Ведь и ты не прочь бы присоединиться к их компании* (М.-С.); *Не в силах Ленский снесть удара* (П.).

Вспомогательный компонент составного глагольного сказуемого выражает два вида значений: 1) наклонение, время, лицо как слагаемые предикативности; 2) оценку способа действия или отношение к действию, обозначенному основным компонентом — инфинитивом. Первое опирается на формы глагола, второе — на его лексическое значение. Лексическое значение вспомогательного глагола в составе сказуемого грамматизуется, т. е. приобретает отвлеченный, оценочный характер, утрачивает значение действия, процесса; ср.: *Ваня быстро привык к пароходной жизни* (Пауст.); *Так с детства Кипренский привык мечтать* (Пауст.).

Оценочное значение вспомогательного компонента отличает составное глагольное сказуемое от простого глагольного; ср.: (*я*) *говорю — начинаю говорить, хочу говорить, могу говорить* и т. д. Необходимо различать фазисное и модальное значения вспомогательного компонента.

Фазисное значение вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого заключается в оценке протекания действия, в указании на его этапы. Фазисными являются глаголы с лексическим значением начала, продолжения и конца действия (*начать, приняться, пуститься; продолжать; кончить, перестать, бросить* и др.). С фазисными глаголами употребляется инфинитив основного глагола только несовершенного вида. Глаголы начала и конца действия могут быть совершенного или несовершенного вида и сообщают видовое значение всему сказуемому: *Между тем княжна Мери перестала петь* (Л.); *Перед грозой рыба переставала клевать* (Пауст.); *Студент грузин принялся меня угощать* (А. Т.); *Главный кассир начал ходить по комнате* (Т.). Глагол *продолжать* употребляется только в форме несовершенного вида: *Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого* (П.).

К фазисным примыкает глагол *стать*. Не всегда имея значение начала действия, он может лишь указывать на сам факт протекания действия; ср.: *У Коврина стали слипаться глаза* (Ч.); *Зачем бы я стала лгать?* (А. Т.) Этот глагол упо-

требляется в составном глагольном сказуемом только в форме совершенного вида.

Модальное значение вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого заключается в оценке отношения субъекта (деятеля) к действию, названному инфинитивом основного глагола. В отличие от фазисного модальное значение выражается не только глаголами, но также глагольными фразеологизмами, описательными оборотами и аналитическими конструкциями. Вспомогательный компонент сказуемого выражает следующие модальные значения:

1) возможности/невозможности: *Никто* ***не смеет ни говорить, ни ходить, ни стучать*** (Ч.); *Коля* ***не мог бы рассказать*** *этот сон* (Пауст.); *Люди* ***не в состоянии были сделать*** *ни шагу дальше* (Сим.);

2) долженствования: *Сильная вечерняя роса* ***должна была лечь*** *на траву* (Л. Т.); *Народ гуляет, а я* ***принуждён маяться*** (А. Т.);

3) волеизъявления (не адресованного объекту) как отношения к действию; волеизъявление имеет оттенки: а) желательности: *Но колен моих пред вами преклонить я не посмел и влюблёнными мольбами вас* ***тревожить не хотел*** (П.); б) готовности, решимости: *Я уже* ***готовился броситься*** *в отчаянный рейд со всей моей окраинной армией* (Купр.); *Лука* ***раздумал*** *тотчас же* ***лезть*** *в воду* (Л. Т.); в) согласия: *Меня* ***взялся приобщать*** *к подлёдному лову мой друг Саша Косицын* (Сол.);

4) субъективно-эмоциональной оценки: *Она* ***любила*** *на балконе* ***предупреждать*** *зари восход* (П.); ***Рад послушать*** *я песню былую* (Ес.);

5) оценки степени обычности действия: *Я* ***привык смотреть*** *на таких людей как на заурядных и обыденных* (М. Г.); *При встречах он* ***имел обыкновение целоваться*** (Тел.).

Составное глагольное сказуемое может иметь осложненную форму. Осложняется вспомогательный компонент, вещественное значение сказуемого не затрагивается; ср.: *продолжал работать — хотел продолжать работать, готов был продолжать работать, изъявил желание продолжать работать.* Осложнение заключается в том, что вспомогательный компонент имеет показатели двух и более частных значе-

ний — модальных и фазисных, а его структура дублирует структуру составного глагольного сказуемого в целом: *На следующее утро Акулина **захотела попробовать** и **писать*** (П.); *Шубин **хотел начать работать**, но глина крошилась* (Т.); *Ты **не имеешь права продолжать настаивать** на своих взглядах* (В.).

Возможно совмещение нескольких значений. При этом структура вспомогательного компонента сказуемого усложняется, но он может включать только одну спрягаемую форму, все другие глаголы употребляются в инфинитиве (*не мог решиться продолжать работать, должен был быть готовым продолжать работать, вынужден был бросить пытаться работать*). Осложненная форма составного глагольного сказуемого остается двухкомпонентной (основной компонент — полнозначный глагол *работать*).

III. Составное именное сказуемое включает компоненты, различные по морфологической природе. Основной компонент представлен формами имен или других категорий слов, по значению сближающихся с именами; он обозначает пассивный признак в различных частных проявлениях (качество, состояние и пр.). Вспомогательный компонент представлен спрягаемыми формами глаголов (или устойчивых глагольных сочетаний), утрачивающих в данной функции свое конкретное вещественное содержание. Этот компонент называется связкой, а основной компонент — именной (присвязочной) частью. Оба компонента имеют разнообразные формы и частные значения.

Связка выполняет следующие функции: выражает основные элементы предикативного значения — модальность и время; связывает сказуемое с подлежащим, выражает формально его зависимость от подлежащего; содержит модальную оценку отношений между предметом и признаком. Так, в предложении *Зрелище **становилось страшным*** (Купр.) связка *становилось* выражает модальное значение реальности, прошедшее время, указывает на зависимость от подлежащего посредством согласования в формах числа и рода, оценивает признак как возникающий. Все функции связки имеют грамматический характер. Связка не участвует в выражении вещественного значения сказуемого. Лексическое значение глаголов и неделимых глагольных сочетаний в позиции связ-

ки существенно меняется. Глаголы-связки и самостоятельно употребляемые глаголы в лексико-семантическом плане расходятся, образуя, как правило, ряды омонимов. Ср.: ***Была жара*** (М.). — *Дед* ***был знахарь и крикун*** (Пауст.); *Атаман Кузьма Псалом* ***явился*** *рано утром* (М.-С.). — *Будущее для него* ***являлось покрытым*** *грозными* ***тучами*** (П.); *У Варвары Петровны* ***оказались*** *неожиданно свои понятия* (А. Т.). — *Пожилой человек* ***оказался профессором-почвоведом*** (Пауст.). Глаголы-связки утрачивают значение действия, процесса; лексическое значение их грамматизуется, приспосабливается для выражения модальных оценок.

В составном именном сказуемом связки выражают следующие основные виды модально-оценочных значений:

1) *быть, являться, оставаться* и др. — обладание признаком (значение констатирующее, нейтральное): *А Волга* ***была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид*** (Ч.);

2) *становиться, делаться* и др. — возникновение признака, оценка его как меняющегося: *Холод* ***становился ощутительнее*** (М. Г.);

3) *оказаться, получиться, выйти* и др. — обнаружение признака: *Мечты о садах* ***оказались очень глупы*** (Б.); *Так и* ***вышли мы опять однофамильцы*** (Леск.);

4) *казаться, представляться* и др. — оценка признака как предполагаемого, кажущегося, мнимого: *Тебе* ***не покажется странной и дерзкой*** *моя просьба?* (Ч.); *Вершины далёкого хребта* ***кажутся точно выкованными*** *из серебра* (А. Т.);

5) *считаться, слыть* и др. — оценка признака как соответствующего чьему-либо мнению, представлению, установке: *У нас в полку я* ***считался одним из лучших стрелков*** (П.); *Кузнец* ***слыл за человека*** *очень* ***рассудительного*** (Леск.).

Вспомогательный компонент в составе именного сказуемого имеет определенную формальную связь с именной частью. Эта связь проявляется иначе, чем в словосочетании, и не может быть истолкована как управление либо примыкание. Форма именной части в известной степени может мотивироваться связкой. По крайней мере, выбор некоторых форм имени регулируется связкой. Это зависит и от степени грамматизации связок. Одни связки достигли высокой степени грамма-

тизации, они не имеют ограничений ни в употреблении, ни в сочетаемости с различными формами имени. Это специализированные связки *быть, являться, стать, сделаться, казаться, слыть, представляться, считаться, оказаться* и др.

Другие связки допускают употребление только определенных форм именной части, притом может быть ограничен и лексико-семантический круг имен. Это — неспециализированные связки. Лексическое значение их не полностью подверглось грамматизации, оно более конкретно, чем значение связок специализированных.

Так, связки *отличаться, выделяться, славиться* допускают употребление только существительных с качественным значением, соотносительных с прилагательными, и только в форме творительного падежа: *Общественное мнение здесь не отличалось особенной придирчивостью* (М.-С.) — ср.: *не было придирчивым; Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием* (П.) — ср.: *был умён, отважен, великодушен.* С аналогичной лексико-семантической группой существительных сочетается связка *приобретать* (*обретать*), но требует формы винительного падежа: *Проблема обучения сотрудников учреждений сейчас приобретает особую остроту* (Газ.) — ср.: *становится острой.* При связке *представлять собой* употребляются только существительные в форме винительного падежа: *Дом Колпаковой представлял собой совершенную развалину* (М.-С.).

В число неспециализированных связок входят аналитические глагольно-именные сочетания *иметь* (*носить*) *вид* (*характер*), *приобретать вид* (*характер, положение*) и др. Они имеют целостное грамматизованное значение, аналогичное значению связок *быть, стать, выглядеть* и др. Вещественный компонент (обычно прилагательное) формально согласуется с существительным, входящим в связку (*вид, характер* и др.), но обозначаемый им признак соотнесен с подлежащим: *Дело было гораздо сложнее и носило отчасти политический и национальный характер* (Леск.) — ср.: *выглядело политическим; Маленький трёхоконный домик княжны имеет праздничный вид* (Ч.) — ср.: *кажется праздничным; Строительная площадка вдруг приобрела новый вид* (Мак.) — ср.: *стала выглядеть новой.* Неспециализирован-

ные связки выражают те же основные модально-оценочные значения, что и специализированные, хотя проявляются и дифференцируются эти значения менее четко.

Сказуемые со специализированными и неспециализированными связками образуют полную парадигму модально-временны́х форм. Из всех связок только *быть* имеет в составе парадигмы нулевую форму (т. е. значимое отсутствие) как показатель формы изъявительного наклонения настоящего времени: *Я весь **в тревоге*** (Гонч.) — ср.: *был/буду в тревоге; Эта легенда едва ли **справедлива*** (Ч.) — ср.: *была/будет справедлива; Но большинство озёр — **чёрные*** (Пауст.) — ср.: *были/будут чёрные; Наша боевая организация **наготове*** (Ш.) — ср.: *была/будет наготове.*

Спорным является включение в разряд составного именного сказуемого конструкций типа *лежала в обмороке, вернулся помолодевшим.* Спрягаемый глагол частично выполняет функции связки, выражая модально-временны́е значения и зависимость от подлежащего. Однако глагол не передает модально-оценочных значений, не грамматизуется, — он обозначает действие: *Вера Дмитриевна **встала грустная, заплаканная*** (В.); *После седьмого класса мы **расстались друзьями*** (Сол.). В таких предложениях выражаются одновременно два предикативных признака — активный и пассивный, следовательно, сказуемое можно квалифицировать как «двойное» (А. А. Шахматов). В иной трактовке данные конструкции расцениваются как сложное сказуемое или как сочетание простого глагольного сказуемого с предикативным определением. Бесспорно, они не представляют собой составное именное сказуемое в строгом смысле термина, и спрягаемый глагол не является связкой.

Итак, вспомогательный компонент составного именного сказуемого — связка — имеет абстрактное значение, в выражении вещественного содержания сказуемого не участвует. Связка непременно содержит показатели спрягаемых глагольных форм (включая нулевую форму связки *быть*). Так называемые связки-частицы (*это, вот, таков, как, точно, словно* и др.) не заменяют глагольной связки, а только сочетаются с ней (в том числе с нулевой формой) и подкрепляют те или иные ее функции: *Знаки препинания — **это** как нотные*

знаки (Пауст.); *Воспитать человека — **это значит воспитать** у него перспективные пути* (Мак.).

И м е н н а я ч а с т ь составного сказуемого очень разнообразна по формальному выражению и значению. Общее значение пассивного признака, свойственное именной части как основному компоненту сказуемого, проявляется в различных частных значениях. Они же опираются как на категориальные значения частей речи, так и на формы, в которых употреблены те или иные из них в сказуемом. Так, согласуемые слова (прилагательные и т. п.) выражают признак как качество, свойство. Однако отступление от согласования сопровождается появлением нового значения или оттенка: *Положение старшего сына, Семёна, **было не из завидных*** (М.-С.).

При описании именной части составного сказуемого нужно прежде всего отметить, что она выражается как именными, так и другими категориями слов, обозначающих пассивный признак, а также фразеологизмами с именной семантикой, хотя многие из них имеют застывшую форму или ограниченное словоизменение: *Обломов **был не в своей тарелке*** (Гонч.); ***И мы тоже не лыком шиты*** (М.-С.).

1. Имена сочетаются со связкой в различных формах. Одни формы являются типичными для данной функции (предикативные формы), другие — нетипичными, сложившимися в словосочетании для выполнения атрибутивной функции (непредикативные формы).

К п р е д и к а т и в н ы м формам относятся:

1) несклоняемые формы — краткие формы прилагательного и страдательного причастия, которые выполняют в предложении только функцию именной части составного сказуемого: *Жизнь обитателей Покровского **была однообразна*** (П.); *Лукашка **казался** особенно **весел*** (Л. Т.); *Дневная репетиция **окончена*** (Купр.); *После этих слов лодка **была признана** всем населением деревни* (Пауст.);

2) склоняемые формы — существительные, полные формы прилагательного, а также числительные, местоимения, полные формы причастия — в форме именительного или творительного падежа; обе падежные формы имеют одинаковое значение, могут при некоторых связках заменять одна другую, ограничения в выборе какой-либо из них зависят от связки (форма именительного употребляется преимущественно со

связкой *быть*, включая ее нулевую форму): *Отец мой* ***был слесарь*** (М. Г.); *Озеро* ***было таинственное*** (Пауст.); *Дом этот — мой* (М. Г.); *Улыбка на лице* ***выходила кривой и кислой*** (Ч.); *Дуб этот* ***считался священным*** (А. Т.); *Внутренняя жизнь мальчиков* ***стала совсем иной*** (Купр.); *Комната с портретом Гарибальди* ***покажется*** *слабо освещённой каютой, затерянной в океане непроглядной ночи* (Пауст.). Форму именительного или творительного падежа может иметь именная часть, представленная словосочетанием: *Зато старый ковёр* ***сделался любимой вещью*** *мальчика* (Купр.);

3) неизменяемая форма сравнительной степени качественных прилагательных: *И моё будущее* ***представляется мне ещё безнадёжнее*** (Л. Т.).

Непредикативными являются все формы косвенных падежей существительного и субстантивированных слов, кроме творительного предикативного [однако они включают творительный сравнения: *А то у тебя нос совсем* ***клюквой*** (М.-С.)]. Разнообразные падежные и предложно-падежные формы существительных служат для передачи частных значений именной части составного сказуемого, но они не являются показателями формальной связи. Эти формы не мотивируются глагольной связкой (кроме некоторых неспециализированных связок, о которых говорилось выше). Среди непредикативных форм есть продуктивные. Прежде всего, это форма предложного падежа с предлогом *в*, выражающая состояние: *Целый день Владимир* ***был в разъезде*** (П.); *Весь дом* ***был в страхе*** (Д.); *Во всём я, по воле родительской,* ***был у матушки в полном повиновении*** (Леск.); ***В серебре росы*** *трава* (Бл.); *Город наш* ***в осаде*** (Тих.); *Руки* ***были в смоле и ожогах*** (Пауст.); *Я тогда, сами представляете,* ***был в трудном состоянии*** (Пауст.).

Значение многих непредикативных форм зависит от предлога. Так, существительные с предлогом *без* называют признак по отсутствию детали, части; с предлогом *с* — по наличию или избытку чего-либо; предлоги *вроде, наподобие, сродни* вносят значение сравнения, *из* — источника, материала и т. д.: *Низкая и узкая комната* ***была без окон*** (М.-С.); *Часто воспоминание* ***сродни выдумке, творчеству*** (Пауст.); *Время тогда* ***было точно перед грозой*** (А. Т.). Становятся все более употребительными формы сказуемого, возникшие

под влиянием глагольных сочетаний или по аналогии с ними (ср.: *думать о хлебе, думы о хлебе — Думы были о хлебе; писать о войне, писать книгу о войне, книга о войне — Книга будет о войне*): *Первые мои записи были о лесах* (Пауст.); *Такого рода разговоры были о всех сыновьях и дочерях* (Л. Т.); *Стрельба была по невидимой цели* (А. Т.); *Все шесть писем были от Даши* (А. Т.); *Следующий визит был к артистке Ровинской* (Купр.). Именная часть в непредикативной форме бывает представлена словосочетанием, поскольку вещественное значение сказуемого в этом случае не может быть передано только существительным: *Варя была с заплаканными глазами* (Ч.); *Мы были сидоровской выучки, так сказать, высокой старинной марки, редкого заводского тавра* (Купр.).

К непредикативным формам можно отнести устойчивые предложно-падежные сочетания с закрепившимся в языке метафорическим значением (*на ножах, под боком, на носу* и др.), хотя они как формы уже разошлись с парадигмой соответствующих существительных: *Весь город был на ногах* (Пауст.); *Я сегодня при деньгах* (Пауст.).

2. Вещественное значение пассивного признака может передаваться в составном именном сказуемом неизменяемыми словами — наречием, деепричастием, инфинитивом. Это непродуктивные формы именной части (данная функция для них нетипична). Отсутствие словоизменения делает невозможным выражение их связи с подлежащим, со связкой. Семантика этих слов плохо приспособлена для выражения признака предмета. Только небольшая группа наречий со значением состояния или качественной характеристики предмета (*навеселе, настороже, наготове, навыкате* и др.) употребляется в составном именном сказуемом: *И полиция была уже начеку* (Гил.); *С тех пор при встречах с Федей я был настороже* (Пауст.). Деепричастия (*озябши, вымокши* и др.) употребляются в составном именном сказуемом только в просторечии и только со значением состояния: *У моего Васятки всегда ухо вспухши от этого «ять»* (Ч.). Значение признака, состояния обнаруживается в деепричастиях совершенного вида при ослаблении семантики действия и при «изоляции» их от глагола. Окраска нелитературности в таких формах сказуемого сильна и устойчива.

Инфинитив в составном именном сказуемом не утрачивает значения действия, но выступает в качестве характеристики предмета (или другого, независимого действия), названного в подлежащем. Инфинитив сочетается только со связками *быть, значить, означать*: *Играть в карты — **значит обкрадывать** товарища* (Мак.); *Наша учительская миссия — **защитить** детскую душу* (Газ.).

Итак, именная часть составного сказуемого представлена упорядоченной системой разнообразных форм. Их предикативная функция (в отличие от функций определения, приложения, дополнения, обстоятельства) проявляется благодаря сочетанию со связкой. Сложным является вопрос об объеме и границах сказуемого, вопрос о том, какие слова в том или ином конкретном предложении входят, а какие не входят в состав сказуемого. Выше уже отмечалась возможность выражения именной части словосочетанием. Это имеет место лишь в том случае, если существительное не обладает семантической достаточностью для обозначения признака. Оно только указывает на общий характер проявления признака, а конкретное наименование признака дается с помощью согласуемого слова или второго существительного. Так, существительные в форме предложного падежа с абстрактным значением состояния (*в состоянии, в положении, в настроении* и др.) выполняют предикативную функцию исключительно в словосочетании: *Корнет же **в это время находился в весьма неприятном положении*** (Л. Т.). Существительные в форме именительного падежа или творительного предикативного недостаточны для выражения признака, если семантически соотносятся с подлежащим как род и вид. Предикативный признак обозначается согласуемым словом или вторым существительным: *Ваня — **человек застенчивый*** (Пауст.); *Степан — **человек с загадкой*** (М. Г.); *Сейчас нам выход в космос **кажется рядовым делом*** (Газ.).

Вспомогательный компонент может быть осложнен спрягаемым глаголом (или фразеологизмом) с фазисным или модальным значением (глагол-связка при этом употребляется в инфинитиве): *Шаги его уже **перестали быть слышны*** (Л. Т.); *Василий Назарыч **старался казаться весёлым*** (М.-С.); *Я **имею несчастье состоять родственником** этого человека* (Д.). Таким способом создаются о с л о ж н е н н ы е

формы составного именного сказуемого. Вещественное значение их не меняется, а в грамматическое значение вносятся добавочные элементы. При употреблении фазисных глаголов выражается начало, продолжение или прекращение обладания признаком. Модальные глаголы вносят те же значения, какие выражаются ими в составном глагольном сказуемом (долженствование, волеизъявление и пр.). Связочный глагол в инфинитиве сохраняет свое модально-оценочное значение. В осложненную форму могут входить аналитические сочетания (*должен был* и т. п.) или два (и более) различных осложняющих элемента. Конструкция вспомогательного компонента усложняется, но только один из глаголов имеет спрягаемую форму, все другие, включая связку, употребляются в инфинитиве: *Я обязан быть снисходительным с нею* (Т.); *Никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым* (Л.).

СВЯЗЬ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Связь подлежащего и сказуемого называется предикативной связью. Она не может быть отождествлена ни с подчинительной, ни с сочинительной, не аналогична связи слов в словосочетании. Активная роль в выражении этой связи принадлежит сказуемому. Показателями предикативной связи являются формы слов, специальные служебные слова — частицы-связки, а также порядок слов и интонация. Основной показатель — те словоизменительные формы сказуемого, которые мотивируются подлежащим; другие показатели являются добавочными, а при отсутствии основного — единственными: *Да сыграть — оно не вред* (Тв.). По наличию или отсутствию основного показателя все двусоставные предложения могут быть разделены на две категории: предложения с формально выраженной предикативной связью и с формально не выраженной предикативной связью.

1. В предложениях с формально выраженной предикативной связью сказуемое представлено спрягаемой формой глагола или содержит ее в качестве вспомогательного компонента. Употребление конкретной глагольной формы мотивировано формой или семантикой подлежащего. Выбор этой глагольной формы при построении предложения, по традиции, называют согласованием (хотя эта связь силь-

но отличается от согласования в словосочетании). Не будем отказываться от этого термина, так как введение нового создало бы ненужное разногласие с традицией школьной грамматики. Термин «согласование» будет подчеркивать мотивированность употребления, выбора данной глагольной формы. Выбор определяется разными факторами, в соответствии с которыми следует различать согласование грамматическое, условное и семантическое. Таким образом, речь пойдет о трех видах формального выражения связи сказуемого с подлежащим.

Грамматическое согласование сказуемого с подлежащим возможно только при наличии однотипных категорий в словоформах, представляющих оба главных члена предложения. Имя и спрягаемый глагол имеют одну универсальную категорию — число. Поэтому грамматическое согласование сказуемого с подлежащим наиболее широко и последовательно проявляется в уподоблении формы числа; ср.: *Город строится. — Города строятся.* Глагол в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения в единственном числе уподобляется подлежащему в роде; ср.: *Наступила ночь. — Наступило утро.* Таким образом, грамматическое согласование сказуемого с подлежащим проявляется в форме числа или числа и рода: *Дамы начали смеяться и перешёптываться; некоторые из мужчин улыбались* (Гонч.); *Грезит ночь. Уснули люди* (Ес.); *Моё **присутствие избавило** бы вас от лишней подлости* (Л.); *В отворённые окна **глядела** светлая летняя **ночь*** (Л. Т.); ***Мы втроём сошли** с террасы* (Л. Т.).

Условное согласование имеет место при подлежащих, выраженных неизменяемыми словами или словами, не имеющими форм числа и рода. Условность согласования заключается в том, что форма числа (рода) сказуемого не уподобляется аналогичной форме подлежащего, а определяется отсутствием этих форм у подлежащего.

С неизменяемыми словами сказуемое условно согласуется в форме единственного числа: ***Наступило** долгожданное завтра*; ***Подведёт** тебя это авось*, а в прошедшем времени и сослагательном наклонении — в форме среднего рода: ***Грянуло** дружное ура.*

С местоимением *кто*, не имеющим форм числа и рода, и производными от него сказуемое условно согласуется в форме

единственного числа: *Но **никто** под окрик журавлиный **не разлюбит** отчие поля* (Ес.), а в прошедшем времени и сослагательном наклонении — в форме мужского рода: *В эту минуту **кто-то шевельнулся** за кустом* (Л.); с местоимением *что* и производными — в формах единственного числа и среднего рода: ***Что-то** как бы **оборвалось** в сердце Оленина* (Л. Т.); *А на промысле вот **что произошло** в этот день* (М. Г.).

С количественными числительными сказуемое условно согласуется в форме единственного числа, в прошедшем времени и сослагательном наклонении — в форме среднего рода: ***Пять не делится** на два.* Такое согласование может иметь место и при подлежащем, представленном сочетанием числительного и существительного: *Прошло сто лет* (П.); *На станции **служило одиннадцать человек*** (М. Г.); ср.: *Офицеров приехало около десяти* (Купр.). Аналогично согласуется сказуемое с подлежащим — сочетанием собирательного числительного и количественного местоимения («неопределенного числительного») с существительным: *Уж **много карет проехало** по этой дороге* (Л.); *А со мной **трое мальчишек** всё-таки **влезло*** (Пауст.). Наконец, эти же условно согласуемые формы имеет связка в составном именном сказуемом при инфинитивном подлежащем: ***Не спать** ночью — **значит** каждую минуту **сознавать себя ненормальным*** (Ч.); ***Послушаться** его писем **значило бы сделать** для себя **неприятность*** (Ч.); ***Пренебрегать** опытом других — **значит** многое **терять*** (Газ.).

Семантическое согласование заключается в мотивированности формы сказуемого вещественным содержанием подлежащего, а не его формальными показателями. Примером семантического согласования может быть употребление сказуемого в форме множественного числа при подлежащем, представленном сочетанием числительного и существительного: *В это время из боковой улицы **выехали** на площадь **два всадника*** (Л. Т.); *Почти одновременно **загорелись** ещё **два танка*** (Ш.); *У подошвы скалы в кустах **были привязаны три лошади*** (Л.); ***Явились** три заспанные физиономии* (Гонч.). Семантически обусловлена форма множественного числа сказуемого при подлежащем — словосочетании со значением совместности: ***Княгиня с дочерью явились** из по-*

следних (Л.). Мотивируется вещественным содержанием подлежащего форма рода в сказуемом при подлежащем — местоимении *я* или *ты*: ***Я не спала всю эту ночь*** (Л. Т.); при подлежащем — существительном мужского рода, обозначающем лицо женского пола: ***Врач продолжала приём больных*** (Газ.).

К семантическому согласованию можно отнести употребление глагольных форм 1—2-го лица при местоимениях *я, мы, ты, вы*: ***Я сердцем никогда не лгу*** (Ес.); ***На заре ты её не буди*** (Фет). Местоимения *я, ты, мы, вы* представляют собой разные слова, а не формы слов. Словоизменительные личные формы глагола избираются в соответствии с семантикой личных местоимений, указывающих на говорящего, собеседника и т. д.

Разные виды согласования могут проявляться в одном предложении. Например: *Я не спала* — грамматическое согласование в форме числа и семантическое — в форме рода. В отдельных случаях наблюдается колебание в согласовании из-за «соперничества» двух факторов. Так, с подлежащим — количественно-именным сочетанием сказуемое может быть согласовано условно в форме единственного числа или семантически в форме множественного числа; обе формы допустимы и верны. Форма множественного числа предпочтительна, если в подлежащем названы лица, а форма единственного числа — если в подлежащем названы предметы.

Согласование составного именного сказуемого может быть осложнено тем, что в формальном выражении связи с подлежащим участвует, кроме связки, именная часть. Прилагательные и подобные слова согласуются в формах числа и рода: ***Дорога была устлана шуршавшими листьями*** (Л. Т.); ***Ты по-собачьи дьявольски красив*** (Ес.). При выражении именной части составного сказуемого существительным, род которого не совпадает с родом подлежащего, связка согласуется с подлежащим: ***Домик у Фигуры был обыкновенная малороссийская мазанка*** (Леск.). Исключения редки: ***Знакомство у Ростовых была вся Москва*** (Л. Т.); ***Описанная фигура был Голован*** (Леск.).

Различные факторы определяют согласование сказуемого с «формой вежливости» *вы*. Глагол согласуется грамматически в форме множественного числа: *Любимая! Меня вы*

не любили (Ес.). Аналогично согласуются краткие формы прилагательного и причастия: ***Вы были правы предо мной*** (П.). Полные формы прилагательного, причастия, местоимения-прилагательные семантически согласуются в формах единственного числа и рода: ***Вы нежная и удивительная*** (И. и П.); *Я знаю:* ***вы не та*** (Ес.).

Таким образом, при характеристике формально выраженной предикативной связи главных членов предложения должны быть учтены грамматические категории подлежащего и сказуемого и определены все факторы, которыми мотивируется выбор формы сказуемого.

2. В предложениях с формально не выраженной предикативной связью главных членов сказуемое не имеет материальных показателей этой связи. Во-первых, к таким предложениям относятся конструкции с несогласуемыми формами простого сказуемого, представленного усеченными глаголами *бац, толк* и т. п. или инфинитивом в значении изъявительного наклонения: *Тут я —* ***кричать*** (Ш.). Во-вторых, это «предложения тождества» с нулевой формой связки: ***Труд*** *— лучшее лекарство для меня* (М.-С.); *Единственный* ***выход из положения*** *—* ***затопить*** *суда в фарватере* (С.-Ц.); *Бестолкового* ***учить*** *— только себя* ***трудить*** (Посл.). В-третьих, такого рода предикативная связь проявляется между инфинитивным подлежащим и сказуемым — словом категории состояния с нулевой формой связки: ***Жалеть*** *людей —* ***это тяжело*** (М. Г.).

Употребление инфинитива в роли одного из главных членов предложения и нулевая форма связки — это бесспорные факторы невозможности формальной связи. Не располагает средствами согласования и именная часть составного сказуемого в предложениях, в которых подлежащее и сказуемое представлены существительными в форме именительного падежа. Формы рода этих существительных могут как совпадать, так и не совпадать: *Василий — сторож* (М. Г.); ***Мещора*** *—* ***остаток*** *лесного океана* (Пауст.). Не всегда совпадают и формы числа существительных: ***Книги*** *— моя* ***страсть;*** ***Студенты*** *—* ***народ*** *весёлый;* ***Каникулы*** *—* ***самое приятное время.***

Отсутствие формального показателя не означает невыраженности предикативной связи как таковой: в рассмотренных

предложениях она проявляется в порядке слов и интонации, может подкрепляться частицами-связками.

Таким образом, подлежащее и сказуемое, образующие предикативную основу двусоставного предложения, представлены разнообразными формами, и их связь, зависимость сказуемого от подлежащего так или иначе выражена. Из всех форм наиболее употребительными являются существительное в форме именительного падежа — подлежащее и спрягаемый глагол — сказуемое. Они образуют продуктивную конструктивную модель двусоставного предложения — номинативно-глагольную: ***Завод постоянно расширяется; Дети хорошо отдохнули.***

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Односоставные предложения — это самостоятельный структурно-семантический тип простого предложения, противопоставленный двусоставным. Специфика их заключается в том, что предикативная основа предложения представлена одним главным членом. Главный член выражает основные элементы предикативности — модальность, время, лицо. Он занимает в предложении абсолютно независимую позицию; другие члены предложения в том или ином отношении поясняют его, имеют зависимую форму.

По форме главный член односоставного предложения может быть подобен одному из главных членов двусоставного предложения; ср.: ***Вечер.*** — *Наступил* ***вечер; Буря!*** — *Скоро грянет* ***буря!; За стеной шумели.*** — ***Шумели дети;*** *Уже* ***темнело.*** — *Небо быстро* ***темнело.*** Однако по значению главный член односоставного предложения не может быть отождествлен ни с подлежащим, ни со сказуемым. Он обозначает независимый признак или утверждает бытие предмета, но не выражает отношения предмета и признака, как главные члены двусоставного предложения.

Способ выражения главного члена определяет структуру и семантику односоставного предложения. Различаются глагольные и субстантивные односоставные предложения. Глагольные предложения, в которых главный член представлен формами глагола или содержит их в сочетании с дру-

гими категориями слов, выражают независимый признак: *Из сада **пахло** сырыми листьями* (А. Т.); *Тебе только **бы дорваться** до разговору* (Пауст.); *Несколько минут ничего **нельзя было разобрать** в общей суматохе* (Л. Т.); *В избе **было пусто*** (Пауст.). В субстантивных предложениях с главным членом — существительным или субстантивированным словом выражается бытие, наличие, существование предмета: *Глубокая зимняя **ночь. Метель*** (Купр.); ***Снегу!*** (Ч.)

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глагольные односоставные предложения разнообразны по структуре и по грамматическим значениям. В выражении основных элементов предикативности — модальности, времени, лица — решающая роль принадлежит главному члену предложения, его формальным показателям. Главный член предложения может выражаться:

1) формой полнозначного глагола (синтетически): *Старика **отнесли** в спальню* (П.); *В воздухе уже не так сильно **пахло*** (Т.); *Школы у нас на озере **не было*** (Пауст.); ***Будете закрывать** дверь или нет? **Советую** зажечь свечу* (Пауст.);

2) сочетанием спрягаемой формы фазисного или модального глагола с инфинитивом: *Екатерину Васильевну очень **тянуло заглянуть** в освещённое окно* (А. Т.); ***Люблю спать** на чердаках* (Пауст.); *Весь день мне **пришлось идти** по заросшим луговым дорогам* (Пауст.); *Здесь вам **могут рассказать** много интересного* (Газ.);

3) сочетанием связочно-именного модального компонента с инфинитивом: *В него по-прежнему **готовы стрелять*** (М. Г.); *Дорогу уже **нельзя было разобрать*** (Пауст.); *На предприятии **рады будут принять** молодых специалистов* (Газ.);

4) сочетанием спрягаемой формы глагола-связки с именным компонентом: *Вообще на душе **становилось пасмурно*** (Л. Т.); *Немилостивому **мил не будешь*** (Посл.); *В лугах **было тихо*** (Пауст.); *В комнатах **было прибрано*** (Газ.). (В случаях 2—4 главный член имеет аналитическую структуру.)

В главном члене односоставного предложения посредством глагольных формальных показателей (включая нулевую форму связки *быть*) выражаются значения реальности/ирреальности, синтаксического времени и лица. Круг указанных значений и показатели такие же, как у двусоставных предложений, однако есть и существенные отличия.

Так, модальность получает в односоставных предложениях более разнообразное проявление: кроме форм наклонения, а также модальных глаголов и именных форм (к последним примыкают и модально-безличные слова категории состояния: *можно, надо, нельзя* и др.), дополнительные модальные значения долженствования, невозможности и др. могут выражаться в структуре предложения конструктивно-синтаксическим способом: *Так бы и **зарыться в эту толпу*** (А. Т.) — желательность; *Из щеп похлёбки **не сваришь*** (Посл.) — невозможность; *На льду **не строятся*** (Посл.) — нецелесообразность.

Синтаксическое время в некоторых видах односоставных предложений проявляется не в конкретных значениях прошедшего, настоящего, будущего, а во вневременности: *После дела за советом **не ходят*** (Посл.).

Еще более ярко специфика односоставных предложений проявляется в синтаксической категории лица. В отличие от двусоставных предложений, где эта категория в значительной степени опирается на подлежащее, в глагольных односоставных предложениях она получает более ограниченное и отчасти скрытое выражение преимущественно в глагольных формах главного члена. Выражаемое действие «оторвано» от деятеля, тем самым затруднено и выражение отношения действия к лицу говорящему.

Глагольные односоставные предложения неоднородны по выражаемым модальным, временны́м и личным значениям. В них употребляются разные глагольные формы в различных конструктивных условиях. С учетом глагольных форм и специфики предикативных значений модальности, времени, лица выделяется пять структурно-семантических видов глагольных односоставных предложений: 1) определенно-личные; 2) неопределенно-личные; 3) обобщенно-личные; 4) безличные; 5) инфинитивные.

Определенно-личные предложения

В односоставных определенно-личных предложениях выражается действие (признак), соотнесенное с определенным деятелем (носителем признака), который, однако, словесно не обозначен. Указание на конкретного деятеля содержится в формах глаголов 1—2-го лица, а также повелительного наклонения, которые выступают в роли главного члена предложения (или входят в состав главного члена в качестве вспомогательного компонента): *Стар, ужасно стар Париж. Особенно люблю его в сырые деньки* (А. Т.); *«А помнишь Васю?» — печально перебил Костя* (Т.); *Прощайте. А на меня не сердитесь* (Пауст.); *Персия! Тебя ли покидаю?* (Ес.); ***Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую*** (Ес.); *«После этого буду свободен?» — «После этого можете убираться ко всем чертям»* (А. Т.).

Возможность независимого употребления указанных глагольных форм обусловлена их морфологической природой, способностью их формальных средств указывать на конкретного деятеля. Глагольные формы, не имеющие таких однозначных показателей (это формы 3-го лица единственного и множественного числа, прошедшего времени и сослагательного наклонения, инфинитив), не могут употребляться в определенно-личных предложениях. Если эти формы обозначают действие конкретного деятеля, то последний должен быть словесно назван в подлежащем; предложение в этом случае имеет двусоставную структуру, в том числе и в неполном варианте — при пропуске подлежащего. Например: *Возненавидел, брат, её!* ***Видеть равнодушно не могу*** (Ч.) — в двусоставном неполном предложении (первое) пропущено подлежащее *я*; второе предложение — односоставное определенно-личное.

Формы главного члена определенно-личных предложений имеют большую грамматическую нагрузку. Кроме указания на определенного деятеля и соответствующее лицо, они выражают объективную модальность и время. Объективно-модальное значение (реальность/ирреальность), выражаемое формами наклонения, может быть осложнено добавочными модальными значениями с помощью лексических средств: ***Смотри, не упади в реку!*** (Т.) — предостережение; ***Не хочу быть посмешищем.*** *Не мужчинское это дело — полоть!* (Ш.) —

желание. Синтаксическое значение времени или получает конкретное выражение настоящего, будущего в формах изъявительного наклонения (см. приведенные примеры), или проявляется как вневременность — в форме повелительного наклонения. Специфика определенно-личных предложений проявляется в неполноте временно́й парадигмы, в невозможности выражения прошедшего времени соответствующей формой. Конкретное предложение не может быть «переведено» в прошедшее время без изменения его структуры. Ср.: ***Пишу тебе письмо. — Писал(а) тебе письмо*** — второе предложение имеет неполную двусоставную структуру.

Определенно-личные предложения преобразуются в двусоставные посредством введения личного местоимения, и наоборот — двусоставная конструкция перестраивается в односоставную при устранении местоимения; ср.: ***Ты меня подожди*** *около дома.* ***Отвезёшь*** *обратно на пристань* (Пауст.). — ***Подожди меня*** *около дома.* ***Ты отвезёшь*** *обратно на пристань.* Соотносительные односоставные и двусоставные предложения тождественны по содержанию, но противопоставлены по структуре. При наличии соотносительных конструкций в речи предпочитаются односоставные. Если личное местоимение логически выделяется или противопоставляется, то предложение реализуется только как двусоставное: *Здесь больше нет твоей святыни. Здесь* ***я владею, я люблю*** (Л.).

Неопределенно-личные предложения

В односоставных неопределенно-личных предложениях выражается независимое действие (признак). Деятель (носитель признака) не назван, но грамматически представлен как неопределенный: *Часть военных* ***перегрузили.*** *На палубе* ***успокоились*** (А. Т.); *В другой стороне тихо-тихо* ***свистнули*** (А. Т.); *В школе* ***будут удивлены*** *случившимся* (Газ.). Грамматическое выражение неопределенности деятеля отличается от лексического, например, в подлежащем двусоставного предложения, представленном неопределенным местоимением; ср.: *В пятом часу* ***позвонили*** *в парадной* (А. Т.); *Как-то в конце октября, ночью,* ***кто-то*** *долго* ***стучал*** *в заколоченную уже несколько лет калитку* (Пауст.). В двусоставном предложении подлежащее, обозначающее неопреде-

ленного деятеля, четко противопоставлено лицу говорящему по грамматическому 3-му лицу. В односоставных предложениях неопределенность деятеля сочетается и с неопределенностью грамматического лица. Это дает возможность в конкретных предложениях сближать неопределенного деятеля либо с 1-м, либо со 2-м, либо с 3-м лицом. Например: *По всем берегам рвали бутовый камень* (Пауст.); *«Эй, вы! — прикрикнул на мальчишек вихрастый. — Иль давно вам уши не драли?»* (Пауст.) — в первом примере неопределенный деятель соотнесен с 3-м лицом, во втором — с 1-м лицом. Однако это соотношение не является однозначным и четким.

Значение неопределенного лица и указание на неопределенного деятеля опираются на глагольные формы 3-го лица множественного числа и прошедшего времени (или сослагательного наклонения) множественного числа: *Здесь не морщатся на твои дырявые башмаки* (А. Т.); *В зале начинают волноваться* (Газ.); *Пусть в Европе прочтут горькую правду* (А. Т.); *За перегородкой в конторе тихонько разговаривали* (Т.). Эти формы образуют модально-временну́ю парадигму неопределенно-личных предложений. Главный член выражает отнесенность действия к моменту речи и объективно-модальное значение реальности/ирреальности. Указанные глагольные формы получают неопределенно-личное значение только в независимой позиции, создаваемой таким построением высказывания, когда позиция субъекта занята второстепенным членом (см. приведенные примеры), как правило, расположенным перед главным членом предложения. Нередко в предложении есть второстепенные члены, которые косвенно обозначают деятеля, указывая на круг лиц, пространство и т. д., где обнаруживается деятель: *В этой семье Боброва недолюбливали* (Купр.); *В Мюнхенской академии меня носили на руках* (А. Т.); *На лодке молчали* (А. Т.). Однако при наличии подобных членов предложения грамматическое значение неопределенности деятеля и лица не ослабляется, а, напротив, подчеркивается.

Обобщенно-личные предложения

В односоставных обобщенно-личных предложениях выражается независимое действие (признак). Деятель словесно не обозначен, но грамматически представлен как

обобщенный. Указание на отнесенность к обобщенному («любому») деятелю содержится в форме главного члена предложения, представленного формой 2-го лица единственного числа изъявительного или повелительного наклонения и 3-го лица множественного числа: *Камня на зуб не положишь* (Посл.); *Не будь тороплив, будь памятлив* (Посл.); *В чужом доме не указывают* (Посл.).

Особую группу составляют обобщенно-личные предложения, в которых повествуется о действии, совершавшемся самим говорящим в прошлом, притом действии длительном, обычном или повторявшемся неоднократно. Благодаря глагольной форме 2-го лица настоящего (будущего) времени действие осмысливается как обобщенное: *Сидишь в старенькой избе, как в крепости, решаешь задания на завтра* (Пауст.). Обобщение такого рода может быть основанием для вывода, поэтому данные предложения легко переходят через ту условную грань, за которой имеет место уже не конкретное повествование, а обобщение личного опыта и выражение его как «обязательного» для всех. Например: *А сердце всё равно так забьётся, что прижмёшь руки к груди, чтобы унять. Да разве уймёшь!* (Пауст.) — в первом случае повествуется о действии самого говорящего, во втором подчеркивается невозможность действия, и это фактически относится к любому деятелю (ср.: *Сердце руками не уймёшь!*). Высшая степень обобщения опыта проявляется в пословицах. Форма обобщения настолько существенна, что облеченное в нее высказывание приобретает афористичность и назидательность. В обобщенно-личных предложениях все основные элементы предикативности — модальность, время, лицо — содержат обобщение, подкрепляют афористический смысл.

Объективно-модальное значение реальности/ирреальности, выражаемое формами наклонения, осложняется в обобщенно-личных предложениях частными модальными значениями (которые также обусловлены формой главного члена односоставного предложения):

1) долженствования — формами 2-го лица изъявительного или повелительного наклонения: *По волоску всю бороду выщиплешь* (Посл.); *Ешь с голоду, а люби смолоду* (Посл.);

2) невозможности — формами 2-го лица изъявительного наклонения с частицей *не*: *Из этакой роскошности меня до*

вечера и шилом не выковыряешь (Ш.); *Языком и лаптя не сплетёшь* (Посл.);

3) целесообразности — формами 3-го лица множественного числа: *Старших и в Орде почитают* (Посл.);

4) неизбежности — формами 3-го лица множественного числа: *На земле живут лишь раз* (Ес.); *По трём мишеням из трёх винтовок не стреляют, а преимущественно мажут* (Пауст.);

5) нецелесообразности — формами 3-го лица множественного числа и повелительного наклонения с частицей *не*: *О семейном в кабаках не кричат* (М. Г.); *На пожар таких, как я, с бочками не посылают* (Ш.); *На резвом коне жениться не езди* (Посл.).

Формы главного члена обобщенно-личного предложения не имеют определенного временно́го значения; всем им свойственно значение временно́й обобщенности: *Из чёрного не сделаешь белого* (Посл.). Обобщенное значение синтаксического лица заключается в том, что высказывание, оформленное обобщенно-личным предложением, соотнесено одновременно со всеми лицами: *Прытью людей не удивишь* (Посл.); *Добрым делом не кори* (Посл.); *От добра добра не ищут* (Посл.).

Использование обобщенно-личных предложений для пословиц не случайно: их обобщенная форма сочетается с назидательным смыслом. Однако данные предложения чрезвычайно употребительны в речи и как создаваемые из словесного материала, а не только как воспроизводимые: *Разве без моциону такой обед съешь?* (Остр.); *С моей осанкой недалеко уйдёшь!* (Ч.)

Безличные предложения

В односоставных б е з л и ч н ы х предложениях выражается независимое действие безотносительно к деятелю. Глагольные формы главного члена предложения не указывают на деятеля и не способны делать это по своей морфологической природе: главный член имеет формальные показатели 3-го лица единственного числа или прошедшего времени среднего рода. Эти показатели представляют собой форму безличности, морфологическим эталоном которой являются безличные гла-

голы (*светает, светало, будет светать; нездоровится, нездоровилось*).

Форма безличности проявляется во всех структурных разновидностях главного члена предложения:

1) в полнозначном безличном глаголе: *На пустой желудок так плохо спится в бесконечные зимние ночи* (М. Г.);

2) в безличной форме полнозначного личного глагола: *Так меня холодом и обдало* (Л. Т.); *Хозяев уже не было* (Л. Т.);

3) в безличной форме вспомогательного фазисного или модального глагола, сочетающегося с инфинитивом: *У Картошина начало пусто звенеть в голове* (А. Т.); *Мне по должности полагается быть догадливым* (Ш.); *Краба так и не удалось поймать* (А. Т.);

4) в безличной форме связки (включая нулевую форму) вспомогательного аналитического компонента с модальным значением: *Сначала нужно было идти на вёслах* (А. Т.); *Нельзя жить вдали от молодости* (Пауст.);

5) в безличной форме связки при словах категории состояния (включая нулевую форму): *Вокруг одинокой кузницы было безлюдно и пусто* (Ш.); *Да, у вас небогато* (Пауст.); *В доме стало ещё пустее* (Г.).

С помощью соотносительных глагольных форм безличности настоящего, будущего и прошедшего времени категория времени выражается в безличных предложениях четко и последовательно; они имеют парадигму временны́х форм.

Модальность опирается на формы наклонения и также выражается последовательно. Кроме того, в главном члене безличного предложения могут быть лексически выражены дополнительные модальные значения с помощью модальных глаголов и слов категории состояния: *Один раз пришлось спуститься глубоко вниз* (А. Т.); *Мне должно было стрелять первому* (П.); *Да, так надо же кончить эту историю с дедом Петро* (Пауст.).

Деятель в безличных предложениях не только словесно не обозначен, но на него не указывают и формы главного члена. В этих формах нет указаний на отношение высказывания к тому или иному лицу — 1-му, 2-му или 3-му. Однако в составе безличного предложения, как правило, есть члены, имеющие форму объекта; их назначение — указывать на то или иное лицо как на фактического деятеля. Обычно эти члены имеют

форму дательного падежа: *Маше всё ещё не верилось* (П.); *Обломову стало немного неловко от собственного промаха* (Гонч.), но могут быть представлены и другими падежными формами: *У Стрельцова больно защемило сердце* (Ш.); *Меня знобило* (Пауст.). Следовательно, в конкретных безличных предложениях выражение синтаксического лица связано не только с главным, но и с второстепенными членами.

Безличные предложения являются самым употребительным видом глагольных односоставных предложений. Они строятся по различным моделям, из которых наиболее продуктивны:

1) модель с двумя опорными членами — главный член со значением отрицания бытия и объект отрицания в форме родительного падежа: *Моста не было* (Пауст.); *На перекличке дружбы многих нет* (Ес.); *Однако облегчения мне никакого не вышло* (Т.);

2) модель с тремя опорными членами — главный член со значением физического действия, прямой объект и «орудийный» объект в форме творительного падежа: *Это была первая телеграмма о революции в Петрограде. Меня точно кирпичом ударило* (А. Т.);

3) модель с двумя опорными членами — главный член со значением действия или состояния и прямой объект: *Как вас только сюда занесло?* (Пауст.); *Дороги размыло* (Пауст.); *Только очень меня от жары растомило* (Т.);

4) модель с двумя опорными членами — главный член со значением состояния (структура связочно-именная) и субстантивный член в форме дательного падежа со значением субъекта состояния: *Дутлову было не по себе* (Л. Т.); *Мне было тревожно* (А. Т.);

5) модель с двумя опорными членами — главный член со значением состояния среды и обстоятельственный член с пространственным значением: *В лесу было безветренно* (Пауст.); *У нас страшно запущено* (Ч.).

Инфинитивные предложения

В односоставных инфинитивных предложениях выражается независимое потенциальное действие, не соотнесенное с деятелем: *Как бы это собрать свои мысли и привести*

их в полную ясность? (Пауст.) В этом они сходны с безличными. Однако в безличных предложениях независимое действие представлено как протекающее во времени, а в инфинитивных — только как желательное, возможное/невозможное, неизбежное и т. п., т. е. действие не выражено как процесс, а лишь названо как потенциальное. Эта семантическая особенность инфинитивных предложений обусловлена природой главного члена: независимый инфинитив не имеет значения процесса и не может указывать на отношение действия к моменту речи: *Молодости **не воротить*** (Посл.). Инфинитивным предложениям свойственна вневременность, отсутствие форм времени; этим они отличаются от безличных.

Главный член инфинитивных предложений имеет две структурные разновидности — полнозначный инфинитив: *Дочке в город **уезжать*** (Тв.) или аналитическое сочетание инфинитива глагола-связки с именем: *Не всем казакам **в атаманах быть*** (Посл.).

Выражение модальности в инфинитивных предложениях коренным образом отличается от ее выражения в других односоставных глагольных предложениях отсутствием морфологической основы — наклонения. Объективно-модальное значение реальности опирается на «чистую» форму независимого инфинитива, а значение ирреальности — на сочетание инфинитива с частицей *бы*. Каждое из этих основных значений сопровождается частными модальными значениями, выражаемыми главным членом и подкрепляемыми структурой предложения, но без лексических показателей (ср. безличные предложения).

В предложениях без частицы *бы* выражается долженствование: *Может быть, и скоро мне в дорогу бренные пожитки **собирать*** (Ес.); неизбежность: ***Быть** в дороге какой-нибудь беде* (Ш.); невозможность (с частицей *не*): *Нет, **не перечислить** всех странностей и бед во время эвакуаций* (А. Т.); волеизъявление: *Там **поставить** кровать* (Г.).

В предложениях с частицей *бы* выражается желательность: *Ну, мне **бы уснуть**, устал я* (М. Г.); целесообразность: *Вам **бы** гуманные науки **преподавать**...* (Пауст.); предположение, опасение: ***Не опоздать бы** нам к поезду* (Газ.). В обеих разновидностях инфинитивных предложений

могут быть выражены и другие частные модальные значения и оттенки.

Форма главного члена — инфинитив — не содержит и не может содержать указаний на лицо. Однако в составе односоставного инфинитивного предложения, как правило, есть «объектный» член в форме дательного падежа, выражающий отношение высказывания к 1-му, 2-му или 3-му лицу: *Скоро мне без листвы х о л о д е т ь* (Ес.); ***Тебе бы всё с ружьём б а л о в а т ь с я*** (Т.); *Долго п е т ь и з в е н е т ь* ***пурге*** (Ес.). Этот член предложения можно рассматривать в качестве названия лица или предмета, который должен (или может, способен и т. д.), с точки зрения говорящего, быть деятелем по отношению к действию, обозначенному главным членом. Однако называть этот член (существительное в форме дательного падежа) ни подлежащим, ни грамматическим субъектом нет оснований, так как, во-первых, он выражен формой косвенного падежа, а во-вторых, действие в инфинитивных предложениях не представлено в виде процесса. Можно, по-видимому, говорить о выражении в инфинитивных предложениях потенциального деятеля, который должен (или может, способен и т. д.) совершить действие, названное инфинитивом: *Ну, старик,* ***не выйти нам из готовой ямы*** (Тв.).

Система глагольных предложений

Глагольные односоставные предложения характеризуются не только четким соотношением и противопоставлением их видов по грамматическим значениям и формальным показателям. Есть ряд переходных явлений, порождающих дискуссии в науке и спорные толкования в практике преподавания.

Предложения, относящиеся к разным структурно-семантическим видам, могут совпадать по форме главного члена или быть очень близкими по семантике; это объективно затрудняет их толкование. Однако не следует отдавать предпочтение одной из сторон — форме или значению: нужно учитывать обе. Так, формы 2-го лица единственного числа и повелительного наклонения употребляются в определенно-личных и обобщенно-личных предложениях. Конкретные предложения с этими формами различаются по семантике и грамматическим категориям. Например, семантика обобщенного деяте-

ля, вневременность, модальное значение невозможности, обнаруживаемые в предложении *Рук не наставишь*, позволяют без колебаний отнести его к обобщенно-личным. При анализе предложений с формой 3-го лица множественного числа также необходимо учитывать конкретное проявление времени и модальности. Предложение *В комнате тихо поют* неопределенно-личное, так как его главный член имеет значение настоящего времени (ср.: *В комнате тихо пели*) и указывает на отношение действия к неопределенному деятелю. В предложении *Здесь не курят* главный член имеет вневременно́е значение, в модальном плане он осложнен оттенками нецелесообразности, невозможности, запрета; действие соотнесено с обобщенным деятелем — следовательно, данное предложение обобщенно-личное.

В школьных учебниках русского языка обычно изложена более упрощенная система глагольных односоставных предложений с тремя основными разновидностями: определенно-личные, неопределенно-личные (с обобщенно-личными), безличные. Такое упрощение с методической точки зрения оправданно. Но объединение безличных и инфинитивных предложений не позволяет подчеркнуть своеобразие независимого инфинитива; не выделяется морфологическая форма безличности как единый показатель, игнорируется специфика выражения модальности и времени. Однако эти упущения преподаватель может «возместить» в упражнениях, обращая внимание на особенности конкретных предложений.

Кроме того, среди односоставных глагольных предложений есть переходные конструкции (например, *Спорить было не о чем*), которые не могут быть отнесены ни к одному из рассмотренных видов. Они имеют общие черты и с безличными, и с инфинитивными предложениями. С безличными их роднит глагол-связка в безличной форме и наличие временно́й парадигмы (ср.: *Спорить не о чем; Спорить будет не о чем*). С другой стороны, как и в инфинитивных предложениях, независимый инфинитив в определенной конструкции выражает модальное значение невозможности без специального лексического показателя. Таким образом, эти предложения сочетают как раз те свойства, которыми различаются безличные и инфинитивные предложения, и их можно условно называть безлично-инфинитивными.

Безлично-инфинитивные предложения обладают и такой особенностью, которая отличает их как от безличных, так и от инфинитивных предложений. В их состав входят отрицательные местоимения или отрицательные наречия: ***Спрятаться от дождя было негде*** (Пауст.); *Кипренскому* ***было некого рисовать*** (Пауст.). Эти слова участвуют вместе с главным членом предложения в выражении модального значения невозможности, но для этого используется только их отрицательное значение. В то же время они выполняют обстоятельственную или объектную функцию.

Аналогично строятся вопросительно-отрицательные предложения, в которых вопросительные местоимения или наречия переосмысливаются в отрицательные: ***«Откуда начальству всё знать!»*** *— говорил ему дед Петро* (Пауст.); *Зачем же нам быть врагами?* (Ч.)

Переходные или трудные для синтаксического анализа явления имеют место не только внутри системы глагольных односоставных предложений, но и на границе их с двусоставными. Наиболее сложно отграничение некоторых конструкций безличных предложений от двусоставных с инфинитивным подлежащим: и в тех и в других инфинитив сочетается со словом категории состояния. Без оговорок к безличным могут быть отнесены предложения со словами категории состояния (*можно, надо, нельзя, пора* и др.), играющими вспомогательную роль модального компонента главного члена. Слова категории состояния с оценочным значением (*легко, приятно, трудно* и др.) выражают предикативную характеристику независимого инфинитива, т. е. являются сказуемым двусоставного предложения с инфинитивным подлежащим: *Очень* ***трудно подчас передать свои ощущения*** (Пауст.). При употреблении слов со значением состояния строятся предложения, имеющие сложную семантику; они выражают и действие (инфинитив), и состояние (слово категории состояния), как бы создаваемое действием или сопровождающее действие: *Ехать было жарко* (В.); *Ему было неудобно лежать* (Ч.). Эти семантически усложненные предложения по структуре являются безличными.

Безличную форму имеют и предложения типа *Воды натекло; Народу набежало* — с родительным субъекта и количества.

СУБСТАНТИВНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Субстантивные односоставные предложения являются принципиально безглагольными, т. е. не только не содержат ни «физических» глагольных форм, ни нулевых форм, но и не предполагают пропуска глагола. В их семантике нет значений действия, процесса, признака. Они имеют бытийное значение, которое выражается не лексически, а синтаксически (ср.: *Была зима; Есть книги*). Бытийное значение свойственно главному члену предложения — номинативу (существительному в форме именительного падежа): *Зима; Первое школьное утро* или генитиву (существительному в независимом родительном падеже, с количественным значением): *Книг-то!; Снегу-то!* Этим формам существительного соответствуют два структурно-семантических вида односоставных предложений — номинативные и генитивные.

Номинативные предложения

В односоставных номинативных предложениях выражается бытие предмета в настоящем времени. Как бытийное значение, так и указание на совпадение бытия с моментом речи проявляются в главном члене, независимо от наличия или отсутствия в предложении других членов. Показателем времени является значимое отсутствие глагола. Морфологического показателя не имеет и модальность — она выражается интонацией; ср.: *Зима; Зима!* — значение реальности; *Зима?* — значение ирреальности. Частицей выражается ирреальное значение желательности: *Скорее бы зима!* Главный член номинативного предложения не содержит указания на лицо, но по семантике предложение соотнесено с 3-м лицом (бытие предмета, не являющегося участником общения).

Кроме указанных основных значений, главный член номинативного предложения может содержать добавочные оттенки, выражаемые интонацией, частицами, — иначе говоря, может иметь структурные варианты. Ср.: *Сосна. Две берёзки* — общее бытийное значение и расширенное настоящее время; *Сосна! Две берёзки!* — добавочный оттенок непосредственного восприятия бытия, совпадающего с моментом речи; *Вот сос-*

на. Вон две берёзки — указательно-ограничительный оттенок и конкретное настоящее время, не выходящее «за пределы» момента речи; *Вот и сосна. Вот и две берёзки* — добавочный оттенок обнаружения, достижения и указание на временной предел — совпадение обнаруживаемого бытия с моментом речи; *Что за сосна! Какие две берёзки!* (а также с частицами *вот так, вот это, ну и, ай да* и др.) — эмоционально-экспрессивная оценка предмета. Таким образом, в речи номинативные предложения употребляются либо с основной формой главного члена, либо в одном из вариантов: *Мелколесье. Степь и дали. Свет луны во все концы* (Ес.); ***Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность*** (Ес.); ***«Вот он и крест. Вот и дорога»***, *— громко проговорил ямщик* (А. Т.).

Главный член номинативного предложения может быть распространен второстепенными членами, которые вместе с ним образуют словосочетание: *Начало июля. Полная луна* (В.); *Час мирный. Славный вечер* (Тв.). От номинативного предложения с определением нужно отличать двусоставное предложение с нулевой формой связки *быть*, причем сказуемое обычно стоит после подлежащего: *Воздух прозрачный и синий* (Ес.).

Спорным остается вопрос о наличии в номинативном предложении таких второстепенных членов, которые имеют обстоятельственное или объектное значение и не образуют словосочетания с главным членом: *В доме тишина; Сегодня экзамен; У меня радость.* Форма этих членов предложения не мотивируется (не управляется) главным членом — номинативом. Это служило поводом (по традиции, идущей от А. А. Шахматова и А. М. Пешковского) усматривать в таких предложениях пропуск сказуемого, к которому якобы относятся данные члены, и говорить о неполноте предложений. Однако характеристика данных предложений как двусоставных неполных (или эллиптических) основана на «подразумевании» несуществующего (и ненужного) сказуемого. В действительности же значение бытия, наличия выражено в них главным членом предложения — номинативом. По нашему мнению, эти предложения являются номинативными односоставными с второстепенными членами приосно́вного типа — детерминантами, которые имеют самостоятельное значение (пространственное, временно́е, субъектное и пр.). Эти члены

как в двусоставных, так и в односоставных предложениях не являются зависимыми компонентами словосочетания; они поясняют предикативную основу в целом (ср.: *В доме топились печи; В доме стало тепло; Сегодня я весел; У меня сын — студент*). В отличие от номинативных предложений с присловными членами, входящими в словосочетание (*Поздняя осень* и т. п.), номинативные предложения с детерминантами являются расчлененными. Они имеют паузу между детерминантом (группой детерминанта) и главным членом предложения (группой главного члена), которая разделяет компоненты актуального членения предложения — тему и рему: *У тебя | истерика, Николай Иванович* (А. Т.); *За дюнами | обширные болота и низкие леса* (Пауст.); *Утром | заморозок* (Шишк.).

При анализе номинативных предложений необходимо отличать их от сходных по форме синтаксических конструкций, также представленных существительными в форме именительного падежа. Обращение и именительный представления не содержат высказывания, не являются предложениями: ***Полевая Россия!*** *Довольно волочиться сохой по полям!* (Ес.); ***Москва. Сибирь.*** *Два эти слова звучали именем страны* (Тв.). Номинативная конструкция может представлять собой составное именное сказуемое с нулевой формой связки *быть* в неполном предложении, когда подлежащее пропущено или не названо: *«Ты кто?» — «**Матрос**»* (М. Г.); *На облезлых стенах висели портреты, запушённые инеем. «**Предки-с!**» — радостно воскликнул хозяин* (А. Т.).

Генитивные предложения

По основным значениям бытийности и настоящего времени, выражаемым в главном члене, генитивные предложения сходны с номинативными. Однако родительный квантитативный (количественный) вносит в них добавочное значение избытка, а восклицательная интонация — экспрессивно-эмоциональную оценку: *«**Добра-то, добра!**» — сказал Яков* (Ч.). Учитывая количественное значение генитивных предложений, А. А. Шахматов склонен был видеть в них «пропуск названия количества». Можно предполагать, что эти конструкции сложились под влиянием количественно-именных типа *Много добра; Сколько добра!*, однако в сов-

ременном языке они представляют собой самостоятельную продуктивную модель, по которой могут быть построены конкретные предложения с неограниченным лексическим наполнением. Может быть использовано любое существительное, соотносимое с понятием количества или меры. Для подчеркивания значения избытка, большого количества или меры могут служить частица *-то*, а также повтор: *Смеху-то, смеху!* (Ч.); ср.: *Что смеху-то!* (Остр.) Генитивные предложения бывают распространенными: *Книг разных!* (разг.); ***Ума, ума у вас, дядюшка!*** (Остр.)

Отнесение данных предложений к безличным (см. академическую «Грамматику русского языка») неубедительно. В них не выражается независимый признак и нет формы безличности[1].

СИНОНИМИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ И ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Соотношение различных видов односоставных и двусоставных предложений является сложным и многообразным. Оно проявляется не только в противопоставлении; различные виды односоставных предложений между собой и с двусоставными предложениями могут быть одинаковыми в том или ином плане. В этом заключается существо проблемы синтаксической синонимии данных предложений.

Основанием синтаксической синонимии является тождество семантики и лексического состава при структурном противопоставлении. Приведем наиболее продуктивные синонимические соответствия различных моделей односоставных предложений между собой, а также с двусоставными:

1) обобщенно-личные — инфинитивные: *Задним умом дела не поправишь* (Посл.). — *Задним умом дела не поправить*;

---

[1] Субстантивные предложения в русском языке более разнообразны, чем они представлены в учебнике. В частности, за пределами описания остаются продуктивные отрицательные генитивные предложения типа *Ни деревца; Ни одного дома; Ни капли воды*, в которых главный член (существительное в форме родительного падежа с частицей *ни*) выражает отрицание бытия предмета.

2) номинативные — безличные: *Тишина. — Тихо; Везде веселье. — Везде весело*;

3) номинативные — неопределенно-личные: *В доме шум. — В доме шумят*;

4) двусоставные — безличные: *Течение унесло лодку. — Течением унесло лодку; Девочка была весела. — Девочке было весело*;

5) двусоставные — неопределенно-личные: *Вчера нам читалась лекция о Пушкине. — Вчера нам читали лекцию о Пушкине.*

НЕЧЛЕНИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основным структурным типам простого предложения — двусоставным и односоставным — в русском языке противопоставлены так называемые нечленимые предложения: *«А от чаю всё-таки не откажетесь?» — «Да, пожалуй»* (Остр.); *«Ты, кажется, сочувствовала этой реформе?» — «Нет»* (М. Г.). Нечленимые предложения лишены грамматической формы; в них не выделяются ни главные, ни второстепенные члены предложения. Такие предложения не содержат и не допускают в своем составе спрягаемых форм глагола и поэтому не имеют конкретных модально-временны́х значений.

По функции нечленимые предложения соотносятся с повествовательными, вопросительными, побудительными: *«Я вас с собой возьму». — «Хорошо-с»* (Остр.); *«Потом ты съездишь и привезёшь её к себе. Ладно?» — «Хорошо»* (Ч.); *Цыц, ты! Она тебе больше не слуга* (М. Г.). При этом вопросительные по форме нечленимые предложения могут иметь повествовательно-утвердительное значение: *«Заблудились?» — переспросил Григорий. «А то как же?» — с искренним удивлением ответил Кудинов* (Ш.).

Однако нечленимые предложения не содержат конкретного высказывания. Их содержание сводится к выражению согласия/несогласия с каким-либо высказыванием (чаще всего — другого лица) или эмоциональной реакции на него, а также волеизъявления. Поэтому коммуникативная значимость нечленимых предложений проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляю-

щих речевой контекст: *«Это ветка сирени?» — **«Кажется... да»**, — небрежно отвечала она* (Гонч.); *«Я умру скоро». — **«Полно, что ты!»*** (Остр.)

Абстрактная семантика нечленимых предложений и их неопределенный модально-временной план обусловливаются лексико-грамматической природой используемых слов. В нечленимых предложениях употребляются:

1) частицы *да, нет*, наиболее четко выражающие согласие/несогласие (это их единственная функция): *«Значит, ты к нам надолго?» — **«Нет»*** (Остр.);

2) модальные слова и модальные частицы *конечно, вероятно, пожалуй* и др.: *«Но вы представляете, сколько стоит организация дела?» — **«О, разумеется»*** (А. Т.);

3) междометия *ну!, цыц!, батюшки!* и др.: *«Да разве кругом нас люди живут?» — **«Батюшки! Да кто же, по-твоему?»*** (Остр.);

4) фразеологизмы со значением согласия/несогласия, волеизъявления, модальной или эмоциональной оценки (*как бы не так!, ещё бы!, держи карман шире!, то-то и оно!* и др.): *«А ты разве усидел бы всегда? Никуда бы не поехал?» — **«Ни за что!»*** (Гонч.); *«Не хотите ли у меня поколоть дрова?» — **«Извольте, поколю»*** (Ч.); *«А то сестру жаль! Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно». — **«Уж само собой»*** (Остр.); *«А ведь мне за него отвечать придётся!» — **«То-то вот оно и есть!»*** (Ч.)

Слова всех перечисленных разрядов характеризуются морфологической неизменяемостью. Они не могут входить в словосочетания. Поэтому нечленимые предложения не бывают распространенными: объем предложения совпадает со словом или фразеологизмом. Эта особенность нечленимых предложений подчеркивается другим названием их — *слова́-предложения*. Объем сло́ва-предложения может быть увеличен только за счет частиц, обычно с усилительным значением: *«Григорий! Ты как? Не раздумал? Может, поедем?» — **«Нет уж»*** (Ш.).

В речи нечленимые предложения очень употребительны. Выражение согласия (подтверждения) или несогласия (отрицания) является одним из важнейших моментов общения. Эти значения в чистом виде выражаются словами-предложениями *Да* и *Нет*. Такую же функцию выполняют специальные воен-

но-уставные обороты (*Так точно; Никак нет* и др.): *«Ваша часть за Доном?» — «Так точно»* (Ш.). Кроме того, согласие выражается модальными словами-предложениями, имеющими значение уверенности или предположительности: *«Соскучилась?» — спросила она, взглянув на дочь. — «Конечно»* (Ч.); *«А я к вам, — сказал Лаптев. — Иду потолковать с вашим батюшкой. Он дома?» — «Вероятно», — ответила она* (Ч.); *«Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты...» — «Хорошо, пожалуй», — решил Обломов* (Гонч.). Выражение согласия/несогласия с помощью фразеологизмов дополняется эмоционально-экспрессивными оттенками: *«Любуетесь морем?» — «Ещё бы!» — ответил Лавров* (Пауст.).

Нечленимые предложения, ввиду неопределенности и отвлеченности их семантики, морфологической «бесформенности», нечеткого проявления модально-временно́го значения должны, строго говоря, рассматриваться не как самостоятельные предложения, а как «заменители», эквиваленты предложения.

К нечленимым предложениям близки вокативные конструкции. Формальной основой их является обращение. Однако вокативные предложения выполняют другую функцию: выражают различные чувства (сожаление, огорчение, неприязнь, удивление и др.), а также предостережение, запрет. Эти значения выражаются не именами лиц, употребляемыми в вокативном предложении, а соответствующей интонацией: *Гаев. О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием... Варя* (*умоляюще*). *Дядечка!* (Ч.)

СТРУКТУРА РАСПРОСТРАНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основные структурные типы простого предложения (двусоставные: *Дети проснулись; Зима была снежная; Солнце начинало припекать; Учить детей — нелёгкое дело* и односоставные: *Светало; В дверь постучали; От добра добра не ищут; Быть грозе; Зима; Снегу-то!*) различаются по составу членов предложения: выделяются нераспространенные и распространенные предложения.

Нераспространенные предложения (двусоставные и односоставные) представлены только предикативным

ядром, т. е. главными членами. Главные члены являются основой выражения предикативного значения предложения, опорой синтаксических категорий модальности, времени и лица, которые составляют сущность предикативности. Одновременно главные члены сами по себе достаточны для выражения определенного содержания предложения. Они содержат информацию о предметах действительности, об их признаках. Таким образом, нераспространенное двусоставное или односоставное предложение является минимальным структурным типом простого предложения в русском языке.

Распространителями предикативной основы являются второстепенные члены предложения. Распространенное простое предложение содержит хотя бы один второстепенный член: *Мальчик рисует солнце; Мне уснуть бы; Вдруг звонок!;* максимальное же число их не ограничено. Конечно, распространенные предложения бесконечно разнообразны по числу второстепенных членов, по их функциям, по значению и по форме. Поэтому в курсе синтаксиса современного русского языка изучаются не структурные типы распространенных предложений, а типы второстепенных членов, их функции.

Второстепенный член — это понятие, связанное с грамматической стороной предложения, а не с содержанием его. Второстепенные члены могут быть коммуникативно более важными, более значимыми, чем главные: *Отец остался в городе; Экзамен состоится завтра.* Синтаксическая сущность второстепенного члена заключается в том, что он подчинен главным членам, зависит от них, определяет их и тем самым распространяет предикативную основу предложения.

ФУНКЦИИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Известно, что компонентами структуры предложения являются не отдельные слова как таковые в той или иной форме, а члены предложения. Член предложения может быть представлен либо отдельным словом, либо сочетанием слов, в том числе знаменательных.

Второстепенные члены как распространители предложения выполняют две функции: во-первых, поясняют, рас-

пространяют те или иные слова, во-вторых, поясняют, распространяют предикативную основу предложения в целом. Эти функции соответственно можно назвать присловной и приосно́вной, а выполняющие их члены — присловными и приосно́вными второстепенными членами предложения.

П р и с л о в н ы е второстепенные члены предложения входят в словосочетание с определяемым словом, зависят от него, синтаксически связаны с ним по способу согласования, управления или примыкания. Лексическое значение определяемого слова поясняется, дополняется, уточняется или корректируется с помощью присловного второстепенного члена предложения. Например: *Чиновники **уныло** шагали **на опостылевшую службу*** (А. С.) — каждый из присловных второстепенных членов подчинен определенному слову, образует с ним словосочетание (*шагали уныло, шагали на службу, на опостылевшую службу*).

П р и о с н о́ в н ы е второстепенные члены (в научной литературе их также обозначают термином «детерминанты» или «детерминирующие второстепенные члены») не входят в словосочетание, их форма не мотивирована главными членами предложения. Они поясняют не отдельные главные члены, а всю предикативную основу в целом. Например: ***Кадетом** я писал стихи* (Купр.) — приосновный член *кадетом* соотнесен с содержанием всей предикативной основы, формально не подчинен ни подлежащему, ни сказуемому; приосновный член обладает автономностью не только формы, но и содержания: в нем заключено как бы собственное элементарное высказывание (ср.: ***Будучи кадетом**, я писал стихи; **Когда я был кадетом**, я писал стихи; **Я был кадетом**. Тогда я писал стихи*). Содержание приосно́вного члена мотивирует высказывание, заключенное в предикативной основе: ***С большой высоты** морская вода прозрачна* (А. Т.); ***Кургузый**, под седлом, мерин стал щеголеватей* (Б.).

В структуру простого предложения могут одновременно входить присловные и приосно́вные второстепенные члены. Так, в предложении *Ещё ребенком он поражал учителей своим светлым, бойким умом* (М.-С.) приосно́вный второстепенный член — *ещё ребёнком*, все остальные второстепенные члены являются присловными.

Второстепенные члены могут распространять как главные члены простого предложения, так и другие второстепенные члены. Например, в предложении ***Немногочисленные посетители вяло бродили по дорожкам*** (В.) второстепенные члены непосредственно подчинены главным, а в предложении *Окно* ***из комнаты Федина выходило на террасу над морем*** (Пауст.) с подлежащим связано непосредственно определение *из комнаты*, которому, в свою очередь, подчинено определение *Федина*; со сказуемым — обстоятельство места *на террасу*, распространенное несогласованным определением *над морем*.

Могут быть распространены и второстепенные члены предложения, относящиеся к второстепенным членам: *Сигнальные фонари мерно колебались в воде около* ***береговых у т ё с о в*** (Пауст.). Таким образом, по уровню связи следует различать второстепенные члены, так сказать, «1-й степени», т. е. непосредственно подчиненные главным, затем «2-й степени» и т. д.

При определении степени подчиненности второстепенных членов предложения необходимо учитывать то, что они могут быть выражены словосочетанием синтаксически или функционально целостным, неделимым. Например, в предложении ***Каждую осень я п р о в о ж у на Прорве в палатке по многу суток*** (Пауст.) обстоятельства выражены неделимыми словосочетаниями, поэтому все второстепенные члены — «1-й степени», т. е. непосредственно подчинены главным членам. Причиной неделимости словосочетания может быть метафорическое употребление слова. Например: *Окна с частыми переплётами* ***о б р а щ е н ы на желтоватую стену ржи*** (А. Т.) — дополнение представлено неделимым словосочетанием с метафорическим значением.

При определении членимости предложения и степени подчиненности второстепенных членов нужно учитывать не только наличие синтаксической зависимости, свободной синтаксической связи слов, но и семантику словосочетаний. Так, в предложении *Тотчас за изгородью струилась река с водой цвета крепкого чая* (Пауст.), хотя и существуют свободные связи слов (*река с водой, водой цвета, цвета чая*), определением к подлежащему *река* следует считать словосочетание *с водой цвета чая* и только *крепкого* можно признать определением «2-й степени».

КЛАССИФИКАЦИЯ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как уже было сказано, состав второстепенных членов предложения, их функции, система связей, наконец, их число в конкретном предложении могут быть различными, и потому структура простого предложения характеризуется бесконечным разнообразием. Сами же второстепенные члены могут быть систематизированы на основе тех или иных признаков или показателей.

Ценность классификации определяется тем, в какой мере существенным является признак, положенный в ее основу. В практике преподавания русского языка закрепился принцип классификации второстепенных членов предложения, учитывающий как содержательную, так и формальную их сторону. Основы этого принципа были заложены еще Ф. И. Буслаевым, который рассматривал второстепенные члены «в двояком отношении: 1) по синтаксическому употреблению и 2) по значению»[1].

Данный принцип в современном толковании предполагает классификацию второстепенных членов на основе их синтаксических отношений и синтаксических связей с поясняемым членом предложения. По установившейся традиции на основе этих критериев выделяются следующие типы второстепенных членов предложения: 1) определение; 2) приложение; 3) дополнение; 4) обстоятельства.

В характеристике этих типов второстепенных членов предложения должны быть учтены основные положения учения о словосочетании. Особенно важны принципы и приемы определения синтаксических отношений, выражаемых второстепенными членами, или, иначе говоря, устанавливающиеся между поясняемым и второстепенным членами как компонентами словосочетания, употребляемого при построении предложения.

При описании второстепенных членов предложения основное внимание уделяется анализу общего (категориального) значения второстепенного члена, а также частных значений, в которых оно реализуется в конкретном предложении, — зна-

---

[1] *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 273.

чений, непосредственно связанных с формальными способами выражения их, с определенными показателями. Перейдем к характеристике системы форм второстепенных членов. Центральным пунктом данной системы является оппозиция (противопоставление) «морфологизованные — неморфологизованные второстепенные члены».

Морфологизованные второстепенные члены предложения представлены такими частями речи, такими словоформами, грамматическое значение которых адекватно общему (категориальному) значению данного члена предложения.

Неморфологизованные второстепенные члены предложения представлены такими частями речи, такими словоформами, грамматическое значение которых неадекватно общему значению того или иного второстепенного члена: они совпадают лишь частично. При этом в качестве второстепенного члена используется ограниченный круг словоформ данной части речи, а иногда ограничение затрагивает и лексико-семантический план.

Определение

Определение — это второстепенный член предложения, выражающий общее значение признака, которое реализуется в многообразных частных значениях. В составе предложения определение выполняет преимущественно присловную функцию. Оно может быть подчинено любому члену предложения, выраженному существительным или субстантивированным словом. Определение «1-й степени» относится к подлежащему. Между определением и определяемым словом устанавливаются атрибутивные отношения.

Способы выражения определения многообразны. Морфологизованные определения представлены теми категориями слов, которым значение признака присуще как обобщенное (категориальное) значение части речи или крупного класса слов в пределах части речи: прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, местоимениями-прилагательными. Это классы согласуемых слов. Данную разновидность определений называют согласованными.

Общее значение признака проявляется в указанных категориях слов в виде частных значений, присущих им: качест-

ва, свойства, принадлежности, порядка, признака, создаваемого действием, и т. д.; ср.: *Пристально смотрит на меня **моё круглое, щекастое, курносое** л и ц о **в вишнёвых** р я б и н а х* (Гл.); ***Последняя** п а м я т ь **о лете** исчезла* (Пауст.); *Вопли **начальникова** р е б ё н к а **надоели** наконец нестерпимо* (А. Т.); *Но **этот первый** р а с с к а з **в поезде** запомнился мне особенно резко* (Пауст.); *Под обрывом **на широкой, едва видимой** р е к е горели **красные и жёлтые сторожевые** о г н и* (А. Т.).

Н е м о р ф о л о г и з о в а н н ы е определения представлены теми разрядами слов, теми словоформами, для которых значение признака не является характерным — в этих определениях признак проявляется в виде различных характеристик предмета (определяемого) через многообразные отношения его к другим предметам. Такие определения преимущественно выражаются различными падежными и предложно-падежными словоформами существительных.

Малопродуктивным средством выражения неморфологизованных определений является наречие. Это, во-первых, группа слов с качественным значением, которые причисляются к наречиям несколько условно, в силу своей неизменяемости (*всмятку, навыкате* и др.), хотя с глаголом не сочетаются: *Я утверждаю: смешно кормить слонов я й ц а м и **всмятку!*** (М. Г.) Во-вторых, это качественные и обстоятельственные наречия, употребляемые для определения существительных отглагольных или соотносительных по семантике с таковыми (ср.: *поворот **влево** — повернуть влево; путь **назад** — ехать назад*): *Недаром Параша так дружелюбно относилась к ней и зазывала к себе для каких-то р а з г о в о р о в **наедине*** (Гл.).

Зависимость неморфологизованных определений от определяемого слова проявляется в виде управления или примыкания, поэтому их называют н е с о г л а с о в а н н ы м и.

Конкретные формы и значения неморфологизованных определений многочисленны и разнообразны. Проанализируем закономерности употребления данного вида определений и принципы характеристики их, обращая внимание на наиболее продуктивные.

В качестве несогласованных определений употребляются все формы косвенных падежей существительного как без

предлога, так и с различными предлогами. Выражаемые ими значения складываются из значений падежей, предлогов с учетом обобщенной семантики определяемого и определяющего имен, а при анализе конкретных форм — и содержания высказывания (контекст предложения).

Важность этих критериев удобно показать на употреблении «родительного беспредложного». При определяемом существительном с конкретно-предметным значением эта форма определения выражает принадлежность лицу или предмету: *Никита особенно отметил л и ц о* ***землекопа*** *Тихона Вялова, скуластое, в рыжеватой густой шерсти* (М. Г.); *Даже л и с т ь я* ***ив*** *не шевелились* (Пауст.); *Его фигура в старенькой тёмной рясе почти сливалась с тёмной к о ж е й* ***кресла*** (М. Г.); *За с т е н о й* ***избы*** *по ночам шумел соседский сад* (Пауст.). При определяемом отвлеченном существительном со значением действия, качества данная форма определения выражает отношение к субъекту: *Не было слышно даже п е р е с в и с т ы в а н и я* ***птиц*** (Пауст.); *Р а з г о в о р* ***бабушки*** *с матерью был тихий и задумчивый* (Гл.); *Сладковатый з а п а х водяных лилий смешан с з а п а х о м* ***смолы*** (Пауст.). Однако и при конкретных, и при отвлеченных определяемых существительных указанная форма определения в контексте предложения может приобретать значение сравнения, уподобления: *Рассказывая, Дмитрий с у д о в о л ь с т в и е м* ***извозчика*** *пил чай* (М. Г.); *Он был вдвое старше меня, но обладал л ю б о п ы т с т в о м юного* ***пуделя*** (М. Г.).

Предложно-падежные формы неморфологизованных определений еще более многообразны по значению, более сложны и трудны для анализа: соотношение семантики и формы определяемого слова и определения дополняется значением предлога. Среди этих форм определения можно указать ряд продуктивных:

1) определение в форме творительного падежа с предлогом *с* выражает характеристику предмета по наличию у него (в нем, при нем) другого предмета как существенной детали, как специфического выделительного признака: *Пролётка остановилась около д о м а* ***с мезонином*** (Пауст.); *Редкие х о л м ы* ***с колеями дорог*** *пропадали в тумане* (А. Т.); *С т о л* ***с фруктами*** *уже готов* (Ч.);

2) определение в форме предложного падежа с предлогом *в* выражает характеристику поверхности предмета — 'покрытый чем либо', 'одетый во что-л.': *Бабушка стояла в дверях чулана с голыми р у к а м и **в тесте** и стонала* (Гл.); *В прихожую вошёл ч е л о в е к **в ватнике*** (Пауст.); *Через дорогу видны а м б а р ы **в пышных шапках снега** на крышах* (Гл.);

3) определение, представленное различными предложно-падежными пространственными (локальными) словоформами, выражает характеристику предмета по местоположению, по истоку или направлению его движения, перемещения: *С т е н а **против окошка** скупо оштукатурена грязноватой известью* (М. Г.); *Д в е р ь **на крыльцо** была отворена* (А. Т.); *Свет проникал в темноту из о к н а **над дверью*** (Б.); *И обоим рисуется белая, тихая н о ч ь **в лесу*** (Купр.); *В е т е р **с Ладоги** пересчитывал редкие огни флотилии* (Пауст.); *Лётчик рулил к и з б е **на берегу*** (Пауст.); *Сестра показала нам д о р о г у **в лазарет*** (Пауст.).

Определения в предложно-падежных формах сохраняют и различные другие обстоятельственные оттенки (времени, причины, назначения и т. д.): *Дивный давно привык к моим у х о д а м **на рассвете*** (Пауст.); *Теперь Артемьев ходил в с т о л о в у ю **для выздоравливающих*** (Сим.).

Таким образом, неморфологизованные определения более разнообразны по значению и по форме, чем морфологизованные. Благодаря им существенно расширяются возможности выражения различных по содержанию характеристик предметов в составе конкретных предложений. Определения двух видов не только хорошо дополняют друг друга, но и во многих случаях выступают как синонимы, могут заменять друг друга: *Дорога шла по п р о с е к е **в сосновом лесу*** (Пауст.) — ср.: *лесная просека; Шофёр затормозил у д о м и к а **на окраине*** (Сим.) — ср.: *окраинный домик; Над оврагом сияло голубое н е б о **мая*** (М. Г.) — ср.: *майское небо.*

Приложение

П р и л о ж е н и е — это второстепенный член предложения, который заключает в себе второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным (*сту-*

дент-филолог, Москва-река). Приложение выступает только в аппозитивных словосочетаниях. Подчиненный член этих словосочетаний — приложение — не только называет тот же предмет, который обозначен главным словом, но и поясняет это слово. Отношение приложения к характеризуемому слову определяется их семантикой. Приложение обозначает «свойство-качество или родовой признак господствующего слова»[1].

Подчинение приложения определяемому слову формально не выражается, поэтому говорить о согласовании приложения с определяемым словом нет оснований. Во-первых, в аппозитивных словосочетаниях может не совпадать род или число существительных (*женщина-космонавт, совхоз «Бронницы»* и т. п.). Во-вторых, существительное по своим грамматическим свойствам не принадлежит к согласуемым словам. В-третьих, приложение может иметь, наряду с другими, и форму именительного падежа, а именительный падеж (существительного) по своей природе не призван выражать зависимость. Связь приложения с определяемым словом точнее было бы называть не согласованием, а аппозицией.

В традициях школьной грамматики принято считать приложение разновидностью определения. Однако для этого нет оснований. Значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в функции приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным, характеризующим содержанием. Например: *Но и в светлый день победы вспомним, братцы, за беседой про* **с о л д а т а-сироту** (Тв.); *В окна беззаботно входил черноморский* ***бродяга-в е т е р*** (Пауст.) — приложения *бродяга, сирота*, хотя и близки по семантике к качественным прилагательным, обладают категориальным значением предметности, они более самостоятельны, автономны в сравнении с соответствующими определениями-прилагательными. Совпадение в падежной форме приложения с определяемым словом исключает возможность выражения признака через посредство другого предмета, как это имеет место в несогласованных определениях.

Значение приложения своеобразно. Предметно-номинативный план сочетается в нем с элементами характеристики,

---

[1] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941. С. 279.

оценки, уточнения, добавления по отношению к определяемому слову.

В аппозитивном сочетании двух нарицательных существительных функцию приложения выполняет то, которое обладает качественно-оценочным значением (*бродяга-ветер, солдат-сирота*) или относится к определяемому, как вид к роду: *И речушка — неглубокий родниковый ручеёк — шевелит т р а в о й-осокой у его разутых ног* (Тв.); *К нему нередко приезжали таинственные люди, они все держались, как а к т ё р ы-трагики, которым случайно пришлось играть роли простаков* (М. Г.).

В аппозитивных сочетаниях нарицательного и собственного имен правила установления синтаксической функции их сформулированы с учетом характера имени собственного, роли его в обозначении предмета наряду с именем нарицательным.

Личные имена людей являются основными наименованиями, они играют роль определяемого члена, при этом нарицательные имена характеризуют лицо по полу, возрасту, профессии, роду занятий, социальному положению и т. д. и являются приложениями: *Андрей Васильевич К о в р и н, магистр, утомился и расстроил себе нервы* (Ч.).

Другие собственные имена (названия городов, рек, кораблей, газет и т. д., клички животных) в сочетании с нарицательными именами выражают уточнение, пояснение, выделение и выполняют функции приложения: *Иногда в порт забредали уличные торговцы, и Карцев — секретарь морской г а з е т ы «Маяк» — удивлялся, слушая их диковинные выкрики* (Пауст.); *Вечером в порт вошёл английский п а р о х о д «Песнь Оссиана»* (Пауст.); *Однажды чёрный к о т Степан сидел, как всегда, на крыльце и, не торопясь, умывался* (Пауст.).

Дополнение

Д о п о л н е н и е — это второстепенный член предложения, выражающий общее значение объекта, которое реализуется в разнообразных частных значениях. Дополнение поясняет глагол в различных его формах (включая неспрягаемые),

отдельные семантические группы качественных прилагательных, а также отвлеченные существительные, образованные от глаголов или от прилагательных. Иначе говоря, дополнение может употребляться только при словах, обозначающих или действие, или признак, направленный на объект либо ограниченный объектом.

С учетом принадлежности поясняемого слова к той или иной части речи различаются дополнения приглагольные и приимённые.

Приглагольные дополнения подчинены глаголу в любой форме, а также глагольному фразеологизму и описательному глагольно-именному обороту: *На дачах людские голоса заменило шуршание ящериц* (Пауст.); *И тёплым **ароматом** сохнущего сена несло из степи* (Пауст.); *А в конце улицы, загромождённой **тучами**, тускло догорала мрачно-багровая полоса осеннего заката* (А. Т.); *Но мирному **существованию** Карцева скоро был положен конец* (Пауст.).

Приимённые дополнения подчинены отглагольным существительным (присубстантивные) или качественным прилагательным (приадъективные): *Я ещё утром окончил приёмку **рыбы*** (Пауст.); *Потом наступила пытка **тишиной и молчанием*** (М. Г.); *Его голос, резкий, полный **иронии и презрения к товарищу**, гулко носился по лесу* (М. Г.); *Нет, друзья, любовь жены, — сотню раз проверьте, — на войне сильней **войны** и, быть может, **смерти*** (Тв.).

С учетом средств выражения следует различать дополнения морфологизованные и неморфологизованные. Морфологизованные дополнения представлены формами косвенных падежей существительных и субстантивированных слов (примеры см. выше). Неморфологизованные дополнения представлены инфинитивом (который, как известно, не подвергается субстантивации): *Природа учит нас **понимать** прекрасное* (Пауст.); *Сторож Лука вечно борется с **желанием сбегать** к жене и брату в деревню за семь вёрст от станции* (М. Г.). Инфинитив выражает объектные отношения, замещает имя, требуемое главенствующим глаголом или именем (ср.: *учит пониманию*). Неморфологизованные дополнения непродуктивны.

Морфологизованные дополнения — основной, продуктивный вид. Они различаются по значению, форме, степени зависимости от поясняемого слова. С учетом этих факторов принято разделять дополнения на прямые и косвенные.

П р я м о е дополнение употребляется при переходных глаголах и обозначает предмет, на который непосредственно («прямо») направлено действие и/или который полностью охвачен действием. Прямое дополнение выражается только формой винительного падежа без предлога (при отрицании — формой родительного падежа). Взаимосвязь прямого дополнения с поясняемым глаголом является тесной, ибо глагол без дополнения в полной мере не реализует своего значения и в предложении употреблен быть не может. Например: *Генерал п р о ч ё л* ***приказ*** (Сим.); ***Ключ*** *старуха долго ш а р и т, лезет с печки,* ***сало*** *ж а р и т и, страдая до конца, р а з б и в а е т* ***два яйца*** (Тв.) — здесь глаголы *прочёл, шарит, жарит, разбивает* нуждаются в дополнении, в пояснении, они мотивируют и форму винительного падежа существительных.

К о с в е н н о е дополнение может быть представлено формой любого другого косвенного падежа существительного с предлогом или без предлога, а также формой винительного падежа с предлогом. Выбор формы мотивируется в разной степени, обусловленность ее зависит от семантики глагола, а также от его словообразовательной структуры. Некоторые глаголы требуют только определенных форм дополнения: *Лиза наклонилась и, дрожа, стала близко в г л я д ы в а т ь с я* ***в лицо*** *Андрея Павловича* (В.); *Кому же придёт* ***в голову*** *актрису* ***грамматике*** *у ч и т ь?* (Остр.) Другие допускают варьирование форм и даже могут употребляться без дополнения. Так, в предложении *Потом солнце п р и к а с а е т с я* ***краем к земле*** *и лениво у х о д и т* ***в неё*** *или* ***за неё*** (М. Г.) глагол *прикасается* требует постановки дополнения в строго определенной форме, глагол же *уходит* допускает варианты (*в неё* или *за неё*), а может быть употреблен и без дополнения, если это будет диктоваться содержанием высказывания.

Как уже говорилось, косвенные дополнения разнообразны по значению. Частные значения определяются показателями (формами падежа, предлогами), а также семантикой поясняе-

мых глаголов. Из многочисленных частных значений отметим наиболее существенные:

1) предмета как «точки приложения» действия: *вглядываться в лицо, прикасаться к земле* (ср. значение полноты охвата объекта действием в прямом дополнении: *оглядывать, разглядывать лицо; смешал семена, листы*);

2) адресата действия (форма дательного падежа): *Лизе остро в о ш л о в д у ш у выражение глаз Андрея Павловича* (В.);

3) орудия действия (форма творительного падежа): *Только иногда он б и л ногой кошку под столом* (Гл.).

Аналогичные значения имеют приименные дополнения (ср.: *писать брату — письмо брату; опираться на собственные силы — опора на собственные силы; ударить ногой — удар ногой*). Однако в присубстантивных дополнениях содержатся элементы и оттенки определительного значения, в связи с чем возникает необходимость иметь критерии разграничения присубстантивных дополнений и несогласованных определений.

Обстоятельства

Данный тип второстепенных членов предложения очень разнообразен и разнороден по значению и по форме. О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е второстепенные члены предложения характеризуют действие или признак со стороны их качества, количества или различных условий протекания, проявления их.

Обстоятельство, как и определение, дополнение, может быть морфологизованными и неморфологизованными. М о р ф о л о г и з о в а н н ы е обстоятельства представлены качественными, количественными и обстоятельственными наречиями, н е м о р ф о л о г и з о в а н н ы е — предложно-падежными и падежными формами существительных, а также деепричастием, инфинитивом. Однако деление на морфологизованные и неморфологизованные обстоятельства не совпадает с делением на продуктивные и непродуктивные. Скорее можно говорить о меньшей продуктивности обстоятельств, выраженных наречиями, ибо число их относительно стабильно, и некоторые группы не пополняются новыми словами. Напротив,

падежные и особенно предложно-падежные формы существительных очень активны в функции обстоятельств, в частности их продуктивность возрастает по мере развития и усложнения системы предлогов. Тем не менее наречия, для которых обстоятельственная функция является основной, продолжают оставаться морфологическим эталоном этого члена предложения.

Деление обстоятельств на морфологизованные и неморфологизованные не исчерпывает их системы. Не менее существенна классификация обстоятельств по значению. Она в значительной мере опирается на семантические разряды наречий. В основу определения общей семантики каждого разряда могут быть положены эталонные наречия-местоимения (вопросительные и утвердительные). Однако отдельные разряды не имеют эталона-наречия.

В русском языке можно выделить следующие разряды обстоятельств: 1) качества и образа действия (*как? — так*); 2) количества, меры и степени (*насколько? — настолько*); 3) времени (*когда? — тогда*); 4) места (*где? — там, здесь; куда? — туда*; *откуда? — оттуда*); 5) причины (*почему? — потому*); 6) цели (*зачем? — затем*); 7) условия; 8) уступки (последние два разряда не имеют образцов — местоименных наречий). Для полноты характеристики обстоятельств необходим хотя бы краткий обзор способов выражения указанных семантических разрядов:

1) обстоятельства качества и образа действия выражаются наречиями, деепричастиями, предложно-падежными формами существительных, среди которых можно выделить форму творительного падежа отвлеченных существительных с предлогом *с*: *Говорила она легко, распевно, немного* ***грустно,*** *и слова звучали* ***красиво и необъятно*** (Гл.); *Отец ходил* ***с трудом*** (М. Г.); *Критик писал* ***быстро, без помарок и остановок*** (Ч.); *Некоторое время мы шли* ***молча*** (Сол.); *Город жил* ***на авось*** (Пауст.);

2) обстоятельства количества, меры и степени выражаются соответствующими наречиями (*дважды, очень, много, весьма* и т. п.), а также предложно-падежными формами существительных, из которых наиболее характерна форма родительного падежа с предлогом *до*: *Ввиду приближения*

зимнего времени довольствие лошадей сделалось ***весьма*** *затруднительным* (Арс.);

3) обстоятельства времени выражаются наречиями, разнообразными предложно-падежными формами, а также словосочетаниями. Ряд предлогов специализируется на выражении временны́х значений, и сочетания существительных с этими предлогами весьма употребительны, продуктивны: *Наше село* ***исстари*** *в сапогах ходит* (Гл.); *Фабрика гудела* ***всю ночь*** (Пауст.); ***С утра*** *перед окнами повисла желтоватая пелена* (А. Т.); ***По уходе*** *Саши доктор долго глядел на канделябр* (Ч.); ***Во время дождя*** *кое-где протекала крыша* (Пауст.); ***Перед вечером*** *прошёл недолгий дождь* (Б.); ***После слёз*** *Катя забылась* (А. Т.); ***Только к закату*** *мы вышли на берег озера* (Пауст.); ***Зимами*** *волки подходили к самому озеру* (Пауст.);

4) обстоятельства места со значением месторасположения или направления движения выражаются соответствующими наречиями и падежными формами существительных с пространственными предлогами (*в, на, к, от, вдоль, около, над, перед* и др.): *Дача находилась* ***недалеко от станции в большом парке*** (Ч.); *Ощупью мы вышли* ***на главную улицу*** (Пауст.); ***В гостях, на улице и дома*** *я вижу тонкий профиль твой* (Бл.); *Я шёл* ***вдоль насыпи*** (Ч.);

5) обстоятельства причины представлены немногими наречиями, а также предложно-падежными формами (причинное значение имеют предлоги *от, из, из-за, с, за* и др.): *Не вижу, вчера любимый его стакан фарфоровый* ***разбила сослепа*** (М. Г.); ***От мороза*** *побелели деревья, лошади, бороды* (Ч.); ***За недостатком дров*** *огня большого развести было нельзя* (Арс.);

6) обстоятельства цели выражаются единичными наречиями (*назло, нарочно, затем* и др.), существительными с предлогами *для, на*, а также инфинитивом: *Дочь присутствовала в столовой* ***для украшения стола*** (Купр.); *Вставали гурьбой в прежнем порядке* ***на молитву*** (Гл.); *На станции Зима мы сошли* ***пообедать*** (В.);

7) обстоятельства условия выражаются сочетаниями существительных (главным образом отвлеченных) с предлога-

ми *при, без*; роль специализированного условного предлога играет также предложно-падежная форма *в случае*: ***При таком морозе и бедность вдвое, и вор хитрее, и злодей лютее*** (Ч.); ***Без знания психологии нельзя быть учителем*** (Ч.); ***В случае непослушания или выражения недовольства я прибегаю к более строгим мерам*** (Ч.);

8) обстоятельства уступки выражаются существительными с предлогами *вопреки, несмотря на, невзирая на*: ***Весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение*** (Ч.).

Следует подчеркнуть, что при синтаксическом анализе текста в некоторых случаях трудно бывает точно установить значение и разряд обстоятельства, поскольку в конкретном предложении оно может быть либо осложнено оттенками значения, либо обладать значением, которое неадекватно любому разряду. Так, в предложении ***В полной темноте звуки стали как бы отчётливей*** (М. Г.) обстоятельство имеет сложное значение, в котором можно видеть элементы временнóй характеристики, а также оттенки причинного и условного значения. Такие факты обязывают проявлять осторожность при оценке значений обстоятельств, в отнесении их к тому или иному разряду.

ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Из характеристики типов второстепенных членов предложения видно, что все они обладают специфическими чертами и достаточно четко противопоставлены друг другу по позиции (какой член предложения, какую категорию слов поясняют), по значению, по форме, способам выражения. Однако есть и сходные положения. Во-первых, все второстепенные члены предложения могут быть представлены формами косвенных падежей существительного с предлогами или без предлогов. Во-вторых, при словах одного лексико-грамматического разряда могут быть употреблены второстепенные члены разных типов: при глаголах — дополнения и обстоятельства, при отглагольных существительных — определение и дополнение. Наличие этих двух «точек пересечения» затрудняет решение

практического вопроса: к какому типу следует отнести второстепенный член в конкретном предложении.

В ряде случаев этот вопрос может быть решен однозначно:

1) при существительном с конкретно-предметным значением не может быть дополнения, следовательно, зависимое существительное — несогласованное определение: *Короткая ночь **весны** заметно таяла* (М. Г.);

2) при отглагольном существительном тип второстепенного члена определяется характером выражаемых отношений: зависимое существительное с атрибутивным (в частности, субъектным) значением является определением, а с объектным — дополнением. Так, в предложении *Увлечение **мальчика** ловкостью **артиста** возвышалось до благоговейного чувства* (М. Г.) существительные *мальчика, артиста* — определения, *ловкостью* — дополнение;

3) словоформы с пространственным значением при конкретных существительных являются определениями: *Церковь **в Кижах** я увидел на закате* (Пауст.).

Вместе с тем имеются сложные переходные случаи, когда в члене предложения объективно совмещаются свойства двух типов второстепенных членов. Наиболее ярко это проявляется в употреблении обстоятельственных по значению словоформ (пространственных, временны́х, причинных и т. п.) при отглагольных существительных. Предметное значение определяемого слова обусловливает атрибутивный характер отношений (характеристика предмета), но зависимые словоформы не утрачивают своих обстоятельственных значений: *Дивный давно привык к моим **уходам** **на рассвете*** (Пауст.); *Первая **поездка** **на Волгу** была неудачна* (Пауст.); *Он отбыл пять лет **ссылки** **в Кемь** и снова учился в университете* (М. Г.); *Но этот первый **рассказ** **в поезде** запомнился мне особенно резко* (Пауст.). Такой переходный второстепенный член предложения с «двойным» значением можно было бы назвать обстоятельственным определением.

Совмещение в одной словоформе свойств разных членов предложения квалифицируется как синкретизм. Источником синкретизма является способ выражения (форма), а также позиция члена предложения. Основная причина синк-

ретизма — неморфологизованное выражение второстепенного члена. Так, предложно-падежные и падежные формы существительных сохраняют обстоятельственные оттенки значения в позиции несогласованного определения или косвенного дополнения, объектные оттенки — в позиции обстоятельства или несогласованного определения. Например, в предложении *Мы сели покурить* ***на скамейку над рекой*** (Пауст.) словоформам *на скамейку, над рекой* свойствен синкретизм синтаксического значения: первая совмещает объектное и пространственное значения, вторая — определительное и пространственное. Синкретизм (или, напротив, однозначность) зависит от связи с определяемой словоформой, от позиции по отношению к ней. Например, указанные словоформы при изменении позиции реализуют только одно синтаксическое значение; ср.: ***Над рекой*** *мы сели* ***на скамейку*** *покурить* — приосно́вное обстоятельство места и косвенное дополнение. Позиция словоформы может быть решающей для связи словоформы с определяемым словом и соответственно для ее синтаксического значения. Ср.: а) *Я вспоминаю дом* ***в лесу***; б) *Я вспоминаю* ***в лесу*** *дом*; в) ***В лесу*** *я вспоминаю дом* — синкретическое несогласованное определение с пространственным значением (а), присловное обстоятельство (б), приосно́вное обстоятельство, или пространственный детерминант (в).

Характер грамматической связи словоформы также может быть источником синкретизма. Словоформы с двойным подчинением, с двойной грамматической связью (так называемые дуплексивы) имеют и сложную «двойную» семантику. Например: *Раз Владимир Семёныч, вернувшись со службы домой, застал сестру* ***плачущей*** (Ч.); *Было бы ошибкой назвать такую женщину* ***рассудочной и холодной*** (М. Г.) — прилагательные *рассудочной, холодной*, причастие *плачущей* имеют двойную грамматическую связь: формы рода и числа определяются согласованием с существительным, падеж — управлением глагола. Синтаксическое значение словоформ — п р е д и к а т и в н о е о п р е д е л е н и е.

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что, при учете всех рассмотренных принципов и критериев анализа второстепенных членов, определение типа члена предложения может быть точным и однозначным.

ПОЛНЫЕ И НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Различение полных и неполных предложений очень важно для лингвистической теории и учебной практики. В теоретическом плане понятие полноты/неполноты связано с самой сущностью предложения, с его функциями.

Полнота/неполнота предложения имеет две стороны: смысловую (информативную) и структурную, грамматическую. Смысловая полнота, информативная достаточность каждого предложения как продукта речевой деятельности обеспечивается условиями общения: ситуацией, контекстом, общим опытом участников коммуникации. Если изолировать конкретное предложение от этих условий, оно может оказаться недостаточным, неполным по смыслу. Так, предложение *Младой певец нашёл безвременный конец* (Пушкин этим лаконичным высказыванием заключает сцену гибели Ленского на дуэли) вне контекста не обладает информативной достаточностью, ибо нам неизвестно, кто *младой певец*, что скрывается за словами *нашёл безвременный конец* (ранняя смерть? случайная гибель? прочее?). Смысловая полнота, информативная достаточность не должны быть критерием синтаксического противопоставления полных и неполных предложений. Это противопоставление структурное, грамматическое.

При изучении синтаксиса различение полных и неполных предложений должно быть четким, опираться на строгие языковые критерии. Нельзя превращать «неполные предложения» в инструмент, с помощью которого те или иные нестандартные речевые структуры «подгоняются» под «идеальные» модели предложения. Для этого обычно используется прием «подразумевания» якобы пропущенных слов, смысл которых «подсказывается» содержанием предложения. Такой синтаксический прием имеет давнюю традицию, опирающуюся на авторитет трудов А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. С помощью этого приема доказывается, например, неполнота предложения *Вам телеграмма*, где *вам* якобы поясняет «пропущенное» глагольное сказуемое. Однако для построения таких предложений глагол не требуется: значение бытия предмета выражается существительным в форме именительного падежа, выступающим в качестве главного члена. Для Шахматова и Пешковского «подразумевание» глагола, конечно, не было самоцелью. Оно диктовалось принципами синтакси-

ческой системы: во-первых, признанием обязательной глагольности предложения; во-вторых, убеждением, что предложение (как разновидность словосочетания) должно иметь непрерывную синтаксическую связь слов, в частности, любая зависимая словоформа должна быть соотнесена с господствующей.

Современная синтаксическая наука допускает как возможность оформления предложения без глагола, так и возможность употребления зависимых словоформ вне словосочетания — в качестве приосно́вных членов (детерминантов). В этом проявилось стремление привести синтаксическую теорию в соответствие с фактами живой речи. Новый подход к принципам противопоставления полных и неполных предложений позволяет значительно сузить круг последних (в частности, исключить из числа неполных расчлененные номинативные предложения типа *В доме шум*) и упорядочить их характеристику.

«Полное» и «неполное» следует рассматривать как варианты одного и того же предложения, реализуемые в определенных условиях. Н е п о л н ы м является предложение, в котором пропущен какой-либо член (или группа членов); пропуск его подтверждается наличием в предложении зависимых слов, а также показателями контекста или ситуации речи. Например: *Вдруг дверь каморки быстро распахнулась, и вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы.* ***Гаврила прежде всех*** (Т.) — в выделенном неполном предложении пропущено сказуемое *скатился.*

Виды неполных предложений различаются теми факторами, которые создают возможность пропуска члена (членов), условиями употребления. Основными видами неполных предложений являются контекстуальные и ситуативные.

К о н т е к с т у а л ь н ы е неполные предложения характеризуются пропуском одного или нескольких членов, которые словесно обозначены в контексте. Употребление неполного варианта предложения позволяет избежать повторения одного и того же слова, делает речь ла́коничнее, динамичнее. Состав неполных предложений, условия их употребления различны в монологической и диалогической речи.

В монологической речи говорящий может опустить лексически повторяющийся член предложения (обычно это подле-

жащее или сказуемое): *«Дарья Дмитриевна, какой день чудесный!»... **Она чуть-чуть вздрогнула. Затем подняла на него холодноватые глаза, — в них от света блестели зелёные точки, — улыбнулась ласково и подала руку в белой лайковой перчатке*** (А. Т.); *Спустя время **вышел он во двор. Я — за ним*** (Ш.). Пропуск членов не меняет самой структуры предложения (приведенные примеры содержат двусоставные неполные предложения). Пропуск главных членов предложения в монологической речи характерен для разговорно-обиходного стиля речи и отчасти для художественного повествования; для книжных стилей — научного, делового, публицистического — он нежелателен.

В диалогической речи неполные реплики используются очень широко. В них обычно бывают опущены все повторяющиеся слова, а употребляются лишь те, которые несут новое содержание. В неполных репликах могут опускаться оба главных члена предложения: *«Куда, барчук, идёшь?» — «**В город**»* (А. Т.); *«Припасов много у вас?» — «**Чёрт-те сколько!**» — «**Орудий?**» — «**Восемь, никак**»* (Ш.). Для диалога употребление неполных реплик является нормой. Обычно лишь первая реплика имеет развернутую полную структуру, а последующие, с опорой на нее, строятся как неполные: *«Что это ты мне даёшь?» — «**Деньги**»* (Остр.); *«Дед, я пойду». — «**Куда?**» — «**В город**». — «**Это зачем?**»* (А. С.)

Ситуативные неполные предложения не имеют в своем составе тех членов, словесное оформление которых является излишним, так как их содержание подсказывается ситуацией. Типичной конструкцией неполного ситуативного предложения является сказуемое (или группа сказуемого) при неназванном подлежащем. Предложение обозначает действие либо признак предмета, известного участникам общения: *«Что ваш-то? Со двора, что ли, ушёл?» — спросил дворник. «**Дрыхнет**», — мрачно сказал Захар* (Гонч.; речь идет о барине). Такое же значение и строение имеет ситуативное неполное предложение во «внутренней речи» одного человека: *«**Утешитель!**» — думал он о брате* (М. Г.); *Затем, после очень долгого молчания, он* [Николай Иванович] *с грохотом отодвинул стул и ушёл в кабинет. «**Застрелится**», — подумала Даша* (А. Т.).

Итак, каждое неполное предложение есть вариант полного. Их сопоставлением устанавливается структура неполного предложения, принадлежность его к тому или иному виду односоставных или двусоставных предложений. Само по себе сопоставление вариантов, установление пропущенного члена не должно рассматриваться как свидетельство «ущербности» неполных предложений и предпочтительности полных. Наоборот, в соответствующих сферах монологической и особенно диалогической речи неполные предложения часто предпочитаются полным.

Эллиптические предложения не могут рассматриваться как неполные: *Дети — в лес; Вот я тебя палкой!; Я ему про Фому, а он мне про Ерёму* (Пог.). Они не имеют соотносительных полных вариантов. Неправомерно говорить о пропуске в них сказуемого. Конкретное, словесно обозначенное сказуемое не может быть восстановлено, так как каждое эллиптическое предложение нужно сопоставлять не с одним, а с несколькими глагольными предложениями, включающими всю семантическую группу (например, глаголов движения); ср.: *Дети — в лес. — Дети* ***бросились*** *(**побежали, отправились*** и т. д.) *в лес.* В эллиптических предложениях глагол сокращен без «возмещения» в контексте. Семантика соответствующей группы глаголов в предложении выражается с помощью зависимого члена словосочетания, который своей формой и значением способствует указанию на процесс движения, речи (*в лес, к реке, домой; о деле, про погоду* и т. д.). Эллиптическую модель образует непосредственное соединение субстантивного члена, обозначающего деятеля, и зависимого члена глагольного словосочетания со значением цели движения, объекта речи и т. д.

В речи используются продуктивные модели эллиптических предложений, имеющих семантику движения, перемещения: *Пожар начался. Я — **домой*** (М. Г.); *Солдаты — к окнам* (А. С.); речи-мысли: *«Мы с вами, Катерина Ивановна, встречаемся всегда в хорошие дни». — «Это вы — о погоде?»* (М. Г.); интенсивного физического действия: *Я ко всем с добром, а **вы меня — колом*** (М. Г.).

Широко распространены предложения, в которых сокращаются малочисленные семантические группы или единичные конкретные глаголы: *«А у жены моей зубы разболе-*

*лись». — «**Вы их — парным молоком**»* (М. Г.); *Дверь — настежь. Гости — на порог* (Тв.); *Я за свечку, свечка — в печку* (Чук.); *Я дверь на замок* (Пауст.).

От эллиптических предложений следует отличать устойчивые формулы общения, представляющие собой фразеологизированные безглагольные предложения. Они служат для выражения приветствия, пожелания, привлечения или поддержания внимания и т. п. Эти предложения, по сути дела, не строятся, а воспроизводятся как готовые единицы: *Спокойной ночи!; С праздником!; Что нового?; Как здоровье?; Как дела?; Я к вам* и т. п.

В условиях общения, в контексте конкретные предложения могут квалифицироваться по-разному. Например: *Товарищ решил обратиться к своему тренеру*: ***А я — к вам*** (неполное); И *тут позвонили — приходите*: ***Я — к вам*** (эллиптическое); *Доброе утро! **Я к вам!*** (фразеологизированное).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ОБОСОБЛЕННЫМИ ЧЛЕНАМИ

Структура простого распространенного предложения, содержащего то или иное число второстепенных членов, может быть еще более осложнена путем обособления одного (или нескольких) из них. Понятие сущности обособления, характеристика средств и условий обособления и описание различных типов обособленных членов имеют большую теоретическую и практическую ценность при изучении синтаксиса русского языка.

Обособление — это принадлежность простого предложения, несмотря на некоторое сходство обособленных членов с предикативными частями сложного предложения. А. М. Пешковский, который первым подробно описал обособление, находил в обособленных членах предложения сходство (подобие) с придаточными частями сложного предложения в отношении мелодии и ритма, а также связей с окружающими членами. Например, в предложении *В скалах, **заросших оранжевыми лилиями**, гнездились дикие голуби* (Пауст.) обособленный распространенный член содержит добавочное высказывание, которое могло бы быть оформлено и в виде

придаточного (ср.: *В скалах, которые заросли оранжевыми лилиями...*). Однако обособленные члены предложения, какими бы распространенными по составу и развернутыми по содержанию они ни были, не имеют собственного грамматического ядра, не обладают предикативностью.

СУЩНОСТЬ ОБОСОБЛЕНИЯ

О б о с о б л е н и е — это намеренное ритмико-интонационное и смысловое вычленение в составе конкретного предложения слова или группы слов. Обособляемый член к тому же имеет и ослабленную синтаксическую связь с другими членами. Ср.: *Внизу, в прихожей, часы пробили шесть* (Пауст.). — *Часы в прихожей пробили шесть; Закусок было много, и разных* (Перм.). — *Было много разных закусок.*

Цель обособления — выражение с помощью выделяемого члена некоего добавочного сообщения по поводу одного из слов или всего предложения. На письме обособленный член предложения выделяется знаками препинания.

Средствами обособления являются изменения высоты тона произнесения, ритма, паузы, а также изменение расположения членов, в частности вынесение обособляемого второстепенного члена в абсолютное начало или в конец предложения. Знаки препинания не являются средствами обособления, а лишь передают его в письменной форме речи.

Обособленные члены выполняют по отношению к предложению или к отдельным словам разнообразные функции. Основными из них можно считать следующие:

1) выражение добавочного высказывания: *Над бухтами стоял безмолвный штиль, затянутый вечерним дымом* (Пауст.); *Крупные капли дождя разбивались о землю, превращаясь в пыль и мельчайшие брызги* (Сол.);

2) пояснение, уточнение: *Но тут была ещё и другая, своя маленькая тайна — тайна безымённого озерка* (Сол.); *Вдали налево, в углу садового вала, чернел ельник* (Б.);

3) выделение, ограничение: *На пристани никого не было, кроме сторожа с фонарём* (Пауст.);

4) присоединение: *Минутами я был близок к обмороку — от счастья* (Ст.);

5) сравнение, уподобление: *Скажу по правде, никогда мне не было так весело, **как в этот вечер*** (Купр.); *Больше недели шли холодные, **как в октябре, дожди*** (Шишк.); *Я в деревне скучал, **как щенок взаперти*** (Т.).

УСЛОВИЯ ОБОСОБЛЕНИЯ

Обособленные второстепенные члены предложения очень разнообразны по значению, функции, по способу связи с определяемым словом, по объему и местоположению. Также весьма неоднородны и многочисленны условия обособления второстепенных членов в конкретных предложениях. Но эти условия можно систематизировать, выделив в первую очередь общие условия, существенные для обособления любых членов предложения, а наряду с ними — частные и дополнительные условия.

Наиболее существенными для обособления различных членов предложения являются три общих условия: 1) возможность смыслового выделения, отделения от поясняемого слова; 2) объем члена предложения — более одного знаменательного слова; 3) необычное местоположение относительно определяемого слова.

1. Возможность смыслового выделения, отделения от определяемого слова предполагает отсутствие тесных семантических связей обособляемого члена предложения с поясняемым словом. Это условие, бесспорно, немыслимо по отношению к неполнозначным словам. Его лишены компоненты фразеологических единиц, неделимых оборотов (вроде *дать согласие, иметь вид независимый, произвести впечатление*), синтаксически неделимых словосочетаний (*два бойца, любой из нас, один из мальчиков* и т. п.), а также слова с большой степенью зависимости, обусловленности (сильноуправляемые). Так, в предложении *Во всех этих людях, несмотря на их внешнее различие, Самгин почувствовал нечто единое и раздражающее* (М. Г.) возможностью смыслового выделения не располагают слова *нечто* (тесная зависимость от глагола *почувствовал*, сильное управление), а также *единое и раздражающее*, которые тесно спаяны с неопределенным местоимением в силу его неполнозначности; с другой стороны, возможностью смыслового выделения обладает рас-

пространенное обстоятельство уступки *несмотря на их внешнее различие.*

2. Объем обособляемого члена более одного слова не только означает увеличение смысловой емкости члена предложения и, следовательно, семантической самостоятельности его, но также способствует ослаблению связи обособляемого члена с господствующим по отношению к нему элементом предложения. Ср.: *Ветер, всё ещё сильный, дул теперь с востока* (А. Т.). — *Ветер сильный дул теперь с востока.*

3. Положение обособляемого члена относительно определяемого слова — это перемещение члена предложения с обычного, соответствующего норме, места по отношению к определяемому слову на необычное (из препозиции в постпозицию или наоборот), а в некоторых случаях — отрыв от определяемого слова (дистантное расположение). Ср.: *Изредка в этом дыму мёртво блестело море,* ***похожее на ртуть*** (Пауст.). — *...Блестело похожее на ртуть море; Отец приехал к вечеру,* ***чёрный от пыли, с налитыми кровью глазами*** (Гл.). — *Чёрный от пыли отец...; За кормою,* ***вся в пене,*** *быстро мчится река* (М. Г.). — *...Быстро мчится река вся в пене.*

Частными условиями обособления являются такие лексико-грамматические свойства определяемого или зависимого члена предложения, наличие которых само по себе достаточно для обособления, если даже отсутствуют общие условия (конечно, кроме первого). Примерами частных условий являются:

1) присутствие деепричастия, при наличии которого второстепенный член предложения обособляется в любом объеме и при любом расположении (если оно не утрачивает значения действия): *Трамвай летел,* ***позванивая,*** *к самому морю* (А. Т.);

2) принадлежность определяемого слова к разряду личных местоимений (любой относящийся к нему второстепенный член обособляется при любом положении): ***Лёгкий, быстрый на ногу, очень весёлый,*** *о н был на два года моложе Татьяны* (М. Г.).

Общие условия обособления (кроме случаев наличия частных условий) должны быть представлены в полном наборе: при отсутствии хотя бы одного из них член предложения не обособляется [например, в случае препозиции причастного

оборота: *Неяркое пламя со свистом и хлопаньем горевших в печке сырых д р о в освещало нежилую, наверное уже давно брошенную хозяевами и з б у* (Сим.)].

Однако отсутствующее общее условие может быть возмещено условием дополнительным. Такие условия весьма различны и многочисленны, они применимы только для определенных видов второстепенных членов предложения.

Дополнительным условием обособления обстоятельств является уточняющий характер значения обособляемого члена относительно другого: *З д е с ь, в спальне, царил мёртвый покой* (Ч.).

Дополнительным условием обособления распространенного препозитивного определения может быть оттенок причинного, условного или другого значения, придаваемый этому члену в конкретном предложении: *Над нами кружилось облако комаров, но, закрытые сетками, наши г о л о в ы были неуязвимы* (Шишк.).

В конкретном предложении, с учетом определенной ситуации, тот или иной член может иметь значение «расширенное», т. е. большего объема, чем можно было бы судить по семантике наличных слов, причем «избыточное» значение заимствуется из ситуации, из предшествующего контекста. Такой второстепенный член предложения, заключающий добавочное высказывание, может быть обособлен при неполном наборе общих условий. Например: 1) *Папаша Рубакин, со своими почками, сидел неподалеку в кресле и с любовью и страхом глядел на дочь* (А. Т.) — обособленный член выражает добавочное сообщение о больных почках Рубакина (что известно из предыдущего контекста) и имеет уступительный оттенок, воспринимающийся на фоне последующего сообщения о чувстве, с которым Рубакин смотрел на дочь. При отсутствии «избыточного» содержания и добавочного оттенка член предложения в этих грамматических условиях не был бы обособлен (ср.: *Папаша Рубакин с седыми усами сидел в кресле...*); 2) *К дому нужно было идти по узким деревянным мосточкам, проложенным, ради грязи, между двумя рядами широких столетних лип* (Купр.) — обособление вызвано аналогичным дополнительным условием (предшествующее знание о грязи; добавочный оттенок причины). Подобного рода дополнительные условия, которые реализуются в конкретных предложениях, в конкретной

ситуации, служат объяснением случаев так называемого индивидуально-авторского обособления.

Соотношение общих и дополнительных условий различается в обособленных конструкциях разных типов второстепенных членов.

Обособленные определения

Обособление определений является продуктивным приемом осложнения структуры простого предложения. Благодаря обособлению выражаемый определением признак актуализируется, а все содержание обособленного члена приобретает характер дополнительного «микровысказывания» о предмете, который обозначен определяемым существительным.

В соответствии с общими условиями обособляются определения, представленные прилагательными (а также порядковыми числительными) или причастиями с пояснительными словами и стоящие в постпозиции к определяемому, а также несогласованные распространенные определения, вынесенные в препозицию или отделенные от определяемого слова другими членами предложения: *Запах белой г в о з д и к и, **нагретой солнцем,** наполнял вагоны* (Пауст.); *По обеим сторонам камина стоят ф и к у с ы, **нищенски бедные листьями*** (М. Г.); *Д о м, довольно большой, когда-то белёный, **с блестящей мокрой крышей,** стоял на совершенно голом месте* (Б.).

При отсутствии одного (или двух) из общих условий обособление определений может быть вызвано дополнительными условиями или частными:

1) обособляются любые формы (и в любом положении) определений при личном местоимении: ***Ничем не управляемый изнутри,** я был бессилен перед большими трагическими задачами, стоявшими перед моим творческим чувством* (Ст.);

2) обособляются одиночные согласованные постпозитивные определения, а также несогласованные постпозитивные (обычное положение их), если перед определяемым словом есть другое определение: *Из спальни вела куда-то е щ ё о д н а д в е р ь, **тоже затворенная*** (Ч.); *Э т а к о м н а т а, **окнами на запад и на север,** занимала чуть ли не половину всего дома* (Б.);

3) обособляются препозитивные распространенные определения при наличии добавочного обстоятельственного оттенка (причины, условия, уступки): ***Весь захваченный почтительным восхищением перед этой великолепной живой постройкой, п р о ф е с с о р комкает в кулаке рыжий утюг своей бороды*** (Купр.);

4) обособляются постпозитивные согласованные одиночные определения, если они представляют ряд однородных членов предложения: *А среди дня и река и леса играли множеством солнечных п я т е н — **золотых, синих, зелёных и радужных*** (Пауст.);

5) на обособление определений при отсутствии общих условий может оказывать влияние соседство других обособленных определений: *Прошёл М а к а р о в, **в чёрном строгом костюме, с т р о й н ы й, с е д о й, с нахмуренными бровями*** (М. Г.).

Обособленные приложения

В соответствии с общими условиями обособляются распространенные постпозитивные приложения: *Особенно пронзительно, настойчиво и особенно не в лад хору пел городской голова В о р о п о н о в, **сын тележника*** (М. Г.). Обособляются приложения в любой позиции, если они поясняют личные местоимения: *О н даже снился мне иногда, **этот рояль*** (Пауст.).

Если общие условия представлены неполно, обособление приложения может происходить при наличии дополнительных условий, аналогичных отмеченным для определений: присутствие другого определения перед определяемым словом, добавочный обстоятельственный оттенок значения и пр.

Обособляется также одиночное постпозитивное приложение, если оно имеет уточняющее значение: *О д и н и з с ы н о в е й, **Миша**, заведует опытной ихтиологической станцией на озере Великом* (Пауст.).

Обособленные обстоятельства

Обособление обстоятельств определяется, в первую очередь, общими условиями. Однако немалое значение имеют частные и дополнительные условия. С учетом различных

условий можно выделить три группы обособленных обстоятельств: 1) деепричастия; 2) распространенные обстоятельства; 3) уточняющие обстоятельства.

1. Обстоятельственная функция является основной для деепричастия. Различные взаимоотношения деепричастий с глаголом-сказуемым создают оттенки времени, условия, уступки, причины, цели. Деепричастие, выполняя функцию обстоятельства, как правило, не утрачивает значения процесса, что является основой добавочного высказывания, элементарного сообщения. Эта особенность деепричастия как специфической глагольной формы сама по себе является условием обособления, независимо от наличия пояснительных слов и от положения в тексте: *Мать остановилась, **задыхаясь**, приложила руки к груди* (М. Г.); ***Вернувшись в гостиницу**, Лопатин лёг в постель, **так и не поев в этот день*** (Сим.); *Зайцы, **спасаясь от лыжников**, путали сложные петли* (Пауст.).

Единственной причиной необособления деепричастия служит утрата глагольного значения действия. Она наблюдается, во-первых, во фразеологических единицах, имеющих застывшую форму деепричастного оборота, но обозначающих признак действия: *Своим делом он занимался **спустя рукава**, потому что больница всё ещё строилась* (М.-С.); *Мы **сломя голову** неслись по глубоким ухабам и выбоинам* (А. С.). Во-вторых, не обособляются одиночные деепричастия со значением качественной характеристики действия, близкие по семантике к качественным наречиям или предложно-падежным формам существительного. Ср.: *Яков Артамонов шёл **не торопясь**, сунув руки в карманы* (М. Г.) — *шёл неторопливо; Мать бежала **не оглядываясь** и рыдала на бегу* (Гл.) — *бежала без оглядки; Листва берёз висит **не шелохнувшись*** (Пауст.) — *висит неподвижно, без движения.* Здесь наблюдается частичный контекстуальный переход деепричастий в наречия.

2. Распространенные обстоятельства при необычном расположении относительно определяемого слова (как правило, глагола-сказуемого) обособляются. Это наблюдается в позиции перед сказуемым, в абсолютном начале или в конце предложения, а также в случае дистантного (разъединенного другими словами) расположения относительно

главного члена предложения. Обособляются обстоятельства со значениями причины, условия, уступки, времени: *Вот мы свернули налево и кое-как, **после многих хлопот**, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей* (Л.); *Пароход стал двигаться осторожнее, **из боязни наткнуться на мель*** (Купр.); *Ольга Николаевна, **при всём своём уме**, искренне верила в то, что после объяснения они станут друзьями* (Ш.). Для обособленных обстоятельств данной группы характерно употребление отвлеченных существительных, которые служат ядром добавочного сообщения (см.: *хлопоты, боязнь, ум*). Показателями соответствующих обстоятельственных значений служат предлоги (причинные *от, из, за, из-за, ввиду, благодаря*; условные *при, в случае*; уступительные *вопреки, несмотря на, невзирая на*; временны́е *по, после, перед, во время* и др.).

3. Обособление уточняющих обстоятельств вызывается совершенно иными условиями, чем для рассмотренных ранее членов предложения. При наличии двух обстоятельств одного разряда, поясняющих одно и то же слово, по отношению друг к другу они не равноправны. Одно из них непосредственно поясняет определяемое слово, а другое связано с этим словом через посредство первого обстоятельства и уточняет его значение. Например: *Коврин приехал к Песоцким **вечером, в десятом часу*** (Ч.) — обстоятельство времени *в десятом часу* поясняет, уточняет другое обстоятельство — *вечером*; в то же время оба они определяют глагол-сказуемое *приехал* (*приехал вечером, приехал в десятом часу*). Отношение уточнения составляет основу добавочного высказывания, заключенного в обособленном обстоятельстве. Нужно подчеркнуть, что само по себе наличие двух обстоятельств одинакового разряда не предопределяет обособления одного из них. Только значение уточнения, реализуемое говорящим намеренно, обусловливает обособление. Например: *На другой день, **часу в первом**, Литвинов отправился к Осининым* (Т.) — в этом контексте два обстоятельства могли бы составлять единую обстоятельственную группу без отношений уточнения (*на другой день часу в первом*).

Уточнение обычно заключается в том, что обособленное обстоятельство сужает, ограничивает объем понятия, обозначенного уточняемым членом: *Там, **в вышине**, уже светило лет-*

нее солнце (Пауст.); *Направо, **прямо из-под колёс тележки**, бежал вниз обрыв* (В.); *Не особенно давно, **весною прошлого года**, один мой приятель показывал мне довольно диковинную вещицу* (Купр.). Как правило, обособленные уточняющие обстоятельства имеют значение пространственное или временно́е.

«Обособленные дополнения»

Дополнение по своей сущности является второстепенным членом предложения, очень тесно связанным семантически с поясняемым глаголом, т. е. оно не обладает первым из общих условий обособления (возможность смыслового выделения). Те конструкции, которые в грамматике принято называть обособленными дополнениями, представляют собой ограничительно-выделительные обороты с различными значениями — объектным, субъектным или даже обстоятельственным: *Я купил всё, **кроме тетради**; Вернулись все, **кроме Пети**; Бываю здесь всегда, **кроме субботы**; Не бывал нигде, **кроме Москвы**.* С дополнением эти конструкции сходны лишь по форме — существительное в форме косвенного падежа.

Условием обособления является ограничительно-выделительное значение оборота, которое представляет собой основу добавочного высказывания; ср.: *Прибежали все, **включая соседа**. — Прибежали все, **в том числе прибежал сосед**.* Указанное значение выражается с помощью предлогов *кроме, помимо, вместо, включая, исключая, наряду с* и др.: *Русские литераторы-дворяне, **за исключением всеведавшего Александра Пушкина**, не обратили внимания на фольклор, крайне богатый драматическим материалом* (М. Г.); ***Кроме рек**, в Мещорском крае много каналов* (Пауст.).

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ

Специфика этого вида обособленных конструкций проявляется как в значении, так и в оформлении; особыми являются и условия обособления их.

Сравнение, уподобление как специфическое значение оборота настолько сильно и ярко, что перекрывает, затемняет

свойственные тем или иным членам предложения значения (признака, обстоятельства). Тем самым затрудняется отнесение сравнительного оборота к определенному типу второстепенных членов предложения. Более целесообразно видеть в нем в первую очередь именно сравнительный оборот как особое синтаксическое явление — оборот со значением признака предмета, признака действия и др.: *Чёрные, **как смола**, тени легли на траву* (А. Т.); *Даже в больших городах в это время становится тихо, **как в поле*** (Пауст.). Значение признака предмета или действия выражается благодаря уподоблению их (предмета, действия, состояния и пр.) другим по качеству, количеству и т. д. Значение сравнительного оборота зависит от того, с каким словом он связан. Но надо иметь в виду, что сравнительный оборот, как правило, соотнесен не с одним членом, а с двумя или с предикативной основой предложения в целом (ср.: *чёрные **как смола** — тени **как смола**; тихо **как в поле** — в больших городах **как в поле***).

Наиболее яркими формальными показателями сравнительного оборота являются специальные служебные слова — сравнительные союзы (*как, будто, словно, как будто, точно* и др.): *Сзади, **точно исполинский костёр**, горел лесной склад* (Купр.); *Травинки стелются по дну и постоянно шевелятся, **как живые*** (Сол.); *Но вдруг обледенелые деревья вспыхивали жёлтым огнём, и часто, **будто молотом по железной палубе**, начинали бить зенитки* (Пауст.). При формах сравнительной степени качественных прилагательных и наречий употребляется оборот с союзом *чем*; такой оборот выражает сопоставление: *Надо понять — изучение людей труднее, **чем изучение книг**, написанных о людях* (М. Г.).

Кроме союзов, сравнительный оборот может оформляться с помощью предлогов, имеющих сравнительно-уподобительное значение (*вроде, наподобие, подобно* и др.): *Взволнованный петух... махал крыльями, **подобно авиатору*** (Купр.); *Собор был на южный образец, и в нём, **наподобие католических церквей**, была устроена дубовая резная кафедра* (Купр.).

Семантика добавочного высказывания, заключенного в сравнительном обороте, не равна лексическому значению входящих в него слов. Это высказывание опирается на основное, выраженное составом предложения. Например: *Больше неде-*

*ли шли холодные, **как в октябре, дожди*** (Шишк.) — сравнительный оборот связан со всей основой предложения (*холодные — как в октябре; шли — как в октябре; дожди — как в октябре*); поэтому в предложении следует видеть соединение двух высказываний — основного: *Больше недели шли холодные дожди* и добавочного: *Такие дожди бывают в октябре.*

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обособление — отделение, отчленение (части) членов предложения — может быть вызвано тем, что эти члены добавляются к уже завершенному, законченному предложению. Такую связь называют п р и с о е д и н е н и е м.

Присоединительные члены предложения заключают добавочное содержание, которое вызвано основным высказыванием: *Если мы обратимся к лучшим образцам прозы, то убедимся, что они полны подлинной поэзии. **И живописности*** (Пауст.); *«О чём говорят! — думал Пётр. — Бог дождь не вовремя посылает. Это всё со зла, от зависти, от уродства. **От лени**»* (М. Г.); *Мы сидели друг против друга и говорили. **Впервые за три года*** (Сол.).

Форма присоединительных членов предложения мотивируется определяемым словом (ср.: *говорили впервые за три года*). Эта их связь ослабляется благодаря наличию синтаксических показателей присоединения: расположения слов (только абсолютный конец предложения), интонации (завершенность основной части, значительная пауза), а также союзов. Для присоединения могут использоваться как сочинительные союзы (*и, да, а, зато* и др.), так и специальные присоединительные (*причём, притом, да и, и притом* и др.): *Это мне показалось странным, **и не даром*** (Л.).

Итак, обособленные члены предложения являются очень разнообразными по значению, формальным показателям, по условиям обособления, а также по пунктуационному оформлению в письменной речи. Общим их свойством является выражение в предложении добавочного высказывания, которое взаимодействует с основным, так или иначе дополняя или поясняя его.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

Простое предложение, как распространенное, так и нераспространенное, может быть осложнено однородными членами. Синтаксические отношения в таком предложении включают как сочинение, так и подчинение. Однородные члены синтаксически равноправны по отношению друг к другу, в то же время все они подчинены какому-либо члену предложения или им подчинен какой-либо член. Например: *Заблестели на листьях орешника капли не то росы, не то вчерашнего дождя* (Пауст.) — однородные определения подчинены подлежащему *капли*; *Слышались голоса, храп коней, лязг котелков и чайников, взбулькивание воды, свисты, шорохи* (Шишк.) — однородные подлежащие подчиняют себе сказуемое *слышались*.

Сущность однородности и заключается в одновременном, параллельном подчинении ряда членов тому или иному члену предложения или в господстве по отношению к нему — при полной независимости друг от друга, при полном синтаксическом равенстве. Ряд однородных членов предложения — это сочинительное сочетание слов, в котором ни одно не является главным, господствующим.

Предложение может быть осложнено однородным рядом главных или второстепенных членов. Например: *И всё это: и фонари, и голые деревья, и дома, и небо — отражалось в асфальте* (А. Т.) — ряд однородных подлежащих; *Облака то наплывали на луну, то разлетались* (Шишк.) — ряд однородных сказуемых; *От станций, от паровозов, от вагонов валил густой пар* (Пауст.) — ряд однородных дополнений; *Жалобный плач слышался то за окном, то над крышей, то в печке* (Ч.) — ряд однородных обстоятельств. В предложении может быть несколько рядов однородных членов — главных или второстепенных. Например: *Было душно, сухо, неряшливо, шумно, тесно и сильно пахло не то новой клеёнкой, не то жжёной пробкой, не то щенком* (С.-Ц.) — ряд однородных главных членов безличного предложения и ряд однородных дополнений. Предложение может быть осложнено одновременно однородными рядами подлежащего и сказуемого: *Любуйтесь, запоминайте: тут природа — карнавал. Здесь всё играет и поёт: и море, и горы, и скалы* (Гл.).

УСЛОВИЯ ОДНОРОДНОСТИ

Однородность членов предложения — это синтаксическое явление, которое не вытекает непосредственно ни из морфологических, ни из семантических условий, хотя в известной мере и зависит от них. Так, однородными могут быть члены предложения, представленные или одинаковыми словоформами: *Огонь то вспыхивал, то ослабевал от сгоравших в ламповом стекле зелёных мошек* (Пауст.), или разными: *Таня говорила долго и с большим чувством* (Ч.).

Синтаксическими условиями однородности членов предложения являются: 1) синтаксическая связь с одним и тем же членом как подчиненным или господствующим; 2) однотипность синтаксической функции; 3) отсутствие между членами однородного ряда отношений зависимости. Семантико-синтаксическое условие — это пояснение всеми однородными членами подчиненного или господствующего слова в одной логической плоскости, в одном отношении.

1. Ряд членов предложения одного типа не является однородным, если они поясняют (или их поясняют) разные слова. Например: *Л а е в с к и й то садился у стола, то опять отходил к окну; о н то тушил свечу, то опять зажигал её* (Ч.) — однородными являются сказуемые *садился, отходил* по отношению к подлежащему *Лаевский*, а также *тушил, зажигал* по отношению к подлежащему *он*, однако все четыре глагола-сказуемых не являются однородными.

2. Члены предложения, связанные с одним и тем же словом, как правило, могут быть однородными только при условии, что они выполняют однотипную функцию, т. е. принадлежат к одному разряду (подлежащие, дополнения и т. д.). Так, в предложении *Лошадь дважды ударила копытом по мягкой земле* (М. Г.) члены *дважды* и *копытом* не являются однородными, поскольку *дважды* — обстоятельство, а *копытом* — дополнение.

3. При наличии первых двух условий члены предложения могут быть неоднородными, если они поясняют не только господствующий по отношению к ним член, но и друг друга. Это, в частности, наблюдается при отношениях уточнения. Например: *Вид у него был томный, замученный, и г о в о р и л он еле-еле, чуть дыша, как умирающий* (Ч.) — здесь все обстоятельства, включая сравнительный оборот (все одного разря-

да — образа действия), относятся к глаголу *говорил*, однако не являются однородными, ибо отношения между ними не сочинительные, не равноправные, а отношения уточнения; каждое из них поясняет глагол (*говорил еле-еле; говорил чуть дыша; говорил, как умирающий*), но, кроме того, второе обстоятельство уточняет значение первого, а сравнительный оборот семантически связан и с первым, и со вторым обстоятельством.

Наконец, при наличии всех синтаксических условий однородность предполагает однотипность, логическую одноплановость семантических отношений всех членов ряда и каждого из них к господствующему или к зависимому слову. Так, дополнения в однородном ряду должны иметь значения одного плана (дополнения с различными значениями, хотя и поясняющие одно слово, не являются однородными). Например, в предложении *Лошадь дважды ударила копытом по мягкой земле* (М. Г.) дополнения неоднородные, так как первое имеет значение орудия действия, а второе — объекта, частично охваченного действием («точки приложения» действия).

Однородные обстоятельства, при наличии всех других условий, должны принадлежать к одному разряду. Семантико-синтаксическое условие необходимо и для однородных определений. Известно, что согласованные определения при одном существительном не являются однородными, если они обозначают разноплановые признаки, т. е. поясняют предмет в разных отношениях, определяют с разных сторон: *Цвёл шиповник — спутник **светлых июньских** н о ч е й. В **чистом меркнущем** н е б е реактивный самолёт тянул **свой белый быстрый** с л е д* (Пауст.).

Если же определения поясняют существительное в одном семантическом плане, они являются однородными и на письме разделяются запятыми. Например: *Однажды летом я взял ружьё, припасы и сплавился вёрст на двести вниз по таёжной речке, **в самые глухие, трущобные** м е с т а* (Шишк.); *Толстый слой **серой, холодной** с к у к и висел над городом* (М. Г.); *Весёлые огоньки зажглись **в серых, бесстрашных** г л а з а х Лопахина* (Ш.) — в этих предложениях значение однородных определений может быть подведено под общее (более широкое по объему) понятие (*самые глухие, трущобные* — ‘недоступные’; *серой, холодной* — ‘угнетающей’; *серых, бесстрашных* — ‘лихих’).

При наличии всех рассмотренных условий в однородный ряд могут входить не только члены предложения однотипной формы (см. приведенные примеры), но и существенно различающиеся по оформлению, на первый взгляд, несопоставимые, несоединимые. Например: *Таня говорила **долго и с большим чувством*** (Ч.); *Вокруг либо пожилые семейные мужики, либо зелёные юнцы, у которых на уме ещё **не девки, а залезть бы к кому в огород** за крыжовником* (Сол.); *Так иногда раздражает непрестанный, скучный, как зубная боль, **плач** грудного ребёнка, пронзительное **верещание** канарейки **или если кто беспрерывно и фальшиво свистит в комнате рядом*** (Купр.) — для однородности выделенных рядов решающим условием оказалась именно одноплановость их семантических отношений с поясняемыми или поясняющими словами.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОРОДНОСТИ

Средствами выражения однородности в русском языке являются интонация, союзы, формы слов.

И н т о н а ц и я — это универсальное средство, выступающее как показатель однородности, как показатель сочинительной связи независимо от наличия других средств. Основная особенность интонации однородности — это отделение членов однородного ряда друг от друга, невозможность произнесения их как целостных речевых отрезков — синтагм. Этому способствуют паузы между членами, а также наличие фразового ударения на каждом из них и равномерные повышения тона. Эти черты интонации однородности проявляются как при употреблении союзов, так и при бессоюзном соединении однородных членов предложения. Без союзов они выступают более рельефно: *Стояли чудесные дни, **ослепительно яркие, знойные, безветренные** — благостные дни* (Гл.).

Однако с помощью одной только интонации трудно передать характер отношений между членами однородного ряда, особенно если иметь в виду письменную форму речи. Более четкими показателями отношений являются с о ч и н и т е л ь н ы е с о ю з ы. Выделяются три группы союзов, соответствующие основным видам отношений между однородны-

ми членами предложения: 1) соединительные; 2) противительные; 3) разделительные.

1. Соединительные союзы указывают на простое перечисление однородных членов предложения, которые соединяются в ряд как равноценные, не противоречащие друг другу. К соединительным относятся союзы *и, да, также, как...так и, не только...но и* (а также их варианты) и др.

Основной союз *и*, стилистически нейтральный, выражает «чистое» соединение, перечисление, не вносит никаких оттенков: *И была у меня в этой гостинице мимолётная и интересная встреча* (Пауст.). Другие союзы вносят те или иные стилистические и семантические оттенки: *да* — просторечность; *также* — присоединение; *как...так и* — совместимость; *не только...но и* — допустимость, с акцентированием значительности соединяемых членов и т. п. Ср.: *Я непрерывно искал всё нового как во внутренней актёрской работе, так и в режиссёрском деле* (Ст.); *Горького же в то время не было не только в Петербурге, даже в России* (С.-Ц.); *Хвоя хороша не только от мышей, но и от зайцев* (Сол.).

2. Противительные союзы указывают на несовместимость членов однородного ряда, их противоречие друг другу в соотношении с поясняемым или поясняющим словом, а также на различие их, выявляемое путем сопоставления. К противительным относятся союзы *но, а, зато, хотя, однако, да, не столько...сколько* и др. Все они выражают те или иные видоизменения и оттенки противительных отношений: *но* и *не...а* — противопоставление, несовместимость; *хотя* — уступительность; *зато* — возмещение; *не столько...сколько* — сопоставление и т. п. Ср.: *Это — не правда, а — смерть* (М. Г.); *Я был счастлив и удовлетворён не столько личным актёрским успехом, сколько признанием моего нового метода* (Ст.); *Лошадь, хотя с трудом, но покорно шла иноходью* (Л. Т.); *Уныние не столько тяготило, как успокаивало* (М. Г.).

3. Разделительные союзы указывают на избирательность или чередуемость членов однородного ряда в их соотношении с поясняемым или поясняющим словом. К разделительным относятся союзы *или, либо, то...то, не то...не то, то ли...то ли* (а также их варианты). Они выражают различные виды или оттенки разделительного значения: *или, либо* — альтернативность, т. е. взаимоисключающие значе-

ния однородных членов, связь с поясняемым или поясняющим словом только одного из них; *то...то* — сменяемость, чередование и невозможность одновременного соотношения однородных членов с поясняемым или поясняющим словом; *не то...не то, то ли...то ли* — неясность, неразличимость однородных членов относительно друг друга или неопределенность восприятия говорящим того, что обозначено ими. Ср.: *Всю ночь огонь костра **то** разгорается, **то** гаснет* (Пауст.); *Вокруг **либо** пожилые семейные мужики, **либо** зелёные юнцы* (Сол.); *Губы **то ли** от черники, **то ль** от холода черны* (Тв.); *Узкая дорога рядом с железнодорожной насыпью обрывалась **то в** громадные песчаные ямы, **то в** бесконечное непроходимое болото* (Тих.); *Сейчас ей хотелось плакать **не то** от горя, **не то** от счастья* (Сим.); *...Речонка, рванувшись, затрепыхавшись, вдруг ломает тяжёлые льды, сбрасывает их с себя и предстаёт обнажённая, помутившаяся **не то** со сна, **не то** от негодования* (Сол.).

Союзы и интонация являются основными средствами выражения однородности. Дополнительным показателем является форма самих однородных членов предложения. В сочетании с основными средствами одинаковые формы членов сочинительного ряда подчеркивают их независимость друг от друга и единообразное отношение к поясняемому или поясняющему слову. В частности, повторение предлога в сочинительном ряду предложно-падежных форм подчеркивает однородность их; в то же время и пропуск повторяющегося предлога (в одном или нескольких случаях) является добавочным показателем однородности: *Лошади просыпались **от** каждого шороха, **от** крика перепела, **от** гудка буксирного парохода* (Пауст.); *Уже посинело **над** далёким **поворотом** реки, **над** желтеющими **песками**, **над** обрывистым **берегом**, **над** примолкшим на той стороне **лесом*** (А. С.); *И вот **к** прелести ночного костра, **к** горьковатому **запаху** дыма, **треску** сучьев, **перебеганию** огня и пушистому белому **пеплу** присоединяется ещё и знание завтрашней погоды* (Пауст.).

В выражении однородности в качестве добавочных могут выступать также контекстуальные лексические показатели: повторы, антонимические пары и пр. При этом они могут взаимодействовать с союзами, корректируя их значение и выражая вместе с ними несвойственные этим союзам значения. Так, в

предложении *Но ведь и купец — **когда** торгует, **а когда** и **в** кулак свистит* (А. Т.) лексический повтор наречия *когда* в сочетании с противительным союзом *а* выражает разделительные отношения (ср.: *Купец **то** торгует, **то в** кулак свистит*).

К средствам выражения однородности не следует причислять знаки препинания: они служат для обозначения на письме синтаксического и смыслового членения текста и, следовательно, передают, с большей или меньшей степенью условности, основное средство выражения однородности — интонацию.

СТРУКТУРА СОЧИНИТЕЛЬНОГО РЯДА

Предложение, осложненное однородными членами, не имеет определенной, заданной схемы строения. Его структура может осложняться введением сочинительного ряда в позиции любого члена — главного или второстепенного. Предложение может осложняться сразу несколькими сочинительными рядами. Например: ***Баржа и лодка** возле неё, понемногу терявшие очертания, **неясно и темно** рисовались у берега* (А. С.) — однородные подлежащие и обстоятельства. Могут быть представлены однородными рядами второстепенные члены различной степени подчинения. Предусмотреть все возможности осложнения предложения однородными членами так же невозможно, как и возможности распространения второстепенными членами различной степени подчинения. Однако важно предусмотреть и охарактеризовать структуру самого сочинительного ряда.

Сочинительный ряд может быть замкнутым или незамкнутым. Структура его определяется как видом отношений между однородными членами предложения, так и средствами связи их.

З а м к н у т ы й однородный ряд предопределен сущностью противительных отношений: в нем может быть только два члена, находящихся в оппозиции (противопоставлении): *Солнце **не то чтобы просвечивало** их насквозь, **но всё же проникало** через них* (Сол.). Противопоставленные члены замкнутого сочинительного ряда могут, в свою очередь, представлять собой однородные ряды с соединительными отношениями (незамкнутые), но в целом сохранять двучленную

замкнутую структуру: *Ноздреватый снег **если не таял ещё** явно, не рождал певучих ручьёв, **то** оседал уже, рыхлел, мокрел* (С.-Ц.).

Однородные ряды с отношениями соединительными и разделительными могут иметь замкнутую или незамкнутую структуру в зависимости от средств связи.

Сочинительные ряды с повторяющимися соединительными или разделительными союзами, а также бессоюзные являются незамкнутыми, открытыми для присоединения новых членов: *Стоял **говор, и звук** ножниц, **и шелест** бумаги, **и звук** перьев* (А. С.); *В глазах застыло нехорошее, неопределённое выражение **не то** растерянности, **не то** испуга* (М. Г.); *На перевозе стоял **гам, шум, говор, крики, восклицания, скрип** колёс* (А. С.).

При употреблении одиночных, неповторяющихся союзов или парных союзов (*как...так и, не только...но и* и др.) сочинительный ряд является замкнутым: *Из далёких лесов за лугами осторожно **поднимается** ночь, **скользит** по воде **и стирает** яркие краски вечерней зари* (М. Г.); *Артисту надо **не только** уметь работать **над собой, но и над ролью*** (Ст.).

Способность одиночного союза «замыкать» (закрывать) сочинительный ряд делает возможным расчленять ряды однородных членов предложения на отрезки, т. е. как бы на ряды внутри ряда. Например: *Приметы связаны со всем: **с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью** звёздного света* (Пауст.) — здесь чередованием бессоюзной и союзной связи ряд однородных дополнений расчленен на два замкнутых ряда (*с цветом, росой и туманами; с криком и яркостью*).

Внутреннее расчленение однородного ряда может быть достигнуто вспомогательным лексическим средством, например употреблением антонимов. Так, в предложении *...Искусство казалось мне **то** лёгким, **то** трудным, **то** восхитительным, **то** нестерпимым, **то** радостным, **то** мучительным* (Ст.) однородный ряд с помощью повторяющегося разделительного союза *то...то* внешне оформлен как незамкнутый, но внутри этот ряд с помощью антонимов разделен на три двучленных автономных ряда.

Сочинительные ряды однородных членов, как замкнутые, так и незамкнутые, могут включаться в структуру предложе-

ния с помощью так называемых о б о б щ а ю щ и х с л о в. Обобщающие слова выполняют ту же синтаксическую функцию, что и однородные члены. Например: *В с ё под руками у нас в деревне: лесок так лесок, речка так речка* (Сол.) — обобщающее слово и однородные члены выполняют функцию подлежащего.

Обобщающее слово в предложении открывает или замыкает ряд однородных членов: *Ещё никогда н и к т о: ни человек, ни зверь, ни птица — не сумел уловить момента, когда солнце появляется* (Купр.); *Было тепло, легко, в с ё радовало: и воздух, и небо, и белые облака и весенний простор* (Б.); *Небо, горизонты, день, тонкоструйное марево — в с ё си́нее* (Ш.).

Обобщающее слово представляет собой общее и родовое понятие, под которое подводятся понятия, обозначаемые однородными членами предложения. В качестве обобщающих слов употребляются местоимения и местоименные наречия, а также существительные, обозначающие родовые понятия. Однородные члены поясняют, уточняют, раскрывают содержание обобщающих слов: *Вот уже золотой огонь пронизал в с ё: и небо, и воздух, и землю* (Купр.); *И по меже, и по рву под межою — в с ю д у пестрели цветы* (Б.); *Три молодых д е р е в а растут перед дверью пещеры: липа, берёза и клён* (М. Г.); *Лаял он преимущественно на непонятные в е щ и: на чёрного кота Степана, на самовар, на примус и на ходики* (Пауст.).

Таким образом, ряды однородных членов предложения, очень разнообразные по составу, по выражаемым отношениям и средствам связи, не только осложняют структуру предложения, но и увеличивают возможности выражения многообразных по содержанию высказываний в пределах простого предложения.

КОНСТРУКЦИИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СТРУКТУРУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наряду с предложениями, заключающими сообщение, побуждение или вопрос, в речи употребляются конструкции, не являющиеся самостоятельными предложениями и не входя-

щие в структуру предложения. Они служат для выражения добавочных оттенков, замечаний, отношения говорящего к высказыванию, обращения к собеседнику и т. п. По значению, по форме и по характеру отношения к предложению эти конструкции представляют следующие типы: 1) обращение; 2) «именительный представления»; 3) вводные конструкции; 4) вставные конструкции; 5) междометия.

ОБРАЩЕНИЕ

О б р а щ е н и е употребляется в речи для того, чтобы привлечь внимание собеседника. Само оно не заключает сообщения и непременно употребляется с предложением. Обращение может предшествовать предложению, находиться в середине или в конце его: ***Товарищи казаки!*** *Прошло полтора месяца, как у вас стала советская власть* (Ш.); *Ты не кричи,* ***товарищ,*** *и не говори глупостей* (Ш.); *«Вы не спите,* ***Иван Ильич?»*** *— спросил тихий голос Мельшина* (А. Т.).

Обращение выражается существительным в форме именительного падежа, или субстантивированным словом, или словосочетанием.

Наиболее типичной формой обращения является имя собственное: ***Поля!*** *Пожалуйста, помогите Елене Николаевне* (М. Г.); *Я своими жильцами доволен,* ***Дарья Дмитриевна*** (А. Т.). Часто в роли обращения выступают нарицательные одушевленные существительные: *«****Кондуктор!*** *— крикнул сердитый голос. — Почему не даёте билетов?»* (Пауст.)

В русском языке есть «традиционные» формы обращения (*дорогой мой, друг мой, брат, братец, браток, папаша, молодой человек, милый, матушка, батюшка, голубчик* и т. п.): *И как ты,* ***мать моя,*** *с таким злыднем жила?* (М. Г.); *«****Папаша,*** *— сказал он композитору, — пойдёмте в столовую пообедаем»* (Пауст.); ***Голубчик мой*** [обращение к женщине], *я только умею молчать* (М. Г.).

Обращение может представлять собой не только название лица, к которому обращается говорящий, но и выражать эмоциональное отношение к этому лицу. Это достигается или подбором эмоциональной лексики, или ироническим употреблением слов, словосочетаний: *Хорошо! Я буду помнить это,* ***Соня...*** *буду! Ну, до свиданья,* ***славная моя*** (М. Г.); *Езжай,*

контра! (Ш.); [*Барон:*] *Настёнка подметёт... Эй, ты, **роковая любовь!** Очнись!* (М. Г.) При ироническом обращении может субстантивироваться слово или словосочетание в самых различных формах: *Эй! **«Собственно говоря»!** Иди-ка подотри пол за ребёнком, собственно говоря* (М. Г.).

Употребление обращений имеет прямое отношение к культуре речи. Прежде всего, при вежливом обращении интонация не должна быть резкой, раздраженной, а голос слишком громким. Следует не только избегать в своей речи, но и бороться с употреблением школьниками таких просторечно-грубых обращений, как *малый, тётка, бабка, алло!* (не в телефонном разговоре), *дядечка, хозяин* и т. п. Не нужно пользоваться в обращении к незнакомым людям и такими фамильярными словами, как *парень, дорогуша, красавица, курносая* и т. п. К знакомому принято обращаться по имени или по имени-отчеству, а не по фамилии.

В русском языке есть особая сфера употребления обращения — к предметам и явлениям действительности, а не к лицам: *Так вот ты какая, **Москва!*** (Б. П.) Грамматическая форма обращения в этом случае имеет другое значение: называет предметы, явления, к которым обращается, о которых говорит автор. Этот прием обращения называют олицетворением. Он используется, главным образом, в поэтической речи и является экспрессивным и эмоциональным средством. Эмоциональность и образность олицетворения могут быть усилены с помощью эпитетов: *Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, **донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!*** (Ш.)

«ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ»

«Именительным представления» (А. М. Пешковский) называется конструкция, сходная по форме с обращением. Однако она не содержит обращения к собеседнику. Не заключает она и сообщения. «Именительный представления» только называет предмет или явление, о котором пойдет речь дальше: ***Труд!** Всё сейчас было полно им вокруг* (Пауст.). Без последующего предложения, заключающего определенное высказывание, «именительный представления» не имеет и не может иметь самостоятельного значения. В контексте нередко

подчеркивается, что «именительный представления» — это лишь слово, а не предложение: *Сибирь! Москва! Два эти слова звучали именем страны* (Тв.). «Именительный представления» как бы предупреждает о значительности того, что будет сказано о данном предмете. Поэтому употребление «именительного представления» в основном свойственно поэтической речи, где он является экспрессивным и эмоциональным средством: *Сибирь! Леса и горы скопом, земли довольно...* (Тв.); *Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось* (Л.).

В поэтической речи бывает не просто отличить «именительный представления» от обращения (олицетворения): форма совпадает, обе конструкции эмоциональны и образны. Для разграничения их важно учесть то, что при обращении в контексте есть прямое или косвенное указание на 2-е лицо, а при «именительном представления» — на 3-е лицо. Ср.: *Урал! Завет веков и вместе — предвестье будущих времён... и в наши души, точно песня, могучим басом входит он* (Тв.) — «именительный представления»; *Урал! Я нынче еду мимо, и что-то сжалося в груди: тебя, как будто край родимый, я оставляю позади* (Тв.) — олицетворение; при внимательном анализе видно различие и в их значении: в первом случае *Урал!* звучит многозначительным предупреждением о последующем высказывании, вызывает представление о соответствующем явлении.

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Вводные конструкции служат для выражения различного рода оценок содержания предложения. Их значение лишено лексической конкретности, индивидуальности, — оно имеет отвлеченный грамматический характер. Например: *Очевидно, в шкатулке соскочила какая-нибудь пружина* (Пауст.) — слово *очевидно* выражает грамматическое значение предположения.

Вводные конструкции не входят в структуру предложения, не являются его частью и не представляют собой самостоятельных предложений. Однако это не означает, что они безразличны для предложения и что их пропуск ничего не меняет (так нередко рассуждают в школьной практике). При

устранении вводной конструкции предложение теря
грамматический оттенок, который она выражала, и, сл
тельно, содержание приобретает несколько иной хар
Так, предложение *Без тебя, **вероятно**, я бы погиб*
при устранении вводной конструкции, приобретая к
рический характер (*Без тебя я бы погиб*), существенно
ется; но его основное содержание, грамматическая ст
ра, состав членов и отношения между ними остаются
менными.

Вводные конструкции в предложении интонационно
ляются. Они произносятся обычно пониженным тоном
ляются паузами от членов предложения. Если вводная
рукция включена в середину предложения, то его инто
«размыкается»: *Солдатов тягот одиночества, **видим***
чувствовал (Ш.). На письме вводные конструкции выде
ся запятыми, иногда — тире. По составу вводные кон
ции могут быть:

1) одиночными словами: *Человек, работавший в*
*комнате, **видимо**, был педант* (Сим.);

2) сочетаниями слов: *От него тянуло бензином. П**
***видимости**, это был тракторист* (Пауст.);

3) предложениями: *Бета считалась умницей, н*
*пенсне и, **как говорили**, хотела даже когда-то пост*
на курсы (Купр.).

Однако разные по составу вводные конструкции вы
ют одинаковые функции, поэтому мы будем пользовать
мином «вводные конструкции», объединяющим вводны
ва, словосочетания и предложения.

По значению вводные конструкции делятся на следу
группы:

1) указывающие на степень достоверности сообщени

2) выражающие эмоциональную оценку сообщения;

3) указывающие на источник сообщения;

4) оценивающие способ выражения мысли;

5) указывающие на степень обычности излагаемы
тов;

6) обращенные к собеседнику с целью привлечь или
дить его внимание;

7) указывающие на отношения между частями выск
ния.

1. Вводные конструкции, указывающие на степень достоверности сообщения, оценивают содержание предложения как бесспорное, как предполагаемое или возможное.

Со значением бесспорности употребляются такие вводные конструкции, как *бесспорно, конечно, разумеется, без сомнения, без всякого сомнения, факт, само собой* и др.: *Причиной этому, **без сомнения**, было нравственное и физическое переутомление* (Купр.); *Музей был, **конечно**, закрыт* (Пауст.); *Доктор, **действительно**, лежал на диване...* (Купр.)

Возможность или предположение выражаются вводными конструкциями *видимо, кажется, надо полагать, видать, может быть, возможно, пожалуй, по всей вероятности* и др.: *У автобусной стоянки стояла небольшая очередь, **кажется**, уже отчаявшихся дождаться автобуса людей с чемоданами* (Сим.); *«**Может быть**, уже пора продолжать репетицию?» — напомнила Лидочка* (М. Г.); *Теперь, **по всей вероятности**, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо* (Ч.).

2. Вводные конструкции, выражающие эмоциональную оценку сообщения, включают слова, называющие чувства: *счастье, радость, огорчение, стыд* и др. С ними могут сочетаться слова, указывающие, кто испытывает чувство, т. е. кому принадлежит эмоциональная оценка содержания: *к стыду **моему**, к **его** огорчению, на **её** счастье* и др. В состав вводных конструкций могут также входить слова *к моему великому огорчению, к его неожиданной радости* и др., обозначающие полноту, степень проявления чувства или его оценку: *Час назад ему, **к его радости**, позвонил с нового места один из начальников и сказал, что скоро вернётся сюда с группой работников* (Сим.); *Я, **к сожалению**, должен прибавить, что в том же году Павла не стало* (Т.); *Лошадка его, **к истинному моему удивлению**, бежала очень недурно* (Т.); *Наконец, **к неописанной нашей радости**, Ермолай вернулся* (Т.).

3. Вводные конструкции, указывающие на источник сообщения, включают слова: *мнение, предположение, слова* и др. С ними могут сочетаться слова *по **моему** мнению, по **его** словам, по **нашему** предположению, как **мы** полагаем; **по-моему**, **по-твоему*** и др., уточняющие, кому принадлежит

мнение и т. д. и кому, следовательно, приписывается сообщение: ***По-вашему,*** *всё это мелочи, пустяки, но поймите же, что этих мелочей так много...* (Ч.); *В каюте Иван Ильич просидел часа три, придумывая, как объяснить Даше свой,* ***по его пониманию,*** *пошлый и навязчивый поступок* (А. Т.); *О самом Кукушкине, который был,* ***по его мнению,*** *большим прохвостом, Малинин со злостью подумал, что этот выкрутится* (Сим.); *В молодости,* ***по его словам,*** *он даже плавал на шхунах, возивших херсонские вишни* (Пауст.).

4. Вводные конструкции *по правде сказать, признаться, откровенно говоря, говоря попросту* и др. оценивают способ выражения мысли: ***Между нами говоря,*** *чуть было уже не законопатили тебя на Карельский* [фронт] (Сим.); *Ещё,* ***признаться,*** *грунт хорош, а то бывает — камень* (Тв.); ***Строго говоря,*** *дивизией он с мирного времени не командовал* (Сим.).

5. Вводные конструкции *бывает, как обычно, как обычно бывает, как правило, случается, как водится, как иногда случается* и др. указывают на степень обычности излагаемых фактов: *Ермолай стрелял,* ***как всегда,*** *победоносно, я — довольно плохо,* ***по обыкновению*** (Т.); *Тем, однако, дорожи, что,* ***случалось,*** *врал для смеха, никогда не лгал для лжи* (Тв.); *Герасим... ввалился в дом со своей ношей, а Муму,* ***по обыкновению,*** *осталась его дожидаться* (Т.). Вводные конструкции этого типа немногочисленны. Они указывают на повторяемость, периодичность сообщаемых фактов или, наоборот, на их случайность, единичность.

6. Вводные конструкции, обращенные к собеседнику с целью возбудить его внимание, вызвать его отклик на высказывание, отличает наиболее неясное и неопределенное значение. Это такие конструкции, как *знаешь, знаете, знаете ли, понимаете, видите ли, изволите видеть* (устар.), *судите сами, согласитесь* и др. Они близки к частицам. Их употребление нередко вызвано взволнованностью говорящего или сбивчивостью его мыслей: *Однако,* ***знаете,*** *мне стало грустно... Тяжело как-то* (М. Г.); *Ведь,* ***судите сами,*** *выкрасть из дел какой-нибудь документ, вексель и прочее — минутное дело!* (Ч.); *Да, я герой... А он мне даёт комические роли. Нелепо же,* ***согласитесь!*** (М. Г.); ***Слышь,*** *подкинь ещё одну ложечку такую, я вторую, брат, войну на веку воюю*

(Тв.); *...Сапожника Алёшу в часть отвёз. Лёг,* ***понимаешь,*** *среди улицы, играет на гармонии и орёт...* (М. Г.)

7. Вводные конструкции, указывающие на отношения между частями высказывания, по своему значению сближаются с союзами. Они могут указывать на следование одних фактов за другими при перечислении (*во-первых, во-вторых* и т. д.; *наконец* и др.): *Краснов от прямого ответа ускользнул, предложив взамен совместный поход на Царицын, для того, чтобы,* ***во-первых,*** *овладеть крупнейшим стратегическим центром и,* ***во-вторых,*** *удержав его, соединиться с уральскими казаками* (Ш.); *Но,* ***во-первых,*** *больная, действительно, находилась в отчаянии;* ***а во-вторых,*** *надо правду сказать, я сам чувствовал к ней расположение* (Т.).

Вводные конструкции *напротив, наоборот, впрочем* и др., *правда* (с оттенком уступительности) указывают на противопоставление содержания предложения предыдущему высказыванию: *Калужская деревня,* ***напротив,*** *большею частью окружена лесом* (Т.); [*Бобров*] *тихонько отыскал свою шляпу и осторожно вышел на крыльцо. Его ухода,* ***впрочем,*** *и так никто бы не заметил* (Купр.); *Прошли ровно сутки, и Синцов стоял снова перед тем же самым зданием райкома.* ***Правда,*** *здание было уже не совсем то же самое: в половине окон вылетели стёкла* (Сим.).

Вводные конструкции *следовательно, значит, выходит, стало быть* и др. могут показывать, что содержание предложения логически вытекает из предшествующего высказывания как его следствие: *Я уснул в полночь.* ***Значит,*** *за два часа так необыкновенно изменилась земля* [выпал снег] (Пауст.).

С помощью вводной конструкции может также выражаться вывод, обобщение, заключение (*итак, вообще, таким образом* и др.): *У неё уже давно вошло в привычку дразнить Боброва его лошадью, к которой он был так привязан.* ***Вообще,*** *в доме Зиненок вечно кого-нибудь и чем-нибудь дразнили* (Купр.).

Вводные конструкции имеют сложную систему значений. Их употребление в речи не только оправданно, но и совершенно необходимо. Однако неумеренное и неправильное использование вводных конструкций (например, таких, как *скажем,*

так сказать, к примеру, понимаешь и т. п.) делает речь неблагозвучной, косноязычной, тусклой, вызывающей неприязнь и раздражение слушателей, а порой и непонятной.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Вставные конструкции используются для выражения добавочных замечаний, пояснений, уточнений и т. п. Они не входят в структуру предложения, с которым употребляются (этим они сходны с вводными конструкциями). Однако, в отличие от вводных, вставные конструкции выражают конкретное содержание, которое тесно связано с содержанием предложения: *До берега было около двухсот шагов, Ермолай шёл смело и безостановочно* (***так хорошо заметил он дорогу***), *лишь изредка покрикивая: «Левей, тут направо колдобина!»* (Т.)

По структуре вставная конструкция является или отдельным словом, или словосочетанием, или предложением, простым или сложным: *Правда, хозяева и гости, — **а среди них были почти все молодые поэты, посещавшие вторники у Смоковниковых**, — сидели на неоструганных досках, положенных на обрубки дерева* (***дар Телегина***) (А. Т.).

В речи вставные конструкции интонационно выделяются из состава предложения: они произносятся пониженным тоном, в ускоренном темпе, обычно без логического ударения на каких-либо словах. Интонация предложения «размыкается» вставной конструкцией. На письме вставные конструкции выделяются, как правило, скобками, реже — тире или запятыми: *На подоконнике* (***в комнате был только один стул***) *полулежал присланный из Вешенской милиционер Ольшанов* (Ш.); *Калиныч, **как я узнал после, каждый день ходил с барином на охоту*** (Т.).

По содержанию и смысловым связям с предложением вставные конструкции очень разнообразны. Они могут заключать в себе название или описание какого-либо предмета, лица, упомянутого в предложении: *На маленьком озере — **оно называлось Лариным прудом** — всегда плавало много ряски* (Пауст.); уточнение количественного характера: *Иван Ильич за всю свою жизнь* (***ему недавно исполнилось двадцать девять лет***) *влюблялся раз шесть* (А. Т.); *Через не-*

сколько дней мы четверо (***не считая всевидящих и вездесущих мальчишек***) *так сдружились, что почти всюду ходили вчетвером* (Пауст.).

Вставные конструкции могут выражать причину действия, события, явления, описываемого в предложении: *Пётр Михайлович сел на другой конец стола* (***он не любил тётки***) *и стал молча пить чай* (Ч.); выражать значение следствия: *Слышно было по Дону, как где-то, не ближе Усть-Хопёрской, глухо гудели орудия и совсем тихо* (***нужно было припадать ухом к промёрзлой земле***) *выстрачивали пулемёты* (Ш.).

Для пояснения содержания всего предложения или отдельных его частей также служат вставные конструкции: *Фельдшер нехотя тронулся с места* (***ему как будто хотелось ещё что-то сказать***), *пошёл в переднюю и остановился там в раздумье* (Ч.); они могут содержать и добавочное сообщение: *Клевета Кузяря разозлила меня не во время его рассказа* (***я слушал его разинув рот***), *а в тот момент, когда он нагло хотел наскочить на меня* (Гл.).

Кроме того, вставные конструкции могут выражать эмоциональную оценку высказывания или его части: *Наденьте на голову такому человеку вместо шляпы — солнце, — **что может быть великолепнее!** — он всё же будет ныть и жаловаться: «Ах, я так несчастен! Я так одинок!»* (М. Г.)

Обычно вставные конструкции включаются в предложение без помощи специальных слов, но иногда и при посредстве союзов или относительных слов: *Фельдшер Михаил Захарыч* (***это был он***) *тихо кашлянул и несмело вошёл в кабинет* (Ч.); *Синцов, **как это скоро выяснилось**, действительно оказался человеком бывалым и умел обращаться с оружием* (Сим.). При наличии союзов и относительных слов вставные конструкции сходны с придаточными частями сложного предложения, но в отличие от них не образуют с предложением синтаксического единства, а по содержанию представляют собой сообщение добавочное, не сливающееся с основным высказыванием. Ср.: *Когда это пройдёт, — **если это пройдёт**, — тогда увидимся* (А. Т.). — *Если это пройдёт, тогда увидимся* (союз *если* присоединяет придаточную условную часть).

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия обычно не входят в состав предложения в качестве его членов. Употребляясь с предложением, они непосредственно выражают чувство, о котором далее идет речь, или придают эмоциональную окраску предложению. Например: *«Э! — подумал я, — да он сочиняет»* (Т.) — междометие выражает удивление; *Эх, старик! Ну и жаль мне тебя! Прощай!* (М. Г.) — междометие выражает чувство жалости, о котором говорится далее. В предложении *Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, — житьё ваше — о-ой!* (М. Г.) междометие *о-ой* употреблено иносказательно и является членом предложения — сказуемым (ср.: *...житьё ваше неважное, тяжёлое, нерадостное*).

Междометия часто употребляются с восклицательными предложениями, поэтому эмоциональность выражается не только междометием, но и восклицательной интонацией предложения.

В качестве самостоятельных нечленимых предложений междометия, из-за неопределенности, неустойчивости своего значения, употребляются редко.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение представляет собой структурное, смысловое и интонационное объединение предикативных единиц, грамматически аналогичных простому предложению. Отличие сложного предложения от простого не количественное, а качественное. Сложное предложение имеет собственное грамматическое значение и грамматическую форму, собственные структурные показатели.

Грамматическое значение сложного предложения — это типизированные синтаксические отношения между его частями. Нет особой предикативности сложного предложения, — она оформлена в каждой предикативной части, где выражены модальность, время, лицо. Например: *Что-то начало мне мерещиться, как если бы ночью снился сон, от которого остались одни обрывки* (Сол.) — во всех частях оформлено временно́е значение (в первой — прошедшее, во

второй и третьей — временна́я неопределенность), модальное значение (соответственно — реальное и ирреальное). Однако эти значения в структуре сложного предложения взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга; возникают особые значения — относительное время, условная модальность: *Было б поле, найдём и сошку* (Посл.).

В русском языке сложное предложение располагает набором средств, с помощью которых соединяются предикативные части и выражаются отношения между ними: интонация, союзы (см. *как если бы*) и союзные слова (см. *от которого*), а также соотношение глагольных форм (см. *было б — найдём*), указательные слова [*Что мне не нужно, без того я обойдусь* (С.-Ц.)]. Эти показатели создают форму сложного предложения. С учетом указанных средств и выражаемых ими отношений сложные предложения разделяются на два структурных типа: союзные сложные и бессоюзные сложные; далее союзные сложные также разделяются на два структурно-семантических подтипа: сложносочиненные и сложноподчиненные.

СОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структура союзных сложных предложений определяется количеством предикативных частей и их строением, а грамматическая форма представлена союзными средствами: союзами, союзными (относительными) словами, указательными словами — вспомогательными контактными местоименными словами *тот, такой, таков, там, тогда.* Союзные средства называют также с к р е п а м и.

Семантика союзных средств, а также их корреляция, соотносительность (*такой...какой, тот...кто, туда...куда, столько...сколько; так...что, такой...будто, так...чтобы* и т. д.), оформляют семантико-грамматические отношения между предикативными частями предложения.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С л о ж н о с о ч и н е н н о е предложение выражает значение грамматической равнозначности. Основным показателем этого значения, и одновременно средством связи частей в це-

лое и выражения определенных отношений, является сочинительный союз. Он создает грамматическую форму сложносочиненного предложения, поэтому не принадлежит ни одной из предикативных частей: *Всё небо заволокло облаками, и стал накрапывать редкий, мелкий дождь* (Ч.).

Соединяемые предикативные единицы являются равноправными и относительно автономными, но в некоторых случаях одна из них поясняет отдельные компоненты другой: *Комната была б о л ь ш а я, светлая, но всё в ней было расставлено и навалено без толку* (Гайд.); *Мне не хотелось д о м о й, да и незачем было идти туда* (Ч.). Значение равнозначности может подчеркиваться, усиливаться с помощью координаторов однородности — общих членов: *А в е ч е р о м была для всех ёлка и все дружно встречали Новый год* (Гайд.).

Структурным фактором сложносочиненного предложения является открытость/закрытость, причем открытость предполагает наличие более чем двух частей. Таким образом, элементарное сложносочиненное предложение включает две или более части, но выражает один вид отношений. Для оформления разных видов отношений используется у с л о ж н е н н о е сложносочиненное предложение: *Шёл дождь, и от сильного ветра шумели деревья, но в потёмках не было видно ни дождя, ни деревьев* (Ч.).

Общее значение грамматической равнозначности, аналогичности проявляется в сложносочиненном предложении в виде определенных семантико-грамматических отношений. Они опираются на семантику сочинительных союзов. Дополнительными факторами, формирующими эти отношения, являются: координация форм вида, наклонения, времени глаголов-сказуемых или связок; лексико-семантические отношения синонимии и антонимии; лексические элементы с общеуказательным значением (*потом, поэтому, из-за этого, для этого, при этом, вследствие этого* и др.), включая м е т а с л о в а (*время от времени, иногда, одновременно, по временам, с тех пор, в это время, до сих пор* и др.); *Я уехал тогда от брата рано утром, и с т е х п о р для меня стало невыносимо бывать в городе* (Ч.).

Основными видами семантико-грамматических значений сложносочиненных предложений являются соединительные,

противительные и разделительные, соответствующие семантике сочинительных союзов. В них, в свою очередь, следует различать более узкие, частные значения.

Соединительные предложения

Значение однородности выражается в перечислении однотипных событий, ситуаций, что оформляется соединительными союзами. Основной союз *и* имеет общее соединительное значение: *Горели фонари, и над домами стояла луна* (А. С.). Оно может дополняться оттенком результата, следствия: *Подпочвенная вода лежит очень глубоко, и колодцы к лету пересыхают* (Пауст.). Повторяющийся союз *ни...ни* употребляется при отрицании, усиливает его. Оба эти союза оформляют незамкнутую структуру.

Градационные союзы *как...так и, не только...но (и)* подчеркивают обязательный характер соединения, усиливают значение сходства, аналогичности: *Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него* (Герц.). Они оформляют замкнутую структуру.

Соединительные отношения устанавливаются на фоне одновременности/разновременности, опирающейся на соотношение видо-временны́х форм глаголов-сказуемых или связок. Например: *Простор комнаты пустынен, и сумрак её холоден* (М. Г.) — одновременность; *Лес окончился, и рота вошла в деревеньку* (А. Т.) — последовательность.

Общим основанием значения одновременности являются глаголы несовершенного вида в обеих частях сложного предложения, а разновременности — глаголы совершенного вида. Эти значения подчеркиваются или корректируются упомянутыми выше лексическими показателями. Например: *В эту ночь в саду шелестел дождь, и п о т о м несколько дней держалось ненастье* (Ник.) — значение последовательности выражено лексически (*потом*), несмотря на глаголы несовершенного вида.

Употребление разных видовых форм затемняет временны́е отношения, они уточняются с помощью «полуслужебных» лексических элементов *ещё, уже, вдруг, опять, наконец.* Например: *В лесах становилось всё сумрачнее, всё тише, и н а к о н е ц пошёл густой снег* (Пауст.) — последователь-

ность; *Бушевала метель, и небо е щ ё не прояснилось* (А. Т.) — одновременность.

Основной союз *и* выражает соединительные отношения «в чистом виде», все оттенки, отмечаемые в сложносочиненных соединительных предложениях, вносятся не союзом, а добавочными показателями. Например: *На земле жилось нелегко, и п о э т о м у я очень полюбил небо* (М. Г.) — оттенок следствия; *С четырёх часов Невский проспект пуст, и в р я д л и вы встретите на нём хотя одного чиновника* (Г.) — значение результата. Значения результата, следствия могут быть чисто семантическими, т. е. отражающими реальное соотношение событий, положений и не имеющими специальных показателей: *Вечер настал, и родились вечерние звуки* (Булг.); *Далеко в разрывах мягких туч светило широкими лучами солнце, и степь дымилась и блестела* (Пауст.).

Употребление других соединительных союзов ограниченно. Союзы *тоже* и *также*, наряду с основным значением соединения, вносят оттенки отождествления и присоединения: *Дочь училась дома и росла хорошо, мальчик тоже учился недурно* (Л. Т.). Следует обратить внимание на то, что эти союзы стоят не на «положенном» им месте, т. е. между соединяемыми предикативными частями, а внутри второй предикативной части (поэтому их часто не замечают и определяют сложносочиненное предложение как бессоюзное сложное).

Союз *да* по значению аналогичен основному соединительному союзу *и*, но отличается сниженной (разговорной) стилистической окраской: *У церкви сиротливо мерцал одинокий фонарь, да ещё здание школы светилось огнями* (Шишк.).

Характер соединительных отношений допускает построение сложносочиненного предложения открытой структуры, т. е. употребление предикативных частей в количестве более двух:

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,

Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны! (Л.)

Противительные предложения

В сложносочиненных противительных предложениях выражаются отношения п р о т и в о п о л о ж н о с т и, несовместимости; их грамматическая форма создается союзами *а, но, да, однако, же, зато.* Главными, доминантными являются союзы *а* с сопоставительной семантикой и *но* со значением противопоставления. Все другие противительные союзы имеют ограниченное употребление в силу стилистических (*да* — архаичность, разговорность; *однако, же* — книжность) или семантических оттенков.

Все предложения с противительными союзами имеют закрытую структуру: *Люди переходили затопленные места без особых затруднений, лошадям же опять досталось* (Арс.); *Река ещё текла в проране, но тихо было под мостом* (Тв.).

Противоположность может подчеркиваться, усиливаться посредством частиц, лексических повторов с отрицанием, антонимической лексикой и пр.: *По хутору зажглись редкие огни, а Натальи всё не было* (Ш.); *Легли опять с п а т ь генералы, да н е с п и т с я им натощак* (С.-Щ.); *Свечи е щ ё горели, но у ж е сквозь шторы пробивался утренний свет* (Ч.); *Степь давно осталась п о з а д и, а в п е р е д и уже высились местные горы* (М.-С.); *Разрушено у ж е почти в с ё, но взамен не создано е щ ё н и ч е г о* (Ч.).

Общее значение противоположности проявляется в двух видах отношений: сопоставления и противопоставления. С о п о с т а в л е н и е выражается союзами *а, же*. Они подчеркивают различие признаков, действий, отнесенных к разным лицам или предметам, а также различия пространственные, временны́е и пр.: *После обеда Женя читала, лёжа в глубоком кресле, а я сидел на нижней ступени террасы* (Ч.). Основным является союз *а*; союз *же* употребляется ограниченно: он имеет стилистический оттенок книжности. Кроме того, союз *же* располагается не между предикативными частями, а внутри второй предикативной части, после слова, в котором выражено основание сопоставления: *Ученье и обед делали дни очень интересными, в е ч е р а же проходили скучновато* (Ч.) — ср.: *а вечера...*

П р о т и в о п о с т а в л е н и е выражается союзами *но, однако, зато, да, а, только*. Они указывают на противоположность содержания второй предикативной части ожидаемому из смысла первой части, т. е. на их несовместимость. Основным (доминантным) является союз *но* («чистое» противопоставление); все другие имеют те или иные отличия и ограничения (*однако* тяготеет к книжному стилю, *да* — к разговорному; *зато* вносит оттенок «возмещения»; *а, только* выражают частичное, неполное противопоставление): *Тучи сделались как бы тоньше и прозрачней, но всё небо было обложено ими* (М. Г.); *Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи* (Т.); *Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые* (Купр.); *Хороша русская удаль, да немногим она к лицу* (Т.); *До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва зажигалась* (Т.); *Потом стало тихо, только доносились звуки со двора* (Ч.). Во всех случаях может быть употреблен союз *но* как носитель семантики противопоставления.

Разделительные предложения

В сложносочиненных разделительных предложениях выражаются отношения взаимоисключения, альтернативы, выбора. Структура таких предложений незамкнутая.

Семантика используемых разделительных союзов неоднородна. Союзы *либо, или* выражают собственно а л ь т е р н а т и в у, выбор; они употребляются и как одиночные, и как по-

вторяющиеся: *Только изредка прошумят и стихнут старые вербы, или прогудит высоко над домом неизвестно чей самолёт* (Пауст.); *Ни о чём не хочется думать, или бродят мысли и воспоминания, мутные, неясные, как сон* (А. С.); *Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своём, или же она играла мне на рояле* (Ч.).

Отношения чередования выражаются союзом *то...то*, который употребляется только как повторяющийся: *То истиной дышит в ней всё, то всё в ней притворно и ложно* (Л.).

Повторяющиеся союзы *то ли...то ли, не то...не то* выражают отношения неразличения: ***Не то я сам за эти три года утратил мою способность уживаться с людьми, не то люди стали за это время более пройдохами*** (М. Г.).

Присоединительные предложения

Присоединительные предложения сочетают в себе значение грамматической равнозначности и добавочности: первая часть семантически завершена, автономна, а вторая оформляет высказывание «по поводу» первой: *В лесу было весело, да и привык уж к такой жизни Елеска* (М.-С.).

Показателями присоединения являются как специальные присоединительные союзы (*да и, причём, притом, к тому же, а то, а не то, не то* и др.), так и собственно сочинительные, иногда в сочетании с лексическими единицами присоединительной семантики (*и притом, но, тоже, также, зато* и др.): *Каштанка бегала взад и вперёд и не находила хозяина, а между тем становилось темно* (Ч.); *Арина Петровна осталась по-прежнему в Головлёве, причём, разумеется, не обошлось без семейной комедии* (С.-Щ.); *Луга за Волгой окрасились в бурый цвет, в городе тоже все краски поблекли* (М. Г.). Значение добавления выражается вместе с соединительным, противительным и пр.

Включение присоединительных предложений в сложносочиненные не совсем бесспорно, поскольку они не проявляют в полной мере характерного для сочинения значения равнозначности, аналогичности. Присоединяемая, вторая часть в некотором отношении «обслуживает», поясняет первую: *Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда* (Ч.).

Предложения усложненной структуры

Как мы видели, минимальный состав сложносочиненного предложения определяется содержанием отношений между его частями. Одни отношения обусловливают закрытую структуру (сопоставление, противопоставление, альтернатива), другие — открытую (перечисление, чередование, неразличение). В обоих случаях имеют место элементарные сложносочиненные предложения.

Если сочинение оформляется союзами разной семантики, т. е. выражаются различные по содержанию отношения, и при этом число предикативных единиц более двух, то мы имеем дело с усложненной структурой: *Шёл дождь, и от сильного ветра шумели деревья, но в потёмках не было видно ни дождя, ни деревьев* (Ч.); *Ещё не пели петухи, а собаки уже перестали брехать, и в избе с краю села сквозь щели ставней желтел свет* (А. Т.).

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложноподчиненное предложение состоит из двух неравнозначных предикативных частей; это его элементарная структура: господствующая часть — «главное предложение», подчиненная (зависимая) часть — «придаточное предложение». Связь частей и выражение отношений между ними осуществляются с помощью формальных показателей — подчинительных союзов и союзных слов. Они принадлежат форме зависимой части, которая в русской грамматике обозначается термином «придаточная»: ***Когда мы вышли с вокзала, синеватый свет уже брезжил над Феодосией*** (Пауст.); *Мальчик осторожно прошёл между камнями, **где мелькали змеи*** (А. С.). Одновременно союз или союзное слово является важнейшим структурным компонентом сложноподчиненного предложения, показателем его грамматической формы.

Элементом структуры сложноподчиненного предложения и его значения является то, какую функцию выполняет придаточная часть относительно главной — присловную (определяет одну словоформу в главной) или присоста́вную, приосно́вную (поясняет весь состав главной час-

ти). По этому признаку выделяются два структурных типа сложноподчиненного предложения — нерасчлененные (одночленные): *От мысли, что он отравился, его бросило и в холод, и в жар* (Ч.) и расчлененные (двучленные): ***Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбегать на охоту*** (Арс.). Все эти факторы определяют конкретные отношения между главной и придаточной частями.

Таким образом, характеристика сложноподчиненного предложения затрагивает и его содержательную сторону, и формальную. Обе они важны, и обе учитываются в классификации.

В русской синтаксической науке и в школьной практике разрабатывались и применялись различные принципы классификации сложноподчиненных предложений. В них или отдавалось предпочтение одной из сторон — содержательной, формальной, или по возможности учитывались обе.

По преимуществу семантическую (логико-семантическую) классификацию разработал более ста лет назад Ф. И. Буслаев. Основной ее принцип — уподобление придаточной части члену предложения по семантике: предикативная единица функционально отождествлялась с членом предложения (ср.: *Я узнал, что приезжает брат. — Я узнал о приезде брата*). Соответственно, придаточным были даны наименования подлежащных, дополнительных, определительных и т. д.

При этом грамматические свойства придаточных игнорировались, и они рассматривались как развернутые члены предложения. Для их идентификации предлагалось ставить вопросы [*узнал* (о чем?), *что приезжает брат*]; структурным показателям сложноподчиненного предложения — союзам, союзным словам — не придавалось должного значения.

А. М. Пешковский, напротив, считал необходимым выделять не типы придаточных, а группы союзов — изъяснительных (*что, как, будто, чтобы* и др.), временны́х (*когда, пока, едва, только* и др.), сравнительных (*как, словно, точно, будто* и др.) и т. д. Эта классификация не получила широкого применения.

Наконец, структурно-семантический принцип классификации (его разрабатывали В. А. Богородицкий, Н. С. Поспелов, Л. Ю. Максимов и др.) учитывает и строение сложноподч-

чиненного предложения (одночленное, двучленное), и значение придаточной части относительно главной; значительное место отводится семантике союзов и союзных слов. Определение вида придаточной части опирается на семантику ее отношения с главной частью (целиком или с отдельным членом).

Нерасчлененные сложноподчиненные предложения

В нерасчлененных сложноподчиненных предложениях придаточные являются п р и с л о в н ы м и. Они поясняют, характеризуют определенные словоформы в составе главной части и имеют формальную связь с ними. Эти словоформы называются к о н т а к т н ы м и с л о в а м и. Морфологическая природа контактных слов, особенности словоизменения, семантики определяют их в а л е н т н о с т ь, т. е. потребность в определенном распространении, сочетаемость.

Известно, что имя существительное как часть речи имеет атрибутивную валентность, которая реализуется согласуемыми словами (прилагательными в широком смысле), а глагол — объектную валентность, которая реализуется управляемыми словами (существительными, местоимениями-существительными). Эта общая валентность существительного и глагола может быть реализована в сложноподчиненном нерасчлененном предложении. Например:

*Правый берег поднимался высокой к р у ч е й, **на которой красовался густой сосновый бор*** (М.-С.) — ср.: *высокая круча — круча, которая... (на которой, которую* и т. д.);

*Через окно я у в и д е л, **как большая серая птица села на ветку клёна в саду*** (Пауст.) — ср.: *увидел птицу; увидел сидящую на ветке птицу; увидел птицу, севшую на ветку в саду.*

В функции контактных слов используются указательные местоименные слова *тот (та, то, те), такой (такая, такое, такие), таков (такова, таково, таковы), так, там, туда, тогда.* Все они имеют не только местоименную указательную семантику (как все местоименные слова), но и собственно указательную (разрядную): они указывают на известное (из ситуации, предыдущего текста). В составе сложноподчиненного предложения эта семантика преобразуется и пред-

ставляет собой указание на обязательность, неизбежность пояснения, на новую («предстоящую») информацию. Само пояснение оформляется с помощью относительных местоимений (наречий), т. е. союзных слов: *Сражение выиграет т о т, кто твёрдо решил его выиграть* (Л. Т.); *Морская профессия ещё и сейчас совсем н е т а к безопасна, как принято думать* (Пауст.).

Морфологическая природа и семантика контактных слов, их валентность, с одной стороны, и союзные средства — с другой, оформляют структуру сложноподчиненных нерасчлененных предложений. Эти же факторы формируют семантику отношений между контактным словом и придаточной частью сложноподчиненного предложения. Обе эти стороны учитываются при выделении разновидностей (или видов) данного типа сложноподчиненных предложений.

По структуре нерасчлененные сложноподчиненные предложения разделяются на три вида: 1) местоименно-соотносительные; 2) субстантивно-атрибутивные (термины Н. С. Поспелова); 3) изъяснительные (термин В. А. Богородицкого и Н. С. Поспелова). Они формируются различными типами контактных слов, от чего зависит и выбор союзных средств. В каждом виде, в свою очередь, необходимо отметить различия в выражении семантики отношений (эта операция включается в синтаксический разбор сложноподчиненного предложения).

Местоименно-соотносительные предложения

Контактное слово — указательное местоименное слово — выполняет одновременно несколько функций. Во-первых, оно организует смысловое единство сложноподчиненного предложения, поскольку его придаточная часть наполняет данное местоимение конкретным содержанием.

Во-вторых, указательное слово является служебным, связывающим компонентом, так как образует скрепу вместе с союзным словом или союзом. Эти коррелятивные образования цельны и стабильны: *то — что, тот — кто, такой — какой, тот — который, столько — сколько, настолько — насколько, там — где, так — как, тогда — когда* и т. п., а также: *так — что, такой — что, так — будто* и др. Например: *Ч т о позабудет сделать человек, т о наверс-*

тает за него природа (Бродск.); *Барина в Толстом было как раз* ***столько, сколько нужно для холопов*** (М. Г.); ***Там, где в прошлом году была рожь,*** *теперь лежал в рядах скошенный овёс* (Ч.); ***Кто заключил в себе талант, тот*** *чище всех должен быть душою* (Г.); *Я только* ***тот люблю цветок, который врос корнями в землю*** (Ес.).

В-третьих, хотя местоименное слово обладает неполной знаменательностью (только указывает на предметы, признаки и пр., но не называет их), оно выполняет функцию члена предложения. В главной части оно находится в определенных отношениях (предикативных, атрибутивных, объектных, релятивных) с другими членами и само является подлежащим, или сказуемым, или определением, или дополнением, или обстоятельством. Придаточная часть, которая поясняет указательное слово, как бы дублирует его функцию.

Формальная и семантическая связь между главной и придаточной частями в местоименно-соотносительных предложениях является наиболее тесной из всех видов связи в нерасчлененных сложноподчиненных предложениях; обе предикативные части семантически не автономны.

Семантика отношений частей предложения также определяется наличием указательного местоимения — это отношения пояснения. Соответственно придаточную часть можно назвать пояснительной. Однако сама по себе форма придаточной части недостаточна, чтобы судить о виде предложения: употребляемые союзные слова (*что, кто, который, где, сколько, почему* и др.) могут быть употреблены и в других видах нерасчлененных сложноподчиненных предложений. Пояснительное значение проявляется только в сочетании с указательным словом; это значение идентифицируется (определяется) вопросом «а именно?».

Поясняя указательное слово как член предложения, придаточная часть как бы дублирует функцию этого члена: *Всё* ***то, чего коснётся человек,*** *озарено его душой живою* (Ахм.). Поэтому определение «придаточная пояснительная» можно детализировать указанием функции поясняемого члена предложения (пояснительно-подлежащная, пояснительно-определительная и т. д.): ***Кто боится и избегает любви,*** ***тот*** ***не свободен*** (Ч.); *Случилось* ***то, что я не ожидал***

(Ник.); *Только т о г д а перестало колотиться сердце, **когда Христя подбежала к воротам*** (А. С.); *Всё в доме было т а к и м, **каким Потапов хотел его видеть*** (Пауст.).

Придаточная часть имеет пояснительное значение и в тех предложениях, в которых на месте указательного местоимения употреблено слово *весь*: *Мы боялись в с е г о, **что могло бы открыть нашу тайну нам же самим*** (Ч.); *Давно сознался я во в с ё м, **что вы хотели*** (П.).

При м е с т о и м е н н о - с о ю з н о й связи пояснительное значение дополняется оттенком следствия. Этот оттенок вытекает из семантической специфики указательных слов (интенсивность признака, указание на высокую меру, степень, количество): *Нескошенные луга т а к душисты, **что с непривычки туманится и тяжелеет голова*** (Пауст.); *В душу мою вторгся т а к о й ураган радости, **что я чуть было не задохнулся*** (Купр.). Содержание пояснительных отношений зависит и от семантики союзов (с *что* — значение реального следствия, а со сравнительными союзами — ирреального следствия на основе предполагаемого сходства): *Кусок осеннего неба за окном был т а к и м струящимся и синим, **будто снаружи ещё сияло лето*** (Пауст.); *Дуняшка с мужем работали т а к, **словно на пустом месте создавали собственное гнездо*** (Ш.); *И я вернулся домой с т а к и м чувством, **как будто видел хороший сон*** (Ч.); *Серое зимнее утро занималось с т а к и м трудом, **точно невидимому солнцу было больно светить*** (М.-С.).

Значение степени и следствия возникает именно в сложноподчиненном предложении как результат взаимодействия семантики указательного слова, семантики союза и пояснительных отношений. Например: *Но т а к о в о светлое могущество искусства, **что ничто не в силах омрачить его*** (Г.); *Было т а к тихо, **что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей*** (Б.) — в первом предложении указательное слово само по себе не имеет значения степени, а во втором оно ощутимо (даже отмечено в словаре; ср.: *Я так ошибся!*).

Субстантивно-атрибутивные предложения

Структура субстантивно-атрибутивных предложений определяется присловной связью придаточной части со словоформой существительного, которая может выполнять любую син-

таксическую функцию в главной части и занимать в ней любое место: *К я в л е н и я м, **которых я не понимаю**, я подхожу бодро и не подчиняюсь им* (Ч.); *К о м н а т а, **где лежал Илья Ильич**, с первого взгляда казалась прекрасно убранной* (Гонч.); *Чичиков, точно, увидел д а м у, **которую он совершенно было не приметил**, раскланиваясь в дверях с Маниловым* (Г.); *Я вошла вчера в зелёный р а й, **где покой для тела и души под шатром тенистых тополей*** (Ахм.); *Так прожил Касатский в первом м о н а с т ы р е, **куда поступил**, семь лет* (Л. Т.); *Смыли вёсны горький пепел о ч а г о в, **что грели нас*** (Тв.).

Присловная связь придаточной части с контактным словом оформляется относительными местоимениями (в том числе местоименными наречиями). При этом изменяемые союзные слова согласуются с контактным существительным в числе и роде: *Мелкое болотистое о з е р о, **по берегу к о т о р о г о мы пробирались**, ещё белело меж деревьев* (Б.); *С л у ж б а, **о к о т о р о й за минуту думал я с таким восторгом**, показалась мне тяжким несчастием* (П.); *А у белых каменных в о р о т, **к о т о р ы е вели со двора в поле**, у старинных крепких ворот со львами стояли две девушки* (Ч.). Связь неизменяемых союзных слов с контактным существительным выражена слабо: *М е с т о, **г д е можно было сойтись**, это был л е с, **к у д а бабы ходили с мешками за травой для коров*** (Л. Т.). Падежная форма изменяемых союзных слов мотивируется их положением, присловными связями в придаточной части, где они выполняют функцию определенных членов предложения: *по берегу которого* (род. п.) — несогласованное определение; *думал о которой* (предл. п.) — дополнение; *которые вели* (им. п.) — подлежащее. Второстепенными членами обстоятельственного типа являются в придаточной части союзные слова — местоименные наречия: *сойтись где, ходили куда* — обстоятельства места.

Именно присловная связь контактного существительного и союзного слова оформляет атрибутивные отношения, на основании которых придаточная часть, при любой ее форме и семантике, трактуется как определительная.

Придаточные определительные соединяются с контактными словами — существительными — посредством союзных

слов *который, какой, чей; когда, где, куда, откуда; что.* Союзы в этом виде предложений не употребляются. Обычно придаточная часть следует непосредственно за контактным словом: *Маленький д о м, **где я живу в Мещоре**, заслуживает описания* (Пауст.).

Основное, доминантное союзное слово — *который*; оно имеет общеопределительное значение: *Д о м, **в к о т о р о м поселился таинственный незнакомец**, стоял особняком* (М.-С.). Слово *какой* имеет выделительно-уподобительное значение, *чей* — притяжательное. Союзное слово *когда* соединяется с существительными временно́й семантики; *где, куда, откуда* — с существительными, обозначающими пространство или вместилище: *Бывают д н и, **к о г д а жизнь представляется нам особенно ясной и слаженной*** (Пауст.); *На следующее утро сторож открыл к о м н а т у, **г д е жил их отец*** (Гайд.); *Вот с л у ч а й, **о к о т о р о м в своё время говорила вся Москва*** (Тел.); *Всё ритм и бег. Бесцельное стремленье. Но страшен м и г, **к о г д а стремленья нет*** (Б.); *И Таня входит в д о м пустой, **г д е жил недавно наш герой*** (П.); *Особенная т и ш и н а, **к а к о й никогда не бывает в городе, не давала спать*** (Пауст.).

Особое место среди союзных слов занимает *что*. Во-первых, оно имеет не предметно-указательное, а признаковое значение. Во-вторых, в данной функции *что* употребляется только в форме именительного падежа. В-третьих, определительные предложения с *что* стилистически отмечены как архаичные или имеющие народнопоэтический характер (не путать с газетными штампами типа *«в деревне Ивановке, что на Орловщине»*): *Я вспоминаю только наши долголетние товарищеские о т н о ш е н и я, **ч т о никогда не бывали омрачены никакой размолвкой*** (Тел.); *Там п е ч а л ь свою великую, **ч т о без края и конца**, над тобой, над речкой, выплакать, может, выйдет мать бойца* (Тв.); *И за той большой страдой не забудемте, ребята, вспомним к счёту про с о л д а т а, **ч т о остался сиротой*** (Тв.). В формальном плане *что* выступает как заменитель основного союзного определительного слова *который* (ср.: *печаль, которая без края и конца; про солдата, который...*).

Положение союзного слова *который* как основного, доминантного подтверждается тем, что все другие союзные слова могут быть им заменены (ср.: *дом, в котором; миг, в который; тишина, которой*).

Изъяснительные предложения

Структура изъяснительных сложноподчиненных предложений определяется валентностью контактных слов, необходимостью их «распространения». Валентность формируется не столько грамматически, категориально, сколько семантически. Контактные слова представлены не только глагольными формами (*говорит, спрашивает, думает, слышит, уверяет, просит* и др.), но и субстантивными (*мысль, слух, уверение, просьба, известие* и др.), а также предикативами (*известно, понятно, приятно; уверен, рад, удивлён* и др.).

Как можно определить общую семантику контактных слов, которая мотивирует их валентность? Термин «изъяснение» уже утратил свое первоначальное содержание — ‘говорение, рассуждение (т. е. речь-мысль)’. Теперь он обозначает семантическую сферу, которую можно определить как контакт человека («языковой личности») с окружающим миром (людей, вещей, событий и пр.): речь, мысль, чувство, волеизъявление, восприятие, оценка, отношение. Контактные слова этой семантики имеют субъектную и объектную валентность. В составе словосочетания и простого предложения она реализуется соответствующими падежными формами (*говорит о погоде, чувствует усталость, уверен в победе; я думаю, предпочитаю, надеюсь, вижу, слышу, требую; мне приятно, слышно, видно, стыдно, известно, хочется, представляется, кажется* и т. д.). В составе сложноподчиненного предложения сочетаемость контактных слов «изъяснительной» семантики реализуется с помощью придаточной части: *Легко в о о б р а з и т ь, **какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень*** (П.); *Через минуту было с л ы ш н о, **что кто-то вбежал впопыхах в сени*** (Г.); *Вдруг распространился с л у х, **что барин возвращается*** (Т.); *Вы сами з н а е т е давно, **что вас любить немудрено*** (П.); *Эта мимолётная встреча вызвала о щ у щ е н и е, **будто Гарт присутствует при завязке нового рассказа*** (Пауст.).

Семантика отношений придаточной части с контактным словом определяется, с одной стороны, валентностью этого слова, с другой — союзными средствами. Главным различием является выражение отношений — субъектных или объектных. На этом основании принято различать изъяснительно-субъектные и изъяснительно-объектные нерасчлененные предложения. По давней традиции (от Ф. И. Буслаева) и учитывая возвращение этих терминов в школьный курс русского языка (В. В. Бабайцева), в изъяснительно-субъектных предложениях можно говорить о придаточных подлежащных, а в изъяснительно-объектных — о придаточных дополнительных.

Придаточная подлежащная имеет субъектное значение в отношении контактного слова, которое употреблено в главной части без подлежащего (*красиво, приятно, хорошо* и т. п.); придаточная часть соединяется с ним по большей части союзом *что*, иногда союзами *когда, если*: *Как хорошо, **что есть в мире луна и шесть Вами зажжённых свеч*** (Ахм.).

Придаточная дополнительная имеет объектное значение относительно контактного слова, т. е. как бы заменяет, замещает соответствующее дополнение при нем: *Гром и прыжки дали заметить, **что бричка въехала на мостовую*** (Г.) — ср.: *заметить въезд на мостовую; Из Сечи пришла весть, **что татары во время отлучки казаков ограбили в ней всё*** (Г.) — ср.: *весть об ограблении.*

Объектное значение придаточной части выражается изъяснительными союзами *что, как, будто, чтобы, ли*. Выбор союза определяется особенностями его семантики. Основной союз *что* имеет общеизъяснительное значение и стилистически нейтрален. Союзы *что* и *будто* по-разному оценивают объектные отношения (*что* указывает на их реальность, а *будто* — на сомнительность, недостоверность, предположительность): *В военной среде шли слухи, **что Корнилов попал в авантюрное окружение*** (Ш.) — ср.: *слухи, будто...; Наполеону казалось только, **что всё дело происходило по воле его*** (Л. Т.) — ср.: *казалось, будто...; О нём ходят слухи, **будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно*** (Т.) — ср.: *слухи, что...*

Союзы *что* и *как* тоже различаются в употреблении. При глаголах и предикативах восприятия (*слышать, видеть,*

вспоминать; слышно, видно и т. п.) *что* указывает на передачу воспринимаемого, а *как* — на его непосредственность, «живость»: *Было с л ы ш н о, ч т о вдали по улице быстро идут люди и тащат что-то тяжёлое* (М. Г.); *Григорий по вечерам с л ы ш а л, к а к Астаховы играли песни* (Ш.).

Союз *чтобы* указывает на ирреальность отношений; контактное слово имеет значение желания, требования, стремления и т. п.: *Ты же, Епиходов, с м о т р и, ч т о б всё было в порядке* (Ч.); *Я х о ч у, ч т о б к штыку приравняли перо* (М.).

Придаточная дополнительная часть соединяется с контактным словом с помощью и другого союзного средства — относительного местоимения или местоименного наречия (с о ю з н о г о с л о в а): *Никто н е з н а л, ч е м окончится заседание конференции* (А. Т.); *Я вам хочу р а с с к а з а т ь, к а к а я перемена произошла во мне в эти немногие часы* (Ч.); *Я с п р о с и л а у кукушки, с к о л ь к о лет я проживу* (Ахм.); *До сих пор никто н е з н а е т, з а ч е м каждую осень летят пауки, покрывая землю своей тончайшей пряжей* (Пауст.). Используются все относительные местоимения и местоименные наречия, имеющиеся в современном русском языке. Различия в их значении позволяют сделать семантический акцент на предметах, признаках, обстоятельствах, на которые указывают союзные слова в качестве членов предложения.

Специальным средством акцентирования субъектных и объектных отношений и усиления связи придаточной части с главной является коррелирующий местоименный элемент *то* (субстантивированный) при контактном слове (*думаю, что — думаю о том, что* и т. п.): *И разве диво т о, что с другом не мог расстаться я вполне?* (Тв.) Этот элемент бывает факультативным, т. е. может быть устранен; но в определенных условиях он обязателен: например, при отрицании и противопоставлении (*думал не о том, что... а о том, что*), при сочетании с частицами (*чувствовал лишь то, что...*). Наконец, коррелят *то* необходим как посредник, когда прямая связь невозможна: *У нас женщины т е м и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают* (Остр.). Не смешивать с местоименно-соотносительными конструкциями: *Кто боится и избегает любви, т о т не свободен* (Ч.).

Расчлененные сложноподчиненные предложения

Главный структурный признак расчлененных сложноподчиненных предложений — соотнесение предикативных частей (главной и придаточной) в целом; присловной связи между ними нет и быть не может. Отсюда второе наименование данного типа предложений — д в у ч л е н н ы е и характеристика придаточной части как п р и о с н о́ в н о й.

Важной чертой структуры предложений данного типа является использование только одного союзного средства — подчинительных союзов. Все союзы специализированы для выражения определенных отношений между предикативными частями, поэтому характеризуются как семантические. Употребление одного союза в разных значениях практически невозможно. Зато можно говорить об омонимии союзов: *как* (сравнение) — *как* (время); *если* (условие) — *если* (сопоставление).

Семантико-грамматические отношения предикативных частей определяются структурой сложного предложения, т. е. в первую очередь указанными выше двумя факторами. Содержание отношений таково, что подчеркивает их «парность»: один семантический компонент предполагает другой — причина и следствие, условие и результат (обусловленное), цель и усилие (намерение) и пр. Каждый компонент не может проявляться без связи с другим — соотносительным. Это соответствует природе подчинения: определяемое — определяющее. Указанные отношения аналогичны межсловным отношениям релятивного типа, выражаемым в словосочетании и простом предложении.

Виды расчлененных сложноподчиненных предложений, по русской грамматической традиции, обозначаются через название придаточных.

Придаточные временны́е

С главной частью сложноподчиненного предложения придаточные временны́е соединяются с помощью союзов, которые оформляют временны́е отношения двух событий, ситуаций. Сами по себе придаточные не имеют темпоральной (вре-

менно́й) семантики. Ср.: ***Когда Резцов проснулся, был вечер.*** (В.) — *Резцов проснулся,* ***когда*** *был вечер* — соотношение событий во времени одинаковое (ср.: *Резцов проснулся вечером*).

Употребление временны́х придаточных позволяет выразить совпадение событий во времени (полное или частичное) или их разновременность, следование одного за другим. Эти временны́е отношения имеют отвлеченный, грамматический характер и выражаются формальными средствами — союзами и координацией форм вида и времени. Основной союз *когда* не указывает на одновременность/разновременность. Эти значения опираются только на видо-временны́е формы (одновременность — на несовершенный вид, разновременность — на совершенный вид): ***Когда торопишься,*** *дорога всегда к а ж е т с я длиннее* (М.-С.); ***Когда приехала Марина,*** *Самгин в с т р е т и л её с радостью* (М. Г.).

В современном русском языке сложилась система временны́х союзов, которые специализируются для выражения одновременности (*в то время когда, в то время как, пока* и др.), предшествования (*прежде чем, перед тем как, пока не* и др.), в том числе непосредственного предшествования (*чуть, едва, только, чуть только* и др.), последования (*после того как*): *Борис заметил взволнованное лицо Аракчеева,* ***в то время как государь пошёл с Балашевым*** (Л. Т.); ***Пока молоды, сильны, бодры,*** *не уставайте делать добро!* (Ч.); ***Пока доехали до Казённого леса,*** *иссяк разговор* (Ш.); ***Перед тем как поступать в военное училище,*** *Аркаша тяжело заболел* (Купр.); ***Пока ещё не стемнело,*** *нужно по катку пройтись* (Ч.); ***Только что Балашев начал говорить,*** *как удивление выразилось на лице государя* (Л. Т.); ***Как только наставало утро,*** *пение дверей раздавалось по всему дому* (Г.); ***Покамест слуги управлялись и возились,*** *господин отправился в общую залу* (Г.).

Временны́е отношения могут подчеркиваться обобщенно-наречными словами *уже, ещё*: ***Пока старик растоплял печь,*** *у ж е рассветало* (М.-С.); ***Когда мальчик принёс Ване завтрак,*** *он застал его е щ ё плачущим* (Пауст.); *Е щ ё солнце не дошло до половины неба,* ***как все запорожцы собрались в круги*** (Г.).

Дополнительным показателем значения последовательности («быстрого следования») является стабильный лексиче-

ский компонент — специальные глаголы с временно́й семантикой в составе главной части (*не успел... как; стоит/стоило... как*): *С т о и л о мне закинуть удочки, **как тотчас из балки появлялись босые мальчишки*** (Пауст.).

Временны́е отношения могут быть осложнены условными и причинными: ***Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!*** (Ч.); ***Когда в лугах покосы, то лучше не ловить рыбу на луговых озёрах*** (Пауст.); ***Пока есть жизнь, есть и счастье*** (Л. Т.).

Расположение главной части и временно́й придаточной относительно друг друга является, по преимуществу, свободным (придаточная может занимать препозицию, постпозицию и даже интерпозицию): ***Когда служба кончилась, было без четверти двенадцать*** (Ч.); *Было уже около одиннадцати часов, **когда князь позвонил в квартиру генерала*** (Д.); *Младшая сестра, Женя, **пока говорили о земстве, молчала*** (Ч.). Однако некоторые конструкции характеризует стабильное положение придаточной: *И вот уже прошло полгода, **как Саша живёт у неё во флигеле*** (Ч.).

Постпозиция придаточной является условием для возможного расчленения составных союзов; ср.: ***По мере того как наступала темнота,*** *комната моя становилась как будто просторнее.* (Д.) — *Огни кораблей разгорались всё ярче **по мере того, как незаметно темнели берега*** (Пауст.).

Группа временны́х союзов является самой многочисленной среди подчинительных и продолжает пополняться. Это вызвано необходимостью обозначать не только общее значение одновременности/разновременности, но и детали их (частичное совпадение, непосредственное предшествование, быстрое следование и пр.). Для этого используются старые союзы (*пока, прежде чем, чуть, едва, только, перед тем как, после того как* и др.) и создаются новые. Это, главным образом, с о с т а в н ы е на основе метаслов *время, пора,* указательных местоимений и старых союзов *когда, как, пока.* Важную роль играют предлоги (*до, в, перед, после, во время* и др.), которые и выполняют функцию детализации. Составные образования *до тех пор пока, в то время когда (как), с тех пор как, до того времени как* и т. п. еще не утратили подвижности и вариативности, но значение их детальное, точное, и это обуслов-

ливает их употребительность в различных стилях речи, но преимущественно в книжных.

Детализации временны́х отношений способствует употребление (при союзах) частиц *только, лишь, точно, как раз, даже* и др., а также наречий *почти, сразу, непосредственно* и др.: *Самгин подвинулся к решётке сада, **к а к р а з в т о т м о м е н т,** **когда солнце... осветило на паперти собора фиолетовую фигуру протоиерея Словороссова*** (М. Г.).

Придаточные сопоставительные

К главной части сложноподчиненного предложения придаточные сопоставительные присоединяются с помощью союзов *в то время как, между тем как, если...то, тогда как*: ***Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа*** (Ес.); *На фронтоне всегда сидели сытые голуби, **между тем как тысячи воробьёв дождём пересыпались с крыши на крышу*** (Б.); *Слово «страсть» заключает в себе понятие более чувственное, **тогда как слово «пафос» заключает в себе понятие более нравственное*** (Бел.).

Части такого сложного предложения семантически равноправны, форма придаточной лишь отмечается союзом; сами же отношения близки к сочинительным, выражаемым с помощью союзов *а, же*. Сопоставляются предметы по их признакам (*страсть — чувственное, пафос — нравственное*; *голуби сидели, воробьи пересыпались*); сопоставление опирается на антонимические отношения (*раньше — теперь*).

Тем не менее указанные союзы являются подчинительными, и они оформляют сложноподчиненное предложение. Надо подчеркнуть, что союз *если...то* нужно рассматривать как омоним условного *если* (*то*), причем в сопоставительном союзе *то* является облигаторным (обязательным) элементом, а в условном — факультативным коррелятом (соотносительным словом).

Придаточные условные

К главной части сложноподчиненного предложения придаточные условные присоединяются посредством союзов *если* (*то*), а также стилистически окрашенных *ежели, коли, раз*;

в условном значении может употребляться союз *когда*. В главной части возможны соотносительные слова (метаслова) *в случае, при условии,* которые проявляют тенденцию слиться с *если* в составной союз. В придаточной части оформляется значение условия, в главной — обусловленного результата: ***Если же пьеса плоха, то никакая игра не сделает её хорошею*** (Ч.); ***Плох базар, коли хлеба купить не на что*** (Посл.); ***Когда два человека ссорятся — всегда оба виноваты*** (Л. Т.).

Коррелят (соотносительное слово) *то* является факультативным. Он не влияет на выражение условного значения, но важен для структуры, для закрепления порядка расположения главной и придаточной частей — препозиции придаточной условной; без *то* порядок свободный. При употреблении наряду с *если* союза *когда* в условном значении, кроме *то*, может быть использован коррелят *тогда* или *так*: ***Когда деньги говорят, тогда правда молчит*** (Посл.); ***Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай*** (Остр.). Коррелят подчеркивает, акцентирует результат; с этой же целью в главной части могут быть употреблены наречия *обязательно, непременно, всегда* и др.

В условных отношениях есть доля предположения; это значение оформляется как ирреальное с помощью форм сослагательного наклонения или автономной частицы *бы*; ср.: *Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день занят работой.* (Арс.) — ***Жить бы можно было, коли бы душевного горя не было*** (Л. Т.). В соответствии с этим различаются два вида условного значения — реальное и ирреальное. В обеих частях сложноподчиненного предложения в первом случае употребляются формы изъявительного наклонения глагола или связки, во втором — сослагательного (условного) наклонения: ***Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь*** (Ч.); ***Если бы ты музыкой была, я тебя бы слушал неотрывно*** (Ахм.).

Для выражения условных отношений используются также показатели периферийные, не основные; это разговорный союз *раз*, употребляемый ограниченно, и частицы *только* (*бы*), *лишь бы* в функции условного союза, причем их семантика вносит оттенок «малого» условия: *Конечно, и он желал победы в Петропавловске,* ***раз туда отправлены войска*** (Н. З.);

Это была весёлая и неунывающая компания, охотно берущаяся за всякую работу, лишь бы в ней были признаки риска и новизны (Пауст.).

С условными сложноподчиненными предложениями не нужно смешивать бессоюзные сложные, в которых отношения обусловленности выражаются посредством взаимодействия формы сослагательного наклонения с формой повелительного или изъявительного: *Щепотки волосков лиса не пожалей, остался б хвост у ней* (Кр.); *Была бы кутерьма, а люди найдутся* (Булг.).

Придаточные причинные

С главной частью сложноподчиненного предложения придаточные причинные соединяются посредством союзов *потому (оттого) что, так как (то)*, а также *ибо*. Придаточная часть оформляет значение причины, основания, мотива, а главная — следствия: *В городе Павел не видел звёзд, **потому что мешали фонари*** (А. С.); *Феня была счастлива **оттого, что доставила мне хоть немного успокоения*** (Пауст.); ***А так как расстроенная мать была молчалива, то** Чук с Геком молчали тоже* (Гайд.); *Сам он не увеличил отцовского состояния, **ибо был, как говорится, жуир, эпикуреец на русский лад*** (Т.).

Составной союз *потому что* может разделяться, причем *потому* располагается в главной части и совмещает союзную функцию (выражение причинно-следственных отношений) с указательной. При разделении союза значение причины может быть акцентировано, выделено, оценено и пр.: *Мы не любили пафоса, о ч е в и д н о **потому, что не умели его выражать*** (Пауст.); *Не сошёл Николка с ума в этот момент л и ш ь **потому, что у него на это не было времени*** (Булг.). Первый компонент составного союза может иметь варианты, т. е. наряду с *потому* может быть представлен предложно-падежными формами местоимения *тот*, выражающими значение причины, которое раскрывается в придаточной части, где расположен основной компонент союза — *что* [*ввиду того (что), вследствие того (что), в силу того (что), благодаря тому (что)*]. Эти формы составного причинного союза имеют стилистическую окраску книжности (в то время как *потому что* — союз нейтральный): ***Благодаря тому, что***

лето очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждое дерево (Ч.).

Для выражения причины, основания может также использоваться разговорный союз *раз* (*то, значит*): ***Раз дождя нет, значит можно идти дальше*** (Арс.).

Если требуется придать значению причины добавочные оттенки, используются специальные (и ограниченные в употреблении) союзы (*тем более что* — «дополнительный аргумент»; *благо* — «особо благоприятный повод»): *Я решил зайти на могилу Борисова-Мусатова сейчас, **благо она была недалеко от пристани*** (Пауст.).

Придаточные следственные

Придаточные следственные оформляют значение следствия, результата, вывода, в то время как в главной части выражена причина, основание. Придаточная часть присоединяется ко всей главной части посредством союза *так что* и всегда располагается в постпозиции: *Павлин уронил хлеб в воду, **так что нам предстояло лечь с голодным желудком*** (М.-С.); *Ветер изо всех сил рвёт, треплет и обвивает на ногах юбку, **так что трудно идти*** (А. С.). Союз *так что* уникальный: он один оформляет придаточные следственные и имеет единственное значение — следствия.

Не нужно смешивать сложноподчиненные предложения с придаточными следственными и предложения с придаточными присоединительными (А. Н. Гвоздев), где значение следствия выражается предложно-падежными формами союзного слова *что* и оформляется внутри придаточной части (*в силу чего, вследствие чего*): *Мальчик выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием, **вследствие чего он был первым и по наукам, и по фронту и верховой езде*** (Л. Т.).

Похожи на придаточные следственные также и присоединительные предложения с наречиями *потому, поэтому*, когда сложное предложение имеет форму сочинительную или бессоюзную: *Был промежуток между ска́чками, **и п о э т о м у ничто не мешало разговору*** (Л. Т.). Ср.: *Был промежуток между ска́чками, **вследствие чего ничто не***

мешало разговору — придаточное присоединительное; *Был промежуток между ска́чками, **так что** ничто не мешало разговору* — придаточное следственное.

Нет оснований подводить под общее наименование «придаточные следственные» и те предложения местоименно-союзной структуры (нерасчлененные!), в которых значение следствия является неосновным, накладывается на отношения пояснения и значение степени (см.: *Грамматика* русского языка. М., 1954. Т. 2. Ч. 2): *Окрик показался Аксинье н а с т о л ь к о громким, **что она ничком упала на землю*** (Ш.); *Горького надо уметь произносить т а к, **чтобы фраза звучала и жила*** (Ст.).

Придаточные целевые

Придаточные целевые обозначают цель, мотив, объясняющий содержание главной части сложноподчиненного предложения. Они присоединяются посредством союзов *чтобы, дабы* (устар.), а также составных *с тем чтобы, для того чтобы, с той целью чтобы* (первая часть составного союза может располагаться в главной части и выделять целевое значение): ***Чтобы Дуняшка не видела её слёз,*** *Ильинична отвернулась к стене и закрыла лицо платком* (Ш.); *Андрий должен был часто останавливаться, **чтобы дать отдохнуть своей спутнице*** (Г.); *По окончании трудов Пётр вынул карманную книжку, **дабы справиться, всё ли им предполагаемое на сей день исполнено*** (П.).

При выражении целевых отношений в семантике главной части акцентируется усилие, намеренность, воля, если даже само по себе это предложение называет «обычное» действие или состояние: ***Чтобы волосы не падали на лицо,*** *Никита повязал их веткой берёзы* (М. Г.); *Стеклянная дверь на балкон была закрыта, **чтобы из сада не несло жаром*** (А. Т.). Ведущая роль в выражении этой семантики принадлежит целевому союзу *чтобы*.

В составе союза *бы* проявляет себя как показатель модального ирреального значения (ср. участие *бы* в форме сослагательного наклонения). Поэтому придаточные цели имеют ирреально-модальное значение. Обозначаемые в них события (положения) оформляются как желаемые. Это делается с по-

мощью инфинитива с *бы* (в союзе *чтобы*) или формы сослагательного наклонения (*бы* в составе союза: *не падали бы, не несло бы*).

Придаточные уступительные

Уступительные отношения имеют сложный характер. Для их объяснения говорят, что придаточная часть сложноподчиненного предложение обозначает обратное условие или что в главной части выражено противоположное следствие. Действительно, в придаточной части называется ситуация, событие, вопреки которым осуществляется другое событие, т. е. они противоположны. Ср.: *Тихон Петрович сидел на палубе, **хотя на воде было холодно.*** (Пауст.) — *На воде было холодно, **но Тихон Петрович сидел на палубе*** — в сложносочиненном противительном предложении выражена только противоположность, несовместимость, а в сложноподчиненном уступительном эта семантика осложнена значением преодоления («препятствие — преодоление»).

Придаточные уступительные соединяются со всей главной частью с помощью союзов *хотя, несмотря на то что, даром что,* а также местоименно-союзных сочетаний *сколько ни, как ни*: *Я первый раз попал в этот городок, **хотя услышал о нём впервые двадцать лет назад*** (Сол.); *Нет, на всех тебя не хватит, **хоть какой ты генерал*** (Тв.); ***Несмотря на то что ветер, хотя ещё лёгкий, свободно носился над морем, тучи были неподвижны*** (М. Г.); ***И как бы вы ни торопились поскорей дойти до воды, всё равно на спуске вы несколько раз остановитесь*** (Пауст.).

Наличие семантики противопоставления может иметь специальный показатель — противительный союз *но, однако* или *а*: ***Хоть он глядел нельзя прилежней, но и следов Татьяны прежней не мог Онегин обрести*** (П.); ***Как ни хорошо в июне, а осень придёт*** (Пришв.); однако эта особенность структуры возможна только в случае препозиции придаточной части.

Порядок расположения частей сложноподчиненного предложения при выражении уступительных отношений свободный (придаточная часть в препозиции, в постпозиции и даже в интерпозиции): ***Хотя днём никто не ложился, но все чувствуют себя бодро*** (Купр.); ***Как война на жизнь ни шла,***

сколько ни пахала, *но любовь пережила срок её немалый* (Тв.); *Лунное сияние лежало всё ещё на крышах и белых стенах домов,* ***хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу*** (Г.); *Михалевич уехал на другой день,* ***как ни удерживал его Лаврецкий*** (Т.); *Спустилась ночь. Огней хутора,* ***сколько ни приглядывались,*** *не было видно* (Ш.).

Следует иметь в виду, что не всякое местоименно-союзное сочетание с *ни* имеет уступительное значение. Так, *куда ни, где ни, когда ни* выражают не уступительные отношения, а обобщительно-отождествительные с оттенком следствия: ***Куда бы ни направился движущийся корабль,*** *впереди его всегда будет видна струя рассекаемых им волн* (Л. Т.).

С другой стороны, уступительное значение может выражаться не только указанными выше специальными союзными средствами, но и нетипичными, переосмысленными, например, сочетанием союза *если* с частицей *даже*, а также частицей *пусть* (*пускай*) в функции уступительного союза: *Бремя любви тяжело,* ***если даже несут его двое*** (Марш.); ***Пускай ты умер,*** *но в сердце смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером* (М. Г.).

Придаточные сравнительные

Сущность сравнительных отношений в сложноподчиненном предложении — это выражение сходства двух событий (ситуаций) — реального и предполагаемого: ***Подобно тому как нетерпеливый юноша ждёт часа свидания,*** *я ожидал часа ночи* (Булг.); *Даже странно, совсем не поднимается перо,* ***точно будто свинец какой-нибудь сидит в нём*** (Г.); *Тумбочка разлетелась на куски,* ***как если бы была стеклянная*** (Сол.); *Наступило прохладное лето,* ***словно новая жизнь началась*** (Ахм.).

Придаточные сравнительные соединяются со всей главной частью посредством союзов *как, будто, точно, словно* и др. Они не только выражают сравнение, но и имеют модальный оттенок ирреальности, который особенно силен в союзе *будто*, а также в специальном — *как если бы*. Союзы могут соединяться в один (*как будто*), могут иметь коррелят (соотносительное слово) *так* в главной части; наконец, есть составные союзы *подобно тому как, вроде того как, наподобие того как*, которые могут расчленяться: *Ветер скупо кропил дож-*

девыми каплями, будто милостыню сыпал на чёрные ладони земли (Ш.); *Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидать младшую свою сестру землянику* (Пришв.); *Острова Капри совсем не было видно, точно его никогда и не существовало на свете* (Б.); *Как дерево роняет тихо листья, т а к я роняю грустные слова* (Ес.).

Сравнительные отношения оформлены как однонаправленные, необратимые: содержание главной части сравнивается с содержанием придаточной, но не наоборот.

Сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными

Это особый вид сложноподчиненного предложения, который не относится ни к нерасчлененным, ни к расчлененным. С одной стороны, он имеет признак расчлененности — придаточная часть относится ко всей главной части, поясняет весь ее состав, с другой — имеет союзное средство, не характерное для расчлененной структуры.

Придаточные присоединительные связаны с главной частью посредством союзного слова *что* в различных формах. Содержание придаточной части оформляется как добавочное, как замечание по поводу сказанного в главной части. Союзное слово не только является скрепой, но и имеет указательное значение, близкое к ‘это’; в нем фокусируется семантика главной части: *Иногда подымался холодный порывистый ветер, что было хуже* (С.-Ц.) — ср.: *а это было хуже.* Формы союзного слова — падежные, предложно-падежные (*в чём, с чего, вопреки чему, из-за чего, вследствие чего* и др.), а также производные (*отчего, почему*) — выражают различные отношения придаточной части относительно главной (субъектные, объектные, уступительные, причинно-следственные и др.): *Росси имел право говорить просто и умел делать это — что так редко у актёров* (Ст.); *Гусь взял в клюв другую верёвочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел* (Ч.); *Эта гостиница называлась «Суша и море», о чём возвещала деревянная вывеска* (Грин).

Для придаточных присоединительных характерно расположение только после главной части сложноподчиненного предложения, что вытекает из характера самих присоедини-

тельных отношений [ср. предложения с сочинительными союзами: *Приходилось набирать рабочих со стороны, а это для Гарусова было нож острый* (М.-С.)].

Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными

Термином «сложноподчиненное предложение» следует, строго говоря, обозначать только двухкомпонентное сложное предложение, т. е. состоящее из главной части и придаточной. Это э л е м е н т а р н о е сложноподчиненное предложение: подчинительная связь реализуется один раз; используется одно союзное средство — союз или союзное слово.

Термин «сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными» обозначает особый вид сложного предложения — у с л о ж н е н н о г о, в котором подчинительная связь реализуется более одного раза. Например: *Но барыни, нам не внимая, садились на извозчиков и уезжали, — из чего вы видите, что нам с Яшкой совсем не везло* (М. Г.) — здесь реализованы расчлененная и нерасчлененная структуры, использованы разные союзные средства — союзное слово *что* (*из чего*) и союз *что*; *Самгин чувствовал, что это на него упала мягкая тяжесть, приплюснув к земле так, что подогнулись колени* (М. Г.) — дважды реализована нерасчлененная подчинительная структура (изъяснительная и местоименно-союзная), дважды — в разных значениях — употреблен союз *что*.

Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными включают конструкцию элементарного сложноподчиненного предложения, форма которого в них повторяется многократно. Каждая придаточная поясняет ту или иную предикативную часть, связывается с ней посредством союза, союзного слова или других средств. При этом понятие главной части становится относительным, так как одна и та же предикативная единица может быть зависимой от другой и в то же время господствующей по отношению к третьей.

В данном виде сложного предложения собственно главной (исходной), н е з а в и с и м о й является только одна предикативная единица. Например: *Если бы не духота и не спёр-*

тый запах ржаного хлеба, укропа и лозы, от которого захватывало дыхание, то тут, под соломенною крышею, отлично было бы прятаться от гостей (Ч.) — условная придаточная подчиняет себе определительную и является главной по отношению к ней, а независимая главная часть располагается в конце сложного предложения.

Разнообразие сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными создается не количеством частей, а способом их связи. Последовательное подчинение (или цепная связь) — это такая связь, когда независимой главной части подчиняется придаточная (1-я степень), а каждая последующая придаточная соединяется с предыдущей (2-я степень и т. д.): *Часто осенью я пристально следил за опадающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю* (Пауст.); *Тётка* [собака] *закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть, так как она знала по опыту, что чем скорее уснёшь, тем скорее наступит утро* (Ч.).

При соподчинении (параллельная связь) одной главной части подчиняются все придаточные. При этом они могут быть как разнотипными, неоднородными: *Пока Шамохин говорил, я заметил, что русский язык и русская обстановка доставляли ему большое удовольствие* (Ч.), так и однородными, соединенными с главной частью подчинительной, а между собою — сочинительной связью: *Казалось, настало время, когда каждая минута словно вечность и не надо ждать иной* (А. Т.); *Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец молчит...* (П.); *Сделайте города такими, чтобы ими можно было гордиться, чтобы в них можно было работать, думать и отдыхать...* (Пауст.) Показателем однородности придаточных является не только их сочинительная связь, но и бессоюзное перечисление; при этом подчинительный союз или союзное слово может не повторяться.

Наиболее сложной является структура сложноподчиненного предложения с несколькими придаточными при реализации сразу обоих видов связи: *Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так*

злобно пишет свои книги (М. Г.); *Но не прошло и минуты, **как эта радость... так же мгновенно и прошла, будто её вовсе не было, и лицо его вновь приняло заботливое выражение*** (Г.).

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Бессоюзное сложное предложение — один из двух основных структурных типов сложного предложения в русском языке, который выделяется по формальному критерию.

Б е с с о ю з и е — это не просто отсутствие союза, — это мобилизация других средств связи предикативных частей: интонации, соотношения видо-временны́х глагольных форм, лексических показателей и пр. Это использование строения простого предложения как структурного элемента в сложном. Например: *Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду* (Пауст.) — связь предикативных частей и выражение отношений между ними осуществляется посредством интонации перечисления, соотношения видо-временны́х форм (последовательность), а также параллельности строения частей. Ср.: *Травой зарастают могилы — давностью зарастает боль* (Ш.) — отношения сопоставления передаются интонацией (на ее структуру указывает знак тире), параллельностью строения частей и лексическим повтором (глагол *зарастает* употреблен в разных значениях, но в одной форме).

В бессоюзном сложном предложении выражаются общие для русской синтаксической системы отношения равнозначности/неравнозначности (аналогичности/неаналогичности), которые в союзных сложных предложениях передаются сочинительными и подчинительными союзами: *Розовато-лиловые тона песков тускнели,* [*и*] *пустыня темнела* (В.); *Пока девкой — весела, и крепка, и горласта;* [*только*] *выдали — всё точно стёр кто* (А. С.); [*если*] *В рубле копейки нет, так и не полон рубль* (Посл.); *Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами* [*оттого что*] *— с лесных полян пригнали коров* (Пауст.).

Однако возможность вставки союза не означает, что бессоюзное сложное предложение нужно относить к сложносочи-

ненным или сложноподчиненным, тем более что далеко не всегда эта вставка допустима. Бессоюзное сложное предложение характеризуется со стороны собственных структурных качеств: выражения различных видов отношений различными показателями, количества частей, открытости/закрытости структуры; очень важна четкая пунктуация.

Отношения р а в н о з н а ч н о с т и передаются в виде перечисления: *Застучал дятел по ёлке, заклевал дрозд по рябине* (Пришв.); *С крыш текло, звук капель не давал уснуть* (Пауст.) или сопоставления: *Тревожна ночь осеннею порою — рассвет ещё тревожней и шумней* (Б.).

При п е р е ч и с л е н и и структура открытая, число предикативных частей не ограничено; отношения оформляются с помощью интонации (равномерное повышение тона к концу каждой части, одинаковое положение фразового ударения), соотношения глагольных форм, параллельности строения частей. На письме употребляются запятые: *Шёл дождь, падал снег, трещал мороз, выла и посвистывала метель* (М. Г.); *Рассветы стали туманны, задумчивы утра, тревожно-чутки дни, угрюмы ночи* (Шишк.); *С крыши капало, серебрились сосульки, дегтярными полосками чернели на карнизе следы стекавшей когда-то воды* (Ш.); *Посинел во дворе дым вьюги, выше крыши намело сугробы, завалило ворота и калитку* (Б.). При перечислении значение аналогичности подкрепляется однотипным строением предикативных частей: *Густая роса лежала на измятой траве, с липовых листьев падали тяжёлые капли* (А. Т.); *Плотно заперты ворота, вечер чёрен, ветер тих* (Ахм.).

Как и в сложносочиненном предложении с отношениями перечисления, при употреблении глаголов совершенного вида к значению последования действий, событий могут добавляться оттенки результата, следствия: *Тучи начало сносить, показалась луна* (А. Т.); *А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце* (Шукш.).

При с о п о с т а в л е н и и структура закрытая (две части). Центральный компонент интонации противопоставления — большая разница между частями по высоте тона. Отношения сопоставления подкрепляются употреблением антонимичной лексики или контрастом утверждения/отрицания. На письме основной знак препинания — тире: *На дворе*

палил летний зной — в доме было прохладно (Б.); *Но вот уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки — стоит в поле завод* (Гайд.); *Половина двора в тени, половина озарена* (Б.); *Душа моя убита — осталось убить тело* (Остр.); *Всё кругом быстро чернело и утихало — одни перепела изредка кричали* (Т.).

Отношения неравнозначности проявляются в том, что одна часть предложения поясняет другую в том или ином отношении; структура закрытая (две части). Наиболее характерны отношения пояснительные, условные, причинно-следственные.

Пояснение затрагивает семантику первой части предложения целиком или отдельных слов (глаголов, местоимений); отношения передаются особой, «предупредительной» интонацией. На письме основной знак препинания — двоеточие: *Так, не ошиблись вы: три клада в сей жизни были мне отрада* (П.); *Этот голос всегда означал только одно: другим людям нужна твоя немедленная, безотлагательная помощь* (Сол.); *Каждый сруб сидел отдельно, сам по себе: ни забора кругом, ни ворот не замечалось* (Т.); *В комнате было тесно и странно: она напоминала кладовую антиквара* (Пауст.); *Разделён издревле труд: города сдают солдаты, генералы их берут* (Тв.).

Условные отношения выражаются интонацией: контраст частей предложения по высоте тона (очень высокая мелодическая вершина в первой части). На письме основной знак препинания — тире: *Напролом идут — волос не жалеют* (Посл.).

Причинные отношения (основание — во второй части предложения) опираются на интонацию (аналогична пояснительной). На письме основной знак препинания — двоеточие, возможно тире: *Только днём в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг* (Пауст.); *С завистником лучше не ходить на ловлю — клевать у него всё равно не будет* (Пауст.); *Но в эту комнату я ходил редко и неохотно: мне там отчего-то дыхание сдавливало* (Т.); *Лишь по одному Степану Астахову никто не плакал — некому было* (Ш.).

Особый вид отношений представляют присоединительные; для них характерна добавочность; части предложения автономны, имеют завершенную семантику и структу-

ру. В системе бессоюзных сложных предложений этот вид предложений занимает особое место — как бы промежуточное между аналогичными и неаналогичными. Как правило, они не допускают «вставку» ни сочинительного, ни подчинительного союза. Пунктуация этих предложений определяется двумя правилами: точка с запятой подчеркивает самостоятельность, автономность первой части, а двоеточие — незавершенность, необходимость развития сообщения: *Военное время тянулось долго; казалось, не будет ему конца* (Пауст.); *Литвинов вошёл в свою комнату: письмо на столе бросилось ему в глаза* (Т.).

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Сложные предложения с бессоюзной связью имеют гибкую структуру. Она может оформлять как отдельные виды отношений (перечисление, пояснение, обусловленность и др.), так и различные их комбинации. При этом интонация включает разные элементы, разные фрагменты, соответствующие передаваемым отношениям. Количество предикативных частей в усложненном бессоюзном сложном предложении более двух, и выражается не менее двух видов отношений.

Комбинирование отношений разнообразно, но, как правило, в одном предложении передаются два различных вида отношений; им соответствует пунктуация (по правилам для бессоюзной связи). Например: *И маршалы зова не слышат: иные погибли в бою, другие ему изменили и продали шпагу свою* (Л.) — отношения причины и сопоставительные; *Грустно, Нина: путь мой скучен, дремля смолкнул мой ямщик, колокольчик однозвучен, отуманен лунный лик* (П.) — отношения причины и перечисления.

Отношения перечисления наиболее свободно комбинируются с другими видами отношений. В этом случае в бессоюзном сложном предложении образуются семантико-структурные блоки, внутри которых проявляются отношения аналогичности, а между блоками оформляются логически более сложные отношения — причинно-следственные, условные, пояснительные: *Такой любви нельзя не верить, мой взор не скроет ничего: с тобою грех мне лицемерить, ты слишком*

ангел для того (П.). Напротив, отношения перечисления могут проявляться между блоками, объединенными логически сложными отношениями. Например: *Вы улыбнётесь — мне отрада; вы отвернётесь — мне тоска; за день мучения — награда мне ваша бледная рука* (П.) — отношения причинно-следственные, перечисления, а также присоединения (последняя предикативная часть).

МНОГОЧЛЕННЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Термином «многочленные сложные предложения» обозначаются разнообразные конструкции, имеющие два общих признака: а) число предикативных частей более двух; б) разные виды связи. Этими признаками они отличаются не только от элементарных сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных сложных предложений, но и от их усложненных модификаций. Например: *Дверь в сенцы была отворена, но чувствовалось, что дом пуст* (Б.) — сочинение и подчинение; *И в пыли, рябой от пота, фронтовой смеялся люд: хорошо идёт пехота, раз колёса отстают* (Тв.) — бессоюзие и подчинение; *Пьеру все были рады; все желали видеть его, и все расспрашивали его про то, что он видел* (Л. Т.) — бессоюзие, сочинение и подчинение.

При комбинировании различных видов связи один является доминирующим. Например: *Грохот и треск нёсся с окружных гор; задымились лесные опушки, и нельзя было понять, как это ещё жив здесь хоть один человек* (А. Т.) — бессоюзие; *Казаки были разбиты, но Кожух не трогался с места, хотя надо было выступать во что бы то ни стало* (А. С.) — сочинение. С учетом этого многочленное сложное предложение характеризуется и именуется по доминирующей связи, например: бессоюзное сложное с сочинением и подчинением, сложносочиненное с подчинением.

Конечно, такая схематичная характеристика не исчерпывает анализа многочленного сложного предложения, который должен включать и установление видов отношений при сочинении, подчинении, бессоюзии, и определение средств связи, и указание видов придаточных, и вывод об иерархии подчинения при наличии нескольких придаточных.

Основные формы синтаксической организации текста

РЕЧЬ И ТЕКСТ

Структурные средства языка, его единицы реально воплощаются в речевой деятельности человека. Рассмотренные нами единицы синтаксиса — словосочетание и предложение — получают в речи конкретное лексическое наполнение и становятся носителями конкретной информации. Мы изучаем структурную организацию и грамматические значения синтаксических единиц на «примерах», т. е. на конкретных высказываниях. Мы их условно изолировали, извлекли из целостных по смыслу сложных объединений — текстов.

Текст — это конкретный продукт, результат речевой деятельности. Он строится по абстрактным грамматическим схемам, по обобщенным правилам, но заключает конкретный фрагмент «картины мира».

Минимальный текст — это завершенное высказывание. Если текст состоит из двух высказываний, то встает вопрос о их соотношении, связи. Чем больше, объемнее текст, тем сложнее его организация.

Изучение синтаксической организации текста заключается в описании его единиц, фрагментов, в характеристике средств их объединения.

МОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Для ситуации речевого общения обязательны два участника — говорящий и адресат. По характеру их участия различается два вида речевой деятельности — речь монологическая и диалогическая.

В монологической речи активным является только говорящий. Адресат не всегда принимает непосредственное участие в речевом акте: он может быть отделен, отстранен в

пространстве или во времени; его реакция на речь говорящего не предусмотрена этой формой речи. Например:

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталём загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Ещё всё спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шёпотом — боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжёлые утки. Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костёр горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце — солнце бесконечного летнего дня.

Так мы живём в палатке на лесных озёрах по нескольку дней. Наши руки пахнут дымом и брусникой — этот запах не исчезает неделями. Мы спим по два часа в сутки и почти не знаем усталости. Должно быть, два-три часа сна в лесах стоят многих часов сна в духоте городских домов, в спёртом воздухе асфальтовых улиц. (Пауст.)

В монологе говорящий является полновластным распорядителем языковых средств, их выбора, соединения. Как правило, в тексте преобладают повествовательные предложения, не предполагаются вопросы и ответы. Но если они и используются, то выступают как средства «оживленной» манеры речи или отражают ход рассуждений говорящего:

Я снова попытался вступить в беседу с бригадиром; но он, видимо, устал, опустился, кряхтя, на лежанку и, простонав: «Ой, ой, косточки, косточки», развязал свои подвязки. Помнится, меня тогда удивило, как это у мужчины могли быть подвязки? Я не сообразил, что в прежнее время все их носили. Бригадир принялся зевать продолжительно и откровенно, не спуская с меня отупелых глаз: так зевают очень маленькие дети. Бедный старик, казалось, не совсем даже понимал мои вопросы... И он брал Прагу! Он, со шпагой наголо, в дыму, в пыли — в челе ['впереди'] *суворовских солдат, простреленное знамя над головой, обезображенные трупы под ногами... Он... он? Не удивительно ли? Но мне всё-таки сдавалось, что в жизни бригадира происходили события*

ещё более необыкновенные. Огурец принёс белого квасу в железном ковшике; бригадир напился с жадностью — руки его тряслись. Огурец поддерживал дно ковшика. Старик старательно отёр свой беззубый рот обеими ладонями — и снова, уставившись на меня, зажевал и зачмокал губами. Я понял, в чём дело, раскланялся и вышел из комнаты. (Т.)

В диалогической речи активно участвуют и говорящий, и адресат, причем они меняются ролями. При этом один говорящий может пользоваться речевым материалом другого, строя свою реплику с опорой на речь собеседника, который в этот момент является адресатом:

— *Медаль по этому случаю получил.*

— *За что?*

— *За спасение утопшего.* (А. С.)

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Вопрос о сущности, статусе сложного синтаксического целого является спорным. Можно встретить даже утверждение, что сложное синтаксическое целое является единицей языка (правда, это положение серьезно не аргументируется, да и вряд ли можно найти веские аргументы). Сложное синтаксическое целое не имеет ни собственного грамматического значения, ни четко выраженной грамматической формы. Оно вычленяется из текста.

Сложное синтаксическое целое — это компонент текста, представляющий собой ряд высказываний, которые объединены общей темой и имеют структурные показатели связи:

Оленин на вид казался совсем другим человеком. Вместо бритых скул у него были молодые усы и бородка. Вместо истасканного ночною жизнью желтоватого лица — на щеках, на лбу, за ушами был красный, здоровый загар. Вместо чистого, нового чёрного фрака была белая, грязная, с широкими складками черкеска и оружие. Вместо свежих крахмальных воротничков — красный ворот канаусового бешмета, который стягивал загорелую шею. Он был одет по-черкесски, но плохо: всякий узнал бы в нём русского, а не джигита. Всё было так, да не так. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьем, весёлостью и самодовольством. (Л. Т.)

Несомненными чертами сложного синтаксического целого являются и тематическое единство, и выражение отношений равнозначности/неравнозначности в их частных разновидностях между предложениями, и наличие средств связи. В сложном синтаксическом целом более или менее отчетливо выделяются такие элементы композиции смысла, как з а ч и н, р а з в и т и е до кульминационного момента (или противоречия) и к о н ц о в к а. Так, в приведенном тексте темой является «изменение внешнего вида Оленина в станице»; зачин представлен первым предложением, по отношению к которому последующие высказывания являются пояснительными. Компоненты описания (развитие темы) представляют собой четкие детали, оформленные предложениями однотипной структуры, с отношениями аналогичности. Кульминация (противоречие) представлена ключевым высказыванием *Всё было так, да не так.* Концовка — последнее высказывание — представляет собой вывод (включая самооценку: *самодовольством*). Структура данного сложного синтаксического целого создана элементами параллельной и цепной (последовательной) связи. Показателями цепной связи служат: лексическое дублирование (*Оленин — он*), родо-видовые и видовые лексические отношения (*вид — скулы, усы, бородка, щёки, лоб, уши; фрак — черкеска*), обобщающие слова (*все, всякий, то, вся*), служебные слова (*вместо, несмотря на*).

Сложное синтаксическое целое не имеет определенной количественной характеристики (размер, число предложений и пр.), его четкие границы не всегда можно установить в тексте.

Показателями связи и одновременно показателями развития событий являются глагольные видо-временны́е формы. Вместе с лексическими средствами связи и союзами они оформляют единство сложного синтаксического целого:

*Итак, **Марья Андреевна** с и д е л а у окна и с м о т р е л а на улицу. Трудно было бы сказать, о чём **она** д у м а л а и в состоянии ли **она** вообще о чём-нибудь думать. **Впрочем**, этим никто не интересовался. Поднималась **она** раньше всех в доме и этим д о с а ж д а л а прислуге. **Потом** ш л а к заутрене — д о с а ж д а л а дворнику; **потом** п р и х о д и л а из церкви прямо к чаю и д о с а ж д а л а решительно всем, потому что всякому до*

себя, а эта старуха только мешается. Одним словом, в богатом доме ей не было места, и она это чувствовала. Чуть кто п о д о й д ё т — она сейчас же п о д н и м е т с я и п е р е й д ё т на другое место. (М.-С.)

Способы передачи чужой речи

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Когда говорящий в процессе речевой деятельности производит текст, может возникнуть потребность передать чужую речь, включить ее содержание в информацию.

Ч у ж а я р е ч ь — это речь другого лица по отношению к говорящему. Состоявшаяся ранее чужая речь (а также собственная) может быть передана говорящим различными способами. С помощью делиберативного объекта в простом предложении передается тема чужой речи: *Отец рассказал мне о своей поездке в Петербург.* Посредством объектного инфинитива в осложненном простом предложении выражается общее содержание чужой речи — волеизъявление: *Я просила его быть аккуратным* (В.).

Прямая речь — это буквальная передача чужой речи: *«Кто же твоя мама?» — спросил Потапов девочку* (Пауст.).

Максимально полная передача содержания чужой речи, но без сохранения ее формы и стиля достигается с помощью косвенной речи: *Потапов спросил девочку, кто её мама.*

П р я м а я р е ч ь — особое синтаксическое образование, способ дословной передачи чужой речи. Она состоит из двух частей — ввода и чужой речи, которые различаются по функции и по стилю: *Кто-то сказал: «Многие одержимы страстью писать книги, но редкие стыдятся их потом»* (М. Г.).

Конструкция прямой речи не представляет собой сложного предложения, не имеет четких грамматических показателей. Скрепляющим элементом являются вводящие глаголы со значением речи-мысли, при которых позицию делиберативного

объекта замещает чужая речь (ср.: *сказал правду, произнёс речь*).

Конструктивно прямая речь различается взаимным расположением ввода и чужой речи: *Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил: «Что же нам с ним делать?» — «Выдрать», — сказал я. «Не поможет, — сказал Лёнька. — У него с детства характер такой»* (Пауст.). Пунктуация при прямой речи отражает это различие частей: они отделяются двоеточием или тире, чужая речь выделяется кавычками (или тире).

Прямая речь имеет сложную п у н к т у а ц и ю. Главная ее задача — по-разному обозначить слова автора и чужую речь. Постановка знаков препинания зависит от взаимного расположения двух частей:

1) если слова автора стоят впереди, то после них ставится двоеточие, чужая речь заключается в кавычки: *Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил: «Что же нам с ним делать?»*;

2) если впереди стоит чужая речь, то она заключается в кавычки, а после нее ставится тире; чужая речь завершается одним из знаков конца предложения (вопросительный, восклицательный знаки; многоточие), а повествовательное простое предложение чужой речи отделяется от следующих слов автора запятой и тире: *«Где же твоя мама?» — спросил Потапов девочку* (Пауст.); *«Про тёлку это я вам выдумал», — сказал мальчик после долгого молчания* (Пауст.);

3) если слова автора находятся в середине и прерывают чужую речь, то они выделяются с двух сторон запятой и тире, а вторая часть чужой речи пишется со строчной буквы: *«Меня зовут Аркадий Николаевич Кирсанов, — проговорил Аркадий, — и я ничем не занимаюсь»* (Т.); если чужая речь не разрывается, то после нее ставится вопросительный, или восклицательный знак, или запятая, слова автора выделяются тире и после них ставится точка, а вторая часть чужой речи пишется с прописной буквы: *«Иван Андреич! — позвал кто-то из соседней комнаты. — Вы дома?»* (Ч.)

К о с в е н н а я р е ч ь — это способ передачи чужой речи от лица говорящего, автора. В отличие от прямой речи здесь чужая речь меняется, из нее устраняются все слова и формы, которые указывают на лицо — автора этой речи и на лицо-адресата (собеседника). Ср.: *«Где же твоя мама?» — спросил*

Потапов девочку. (Пауст.) — *Потапов спросил девочку, где её мама* — в прямой речи местоимение *твоя* указывает на адресата, в косвенной речи оно заменяется местоимением *её*.

Косвенная речь имеет форму сложноподчиненного предложения, в котором слова автора (ввод) представляют собой главную часть, а чужая речь передана в виде придаточной. Это изъяснительные предложения с придаточными дополнительными.

Перестройка прямой речи в косвенную делается по определенным правилам:

1) форма 1-го лица глагола заменяется формой 3-го лица;

2) личные местоимения 1—2-го лица, а также притяжательные *мой, твой* заменяются местоимением 3-го лица (или употребляется существительное);

3) если чужая речь представляет собой побудительное предложение, то форма повелительного наклонения заменяется формой сослагательного наклонения (с союзом *чтобы*);

4) если чужая речь — вопросительное предложение, то вопросительное местоимение (или наречие) становится относительным, т. е. употребляется как союзное слово: *Потапов спросил девочку, где её мама;* а при отсутствии вопросительных местоимений или наречий в косвенную речь вводится *ли* в качестве подчинительного союза:

Я спросил брата: «Ты принёс книгу?» → Я спросил брата, принёс ли он книгу;

«Шесть часов сижу здесь», — объявил Мамаев, взглянув на золотые часы. (М. Г.) → *Мамаев объявил, что сидит здесь шесть часов*;

«А снасть-то где?» — вдруг спросил Гаврила, беспокойно оглядывая лодку. (М. Г.) → *Гаврила вдруг спросил, где снасть.*

При замене прямой речи косвенной речью «сглаживается» стиль чужой речи: изменяется порядок слов, опускаются частицы эмоционального значения (например, *же, -то*), междометия, а также обращения, вводные слова. Ср.:

«Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу». (П.) — *Комендантша сказала, что отправит Машу*;

«А как вы попали ночью в лес, наша спасительница?» — шутливо спросил Зуев. (Пауст.) — *Зуев шутливо спросил,*

как она попала ночью в лес (в косвенной речи оказывается «ненужным» слово *шутливо*, которое в тексте связано с шутливым обращением *наша спасительница*).

Замена прямой речи косвенной речью невозможна, если чужая речь представляет собой эмоциональное восклицательное предложение: *Старик шёл и, спотыкаясь о травы, повторял: «**Какой аромат, граждане, какой упоительный аромат!**»* (Пауст.) Кроме того, косвенная речь строится только с глаголами говорения (это значение должно быть основным, прямым): *«**Что скалишь зубы-то?**» — с яростью захрипел Захар* (Гонч.) — перестройке в косвенную речь препятствует глагол *захрипел*.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Особенная, экспрессивная форма передачи чужой речи — это несобственно-прямая речь, которая представляет собой подробный пересказ говорящим чужой речи «своими словами», но с сохранением некоторых элементов стиля другого лица: *Вот предстоящая свадьба и была причиной, почему Александр Вадимыч поморщился. Где найти подходящего жениха? Чёрт его знает! Намечается, пожалуй, князь, но как его сосватать, когда он в дом ездит, даже по ночам, говорят, видается с Катей в саду, а не сватается — нахал.* (А. Т.)

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Диалогическое единство — это структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи. Оно обеспечивается наличием одной темы, согласием/несогласием собеседников. По структуре диалогическое единство представляет собой последовательность взаимосвязанных реплик. Они объединяются не только накоплением информации по данной теме, но и мотивированностью форм, сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплику:

— *Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?*

— *На богомолье.*

— *Час добрый! Куда?*

— *В пу́стынь.*

— *Один?*

— *Нет, нас много, и крестница твоя.* (Остр.)

Связь реплик осуществляется либо в виде цепочки взаимосвязанных словоформ, либо через параллельность, однотипность строения:

— *Кто тут? — спросил я.*

— *Человек... с палкой!..*

— *Палка и у меня есть...*

— *А спички есть?*

— *И спички.*

— *Вот хорошо!* (М. Г.)

Пунктуация

ПРИНЦИПЫ ПУНКТУАЦИИ

Пунктуация как раздел науки о языке, как система научных знаний имеет свой предмет, свои задачи.

П у н к т у а ц и я как система знаков препинания и правил их употребления — необходимый компонент письменной формы речи. Пунктуация имеет обязательный и общественный характер; значение и употребление знаков препинания определяется нормой, одинаковой для пишущего и читающего. Текст, написанный без знаков препинания (и без прописных букв!), читается в три—пять раз медленнее, чем текст грамотно оформленный. С помощью пунктуации передается членение текста, его целенаправленность, структура и основные особенности интонации:

Далеко над морем блеснула молния и послышались глухие раскаты грома.

— *Как душно перед грозой! — сказал фон Корен. — Бьюсь об заклад, что ты уже был у Лаевского и плакал у него на груди.*

— *Зачем я к нему пойду? — ответил доктор, смутившись. — Вот ещё!* (Ч.)

П р и н ц и п ы р у с с к о й п у н к т у а ц и и — это основы современных пунктуационных правил, определяющих оптимальное использование знаков препинания. Надо помнить,

что назначение знаков препинания — помогать отразить на письме звучащую речь таким образом, чтобы ее можно было понять, воспроизвести однозначно, без вариантов. Задача очень сложная. Знаки препинания отражают смысловое и структурное членение речи, а также ее ритмико-интонационное строение.

Вряд ли можно построить все правила на одном принципе — смысловом, формальном или интонационном. Например, стремление отразить все структурные компоненты интонации очень осложнило бы пунктуацию, так как пришлось бы отмечать знаками все паузы: *Мой отец ‖ был бедный крестьянин; Над лесом ‖ взошла луна; Дед попросил Ваню ‖ нарубить и принести дров* и т. д. Отсутствие знаков в таких положениях не затрудняет чтение текстов, воспроизведение их интонации. Не отражается знаками препинания с полной последовательностью и формальное строение предложения, например, однородные сочинительные ряды при одиночном *и*: *Приметы связаны со всем: с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью звёздного света* (Пауст.).

Современная пунктуация опирается и на смысл, и на структуру, и на ритмико-интонационное членение высказывания в их взаимодействии.

Знаки препинания — это графические (письменные) знаки, нужные для того, чтобы расчленить текст на предложения, передать на письме особенности строения предложений и их интонацию. Знаки препинания употребляются по правилам, которые необходимо для того, чтобы пишущий и читающий одинаково понимали смысл и строение текста.

Русские знаки препинания включают:

1) точку, вопросительный знак, восклицательный знак — это знаки конца предложения;

2) запятую, тире, двоеточие, точку с запятой — это знаки разделения частей предложения;

3) скобки, кавычки («двойные» знаки), которые выделяют отдельные слова или части предложения, для этого же употребляются запятая и тире как парные знаки; если выделяемая конструкция стоит в абсолютном начале или в конце предложения, то употребляется одна запятая или тире: *Я в деревне скучал, **как щенок взаперти*** (Т.); ***Кроме рек, в Ме-***

щорском крае много каналов (Пауст.); *«Эй, а ты куда, мамаша?»* — *«А туда ж, — домой, сынок»* (Тв.);

4) многоточие; будучи знаком «смысловым», оно может ставиться в конце предложения для указания на особую значимость сказанного или в середине для передачи сбивчивой, затрудненной либо взволнованной речи: *Что такое ужин? Проза. Вот луна, звёзды...* (Остр.); *«Отец, не кричи. Я тоже скажу... ну, да! Ты прав... Но твоя правда узка нам...»* — *«Ну да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А вы...»* (М. Г.)

Особое, сложное значение передают сочетания знаков препинания. Так, употребление вместе вопросительного и восклицательного знаков оформляет риторический вопрос (т. е. усиленное утверждение или отрицание) с эмоциональной окраской: *Кто же из нас не думал там о войне?! Конечно, все думали* (Сим.); *Негодяй и вор, одним словом. И за такого человека выходить замуж? Жить с ним?!* (Ч.)

Соединение разных значений может достигаться сочетанием запятой и тире как е д и н ы м знаком препинания (чаще они могут ставиться рядом, каждый по своему правилу: например, тире в бессоюзном сложном предложении после запятой, не передающей обособление). Например: *Над лесом небо прояснилось, — бледное солнце пролилось на серые колокольни Белоомута* (Пауст.) — грамматическая однородность, перечисление передается запятой, а с помощью тире подчеркивается значение следствия-результата; ср.: *Ты, брат, — это батальон. Полк. Дивизия* (Тв.) — тире употреблено между подлежащим и сказуемым (перед частицей-связкой *это*), а запятыми выделено обращение.

В а р и а н т ы употребления знаков препинания предусмотрены пунктуационными правилами. Если допускается постановка разных знаков, то обычно один из них является основным, т. е. ему предоставляется преимущество. Так, вставные конструкции выделяются, как правило, скобками: *Через несколько дней мы четверо (не считая всевидящих и вездесущих мальчишек) так сдружились, что почти всюду ходили вчетвером* (Пауст.). Допускается выделение вставной конструкции с помощью двух тире: *А в середине мая была гроза и такой ливень, что по улице — она была не ровная, а покатая — бурно катилась целая река жёлтой воды* (С.-Ц.).

Для скобок данное употребление является основным, а для тире — одним из многих и второстепенным.

Варианты употребления знаков препинания предусмотрены правилами оформления бессоюзных сложных предложений. Например, при пояснении или мотивации вместо основного знака двоеточия употребляется тире: *Разлука призрачна — мы будем вместе скоро* (Ахм.). При обособлении определений и приложений наряду с запятыми могут быть употреблены тире: *Море — седое, зимнее, невыразимо угрюмое — ревело и неслось за тонкими бортами, как Ниагара* (Пауст.); *Цветная осень — вечер года — мне улыбается светло* (Марш.). Возможно выделение обособленных определений и приложений двумя знаками — запятой и тире одновременно: *Долетел спокойный мужественный гудок, — океанский, в три тона* (Пауст.). Варианты постановки знаков допускаются и некоторыми другими правилами: в частности, запятой и точки с запятой в бессоюзном сложном предложении, запятой и восклицательного знака при обращении, восклицательного знака и вопросительного с восклицательным при риторическом вопросе и др.

В некоторых случаях проявляется вариантность в возможности употребления или неупотребления знаков препинания. Например, оборот с предлогами *кроме, наряду с* и др. («обособленное дополнение») может быть не выделен, если употреблен со значением включения; непоследовательно выделяются вводные слова: *действительно, в самом деле, прежде всего, преимущественно* и др. (они могут выделяться вместе с присоединяемым существительным).

Необязательные (факультативные) знаки препинания — это знаки, постановка которых четко не определена правилами пунктуации. Их употребление связано с передачей на письме паузы, которая или отражает пропуск слова (в месте пропуска ставится тире): *Нет, товарищ, не забудь на войне жестокой: у войны короткий путь, у любви — далёкий* (Тв.); *Есть захотелось, пояс — потуже, в руки винтовку и на фронт* (М.), или подчеркивает отсутствие грамматической связи между стоящими рядом словоформами, не составляющими словосочетания (в этом месте ставится тире): *В этом крике — жажда бури* (М. Г.); *За городом — поле. В полях — деревеньки. В деревнях — крестьяне* (М.).

ПУНКТУАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В художественном тексте знаки препинания прежде всего выполняют общую функцию русской пунктуации, т. е. осуществляют грамматическое и смысловое членение текста. Одна из общих задач пунктуации — участие в передаче на письме интонации предложения. Для художественного текста эта задача очень важна. Чтение («воспроизводство») его требует особенно выразительной интонации. По этому поводу писатель К. Г. Паустовский высказался образно и очень точно: «Знаки препинания — это как нотные знаки». Поэтому автор художественного текста — прозаик, поэт и, особенно, драматург — должен учитывать необходимость правильного «прочтения» знаков.

Особенной смысловой емкостью и выразительностью обладают д в о е т о ч и е и т и р е, которые авторы порой употребляют одно вместо другого, желая усилить какой-либо оттенок смысла. Например: *Тёркин знал, что в этой схватке он слабей: не те харчи* (Тв.) — двоеточие в соответствии с правилом передает значение мотивации, причины; *Пускай толпа растопчет мой венец: венец певца, венец терновый* (Л.) — двоеточие употреблено вместо «правильного» тире и подчеркивает пояснительное значение.

Т и р е нередко употребляют вместо запятой для передачи (и чтения) паузы; эта особенность интонации привлекает внимание, усиливает значение следствия, противопоставления: *Послушайте! Ведь если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?* (М.); *Знаете что, скрипка? Мы ужасно похожи: я вот тоже ору — а доказать ничего не умею!* (М.) Наконец, тире используется как чисто «авторский» знак препинания, который обозначает и заставляет воспроизвести паузу (по общим правилам, никакого знака в этом месте быть не должно). Так подчеркивается значительность сказанного, в особенности части высказывания после тире: *Закона — нет. Есть — команда. Налево кругом марш! И — ступай!* (М. Г.)

Многообразные функции выполняет в художественном тексте м н о г о т о ч и е; в основном они относятся к изобразительности, выразительности речи. Чаще всего этот знак препинания оформляет речь взволнованную или затруднен-

ную. Он употребляется и тогда, когда говорящий останавливается, подбирая слово (или слова): *Тебе нужно согласиться, что с этим рабочим ты вела себя... довольно бестолково* (М. Г.). Многоточие также может указывать на то, что в речи сообщается о неожиданных поворотах событий:

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина качнулась...
И Таня в ужасе проснулась... (П.)

С помощью многоточия оформляется прерванное высказывание, а также передается косноязычная речь: *Да какое вы имеете право? Да как вы смеете? Да вот я... Я служу в Петербурге. Я, я, я...* (Г.)

Пунктуация авторская — это постановка знаков препинания, не предусмотренных правилами (не путать с факультативными знаками!). Автор вкладывает в эти знаки свое содержание, решает свои изобразительные задачи. Например: *Я сам всё знаю! Я — видел небо...* (М. Г.) — здесь тире передает паузу, с помощью которой говорящий подчеркивает значительность сказанного, а также собственную «значительность»; *Огонь пулемётный площадь остриг. Набережные — пусты* (М.).

Авторские знаки препинания не являются произвольными и «пустыми», они передают какой-либо добавочный смысл. Чаще всего в качестве авторских знаков используются тире и многоточие. Тире обычно подчеркивает противопоставление и выделение второй (после знака) части: *Рождённый ползать — летать не может!..* (М. Г.); *А уснуть захочу после долгих погонь, я к тебе прилечу — мотыльком на огонь* (Рожд.); *Снова сунутся? Ну что же, в обороне нынче — я...* (Тв.); *Разве ты можешь супротив закону идти? А ты — пошёл!* (М. Г.)

Аналогично может употребляться многоточие, но чаще всего оно передает речь сбивчивую, взволнованную или затрудненную, «корявую»: *Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лёжа в постели, кофе пью... кофе! — со сливками... да!* (М. Г.)

Для художника сло́ва авторский знак препинания не только знак добавочного смысла, но и знак настроения, чувства: *Луг — болото — поле — поле, над речонкой ивы. Сладко дышится на воле! Все цветы красивы!* (Бальм.)

Рекомендуемая литература

Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979.

Бабайцева В. В., Иванов В. В., Максимов Л. Ю. и др. Современный русский литературный язык. М., 1981. Ч. 1—3.

Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избр. труды: Исслед. по русской грамматике. М., 1975.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979.

Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1974.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Условные сокращения

адъект. — адъективный
англ. — английский
арх. — архитектура
археол. — археология
астр. — астрономия
бот. — ботаника
бран. — бранный
быт. — бытовой
вин. п. — винительный падеж
воен. — военный
вост.-сл. — восточнославянский
высок. — высокий
геогр. — география
геол. — геология
герм. — германский
гл. — глагол
гол. — голландский
гр. — греческий
груб. — грубый
дат. п. — дательный падеж
дееприч. — деепричастие
действ. — действительный
дел. — деловой
диал. — диалектный
донск. — донской
др.-русск. — древнерусский
ед. ч. — единственное число
ж. р. — женский род
знач. — значение
зоол. — зоология
им. п. — именительный падеж
инф. — информатика
ирк. — иркутский
ирон. — иронический
иск. — искусство
исп. — испанский
ист. — история
ит. — итальянский
кат. сост. — категория состояния
книжн. — книжный
косв. п. — косвенный падеж
кр. ф. — краткая форма
ласк. — ласкательный
лат. — латинский
матем. — математика
мед. — медицина
мн. ч. — множественное число
морск. — морской
м. р. — мужской род
муз. — музыка
нар. — наречие
нар.-поэт. — народнопоэтический
насмешл. — насмешливый
нейтр. — нейтральный
неодобр. — неодобрительный
нем. — немецкий
неопр. ф. — неопределенная форма
несов. — несовершенный вид
новг. — новгородский
обл. — областной
общесл. — общеславянский
одобр. — одобрительный
офиц. — официальный
перен. — переносный
польск. — польский
предл. — предлог
предл. п. — предложный падеж
презр. — презрительный
пренебр. — пренебрежительный
прил. — прилагательное
прост. — просторечный
проф. — профессиональный
разг. — разговорный
род. п. — родительный падеж
ряз. — рязанский
сев. — северный
сказ. — сказуемое
скл. — склонение
сов. — совершенный вид
спец. — специальный
спорт. — спортивный
спр. — спряжение
ср. р. — средний род
страд. — страдательный
ст.-сл. — старославянский
сущ. — существительное
твор. п. — творительный падеж
техн. — техника
уменьш. — уменьшительный
унич. — уничижительный
ур. — уральский
устар. — устарелый
фамил. — фамильярный
физ. — физика
фин. — финансы
фр. — французский

хим. — химия
числ. — числительное
швейн. — швейное дело
шутл. — шутливый
южн. — южный

Абр. — Ф. Абрамов
А. К. Т. — А. К. Толстой
Ант. — С. Антонов
Арс. — В. Арсеньев
А. С. — А. Серафимович
Аст. — В. Астафьев
А. Т. — А. Н. Толстой
Ахм. — А. А. Ахматова
Б. — И. А. Бунин
Баж. — П. Бажов
Бальм. — К. Д. Бальмонт
Б. В. — Б. Васильев
Бел. — В. Г. Белинский
Бл. — А. А. Блок
Б. П. — Б. Полевой
Бр. — В. Я. Брюсов
Бродск. — И. Бродский
Булг. — М. А. Булгаков
В. — В. В. Вересаев
Возн. — А. Вознесенский
Выс. — В. Высоцкий
Г. — Н. В. Гоголь
Газ. — из газет
Гайд. — А. Гайдар
Герц. — А. И. Герцен
Гил. — В. А. Гиляровский
Гл. — Ф. Гладков
Гонч. — И. А. Гончаров
Гр. — А. С. Грибоедов
Гран. — Д. Гранин
Грин — А. Грин
Д. — Ф. М. Достоевский
Добр. — Н. А. Добролюбов
Д. Х. — Д. Хармс
Евт. — Е. Евтушенко
Ес. — С. А. Есенин
И. и П. — И. Ильф и Е. Петров
Козл. — Я. Козловский
К. П. — Козьма Прутков
Кр. — И. А. Крылов
Купр. — А. И. Куприн
Л. — М. Ю. Лермонтов
Леск. — Н. С. Лесков
Лом. — М. В. Ломоносов
Л. Т. — Л. Н. Толстой
М. — В. В. Маяковский
Мак. — А. Макаренко
Манд. — О. Мандельштам
Марш. — С. Маршак
М. Г. — М. Горький
Меш. — Е. Мешалкин
Мин. — Д. Минаев
М.-П. — П. И. Мельников- Печерский
М.-С. — Д. Н. Мамин-Сибиряк
Н. — Н. А. Некрасов
Н. З. — Н. Задорнов
Ник. — С. Никитин
Остр. — А. Н. Островский
П. — А. С. Пушкин
Паст. — Б. Пастернак
Пауст. — К. Паустовский
Перм. — Е. Пермитин
Пир. — Н. И. Пирогов
Пог. — поговорка
Посл. — пословица
П. П. — П. Павленко
Пришв. — М. М. Пришвин
Расп. — В. Распутин
Рожд. — Р. Рождественский
Сим. — К. Симонов
Сол. — В. Солоухин
Ст. — К. С. Станиславский
С.-Ц. — С. Сергеев-Ценский
С.-Щ. — М. Е. Салтыков-Щедрин
Т. — И. С. Тургенев
Тв. — А. Твардовский
Тел. — Н. Д. Телешов
Тих. — Н. Тихонов
Тр. — Г. Троепольский
Тын. — Ю. Тынянов
Ф. — К. Федин
Фет — А. А. Фет
Цв. — М. И. Цветаева
Ч. — А. П. Чехов
Чук. — К. Чуковский
Ш. — М. Шолохов
Шишк. — В. Шишков
Шукш. — В. Шукшин
Эр. — И. Эренбург
Ю. К. — Ю. Казаков

Содержание

Введение 3

Рекомендуемая литература 7

Лексикология

Лексика 8

Лексическая семантика 9

Слово как основная номинативная единица языка 9

Форма и значение слова 9

Структура значения слова 13

Типы лексического значения слова 15

Структура значения многозначного слова 17

Лексико-семантическая парадигматика 22

Историческое формирование лексики русского языка 33

Исконно русская лексика 34

Заимствованная лексика 37

Славянские заимствования 38

Иноязычные заимствования 40

Функционально-социальная характеристика лексики русского языка 43

Общенародная лексика 43

Лексика ограниченного употребления 46

Активная и пассивная лексика 47

Устарелая и новая лексика 47

Терминологическая и профессиональная лексика 51

Жаргонная и арготическая лексика 53

Функционально-стилевая и стилистическая характеристика лексики русского языка 55

Фразеология 60

Фразеологизм как косвенно-номинативная единица языка 61

Структура значения фразеологизма 65
Форма, структурный тип и формоизменение фразеологизма 66
Вариантность фразеологизма 68
Фразеолого-семантическая парадигматика 69
Функционально-социальная характеристика фразеологизмов 72

Лексикография 74

Рекомендуемая литература 80

Фонетика. Орфоэпия

Фонетика 82

Методы изучения фонетики 83
Звуковое членение речи 84
Фонетическая транскрипция 86
Гласные и согласные звуки 87
Классификация согласных звуков 88
Классификация гласных звуков 93
Слог 96
Ударение 100
Фонетическая природа ударения 100
Место ударения в слове 101
Клитики 102
Слабое ударение 103
Побочное ударение 104
Фразовое, тактовое и логическое ударение 104
Интонация 105
Фонема 108
Звуки речи и звуки языка 108
Понятие фонемы 109
Позиционные чередования 112
Сильные и слабые позиции 115
Дифференциальные и интегральные признаки фонем 117
Архифонема (слабая фонема) 119
Гиперфонема 120
Система фонем 120
Фонологические школы 122
Фонетические чередования 124
Чередование согласных звуков 124
Чередование звонких и глухих согласных 124

Чередование твердых и мягких согласных 125
Чередование согласных по месту и способу образования 126
Чередование согласных с нулем звука 127
Чередование долгих и кратких согласных 128
Чередование гласных звуков 128
Ударные гласные 129
Безударные гласные 131
Фонологическая система русского литературного языка 134
Состав гласных фонем 134
Состав согласных фонем 135
Подсистема гласных фонем 137
Подсистема согласных фонем 138
Фонетическая и фонематическая транскрипция 141

Орфоэпия 142

Орфоэпические нормы в области гласных 145
Орфоэпические нормы в области согласных 146
Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм 150
Орфоэпические нормы заимствованных слов 151
Рекомендуемая литература 153

Графика. Орфография

Графика 154

Фонематический принцип графики 156
Позиционный принцип графики 156
Обозначение на письме фонемы <j> 157
Обозначение на письме твердости/мягкости согласных . 158
Гласные буквы после шипящих и *ц* 159
Значения букв 160

Орфография 162

Орфограмма 163
Передача буквами фонемного состава слова 164
Слитные, раздельные и дефисные написания 172
Употребление прописных и строчных букв 175
Перенос части слова на другую строку 176
Графические сокращения 177
Рекомендуемая литература 178

Морфемика. Словообразование

Морфемика 180

Морфема 181
Типы морфем 183
Функции морфем 186
Понятие членимости слова и его основы 188
Отделение основы от флексии 189
Морфемное членение основы. Степени членимости основ 194
Виды словообразовательных аффиксов 196
Морфемная структура слова 198
Морфонология 201
Русская морфемография (морфемная лексикография) . . 203

Словообразование 205

Предмет словообразования. Понятие производности . . . 205
Виды дериватов 209
Словообразовательная структура деривата 210
Способы словообразования 211
Аффиксальные способы словообразования 212
Безаффиксные (операционные) способы словообразования 215
Смешанные способы словообразования 218
Функции дериваторов и виды словообразования 219
Формально-смысловые отношения между дериватом и производящим 224
Степени производности 225
Семантические виды словообразовательной производности 227
Фразеологичность семантики деривата 227
Словообразовательные типы 229
Семантические разновидности словообразовательного типа 231
Словообразовательные морфонологические модели 232
Словообразовательные категории 232
Словообразовательное гнездо 234
Русская словообразовательная лексикография 235
Рекомендуемая литература 237

Морфология

Введение 238

Морфология как раздел грамматики 238
Грамматическое значение слова 239
Формальные грамматические средства 240
Грамматическая категория 242
Части речи 244
Основные этапы изучения морфологии 245

Самостоятельные части речи 248

Имя существительное 248
Лексико-грамматические разряды существительных 249
Грамматические разряды склоняемых и несклоняемых существительных 251
Несловоизменительные категории существительных . . 253
Категория одушевленности/неодушевленности 253
Категория рода 255
Словоизменительные категории существительных 258
Категория числа 258
Категория падежа 261
Типы склонения существительных 263

Имя прилагательное 272
Лексико-грамматические разряды прилагательных . . . 273
Грамматические классы прилагательных 276
Морфологические категории прилагательных 277
Категория полноты/краткости 278
Категория степеней сравнения 281
Типы склонения прилагательных 284

Имя числительное 287
Лексико-грамматические разряды числительных 288
Склонение числительных 292

Местоимение 293
Особенности значения местоименных слов 293
Грамматические разряды местоимений 296
Проблема местоимений как особой части речи 297
Склонение местоимений 299

Глагол 301
Лексико-грамматические разряды глаголов 304
Морфологические категории глагола 310
Категория вида 311
Категория предикативности/атрибутивности 320

Категория личности/безличности 321
Категория залога 324
Категория наклонения 326
Категория времени 329
Категория лица 333
Категория числа 334
Категория рода 335
Причастие и деепричастие как особые формы глагола . . 335
Словоизменение глаголов 340

Наречие 342
Лексико-грамматические разряды наречий 343
Степени сравнения наречий 343

Категория состояния (безлично-предикативные слова) 344
Особенности категории состояния как части речи 344
Лексико-грамматические разряды безлично-предикативных слов 345

Неизменяемые части речи 346

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА 347

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ 348

Предлог 348
Союз 349
Частицы 350

МЕЖДОМЕТИЕ 352
Рекомендуемая литература 353

Синтаксис

Введение 355

Предмет синтаксиса 355
Синтаксические средства 356
Методы изучения синтаксиса 357

Словосочетание 358

Понятие словосочетания 358
Структура словосочетания 360
Состав словосочетания 360
Синтаксические отношения между членами словосочетания 362
Типы связи слов в словосочетании 363
Типы словосочетаний 366

Глагольные словосочетания ... 367
Субстантивные словосочетания ... 369
Адъективные словосочетания 371
Наречные словосочетания 373
Местоименные словосочетания ... 374
Словосочетания с числительным в роли главного слова ... 375
Правила построения словосочетаний 376

Предложение 378

Предикативность ... 378
Интонация сообщения ... 380
Грамматическая организованность ... 382
Актуальное членение предложения ... 385
Типы предложений 387
Типы предложений по цели высказывания и по эмоциональной окраске ... 388
Повествовательные предложения 388
Побудительные предложения 388
Вопросительные предложения ... 391
Восклицательные предложения ... 394

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ... 395
Утвердительные и отрицательные предложения ... 396
Формы предложения ... 396

Двусоставные предложения ... 397
Подлежащее ... 398
Сказуемое ... 403
Связь главных членов предложения ... 418

Односоставные предложения ... 423
Глагольные односоставные предложения ... 424
Определенно-личные предложения ... 426
Неопределенно-личные предложения ... 427
Обобщенно-личные предложения ... 428
Безличные предложения ... 430
Инфинитивные предложения ... 432
Система глагольных предложений ... 434
Субстантивные односоставные предложения ... 437
Номинативные предложения ... 437
Генитивные предложения 439
Синонимия односоставных и двусоставных предложений ... 440

Нечленимые предложения ... 441

Структура распространенного предложения 443
Функции второстепенных членов предложения 444
Классификация второстепенных членов предложения . 447
Определение 448
Приложение 451
Дополнение 453
Обстоятельства 456
Переходные явления в области второстепенных членов предложения 459

Полные и неполные предложения 462

Предложения, осложненные обособленными членами 466
Сущность обособления 467
Условия обособления 468
Обособленные определения 471
Обособленные приложения 472
Обособленные обстоятельства 472
«Обособленные дополнения» 475
Сравнительные обороты 475
Присоединительные члены предложения 477

Предложения, осложненные однородными членами 478
Условия однородности 479
Средства выражения однородности 481
Структура сочинительного ряда 484

КОНСТРУКЦИИ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СТРУКТУРУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 486
Обращение 487
«Именительный представления» 488
Вводные конструкции 489
Вставные конструкции 494
Междометия 496

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ 496

Союзные сложные предложения 497
Сложносочиненные предложения 497
Соединительные предложения 499
Противительные предложения 501
Разделительные предложения 502
Присоединительные предложения 503
Предложения усложненной структуры 504
Сложноподчиненные предложения 504
Нерасчлененные сложноподчиненные предложения 506

Местоименно-соотносительные предложения 507
Субстантивно-атрибутивные предложения 509
Изъяснительные предложения 512
Расчлененные сложноподчиненные предложения 515
Придаточные временны́е 515
Придаточные сопоставительные 518
Придаточные условные 518
Придаточные причинные 520
Придаточные следственные 521
Придаточные целевые 522
Придаточные уступительные 523
Придаточные сравнительные 524
Сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными 525
Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными 526

Бессоюзные сложные предложения 528
Бессоюзные сложные предложения усложненной структуры 531
Многочленные сложные предложения 532

Основные формы синтаксической организации текста 533

Речь и текст 533
Монологическая и диалогическая речь 533
Сложное синтаксическое целое 535

Способы передачи чужой речи 537

Прямая и косвенная речь 537
Несобственно-прямая речь 540
Диалогическое единство 540

Пунктуация 541

Принципы пунктуации 541
Пунктуация в художественном тексте 545
Рекомендуемая литература 547
Условные сокращения 548

Учебное издание

Лекант Павел Александрович
Диброва Елена Иннокентьевна
Касаткин Леонид Леонидович
Клобуков Евгений Васильевич

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Под редакцией П. А. Леканта

Ответственный редактор *Н. Е. Рудомазина*
Редактор *Н. А. Страхова*
Художник *В. В. Голубева*
Технический редактор *Н. И. Герасимова*
Компьютерная верстка *В. В. Ивлиева*
Корректор *И. А. Никанорова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.
Подписано к печати 10.04.07. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 7348.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**
127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (495) 795-05-52.
Торговый дом «Школьник».
109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (495) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.
Магазины «Переплетные птицы»:
127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.
Тел.: (495) 912-45-76;
140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,
ул. Октябрьской революции, 366/2.
Тел.: (495) 741-59-76.
Интернет-магазин: http://www.drofa.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.